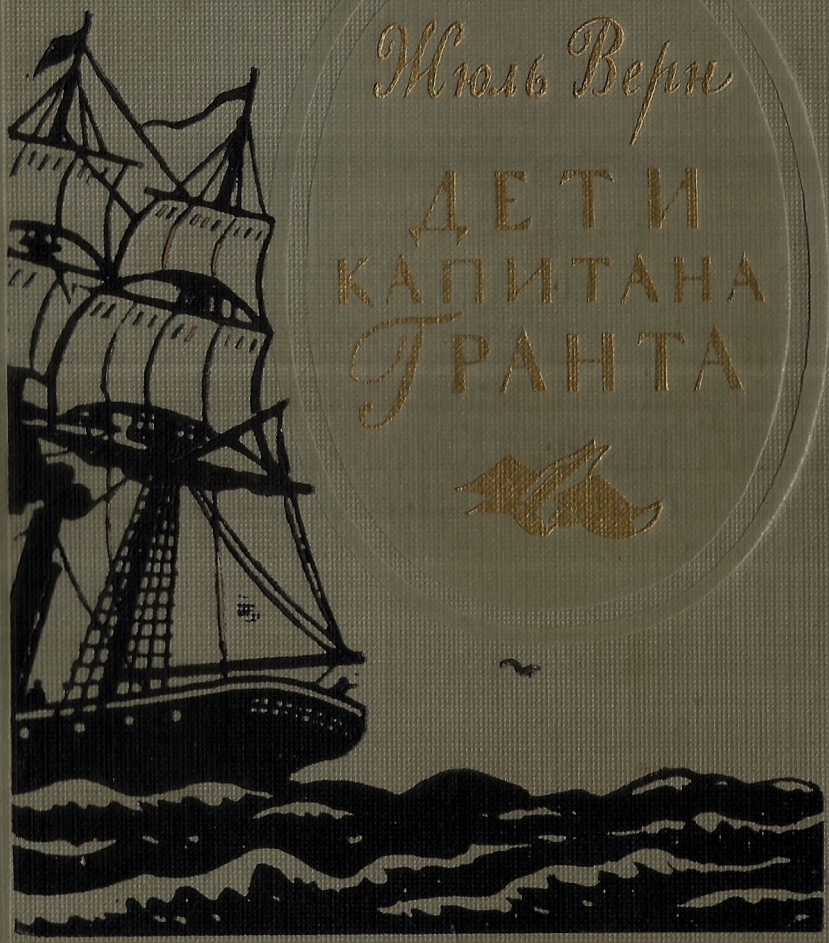
Жюль Верн
Дети капитана Гранта

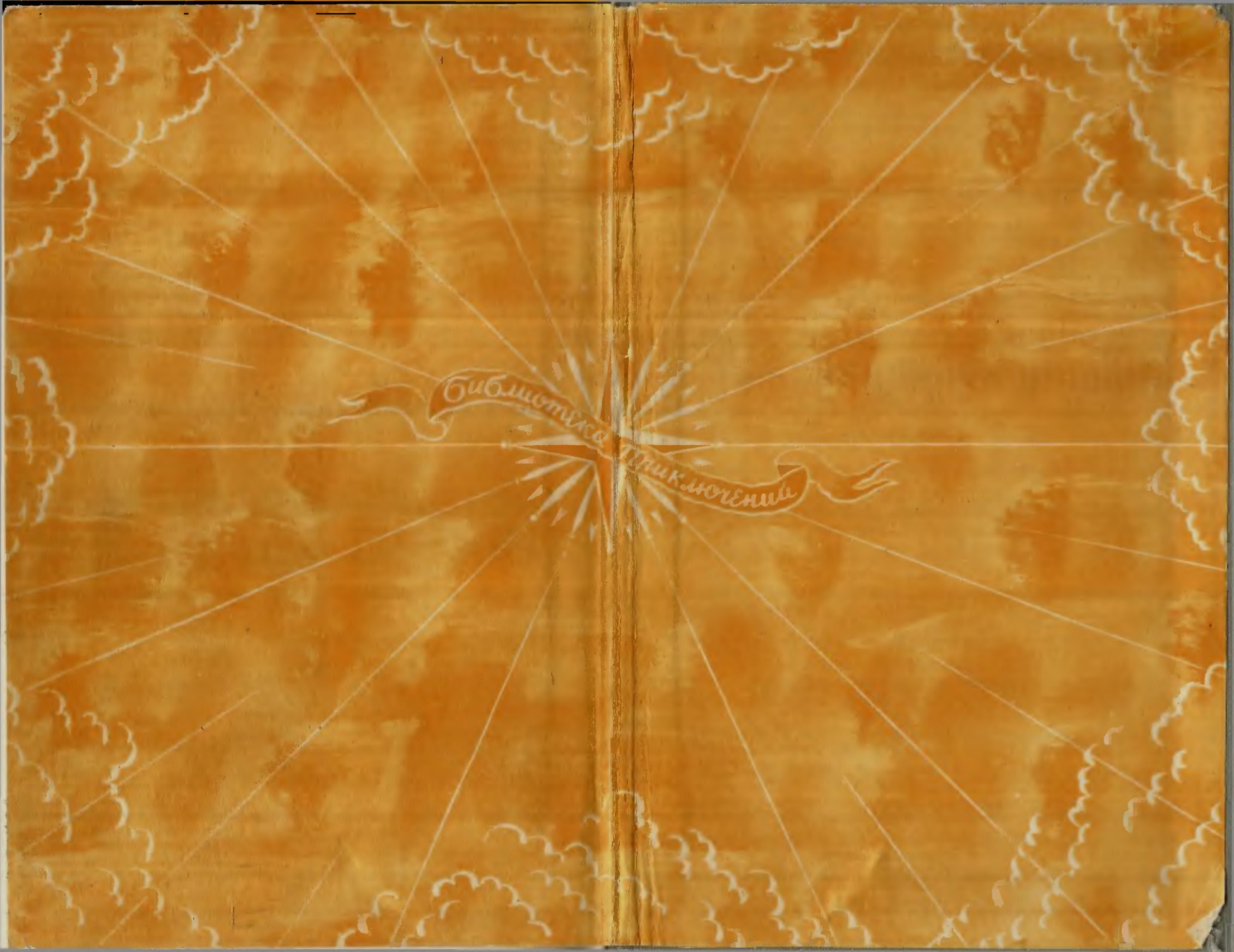


Жюль Верн

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

Библиотека приключений

ДЕТГИЗ · 1956


Библиотека приключений

Библиотека приключений

3

Государственное
издательство
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
Министерства
просвещения
РСФСР

Жюль Верн

ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА

МОСКВА
1956

Перевод с французского
А. БЕКЕТОВОЙ

Послесловие
Г. ЛЕНОБЛЯ

Иллюстрации
РИУ

Оформление
С. ПОЖАРСКОГО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

РЫБА-МОЛОТ

26 июля 1864 года по волнам Северного канала шла на всех парах при сильном норд-осте великолепная яхта. На ее бизань-мачте[1] развевался английский флаг, а на голубом вымпеле грот-мачты[2] виднелись шитые золотом буквы «Э.» и «Г.». Яхта эта носила название «Дункан» и принадлежала Эдуарду Гленарвану, виднейшему члену столь известного во всей Англии Королевского яхт-клуба Темзы.

На борту «Дункана» находились Гленарван со своей молодой женой Элен и один из его двоюродных братьев, майор Мак-Наббс.

Недавно в открытом море, в нескольких милях от залива Клайд, было произведено испытание этой яхты, и теперь она шла обратно в Глазго.

На горизонте уже вырисовывался остров Арран, когда стоявший на вахте матрос сигнализировал о том, что за кормой «Дункана» плывет какая-то огромная рыба. Капитан Джон Манглс немедленно приказал сообщить об этом Гленарвану, и тот в сопровождении майора Мак-Наббса не замедлил подняться на ют[3].

[1] Бизань-мачта — задняя мачта корабля.
[2] Грот-мачта — самая высокая мачта корабля.
[3] Ют — передняя часть судна.

— Скажите, что это за рыба, по-вашему? — спросил он капитана.

— Мне думается, сэр, что это крупная акула, — ответил Джон Манглс.

— Акула — в здешних водах! — воскликнул Гленарван.

— В этом нет никакого сомнения, — продолжал капитан: — такие акулы встречаются во всех морях и под всеми широтами. Это рыба-молот. Или я сильно ошибаюсь, или мы имеем дело с одной из этих подлых тварей. Если вы, сэр, согласны и миссис Гленарван доставит удовольствие присутствовать при такой любопытной ловле, то мы не замедлим узнать в точности, что это за рыба.

— А вы какого мнения, Мак-Наббс? — обратился Гленарван к майору. — Стоит ли нам заняться этой ловлей?

— Я заранее присоединяюсь к вашему мнению, — невозмутимо ответил майор.

— Вообще следует уничтожать как можно больше этих хищных тварей, — заметил Джон Манглс. — Воспользуемся же случаем, и мы увидим необычайное зрелище и заодно принесем пользу.

— Тогда за дело, Джон, — сказал Гленарван.

Вслед за этим он велел предупредить жену, и Элен, очень заинтересованная перспективой такой захватывающей рыбной ловли, поспешила на ют к мужу.

С капитанского мостика нетрудно было следить за всеми движениями акулы: она то ныряла, то с удивительной силой выскакивала на поверхность воды.

Джон Манглс отдал необходимые приказания. Матросы сбросили с правого борта яхты крепкий канат с крюком, на который была насажена приманка — большой кусок свиного сала. Прожорливая акула, хотя она и находилась ярдах[1] в пятидесяти от «Дункана», почуяла приманку и стала быстро догонять яхту. Видно было, как ее плавники, серые на концах и черные у основания, с силой рассекали волны, тогда как хвостовой придаток помогал ей удерживать безукоризненно прямое направ-

[1] Ярд равен 0,91 метра.

лище. По мере того как акула приближалась к яхте, все отчетливее выступали ее большие, горящие алчностью глаза навыкате; когда же она переворачивалась, из разинутой пасти выглядывало четыре ряда зубов. Голова у нее была широкая и напоминала двойной молот, насаженный на рукоятку. Джон Манглс не ошибся — это действительно была рыба, являющаяся самым прожорливым представителем семейства акул: рыба-молот.

И пассажиры и команда «Дункана» с напряженным вниманием следили за акулой. Вот она уже оказалась совсем близко от крюка, вот перевернулась на спину, чтобы поудобнее схватить его. Миг — и огромная приманка исчезла в ее объемистой пасти. Еще миг — и акула, сильно дернув за канат, сама насадила себя на крюк. Тут матросы, не теряя времени, принялись подтягивать добычу.

Акула, чувствуя, что ее вырывают из родной стихии, отчаянно забилась, но с ней быстро справились, накинув на хвост мертвую петлю и тем парализовав ее движения. Еще несколько мгновений — и акула была поднята над бортовыми сетками и сброшена на палубу. Тотчас же один из матросов осторожно приблизился к акуле и сильным ударом топора отсек ее страшный хвост.

Рыбная ловля закончилась. Больше нечего было бояться чудовища. Чувство мести моряков было удовлетворено, но не их любопытство. Надо сказать, что на всех судах принято тщательно осматривать желудок акул. Матросы, зная, до какой степени эта прожорливая рыба неразборчива, обыкновенно ждут от подобного осмотра какого-нибудь сюрприза, и ожидания их не всегда бывают напрасны.

Элен Гленарван не пожелала присутствовать при этом отвратительном «осмотре» и перешла в рубку. Акула еще дышала. Она была десяти футов[1] длины и весила больше шестисот фунтов[2]. Такая длина и вес обычны для рыбы-молота. Но, не будучи самой крупной среди пород акул, она считается одной из наиболее опасных.

Вскоре огромную рыбу без дальнейших церемоний вскрыли ударами топора. Крюк проник в самый желу-

[1] Фут равен 30,4 сантиметра.

[2] Фунт равен 409 граммам.

док, оказавшийся совершенно пустым. Очевидно, акула давно постилась. Разочарованные моряки уже собирались было выбросить акулу в море, как вдруг внимание помощника капитана привлек какой-то грубый предмет, основательно засевший в ее внутренностях.

— Э! Что это такое? — крикнул он.

— Да, верно, кусок скалы, проглоченный голодной акулой, чтобы нагрузиться балластом, — ответил один из матросов.

— Рассказывай! — отозвался другой. — Это просто-напросто ядро: оно попало в желудок этой твари и еще не успело там перевариться.

— Помалкивайте, вы! — вмешался в разговор помощник капитана Том Остин. — Разве вы не видите, что эта тварь была горькой пьяницей и, чтобы ничего не потерять, не только вылакала все вино, но проглотила еще и бутылку?

— Как! — воскликнул Гленарван. — Бутылка — в брюхе акулы?

— Настоящая бутылка, — подтвердил помощник капитана, — но, как видно, из погреба вышла она давненько.

— Ну, тогда, Том, выньте ее, да поосторожнее, — сказал Гленарван: — ведь бутылки, найденные в море, нередко содержат в себе важные документы.

— Вы так думаете? — проговорил майор Мак-Наббс.

— По крайней мере, мне кажется, что это возможно.

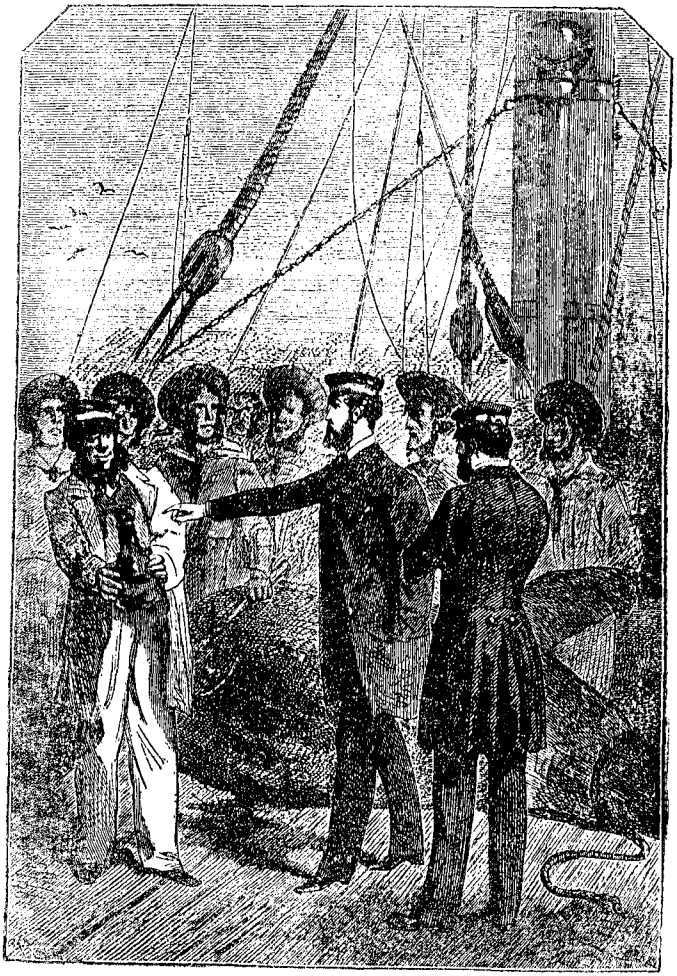
— О, я не спорю с вами, — отозвался майор. — Быть может, в этой бутылке и кроется какая-нибудь тайна.

— Сейчас мы это узнаем, — промолвил Гленарван. — Ну как, Том?

— Вот, — ответил помощник капитана, показывая какой-то бесформенный предмет, извлеченный им не без труда из внутренностей акулы.

— Хорошо! — сказал Гленарван. — Велите обмыть эту неаппетитную вещь, а затем принести ее в рубку.

Том выполнил приказание, и бутылка, найденная при таких странных обстоятельствах, вскоре была поставлена на стол в кают-компании. Вокруг стола разместились Гленарван, майор Мак-Наббс, капитан Джон Манглс и Элен — ведь говорят, что женщины всегда немного любопытны.



— Бутылки, найденные в море, нередко содержат в себе важные документы, — сказал Гленарван.

На море все является событием. С минуту все молчали. Каждый смотрел на хрупкий сосуд, стараясь угадать, что он в себе содержит: тайну ли какого-нибудь кораблекрушения или незначащую записку, вверенную волнам праздным мореплавателем.

Все же надо было наконец узнать, в чем тут дело, и Гленарван занялся осмотром бутылки, приняв все необходимые в таких случаях меры предосторожности. В эту минуту Гленарван напоминал коронера[1], вникающего в обстоятельства совершенного преступления. И он, конечно, был прав, относясь к делу так внимательно, ибо часто какой-нибудь, повидимому самый незначительный, признак может открыть очень многое.

Прежде чем заглянуть внутрь бутылки, Гленарван осмотрел ее снаружи. У бутылки было удлиненное крепкое горлышко, на котором еще уцелел обрывок проржавленной проволоки. Стенки ее были так плотны, что могли выдержать давление в несколько атмосфер. Это говорило о том, что бутылка происходила из Шампани. Такими именно бутылками виноградари Эпернэ перебивают спинки стульев, причем на стекле не остается даже самой маленькой трещины. Несомненно, и эта бутылка могла безнаказанно вынести испытания дальних странствований.

— Бутылка фирмы Клико, — объявил майор.

И так как Мак-Наббс считался компетентным в этом вопросе, никто не подумал опровергать его слова.

— Дорогой майор, — обратилась к нему Элен, — мало толку в том, что нам известно происхождение этой бутылки, если мы не знаем, откуда она взялась.

— Это мы узнаем, дорогая Элен, — сказал Гленарван. — Да и теперь уже можно сказать, что она попала к нам издалека. Обратите внимание на каменный нарост, который ее покрывает. Это минеральные отложения морской воды. Бутылка долго носилась по волнам океана, прежде чем очутилась в брюхе акулы.

— Невозможно не согласиться с вами, — отозвался майор. — Конечно, этот хрупкий сосуд в своей каменистой оболочке мог проделать длинное путешествие.

[1] Коронер — в Англии официальное лицо, ведущее следствие в случае чьей-нибудь внезапной и подозрительной смерти.

— Но откуда он? — спросила Элен.

— Погодите, погодите, дорогая Элен: с бутылками необходима выдержка. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что сама бутылка ответит нам на все наши вопросы.

С этими словами Гленарван принялся счищать нарост с горлышка бутылки, и вскоре показалась пробка, очень пострадавшая от морской воды.

— Досадное обстоятельство, — заметил Гленарван: — если только там находится какая-нибудь бумага, она должна быть сильно повреждена.

— Боюсь, что так, — согласился майор.

— Могу еще добавить, — продолжал Гленарван, — что этой плохо закупоренной бутылке грозила опасность пойти ко дну. К счастью, акула во-время проглотила ее и доставила на борт «Дункана».

— Без сомнения, так, — сказал Джон Манглс, — но все же было бы лучше, если бы мы ее выловили в открытом море, под определенной широтой и долготой. Тогда, изучив воздушные и морские течения, было бы возможно установить пройденный этой бутылкой путь, а теперь, с таким вот почтальоном, как акула, плывущая против ветра и течения, в этом будет очень трудно разобраться.

— Посмотрим, — сказал Гленарван и принялся с величайшей осторожностью вытаскивать пробку.

Когда бутылка была откупорена, по кают-компании распространился сильный запах морской соли.

— Ну? — с чисто женским любопытством спросила Элен.

— Да, я был прав, — отозвался Гленарван: — там бумаги.

— Документы! Документы! — воскликнула его жена.

— Только, повидимому, они попорчены сыростью, — заметил Гленарван, — и их невозможно вытащить, до того они пристали к стенкам бутылки.

— Разобьем ее, — предложил Мак-Наббс.

— Я предпочел бы сохранить бутылку в целости, — ответил Гленарван.

— Я тоже, — согласился майор.

— Несомненно, хорошо было бы сохранить бутылку, — вмешалась Элен, — но содержимое ведь более цен-

но, чем самый сосуд, и потому лучше пожертвовать последним.

— Достаточно будет отбить горлышко, — посоветовал Джон Манглс, — и тогда можно будет вынуть документы без вреда для них.

— Ну, так сделайте это, дорогой Эдуард! — воскликнула Элен.

В самом деле, иным способом трудно было бы извлечь бумаги, и Гленарван решился отбить горлышко драгоценной бутылки. Так как каменистый нарост на ней приобрел твердость гранита, пришлось прибегнуть к молотку. Вскоре на стол посыпались осколки, и из бутылки показались слипшиеся клочки бумаги. Гленарван осторожно извлек их и разложил перед собой. Элен, майор и капитан обступили его.

Глава II

ТРИ ДОКУМЕНТА

Вынутые из бутылки клочки бумаги были наполовину уничтожены морской водой. Из почти стертых строк можно было разобрать лишь немногие неразборчивые слова. Гленарван стал исследовать эти клочки. Он всячески поворачивал их, подставляя под лучи дневного света, и старался уловить малейшие следы тех начертаний, которые пощадило море. Затем он взглянул на своих друзей, не сводивших с него жадных глаз.

— Здесь, — сказал он, — три различных документа, повидимому копии одного и того же документа, написанные на трех языках: английском, французском и немецком. Я пришел к этому выводу, сличив уцелевшие слова.

— Но, по крайней мере, в этих-то словах все же можно уловить какой-нибудь смысл? — спросила Элен.

— Трудно сказать что-нибудь определенное на этот счет, дорогая: уцелевших слов очень немного.

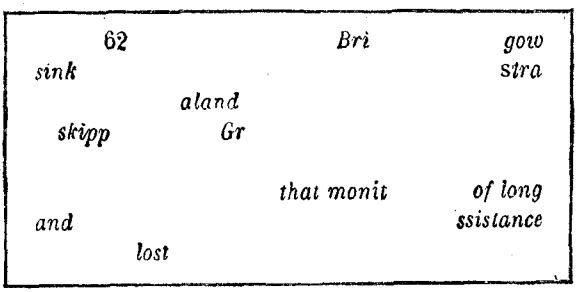
— А быть может, они дополняют друг друга? — заметил майор.

— Несомненно, — отозвался Джон Манглс. — Не может же быть, чтобы морская вода уничтожила слова в трех документах именно на одних и тех же местах! Соеди-

пив уцелевшие обрывки фраз, мы в конце концов доберемся до их смысла.

— Этим мы и займемся, — сказал Гленарван, — но будем делать это методически. Начнем с английского документа.

В этом документе строки и слова были расположены следующим образом:



— Да, смысла здесь не много, — с разочарованным видом проговорил майор.

— Как бы то ни было, — заметил капитан, — ясно, что это английский язык.

— В этом нет никакого сомнения, — отозвался Гленарван: — слова sink, aland, that, and, lost уцелели; а skipp, очевидно, значит skipper. Видимо, речь тут идет о каком-то мистере Gr..., вероятно капитане потерпевшего крушение судна.

— Добавим еще к этому обрывки слов monit и ssistance [1], — сказал Джон Манглс: — смысл их совершенно ясен.

— Ну вот, уже кое-что мы и знаем! — воскликнула Элен.

— К несчастью, не хватает целых строк, — заметил майор. — Как узнать название погибшего судна и место его крушения?

---

[1] Английские слова значат: sink — терпеть крушение, aland — на земле, that — этот, and — и, lost — потерянный, skipper — капитан торгового флота, monition — документ, assistance — помощь.

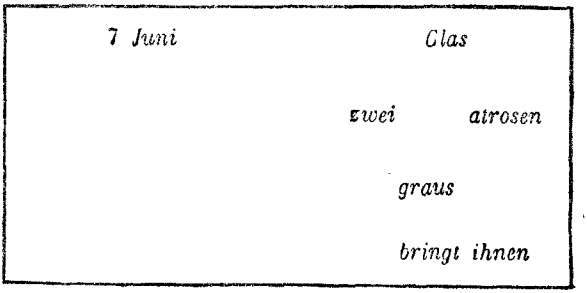
— Узнаем и это, — сказал Гленарван.

— Без сомнения, — согласился майор, всегда присоединявшийся к общему мнению. — Но каким образом?

— Дополняя один документ другим.

— Так примемся же за дело! — воскликнула Элен.

Второй клочок бумаги более пострадал, чем предыдущий. В нем заключались немногие бессвязные слова, расположенные следующим образом:



— Это написано по-немецки, — сказал Джон Манглс, взглянув на бумагу.

— А вы знаете этот язык, Джон? — спросил Гленарван.

— Знаю очень хорошо.

— Тогда скажите нам, что значат эти несколько слов.

Капитан внимательно осмотрел документ.

— Прежде всего, — сказал он, — мы можем теперь установить, когда именно произошло кораблекрушение: седьмого Juni, то-есть седьмого июня, а сопоставляя это с цифрой «шестьдесят два», стоящей в английском документе, мы получаем точную дату: седьмого июня 1862 года.

— Чудесно! — воскликнула Элен. — Ну, что дальше, Джон?

— В той же строчке, — продолжал молодой капитан, — я вижу слово Glas; сливая его со словом gow первого документа, получаем Glasgow. Очевидно, речь идет о судне из порта Глазго.

— Я того же мнения, — заявил майор.

— Второй строчки в этом документе совсем не хва-

тает, — продолжал Джон Манглс, — но в третьей я вижу два очень важных слова: zwei, что значит «два», и atrosen, вернее сказать — Matrosen, в переводе — «матросы».

— Стало быть, речь здесь как будто идет о капитане и двух матросах, — сказала Элен.

— Повидимому, — согласился Гленарван.

— Я должен признаться, — продолжал капитан, — что следующее слово, graus, ставит меня в тупик — я не знаю, как его перевести. Быть может, это разъяснит нам третий документ. Что же касается двух последних слов, то их легко понять: bringt ihnen значит «окажите им», а если мы свяжем их с английским словом assistance, которое, подобно им, находится в седьмой строчке первого документа, то само собой напрашивается фраза: «окажите им помощь».

— Да! «Окажите им помощь»! — повторил Гленарван. — Но где находятся эти несчастные? До сих пор у нас не имеется ни малейшего указания на место, где произошла катастрофа.

— Будем надеяться, что французский документ окажется более ясным, — заметила Элен.

— Прочтем же французский документ, — сказал Гленарван, — и так как мы все знаем этот язык, то это будет нетрудно.

Вот точное воспроизведение третьего документа:

trois ats tannia
gonie austral

abor
contin pr cruel indi
jeté ongit
et 37° 11′ lat

— Здесь есть цифры! — воскликнула Элен. — Смотрите, господа! Смотрите!

— Будем действовать методически, — сказал Гленарван, — и начнем сначала. Разрешите мне восстановить

одно за другим все эти неполные, отрывочные слова. С первых же букв я вижу, что речь идет о трехмачтовом судне, название которого благодаря английскому и французскому документам для нас вполне ясно: это «Британия». Из следующих двух слов — gonie и austral[1] — только второе для нас всех понятно.

— Вот уже драгоценная подробность, — заявил Джон Манглс: — значит, кораблекрушение произошло в Южном полушарии.

— Это неопределенно, — заметил майор.

— Продолжаю, — сказал Гленарван. — Слово abor — корень глагола aborder[2]. Эти несчастные выбрались на какой-то берег. Но где? Что значит contin? Не материк ли?[3] Затем cruel[4].

— Cruel! — воскликнул Джон Манглс. — Так вот объяснение немецкого слова graus: grausam — жестокий!

— Продолжаем! Продолжаем! — сказал Гленарван. Он вчитывался в текст со все более страстным интересом, по мере того как перед ним раскрывался смысл этих незаконченных слов. — Indi... Не идет ли тут речь об Индии, куда эти моряки могли быть выброшены? А что значит слово ongit? A! Longitude[5]. Вот и широта: тридцать семь градусов одиннадцать минут. Наконец-то мы имеем точное указание!

— Да, но нет долготы, — промолвил Мак-Наббс.

— Нельзя же все иметь, дорогой майор, — отозвался Гленарван. — Уже немалое дело — точно знать градус широты. Решительно этот французский документ самый полный из трех. Очевидно, каждый из них является дословным переводом других, ибо все они содержат одинаковое количество строк. В таком случае, надо эти три документа соединить, перевести их на один язык, а затем постараться найти их наиболее правдоподобный, логичный и полный смысл.

— На какой же из трех языков собираетесь вы переводить? — спросил майор.

---

[1] Austral — южный.
[2] Aborder — приставать, достигать.
[3] Continent — материк.
[4] Cruel — жестокий.
[5] Longitude — долгота.

— На французский, — ответил Гленарван, — раз большинство сохранившихся слов принадлежит к этому языку.

— Вы правы, — согласился Мангле. — К тому же этот язык нам всем хорошо знаком.

— Итак, решено! Я составлю этот документ следующим образом: объединю обрывки слов и фраз, оставляя неприкосновенными разделяющие их пробелы, и дополню те слова, смысл которых несомненен. Затем мы их сравним и обсудим.

Гленарван тотчас взялся за перо и через несколько минут подал своим друзьям бумагу, где было написано следующее:

7 июня 1862 трехмачтовое судно «Британия»
Глазго потерпело крушение гони южн
берег два матроса
Капитан Гр (abor)
матер пр жесток (indi)
брошен этот документ долготы
и 37°11′ широты окажите им помощь

В эту минуту появился матрос. Он доложил капитану, что «Дункан» входит в залив Клайд, и спросил, какие будут приказания.

— Каковы ваши намерения, сэр? — обратился Джон Мангле к Гленарвану.

— Как можно скорее достигнуть Думбартона. Оттуда миссис Элен поедет домой, в Малькольм-Кэстль, а я отправлюсь в Лондон представить этот документ в адмиралтейство.

Джон Мангле отдал соответствующие распоряжения, и матрос пошел передать их помощнику капитана.

— Теперь, друзья мои, — сказал Гленарван, — будем продолжать наше расследование. Мы напали на след крупной катастрофы, и от нашей сообразительности зависит жизнь нескольких человек. Напряжем же все силы нашего ума, чтобы разгадать эту загадку.

— Мы готовы, дорогой Эдуард, — ответила Элен.

— Прежде всего, — продолжал Гленарван, — нам на-

до обсудить три различные вещи: во-первых, то, что нам уже известно, во-вторых, то, о чем можно догадываться, и, наконец, в-третьих, то, что нам неизвестно. Что мы знаем? Мы знаем, что седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», вышедшее из порта Глазго, потерпело крушение. Затем нам известно, что два матроса и капитан бросили в море под широтой тридцать семь градусов одиннадцать минут вот этот документ и что они просят оказать им помощь.

— Совершенно правильно, — согласился майор.

— О чем мы можем догадываться? — продолжал Гленарван. — Прежде всего о том, что крушение произошло в южных морях, и тут я обращу ваше внимание на обрывок слова gonie. Нет ли в нем указания на название страны?

— Не Патагония ли? — воскликнула Элен.

— Без сомнения.

— Но разве через Патагонию проходит тридцать седьмой градус широты? — спросил майор.

— Это легко проверить, — ответил Джон Манглс, раскрывая карту Южной Америки. — Совершенно верно: тридцать седьмая параллель пересекает Арауканию, проходит через пампасы по северным областям Патагонии, а затем через Атлантический океан.

— Хорошо! Идем дальше в наших догадках. Два матроса и капитан abor... достигли... чего? Contin... материка. Обращаю на это ваше внимание. Они достигли материка, а не острова. Какова же их судьба? К счастью, две буквы pr говорят нам о ней. Бедняги! Они prisonniers, пленники. Чьи же пленники? Cruels indiens — жестоких индейцев. Достаточно ли убедительно это для вас? Разве эти слова не просятся сами собой на пустые места? Разве смысл документа не становится для вас ясен? Разве ваши умы не озаряются светом?

Гленарван говорил с таким убеждением, в глазах его светилась такая абсолютная уверенность, что воодушевление его невольно передалось слушателям, и они в один голос воскликнули:

— Конечно! Конечно, это так!

После минутного молчания Гленарван продолжал:

— Друзья мои, все эти гипотезы мне кажутся очень

правдоподобными. По-моему, катастрофа произошла у берегов Патагонии. Впрочем, когда мы прибудем в Глазго, я непременно наведу справки о том, куда направлялась «Британия». Тогда мы наверняка будем знать, могла ли она очутиться в тех водах.

— О, нам нет нужды ездить так далеко, — заговорил Джон Манглс: — у меня есть комплект «Газеты торгового флота», и мы получим из нее самые точные сведения.

— Давайте посмотрим!—воскликнула Элен Гленарван.

Джон Манглс вынул комплект газет 1862 года и стал их бегло просматривать. Поиски его длились недолго, и вскоре он с довольным видом прочел вслух:

— «Тридцатого мая 1862 года. Перу. Кальяо. Место назначения Глазго, «Британия», капитан Грант».

— Грант! — воскликнул Гленарван. — Не тот ли это отважный шотландец, который собирался основать новую Шотландию где-то в Тихом океане?

— Да, — ответил Джон Манглс, — это тот самый Грант. Он в 1861 году отплыл из Глазго на «Британии», и с тех пор о нем ничего не известно.

— Теперь нет никаких сомнений, никаких! — воскликнул Гленарван. — Это он! «Британия» вышла из Кальяо тридцатого мая, а седьмого июня, через неделю после своего отплытия, она потерпела крушение у берегов Патагонии. И вот из этих, казалось бы, непонятных обрывков слов мы узнали всю ее историю. Как видите, друзья мои, у нас было широкое поле для догадок! Теперь же в области неизвестного остается лишь долгота — только ее нам и не хватает.

— Но она нам и не нужна, — заявил Джон Манглс, — раз известна страна и та широта, под которой произошло крушение. Я берусь найти это место.

— Значит, нам все известно? — спросила Элен.

— Все, дорогая, и я берусь заполнить пробелы, сделанные в документе морской водой, с такой же уверенностью, словно это было мне продиктовано самим капитаном Грантом.

Тут Гленарван снова взял перо и уверенной рукой написал следующее:

«7 июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия»,

из порта Глазго, затонуло у берегов Патагонии, в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант попытаются достигнуть берега, где попадут в плен к жестоким индейцам. Они бросили этот документ под... градусами долготы и 37°11′ широты. Окажите им помощь, иначе их ждет гибель».

— Хорошо! Хорошо, дорогой Эдуард! — воскликнула Элен. — И если эти несчастные снова увидят свою родину, то они будут обязаны этим счастьем вам!

— И они увидят свою родину! — ответил Гленарван. — Этот документ настолько определенен, ясен и достоверен, что Англия не может не прийти на помощь трем своим сынам, заброшенным на пустынный морской берег. То, что она сделала когда-то для Франклина и многих других, она сделает теперь для потерпевших крушение на «Британии».

— У этих несчастных, — заговорила Элен, — конечно, имеются семьи, которые их оплакивают. Быть может, у бедного капитана Гранта есть жена, дети...

— Вы правы, дорогая моя, и я берусь уведомить их о том, что надежда еще не совсем потеряна. А теперь, друзья мои, поднимемся на палубу, так как мы, повидимому, подходим к порту.

И в самом деле, «Дункан», прибавив ходу, проходил в эту минуту мимо острова Бут. Справа виднелся Ротсей. Затем яхта устремилась в узкий фарватер залива, прошла мимо Гринока и в шесть часов вечера бросила якорь в Думбартоне, у базальтовой скалы, на вершине которой стоит знаменитый замок шотландского героя Уоллеса.

У пристани ожидал экипаж, который должен был отвезти Элен и майора Мак-Наббса в Малькольм-Кэстль. Гленарван же, обняв свою молодую жену, поспешно отправился на вокзал — на скорый поезд.

Но прежде чем уехать, он прибегнул к самому быстрому способу сообщения, и несколько минут спустя телеграф передал в редакции газет «Таймс» и «Морнинг кроникл» следующее объявление:

«Относительно судьбы трехмачтового судна «Британия» из Глазго, капитан Грант, обращаться к мистеру Гленарвану, Малькольм-Кэстль, Люсс, графство Думбартон, Шотландия».

Глава III

МАЛЬКОЛЬМ-КЭСТЛЬ

Малькольм-Кэстль — один из самых поэтических замков горной Шотландии. Он расположен вблизи деревни Люсс и возвышается над красивой долиной. Прозрачные воды озера Ломонд омывают его гранитные стены. С незапамятных времен замок этот принадлежал роду Гленарван, сохранившему на родине Роб Роя и Фергуса Мак-Грегора гостеприимные обычаи старинных героев Вальтер Скотта.

У Гленарвана было большое состояние. Он делал много добра, и доброта его превосходила даже его щедрость, ибо доброта была бесконечна, а щедрость поневоле имела пределы. Он не был в чести у государственных людей Англии — прежде всего потому, что придерживался традиций своих предков и энергично противился политическому нажиму «этих южан». В душе он оставался всегда шотландцем и, даже участвуя со своими яхтами в состязаниях Королевского яхт-клуба Темзы, думал только о славе Шотландии.

Эдуарду Гленарвану было тридцать два года. Он был высокого роста, с несколько суровыми чертами лица и необыкновенно добрыми глазами. От него так и веяло поэзией горной Шотландии. Он слыл за человека исключительно отважного, предприимчивого, благородного.

Гленарван был женат всего три месяца. Его жена, Элен, была дочерью известного путешественника Вильяма Туффнеля, принесшего свою жизнь в жертву географической науке и страсти к открытиям.

Элен не принадлежала к дворянскому роду, но она была шотландкой, что в глазах Гленарвана было выше всякого дворянства. Он избрал в подруги жизни эту прелестную, мужественную, самоотверженную девушку. Он встретил ее в то время, когда она после смерти отца жила одиноко, почти без всяких средств в родительском доме, в Кильпатрике. Гленарван понял, что эта бедная девушка станет мужественной женщиной, и женился на ней. Элен была двадцатидвухлетней блондинкой с глазами, голубыми, как воды шотландских озер в прекрас-

ное весеннее утро. Ее любовь к мужу была еще больше, чем благодарность к нему. Что же касается слуг, то они готовы были отдать жизнь за свою юную хозяйку.

Молодые супруги жили счастливо в Малькольм-Кэстле, среди чудесной дикой природы горной Шотландии. Они гуляли по тенистым дубовым и кленовым аллеям, по берегам озер, спускались в дикие ущелья, где древние развалины повествуют об истории Шотландии. Сегодня они бродили в березовых и хвойных лесах, по просторным лугам с пожелтевшим вереском, а завтра взбирались на крутые вершины или скакали верхом по опустевшим долинам. Они изучали, понимали, любили этот полный поэзии край, называемый до сих пор «краем Роб Роя», и все те знаменитые места, которые так чудесно воспел Вальтер Скотт. Вечером, когда на горизонте зажигался «фонарь Мак-Фарлана» — луна, они уходили бродить по старинной галерее, опоясывавшей своими зубчатыми стенами весь замок Малькольм.

Так прошли первые месяцы их супружества. Но Гленарван не забывал, что его жена — дочь известного путешественника. Ему казалось, что у Элен должны были быть стремления ее отца, и он не ошибался в этом. Был построен «Дункан». Ему предстояло перенести Эдуарда и Элен Гленарван в воды Средиземного моря. Можно представить себе радость Элен, когда муж передал «Дункан» в полное ее распоряжение.

И вот Гленарван уехал в Лондон. Но ведь речь шла о спасении несчастных, потерпевших крушение, и потому внезапный отъезд мужа не опечалил Элен. Она только с большим нетерпением поджидала его. Полученная на следующий день телеграмма обещала скорое его возвращение. Вечером же пришло письмо, сообщавшее, что Гленарван задерживается в Лондоне вследствие некоторых возникших в его деле препятствий. На третий день было получено новое письмо, в котором Гленарван уже не скрывал своего недовольства адмиралтейством.

В этот день Элен начала уже беспокоиться. Вечером, когда она сидела одна в своей комнате, появился управляющий замком, Хельберт, и спросил, будет ли ей угодно принять молодую девушку и мальчика, желающих поговорить с мистером Гленарваном.

— Они местные жители? — спросила Элен.

— Нет, миссис, — ответил управляющий, — я их не знаю. Они приехали по железной дороге в Баллох, а оттуда пришли в Люсс пешком.

— Попросите их сюда, Хельберт, — сказала Элен.

Управляющий вышел. Через несколько минут в комнату Элен вошли молоденькая девушка и мальчик. Это были брат и сестра. Сходство между ними было так велико, что в этом невозможно было усомниться. Сестре было лет шестнадцать. Ее хорошенькое, немного утомленное личико, глаза, уже, видимо, пролившие немало слез, скромное и в то же время мужественное выражение лица, бедная, но опрятная одежда — все это располагало в ее пользу. Она держала за руку мальчика лет двенадцати. У того было очень энергичное выражение лица. Казалось, он считает себя покровителем сестры. Да! Несомненно, каждому, кто осмелился бы отнестись без должного уважения к девушке, пришлось бы иметь дело с этим мальчуганом.

Сестра, очутившись перед Элен, несколько смутилась, но та поспешила заговорить с ней.

— Вы желали видеть меня? — спросила она, ободряюще глядя на девушку.

— Нет, не вас, — решительным тоном заявил мальчик, — а самого мистера Гленарвана.

— Извините его, сударыня, — проговорила девушка, бросая укоризненный взгляд на брата.

— Мистера Гленарвана нет в замке, — пояснила Элен, — но я жена его, и если я могу заменить...

— Вы жена Гленарвана? — спросила девушка.

— Да, мисс.

— Жена того самого мистера Гленарвана из Мальколь-кольм-Кэстля, который поместил в газете «Таймс» объявление, касающееся крушения «Британии»?

— Да, да! — поспешила ответить Элен. — А вы?..

— Я дочь капитана Гранта, а это мой брат.

— Мисс Грант! Мисс Грант! — воскликнула Элен и тут же порывисто обняла молодую девушку и расцеловала круглые щеки мальчугана.

— Сударыня, — с волнением обратилась к Элен мисс Грант, — что вам известно о кораблекрушении, которое

потерпел мой отец? Жив ли он? Увидим ли мы его когда-нибудь? Говорите, умоляю вас!

— Милая девочка! Я не хочу внушать вам призрачные надежды...

— Говорите, сударыня, говорите! Я умею переносить горе и в силах все выслушать.

— Милое дитя, — ответила Элен, — хотя надежда на это очень слаба, но все же возможно, что настанет день, когда вы снова увидите вашего отца.

— Боже мой, боже мой!.. — воскликнула мисс Грант и, не в силах больше сдерживаться, разрыдалась.

А ее брат, Роберт, горячо целовал в это время руки Элен Гленарван.

Когда прошел первый порыв этой горестной радости, молодая девушка засыпала Элен бесчисленными вопросами, и та ей рассказала историю документа, рассказала о том, как «Британия» потерпела крушение у берегов Патагонии, о том, как капитан и два матроса, одни спасшиеся после катастрофы, повидимому достигли материка, и, наконец, о том, как в документе, составленном на трех языках и брошенном на волю океана, они взывали о помощи ко всему миру.

Во время этого рассказа Роберт Грант смотрел на Элен так, как будто вся жизнь его зависела от ее слов. Детское воображение мальчика рисовало ему ужасные моменты, пережитые отцом: он видел его на палубе «Британии», видел его в волнах, вместе с ним цеплялся за прибрежные утесы, полз, задыхаясь, по песку, настигаемый волнами. Несколько раз во время рассказа у мальчика вырывалось:

— О папа, мой бедный папа! — И он еще крепче прижимался к сестре.

Что же касается мисс Грант, она слушала со сложенными руками, не проронив ни слова.

— А документ этот, документ, сударыня! — воскликнула молодая девушка, как только Элен окончила свой рассказ.

— У меня уже нет его, милая девочка, — ответила та.

— Уже нет?

— Да, в интересах вашего отца мистеру Гленарвану пришлось отвезти этот документ в Лондон. Но я ведь

В комнату вошли молоденькая девушка и мальчик.

дословно передала вам и его содержание и то, каким образом нам удалось разобраться в нем. Среди этих обрывков почти стертых фраз волны пощадили несколько цифр. К несчастью, долгота...

— Можно обойтись и без нее! — крикнул мальчуган.

— Конечно, мистер Роберт, — согласилась Элен, невольно улыбаясь такой решительности юного Гранта. — Как видите, мисс Грант, — снова обратилась она к молодой девушке, — теперь малейшие подробности документа так же хорошо известны вам, как и мне самой.

— Да, сударыня, — ответила девушка, — но мне хотелось бы увидеть почерк отца!

— Ну что ж, быть может, завтра мистер Гленарван возвратится домой. Имея в руках такой документ, он решил представить его в адмиралтейство и добиться немедленной отправки судна на поиски капитана Гранта.

— Возможно ли это! — воскликнула девушка. — Неужели вы это сделали для нас?

— Милая девочка, — ответила Элен, — мы не заслуживаем никакой благодарности: каждый на нашем месте сделал бы то же самое. Только бы оправдались наши общие надежды! А вы до возвращения моего мужа, конечно, останетесь в замке...

— Сударыня, мне не хотелось бы злоупотреблять вашим сочувствием к нам, чужим для вас людям.

— Чужим! Нет, милое дитя, ни ваш брат, ни вы не чужие в этом доме, и я непременно хочу, чтобы мой муж, вернувшись домой, сообщил детям капитана Гранта, что будет сделано для спасения их отца.

Невозможно было отказаться от приглашения, сделанного так сердечно. Мисс Грант с братом остались в Малькольм-Кэстле ожидать возвращения Гленарвана.

Глава IV

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЭЛЕН ГЛЕНАРВАН

Говоря с детьми капитана Гранта, Элен умолчала об опасениях, высказанных в письме Гленарваном относительно ответа адмиралтейства на его просьбу. Также не

проронила она ни слова и о том, что капитан Грант, вероятно, попал в плен к южноамериканским индейцам. К чему было еще больше огорчать этих бедных детей и омрачать только что засиявшую перед ними надежду! А дела это совершенно не меняло. И Элен, ответив на все вопросы мисс Грант, в свою очередь принялась расспрашивать молодую девушку о ее жизни.

Простой и трогательный рассказ молодой девушки еще больше увеличил симпатию к ней Элен Гленарван.

Мэри и Роберт были единственными детьми капитана Гранта. Гарри Грант лишился жены при рождении Роберта. На время своих дальних плаваний он поручал заботиться о своих детях доброй старой двоюродной сестре. Капитан Грант был отважным моряком, человеком, прекрасно знавшим свое дело. Жил он в Шотландии, в городе Денди графства Перт, и был коренной шотландец.

Во время первых заморских плаваний Гарри Гранта, сначала в качестве помощника капитана, а затем и капитана, дела его шли удачно, и несколько лет спустя после рождения сына он обладал уже некоторыми сбережениями.

Вот тогда-то появилась у него мысль, сделавшая его популярнейшим человеком во всей Шотландии. Подобно Гленарванам и некоторым другим шотландским семействам, он считал Англию поработительницей Шотландии. По его убеждению, интересы его родины не могли совпадать с интересами англо-саксов, и он решил основать большую шотландскую колонию на одном из островов Тихого океана. Мечтал ли он о независимости для своей будущей колонии? Возможно. Быть может, он как-нибудь и выдал свои тайные надежды. Во всяком случае, правительство отказалось прийти на помощь в осуществлении его проекта. Больше того: оно создавало капитану Гранту всяческие препятствия, но не сломило его. Он обратился к землякам, отдал свое состояние, на вырученные средства построил судно «Британия» и, набрав отборную команду, отплыл с ней исследовать большие острова Тихого океана. Детей же своих он оставил на попечении старой двоюродной сестры. Было это в 1861 году. В течение года, вплоть до мая 1862 года, он давал о себе знать. Но со времени его отплытия из Кальяо, в июне 1862 го-

да, никто больше не слыхал о «Британии», и «Мореходная газета» упорно молчала об участи капитана Гранта.

Старая родственница Гарри Гранта неожиданно умерла, и его дети остались одни на свете. Мэри Грант было всего четырнадцать лет, но мужественная девочка, очутившись в таком тяжелом положении, не пала духом и всецело посвятила себя брату, совсем еще ребенку. Его надо было воспитывать, учить. Экономная, осторожная, предусмотрительная девочка, работая день и ночь, отказывая себе во всем для брата, воспитывала его и стойко выполняла материнские обязанности.

Двое детей жили в Денди, мужественно борясь с нуждой. Эта юная пара была трогательна. Мэри думала только о брате и мечтала о счастливой будущности для него. Бедная девочка была убеждена, что «Британия» погибла и отца нет в живых. Не поддается описанию волнение Мэри, когда случайно попавшееся ей на глаза объявление в «Таймсе» вдруг вывело ее из того отчаяния, в котором она жила.

Она решилась действовать без промедления. Если б она узнала, что тело капитана Гранта найдено на каком-нибудь пустынном берегу среди обломков потерпевшего аварию судна, то даже и это было бы лучше, чем непрестанное сомнение, вечная пытка неизвестности.

Она все рассказала брату. В тот же день дети капитана Гранта сели на пертский поезд, а вечером были уже в Малькольм-Кэстле, и здесь у Мэри после стольких душевных мук снова блеснула надежда.

Вот какую грустную историю поведала Мэри Грант Элен Гленарван. Она рассказала все очень просто, далекая от мысли, что в эти долгие годы испытаний вела себя героиней. Но для Элен это было очевидно, и она, не стыдясь своих слез, не раз обнимала обоих детей капитана Гранта, слушая Мэри.

Роберту же казалось, что он узнал все это только сейчас. Слушая рассказ сестры, мальчик широко раскрывал глаза. Он впервые стал отдавать себе отчет в том, сколько она для него сделала, сколько выстрадала, и наконец, не будучи в силах больше сдерживаться, он бросился к сестре и крепко обнял ее.

— Ах, мамочка, дорогая моя мамочка! — воскликнул он, глубоко растроганный.

Пока продолжались эти разговоры, наступила ночь, и Элен, понимая, насколько дети утомлены, решила прервать беседу. Мэри и Роберт Грант были отведены в предназначенные для них комнаты и заснули, мечтая о светлом будущем.

После их ухода Элен велела попросить к себе майора и рассказала ему обо всем, что произошло в этот вечер.

— Славная девушка эта Мэри Грант, — заметил Мак-Наббс, выслушав рассказ Элен.

— Только бы мужу удалось то дело, за которое он взялся, — промолвила Элен, — иначе положение этих двух детей будет ужасным!

— Гленарван добьется своего, — отозвался Мак-Наббс. — Не может же быть, чтобы сердце у этих лордов адмиралтейства было жестче портландского цемента!

Но, несмотря на уверенность майора, Элен провела очень беспокойную, бессонную ночь.

На следующий день, когда Мэри и Роберт, поднявшись на заре, прогуливались по обширному двору замка, послышался шум подъезжающего экипажа. Это возвращался в Малькольм-Кэстль Гленарван. Лошади неслись во всю прыть.

Почти одновременно с коляской во дворе появилась в сопровождении майора Элен Гленарван и бросилась навстречу мужу.

Вид у него был печальный, разочарованный, гневный. Он молча обнял жену.

— Ну что, Эдуард? — воскликнула Элен.

— Ну, дорогая, у этих людей нет сердца! — ответил Гленарван.

— Они отказали?

— Да, они отказали в моей просьбе послать судно. Они говорили о миллионах, напрасно потраченных на розыски Франклина. Они заявили, что документ темен, непонятен. Они говорили, что катастрофа с этими несчастными произошла два года назад и найти их теперь очень мало шансов. Они уверяли, что потерпевшие крушение, попав в плен к индейцам, конечно были уведены

ими внутрь страны и что нельзя же обыскать всю Патагонию, чтобы найти трех человек — трех шотландцев! Что эти рискованные, напрасные поиски погубят больше людей, нежели спасут. Словом, они приводили все доводы людей, решивших отказать. Они помнят о проектах капитана, и несчастный Грант безвозвратно погиб!

— Отец! Бедный мой отец! — воскликнула Мэри Грант, падая на колени перед Гленарваном.

— Ваш отец? — спросил Гленарван, с удивлением глядя на склонившуюся к его ногам девушку. — Неужели, мисс...

— Да, Эдуард, — вмешалась Элен, — мисс Мэри и ее брат Роберт — дети капитана Гранта. Это их лорды адмиралтейства только что обрекли на сиротство.

— Ах, мисс, — сказал Гленарван, помогая девушке подняться, — если б я знал, что вы здесь...

Он не докончил фразы. Тягостное молчание, прерываемое рыданиями, царило во дворе замка. Никто не проронил ни слова: ни Гленарван, ни Элен, ни майор, ни безмолвно стоявшие вокруг своих хозяев слуги замка. Видно было, что все эти шотландцы негодовали на английское правительство.

Через несколько минут майор спросил Гленарвана:

— Итак, у вас нет никакой надежды?

— Никакой!

— Ну что ж! В таком случае, я отправлюсь к этим господам, — крикнул юный Роберт, — и мы посмотрим...

Сестра не дала ему договорить, но сжатый кулак мальчугана указывал на его отнюдь не миролюбивые намерения.

— Нет, Роберт, нет! — проговорила Мэри Грант. — Поблагодарим милых хозяев этого замка за все, что они для нас сделали — мы никогда в жизни этого не забудем, — а затем удалимся.

— Мэри! — крикнула Элен.

— Что же вы собираетесь предпринять? — спросил Гленарван молодую девушку.

— Я хочу броситься к ногам королевы, — ответила девушка, — и посмотрим, останется ли она глуха к словам двух детей, молящих спасти их отца.

Гленарван покачал головой: не потому даже, что он

Отец! Бедный мой отец! — воскликнула Мэри Грант.

сомневался в добром сердце королевы, а потому, что знал, что Мэри Грант не сможет до нее добраться.

Мольбы слишком редко доходят до ступеней трона, и на дверях дворцов как будто начертаны те слова, которые англичане помещают у штурвала своих кораблей: «Passengers are requested not to speak to the man ad the wheel» [1].

Элен поняла мысль мужа. Она знала, что попытка девушки должна окончиться ничем. Для нее было ясно, что отныне жизнь этих двух детей будет полна отчаяния. И тут ее осенила великая, благородная мысль...

— Мэри Грант! — воскликнула она. — Подождите, не уходите, мое дитя. Выслушайте меня.

Девушка держала за руку брата, собираясь уходить. Она остановилась.

Элен, взволнованная, с влажными от слез глазами, обратилась к мужу.

— Эдуард! — сказала она твердым голосом. — Капитан Грант, бросая в море это письмо, вверял свою судьбу тому, кому оно попадет в руки. Оно попало к нам...

— Что вы хотите этим сказать, Элен? — спросил Гленарван.

Все вокруг молчали.

— Я хочу сказать, — продолжала Элен, — что начать супружескую жизнь добрым делом — великое счастье! Вот вы, дорогой Эдуард, чтобы порадовать меня, задумали увеселительное путешествие. Но можно ли испытать бóльшую радость, можно ли принести больше пользы, чем спасая несчастных, которых покидает их родина?

— Элен! — воскликнул Гленарван.

— Да! Вы поняли меня, Эдуард. «Дункан» — доброе, надежное судно. Оно смело может плыть в южные моря, может совершить кругосветное путешествие, и оно совершит его, если это понадобится! В путь же, Эдуард! Плывем на поиски капитана Гранта!

Услышав эти отважные слова своей юной жены, Гленарван обнял ее и, улыбаясь, прижал к сердцу, в то время как Мэри и Роберт осыпáли ее руки поцелуями, а слуги

[1] «Просят пассажиров не разговаривать с рулевым».

замка, растроганные и восхищенные этой сценой, от всего сердца кричали:

— Ура! Трижды ура Эдуарду и Элен Гленарван!

Глава V

ОТПЛЫТИЕ «ДУНКАНА»

Мы уже говорили о том, что Элен была женщина великодушная и сильная духом. То, что она сделала, было бесспорным тому доказательством. Гленарван действительно мог гордиться такой благородной женой, способной понимать его и идти с ним рука об руку. Уже в Лондоне, когда его ходатайство было отклонено, ему пришла в голову мысль самому отправиться на поиски капитана Гранта, и если он не опередил Элен, то только потому, что не мог примириться с мыслью о разлуке с ней. Но если Элен сама стремилась отправиться на эти поиски, никаким колебаниям уже не могло быть места. Слуги замка восторженно приветствовали это предложение — ведь вопрос шел о спасении таких же шотландцев, как они сами. И Гленарван от всего сердца присоединился к их крикам «ура» в честь молодой хозяйки Мальколь-Кэстля.

Раз отплытие было решено, не приходилось терять ни одного часа. В тот же день Гленарван послал Джону Манглсу приказ привести «Дункан» в Глазго и сделать все нужные приготовления для плавания в южных морях — плавания, которое могло стать и кругосветным. Надо сказать, что Элен, предполагая использовать «Дункан» для экспедиции, не ошиблась в оценке его мореходных качеств. Это замечательно прочное и быстроходное судно могло смело выдержать дальнее плавание.

То была превосходная паровая яхта водоизмещением в двести десять тонн, а ведь первые суда, достигавшие берегов Америки — суда Колумба, Веспуччи, Магеллана, — были все гораздо меньших размеров [1].

[1] Свое четвертое путешествие в Америку Христофор Колумб совершил на четырех судах. Самое большое из них — каравелла, на которой плыл сам Колумб, — было водоизмещением в 70 тонн, а самое малое судно — в 50 тонн. Это были суда, пригодные лишь для каботажного плавания. *(Примеч. автора.)*

На «Дункане» было две мачты: фок-мачта с марселем и брам-стеньгой и грот-мачта с контр-бизанью и флагштоком; кроме того, треугольный парус — фор-стаксель, большой и малый кливера, а также штанговые паруса. Вообще парусность «Дункана» была совершенно достаточна для того, чтобы он ходил как обыкновенный клипер. Но, конечно, больше всего можно было рассчитывать на его механическую силу — паровую машину, построенную по новейшей системе и снабженную перегревателями. Это была машина высокого давления, в сто шестьдесят лошадиных сил, приводившая в движение двойной винт. Идя на всех парах, «Дункан» развивал небывалую до тех пор скорость. В самом деле, во время пробного плавания в залив Клайд патент-лаг[1] отметил скорость, доходившую до семнадцати морских миль[2] в час.

«Дункан», конечно, мог смело отправиться даже и в кругосветное плавание.

Джону Манглсу оставалось лишь позаботиться о внутреннем оборудовании судна.

Прежде всего он занялся расширением угольных ям, чтобы погрузить побольше угля, ибо в пути не так-то легко возобновить запасы топлива.

С неменьшим вниманием отнесся Джон Манглс и к пополнению камбуза[3]. Он умудрился запастись съестными припасами на целых два года. Правда, недостатка в деньгах у него не было; ему их хватило даже на то, чтобы приобрести небольшую пушку, которая и была установлена на шканцах яхты. Кто знал, что могло встретиться на пути!

Надо сказать, что Джон Манглс был знаток своего дела, и хотя в данное время он командовал лишь яхтой, но вообще считался одним из лучших шкиперов Глазго. Ему было тридцать лет. Грубоватое лицо его дышало мужеством и добротой. Ребенком он был взят в Мальколь-Кэстль. Семья Гленарван дала ему образование и сделала из него прекрасного моряка. Во время несколь-

[1] Патент-лаг — инструмент, показывающий на своем циферблате при помощи стрелки скорость движения судна.

[2] Морская миля равна 1852 метрам.

[3] Камбуз — кухня.

ких совершенных им дальних плаваний Джон Манглс не раз проявлял свое искусство, энергию и хладнокровие. Когда Гленарван предложил ему взять на себя командование «Дунканом», он охотно на это согласился, ибо любил хозяина Малькольм-Кэстля, как брата, и искал случая выказать ему свою преданность.

Помощник Джона Манглса, Том Остин, был старый моряк, заслуживавший полного доверия. Судовая команда «Дункана», включая сюда и капитана с его помощником, состояла из двадцати пяти человек. Все они, испытанные моряки, были уроженцами графства Думбартон. Они и на яхте как бы представляли собой клан[1] бравых шотландцев. Среди них даже был традиционный piper-bag[2]. Таким образом, Гленарван имел в своем распоряжении команду преданных ему, отважных, горячо любящих свое дело, опытных моряков, умеющих владеть оружием и пригодных для самых рискованных экспедиций. Когда команде «Дункана» стало известно, куда ей предстоит отправиться, моряки не в силах были сдержать свою радость и огласили громким «ура» скалы Думбартона.

Джон Манглс, усердно занимаясь погрузкой на «Дункан» топлива и провианта, не забывал о необходимости приспособить для дальнего плавания помещения Эдуарда и Элен Гленарван. Ему также надо было позаботиться о каютах для детей капитана Гранта — ведь Элен не могла не внять просьбе Мэри взять ее с собой на борт «Дункана». А юный Роберт, конечно, скорее спрятался бы в трюме, чем остался бы на берегу. Разве можно было отказать такому мальчугану! Даже и не пытались. Пришлось также согласиться и с тем, что он будет считаться не пассажиром, а членом команды. Джону Манглсу было поручено обучать его морскому делу.

— Прекрасно! — заявил Роберт. — Пусть капитан не щадит меня и угостит кошкой-девятихвосткой[3], если я сделаю что-нибудь не так, как надо.

---

[1] Клан — семья, род.

[2] Piper-bag — игрок на волынке; игроки на волынке до наших дней сохранились в шотландских полках. *(Примеч. автора.)*

[3] Плеть из девяти ремней, часто применявшаяся в английском флоте. *(Примеч. автора.)*

— Будь спокоен на этот счет, мой мальчик, — серьезным тоном ответил Гленарван, умолчав о том, что употребление кошки-девятихвостки на борту «Дункана» было запрещено.

Чтобы дополнить список пассажиров яхты, надо еще упомянуть о майоре Мак-Наббсе. Это был человек лет пятидесяти, с правильным, спокойным лицом, с прекрасным характером: скромный, молчаливый, мирный и добродушный. Мак-Наббс всегда шел туда, куда ему указывали, всегда во всем со всеми соглашался. Он никогда ни о чем не спорил, ни с кем не препирался, никогда не выходил из себя. Так же спокойно, как по лестнице в свою спальню, взбирался он на откос разбитой траншеи: ничто не могло его взволновать или отклонить его от пути, даже бомба; и, вероятно, он так и умрет, не найдя случая рассердиться. Мак-Наббс обладал не только высшей степенью обычной боевой храбрости, физической храбрости, свойственной людям большой мускульной силы, но, что гораздо ценнее, у него было и нравственное мужество — сила духа. Единственной его слабостью было то, что он был шотландцем с головы до ног, и даже не шотландцем, а сыном Каледонии и упорно придерживался всех старинных обычаев своей родины. Поэтому он никогда не хотел служить Англии, а свой майорский чин получил в 42-м полку горной гвардии, командный состав которого пополнялся исключительно шотландскими дворянами. Будучи близким родственником Гленарвана, Мак-Наббс жил в Малькольм-Кэстле, а будучи майором, счел совершенно естественным отправиться в плавание на «Дункане».

Таковы были пассажиры яхты, которой по непредвиденным обстоятельствам суждено было совершить одно из самых изумительных путешествий новейших времен.

С момента своего появления у пароходной пристани Глазго «Дункан» стал возбуждать любопытство публики. Ежедневно его осматривало множество народа; только им и интересовались, только о нем и говорили. Это не очень-то нравилось другим капитанам, в том числе и капитану Бертону, который командовал великолепным пароходом «Шотландия», стоявшим у пристани бок о бок с «Дунканом» и готовившимся плыть в Калькутту. Ка-

питан этого громадного парохода действительно был вправе смотреть свысока на своего крошку-соседа, «Дункан». А между тем всеобщий интерес, притом со дня на день возраставший, сосредоточивался на яхте Гленарвана.

Время отплытия «Дункана» приближалось. Джон Манглс показал себя капитаном умелым и энергичным. Через месяц со дня испытания яхты в заливе Клайд, снабженный топливом, провиантом, оборудованный для дальнего плавания, «Дункан» уже был готов выйти в море. Отплытие было назначено на 25 августа. Таким образом, яхта могла прибыть в южные широты приблизительно к началу весны.

Когда проект Гленарвана получил известность, Эдуарду пришлось выслушать ряд предостережений, касавшихся утомительности и опасности подобного путешествия. Но Гленарван не обратил на них ни малейшего внимания, и решение его идти на поиски капитана Гранта осталось непоколебимым. Многие порицавшие Гленарвана в то же время втайне восхищались им. В конце концов общественное мнение открыто стало на его сторону, и вся печать, за исключением правительственных органов, единодушно осудила поведение лордов адмиралтейства. Впрочем, Гленарван был так же равнодушен к похвалам, как и к порицаниям, — он осуществлял то, что считал своим долгом, а до остального ему было мало дела.

24 августа Гленарван, Элен, майор Мак-Наббс, Мэри и Роберт Грант, мистер Олбинет, стюард[1] яхты, и его жена, миссис Олбинет, состоявшая при Элен Гленарван, покинули Малькольм-Кэстль. Преданные семье Гленарван слуги устроили им самые сердечные проводы.

Через несколько часов путешественники уже были на борту «Дункана». Население Глазго с большой симпатией приветствовало Элен, эту юную мужественную женщину, которая, отказавшись от роскошной жизни с ее спокойными удовольствиями, спешила на помощь несчастным людям, потерпевшим кораблекрушение.

Помещения Гленарвана и его жены находились на юте «Дункана» и состояли из двух спален, гостиной и двух

[1] Стюард — буфетчик.

небольших кабинетов для туалета. Затем имелась общая кают-компания, куда выходили шесть кают, из которых пять были заняты Мэри и Робертом Грант, мистером и миссис Олбинет и майором Мак-Наббсом. Каюты Джона Манглса и Тома Остина были расположены на носу яхты и выходили на палубу. Команда же была размещена в межпалубном помещении, и размещена с удобствами, ибо яхта не имела другого груза, кроме угля, провианта и оружия.

Таким образом, капитан получил в свое распоряжение достаточно много места внутри судна, и он искусно это использовал.

«Дункан» должен был выйти в море 25 августа, около трех часов утра, с началом отлива.

В одиннадцать часов вечера все были на борту. Капитан и команда занялись последними приготовлениями к отплытию. В полночь стали разводить пары. Капитан отдал приказ быстрее подбрасывать уголь, и вскоре клубы черного дыма смешались с ночным туманом. Паруса — они не могли быть использованы, так как дул юго-западный ветер, — были тщательно покрыты холщовыми чехлами для предохранения их от копоти.

В два часа ночи на «Дункане» стали чувствоваться толчки от дрожания паровых котлов; манометр показывал давление в четыре атмосферы; перегретый пар со свистом вырывался из-под клапанов. Между приливом и отливом наступил временный штиль. Начинало рассветать, и уже можно было разглядеть фарватер реки Клайд, его бакены с их потускневшими при свете зари фонарями. Надо было отплывать. Джон Манглс приказал известить об этом Гленарвана, и тот не замедлил подняться на палубу.

Вскоре начался отлив. Прозвучали громкие свистки «Дункана»: были отданы концы, яхта отвалила от пристани. Заработал винт, и «Дункан» двинулся по фарватеру реки. Джон не взял лоцмана: ему прекрасно был знаком фарватер реки Клайд, и никто не смог бы лучше вывести судно в открытое море. Яхта послушно двигалась по его воле. Молча и уверенно управлял он правой рукой машиной, а левой — рулем. Вскоре последние заводы, расположенные по берегам, сменились виллами, там

и сям возвышавшимися по прибрежным холмам. Городской шум замер вдали.

Час спустя «Дункан» пронесся мимо скал Думбартона; через два часа он был в заливе Клайд. А в шесть часов утра яхта уже неслась в открытом океане.

Глава VI

ПАССАЖИР КАЮТЫ НОМЕР ШЕСТЬ

В первый день плавания «Дункана» море было довольно неспокойно, и к вечеру ветер засвежел. «Дункан» сильно качало. Поэтому женщины не выходили на палубу. Они лежали в каютах на койках.

На следующий день ветер несколько изменил направление. Капитан Джон Мангле приказал поднять паруса: фок, контр-бизань и малый марсель. Благодаря этому «Дункан» стал устойчивее — меньше чувствовалась боковая и килевая качка. Элен и Мэри Грант смогли рано утром подняться на палубу, где уже находились Гленарван, майор и капитан.

Восход солнца был великолепен. Дневное светило, напоминавшее позолоченный металлический диск, поднималось из океана, словно из колоссальной гальванической ванны. «Дункан» скользил в потоках света, и казалось, что не ветер, а солнечные лучи надувают его паруса.

Пассажиры яхты молча созерцали появление сияющего светила.

— Что за чудное зрелище! — проговорила наконец Элен. — Такой восход солнца предвещает прекрасный день. Только бы ветер не переменился и продолжал быть попутным!

— Трудно желать более благоприятного ветра, дорогая Элен, — отозвался Гленарван, — и нам не приходится жаловаться на такое начало нашего путешествия.

— А скажите, дорогой Эдуард, сколько времени может продлиться наш переход?

— На это нам может ответить только капитан Джон... — сказал Гленарван. — Как идем мы, Джон? Довольны ли вы своим судном?

— Чрезвычайно доволен, сэр. Это чудесное судно — моряку приятно чувствовать его под ногами. И машина и корпус как нельзя лучше соответствуют друг другу. Вот почему яхта, как видите, оставляет за собой такой ровный след и так легко уходит от волны. Идем мы со скоростью семнадцати морских миль в час, и если скорость эта не понизится, то мы дней через десять пересечем экватор, а меньше чем через пять недель обогнем мыс Горн.

— Слышите, Мэри? Меньше чем через пять недель! — обратилась к молодой девушке Элен.

— Слышу, сударыня, — ответила Мэри. — Мое сердце забилось при этих словах капитана.

— Как вы переносите плавание, мисс Мэри? — спросил Гленарван.

— Не очень уж плохо, сэр. А скоро я и совсем освоюсь с морем.

— А наш юный Роберт?

— О, Роберт!.. — вмешался Джон Манглс. — Если его нет в машинном отделении, это значит, что он уже взобрался на мачту. Этот мальчуган просто насмехается над морской болезнью... Да вот сами полюбуйтесь. Видите, где он?

Взоры всех устремились туда, куда указывал капитан, — на фок-мачту: там, футах в ста от палубы, на канатах брам-стеньги висел Роберт. Мэри невольно вздрогнула.

— О, успокойтесь, мисс! — сказал Джон Манглс. — Я ручаюсь за него. Обещаю вам, что в недалеком будущем представлю капитану Гранту лихого молодца, — ведь я нисколько не сомневаюсь в том, что мы разыщем этого достойного капитана.

— О, если бы это было так! — ответила девушка.

— Милая мисс Мэри, будем надеяться, — заговорил Гленарван. — Все предвещает нам удачу. Взгляните на этих славных малых, взявшихся за осуществление нашей высокой цели. С ними мы не только добьемся успеха, но добьемся его без особенного труда. Я обещал Элен увеселительную прогулку и верю, что сдержу свое слово.

— Эдуард, вы лучший из людей! — воскликнула Элен Гленарван.

— Отнюдь нет, но у меня лучшая команда на лучшем судне... Разве вы не восхищаетесь нашим «Дунканом», мисс Мэри?

— Конечно, сэр, я восхищаюсь им, — ответила девушка, — и восхищаюсь как настоящий знаток.

— Вот как!

— Я еще ребенком играла на кораблях отца. Он должен был бы сделать из меня моряка. Но и теперь, если бы понадобилось, я, пожалуй, смогла бы взять на рифы парус.

— Что вы говорите, мисс! — воскликнул Джон Манглс.

— Если так, — сказал Гленарван, — то в лице капитана Джона вы несомненно будете иметь большого друга, ибо профессию моряка он ставит выше всякой другой на свете. Даже для женщины он не представляет себе ничего лучшего. Не правда ли, Джон?

— Совершенно верно, сэр, — ответил молодой капитан, — но я все же должен признаться, что, по-моему, мисс Грант более пристало находиться в рубке, чем ставить брамсель. Тем не менее мне было очень приятно слышать то, что она сказала.

— А особенно когда она так восхищалась «Дунканом»... — добавил Гленарван.

— ...который этого вполне заслуживает, — заявил Джон Манглс.

— Право, вы так гордитесь вашей яхтой, — сказала Элен, — что мне захотелось осмотреть ее всю до самого трюма, а также поглядеть, как наши славные матросы устроились в кубрике.

— Они превосходно устроились там, — ответил Джон Манглс: — совсем как дома.

— И они действительно дома, дорогая Элен, — сказал Гленарван. — Ведь эта яхта — часть нашей земли, так сказать уголок графства Думбартон, плывущий по волнам океана. И мы вовсе не покинули нашей родины: «Дункан» — это Малькольм-Кэстль.

— Ну, тогда, дорогой Эдуард, покажите же нам ваш замок, — шутливо промолвила Элен.

— К вашим услугам! — ответил Гленарван. — Но раньше позвольте мне сказать несколько слов Олбинету.

Стюард «Дункана» Олбинет был превосходный метрдотель, усердно и умно исполнявший свои обязанности. Он немедленно явился на зов своего хозяина.

— Олбинет, мы хотим прогуляться перед завтраком, — сказал Гленарван таким тоном, словно вопрос шел о прогулке в окрестностях замка. — Надеюсь, что к нашему возвращению завтрак будет на столе.

Олбинет с важностью отвесил поклон.

— Идете вы с нами, майор? — спросила Мак-Наббса Элен.

— Если прикажете, — ответил он.

— О, майор поглощен дымом своей сигары, — вмешался Гленарван, — не будем же отрывать его от этого занятия. Знаете, мисс Мэри, он у нас неутомимый курильщик — даже и во сне не выпускает изо рта сигару.

Майор кивнул головой в знак согласия. Остальные спустились в кубрик.

Оставшись один на палубе, Мак-Наббс, по своей всегдашней привычке, стал мирно беседовать сам с собой, окружая себя еще более густыми облаками дыма. Он стоял неподвижно и глядел на пенистый след за кормой яхты. После нескольких минут молчаливого созерцания он обернулся и увидел перед собой новое лицо. Если вообще что-нибудь могло удивить майора, то эта встреча, пожалуй, должна была удивить его, ибо появившееся лицо было ему совершенно незнакомо.

Этому высокому, сухощавому человеку могло быть лет сорок. Он напоминал длинный гвоздь с большой шляпкой. Голова у него была круглая и большая, лоб высокий, нос длинный, рот большой, подбородок острый. Глаза его скрывались за огромными круглыми очками, и неопределенный взгляд их, казалось, говорил о никталопии[1]. Лицо у него было умное и веселое. В нем не было неприветливости тех важных личностей, которые из принципа никогда не смеются, скрывая под личиной серьезности свое ничтожество. Напротив, непринужденность и милая бесцеремонность этого незнакомца ясно говорили о том, что он склонен видеть в людях и вещах их хорошие сто-

[1] Никталопия — особенное свойство глаз видеть предметы в темноте. *(Примеч. автора.)*

роны. Хоть он еще не открывал рта, чувствовалось, что он любит поговорить. Он производил впечатление одного из тех рассеянных людей, которые не видят того, на что они смотрят, и не слышат того, что им говорят. Незнакомец был в дорожной фуражке, обут в грубые желтые ботинки и кожаные гетры. На нем были бархатные коричневые панталоны и такая же куртка с бесчисленными туго набитыми карманами, откуда торчали всевозможные записные книжки, блокноты, бумажники, вообще масса столь же ненужных, как и обременительных предметов. Через плечо у него висела на ремне подзорная труба.

Возбужденное состояние незнакомца составляло любопытную противоположность невозмутимому спокойствию майора. Он вертелся вокруг Мак-Наббса, рассматривал его, кидал на него вопросительные взгляды, а тот, видимо, совсем не интересовался тем, откуда взялся этот господин, куда он направляется и почему он на борту «Дункана».

Когда загадочный незнакомец увидел, что все его попытки разбиваются о равнодушие майора, он схватил свою подзорную трубу — раздвинутая во всю длину, она достигала четырех футов — и, расставив ноги, неподвижный, как дорожный столб, направил ее на линию горизонта, где вода сливалась с небом. Понаблюдав так минут пять, он поставил свою подзорную трубу на палубу и оперся на нее, как на трость; но тут труба сложилась, части ее вошли одна в другую, и новый пассажир, внезапно потеряв точку опоры, едва не растянулся у грот-мачты.

Всякий другой на месте майора хотя бы улыбнулся, но он даже бровью не повел. Тогда незнакомец решил действовать.

— Стюард! — крикнул он с иностранным акцентом и стал ждать.

Никто не появлялся.

— Стюард! — позвал он уже громче.

Мистер Олбинет проходил в эту минуту в камбуз, находившийся под шканцами[1]. Каково же было его удивление, когда он услышал, что его так бесцеремонно окликает какой-то долговязый незнакомец!

[1] Шканцы — часть верхней палубы.

«Откуда он взялся? —спрашивал себя Олбинет. — Какой-нибудь друг мистера Гленарвана? Невозможно!» Он подошел к незнакомцу.

— Вы стюард этого судна? — спросил тот.

— Да, сэр, но я не имею чести...

— Я пассажир каюты номер шесть, — не дал ему договорить незнакомец.

— Каюты номер шесть? — повторил Олбинет.

— Ну да. А как ваше имя?

— Олбинет.

— Ну так вот, друг мой Олбинет, — сказал незнакомец из каюты номер шесть, — нужно подумать о завтраке, да не откладывая. Уже тридцать шесть часов, как я ничего не брал в рот, вернее сказать — я проспал тридцать шесть часов, что вполне простительно человеку, который, нигде не останавливаясь, примчался из Парижа в Глазго. Скажите, пожалуйста, в котором часу здесь завтрак?

— В девять, — машинально ответил Олбинет.

Незнакомец пожелал взглянуть на часы, но это заняло немало времени, так как часы он нашел только в девятом кармане.

— Пусть так. Но ведь еще нет и восьми часов! Ну тогда, Олбинет, в ожидании завтрака дайте-ка мне бисквитов и стакан черри: я падаю от истощения.

Олбинет слушал, ничего не понимая, а незнакомец говорил без умолку, с необыкновенной быстротой перескакивая с предмета на предмет.

— Ну, а где же капитан? Еще не встал? А его помощник? Он что, тоже спит? — трещал незнакомец. — К счастью, погода хорошая, ветер попутный, судно идет само собой.

Как раз в ту минуту, когда он это говорил, на лестнице юта показался Джон Манглс.

— Вот и капитан, — объявил Олбинет.

— Ах, я очень рад! — воскликнул незнакомец. — Очень рад познакомиться с вами, капитан Бертон!

Удивление Джона Манглса не имело границ, и не только потому, что его назвали капитаном Бертоном, а еще и потому, что он увидел незнакомца на борту своего судна.

— Я пассажир каюты номер шесть, — сказал незнакомец.

Тот продолжал рассыпаться в любезностях.

— Позвольте пожать вам руку, — сказал он. — Если я этого не сделал третьего дня вечером, то только потому, что в момент отплытия не следует никого беспокоить. Но сегодня, капитан, я прямо-таки счастлив познакомиться с вами.

Джон Манглс, широко открыв глаза, с удивлением смотрел то на Олбинета, то на незнакомца.

— Теперь мы познакомились с вами, дорогой капитан, — продолжал незнакомец, — и стали старыми друзьями. Ну, давайте поболтаем. Скажите, довольны вы своей «Шотландией»?

— О какой «Шотландии» вы говорите? — наконец спросил Джон Манглс.

— Да о пароходе «Шотландия», на котором мы с вами находимся. Это прекрасное судно. Мне расхвалили его и за внешние его качества и за нравственные достоинства его командира, славного капитана Бертона. А кстати, не родственник ли вы великого африканского путешественника Бертона, этого отважного человека? Если да, то примите мои горячие поздравления.

— Сэр, я не только не родственник путешественника Бертона, но я даже и не капитан Бертон, — ответил Джон Манглс.

— А-а... — протянул незнакомец. — Значит, я говорю с помощником капитана Бертона, мистером Берднессом?

— Мистер Берднесс? — переспросил Джон Манглс.

Он уже начал догадываться, в чем тут дело, только еще не мог разобрать, кто перед ним: сумасшедший или чудак. Молодой капитан уже собирался без дальнейших околичностей это выяснить, но на палубе появились Гленарван, его жена и мисс Грант.

Увидев их, незнакомец закричал:

— А, пассажиры! Пассажиры! Чудесно! Надеюсь, мистер Берднесс, вы будете так добры представить меня...

Но тут же, не ожидая посредничества Джона Манглса, он непринужденно выступил вперед.

— Миссис... — сказал он мисс Грант. — Мисс... — сказал он Элен. — Сэр... — прибавил он, обращаясь к Гленарвану.

— Мистер Гленарван, — пояснил Джон Манглс.

— Сэр, — продолжал незнакомец, — я прошу извинить меня за то, что сам представляюсь вам, но в море, мне кажется, можно несколько отступить от светского этикета. Надеюсь, мы быстро познакомимся, и в обществе этих дам путешествие на пароходе «Шотландия» покажется нам и коротким и приятным.

Ни Элен, ни мисс Грант не нашлись, что на это ответить. Они никак не могли объяснить себе, каким образом этот посторонний человек мог очутиться на палубе «Дункана».

— Сэр, — обратился к нему Гленарван, — с кем я имею честь говорить?

— С Жаком-Элиасеном-Франсуа-Мари Паганелем, секретарем Парижского географического общества, членом-корреспондентом географических обществ Берлина, Бомбея, Дармштадта, Лейпцига, Лондона, Петербурга, Вены, Нью-Йорка, а также почетным членом Королевского географического и этнографического института Восточной Индии. Вы видите перед собой человека, который, проработав над географией двадцать лет в качестве кабинетного ученого, наконец решил заняться ею практически и теперь направляется в Индию, чтобы связать там в одно целое труды великих путешественников.

Глава VII

ОТКУДА ПОЯВИЛСЯ И КУДА НАПРАВЛЯЛСЯ ЖАК ПАГАНЕЛЬ

Очевидно, секретарь Географического общества был приятным человеком, так как все это было сказано им чрезвычайно мило. Впрочем, теперь Гленарван прекрасно знал, с кем имеет дело: ему было хорошо известно уважаемое имя Жака Паганеля. Труды его по географии, доклады его о новейших открытиях, печатаемые в бюллетенях общества, переписка его чуть ли не со всем светом — все это сделало Паганеля одним из самых видных ученых Франции. Поэтому Гленарван сердечно протянул руку своему нежданному гостю.

— А теперь, когда мы представились друг другу, —

сказал он, — вы позволите мне, господин Паганель, задать вам один вопрос?

— Хоть двадцать, сэр, — ответил Жак Паганель: — разговор с вами всегда будет для меня удовольствием.

— Вы явились на борт этого судна третьего дня вечером?

— Да, сэр, третьего дня, в восемь часов вечера. Прямо из вагона я бросился в кэб, а из кэба — на «Шотландию», где я еще из Парижа заказал каюту номер шесть. Ночь была темная. Я никого не заметил на палубе. А так как я был утомлен тридцатичасовой дорогой и к тому же знал, что во избежание морской болезни полезно немедленно по прибытии на судно улечься на койку и не вставать с нее в первые дни плавания, то я сейчас же лег и самым добросовестным образом, смею вас уверить, проспал целых тридцать шесть часов!

Теперь для слушателей Жака Паганеля стало ясно, каким образом он очутился на борту их яты. Французский путешественник, перепутав суда, сел на «Дункан» в то время, когда на нем почти никого не было. Все объяснялось очень просто. Но что скажет ученый-географ, узнав название и место назначения судна, на которое он попал?

— Итак, господин Паганель, вы избрали Калькутту исходным пунктом ваших сухопутных путешествий? — спросил Гленарван.

— Да, сэр. Всю свою жизнь я лелеял мечту увидеть Индию. И вот наконец-то эта заветная мечта осуществится!

— Значит, господин Паганель, для вас было бы не безразлично, если бы вам пришлось посетить не эту, а какую-нибудь другую страну?

— Мне было бы это, сэр, не только не безразлично, а даже очень неприятно, так как у меня имеются рекомендательные письма к лорду Соммерсету, генерал-губернатору Индии, да к тому же мне дано Географическим обществом поручение, которое я должен выполнить.

— А! Вам дано поручение?

— Да, мне поручено осуществить одно полезное и любопытное путешествие, план которого был разработан моим ученым другом и коллегой, господином Вивьеном

де Сен-Мартеном. По этому плану, мне надлежит направиться по следам братьев Шлагинвайт, полковника Воу, Вебба, Ходжона, миссионеров Хука и Габэ, Муркрофта, Жюля Реми и многих других известных путешественников. Я хочу добиться того, что, к несчастью, не удалось осуществить в 1846 году миссионеру Крику, то-есть обследовать течение реки Яру-Дзангбо-Чу, которая, огибая с севера Гималайские горы, на протяжении тысячи пятисот километров орошает Тибет. Мне хотелось бы наконец выяснить, не сливается ли эта река на северо-востоке Ассамы с рекой Брамапутрой. А уж тому путешественнику, которому удастся осветить этот важнейший для географии Индии вопрос, будет, конечно, обеспечена золотая медаль.

Паганель был восхитителен. Он говорил с неподражаемым воодушевлением, он так и несся на быстрых крыльях фантазии. Остановить его было бы так же невозможно, как воды водопада на Рейне.

— Господин Жак Паганель, — начал Гленарван, когда знаменитый ученый сделал минутную передышку, — конечно, то путешествие, о котором вы сообщили нам, — прекрасное путешествие, и наука будет вам за него признательна. Но я не хочу держать вас дольше в заблуждении и потому должен сказать, что, по крайней мере, на ближайшее время вам придется отказаться от удовольствия побывать в Индии.

— Отказаться? Почему?

— Да потому, что вы плывете в сторону, противоположную Индийскому полуострову.

— Как! Капитан Бертон...

— Я не капитан Бертон, — отозвался Джон Манглс.

— Но «Шотландия»...

— Это судно — не «Шотландия»!

Удивление Паганеля не поддается описанию. Он посмотрел по очереди на Гленарвана, сохранявшего совершенную серьезность, на Элен и Мэри Грант, лица которых выражали огорчение и сочувствие, на улыбавшегося Джона Манглса, на невозмутимого майора, а затем, пожав плечами, опустив очки со лба на нос, воскликнул:

— Что за шутка!

Но в этот момент глаза его остановились на штурвале, и он прочел надпись: «Дункан. Глазго».

— «Дункан»! «Дункан»! — крикнул Паганель в отчаянии, а затем, стремглав сбежав с лестницы, устремился в свою каюту.

Как только злосчастный ученый исчез, никто на яхте, кроме майора, не в силах был удержаться от смеха; хохотали и матросы. Ошибиться, когда едешь по железной дороге, ну хотя бы сесть в поезд, идущий в Эдинбург, когда надо ехать в Думбартон, — еще куда ни шло, но перепутать судно и плыть в Чили, когда нужно отправиться в Индию, — это уже верх рассеянности!

— Впрочем, такой случай с Жаком Паганелем меня не удивляет, — заметил Гленарван. — Он ведь известен подобными злоключениями. Однажды он издал прекрасную карту Америки, куда умудрился втиснуть Японию. Но все это не мешает ему быть выдающимся ученым и одним из лучших географов Франции.

— Что же мы будем делать с этим беднягой? — проговорила Элен. — Не можем же мы увезти его с собой в Патагонию!

— А почему нет? — веско сказал Мак-Наббс. — Разве мы ответственны за его рассеянность? Предположите, что он попал не в тот поезд, который был ему нужен, — разве он мог бы его остановить?

— Не мог бы, но он сошел бы на ближайшей станции, — возразила Элен.

— Ну, так это он сможет сделать, если пожелает, в первой же гавани, где мы остановимся, — заметил Гленарван.

В это время Паганель, убедившись, что багаж его находится на том же судне, снова поднялся на палубу, Удрученный и пристыженный, он твердил одно и то же злополучное слово: «Дункан», «Дункан», будто не находя других слов в своем лексиконе. Он ходил взад и вперед, рассматривая мачты яхты, вопрошая безмолвный горизонт открытого моря. Наконец он снова подошел к Гленарвану.

— А куда идет этот «Дункан»? — спросил он.

— В Америку, господин Паганель.

— Куда именно?

— В Консепсион.

— В Чили! В Чили! — закричал злополучный ученый. — А моя экспедиция — в Индию! Что скажет господин Катрфаж, президент Центральной комиссии! А господин Кортамбер! А господин Вивьен де Сен-Мартен! Как смогу я теперь показаться на заседании Географического общества!

— Не отчаивайтесь, господин Паганель, — стал успокаивать его Гленарван, — все это может кончиться для вас сравнительно небольшой потерей времени. А река Яру-Дзангбо-Чу пока подождет вас в горах Тибета. Скоро мы зайдем на остров Мадейра, и там вы сядете на судно, которое доставит вас обратно в Европу.

— Благодарю вас, сэр. Видно, уж придется примириться с этим. Но, надо сказать, приключение удивительное! Только со мной подобная вещь и могла случиться. А моя каюта, заказанная на «Шотландии»!..

— Ну, о «Шотландии» вам лучше пока забыть.

— Но мне кажется, — снова начал Паганель, еще раз оглядывая судно, — «Дункан» — увеселительная яхта?

— Да, сэр, — отозвался Джон Манглс, — и принадлежит она мистеру Гленарвану...

— ...который просит вас широко пользоваться его гостеприимством, — докончил Гленарван.

— Бесконечно благодарен вам, сэр, — ответил Паганель. — Глубоко тронут вашей любезностью. Но позвольте мне высказать вам такое простое соображение: Индия — чудесная страна, неисчерпаемый источник самых удивительных сюрпризов для путешественников. Наверно, ваши дамы не бывали там... И стоит рулевому повернуть руль, как «Дункан» так же свободно направится к Калькутте, как и к Консепсиону, а раз это увеселительное путешествие...

Но тут, видя, что Гленарван отрицательно покачивает головой, Паганель, не докончив своей фразы, умолк.

— Господин Паганель, — сказала Элен, — если бы это было увеселительное путешествие, то я, не задумываясь, ответила бы вам: «Давайте все вместе отправимся в Индию», и сэр Гленарван, я уверена, не был бы против этого. Но дело в том, что «Дункан» плывет в Америку, чтобы привезти оттуда на родину людей, потерпевших круше-

ние у патагонских берегов, и потому он не может отказаться от такой гуманной цели.

Через несколько минут французский путешественник был уже в курсе дела. Не без волнения услыхал он о чудесном нахождении документа, об истории капитана Гранта и о великодушном предложении Элен.

— Сударыня, — обратился он к ней, — позвольте мне выразить вам безграничное восхищение, которое внушает мне ваш поступок. Пусть ваша яхта продолжает свой путь! Я чувствовал бы угрызения совести, если бы задержал ее хоть на один день.

— Так вы хотите присоединиться к нашей экспедиции? — спросила Элен.

— Это для меня невозможно: я должен выполнить данное мне поручение. Я высажусь на первой же вашей стоянке.

— Тогда, значит, на острове Мадейра, — заметил Джон Манглс.

— Пусть на острове Мадейра. Я буду там всего в ста восьмидесяти милях от Лиссабона и стану ждать какого-нибудь судна.

— Ну что ж, господин Паганель, — сказал Гленарван, — так и будет сделано. Что касается меня, я счастлив, что могу на эти несколько дней предложить вам быть моим гостем на этой яхте. Будем надеяться, что вы не слишком соскучитесь в нашем обществе!

— О, — воскликнул ученый, — это еще счастье, сэр, что я ошибся судном так удачно! Тем не менее нельзя не признаться, что человек, направлявшийся в Индию и плывущий в Америку, попал в довольно-таки смешное положение.

Как ни печально это было, Паганелю пришлось примириться с задержкой, которую он не был в силах предотвратить. Он оказался человеком очень милым, веселым, конечно рассеянным и очаровал дам своим неизменно хорошим настроением. В течение первого же дня Паганель со всеми подружился. Он попросил, чтобы ему показали знаменитый документ, и долго, внимательно изучал его, вникая во все мелочи. Иное истолкование документа казалось ему невозможным. Он отнесся с живым участием к Мэри Грант и ее брату и старался внушить им твердую

надежду на встречу с отцом. Он так уверовал в успех экспедиции «Дункана», так радужно смотрел на все, что, слушая его, молодая девушка не могла не улыбаться. Конечно, не будь у него поручения, он, несомненно, бросился бы на поиски капитана Гранта.

Когда же Паганель узнал, что Элен — дочь известного путешественника Вильяма Туффнеля, он разразился восторженными восклицаниями. Он знал ее отца. Какой это был отважный ученый! Сколькими письмами обменялись они, когда Вильям Туффнель был членом-корреспондентом Парижского географического общества! И это он, он, Паганель, вместе с господином Мальт-Брюном предложил Туффнеля в члены общества!.. Какая встреча! Какое удовольствие путешествовать с дочерью Вильяма Туффнеля!

В заключение географ попросил у Элен разрешения поцеловать ее. Поцелуй был разрешен, хотя это и было немного «неприлично».

Глава VIII

НА «ДУНКАНЕ» СТАЛО ОДНИМ СЛАВНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ БОЛЬШЕ

Между тем яхта благодаря попутным течениям у берегов Северной Африки быстро приближалась к экватору. 30 августа показался остров Мадейра. Гленарван, помня свое обещание, сообщил Паганелю, что «Дункан» может сделать там остановку, чтобы высадить ученого на берег.

— Дорогой Гленарван, — ответил Паганель, — давайте поговорим с вами попросту, без церемоний. Скажите, намеревались ли вы до моего появления сделать остановку у Мадейры?

— Нет, — сказал Гленарван.

— Тогда разрешите мне использовать мою злосчастную рассеянность. Остров Мадейра слишком хорошо известен. Он не представляет никакого интереса для географа. Все о нем уже сказано и написано; к тому же когда-то знаменитое тамошнее виноделие теперь в полнейшем упадке. Подумайте только: на Мадейре больше

нет виноградников! В 1813 году там добывалось двадцать две тысячи пип[1] вина, а в 1845 году количество это снизилось до двух тысяч шестисот шестидесяти девяти пип. В настоящее же время оно не составляет и пятисот пип. Прискорбное явление! Итак, если вам безразлично, сделать ли остановку здесь или у Канарских островов...

— Тогда сделаем остановку у Канарских островов, — ответил Гленарван, — они у нас на пути.

— Я это знаю, дорогой Гленарван. А Канарские острова, состоящие из трех групп, представляют большой интерес для изучения, не говоря уже о Тенерифском пике — мне всегда хотелось его увидеть. Теперь же как раз представится для этого удобный случай. Им я воспользуюсь и в ожидании судна, которое доставит меня обратно в Европу, поднимусь на эту знаменитую гору.

— Как вам будет угодно, дорогой Паганель, — невольно улыбаясь, ответил Гленарван.

И у него были основания улыбаться.

Канарские острова находятся недалеко от Мадейры, всего в двухстах пятидесяти милях — расстояние незначительное для такой быстроходной яхты, как «Дункан».

31 августа в два часа дня Джон Мангле и Паганель разгуливали по палубе. Француз забрасывал своего компаньона вопросами относительно Чили.

— Господин Паганель! — вдруг прервал его капитан, указывая на какую-то точку на южной стороне горизонта.

— Что такое, дорогой капитан? — отозвался ученый.

— Соблаговолите посмотреть вон в ту сторону. Вы ничего там не видите?

— Ничего.

— Вы не туда смотрите, — это не у горизонта, но повыше, среди облаков.

— Среди облаков? Сколько я ни смотрю...

— Ну вот, теперь взгляните по направлению рейки бушприта[2].

— Ничего не вижу.

— Да вы просто не хотите видеть! Но поверьте мне, что хотя мы еще и в сорока милях от Тенерифского пика,

---

[1] Пипа равна 50 гектолитрам. *(Примеч. автора.)*

[2] Бушприт — мачта, выставленная вперед с носа корабля.

а его остроконечная вершина уже ясно вырисовывается над горизонтом.

Хотел Паганель видеть эту гору или нет, но через несколько часов ему, чтобы не прослыть слепым, пришлось согласиться с Джоном Манглсом.

— Наконец-то вы ее видите, — сказал ему капитан.

— Да, да, вижу совершенно ясно. И это и есть так называемый Тенерифский пик? — пренебрежительно прибавил географ.

— Он самый.

— А он производит впечатление не очень высокой горы.

— Однако он возвышается на одиннадцать тысяч футов над уровнем моря.

— Но ему, во всяком случае, далеко до Монблана.

— Возможно, но когда дело дойдет до подъема на эту гору, пожалуй, и вы тогда найдете, что она довольно-таки высока.

— Подниматься? Подниматься на Тенерифский пик? К чему это, дорогой капитан, после Гумбольдта и Бонплана? Гениальный Гумбольдт поднялся на эту гору и описал ее так, что уж ничего не прибавишь. Он тогда же установил ее пять поясов: пояс виноградников, пояс лавров, пояс сосен, пояс альпийских вересков и, наконец, пояс, где совершенно отсутствует растительность. Гумбольдт добрался до самой высшей точки Тенерифского пика — там негде было даже сесть. Перед его глазами расстилалось пространство, равное четвертой части Испании. Затем он спустился до самого дна кратера этого потухшего вулкана. Спрашивается: что остается мне делать на этой горе после такого великого человека?

— Действительно, после него вам новых сведений не раздобыть, — согласился Джон Манглс. — А жаль, так как вам будет ужасно скучно в Тенерифском порту в ожидании прихода судна. На какие-либо развлечения надежд там мало.

— Понятно, тут можно рассчитывать только на самого себя, — смеясь, заметил Паганель. — Но скажите, дорогой Манглс, разве нет на островах Зеленого Мыса крупных портов?

— Конечно, есть. И для вас, например, было бы

очень легко сесть в Вилла-Прайя на пароход, идущий в Европу.

— Не говоря уж об одном немалом преимуществе, — заметил Паганель: — ведь острова Зеленого Мыса недалеко от Сенегала, где я найду земляков. Конечно, мне прекрасно известно, что эту группу островов считают малоинтересной, пустынной, да и климат там нездоровый. Но для глаз географа все любопытно: уметь видеть — это наука. Есть люди, которые не умеют видеть и путешествуют так же «умно», как какие-нибудь ракообразные. Но поверьте, я не из их школы.

— Как вам будет угодно, господин Паганель, — ответил Джон Манглс. — Я же уверен, что ваше пребывание на островах Зеленого Мыса обогатит географическую науку. А мы как раз должны туда зайти, чтобы запастись углем, и ваша высадка там нас нисколько не задержит.

Сказав это, капитан взял курс к западным берегам Канарских островов. Знаменитый Тенерифский пик остался за кормой. Продолжая идти таким же быстрым ходом, «Дункан» пересек 2 сентября, в пять часов утра, тропик Рака. Погода стала меняться. Воздух сделался тяжелым и влажным, как всегда в период дождей. Время это испанцы зовут «временем луж». Оно очень тягостно для путешественников, но полезно для жителей африканских островов, страдающих от недостатка растительности, а значит, и от недостатка влаги. Бурное море не позволяло пассажирам яхты оставаться на палубе, но разговоры в кают-компании не стали от этого менее оживленными.

3 сентября Паганель, готовясь высадиться на берег, принялся укладывать свои вещи. «Дункан» уже лавировал между островами Зеленого Мыса. Он прошел мимо острова Соль, бесплодного и унылого, как песчаная могила, прошел вдоль обширных коралловых рифов, а затем, оставив в стороне остров св. Якова, перерезанный с севера на юг цепью базальтовых гор, вошел в бухту Вилла-Прайя и стал на якорь у самого города. Погода была ужасная, и бушевал прибой, несмотря на то что бухта была защищена от морских ветров. Дождь лил как из ведра, и сквозь его потоки едва можно было разгля-

деть город. Расположен он был среди равнины, на горной террасе, упирающейся в отроги мощных скал вулканического происхождения, вышиной в триста футов. Вид острова сквозь частую завесу дождя был удручающе унылый.

Элен Гленарван не удалось осуществить свое намерение побывать в городе. Погрузка угля протекала с большими затруднениями. В то время как море и небо в каком-то смятении смешивали свои воды, нашим пассажирам не оставалось ничего другого, как сидеть в каюткомпании. Естественно, злободневной темой разговоров на яхте была погода. Каждый сказал что-нибудь по этому поводу. Один майор не проронил ни слова; он, кажется, с полным равнодушием присутствовал бы и при всемирном потопе.

Паганель ходил взад и вперед, покачивая головой.

— Как будто это делается нарочно! — повторял он.

— Да, стихии против вас, — отозвался Гленарван.

— А я все-таки восторжествую над ними.

— Не можете же вы покинуть яхту в такую погоду, — сказала Элен.

— Я лично, сударыня, прекрасно мог бы и опасаюсь только за свой багаж и инструменты: ведь все пропадет.

— Опасен только момент высадки, — заметил Гленарван, — а как только вы попадете в Вилла-Прайя, вы там устроитесь не так уж плохо. Правда, относительно чистоты можно пожелать большего: придется жить с обезьянами и свиньями, а соседство с ними далеко не всегда приятно. Но путешественник не должен обращать внимания на такие мелкие неудобства. К тому же надо надеяться, что месяцев через семь-восемь вам удастся сесть на судно, идущее в Европу.

— Через семь-восемь месяцев!—воскликнул Паганель.

— Да, и это самое меньшее: ведь в период дождей суда не очень-то часто заходят на острова Зеленого Мыса. Но вы сможете с пользой употребить свое время. Этот архипелаг еще мало известен. Здесь есть над чем поработать и в области топографии местности, и климатологии, и этнографии, и гипсометрии [1].

---

[1] Гипсометрия — измерение высоты местности.

— Вы сможете заняться обследованием рек, — заметила Элен.

— Таковых там не имеется, — ответил Паганель.

— Ну, займитесь речками.

— Их также нет.

— Тогда какими-нибудь потоками, ручьями...

— И их не существует.

— В таком случае, вам придется обратить свое внимание на леса, — промолвил майор.

— Для лесов необходимы деревья, а они здесь отсутствуют.

— Приятный край, нечего сказать! — отозвался майор.

— Утешьтесь, дорогой Паганель, — сказал Гленарван: — ведь вам все же остаются горы.

— О сэр! Горы эти и невысоки и неинтересны. Да к тому же они уже изучены.

— Изучены? — удивился Гленарван.

— Да. Как всегда, мне не везет. Там, на Канарских островах, все было уже сделано Гумбольдтом, а здесь меня опередил один геолог, господин Шарль Сен-Клер-Девиль.

— Неужели?

— Увы, это так! — жалобно ответил Паганель. — Этот ученый был на борту французского корвета «Решительный», когда тот стоял у островов Зеленого Мыса. И вот Сен-Клер воспользовался своим пребыванием здесь, чтобы подняться на самую интересную из вершин архипелага, а именно — на вулкан острова Фого. Скажите же на милость, что мне остается делать после него?

— Это действительно прискорбно, — промолвила Элен. — Что же вы, господин Паганель, думаете предпринять?

Паганель несколько минут пребывал в молчании.

— Право, вам надо было высадиться на Мадейре, хоть там и нет больше вина, — заметил Гленарван.

Ученый секретарь Парижского географического общества попрежнему молчал.

— Я бы подождал еще, — заявил майор совершенно тем же тоном, каким он мог сказать: «Я не стал бы ждать».

— Дорогой Гленарван, — прервал наконец молчание Паганель, — где вы думаете сделать следующую остановку?

— О, не раньше чем в Консепсионе.

— Чорт возьми! Это меня чрезвычайно отдаляет от Индии!

— Да нет же: как только вы обогнете мыс Горн, вы начнете к ней приближаться...

— Это-то я знаю.

— К тому же, — продолжал Гленарван самым серьезным тоном, — не все ли равно, попадете ли вы в Ост- или Вест-Индию?

— А знаете, сэр, — воскликнул Паганель, — ведь этот довод никогда не пришел бы мне в голову!

— А что касается золотой медали, дорогой Паганель, — продолжал Гленарван, — то ее можно заслужить в любой стране. Всюду можно работать, производить изыскания, делать открытия: и в горных цепях Кордильер и в горах Тибета.

— Но как же быть с моим исследованием реки Яру-Дзангбо-Чу?

— Ну что ж, вы ее замените Рио-Колорадо. Ведь эта большая река очень мало известна. Географы заставляют ее протекать по карте довольно-таки произвольным путем.

— Я это знаю, дорогой. Встречаются ошибки в несколько градусов. Я нисколько не сомневаюсь в том, что обратись я к Географическому обществу с просьбой послать меня в Патагонию, оно так же охотно командировало бы меня туда, как и в Индию. Но эта мысль не пришла мне в голову.

— По вашей обычной рассеянности...

— А не отправиться ли вам вместе с нами, господин Паганель? — спросила ученого Элен самым любезным тоном.

— Сударыня, а мое поручение?..

— Предупреждаю вас, что мы пройдем Магелановым проливом, — объявил Гленарван.

— Сэр, вы искуситель!

— Добавляю, что мы побываем в порте Голода.

— Порт Голода! — воскликнул атакованный со всех

сторон француз. — Да ведь это же порт, знаменитый в географических летописях!

— Примите еще то во внимание, господин Паганель, — продолжала Элен, — что ваше участие в этой экспедиции поставит имя Франции рядом с именем Шотландии.

— Да, конечно!

— География может принести пользу нашей экспедиции, а что может быть прекраснее, чем поставить науку на службу человечеству!

— Вот это хорошо сказано!

— Поверьте мне: повинуйтесь, как это сделали мы, воле случая. Случай послал нам этот документ, и мы двинулись в путь. Случай же привел вас на борт «Дункана», ну и не покидайте его.

— Сказать вам, друзья мои, что я думаю? — промолвил Паганель. — Так вот: вам очень хочется, чтобы я остался.

— И вам самому, Паганель, смертельно хочется остаться, — заявил Гленарван.

— Верно! — воскликнул ученый-географ. — Но я боялся быть навязчивым.

Глава IX

ПРОЛИВ МАГЕЛЛАНА

Все на яхте обрадовались, узнав о решении Паганеля. Юный Роберт с такой пылкостью бросился ему на шею, что почтенный секретарь Географического общества едва удержался на ногах.

— Бойкий мальчуган! — сказал Паганель. — Я обучу его географии.

А так как Джон Манглс брался сделать из Роберта моряка, Гленарван — человека мужественного, майор — хладнокровного, Элен — доброго и великодушного, а Мэри Грант — благодарного таким учителям, то, очевидно, юному Гранту предстояло стать незаурядным человеком.

«Дункан», быстро закончив погрузку угля, покинул эти унылые места. Уклонившись к западу, он попал в

течение, проходившее у берегов Бразилии, а 7 сентября при сильном северном ветре пересек экватор и очутился в Южном полушарии.

Переход совершался без затруднений. Все верили в успех экспедиции. Количество шансов найти капитана Гранта, казалось, с каждым днем увеличивалось. Одним из наиболее уверенных в успехе был капитан «Дункана». Объяснялось это главным образом его горячим желанием, чтобы мисс Мэри утешилась и была счастлива. Джон Манглс особенно интересовался этой молодой девушкой и так удачно скрывал свои чувства, что все на «Дункане», кроме Мэри Грант и его самого, заметили их. Что же касается ученого-географа, то, вероятно, он был самым счастливым человеком во всем Южном полушарии. Он по целым дням изучал географические карты, разложенные на столе в кают-компании. Из-за этого у него происходили ежедневные споры с мистером Олбинетом, которому он мешал накрывать на стол. И надо сказать, что в этих спорах на стороне Паганеля были все пассажиры яхты, за исключением майора — тот относился к географии с обычным своим равнодушием, в особенности же в обеденное время. Кроме своих географических изысканий, Паганель занялся и кое-чем другим. Он раскопал у помощника капитана ящик с книгами и, найдя среди них несколько испанских, решил изучать язык Сервантеса. Этого языка, надо заметить, никто на яхте не знал. Знание испанского должно было облегчить нашему географу изучение Чилийского побережья. Благодаря своим лингвистическим способностям Паганель надеялся свободно говорить на этом новом для него языке ко времени прихода яхты в Консепсион. Поэтому он с ожесточением изучал испанский язык и беспрестанно бормотал непонятные слова.

В свободное время он еще умудрялся заниматься с Робертом: рассказывал ему о берегах, к которым «Дункан» так быстро приближался.

10 сентября, когда яхта находилась под 5°37′ широты и 31°15′ долготы, новые приятели Паганеля узнали нечто, о чем, вероятно, не подозревают и более образованные люди. Паганель излагал им историю Америки. Дойдя до великих мореплавателей, по пути которых сле-

довал «Дункан», он заговорил о Христофоре Колумбе и закончил утверждением, что великий генуэзец так и умер, не подозревая, что он открыл Новый Свет.

Тут вся аудитория громко запротестовала, но Паганель стоял на своем.

— Это совершенно достоверно, — объявил он. — Я отнюдь не хочу умалять славу Колумба, но факт остается фактом. В конце пятнадцатого века все помыслы людей были направлены к тому, чтобы облегчить сношения с Азией и западными путями выйти к востоку. Одним словом, стремились найти кратчайший путь в «страну пряностей». Это и пытался осуществить Колумб. Он предпринял целых четыре путешествия, приставал к Америке у берегов Куманы, Гондураса, Москитного берега, Никарагуа, Верагуа, Коста-Рики и Панамы, причем все эти земли считал японскими и китайскими. И он умер, не подозревая о существовании огромного материка, увы, даже не унаследовавшего его имени.

— Я готов поверить вам, дорогой Паганель, — отозвался Гленарван. — Но позвольте мне удивиться и задать вам вопрос: кто же из мореплавателей правильно понял открытие Колумба?

— Его последователи, начиная с Охеда, который сопровождал Колумба в его путешествиях, затем Винсент Пинсон, Америго Веспуччи, Мендоса, Бастидас, Кабраль, Солис, Бальбоа. Эти мореплаватели проплыли вдоль восточных берегов Америки, отмечая на карте их границы: триста шестьдесят лет назад их несло к югу то самое течение, которое теперь несет и нас с вами. Представьте, друзья мои, мы пересекли экватор как раз в том месте, где пересек его Пинсон в последний год пятнадцатого века, и мы приближаемся к тому самому восьмому градусу южной широты, под которым Пинсон высадился тогда у берегов Бразилии. Годом позже португалец Кабраль спустился южнее — до порта Сегуро. Затем мореплаватель Веспуччи во время своей третьей экспедиции, в 1502 году, продвинулся еще дальше на юг. В 1508 году Винсент Пинсон и Солис соединились для совместного обследования американских берегов, и в 1514 году Солис открыл устье реки Ла-Платы и там же был съеден туземцами. Вследствие гибели Солиса честь первым обогнуть

новый материк выпала Магеллану. Этот великий мореплаватель в 1519 году направился к Америке с пятью судами. Он проплыл вдоль берегов Патагонии, открыл порт Желанный, а также и порт святого Юлиана, где долго простоял. Затем, открыв под пятьдесят вторым градусом широты тот пролив Одиннадцати Тысяч Дев, который со временем получил его имя, Магеллан вышел в Тихий океан. Ах, какую радость он должен был почувствовать, как забилось от волнения его сердце, когда перед его глазами, сверкая под лучами солнца, раскинулось новое море!

— Как бы мне хотелось быть там! — воскликнул Роберт, воодушевленный словами географа.

— И мне бы этого хотелось, мой мальчик, и, конечно, я не пропустил бы подобного случая, родись я на триста лет раньше.

— Это было бы печально для нас, господин Паганель, — отозвалась Элен, — так как в этом случае вы не сидели бы сейчас с нами на палубе «Дункана» и мы не услышали бы всего того, что вы сейчас рассказали нам.

— Другой бы рассказал вам об этом вместо меня, сударыня, и он еще прибавил бы, что западный берег Америки был исследован братьями Писарро. Эти искатели приключений основали здесь целый ряд городов. Куско, Квито, Лима, Сант-Яго, Вилла-Рика, Вальпарайсо и Консепсион, куда направляется наш «Дункан», — все эти города основаны ими. Открытия братьев Писарро примкнули к открытиям Магеллана, и очертания американских берегов были, к большому удовлетворению ученых Старого Света, занесены на карту.

— Ну, я не удовлетворился бы этим, — заявил Роберт.

— Почему же? — спросила Мэри, глядя на своего юного брата, увлеченного рассказом обо всех этих открытиях.

— В самом деле, мой мальчик, почему? — с ободряющей улыбкой задал ему тот же вопрос Гленарван.

— Да потому, что я захотел бы узнать, есть ли еще что-нибудь за Магеллановым проливом.

— Браво, друг мой! — воскликнул Паганель. — Я тоже захотел бы узнать, простирается ли материк до Юж-

ного полюса или там открытое море, как предполагал Дрейк, один из ваших соотечественников. Итак, несомненно, что если бы Роберт Грант и Жак Паганель жили в семнадцатом веке, то они непременно отправились бы вслед за Схоутеном и Лемером, стремясь, как и они, отгадать эту географическую загадку.

— Это были ученые? — спросила Элен.

— Нет, просто смелые коммерсанты, которых довольно мало интересовала научная сторона открытий. В то время существовала голландская Ост-Индская компания, которая одна имела право провозить товары через Магелланов пролив. А так как тогда не знали другого пути в Азию, кроме этого пролива, то Ост-Индская компания являлась настоящей монополисткой. И вот несколько коммерсантов решили бороться с этой монополией путем открытия другого пролива. В числе этих коммерсантов был некий Исаак Лемер, человек умный и образованный. Он снарядил на свои средства экспедицию, во главе которой были поставлены его племянник Яков Лемер и Схоутен, опытный моряк родом из Горна. Эти отважные мореплаватели пустились в путь в июне 1615 года, почти через сто лет после Магеллана. Они открыли новый пролив между территорией Штатов и Огненной Землей, названный проливом Лемера, а в феврале 1616 года они обогнули столь известный теперь мыс Горн, который еще больше, чем его собрат, мыс Доброй Надежды, имел бы основание называться мысом Бурь.

— Ну конечно, я захотел бы быть там! — воскликнул Роберт.

— И ты, мой мальчик, находился бы у источника самых ярких радостей! — с воодушевлением сказал Паганель. — В самом деле, может ли быть на свете большее удовлетворение, большая радость, чем те, которые испытывает мореплаватель, нанося на судовую карту свои открытия! Ему кажется, что на его глазах создаются мало-помалу новые земли, как бы всплывая из морских волн, остров за островом, мыс за мысом. Сначала контуры этих земель неясны, изломанны, прерываются: тут — уединенный мыс, там — изолированная бухта, дальше — затерянный в пространстве пролив. Но со временем открытия дополняют друг друга, прерывистые линии

соединяются, вместо точек на картах появляются линии; бухты вдаются в сушу на определенных местах, мысы опираются на точно известные берега, и вот наконец появляется на глобусе во всем своем великолепии новый материк со своими озерами, реками, речками, горами, долинами, равнинами, деревнями, городами, столицами. Ах, друзья мои, человек, открывающий новые земли, — тот же изобретатель! Он переживает те же волнения, те же неожиданности. Но в настоящее время источник этот почти иссяк: всё видели, всё обследовали, всё, что можно было открыть, открыли, и нам, теперешним географам, больше нечего делать.

— Нет, дорогой Паганель, еще есть что делать, — возразил Гленарван.

— А что же?

— Да то, что мы делаем.

Между тем «Дункан» несся с замечательной быстротой по пути Веспуччи и Магеллана. 15 сентября он пересек тропик Козерога и взял курс к знаменитому проливу. Несколько раз показывались низкие берега Патагонии, но всегда в виде едва заметной полоски на горизонте. Берега эти отстояли больше чем на десять миль, и даже Паганель, смотря в свою знаменитую подзорную трубу, мог получить об американских берегах лишь весьма неясное представление.

25 сентября «Дункан» был уже у пролива Магеллана. Молодой капитан без колебаний ввел в него яхту. Этот путь обычно считается наиболее предпочтительным для пароходов, направляющихся в Тихий океан. Точная длина Магелланова пролива составляет всего триста семьдесят шесть миль. Глубок он настолько, что по нему могут проходить даже у самых берегов крупнейшие суда. Дно его чрезвычайно удобно для якорных стоянок. По его берегам много источников пресной воды; рек, изобилующих рыбой; лесов, богатых дичью; ряд легкодоступных и безопасных гаваней. Словом, здесь множество преимуществ, отсутствующих и в проливе Лемера и у мыса Горн с его грозными скалами, где непрестанно свирепствуют ураганы и штормы.

В первые часы плавания по Магелланову проливу, то-есть на протяжении шестидесяти-восьмидесяти миль,

приблизительно до мыса Грегори, берега низки и песчаны. Жак Паганель не хотел пропустить ни одного уголка берега, ни одной детали пролива. Переход должен был совершиться менее чем в тридцать шесть часов, и подвижная панорама обоих берегов, залитая сверкающим южным солнцем, конечно, заслуживала такого неотступного, восхищенного наблюдения. На северном берегу не видно было жителей, а по обнаженным скалам Огненной Земли бродили лишь несколько туземцев.

Паганелю пришлось сожалеть о том, что он не видит ни одного патагонца; это вызывало в нем сильнейшую досаду, что очень забавляло его спутников.

— Патагония без патагонцев — уже не Патагония! — с раздражением повторял он.

— Потерпите, почтенный географ, мы еще увидим патагонцев, — утешал его Гленарван.

— Далеко не уверен в этом.

— Но ведь они существуют, — заметила Элен.

— Сомневаюсь в этом, сударыня, раз я не вижу ни одного.

— Во всяком случае, название «патагонцы», что по-испански значит «большие ноги», не было же дано каким-то воображаемым существам.

— Э, название ничего не значит! — воскликнул Паганель, ради обострения спора упрямо стоявший на своем. — А к тому же, сказать по правде, неизвестно, как их зовут.

— Вот так так! — удивился Гленарван. — Знали вы это, майор?

— Нет, — ответил Мак-Наббс, — и не дал бы и одного шотландского фунта стерлингов за то, чтобы это знать.

— И вы все-таки сейчас услышите кое-что об этом, равнодушный человек! — заявил Паганель. — Правда, Магеллан назвал здешних туземцев патагонцами, но фиджинцы зовут их тиременеи, чилийцы — коукалу, колонисты Кармена — тегуэльхи, арауканцы — уилихи. У Бугенвиля они известны под именем чаухи. Сами они себя зовут общим именем ипакси. Так вот скажите, пожалуйста: как тут разобраться и вообще может ли существовать народ, имеющий столько названий?

— Вот это довод! — воскликнула Элен.

— Допустим, что это так, — сказал Гленарван, — но, думаю, наш друг Паганель согласится с тем, что если существуют сомнения относительно названия патагонцев, то, по крайней мере, нет сомнений относительно их роста.

— Я никогда бы не выступил с таким чудовищным утверждением! — воскликнул Паганель.

— Они высокого роста, — настаивал Гленарван.

— Мне это неизвестно.

— Значит, низкого роста? — спросила Элен.

— Никто не может утверждать и этого.

— Так среднего роста? — проговорил Мак-Наббс, желая всех примирить.

— И это мне неизвестно.

— Ну, это уж слишком! — воскликнул Гленарван. — Путешественники, которые их видели...

— Путешественники, которые их видели, — перебил его Паганель, — совершенно расходятся друг с другом. Так, Магеллан говорит, что его голова едва доходила им до пояса...

— Ну, вот видите!

— Да, но Дрейк утверждает, что англичане выше ростом самого высокого патагонца.

— Конечно, дело тут шло не об англичанах, — презрительно заметил майор. — Наверно, то были шотландцы.

— Кэвендиш уверял, что патагонцы — народ крепкий и рослый, — продолжал Паганель. — Гаукинс говорит о них как о великанах. Лемер и Схоутен приписывают им рост в одиннадцать футов...

— Прекрасно! Эти люди заслуживают доверия, — заметил Гленарван.

— Да, но такого же доверия заслуживают и Вуд, и Нарборо, и Фалькнер, а по их мнению, патагонцы — люди среднего роста. Правда, Байрон, Ла-Жироде, Бугенвиль, Уэллс и Картере утверждают, что рост патагонцев в среднем равен шести футам шести дюймам, тогда как господин д'Орбиньи, ученый, наиболее знакомый с этой страной, считает, что средний их рост составляет только пять футов четыре дюйма.

— Но тогда как же найти истину среди всех этих противоречивых показаний? — промолвила Элен.

— Истина заключается в следующем: у патагонцев ноги короткие, а туловище длинное. В шутку можно выразиться так: люди эти шести футов роста, когда сидят, и только пяти, когда стоят.

— Браво, милейший ученый! — воскликнул Гленарван. — Вот это хорошо сказано!

— Ну, а если патагонцев вообще не существует, тогда отпадают и все разногласия, — продолжал Паганель. — А теперь, друзья мои, добавлю в заключение одно утешительное замечание, а именно: Магелланов пролив великолепен и без патагонцев.

В это время «Дункан» огибал полуостров Брунсвик. С обеих сторон сменялись великолепные виды. Среди деревьев промелькнули чилийский флаг и колокольня церкви. Пролив катил свои воды среди величественных гранитных массивов. Подножия гор скрывались в огромных лесах, а вершины их, покрытые вечным снегом, терялись в облаках. На юго-западе поднималась гора Тарн в шесть тысяч пятьсот футов вышиной.

После продолжительных сумерек наступила ночь. Дневной свет неприметно угас, и на землю легли мягкие тени. Небо загорелось яркими звездами. Созвездие Южного Креста указывало мореплавателям путь к Южному полюсу. Среди этой светившейся темноты, при сиянии звезд, заменявших в этих краях маяки цивилизованных стран, яхта смело продолжала свой путь, не бросая якоря ни в одной из удобных для стоянки бухт, которыми изобилует окрестное побережье. Часто реи яхты задевали за ветки южных буков, склонявшихся к волнам, часто винт взбивал воды в устьях больших рек, поднимая диких гусей, уток, гаршнепов, чирков и вообще все пернатое царство этих болотистых мест. Вскоре показались какие-то развалины и оползни. Ночь придавала им величественный вид. Это были печальные остатки покинутой колонии, одно имя которой опровергает мнение, что местность эта плодородна, а леса богаты дичью. «Дункан» проходил мимо порта Голода.

На этом месте поселился в 1581 году испанец Сармиенто во главе четырехсот эмигрантов. Здесь он основал город Сан-Филипп. Часть поселенцев погибла от свирепых морозов. Голод прикончил тех, кого пощадила зима.

И в 1587 году корсар Кэвендиш нашел последнего из четырехсот несчастных эмигрантов умирающим от голода на развалинах этого города, просуществовавшего шесть лет, но пережившего, казалось, шесть веков.

«Дункан» проплыл вдоль этих пустынных берегов. На рассвете он плыл по узкому проливу перешейка, между буковыми, ясеневыми и березовыми лесами.

Яхта прошла мимо устья бухты св. Николая. Некогда Бугенвиль назвал ее Французским заливом. Вдали резвились стада тюленей, а также китов, о величине которых можно было судить по выбрасываемым ими мощным фонтанам воды, видимым на расстоянии четырех миль. Наконец «Дункан» обогнул мыс Фроуорд, еще покрытый зимним льдом. По другую сторону пролива, на Огненной Земле, поднималась на шесть тысяч футов в небо гора Сармиенто — гигантское нагромождение утесов и скал, между которыми проползали облака, образуя как бы воздушный архипелаг в просторах неба.

В сущности, мысом Фроуорд и заканчивается Американский материк, ибо мыс Горн — не что иное, как каменная гора, затерявшаяся в океане под 56° южной широты.

После мыса Фроуорд, между полуостровом Брунсвик и островом Земля Отчаяния, пролив суживается. Этот длинный остров вытянулся среди множества мелких островков, напоминая собой колоссального кита, выбросившегося на берег, усеянный валунами. Как не похожа эта искромсанная оконечность Америки на цельные, четкие мысы Африки, Австралии и Индии! Какая неведомая нам катастрофа искрошила этот огромный мыс, брошенный между двух океанов!

Далее вместо плодородных берегов протянулись оголенные, пустынные косогоры, изрезанные узкими проходами этого запутанного лабиринта.

«Дункан» неуклонно и безошибочно шел этими капризными извилинами, смешивая столбы дыма из своих труб с окружавшим его туманом; сквозь него порой проглядывали скалы. Не замедляя хода, яхта прошла мимо нескольких испанских факторий, обосновавшихся на этих безлюдных берегах. У мыса Тамар пролив снова расширяется. «Дункан», обойдя крутые берега островов Нар-

боро, стал приближаться к южному побережью. Наконец, через тридцать шесть часов после входа в пролив, на «Дункане» увидели скалу мыса Пилар, поднимавшуюся на самой окраине Земли Отчаяния. Огромное, привольное сверкающее море простиралось перед форштевнем «Дункана». И Жак Паганель, приветствуя море восторженным жестом, был взволнован не менее, чем сам Магеллан, когда его корабль «Тринидад» накренился под ветром Тихого океана.

Глава X

ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Через неделю после того, как «Дункан» обогнул мыс Пилар, он на всех парах вошел в бухту Талькагуано — великолепное устье реки длиной в двенадцать и шириной в девять миль. Погода была дивная. В этом краю с ноября по март на небе не видно ни одной тучки, и вдоль берегов, защищенных Кордильерами, неизменно дует южный ветер. Согласно приказанию Эдуарда Гленарвана, Джон Манглс вел яхту в непосредственной близости от берегов архипелага Чилоэ и других бесчисленных осколков этой части Американского материка. Здесь какой-нибудь обломок, сломанная жердь, кусок дерева, обработанный человеческой рукой, могли навести «Дункан» на след крушения «Британии», но ничего не было видно. Яхта продолжала свой путь и наконец, через сорок два дня после того, как покинула туманные воды Клайдского залива, бросила якорь в порту Талькагуано.

Тотчас же Гленарван велел спустить на воду шлюпку, сел в нее вместе с Паганелем, и вскоре они высадились на берег у бревенчатого мола. Ученый-географ хотел было применить на практике свой испанский язык, над изучением которого он так добросовестно потрудился, но, к его крайнему удивлению, туземцы его не понимали.

— Очевидно, у меня плохое произношение, — сказал он.

— Отправимся в таможню, — сказал Гленарван.

В таможне с помощью нескольких английских слов и выразительных жестов ему дали понять, что английский

Яхта продолжала свой путь.

консул живет в Консепсионе — городе, находящемся на расстоянии часа езды. Гленарван легко нашел двух хороших верховых лошадей. И вскоре они с Паганелем уже въезжали в этот большой город, возникший благодаря предприимчивости Валдивиа, спутника братьев Писарро.

Но в какой упадок пришел некогда великолепный город! Подвергшийся пожару в 1819 году, со стенами, еще черными от огня, опустошенный, разоренный, город этот насчитывал теперь едва восемь тысяч жителей. Его давно затмил соседний город — Талькагуано. Жители Консепсиона были до того ленивы, что улицы его зарастали травой, обращаясь в луга. Никакой торговли, никакой деятельности, никаких дел. С каждого балкона неслись звуки мандолины, а из-за решетчатых ставен слышалось томное пение. Консепсион, бывший когда-то городом мужчин, стал деревней женщин и детей.

Гленарван не выказал большого желания углубляться в причины такого упадка, хотя Паганель и порывался затронуть этот вопрос. Не теряя ни минуты, Гленарван отправился к господину консулу ее британского величества Ж. Р. Бентоку. Эта важная особа приняла его очень учтиво и, узнав историю капитана Гранта, взялась навести справки по всему побережью.

Консул Бентон ничего не знал относительно того, было ли выброшено у тридцать седьмой параллели, на Чилийском или Арауканском побережье, трехмачтовое судно «Британия». Никаких подобных сведений не поступило ни к нему, ни к его товарищам — консулам других стран. Гленарвана это, однако, не обескуражило. Он вернулся в Талькагуано и, не жалея ни хлопот, ни денег, разослал по всему побережью людей на разведку. Тщетно: самые подробные опросы прибрежного населения ничего не дали. Из этого следовало, что после крушения «Британии» от нее не осталось никаких следов.

Гленарван уведомил своих друзей о безрезультатности предпринятых им розысков. Мэри Грант и ее брат не смогли скрыть своего горя. Прошло уже шесть дней со времени прибытия «Дункана» в Талькагуано. Его пассажиры собрались на юте. Элен старалась утешить — конечно, не словами (что могла она сказать!), а ласками — детей капитана. Жак Паганель снова взялся за документ:

он с глубочайшим вниманием рассматривал его, словно стремясь вырвать у него новые тайны. Уже целый час географ разглядывал документ, когда Гленарван вдруг обратился к нему:

— Паганель! Я полагаюсь на вашу проницательность. Не ошибочно ли наше толкование этого документа? Логичны ли дополненные нами слова?

Паганель ничего не ответил — он размышлял.

— Быть может, неверны наши предположения относительно места катастрофы? — продолжал Гленарван. — Разве слово «Патагония» не бросается в глаза даже самому непроницательному человеку?

Паганель продолжал молчать.

— Наконец, слово «индеец» не говорит ли за то, что мы правы? — прибавил Гленарван.

— Несомненно, — отозвался Мак-Наббс.

— А тогда разве не очевидно, что потерпевшим крушение в ту минуту, когда они писали эти строки, грозила опасность попасть в плен к индейцам?

— Тут я остановлю вас, дорогой Гленарван, — заговорил наконец Паганель. — Если ваши первые выводы и верны, то последний, во всяком случае, мне не кажется правильным.

— Что вы хотите этим сказать? — спросила Элен.

Глаза всех присутствующих устремились на географа.

— Я хочу сказать, что капитан Грант в настоящее время в плену у индейцев, — ответил Паганель, делая ударение на конце фразы, — и добавлю, что документ не оставляет никаких сомнений на этот счет.

— Пожалуйста, разъясните это, господин Паганель, — попросила мисс Грант.

— Нет ничего легче, дорогая Мэри: вместо того чтобы читать «станут пленниками» нужно читать «стали пленниками», и тогда все становится ясно.

— Но это невозможно! — воскликнул Гленарван.

— Невозможно? А почему, мой уважаемый друг? — спросил, улыбаясь, Паганель.

— Да потому, что бутылка могла быть брошена только в тот момент, когда судно разбивалось о скалы. Отсюда и вывод, что градусы широты и долготы, означенные в документе, указывают на место крушения.

— Ничто этого не доказывает, — с живостью возразил Паганель. — Если допустим, что индейцы увели потерпевших крушение вглубь материка, я не вижу, почему эти несчастные не могли бы с помощью той же бутылки дать знать, где именно находятся они в плену.

— По одной простой причине, дорогой Паганель: для того чтобы бросить в море бутылку, надо, во всяком случае, быть у моря.

— Да, но за отсутствием моря можно быть и у рек, впадающих в это море.

Удивленное молчание встретило этот ответ — неожиданный, но не заключавший в себе ничего невероятного. По заблестевшим глазам своих слушателей Паганель мог понять, что в сердце каждого из них снова затеплилась надежда.

Первой прервала молчание Элен.

— Какая мысль! — воскликнула она.

— И какая хорошая мысль! — наивно добавил географ.

— Что же, по вашему мнению, надо предпринять? — спросил Гленарван.

— Я считаю, что надо найти то место на Американском материке, где проходит тридцать седьмая параллель, и затем следовать вдоль нее, не уклоняясь даже на полградуса, до того пункта, где эта параллель уходит в Атлантический океан. Двигаясь по этому маршруту, нам, быть может, и удастся найти потерпевших крушение на «Британии».

— Мало шансов, — заметил майор.

— Как ни мало шансов, нам все же нельзя не считаться с ними, — возразил Паганель. — Если предположение мое верно и бутылка была действительно принесена в океан водами одной из рек этого материка, мы не можем не напасть на следы пленников. Смотрите, друзья мои, смотрите на карту этой страны: я докажу вам с полной очевидностью правильность моего утверждения.

Говоря это, Паганель разложил на столе карту Чили и аргентинских провинций.

— Смотрите же, — повторил он, — следуйте за мной в этой прогулке по Американскому материку. Переберемся через узкую полосу Чили. Перевалим через Кордилье-

ры. Спустимся к пампасам. Разве в этой местности мало рек, речек, горных потоков? Нет. Вот Рио-Негро, вот Колорадо, вот их притоки; все они пересечены тридцать седьмой параллелью, и все они свободно могли унести в море бутылку с документом. Быть может, там, среди какого-нибудь оседлого племени индейцев, на берегу одной из этих малоизвестных рек, в каком-нибудь ущелье сьерра [1], те, кого мы имеем право назвать нашими друзьями, ждут, томясь в плену, чудесного избавления. Можем ли мы обмануть их надежды? Разве не все вы согласны, что нам надо неуклонно придерживаться вот этой линии, которую сейчас проводит по карте мой палец? А если, вопреки моим предположениям, я и на этот раз ошибаюсь, разве не наш долг двигаться дальше по тридцать седьмой параллели, и если это понадобится для разыскания потерпевших крушение, то и совершить по этой параллели кругосветное путешествие?

Эти великодушные слова, произнесенные Паганелем с таким воодушевлением, произвели глубокое впечатление на слушателей. Все встали и начали пожимать ему руку.

— Да, отец мой там! — крикнул Роберт, пожирая глазами карту.

— И мы найдем его там, мой мальчик, — заявил Гленарван. — Действительно, ничего не может быть логичнее толкования документа, сделанного нашим другом Паганелем, и надо без всяких колебаний идти по указанному им пути. Или капитан Грант попал в плен к многочисленному племени, или к племени малочисленному, слабому. В последнем случае мы сами его освободим. В первом же случае, разузнав о положении капитана, мы возвращаемся на восточное побережье, садимся на «Дункан» и достигаем Буэнос-Айреса. Здесь майор Мак-Наббс организует такой отряд, который справится со всеми индейцами аргентинских провинций.

— Правильно, правильно, сэр! — воскликнул Джон Манглс. — А я еще добавлю, что этот переход через материк безопасен.

— Безопасен и неутомителен, — подтвердил Паганель. — Сколько людей совершили этот переход, не рас-

[1] Сьерра — горный кряж, хребет.

полагая нашими возможностями и не имея перед собой, как мы, великой цели, их воодушевляющей! Разве некий Базилио Вилармо не прошел в 1782 году от Кармена до Кордильер? А чилиец, судья из провинции Консепсион, дон Луиз де ла Круц, выйдя в 1806 году из Антуко и перевалив через Кордильеры, не добрался ли после сорока дней до Буэнос-Айреса, следуя по тридцать седьмой параллели? Наконец, полковник Гарсиа, Алсид д'Орбиньи и мой почтенный коллега доктор Мартин де Мусси — разве они не изъездили этот край во всех направлениях, совершив во имя науки то, что мы собираемся совершить во имя человеколюбия!

— Господин Паганель! Господин Паганель! — воскликнула Мэри Грант дрожащим от волнения голосом. — Как отблагодарить вас за самоотверженность, которая подвергнет вас стольким опасностям!

— Опасностям? — воскликнул Паганель. — Кто произнес здесь слово «опасность»?

— Не я! — отозвался Роберт.

Глаза мальчугана сверкали, и взгляд их был полон решимости.

— Опасности! — продолжал Паганель. — Существуют ли вообще опасности? К тому же, о чем тут идет речь? О путешествии всего в каких-нибудь тысячу четыреста километров — ведь мы будем двигаться по прямой линии; о путешествии, которое будет совершаться под широтами, соответствующими широтам Испании, Сицилии, Греции в Северном полушарии, следовательно приблизительно в тех же самых климатических условиях; о путешествии наконец, которое продлится максимум месяц. Да это прогулка!

— Господин Паганель, — обратилась к нему Элен, — значит, вы думаете, что если потерпевшие крушение попали в руки индейцев, то те пощадили их жизнь?

— Конечно, я это думаю, сударыня. Ведь эти индейцы вовсе не людоеды. Один мой соотечественник, знакомый мне по Географическому обществу, Гинар, провел три года в пампасах в плену у индейцев. Правда, он перенес там немало страданий, с ним очень плохо обращались, но в конце концов он вышел победителем из этого испытания. В этих краях европейца считают полезным.

Индейцы знают ему цену и заботятся о нем, как о самом ценном животном.

— В таком случае, не может быть колебаний, — заявил Гленарван. — Нужно отправляться в путь, и отправляться без промедлений. По какой дороге нам следует направиться?

— По дороге нетрудной и приятной, — ответил Паганель. — Вначале, но недолго, она идет по горам, потом по отлогому восточному склону Кордильер, а дальше — гладкая равнина с газоном и песочком: настоящий сад.

— Посмотрим по карте, — предложил майор.

— Вот она, дорогой Мак-Наббс. Отыщем на Чилийском побережье, между мысом Румена и бухтой Карнейро, тот пункт, где тридцать седьмая параллель вступает на Американский материк, и отсюда двинемся в путь. Миновав столицу Арауканию, мы горным проходом Антуко перевалим через Кордильеры, причем вулкан останется в стороне, на юге. Затем мы начнем спускаться по пологим склонам гор, переберемся через Колорадо и двинемся через пампасы к озеру Салинас, к реке Гуамини, к Сьерра-Тапальквем. В этом месте проходит граница провинции Буэнос-Айрес. Перейдя ее, мы поднимемся на Сьерра-Тандиль и продолжим наши поиски до мыса Медано на побережье Атлантического океана.

Набрасывая маршрут предстоящей экспедиции, Паганель даже не потрудился взглянуть на лежавшую перед его глазами карту: он не нуждался в ней. Его богатейшая память, опиравшаяся на труды Фрезье, Молина, Гумбольдта, Мьера, д'Орбиньи, не могла ни обмануться, ни быть поставленной в тупик. Покончив с этой географической номенклатурой, Паганель прибавил:

— Итак, друзья мои, путь наш прямой. В месяц мы его закончим и будем на восточном побережье даже раньше «Дункана» в том случае, если его задержит в пути западный ветер.

— Стало быть, «Дункану» придется крейсировать между мысами Корриентес и святого Антония? — спросил Джон Манглс.

— Именно так.

— А какой наметили бы вы персонал для нашей экспедиции? — спросил Гленарван.

— Очень немногочисленный. Ведь вопрос только в том, чтобы разузнать о положении капитана Гранта. Мы же не собираемся сразу вступать в бой с индейцами. Мне кажется, что Гленарван — наш естественный руководитель; майор, который, конечно, никому не согласился бы уступить своего места; ваш покорный слуга Жак Паганель...

— И я! — крикнул юный Грант.

— Роберт! Роберт! — остановила его сестра.

— А почему бы и нет? — отозвался Паганель. — Путешествия полезны молодежи: они закаляют и многому научают. Итак, мы четверо и трое матросов с «Дункана»...

— Как, — спросил Джон Манглс Гленарвана, — вы не желаете, чтобы я принял участие в этой экспедиции?

— Дорогой Джон, мы ведь оставляем на борту парохода наших пассажирок, то-есть самое драгоценное для нас на свете. Кто лучше может о них позаботиться, чем преданный капитан «Дункана»!

— Так, значит, мы не сможем сопровождать вас? — сказала Элен. Взор ее затуманился грустью.

— Дорогая Элен, — ответил Гленарван, — путешествие наше совершится в условиях исключительной быстроты. Наша разлука не будет долгой, и...

— Да, друг мой, я понимаю вас, — промолвила Элен. — Поезжайте, горячо желаю вам успеха!

— К тому же это даже не путешествие, — заявил Паганель.

— Что же это такое? — спросила Элен.

— Да просто поездка. Мы проедемся, как честные люди проходят свой путь на земле: стараясь сделать побольше добра.

Этими словами Паганеля закончились прения по данному вопросу, если слово «прения» может быть применимо к обсуждению, где все участники держатся одного мнения. В этот же день начались приготовления к экспедиции. Решено было держать их в строжайшей тайне, чтобы не привлечь внимания индейцев.

Отъезд назначили на 14 октября. Когда речь зашла о том, кто из матросов отправится с экспедицией, все они предложили свои услуги. Гленарван, попав в затруднительное положение и не желая обидеть никого из этих

Жребий выпал помощнику капитана Тому Остину, крепышу Вильсону и Мюльреди.

славных малых, решил бросить жребий. Так и было сделано. Желанный жребий выпал помощнику капитана Тому Остину, крепышу Вильсону и Мюльреди, который, пожалуй, мог бы состязаться в боксе с самим Томом Сайерсом [1].

Гленарван проявил исключительную энергию в этих приготовлениях. Он хотел во что бы то ни стало быть готовым к назначенному дню и добился этого. Не менее энергично, чем Гленарван, действовал Джон Манглс. Он спешил запастись углем, чтобы немедленно выйти снова в море. Джону хотелось прибыть на Аргентинское побережье раньше сухопутных путешественников. Благодаря этому между Гленарваном и молодым капитаном возникло настоящее соревнование, и оно, конечно, послужило на пользу делу.

14 октября в назначенный час все были готовы. В момент отплытия пассажиры яхты собрались в кают-компании. «Дункан» уже снимался с якоря, и лопасти его винта будоражили прозрачные воды бухты Талькагуано. Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт Грант, Том Остин, Вильсон и Мюльреди, вооруженные карабинами и револьверами Кольта, готовились покинуть яхту. Проводники и мулы ждали их у конца бревенчатого мола.

— Пора, — вымолвил наконец Гленарван.

— Ну, отправляйтесь, друг мой, — стараясь сдержать свое волнение, ответила Элен.

Гленарван прижал ее к груди. Роберт бросился на шею сестре.

— А теперь, дорогие друзья, — воскликнул Паганель, — давайте на прощанье пожмем друг другу руки, да так крепко, чтобы это рукопожатие чувствовалось до самой нашей встречи на берегах Атлантического океана!

Паганель хотел уж слишком многого. Однако, прощаясь, некоторые обнимались так горячо, что пожелание почтенного ученого могло, пожалуй, и осуществиться.

Все снова поднялись на палубу, и семеро членов экспедиции покинули «Дункан». Вскоре они высадились у набережной. Маневрировавшая в это время яхта подошла к ней ближе чем на полкабельтова.

---

[1] Знаменитый лондонский боксер. *(Примеч. автора.)*

— Счастливого пути и успеха, друзья мои! — крикнула в последний раз Элен с юта.

— Вперед! — скомандовал Джон Манглс машинисту.

— В путь! — как бы перекликаясь с капитаном, крикнул Гленарван.

И в тот момент, когда наши всадники понеслись по прибрежной дороге, «Дункан» на всех парах направился к открытому морю.

Глава XI

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ЧИЛИ

Гленарван включил в состав своей экспедиции четырех проводников-туземцев: трех мужчин и одного мальчика. Во главе их стоял англичанин, проживший в этой стране более двадцати лет. Занимался он тем, что отдавал мулов внаем путешественникам и служил для последних проводником через перевалы Кордильер. Перевалив через горы, он обыкновенно передавал своих путешественников бакеано — аргентинскому проводнику, хорошо знакомому с дорогами в пампасах. Англичанин этот не настолько еще забыл в обществе индейцев свой родной язык, чтобы не быть в состоянии объясняться с нашими путешественниками. Благодаря этому Гленарван получил возможность выражать ему свои желания и проверять выполнение отданных приказаний. Это тем более было важно, что испанского языка Жака Паганеля, несмотря на все его старания, пока никто не понимал.

При англичанине («катапаце» на чилийском наречии) было два подручных пеона и двенадцатилетний мальчуган. Пеоны погоняли мулов, нагруженных багажом экспедиции, а мальчик вел мадрилу — небольшую кобылицу с бубенчиками и колокольчиком. Мадрила шла впереди, как бы вожаком десяти следовавших за ней мулов. На семи из них ехали наши путешественники, на восьмом — катапац. Остальные два мула были нагружены съестными припасами и несколькими кусками материи, назначение которых было задобрить кациков[1] пампасов. Пеоны,

[1] Кацик — вождь туземного племени.

по своему обычаю, шли пешком. Переход наших путешественников через Южную Америку, казалось, должен был совершиться в наилучших условиях как в смысле скорости, так и в смысле безопасности.

Перевалить через горную цепь Кордильер не так-то легко. Предпринять это можно, только имея в своем распоряжении выносливых мулов, из которых наиболее ценятся аргентинские. У этих превосходных животных выработались свойства, какими порода их первоначально не обладала. Они неприхотливы в отношении пищи, пьют раз в день, проходят по сорока километров за восемь часов и свободно несут груз в четырнадцать арробов[1].

На протяжении всего пути от одного океана до другого нет ни одного постоялого двора. Обычно путешественники питаются в дороге сушеным мясом, рисом, приправленным перцем, и дичью, которую удается подстрелить по пути. В горах пьют воду потоков, в равнине — воду ручьев. К этой воде прибавляют по нескольку капель рома, хранящегося у каждого путешественника в бычачьем роге — шифле. Впрочем, в тех краях нужно возможно меньше употреблять спиртных напитков, ибо там нервы и без того в очень возбужденном состоянии. Что же касается до постельных принадлежностей, то все они заключаются в местном седле — рекадо. Это рекадо, сделанное из пелионов — бараньих шкур, дубленных с одной стороны и покрытых шерстью с другой, — укрепляется на муле широкими, роскошно вышитыми подпругами. Ночью путешественник, завернувшись в эти теплые пелионы, спокойно спит: ему нипочем никакая сырость.

Гленарван, как человек, много путешествовавший на своем веку и привыкший сообразоваться с местными обычаями, сам оделся и одел своих спутников в чилийские одежды. Паганель и Роберт, оба дети — один большой ребенок, другой малый, — пришли в невыразимый восторг, когда просунули свои головы в чилийское пончо — широкий плащ с отверстием посередине, а на ноги натянули сапоги, сделанные из кожи задних ног жеребенка. И надо было видеть, какой красивый вид имели их мулы в богатой сбруе, с арабскими удилами во рту, с длинными плетеными поводьями, служившими в то же время и кну-

[1] Арроб — местная мера веса, равная 11 килограммам.

том, с металлическими украшениями на уздечке, с ярко окрашенными альфорхас — двойными холщовыми мешками, содержавшими однодневный запас съестных продуктов. Пока рассеянный, по своему обыкновению, Паганель взбирался на такого великолепного мула, животное три или четыре раза порывалось лягнуть его. Усевшись же в седло, с неразлучной своей подзорной трубой через плечо, и вцепившись ногами в стремена, наш ученый всецело положился на опытность своего мула, и надо сказать, что ему не пришлось в этом раскаиваться. Что касается юного Роберта, то он, очутившись на муле, сейчас же проявил замечательные способности к верховой езде.

Двинулись в путь. Погода была чудесная. Хотя на небе не видно было ни одного облачка, но зноя не чувствовалось — дул свежий ветер с моря. Маленький отряд быстро подвигался по извилистым берегам бухты Талькагуано, стремясь выйти в тридцати милях к югу, на тридцать седьмую параллель. Целый день ехали быстро среди камышей пересохших болот, но говорили мало: слишком живо было впечатление от прощания с оставшимися на яхте. Еще виднелся дым «Дункана», уже исчезавшего за горизонтом. Все молчали, за исключением Паганеля: усердный географ задавал себе вопросы по-испански и сам отвечал себе на том же новом для него языке.

Глава проводников — катапац — был человеком довольно молчаливым; к тому же и его профессия не очень-то располагала к болтовне. Он почти не говорил со своими пеонами. Те прекрасно знали свое дело. Когда какой-нибудь из мулов останавливался, они подгоняли его гортанным криком, а если это не помогало, то преодолевали упрямство животного, метко швыряя в него камнями. Когда, случалось, ослабевала подпруга или сваливалась уздечка, пеон сбрасывал свой плащ и, покрыв им голову мула, приводил все в порядок, после чего животное снова пускалось в путь.

Погонщики мулов имеют обыкновение начинать свой дневной переход после завтрака, в восемь часов утра, и идти вплоть до остановки на ночлег, в четыре часа пополудни. Гленарван сообразовался с этим обычаем. Когда катапац подал сигнал к остановке, наши путешественни-

ки, ехавшие у пенистых волн океана, приближались к городу Арауко, расположенному в самой южной части бухты. Отсюда до пункта, где начинается тридцать седьмая параллель — до бухты Карнейро, — надо было проехать к западу еще миль двадцать. Но так как вся эта часть побережья была уже обследована посланными Гленарвана, то новое обследование являлось излишним. Поэтому было решено, что из города Арауко экспедиция направится по прямой линии на восток.

Маленький отряд остановился на ночь в этом городе, расположившись посреди двора одного трактира, так как в самом помещении было слишком уж мало удобств.

Арауко — это столица Араукании, крошечного государства, занимающего площадь всего в каких-нибудь шестьсот километров в длину и сто двадцать в ширину. Населяют Арауканию молухи — эти первородные сыны Чили. Гордое и сильное племя молухов одно в обеих Америках никогда не подпадало под иноземное владычество. Правда, некогда город Арауко был захвачен испанцами, но население Араукании не подчинилось им. Оно оказывало тем захватчикам такое же сопротивление, какое в настоящее время оказывает завоевательным попыткам Чили. И поныне государственный флаг его — белая звезда на лазурном фоне, — развеваясь на укрепленном холме, защищающем столицу, гордо говорит о независимости Араукании.

Пока готовили ужин, Гленарван, Паганель и катапаш прогуливались по городу, между домами с соломенными крышами. В Арауко, кроме церкви и развалин францисканского монастыря, не было ничего достопримечательного. Гленарван попытался было получить какие-либо сведения о «Британии», но безуспешно. Несмотря на все старания Паганеля, никто из местных жителей не понимал его. Но, утешал себя географ, раз родным языком их было, как и повсюду здесь, до самого Магелланова пролива, арауканское наречие, то, конечно, испанский язык мог пригодиться ему не больше древнееврейского. Поэтому Паганелю пришлось пользоваться не ушами, а глазами, и, разглядывая различные типы молухов, он как ученый испытывал истинную радость. Мужчины были рослые, с плоскими лицами медно-красного цвета, все без-

бородые: у них было в обычае выщипывать себе бороду. Во взгляде их проглядывало недоверие. Казалось, эти мужчины проводили время в том специфическом безделии, которое свойственно воителям, не знающим, чем заняться во время мира. Их женщины несли на себе тяжелую работу по домашнему хозяйству и в то же время чистили лошадей и оружие, ходили за плугом, охотились за дичью вместо своих повелителей — мужчин. При всем этом молухские женщины умудрялись еще выделывать пончо — национальные плащи бирюзового цвета. Каждое из этих пончо требовало двух лет работы и стоило не меньше ста долларов. В общем, молухи — народ малоинтересный, с довольно-таки дикими нравами. Им свойственны почти все человеческие пороки, но у них имеется и одна доблесть — любовь к независимости.

— Настоящие спартанцы! — повторял Паганель, вернувшись с прогулки и сидя за ужином.

Конечно, почтенный ученый преувеличивал, но он еще больше удивил своих собеседников, прибавив, что его французское сердце громко билось во время прогулки по городу Арауко. На вопрос майора, что же могло вызвать это внезапное сердцебиение, Паганель ответил, что волнение его было совершенно естественным, ибо еще не так давно один из его соотечественников занимал престол Араукании. Майор попросил географа сообщить имя этого монарха. Жак Паганель с гордостью назвал господина де Тоннен, экс-адвоката из Перигё, милейшего человека, обладателя несколько слишком пышной бороды, который претерпел в Араукании то, что лишившиеся трона короли охотно называют «неблагодарностью своих подданных». Так как майор, услышав о бывшем адвокате, изгнанном с престола, насмешливо улыбнулся, то Паганель с полной серьезностью заметил, что, пожалуй, легче адвокату стать хорошим королем, чем королю хорошим адвокатом. Эти слова вызвали всеобщий смех. И тут же все подняли стаканы за здоровье бывшего короля Араукании — Орелия Антония I.

Несколько минут спустя наши путешественники, завернувшись в свои пончо, уже спали крепким сном.

На следующее утро, в восемь часов, маленький отряд двинулся вдоль тридцать седьмой параллели на восток.

Шел он в том же порядке: впереди — мадрила, в хвосте — пеоны. Дорога проходила по плодородным местам: кругом виднелось много виноградников, а также пастбищ с большими стадами скота. Но мало-помалу местность делалась все пустыннее. Изредка встречались хижины растреадорес — индейских укротителей диких лошадей, известных по всей Америке, или какая-нибудь заброшенная почтовая станция, служившая теперь приютом бродяге-туземцу. Две реки преградили за этот день путь нашему отряду: Раке и Тубал, но в обоих случаях катапац нашел брод, и путешественникам удалось перебраться на противоположный берег. У горизонта тянулась горная цепь Кордильер, постепенно повышаясь и вырисовываясь все более частыми пиками по направлению к северу. Но это еще были только нижние позвонки огромного спинного хребта, поддерживающего могучее туловище Нового Света.

В четыре часа пополудни, после перехода в тридцать пять миль, наши путешественники, встретив среди равнины рощицу из гигантских миртов, сделали здесь привал. Мулов разнуздали и расседлали, и они принялись щипать густую луговую траву. Из ярких двойных мешков — альфорхас — была вынута обычная в пути еда: сухое мясо и рис. После ужина путешественники улеглись на землю и, закутавшись в бараньи пелионы, положив под голову вместо подушек седла — рекадо, погрузились в глубокий, восстанавливающий силы сон. Катапац и пеоны бодрствовали поочередно всю ночь.

Так как погода была очень благоприятной, то все участники экспедиции, не исключая и Роберта, хорошо себя чувствовали. Раз путешествие это начиналось при таких счастливых предзнаменованиях, надо было этим пользоваться и «понукать удачу», как делают это игроки. Таково было общее мнение.

На следующий день двигались быстро, благополучно переправились через пороги Рио-Бэлль, и когда вечером расположились лагерем на берегу Рио-Биобио, протекавшей на границе между Чили испанским и Чили независимым, Гленарван получил возможность записать в свой дорожный журнал, что экспедицией пройдено еще тридцать пять миль. Местность не менялась. Край был пло-

дородный, кругом росли во множестве амариллис, фиалковое дерево, дурман и кактус с его золотистыми цветами. В чаще прятались какие-то звери; среди них оцелот — дикая кошка. Птиц было немного: иногда только мелькали цапля, одинокая сова или спасающиеся от когтей сокола дрозды и чомги. Туземцев почти не встречалось. Изредка только, словно тень, пронесется галопом гуассос — вырождающийся потомок индейцев и испанцев, всаживая в окровавленный бок своей лошади огромную шпору, привязанную к голой ноге. По дороге не попадалось никого, с кем бы можно было поговорить, разузнать что-нибудь по интересовавшему экспедицию вопросу. Но Гленарван уже примирился с этим. Он старался убедить себя, что индейцы, захватив в плен капитана Гранта, должны были увести его по ту сторону Кордильер — следовательно, поиски могли дать какие-либо результаты только в пампасах, а не по эту сторону гор. Значит, пока надо было запастись терпением и быстро двигаться вперед.

17-го тронулись в путь в обычное время и в установленном порядке. Соблюдать этот порядок Роберту было нелегко. Горячий мальчуган, к отчаянию своего мула, все порывался опередить мадрилу, и только строгий окрик Гленарвана вернул его на место.

Местность становилась менее ровной. Появившиеся холмы и бурно катившиеся многочисленные рио — речки — указывали на близость гор. Паганель часто заглядывал в карту, и если какая-нибудь из рио там не значилась, а это бывало нередко, кровь географа закипала, и он очаровательно сердился.

— Речка без имени подобна человеку, не зарегистрированному в книге актов гражданского состояния! — с возмущением говорил ученый. — Для географического закона она не существует.

На этом основании наш ученый, не стесняясь, давал названия этим безыменным речкам, причем давал им самые звучные испанские названия и тут же заносил их на свою карту.

— Что за язык! — повторял Паганель. — Какой он звучный и гармоничный! Он будто вылит из металла! Я уверен, что в нем семьдесят восемь частей меди и два-

дцать две части олова — как в той бронзе, из которой льют колокола.

— Но вы-то делаете успехи в испанском языке? — спросил его Гленарван.

— Конечно. Если бы только не это проклятое произношение! Беда с ним!

И Паганель, не унывая, громогласно боролся с трудностями испанского произношения, что, впрочем, не мешало ему делать и географические наблюдения. В этой-то области он был удивительно силен, и тут уж, конечно, превзойти его никто бы не мог. Когда Гленарвану случалось обратиться к катапацу с вопросом относительно какой-нибудь особенности данного края, географ всегда опережал проводника. Катапац с великим изумлением смотрел на ученого.

В этот самый день, около двух часов дня, путь отряда пересекла какая-то дорога. Естественно, Гленарван спросил у катапаца ее название, и так же естественно ему ответил Жак Паганель:

— Это дорога из Юмбеля в Лос-Анжелос.

Гленарван посмотрел на катапаца.

— Совершенно верно, — подтвердил тот, а затем, обратясь к географу, спросил: — Вы, значит, проезжали в этих краях?

— Разумеется! — серьзным тоном ответил Паганель.

— На муле?

— Нет, в кресле.

Катапац, очевидно, не понял его, так как, пожав плечами, вернулся на свое обычное место во главе отряда.

В пять часов вечера сделали привал в неглубоком ущелье, в нескольких милях от города Лоха. Эту ночь путешественники провели у подножия сьерры — первых ступеней Кордильер.

Глава XII

НА ВЫСОТЕ ДВЕНАДЦАТИ ТЫСЯЧ ФУТОВ

Переход через Чили совершался до сих пор без каких-либо значительных происшествий. Но теперь сразу должны были возникнуть все те препятствия и опасно-

сти, с которыми сопряжено путешествие в горах. Начиналась борьба с природными трудностями.

Прежде чем пуститься в путь, требовалось принять важное решение, а именно: выяснить, каким проходом надо было переваливать через Кордильеры, чтобы не отклониться при этом от намеченного пути. Спросили мнение катапаца.

— В этой части Кордильер, — ответил тот, — я знаю лишь два перевала, удобных для езды.

— Вы, без сомнения, имеете в виду перевал Арика, открытый Вальдивиа Мендосой? — спросил Паганель.

— Да.

— А второй, не правда ли, перевал Виарика?

— Совершенно верно.

— Но, друг мой, оба эти перевала нам не подходят, потому что один из них лежит далеко к северу, а другой — далеко к югу от нашего пути.

— А вы можете предложить нам еще какой-нибудь проход? — обратился к географу майор.

— Могу, — ответил Паганель: — я разумею проход Антуко, идущий по склону вулкана под тридцать седьмым градусом тремя минутами южной широты, то-есть приблизительно в полуградусе от нашего пути. И идет он при этом всего на высоте семи тысяч футов.

— Прекрасно! — промолвил Гленарван. — Но вы-то, катапац, знаете этот перевал?

— Да, мне случалось проходить им, а не упомянул я о нем только потому, что это, собственно, горная тропа, по которой гонят свой скот пастухи-индейцы с восточных склонов.

— Ну что ж, друг мой, — сказал Гленарван, — там, где проходят стада кобылиц, баранов и быков, сумеем пройти и мы. А раз этот проход ведет нас по прямой линии, надо идти через него.

Немедленно был дан сигнал к отправлению, и отряд, идя меж больших известковых скал, углубился в долину Лас-Лехас. Подъем был едва заметен. Около одиннадцати часов утра пришлось обогнуть небольшое озеро. Этот естественный водоем служил как бы живописным местом свидания для всех соседних речек: журча, стекались они сюда и безмолвно сливались в прозрачных во-

дах озера. Над этим озером поднимались в гору льяносы — обширные, поросшие злаковыми растениями пространства, где пасся скот индейцев. Вскоре отряд наткнулся на болото, тянувшееся к югу и к северу. Только благодаря инстинкту мулов всадники выбрались оттуда благополучно. В час пополудни показалась крепость Балленаре; она возвышалась на утесе, как бы увенчивая его остроконечную вершину своими полуразвалившимися стенами. Отряд проехал мимо. Дорога становилась круче и каменистее; камни шумным каскадом скатывались из-под ног мулов. Около трех часов пополудни появились живописные развалины другой крепости, разрушенной во время восстания 1770 года.

Начиная отсюда дорога стала не только трудной, но даже и опасной. Подъемы сделались более крутыми, пропасти — угрожающе глубокими, тропинки по их краю становились всё у́же и у́же. Мулы шли вперед осторожно, нагнув голову, обнюхивая дорогу. Ехали гуськом. Случалось, что на каком-нибудь крутом повороте мадрила вдруг исчезала из виду, и тогда маленький караван шел на отдаленное позвякиванье ее колокольчика. Нередко извилистая тропа расщеплялась, давая возможность отряду двигаться по двум параллельным линиям, и через эту непроходимую пропасть шириной всего в какие-нибудь две сажени, но глубиной в двести, катапац переговаривался со своими пеонами.

Здесь трава еще боролась с камнями, пробиваясь между ними, но уже чувствовалась победа минерального царства над растительным. Близость вулкана Антуко была заметна по видневшимся там и сям застывшим потокам лавы цвета железа, испещренным иглообразными желтыми кристаллами. Нагроможденные друг на друга утесы, казалось, должны были вот-вот обрушиться и удерживались на своем месте вопреки всем законам равновесия. Конечно, эта местность должна была легко изменять свой вид при землетрясениях. И при взгляде на все эти склонившиеся набок остроконечные вершины, покосившиеся купола, боком посаженные бугры делалось очевидным, что для этой горной местности час окончательного сформирования еще не пробил.

При этих условиях дорогу не так-то легко было ра-

зыскать. Почти непрекращающиеся сотрясения костяка Кордильер часто меняют трассу дороги, и опознавательные приметы нередко исчезают. Поэтому катапац часто бывал в нерешительности. Он останавливался, оглядывался кругом, разглядывал форму скал, старался найти среди легко крошившихся камней следы ног индейцев. Но ориентироваться, видимо, стало невозможно.

Гленарван шаг за шагом следовал за проводником. Он понимал и чувствовал, как по мере увеличения трудностей пути росло замешательство катапаца. Он не решался задавать ему вопросы, считая к тому же, и, быть может, не без основания, что не только у мулов, но и у проводников их имеется инстинкт, на который и следует полагаться.

Так — можно сказать, наудачу — катапац проблуждал еще с час, все поднимаясь, однако, в гору. Наконец он принужден был остановиться. Отряд находился на дне одного из узких ущелий, называемых индейцами «кебрадас». Дорогу преградила отвесная скала из порфира. После тщетных поисков какого-нибудь прохода катапац слез с мула и, скрестив на груди руки, остановился в выжидательной позе. Гленарван подошел к нему.

— Вы заблудились? — спросил он.

— Нет, сэр, — ответил катапац.

— Однако мы ведь не в проходе Антуко?

— Мы в нем.

— Вы не ошибаетесь?

— Не ошибаюсь. Вот зола костра, который разводили здесь индейцы, а вон следы, оставленные стадами кобылиц и баранов.

— Так, значит, можно было пройти по этой дороге?

— Да, но теперь уже нельзя: последнее землетрясение сделало дорогу эту непроходимой.

— Для мулов, но не для людей, — отозвался майор.

— Ну, это уже ваша забота, — ответил катапац, — я сделал все, что мог. Если вам угодно, мы с моими мулами готовы вернуться назад и искать других проходов в Кордильерах.

— И на сколько это задержит нас?

— На три дня, не меньше.

Гленарван молча слушал этот разговор. Для него было

очевидно, что катапац готов был выполнить все, что обязался сделать по договору, но мулы его не могли идти дальше.

Когда катапац предложил вернуться назад, Гленарван, обернувшись к своим спутникам, спросил их:

— Скажите, хотите ли вы, несмотря ни на что, двигаться дальше по этому проходу?

— Мы хотим следовать за вами, — ответил Том Остин.

— И даже опередить вас, — добавил Паганель. — О чем, собственно говоря, идет речь? О том, чтобы перевалить через горную цепь, противоположный склон которой несравненно более отлог, чем тот, где мы сейчас находимся. Спустившись же по тому склону, мы раздобудем себе и аргентинских проводников — бакеанос — и быстроногих коней, привыкших скакать по равнинам. Вперед же, и без колебаний!

— Вперед! — подхватили спутники Гленарвана.

— А вы с нами не отправитесь? — спросил катапаца Гленарван.

— Я погонщик мулов, — ответил тот.

— Как хотите.

— И без него обойдемся, — заметил Паганель. — Ведь по ту сторону этой преграды мы снова очутимся на тропинках прохода Антуко, и я ручаюсь, что не хуже лучшего местного проводника выведу вас самым прямым путем к подножию Кордильер.

Гленарван уплатил катапацу то, что ему причиталось, и отпустил его вместе с его пеонами и мулами. Оружие, инструменты и кое-какие съестные припасы были распределены между семью путешественниками. С общего согласия, было решено немедленно же пуститься в дальнейший путь и, если понадобится, продолжать восхождение и в течение части ночи. По левому склону гор вилась очень крутая тропинка, по которой мулы не могли бы пройти. Подниматься по такой тропинке было чрезвычайно трудно, но все же после двух часов напряженной ходьбы Гленарван и его спутники снова выбрались в проход Антуко.

Теперь они находились уже недалеко от хребта Кордильер. Но кругом уже не видно было никакой протоп-

танной тропы. Недавно бывшее землетрясение изменило всю эту местность, и теперь приходилось подниматься без дороги к вершинам горной цепи. Это неожиданное исчезновение тропы порядком озадачило Паганеля. Он подумал, что теперь подъем на вершину Кордильер, средняя высота которых колеблется от одиннадцати до двенадцати тысяч шестисот футов, будет сопряжен с большими трудностями. К счастью, время года было благоприятное: воздух спокоен, на небе ни облачка. Во время зимы — с мая по октябрь[1] — такое восхождение было бы невозможно. Обвалы снежных масс убивают путешественников, а тех, кого они пощадят, часто приканчивают жестокие темпоралес — местные ураганы, которые ежегодно сбрасывают новые жертвы в пропасти Кордильер.

Подъем продолжался всю ночь. Пешеходы то взбирались на почти неприступные площадки, цепляясь руками за их выступы, то перепрыгивали через широкие и глубокие расщелины. Плечи товарищей при этом служили лестницей, а поданные друг другу руки — веревками. Отважные путешественники походили на труппу каких-то ловкачей-акробатов. Здесь нашли широкое применение сила Мюльреди и ловкость Вильсона. Без этих славных, самоотверженных, всюду поспевавших шотландцев маленькому отряду пришлось бы неоднократно останавливаться. Гленарван не спускал глаз с Роберта, так как мальчуган по своей горячности был очень неосторожен. Паганель устремлялся вперед с чисто французским пылом. Что же касается майора, то он неприметно поднимался по склону, делая движений не больше и не меньше, чем требовалось. Замечал ли он вообще, что уже в течение нескольких часов поднимается в гору? Это вопрос. Быть может, ему даже казалось, что он спускается.

В пять часов утра барометр показал, что путешественники уже достигли высоты в семь тысяч пятьсот футов. Они находились на так называемых вторичных плоскогорьях, где кончалась древесная растительность. Тут прыгали животные, которые могли бы порадовать и

[1] В Южном полушарии зима приходится на летние месяцы Северного полушария.

обогатить охотника, но они сами прекрасно знали это, ибо, еще издали завидев людей, уносились со всех ног. То была лама — драгоценное горное животное, заменяющее и барана, и быка, и лошадь, способное жить там, где не смог бы существовать даже мул. Тут была шиншилла — маленький кроткий, боязливый грызун, нечто среднее между зайцем и тушканчиком, ценный своим мехом. Задние лапки делали его похожим на кенгуру. Очень забавно было смотреть, как этот проворный зверек, подобно белке, носился по верхушкам деревьев.

— Это еще не птица, но уже не четвероногое, — заметил Паганель.

Однако лама и шиншилла не были последними животными, встреченными во время подъема маленьким отрядом. На высоте девяти тысяч футов, у границы вечных снегов, бродили целыми стадами жвачные животные необыкновенной красоты: пакосы с длинной шелковистой шерстью, затем вигонь — безрогая коза, изящная и благородная, с тончайшей шерстью. Но приблизиться к этим красавицам гор было немыслимо, да и рассмотреть их было трудно: они уносились во всю прыть, бесшумно скользя по ослепительно белым коврам снега.

Все вокруг преобразилось: поднимающиеся со всех сторон огромные глыбы блестящего, местами синеватого льда отражали первые лучи восходящего солнца. Подъем стал очень опасным. Нельзя было больше отважиться ни на один шаг вперед, не прощупав предварительно самым тщательным образом, нет ли под снегом расщелины. Вильсон шел во главе отряда, пробуя ногой крепость льда. Его спутники поднимались в гору за ним, стараясь ступать точно по его следам и избегая повышать голос, ибо малейший шум, сотрясая воздух, мог вызвать обвал снежных масс, нависших футах в семистах или восьмистах над их головами.

Так достигли наши путники пояса кустарников. Когда они поднялись еще на тысячу семьсот пятьдесят футов выше, кустарники сменились злаками и кактусами. На высоте же одиннадцати тысяч футов исчезли и они. На бесплодной почве уже не видно было никакой растительности. За все время подъема путешественники сделали лишь один привал, в восемь часов утра. Быстро, кое-как

Подъем стал очень опасным.

закусив, они со сверхчеловеческой отвагой возобновили подъем, пренебрегая всё возраставшими опасностями. Им приходилось перелезать через остроконечные гребни, пробираться над пропастями, куда даже заглянуть было страшно. Во многих местах попадались деревянные кресты, говорившие о бывших здесь катастрофах. Около двух часов пополудни между оголенными остроконечными вершинами развернулось огромное, без всяких следов растительности плоскогорье, напоминавшее собою пустыню. Воздух здесь был сухой, а небо яркоголубого цвета. На этой высоте дожди неизвестны: влага здесь превращается в снег или град. Там и сям, словно кости скелета, торчали из-под белого покрова остроконечные порфировые и базальтовые вершины. Иногда обваливались куски разрушавшегося под влиянием выветривания кварца или гнейса; разреженный воздух почти заглушал тупой звук их падения.

Несмотря на все мужество путешественников, силы начали изменять им. Гленарван, видя, до чего изнурены его спутники, стал уже раскаиваться в том, что завел их так далеко в горы. Юный Роберт старался не поддаваться усталости, но сил у него не могло хватить надолго.

В три часа Гленарван остановился.

— Надо отдохнуть, — сказал он, сознавая, что никто, кроме него, не сделает подобного предложения.

— Отдохнуть, но где? — отозвался Паганель. — Ведь здесь нет никакого приюта.

— Тем не менее это совершенно необходимо сделать, хотя бы для Роберта.

— Да нет, сэр, я еще могу идти... — возразил отважный мальчуган. — Не останавливайтесь...

— Тебя понесут, мой мальчик, — перебил его Паганель, — но нам во что бы то ни стало необходимо добраться до восточного склона. Там, быть может, мы найдем какой-нибудь шалаш, который даст нам приют. Вот почему, по-моему, нам нужно идти еще часа два.

— Согласны ли вы все на это? — спросил Гленарван.

— Да, — ответили его спутники.

— А я берусь нести мальчика, — прибавил Мюльреди.

И отряд снова двинулся на восток. Еще целых два часа длился этот ужасающий подъем. Надо было добраться до самой вершины. Разреженность воздуха вызывала у путешественников болезненное удушье, кровоточивость десен и губ. Чтобы ускорить кровообращение, замедленное разреженностью воздуха, приходилось как можно чаще дышать, а это утомляло не меньше, чем отражение солнечных лучей на снегу. Как ни велика была сила воли у этих мужественных людей, но настала минута, когда самые отважные из них пришли в полное изнеможение, и головокружение, этот ужасный бич гор, лишило их не только сил физических, но и духовных. Нельзя безнаказанно пренебрегать подобным переутомлением: то один, то другой падал и, поднявшись, уже не был в состоянии идти, а тащился на коленях, ползком. Было ясно, что эти обессиленные люди скоро совсем не смогут продолжать слишком затянувшийся подъем.

Гленарван не без ужаса глядел на необозримые, заледеневшие на всей этой роковой области снега, на вечерний сумрак, уже заволакивавший пустынные вершины, глядел и с болью в сердце думал о том, что кругом нет никакого крова, как вдруг майор, остановив его, сказал спокойным голосом:

— Хижина.

Глава XIII

СПУСК С КОРДИЛЬЕР

Всякий другой на месте Мак-Наббса раз сто прошел бы мимо этой хижины, кругом нее и даже над нею, не заподозрив о ее существовании. Занесенная снегом, она почти не выделялась среди окрестных скал. Пришлось отрывать ее из-под снега. Полчаса упорного труда Вильсона и Мюльреди ушло на то, чтобы освободить вход в казучу, после чего маленький отряд поспешил там укрыться.

Казуча эта была построена индейцами, сложившими ее из адобес — кирпичей, обожженных на солнце. Она имела форму куба с гранями в двенадцать футов и стояла на вершине базальтовой скалы. Каменная лестница

вела ко входу — единственному отверстию в хижине, и как ни был узок этот вход, но когда в горах бушевали темпоралес, ветру, снегу и граду удавалось проникать через него внутрь.

В хижине свободно могли поместиться десять человек, и стены ее, недостаточно предохранявшие от влаги в период дождей, в это время года могли до известной степени защищать обитателей от резкого холода — термометр показывал десять градусов ниже нуля. К тому же очаг с трубой из кое-как сложенных кирпичей давал возможность развести огонь и успешно бороться с внешней температурой.

— Вот и приют, хотя и не особенно удобный, но, во всяком случае, сносный, — промолвил Гленарван.

— Как, — воскликнул Паганель, — да это просто дворец! Не хватает лишь караула и придворных. Здесь нам будет чудесно!

— Особенно когда в очаге запылает яркий огонь, — прибавил Том Остин. — Мы ведь все не только проголодались, но и промерзли, и меня лично хорошая вязанка дров порадовала бы больше, чем кусок дичи.

— Что ж, Том, постараемся раздобыть топлива, — отозвался Паганель.

— Топливо — на вершинах Кордильер! — сказал Мюльреди, недоверчиво качая головой.

— Раз в казуче устроили очаг — значит, поблизости есть и топливо, — заметил майор.

— Наш друг Мак-Наббс совершенно прав, — промолвил Гленарван. — Готовьте всё к ужину, а я возьму на себя обязанности дровосека.

— Мы с Вильсоном пойдем вместе с вами, — объявил Паганель.

— Если я могу быть вам полезен... — сказал, вставая с места, Роберт.

— Нет, мой храбрый мальчик, отдыхай, — ответил Гленарван. — Ты станешь мужчиной, когда твои сверстники будут еще детьми.

Гленарван, Паганель и Вильсон вышли из казучи. Было шесть часов вечера. Несмотря на неподвижность воздуха, мороз давал себя сильно чувствовать. Голубое небо начинало темнеть, и последние лучи заходящего

солнца озаряли остроконечные вершины гор. Паганель захватил с собой барометр. Взглянув на него, он убедился, что давление ртути показывает высоту в одиннадцать тысяч семьсот футов, — следовательно, эта часть Кордильер была ниже Монблана только на девятьсот десять метров. Если бы в здешних горах встречались такие же трудности, какие встречаются на каждом шагу на гигантской швейцарской горе, и если бы наши путешественники попали в бури и метели, то ни один из них, конечно, не перевалил бы через мощную горную цепь Нового Света.

Гленарван и Паганель, взобравшись на порфировый утес, обвели глазами горизонт. Они находились на самой верхушке главного хребта Кордильер и охватывали взором пространство в сорок квадратных миль. Восточный склон был отлогий. По его откосам можно было легко спускаться, а пеоны умудрялись даже скользить по ним на протяжении сотен саженей. Вдали виднелись громадные продольные полосы морен, образовавшихся из камней и обломков скал, оттесненных туда ледниками. Долина Колорадо уже погружалась в тень: солнце склонялось к западу. Освещенные его лучами выступы почвы, скалы, шпили, пики один за другим угасали, и весь восточный склон мало-помалу темнел. Западный же, отвесный склон со всеми его отрогами был еще освещен. Вид этих скал и ледников, залитых лучами заходящего солнца, был ослепительно красив. К северу спускался волнообразно ряд вершин. Незаметно сливаясь друг с другом, они образовали смутно терявшуюся вдали неровную линию, словно проведенную неумелой рукой. Зато на юге зрелище было великолепное, и по мере приближения ночи оно становилось величественно-грандиозным. Внизу виднелась дикая долина, а над нею, в двух милях от наших путешественников, зиял кратер Антуко. Вулкан этот, выбрасывая потоки пламени, пепла и дыма, ревел, как огромное чудовище. Окружавшие его горы, казалось, были объяты пламенем. Град раскаленных добела камней, клубы красноватого дыма, взлетающие струи лавы — все это сливалось в сверкающие снопы. И в то время как тускнеющее солнце, словно потухшее светило, исчезало во мраке горизонта, ослепительный, с каждой

минутой усиливающийся свет вулкана заливал своим заревом весь необъятный кругозор.

В импровизированных дровосеках — Паганеле и Гленарване — заговорило чувство художника, и они, пожалуй, долго бы еще восхищались этой величественной борьбой земных и небесных огней, но Вильсон, более трезво настроенный, вернул их к действительности. Дров, правда, нигде кругом не оказалось, но, к счастью, скалы здесь были покрыты тощим, сухим лишайником. Путешественники запаслись в большом количестве этим лишайником, а также растением льяретта, корни которого тоже горят довольно сносно. Как только это драгоценное топливо было принесено в казучу, им немедленно набили очаг. Но разжечь огонь, а особенно поддерживать его оказалось делом далеко не легким. В разреженном воздухе имелось слишком мало кислорода для горения — по крайней мере, такое объяснение дал майор.

— Зато, — прибавил он, — воде здесь, чтобы закипеть, не понадобится доходить до ста градусов; и тому, кто любит кофе, сваренный на воде в сто градусов, придется обойтись без этого, так как его кофе закипит при температуре даже ниже девяноста градусов [1].

Мак-Наббс оказался прав: термометр, опущенный в воду в тот момент, когда она закипела, показал только восемьдесят семь градусов. Все с наслаждением выпили по нескольку глотков горячего кофе. Что же касается сушеного мяса, то оно доставило присутствующим мало удовольствия и вызвало со стороны Паганеля замечание, столь же здравое, сколь и бесполезное.

— Да, — сказал он, — надо признаться, что кусок жареной ламы был бы здесь далеко не лишним. Говорят, что это животное способно заменить и быка и барана. Мне хотелось бы знать, распространяется ли это и на его мясо.

— Как! Вы недовольны нашим ужином, ученый Паганель? — обратился к нему Мак-Наббс.

— Я в восторге от него, почтенный майор, но не могу не признаться, что блюдо дичи было бы очень кстати.

[1] Понижение точки кипения равняется приблизительно 1 градусу на 324 метра подъема. *(Примеч. автора.)*

— Вы сибарит, — сказал Мак-Наббс.

— Согласен с этим эпитетом, майор, но что бы вы ни говорили, разве отказались бы вы от доброго бифштекса?

— Пожалуй, что и нет, — согласился майор.

— А если бы вас попросили пойти на охоту, несмотря ни на холод, ни на тьму, вы отправились бы не задумываясь?

— Конечно. И если только вам угодно...

Не успели еще компаньоны Мак-Наббса поблагодарить его и заявить, что они вовсе не хотят злоупотреблять его бесконечной любезностью, как вдали послышался вой. Он не прекращался. Казалось, то был вой не отдельных животных, а целого быстро приближающегося стада. У географа мелькнула мысль: не желает ли провидение, дав им приют, снабдить их еще и ужином? Но Гленарван несколько разочаровал его, напомнив, что четвероногие животные Кордильер никогда не встречаются на таких высотах.

— Откуда же тогда этот шум? — спросил Том Остин. — Слышите, как он приближается?

— Уж не лавина ли? — сказал Мюльреди.

— Невозможно! — возразил Паганель. — Это настоящий звериный вой.

— Сейчас увидим, — сказал Гленарван.

— И увидим с оружием в руках, — добавил майор, беря свой карабин.

Все выскочили из казучи. Уже наступила ночь, темная и звездная. Наполовину обглоданный диск убывающей луны еще не показывался на небе. Северные и восточные вершины тонули во мраке; еле можно было различить фантастические силуэты нескольких ближайших утесов. Вой — вой перепуганных зверей — приближался. Он несся со стороны гор, погруженных во мрак. Что там происходило? Вдруг на плоскогорье обрушилась бешеная лавина — лавина живых существ, обезумевших от страха. Все плоскогорье, казалось, заколебалось. Неслись сотни, быть может тысячи, животных, производивших, несмотря на разреженность воздуха, оглушительный шум. Были ли это дикие звери пампасов или только стадо лам и вигоней? Гленарван, Мак-Наббс, Роберт, Остин

и оба матроса едва успели броситься на землю, как этот живой вихрь промчался в нескольких футах над ними. Паганель, видевший ночью лучше, чем днем, и оставшийся на ногах, чтобы все разглядеть, был мгновенно сбит с ног.

В этот момент раздался выстрел. Это майор выпалил наугад. Ему показалось, что какое-то животное упало в нескольких шагах от него, а вся стая в неудержимом порыве уже неслась еще с бо́льшим воем по склонам, освещенным отблеском вулкана.

— А! Вот они! — раздался голос — голос Паганеля.

— Кто это «они»? — спросил Гленарван.

— Да мои очки. Как не потерять их при такой сумятице!

— А вы не ранены?

— Нет! Помят немножко. Уж не знаю только кем.

— Вот кем, — отозвался майор, таща за собой застреленное им животное.

Все поспешили вернуться в казучу и при свете очага стали рассматривать добычу Мак-Наббса.

Это было красивое животное, похожее на небольшого верблюда, только без горба. У него была изящная головка, стройное тело, длинные, тонкие ноги, шелковистая светлокофейного цвета шерсть с белыми пятнами на брюхе.

Как только Паганель увидел его, он воскликнул:

— Это гуанако!

— Что такое гуанако? — спросил Гленарван.

— Животное, годное в пищу, — ответил Паганель.

— И вкусное?

— Очень вкусное. Пища, достойная богов Олимпа! Я же знал, что у нас будет на ужин свежее мясо! Да еще какое мясо!.. Но кто же освежует тушу?

— Я, — сказал Вильсон.

— Прекрасно! А я берусь зажарить мясо, — добавил Паганель.

— Вы, стало быть, и повар, господин Паганель? — спросил Роберт.

— Конечно, мой мальчик, раз я француз — ведь в каждом французе сидит повар.

Через пять минут Паганель уже раскладывал на рас-

каленных углях очага большие куски дичи. Десятью минутами позже он подал своим товарищам преаппетитно зажаренное «филе из гуанако». Никто не стал чиниться, и все накинулись на эту «пищу богов».

Но при первом же глотке, к великому изумлению географа, на лицах всех присутствующих появилась гримаса, сопровождаемая единодушным: «Фу!»

— Отвратительно! — сказал один.

— Совершенно несъедобно! — добавил другой.

Бедный ученый, попробовав сам своей стряпни, принужден был сознаться, что это жареное мясо было действительно несъедобно даже для голодных людей. Его товарищи стали подшучивать над ним, к чему, впрочем, он отнесся очень добродушно, и подняли на смех «пищу богов». Паганель ломал себе голову над вопросом, каким образом вкусное, всеми ценимое мясо гуанако могло сделаться таким несъедобным в его руках. Вдруг его осенила мысль...

— Понял! — воскликнул он. — Понял, чорт побери! Я знаю теперь, в чем тут дело.

— Быть может, это мясо слишком долго лежало? — спокойно спросил Мак-Наббс.

— Нет, язвительный майор, это мясо не слишком долго лежало, а оно слишком долго бежало. Как мог я упустить это из виду!

— Что вы хотите сказать, господин Паганель? — спросил Том Остин.

— Я хочу сказать, что мясо гуанако хорошо только тогда, когда животное убито во время отдыха. Если же за ним долго охотились и оно много пробежало, мясо его становится несъедобным. И вот по отвратительному вкусу нашего жаркого я могу заключить, что это животное, да и вообще все стадо, примчалось издалека.

— Вы в этом уверены? — спросил Гленарван.

— Совершенно уверен.

— Но какое же происшествие, какое явление природы могло так напугать этих животных и выгнать их из логова, где им надлежало бы теперь спокойно спать?

— На это, дорогой Гленарван, я не в состоянии вам ответить. Поверьте мне, не стоит искать дальнейших объяснений, а давайте лучше спать. Что касается меня,

то я просто умираю от желания уснуть. Ну как, будем спать, майор?

— Будем спать, Паганель!

Подбросили топлива в очаг, и каждый завернулся в свое пончо. Вскоре раздался богатырский разнозвучный храп, причем громче всего выделялся среди этого гармоничного оркестра бас ученого-географа.

Один Гленарван не сомкнул глаз. Его томило какое-то смутное беспокойство. Мысли его невольно возвращались к этому стаду гуанако, в необъяснимом ужасе мчавшемуся в одном, общем направлении. Их не могли преследовать хищные звери — на такой высоте хищных зверей почти нет, а охотников и того меньше. Что же пробудило в гуанако этот ужас, погнавший их к пропастям Антуко? Гленарван предчувствовал надвигающуюся опасность.

Однако под влиянием полудремоты мысли его приняли другое направление, и тревога сменилась надеждой. Завтра он со своими спутниками очутится у подошвы Кордильер. Там начнутся настоящие поиски капитана Гранта, и, быть может, они вскоре увенчаются успехом. Он мечтал о том, как будут освобождены от тяжкого плена капитан Грант и два его матроса. Картины одна за другой проносились в его воображении. Порой его отвлекало от них потрескивание искорки, взлетавшей над очагом, или яркая вспышка пламени, освещавшая лица его спавших товарищей и бросавшая беглые тени на стены казучи. Но потом его с еще большей силой стали томить предчувствия. Он полубессознательно прислушивался к доносившимся извне звукам, объяснить происхождение которых среди этих пустынных вершин было трудно.

Ему почудились отдаленные глухие, угрожающие раскаты, похожие на раскаты грома, но неслись они не с неба. Видимо, это была гроза, бушевавшая где-то по склонам гор, на несколько тысяч футов ниже. Гленарвану захотелось убедиться в этом, и он вышел из казучи.

Всходила луна. Воздух был прозрачен и неподвижен. Ни одного облачка ни вверху, ни внизу. Кое-где мелькали отблески огнедышащего вулкана Антуко. Ни грозы, ни молний. Тысячи звезд сверкали на небе. А между тем

раскаты не умолкали. Казалось, они приближались, катясь по Кордильерам. Гленарван вернулся в казучу, охваченный еще бо́льшим беспокойством. Он ломал себе голову над тем, что могло быть общего между этими подземными раскатами и бегством гуанако. Уж не являлось ли одно следствием другого? Он взглянул на часы. Было два часа ночи. Не имея уверенности в том, что действительно надвигается какая-то опасность, он не разбудил своих утомленных товарищей, спавших мертвым сном, и сам впал в тяжелую дремоту, продлившуюся несколько часов.

Вдруг ужасающий грохот разом поднял его на ноги. Это был оглушительный шум, похожий на грохот бесконечного множества повозок, везущих по гулкой мостовой ящики с артиллерийскими снарядами. Гленарван почувствовал, что почва уходит из-под его ног; казуча заколебалась, и в стенах ее появились расщелины.

— Тревога! — крикнул он.

Спутники его мгновенно проснулись. Все они, сбившись в беспорядочную кучу, уже катились вниз по крутому склону горы. В лучах рассвета их глазам открылась страшная картина. Вид гор внезапно изменился: они стали ниже; их остроконечные вершины, качаясь, исчезали, словно проваливались в какие-то люки. Происходило явление, свойственное Кордильерам[1]: горный кряж в несколько миль шириной целиком перемещался, катясь к равнине.

— Землетрясение! — крикнул Паганель.

Географ не ошибся. Это было одно из стихийных бедствий, обычных на гористой границе Чили: в течение четырнадцати лет Копиапо был дважды уничтожен, а Сент-Яго разрушен четыре раза. Эта часть земного шара особенно подвержена действию подземного огня, а вулканы этой горной цепи, сравнительно недавнего происхождения, представляют собой недостаточные клапаны для беспрепятственного выхода подземных паров и газов. Отсюда эти непрекращающиеся сотрясения, на местном наречии — трамблорес.

[1] Почти тождественное явление природы произошло на Монбланской горной цепи в 1820 году. При этой ужасающей катастрофе погибли три проводника из Шамуни. *(Примеч. автора.)*

Горное плато с семью ошеломленными, охваченными ужасом людьми, вцепившимися в росшие кругом лишайники, катилось вниз с быстротой курьерского поезда, то-есть пятидесяти миль в час. Нельзя было не только пытаться убежать или задержаться, но даже крикнуть. Подземный гул, грохот сталкивающихся гранитных и базальтовых скал, облака снежной пыли делали какое-либо общение невозможным: расслышать друг друга было немыслимо. Кряж то спускался без толчков и тряски, то, словно судно в бурном море, подвергался килевой и боковой качке. Он проносился мимо пропастей, бросая в них глыбы горных пород, выкорчевывал вековые деревья и, подобно гигантской косе, срезáл все выступы восточного склона.

Трудно даже представить себе всю мощь этой огромной массы, в миллиарды тонн весом, мчащейся со все возрастающей скоростью под уклон в пятьдесят градусов!

Никто из наших путников не мог определить, сколько времени длилось это неописуемое падение. Никто из них не осмелился бы подумать о том, в какую пропасть предстояло этой громаде свергнуться. Никто не мог бы сказать, все ли они еще живы или кто-нибудь уже лежит распростертый на дне какой-нибудь пропасти. Задыхаясь от быстроты, с которой они неслись, окоченевшие от ледяного ветра, ослепленные снежным вихрем, они едва переводили дыхание, обессиленные, почти безжизненные, и только могучий инстинкт самосохранения заставлял их цепляться за скалы.

Вдруг толчок невероятной силы оторвал их от скользящего острова, и они покатились по последним уступам гор. Плато, на котором они неслись, резко остановилось.

В течение нескольких минут никто не пошевельнулся. Наконец один поднялся. Оглушенный толчком, он все-таки твердо держался на ногах. То был майор. Отряхнув ослеплявшую его пыль, он оглянулся. Вокруг него один на другом неподвижно лежали его спутники. Майор пересчитал их.

Все, за исключением одного, были распростерты на земле — не хватало Роберта Гранта.

Глава XIV

СПАСИТЕЛЬНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Восточный склон Кордильер, спускаясь длинными, пологими скатами, незаметно переходит в равнину. На этой равнине внезапно и остановился обломок массива. В этом новом краю расстилались тучные пастбища; увешанные золотистыми плодами, стояли леса яблонь, посаженных еще во времена завоевания материка. Казалось, будто на эти равнины заброшен уголок плодородной Нормандии. Конечно, при всяких иных обстоятельствах наши путешественники были бы поражены таким внезапным переходом от пустыни к оазису, от снеговых вершин — к зеленым лугам, от зимы — к лету.

Почва снова стала совершенно неподвижной. Землетрясение прекратилось. Видимо, подземные силы проявляли свою разрушительную деятельность уже где-то дальше, ибо цепь Кордильер всегда в каком-нибудь месте сотрясается. На этот раз землетрясение было особенно сильное. Очертания гор резко изменились. На фоне голубого неба вырисовывалась новая панорама вершин, гребней, пиков, и проводник по пампасам напрасно стал бы искать на них привычных ориентировочных пунктов.

Было восемь часов утра.

Гленарван и его компаньоны благодаря стараниям майора мало-помалу вернулись к жизни. Они были сильно оглушены, но и только. Итак, с Кордильер они спустились и могли бы даже приветствовать такое передвижение, все заботы о котором взяла на себя природа, если бы не исчез один из них, самый слабый, еще ребенок: Роберт Грант.

Этот мужественный мальчик покорил сердца своих спутников. Паганель, особенно к нему привязавшийся, майор, несмотря на свой холодный вид, — все его полюбили, но больше всех Гленарван. Когда он узнал об исчезновении Роберта, то пришел в отчаяние. Ему представлялось, что несчастный мальчик лежит на дне какой-нибудь пропасти и тщетно зовет на помощь его, своего второго отца.

— Друзья мои, друзья мои, — говорил Гленарван, с

трудом удерживая слезы, — надо его искать, надо его найти! Не можем же мы его так бросить! Ни одна долина, ни одна пропасть не должны остаться не обследованными до конца. Обвяжите меня вокруг пояса веревкой и спустите в эти пропасти. Я хочу этого! Слышите: хочу! Только бы Роберт был жив! Как без него осмелимся мы найти его отца? И что это будет за спасение капитана Гранта, если оно стоило жизни его ребенку!

Спутники Гленарвана молча слушали его. Чувствуя, что он жаждет прочесть в их взгляде хотя бы тень надежды, они опускали глаза.

— Ну что ж, — продолжал Гленарван, — вы слышали меня. Вы молчите! Так вы не надеетесь? Ни на что не надеетесь?..

Несколько минут длилось молчание. Наконец заговорил Мак-Наббс:

— Кто из вас, друзья мои, помнит, в какой именно момент исчез Роберт?

Ответа на этот вопрос не последовало.

— Скажите, по крайней мере, подле кого был мальчик во время спуска? — продолжал майор.

— Подле меня, — отозвался Вильсон.

— До какого же момента ты видел его подле себя? Постарайся припомнить... Говори!

— Вот все, что я помню, — ответил Вильсон: — минуты за две до толчка, которым кончился наш спуск, Роберт, уцепившись за пучок лишайника, еще был подле меня.

— Минуты за две? Подумай хорошенько, Вильсон. Минуты могли показаться тебе очень длинными. Не ошибаешься ли ты?

— Думаю, что не ошибаюсь. Да, именно так: минуты за две, а быть может, и того меньше.

— Пусть так. Где же находился Роберт: справа или слева от тебя? — спросил Мак-Наббс.

— Слева. Я еще помню, как его пончо хлестало меня по лицу.

— Сам же ты от нас где был?

— Тоже слева.

— Итак, значит, Роберт мог исчезнуть только с этой стороны, — проговорил майор, поворачиваясь к горам и

указывая вправо. — Прибавлю еще, что, принимая во внимание время исчезновения мальчика, можно с достоверностью сказать, что он упал на ту часть горы, которая ограничена снизу равниной, а сверху — стеной в две тысячи футов. Здесь, в этом районе, поделив его между собой, мы должны его искать, и здесь мы его найдем.

Никто не добавил к этому ни слова. Путники взобрались на склоны гор и начали на разной высоте поиски. Держась вправо от линии спуска, они обыскивали малейшие трещины, спускались, рискуя жизнью, до дна пропастей, местами заваленных обломками массива, и выбирались оттуда с окровавленными руками и ногами, в изодранной одежде. В течение долгих часов вся эта часть Кордильер, за исключением нескольких совершенно недоступных плоскогорий была обследована самым тщательным образом, причем ни одному из этих самоотверженных людей и в голову не пришло подумать об отдыхе. Но, увы, все поиски оказались тщетными. Видимо, бедный мальчик нашел в горах не только смерть, но и могилу, навеки сокрытую надгробной плитой какой-нибудь огромной скалы.

Около часа дня Гленарван и его спутники, разбитые усталостью, удрученные, сошлись на дне долины. Гленарван глубоко страдал. Он почти не говорил, и с губ его слетали всё одни и те же слова, прерываемые вздохами:

— Не уйду отсюда! Не уйду!..

Всем понятно было это упорство, ставшее навязчивой идеей, и каждый отнесся к нему с уважением.

— Подождем, — сказал Паганель майору и Тому Остину, — отдохнем немного и восстановим свои силы. Это нужно нам независимо от того, возобновим ли мы поиски или будем продолжать путь.

— Да, — ответил Мак-Наббс, — останемся здесь, раз этого хочет Эдуард. Он надеется... но на что?

— Бедный Роберт! — промолвил Паганель, вытирая слезы.

В долине кругом росло множество деревьев. Майор выбрал место под группой высоких рожковых деревьев и распорядился разбить здесь временный лагерь. Несколько одеял, оружие, немного сушеного мяса и риса — вот все, что уцелело у наших путешественников. Речка,

протекавшая поблизости, снабдила их водой, еще мутной после обвала. Мюльреди развел на траве костер и вскоре предложил Гленарвану подкрепить свои силы горячим напитком. Но тот отказался и продолжал лежать в оцепенении на своем раскинутом пончо.

Так прошел день. Настала ночь, такая же тихая и безмятежная, как и начало предыдущей. Все улеглись, но глаз сомкнуть так и не могли, а Гленарван снова отправился на поиски по склонам Кордильер. Он прислушивался, надеясь расслышать призыв мальчика. Он поднялся высоко, далеко в горы, и то слушал, приложив ухо к земле и стараясь обуздать биение своего сердца, то с отчаянием звал Роберта.

В течение всей ночи бедный Гленарван блуждал в горах. То Паганель, то майор шли за ним следом, готовые поддержать его на тех скользких гребнях, у края тех пропастей, к которым увлекала его бесполезная отвага. Но и эти последние усилия оказались бесплодными. Напрасно выкрикивал он без конца: «Роберт! Роберт!» — ответом ему было лишь эхо.

Настало утро. Друзьям Гленарвана пришлось идти за ним на отдаленное плоскогорье и силой увести его в лагерь. Он был в невыразимом отчаянии. Кто бы посмел заговорить с ним о продолжении пути, кто бы посмел предложить ему покинуть эту роковую долину? Между тем не хватало съестных припасов. Где-то поблизости можно было встретить тех аргентинских проводников, о которых говорил им катапаз, и найти лошадей, необходимых для перехода через пампасы. Вернуться назад было гораздо труднее, чем двигаться вперед. Кроме того, ведь было условлено встретиться с «Дунканом» на побережье Атлантического океана. Эти веские соображения не допускали дальнейшего промедления: интересы всего отряда требовали неотложного продолжения пути.

Мак-Наббс попытался отвлечь Гленарвана от его горестных мыслей. Долго уговаривал он своего друга, но тот, казалось, ничего не слышал и только качал отрицательно головой. Наконец он пробормотал:

— Выступать?

— Да, выступать.

— Подождем еще час.

— Хорошо, подождем, — согласился майор.

Час прошел, и Гленарван стал умолять, чтобы дали ему еще час. Казалось, что это приговоренный к смерти молит о продлении своей жизни. Так тянулось часов до двенадцати. Тут Мак-Наббс, посоветовавшись со всеми своими спутниками, решительно заявил, что надо отправляться, ибо от этого зависит жизнь всех участников экспедиции.

— Да, да, — отозвался Гленарван, — надо, надо отправляться.

Но проговорил он это, уже не глядя на Мак-Наббса. Взор его был привлечен какой-то черной точкой высоко в небе. Вдруг его рука поднялась и замерла.

— Вон там, там! — крикнул Гленарван. — Смотрите! Смотрите!

Все присутствующие устремили глаза на ту часть неба, куда он так настойчиво указывал. Черная точка уже успела заметно увеличиться — то была птица, парившая на неизмеримой высоте.

— Это кондор, — сказал Паганель.

— Да, кондор, — отозвался Гленарван. — Как знать!.. Он несется сюда, снижается... Подождем...

На что надеялся Гленарван? Уж не начал ли помрачаться его рассудок? Что значили слова: «Как знать»?

Паганель не ошибся: то был действительно кондор, делавшийся все более и более ясно видимым. Этот великолепный хищник, перед которым некогда так благоговели инки, был царем южных Кордильер. В этом краю он достигает необычайно крупных размеров. Сила его изумительна: ему нередко случается сталкивать в пропасть быков. Он набрасывается на бродящих по равнинам овец, козлят, телят и, вцепившись в свою жертву когтями, поднимается с ней на большую высоту[1]. Нередко кондор парит на высоте двадцати тысяч футов. Отсюда этот недоступный ничьим взорам царь воздушных пространств устремляет свои глаза на землю и раз-

[1] Строение лап кондора таково, что он не может поднять что-либо, да еще на более или менее значительную высоту. Жюль Верн был введен в заблуждение многочисленными сказками о кондорах, рассказываемыми в его время, но полностью опровергнутыми позднейшими научными наблюдениями.

личает там мельчайшие предметы с зоркостью, изумляющей естествоиспытателей.

Что же мог увидеть кондор? Быть может, труп Роберта?

— Как знать!.. — повторял Гленарван, не спуская глаз с громадной птицы.

А она приближалась, то паря в воздухе, то падая вниз, словно неодушевленное тело, брошенное в пространство. Но вот меньше чем в семистах футах от земли хищник начал описывать большие круги. Теперь кондора можно было ясно рассмотреть: ширина его могучих распростертых крыльев превышала пятнадцать футов, и они держали его в воздухе, почти не двигаясь, ибо большим птицам свойственно летать с величественным спокойствием, в то время как насекомым, чтобы удержаться в воздухе, нужна тысяча взмахов крыльев в секунду.

Майор и Вильсон схватили свои карабины. Гленарван жестом остановил их. Кондор описывал круги над одним из недоступных для человека плато Кордильер, находившимся приблизительно в четверти мили от наших путников. Огромная птица носилась с головокружительной быстротой, то выпуская, то пряча свои страшные когти и потряхивая хрящеватым гребнем.

— Это там! Там!.. — крикнул Гленарван.

Вдруг в голове его мелькнула мысль.

— Если Роберт еще жив... — воскликнул он в ужасе. — Эта птица... Стреляйте, друзья мои, стреляйте!

Но уже было поздно: кондор исчез за высокими выступами скалы. Прошла какая-нибудь секунда, показавшаяся столетием... Огромная птица появилась снова; она летела медленнее, отягощенная грузом.

Раздался вопль ужаса: в когтях у кондора висело и качалось безжизненное тело, тело Роберта Гранта. Хищник, держа мальчика за платье, парил в воздухе футах в ста пятидесяти над лагерем. Он завидел путешественников и, стремясь поскорее улететь со своей тяжелой добычей, с силой рассекал крыльями воздух.

— А, — крикнул Гленарван, — пусть лучше тело Роберта разобьется об эти скалы, чем послужит...

Он не договорил и, схватив карабин Вильсона, стал прицеливаться в кондора, но руки его дрожали, глаза заволоклись туманом, и он не мог навести ружье.

Никто из путников не мог определить, сколько времени длилось это неописуемое падение.

— Предоставьте это мне, — сказал майор.

И, неподвижный, спокойный, уверенный, Мак-Наббс прицелился в кондора: тот был от него уже в трехстах футах.

Но не успел майор нажать курок своего карабина, как в глубине долины раздался выстрел; белый дымок поднялся между двумя базальтовыми громадами — и кондор, пораженный пулей в голову, медленно описывая круги, стал спускаться, словно на парашюте, на своих широко распростертых крыльях. Не выпуская добычи, он мягко упал футах в десяти от крутого берега ручья.

— Теперь за нами дело! За нами! — крикнул Гленарван.

И, не стараясь узнать, откуда раздался благодетельный выстрел, он кинулся к кондору. Спутники его помчались за ним. Когда они добежали до кондора, тот был уже мертв, а тела Роберта почти не было видно из-под его широких крыльев.

Гленарван бросился к мальчику, вырвал его из когтей кондора, уложил на траву и приник ухом к груди этого безжизненного тела.

Никогда еще из уст человеческих не вырывалось такого радостного крика, как тот, что вырвался в этот миг у Гленарвана:

— Он жив! Он жив еще!

В одну минуту с Роберта сняли одежду, смочили ему лицо свежей водой. Мальчик пошевелился, открыл глаза, посмотрел и пробормотал:

— А, это вы, сэр... отец мой!..

Гленарван, задыхаясь от волнения, был не в силах ответить: опустившись на колени возле чудом спасенного мальчика, он плакал от радости.

Глава XV

ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК ЖАКА ПАГАНЕЛЯ

Роберт, избавившись от одной огромной опасности, тут же подвергся другой — пожалуй, не меньшей: едва не был задушен в объятиях. Хотя он был еще очень слаб,

ни один из его спутников не мог удержаться от того, чтобы не прижать его к своему сердцу. Но надо полагать, что такие сердечные объятия не гибельны для больных: по крайней мере, Роберт от них не умер.

Потом мысли наших путешественников от спасенного обратились к спасителю, и, разумеется, майору первому пришло в голову осмотреться кругом.

Шагах в пятидесяти от реки он увидел человека чрезвычайно высокого роста, неподвижно стоявшего на уступе у самой подошвы горы. Он опирался на длинное ружье. Этот неожиданно появившийся человек был широкоплеч, с длинными волосами, схваченными кожаным ремешком. Рост его превышал шесть футов. Его смуглое лицо было раскрашено: красной краской — между глазами, черной — на нижних веках и белой — на лбу. Одет он был, как полагается жителю пограничной полосы Патагонии: на нем был великолепный плащ из шкуры гуанако, разукрашенный красными арабесками и сшитый жилами страуса. Под этим плащом виднелась еще одежда из лисьего меха. Она была стянута поясом, у которого висел мешочек с красками для раскрашивания лица.

Несмотря на пеструю раскраску, лицо этого патагонца было величественно и говорило о его несомненном уме. В позе, полной достоинства, он ожидал, что будет дальше. Глядя на эту неподвижную, внушительную фигуру, можно было принять ее за статую хладнокровия.

Как только майор заметил патагонца, он указал на него Гленарвану, и тот тотчас же побежал к нему. Патагонец сделал два шага вперед. Гленарван взял его руку и крепко пожал.

В глазах Эдуарда, во всем его сияющем лице светилась такая горячая благодарность, что патагонец, конечно, не мог не понять его. Он слегка нагнул голову и произнес несколько слов, которые остались непонятными как для майора, так и для его кузена.

Тогда патагонец, внимательно посмотрев на чужестранцев, заговорил на другом языке, но как он ни старался, и на этот раз его также не поняли. Однако в фразах, произнесенных туземцем, что-то напомнило Гленарвану испанский язык — он знал несколько общеупотребительных испанских слов.

— Espanol? [1] — спросил он.

Патагонец кивнул головой сверху вниз — движение, имеющее одинаковое значение подтверждения у всех народов.

— Отлично, — заявил майор, — теперь дело за нашим другом Паганелем. Хорошо, что ему пришло в голову учить испанский язык!

Позвали Паганеля. Он немедленно прибежал и раскланялся перед патагонцем с чисто французской грацией, которую тот, по всей вероятности, не смог оценить. Географу тотчас рассказали, в чем дело.

— Чудесно! — воскликнул он.

И, широко открывая рот, чтобы яснее выговаривать, он проговорил:

— Vos sois um homem de bem [2].

Туземец, видимо, напряг слух, но ничего не ответил.

— Он не понимает, — промолвил географ.

— Быть может, вы неправильно произносите? — высказал предположение майор.

— Возможно. Произношение дьявольское!

И Паганель снова повторил свою любезную фразу, но успех ее был тот же.

— Ну, выразимся иначе, — сказал географ и, произнося медленно, по-учительски, спросил патагонца: — Sem duvida, um Patagâo? [3]

Тот попрежнему молчал.

— Dizeime! [4] — добавил Паганель.

Патагонец и на этот раз не проронил ни слова.

— Vos compriendeis? [5] — закричал Паганель так громко, что едва не порвал себе голосовые связки.

Было очевидно, что индеец не понимал того, что ему говорили, так как он ответил наконец по-испански:

— No comprendo [6].

Тут уж настала очередь Паганеля изумиться, и он с видимым раздражением спустил очки со лба на глаза.

---

[1] Испанец?
[2] Вы славный человек.
[3] Конечно, вы патагонец?
[4] Отвечайте!
[5] Вы понимаете?
[6] Не понимаю.

Шагах в пятидесяти от реки стоял человек чрезвычайно высокого роста.

— Пусть меня повесят, если я понимаю хоть одно слово из этого дьявольского диалекта! — воскликнул он. — Верно, это арауканское наречие.

— Да нет же, — отозвался Гленарван, — этот человек несомненно ответил по-испански.

И, повернувшись к патагонцу, он вновь спросил его:

— Espanol? [1]

— Si, si! [2] — ответил туземец.

Удивление Паганеля превратилось в остолбенение. Майор и Гленарван украдкой переглядывались.

— А знаете, мой ученый друг, — начал, слегка улыбаясь, майор, — не произошло ли здесь чего-нибудь в результате той феноменальной вашей рассеянности, на которую, мне кажется, у вас имеется монополия?

— Как? Что? — насторожился географ.

— Дело в том, что патагонец несомненно говорит по-испански.

— Он?

— Да, он! Уж не изучили ли вы случайно другой язык, приняв его...

Мак-Наббс не успел договорить. Громогласное «О!», сопровождаемое пожатием плеч, прервало его.

— Вы немножко слишком далеко заходите, майор, — сказал Паганель довольно сухо.

— Но чем же объяснить, что вы его не понимаете? — ответил Мак-Наббс.

— Не понимаю я потому, что этот туземец говорит на плохом испанском языке! — ответил, начиная раздражаться, географ.

— Так вы считаете, что он говорит на плохом наречии, только потому, что вы его не понимаете? — спокойно спросил майор.

— Послушайте, Мак-Наббс,—вмешался Гленарван,— ваше предположение невероятно. Как ни рассеян наш друг Паганель, все же нельзя допустить, чтобы его рассеянность дошла до того, что он мог изучить один язык вместо другого.

— Тогда, дорогой Эдуард, или лучше вы, почтенный Паганель, объясните мне: что здесь происходит?

[1] Испанец?
[2] Да, да!

— Мне нечего объяснять: я констатирую, — ответил географ. — Вот книга, которой я ежедневно пользуюсь для преодоления трудностей испанского языка. Посмотрите на нее, майор, и вы увидите, что я не ввожу вас в заблуждение!

С этими словами Паганель начал рыться в своих многочисленных карманах и через несколько минут поисков вытащил весьма потрепанный томик, который и подал с уверенным видом майору. Тот взял книжку и посмотрел на нее.

— Что это за литературное произведение? — спросил он.

— Это «Луизиада», — ответил Паганель, — великолепная героическая поэма, которая...

— «Луизиада»? — воскликнул Гленарван.

— Да, друг мой, не более не менее, как «Луизиада» великого Камоэнса!

— Камоэнса? — повторил Гленарван. — Но, бедный друг мой, ведь Камоэнс — португалец! Вы в течение последних шести недель изучаете португальский язык!..

— Камоэнс... «Луизиада»... Португальский язык... — вот все, что мог пролепетать Паганель.

Глаза его под очками померкли, а в ушах загремел гомерический хохот обступивших его спутников.

Патагонец и бровью не повел. Он терпеливо ждал объяснения того, что происходило на его глазах и было ему совершенно непонятно.

— Ах я безумец, сумасшедший! — воскликнул наконец Паганель. — Вот что! Значит, действительно это так! Это не выдумка для забавы! И это я сделал... я! Да ведь это вавилонское смешение языков! Ах, друзья мои, друзья! Подумайте только: отправиться в Индию и очутиться в Чили, учить испанский язык, а говорить на португальском!.. Нет, это уж слишком! Если так пойдет и дальше, то в один прекрасный день я, вместо того чтобы выбросить в окно сигару, выброшусь сам.

Наблюдая, как Паганель относится к своему злоключению, видя, как переживает он свою комическую неудачу, нельзя было не смеяться. Да к тому же он первый подал этому пример.

— Смейтесь, друзья мои, смейтесь от всего сердца! —

повторял он. — Поверьте мне, что всех больше буду смеяться над собой я сам! — И, говоря это, он захохотал так, как, должно быть, не хохотал никогда ни один ученый в мире.

— Но как бы там ни было, а мы все-таки остались без переводчика, — промолвил майор.

— О, не приходите в отчаяние, — отозвался Паганель: — португальский и испанский языки до того похожи один на другой, что, как видите, я смог даже перепутать их, но зато это же сходство поможет мне быстро исправить свою ошибку, и в недалеком будущем я смогу поблагодарить этого достойного патагонца на языке, которым он так хорошо владеет.

Паганель не ошибся: через несколько минут ему удалось обменяться с туземцем несколькими словами. Географ даже узнал, что патагонца зовут Талькав, что на арауканском языке значит «громовержец». По всей вероятности, это прозвище было дано ему благодаря его искусству в обращении с огнестрельным оружием.

Но особенно обрадовался Гленарван тому, что патагонец оказался профессиональным проводником, да еще по пампасам. Встреча с патагонцем являлась такой необыкновенной удачей, что все окончательно уверовали в успех экспедиции, и никто уж не сомневался в спасении капитана Гранта.

Наши путешественники вернулись с индейцем к Роберту. Мальчик протянул руки к туземцу, и тот безмолвно положил ему на голову свою руку. Он осмотрел мальчика, ощупал его ушибленные члены. Затем, улыбаясь, пошел к берегу реки, сорвал там несколько пучков дикого сельдерея и, вернувшись, натер им тело больного. Благодаря этому сделанному чрезвычайно осторожно массажу мальчик почувствовал прилив сил, и стало ясно, что несколько часов покоя поставят его на ноги.

Было решено этот день, а также следующую ночь посвятить отдыху. К тому же надлежало еще обсудить и решить два важных вопроса: относительно пищи и транспорта. Ни съестных припасов, ни мулов у путешественников не было. К счастью, теперь с ними был Талькав. Этот проводник, привыкший сопровождать путешественников вдоль границы Патагонии — один из самых умных

местных бакеанос, — взялся снабдить Гленарвана всем необходимым для его небольшого отряда. Он предложил отправиться в индейскую тольдерию, находившуюся в каких-нибудь четырех милях. Там, по его словам, можно будет достать все, в чем нуждалась экспедиция. Предложение это было сделано наполовину с помощью жестов, а наполовину с помощью испанских слов, которые Паганелю удалось понять. Оно было принято, и Гленарван со своим ученым другом, простившись с товарищами, немедленно направились вслед за проводником-патагонцем вверх по течению реки.

Они шли полтора часа, быстро, большими шагами, стараясь поспеть за великаном Талькавом. Вся эта прилегавшая к подножию Кордильер местность отличалась красотой и замечательным плодородием. Одни тучные пастбища сменялись другими. Казалось, они свободно могли прокормить и стотысячное стадо жвачных животных. Широкие пруды, соединенные между собой частой сетью речек, обильно питали своей влагой зеленеющие равнины. Черноголовые лебеди причудливо резвились в этом водяном царстве, оспаривая его у множества страусов, бегавших по льяносам. Вообще пернатый мир был здесь блестящ, очень шумен и вместе с тем изумительно разнообразен. Изакас — изящные горлицы, серенькие с белыми полосками, — и желтые кардиналы, сидя на ветвях деревьев, напоминали живые цветы. Перелетные голуби мчались куда-то вдаль, а местные воробьи, носясь друг за другом, наполняли воздух своим пронзительным чириканьем.

Жак Паганель был в полнейшем восторге от всего окружающего, и из его уст то и дело раздавались восторженные восклицания. Это очень удивляло патагонца: тот считал вполне естественным, что в воздухе есть птицы, на прудах — лебеди, а на лугах — травы. Вообще нашему ученому-географу не пришлось ни жалеть о предпринятой прогулке, ни жаловаться на ее продолжительность. Когда он увидел становище индейцев, ему показалось, что он только что пустился в путь. Тольдерия раскинулась в глубине долины, сжатой отрогами Кордильер. Здесь в шалашах из ветвей жило человек тридцать туземцев-кочевников. Они занимались скотоводством и, перегоняя с

пастбища на пастбище большие стада коров, быков, лошадей и овец, всюду находили для своих четвероногих питомцев обильную пищу.

Эти андо-перуанцы являются помесью арауканской, пэхуэнской и аукасской рас. Цвет их кожи имеет оливковый оттенок, роста они среднего, коренастые, с почти круглым лицом, низким лбом, выдающимися скулами, тонкими губами. Выражение их лица холодное, но не мужественное.

В общем, туземцы были мало интересны. Но Гленарвану нужны были не они, а их стада. А раз у кочевников имелись быки и лошади, больше ему ничего и не надо было.

Талькав взялся вести переговоры; на них не потребовалось много времени. За семь низкорослых лошадок аргентинской породы со сбруей, за сто фунтов сушеного мяса — карки, — несколько мер риса и несколько бурдюков для воды индейцы согласились получить, за неимением вина или рома, что для них было бы более ценно, двадцать унций золота, — стоимость золота они прекрасно знали. Гленарван хотел было купить и восьмую лошадь, для патагонца, но тот дал понять, что в этом нет нужды.

Закончив эту торговую сделку, Гленарван распрощался со своими новыми «поставщиками», как их назвал Паганель, и меньше чем через полчаса все трое были уже в лагере. Там их встретили восторженными криками, которые относились, правда, к съестным припасам и верховым лошадям. Все закусили с большим аппетитом.

Поел немного и Роберт. Силы почти уже вернулись к нему.

Остаток дня провели в полном отдыхе. Говорили понемногу обо всем: вспомнили своих милых спутниц, вспомнили «Дункан», капитана Джона Манглса и его славную команду, не забыли и Гарри Гранта — он ведь мог быть здесь где-нибудь поблизости.

Что же касается Паганеля, то он не расставался с индейцем — стал тенью Талькава. Географ был вне себя от радости, что увидел настоящего патагонца, рядом с которым его самого можно было принять за карлика.

Паганель осаждал Талькава своими испанскими фразами, но тот терпеливо отвечал на них. На этот раз гео-

граф изучал испанский язык уже без книги. Слышно было, как он громогласно произносит испанские слова, работая горлом, языком и челюстями.

— Если я не одолею произношения, то будьте снисходительны ко мне, — не раз говорил он майору. — Но кто бы сказал, что испанскому языку меня будет обучать патагонец!

Глава XVI

РИО-КОЛОРАДО

На следующий день, 22 октября, в восемь часов утра, Талькав подал сигнал к отправлению. Аргентинские равнины между 22° и 42° долготы понижаются с запада на восток — перед нашими путешественниками теперь простирался отлогий спуск к морю.

Когда патагонец отказался от предложенной лошади, Гленарван подумал, что Талькав, как многие местные проводники, предпочитает идти пешком, — это, конечно, при его длинных ногах было делом нетрудным.

Но Гленарван ошибся.

В момент отъезда Талькав свистнул особым образом, и тотчас же на зов хозяина из соседней рощицы выбежала великолепная рослая лошадь. Это было необыкновенно красивое животное караковой масти, сильное, гордое, см лое и горячее. У него была маленькая, изящно посаженная голова, раздувающиеся ноздри, глаза, полные огня, широкие подколенки, крутой загривок, высокая грудь, длинные бабки — словом, все признаки силы и гибкости. Мак-Наббс, знаток лошадей, не мог налюбоваться этим представителем пампасских коней; майор обнаружил у него некоторое сходство с английским гунтером. Этот красавец-конь носил имя «Таука», что на патагонском языке значит «птица». Несомненно, он заслуживал это имя.

Талькав вскочил на свою Тауку, и она рванулась вперед. Нельзя было не прийти в восхищение, глядя на патагонца: это был великолепный наездник. У его седла виднелись два охотничьих приспособления, бывших в большом ходу в аргентинских равнинах: болас и лассо.

Болас состоит из трех шаров, соединенных кожаным ремнем. Индейцам случается кидать его шагов на сто в преследуемого зверя или врага, и они делают это так метко, что болас опутывает ноги жертвы и она тут же валится на землю. Это — грозное оружие в руках индейца, владеющего им с поразительной ловкостью. Лассо же никогда не покидает руки того, кто его бросает. Оно представляет собой длинный, футов в тридцать, ремень, сплетенный из двух кожаных полос и заканчивающийся мертвой петлей, скользящей по железному кольцу. Эту мертвую петлю бросают правой рукой, а левой держат за конец лассо, который прочно прикреплен к седлу. Длинный, надетый через плечо карабин дополнял вооружение патагонца.

Талькав, не замечая восторга, вызванного его изящной, непринужденной и гордой осанкой, стал во главе отряда, и все двинулись в путь. Всадники то скакали галопом, то ехали шагом, ибо аргентинским лошадям рысь, видимо, была незнакома. Роберт ехал так смело, что Гленарван быстро успокоился относительно его умения держаться в седле.

Пампасы начинаются у самой подошвы Кордильер. Они могут быть разделены на три части: первая часть, покрытая низкорослыми деревьями и кустарником, тянется от Кордильер на двести пятьдесят миль; вторая часть, шириною в четыреста пятьдесят миль, поросшая великолепными травами, кончается в ста восьмидесяти милях от Буэнос-Айреса. Отсюда до самого моря путешественник едет по безбрежным лугам, покрытым дикой люцерной и чертополохом, — это третья часть пампасов.

Когда отряд Гленарвана выехал из ущелий Кордильер, ему прежде всего встретилось на пути множество песчаных дюн, носящих здесь название «меданос». Если пески эти не укреплены корнями растений, то ветер их гонит, словно морские волны. Песок дюн, необыкновенно мелкий, при малейшем ветерке взвивается, порой образуя целые смерчи, поднимающиеся на значительную высоту. Это зрелище одновременно и радует взор и неприятно для глаз. Радует оно потому, что, конечно, чрезвычайно любопытно наблюдать за этими бродящими по равнине смерчами: они сталкиваются, смешиваются, падают и снова поднимаются в хаотическом беспорядке; а неприят-

но это зрелище по той причине, что от этих бесчисленных меданос отделяется мельчайшая пыль и проникает в глаза, как плотно ни закрывай их.

Это явление, вызываемое северным ветром, продолжалось в течение почти всего дня. Тем не менее отряд быстро подвигался вперед, и к шести часам вечера Кордильеры, оставшиеся в сорока милях позади, лишь смутно чернели на горизонте, теряясь в вечернем тумане.

Наши путешественники, несколько утомленные после пути в добрых тридцать восемь миль, с удовольствием приветствовали час отдыха. Привал сделали на берегу Рио-Неуквем, мутные, бурные воды которой мчались меж высоких красных утесов. Неуквем называется у одних географов «Рамид», а у других — «Комоэ» и берет начало среди озер, известных только индейцам.

Этой ночью и в течение следующего дня не произошло ничего такого, о чем стоило бы рассказать. Ехали быстро и беспрепятственно. Ровная местность и умеренная температура очень облегчали путешествие. Все же около полудня солнечные лучи стали жгучими. Вечером горизонт на юго-западе заволокло тучами — верный признак перемены погоды. Патагонец не мог не знать этого и указал географу пальцем на западную часть горизонта.

— Знаю, — отозвался Паганель и, обращаясь к своим спутникам, добавил: — Погода меняется. Нам придется испытать на себе памперо.

И тут же он объяснил, что памперо, чрезвычайно сухой юго-западный ветер, — частое явление в аргентинских равнинах. Талькав не ошибся, и ночью памперо задул с ужасной силой. Это было довольно тягостно для людей, располагавших одними лишь пончо. Лошади улеглись на землю, а люди сбились в кучу подле них. Гленарван боялся, что ураган может задержать их, но Паганель, поглядев на свой барометр, успокоил его, сказав:

— Обычно памперо свирепствует три дня подряд, на что безошибочно указывает падение барометра. Но когда барометр поднимается, как в данном случае, все ограничивается несколькими часами яростного шквала. Успокойтесь же, мой друг: на рассвете небо снова станет ясным.

— Вы говорите, как книга мудрости, Паганель, — заметил Гленарван.

— Я и представляю собой книгу, — согласился географ, — и вы свободно можете перелистывать ее, сколько вам заблагорассудится.

«Книга» не ошиблась: в час ночи ветер вдруг стих, и путешественникам удалось восстановить свои силы крепким сном. Все проснулись освеженными и бодрыми, в особенности Паганель: он весело потягивался и похрустывал суставами.

Было 24 октября. Прошло десять дней со времени отъезда наших путешественников из Талькагуано. До того места, где Рио-Колорадо пересекается тридцать седьмой параллелью, оставалось еще девяносто три мили [1], то-есть еще три дня пути. Во время этого переезда через Американский материк Гленарван стремился встретить туземцев, надеясь получить от них какие-либо сведения о капитане Гранте. Сделать это он мог при посредстве патагонца, с которым Паганель уже недурно стал объясняться. Но, к сожалению, ехали по местам, мало посещаемым индейцами, так как проезжие дороги из Аргентинской республики к Кордильерам проходят севернее. Поэтому наши путешественники не встречали на своем пути никаких индейцев: ни кочевников, ни оседлых, живущих под властью кациков. Если же случайно вдали и показывался какой-нибудь всадник-кочевник, то он спешил ускакать, видимо не желая входить в сношения с незнакомцами. Подобный отряд должен был в самом деле казаться подозрительным всякому всаднику, отважившемуся в одиночестве путешествовать по здешней равнине: встречного пугал вид этих восьми вооруженных людей, ехавших на быстрых лошадях, и одинокий путник среди этих пустынных мест мог заподозрить в них людей злонамеренных. И потому им никак не удавалось побеседовать ни с честными людьми, ни с грабителями. Пожалуй, приходилось пожалеть, что на пути им не попадалась шайка рестреадорес [2], хотя бы даже и пришлось начать разговор ружейными выстрелами.

---

[1] 150 километров. *(Примеч. автора.)*

[2] Грабители на равнинах. *(Примеч. автора.)*

И все же, хотя Гленарвану и не удалось, к его сожалению, войти в сношения с индейцами, произошло нечто, подтвердившее удивительным образом правильность толкования документа.

Уже несколько раз отряд пересек на своем пути через пампасы разные тропы — между прочим, довольно важную тропу из Кармена в Мендосу. Ее легко можно было узнать по грудам костей домашних животных: мулов, лошадей, овец и быков. Кости эти, обглоданные хищными птицами и побелевшие от действия воздуха, служили как бы вехами тропы. Их были тысячи, и, вероятно, не один человеческий скелет смешался здесь с останками животных.

До сих пор Талькав не задавал никаких вопросов относительно намеченного нашими путешественниками маршрута. Но, конечно, он понимал, что путь этот, не имевший ничего общего ни с одной из дорог пампасов, не вел ни к деревням, ни к городам, ни к учреждениям аргентинских провинций. Каждое утро отряд, выезжая, направлялся навстречу восходящему солнцу и держался в течение всего дня прямой линии, а вечером, когда делали привал, заходящее солнце виднелось позади. Должно быть, Талькаву, как проводнику, казалось странным, что не он ведет путешественников, а его самого ведут. Но если он и удивлялся, то по сдержанности, свойственной индейцам, не показывал этого и, пересекая тропинки, по которым отряд не желал следовать, никаких замечаний не делал. Однако в этот день, когда отряд достиг вышеупомянутой тропы из Кармена в Мендосу, Талькав остановил своего коня и, повернувшись к Паганелю, сказал:

— Это дорога на Кармен.

— Ну да, милейший мой патагонец, — ответил географ, стараясь как можно лучше выговаривать испанские слова, — это дорога из Кармена в Мендосу.

— Мы по ней не поедем? — спросил Талькав.

— Нет, — отозвался Паганель.

— А куда же мы направляемся?

— Всё на восток.

— Это значит никуда не попасть.

— Как знать!

Талькав замолчал и с глубоким удивлением посмотрел

на ученого. Однако он ни на минуту не допускал, что Паганель шутит. Индеец, всегда ко всему относящийся серьезно, не может себе представить, чтобы кто-либо говорил несерьезно.

— Так, значит, вы не едете в Кармен? — прибавил он, помолчав немного.

— Нет, не едем, — ответил Паганель.

— И в Мендосу не едете?

— И туда не едем.

В это время Гленарван подъехал к Паганелю и спросил его, что говорил ему Талькав и почему тот остановился.

— Он спрашивал, куда мы направляемся: в Кармен или Мендосу, — пояснил Паганель, — и был очень удивлен, узнав, что мы не едем ни в одно из этих мест.

— В самом деле, наше путешествие должно ему казаться очень странным, — заметил Гленарван.

— Видимо, так. Он говорит, что мы никуда не попадем.

— Ну что же, Паганель, не могли бы вы разъяснить ему цель нашей экспедиции и почему нам важно двигаться все на восток?

— Это будет очень трудно сделать, — ответил Паганель: — ведь для индейца совершенно непонятно, что такое географические градусы, а история документа покажется ему фантастической.

— Чего не поймет он: самую историю или того, кто будет ее рассказывать? — с серьезным видом вставил майор.

— Ах, Мак-Наббс, — воскликнул Паганель, — вы всё еще сомневаетесь в моем испанском языке!

— Попытайтесь, мой почтенный друг! — ответил тот.

— Попытаюсь.

Паганель подъехал к патагонцу и принялся объяснять ему цель экспедиции. Географу часто приходилось останавливаться из-за недостатка слов, а также вследствие трудности передать индейцу некоторые особенности дела и разъяснить ему кое-какие чрезвычайно мало понятные для него подробности. Любопытно было глядеть на ученого: он жестикулировал, силился как можно отчетливее произносить слова и вообще так старался, что пот градом

катился у него со лба. Когда ему не хватило слов, на помощь пришла рука. Паганель соскочил с лошади и стал чертить на песке географическую карту, где меридианы пересекались с параллелями, где были изображены два океана и где проходила дорога на Кармен. Ни один преподаватель еще не бывал в таком затруднительном положении. Талькав невозмутимо следил за всеми движениями географа, но по его виду нельзя было угадать, понимает он или нет.

Урок географа длился более получаса. Наконец Паганель умолк, вытер струившийся по лицу пот и посмотрел на патагонца.

— Понял он? — спросил Гленарван.

— Сейчас выясним, — ответил Паганель. — Но если он не понял, то от дальнейших пояснений я отказываюсь.

Талькав не сделал ни одного движения, не проронил ни слова. Он не отрывал глаз от начерченной карты, мало-помалу сдуваемой ветром.

— Ну? — спросил его Паганель.

Казалось, Талькав не слышал этого вопроса. Ученый заметил на губах майора иронические улыбку и, задетый за живое, собирался было с новой энергией возобновить свой урок географии, но патагонец жестом остановил его.

— Вы ищете пленника? — спросил он.

— Да, — ответил Паганель.

— И ищете именно вдоль этой линии, которая идет от заходящего солнца к восходящему? — прибавил Талькав, пользуясь индейской манерой выражаться для определения дороги с запада на восток.

— Вот-вот.

— Это ваш бог вручил волнам огромного моря тайну пленника?

— Да, сам бог.

— Ну, так пусть воля его свершится, — с некоторой торжественностью проговорил Талькав: — мы будем двигаться на восток и, если понадобится, до самого солнца!

Паганель, придя в восторг от своего ученика, не замедлил перевести товарищам ответы индейца.

— Что за умный народ! — с жаром прибавил он. — Я уверен, что из двадцати крестьян моей страны девятнадцать не поняли бы моих объяснений.

Гленарван попросил узнать у патагонца, не слыхал ли он о каких-либо чужестранцах, попавших в плен к индейцам пампасов. Паганель задал индейцу этот вопрос и стал ждать ответа.

— Быть может... — сказал патагонец.

Этот ответ был немедленно переведен на английский язык, и семь путешественников, окружив патагонца, вперили в него вопросительные взгляды.

Паганель, волнуясь и с трудом подбирая слова, продолжал задавать вопросы. Его глаза, устремленные на лицо медлительно-важного патагонца, словно пытались прочесть на нем ответ раньше, чем он слетит с его губ.

Каждое испанское слово патагонца географ тотчас повторял по-английски, так что, можно сказать, его спутники слышали ответы как бы на своем родном языке.

— Кто же был этот пленник? — спросил Паганель.

— Это был чужестранец, европеец, — ответил Талькав.

— Вы видели его?

— Нет, но я знаю о нем по рассказам индейцев. То был храбрец. У него было сердце быка.

— Сердце быка! — повторил Паганель. — Ах, что это за чудесный язык — патагонский!.. Вы понимаете, друзья мои? Он хочет сказать «мужественный человек»!

— Мой отец! — крикнул Роберт Грант. Потом, обращаясь к Паганелю, он спросил: — Как сказать по-испански: «Это мой отец»?

— Es mio padre, — ответил географ.

Тогда Роберт взял Талькава за руки и с нежностью произнес:

— Es mio padre!

— Suvo padre! [1] — воскликнул патагонец, и взгляд его просветлел.

Он обнял мальчика, приподнял его с лошади и принялся разглядывать с удивлением и симпатией. Умное, спокойное лицо индейца выражало сочувствие.

Но Паганель еще не закончил своих расспросов. Где находился этот пленник? Что он делал? Когда именно Талькав слышал о нем? Все эти вопросы теснились одновременно в его уме. Ответы были тут же получены.

[1] Его отец!

Паганель узнал, что европеец был в плену у одного из индейских племен, кочующих по области между Колорадо и Рио-Негро.

— Но где же находился он в последнее время? — спросил Паганель.

— У кацика Кальфукура, — ответил Талькав.

— Не вблизи ли той линии, по которой мы двигались до сих пор?

— Да.

— А кто такой этот кацик?

— Он вождь индейского племени поюхов — человек с двумя языками, с двумя сердцами.

— То-есть он хочет сказать, что этот вождь — человек фальшивый на словах и на деле... — пояснил Паганель, предварительно переведя дословно это красивое, образное выражение. — А сможем ли мы освободить нашего друга? — спросил, обращаясь к проводнику, географ.

— Быть может, если он еще в руках индейцев.

— А когда вы о нем слыхали?

— Давно. С тех пор солнце уже два раза посылало пампасам лето.

Радость Гленарвана не поддавалась описанию. Время, указанное патагонцем, совпадало с датой документа. Оставалось предложить еще один вопрос Талькаву, и Паганель не замедлил это сделать.

— Вы говорите об одном пленнике, — сказал он, — а разве их было не трое?

— Не знаю.

— И вы ничего не знаете о том, что теперь с пленником?

— Ничего.

На этом разговор закончился. Представлялось вполне возможным, что трое пленников могли быть давно разлучены. Но из слов патагонца несомненно вытекало, что среди индейцев шел разговор о европейце, попавшем к ним в плен. Время, когда это произошло, место, где находился пленник, даже образная фраза патагонца о его отваге — все, очевидно, относилось к капитану Гранту.

На следующий день, 25 октября, наши путешественники с новым воодушевлением продолжали свой путь к

востоку. Ехали они по печальной, однообразной, бесконечной равнине, на местном языке носящей название «травезиас». Глинистая почва вследствие действия ветров представляла совершенно гладкую поверхность: нигде не видно было не только камня, но даже камешка. Они попадались только на дне какого-нибудь бесплодного, пересохшего оврага или по берегам прудков, вырытых руками индейцев. Изредка встречались низкорослые рощи с черноватыми верхушками. Там и сям среди них проглядывали белые рожковые деревья — мякоть их стручков сладка, освежающа и приятна. Показывались рощицы фисташковых деревьев — ханаров — и всевозможные виды колючих кустарников, сухость которых говорила о начавшемся бесплодии почвы.

День 26 октября был утомителен. Нужно было поскорее добираться до Колорадо. Лошади, погоняемые своими всадниками, неслись с такой быстротой, что в тот же вечер отряд достиг красавицы-реки пампасов. Индейское название ее — Кобу-Лебу, что значит «великая река». Пересекая на значительном протяжении пампасы, она впадает в Атлантический океан. Там, вблизи устья, происходит любопытное явление: количество воды в этой реке по мере приближения к океану все уменьшается — потому ли, что почва дна реки впитывает влагу, потому ли, что вода испаряется. Наука еще не вполне выяснила причину этого редкого явления.

Добравшись до Колорадо, Паганель, как географ, прежде всего счел нужным искупаться в ее окрашенных красноватой глиной водах. Он был удивлен глубиной реки — явление, объяснявшееся таянием снегов под влиянием летнего солнца. Ширина реки была к тому же так велика, что лошади не в состоянии были ее переплыть. К счастью, двигаясь вверх по течению, наши путешественники вскоре обнаружили висячий мост, сделанный по индейскому способу — из сплетенных гибких палок, скрепленных ремнями. Благодаря этому мосту маленькому отряду удалось перебраться на левый берег, где он и расположился лагерем.

Прежде чем уснуть, Паганель задался целью — точно определить местонахождение Колорадо. Выполнив это, он самым тщательным образом нанес на карту эту реку —

за отсутствием Яру-Дзангбо-Чу, вдали от него низвергавшей свои воды с Тибетских гор.

Следующие два дня, 27 и 28 октября, путешествие продолжалось без особых происшествий. Перед глазами были все те же виды, та же бесплодная почва. Кажется, нигде нельзя было встретить более однообразный пейзаж, более невзрачную панораму. Между тем почва делалась все влажнее. Приходилось перебираться через затопленные водой низины, так называемые канадас, и через никогда не пересыхающие мелкие лагуны — эстерос, — заросшие водяными травами. Вечером лошади остановились у большого озера Ланквем, вода которого содержит очень много минеральных веществ, поэтому индейцы зовут его Горьким озером. В 1826 году оно было свидетелем жестокой расправы аргентинских войск с туземцами.

Здесь наши путешественники расположились, как обычно, лагерем, и ночь прошла бы спокойно, если бы вокруг не было обезьян и диких собак. Эти шумные животные, терзая, видимо в честь европейцев, их уши, исполнили одну из тех диких симфоний, которую, быть может, и одобрил бы какой-нибудь композитор грядущих лет.

Глава XVII

ПАМПАСЫ

Аргентинские пампасы простираются от 34° до 40° южной широты. Слово «пампа» арауканское, оно значит «равнина, поросшая травой», и это название как нельзя больше подходит к этому краю. Древовидные мимозы западной ее части и роскошные травы восточной придают ей совершенно своеобразный вид. Вся эта растительность пускает свои корни в слой земли, под которым лежит красная или желтая глинисто-песчаная подпочва.

Американские пампасы — такое же своеобразное географическое явление, как, например, саванны Страны Великих Озер или степи Сибири. Климат пампасов, будучи континентальным, отличается более суровой зимой и более знойным летом, чем провинция Буэнос-Айрес. По словам Паганеля, океан зимой медленно отдает земле

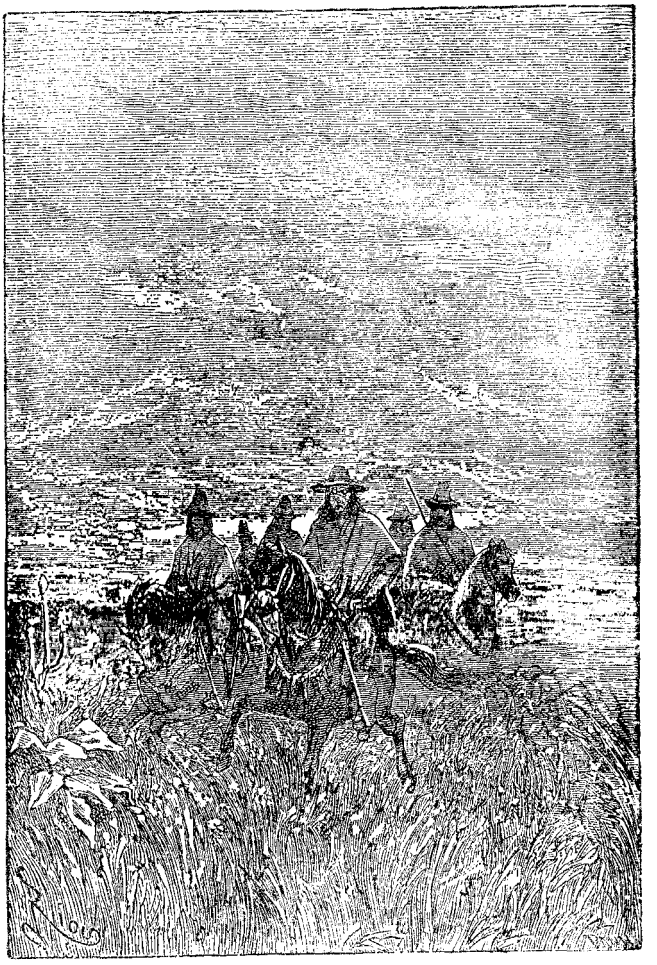
тепло, которое поглощается им летом. Этим объясняется, что на островах более ровная температура, чем в глубине материков[1]. Вот почему климат западной части пампасов не отличается тем единообразием, которое наблюдается на побережье благодаря близости Атлантического океана. В западной части бывают то суровые холода, то жгучая жара, резкие скачки температуры. Осенью, то-есть в апреле и мае, нередки проливные дожди. Но в описываемое нами время года погода стояла очень сухая и чрезвычайно жаркая.

На рассвете отряд двинулся в путь, предварительно определив направление. Грунт, скрепленный корнями деревьев и кустов, сделался совершенно твердым: исчез мельчайший песок, из которого образовались меданосы; исчезла и пыль, клубившаяся в воздухе.

Лошади шли бодрым шагом среди высокой травы. Индейцы укрываются под нею от гроз. Иногда, но все реже и реже, встречались влажные лощины, где росли ивы, а также местное растение gygnerium argenteum, любящее близость пресной воды. Лошади, встретив в этих лощинах воду, спешили воспользоваться подвернувшимся случаем и пили вволю, словно желая запастись влагой на будущее. Талькав ехал впереди, обследуя местность и распугивая холинас — опаснейших гадюк, от укуса которых, менее чем через час, погибает даже бык. Проворный конь Талькава перепрыгивал через густые кусты, помогая своему хозяину прокладывать путь тем, кто ехал позади.

Путешествие по этим гладким равнинам не представляло трудности, и отряд подвигался быстро. Местность не менялась: все так же на сто миль кругом невозможно было найти не только камня, но даже и камешка. Исключительное, нескончаемое однообразие! Нужно было быть Паганелем — одним из тех ученых-энтузиастов, которые видят там, где нечего видеть, чтобы интересоваться подробностями такой дороги. Что же привлекало его внимание? Ему было бы трудно ответить на этот вопрос. Какой-нибудь кустик, может быть травка. Но и этого было достаточно, чтобы развязать язык словоохотливому

[1] По этой причине зима в Исландии мягче, чем в Ломбардии. *(Примеч. автора.)*



На рассвете отряд двинулся в путь.

географу. Он тут же принимался поучать Роберта, и мальчик охотно слушал его.

В течение этого дня, 29 октября, перед глазами наших всадников простиралась та же бесконечно однообразная равнина. Около двух часов пополудни всадники увидели кучи побелевших костей. Это были остатки огромного стада быков. Но расположены были эти остатки не по извилистой линии, как лежат обыкновенно скелеты обессиленных, падающих одно за другим животных. Поэтому никто не мог объяснить, почему на сравнительно небольшом пространстве было собрано столько скелетов. Непонятно было это даже и для Паганеля, и он обратился за разъяснениями к Талькаву. Того, видимо, вопрос ученого нисколько не затруднил, и он немедленно что-то ответил.

Восклицание географа: «Быть не может!» — и последовавший за этим решительный кивок головы патагонца очень заинтересовали их спутников.

— Так что же это такое? — спросили они Паганеля.

— Небесный огонь, — ответил географ.

— Как, молния могла произвести подобные разрушения? — воскликнул Том Остин. — Убить наповал стадо в пятьсот голов!

— Талькав это утверждает, а он не ошибается. Я ему верю в данном случае, потому что грозы в пампасах отличаются особенной яростью. Только бы нам не испытать этого на себе!

— Что-то очень жарко, — промолвил Вильсон.

— Термометр должен показывать тридцать градусов в тени, — отозвался Паганель.

— Это меня не удивляет, — сказал Гленарван: — я чувствую, как электричество пронизывает меня. Будем надеяться, что подобная жара недолго продержится.

— Ну нет, — возразил Паганель, — нельзя рассчитывать на перемену погоды, когда на горизонте не видно ни дымки.

— Тем хуже, — заметил Гленарван: — наши лошади измучены зноем... А тебе, мой мальчик, не слишком жарко? — прибавил он, обращаясь к Роберту.

— Нет, сэр, — ответил мальчуган, — я люблю жару. Жара — вещь хорошая!

— Особенно зимой, — глубокомысленно заметил майор, пустив вверх клуб дыма от своей сигары.

Вечером сделали привал у заброшенного ранчо — глиняной мазанки с соломенной крышей. Около ранчо был частокол, правда полусгнивший, но все же он мог защитить лошадей от лисиц. Самим лошадям эти хитрые звери не в силах причинить вред, но они перегрызают их недоуздки, и лошади пользуются этим, чтобы вырваться на свободу.

В нескольких шагах от ранчо была вырыта яма, очевидно служившая кухней, так как в ней виднелась остывшая зола. Внутри ранчо имелись скамья, убогое ложе из бычьей кожи, котелок, вертел и чайник для приготовления матэ — чая индейцев из настоя сушеных трав, очень распространенного в Южной Америке. Втягивают его в себя, как многие американские напитки, через соломинку. По просьбе Паганеля, Талькав приготовил несколько чашек матэ, и наши путешественники с удовольствием запили им свой обычный ужин, найдя индейский напиток превосходным.

На следующий день, 30 октября, солнце встало в раскаленном тумане и устремило на землю необыкновенно жгучие лучи. Температура в этот день, видимо, была исключительно высока, а на равнине, к несчастью, нигде нельзя было укрыться от зноя. Однако маленький отряд снова храбро двинулся на восток. Несколько раз в пути встречались огромные стада. Не имея сил пастись из-за этой удручающей жары, скот лениво лежал на траве. Сторожей, вернее сказать — пастухов, не было. Одни собаки, привыкшие, спасаясь от жажды, высасывать молоко у овец, сторожили огромные стада коров и быков. Рогатый скот здесь очень спокойного нрава.

К полудню в пампасах начались изменения, которые не могли ускользнуть от глаз, утомленных однообразием этих мест. Злаки стали реже. Вместо них появились тощие репейники и гигантские чертополохи, футов в девять вышиной, которые могли бы осчастливить всех ослов земного шара. Там и сям виднелись низкорослые колючие кустарники темнозеленого цвета. Как ни казались они невзрачны, а на такой иссушенной почве даже и они были ценны. До тех пор влага, сохранявшаяся в

глинистой почве равнины, питала пастбища, и ковер травы был густ и роскошен. Но теперь этот ковер, местами истертый, местами прорванный, обнажил свою основу и обнаружил скудость почвы. Талькав указал спутникам на эти явные признаки возраставшей сухости.

— Я лично ничего не имею против этой перемены, — заявил Том Остин: — все трава да трава — это в конце концов может и надоесть.

— Да, но там, где есть трава, есть и вода, — отозвался майор.

— О, у нас недостатка в этом нет, — вмешался Вильсон, — да и по дороге мы, конечно, встретим какую-нибудь реку.

Услышь эту фразу Паганель, он, конечно, не упустил бы случая сказать, что между Колорадо и горами аргентинской провинции реки очень редки, но как раз в этот момент географ объяснял Гленарвану одно явление, на которое тот обратил его внимание.

С некоторого времени в воздухе как будто чувствовался запах гари, а между тем до самого горизонта не видно было никакого огня. Не замечалось и дыма — указания на отдаленный пожар. Таким образом, это явление нельзя было объяснить какой-нибудь обычной причиной. Вскоре запах горелой травы стал так силен, что все, за исключением Паганеля и Талькава, были удивлены.

На вопросы своих друзей географ, всегда готовый объяснить любое явление, поведал им следующее:

— Мы с вами не видим огня, но чувствуем запах дыма. А ведь нет дыма без огня, и эта поговорка так же верна в Америке, как и в Европе. Значит, где-то огонь имеется. Только у этих пампасов такая ровная поверхность, что воздушные течения не встречают здесь никаких препятствий, и запах горящей травы часто чувствуется миль за семьдесят пять.

— За семьдесят пять миль? — недоверчиво переспросил майор.

— Да, именно, — подтвердил Паганель. — Я должен прибавить, что эти пожары охватывают большие пространства и порой достигают значительной силы.

— Кто же поджигает прерии? — спросил Роберт.

— Иногда молния, когда травы очень высушены зноем, а иногда это дело рук индейцев.

— А с какой целью они это делают?

— Индейцы утверждают — не знаю, насколько это верно, — будто после таких пожаров в пампасах лучше растут злаки. Это доказывало бы, что зола удобряет почву. Я же лично думаю, что цель этих пожаров — уничтожить миллиарды клещей, докучающих стадам.

— Но такой энергичный способ может стоить жизни кое-кому из животных, бродящих по равнине, — заметил майор.

— Случается, что иногда сгорают целые стада, но какое это имеет значение при таком громадном их количестве!

— Я забочусь не об индейцах — это их дело, — продолжал Мак-Наббс, — а думаю о путешественниках, которые проезжают через пампасы. Разве они не могут быть застигнуты и охвачены пламенем?

— Как же, как же! — с видимым удовольствием воскликнул Паганель. — Это порой случается, и я лично ничего не имел бы против того, чтобы присутствовать при таком зрелище.

— Это похоже на нашего ученого, — сказал Гленарван. — В своей любви к науке он дошел бы до того, что согласился бы быть сожженным заживо!

— Ну нет, дорогой Гленарван, я ведь прочел Купера, и его «Кожаный Чулок» научил меня, как спастись от надвигающегося пламени. Надо просто вырвать траву вокруг себя по радиусу в несколько саженей. Нет ничего проще. Поэтому-то я нисколько не страшусь приближения пожара и, напротив, всеми силами стремлюсь его увидеть.

Но пожеланиям Паганеля не суждено было осуществиться, а если он и оказался наполовину изжарен, то только благодаря нестерпимо жгучим лучам солнца. Лошади тяжело дышали под влиянием этой тропической жары. Тени можно было ждать только от изредка набегавшего на огненный диск облачка. Тогда всадники, подгоняя лошадей, старались держаться в освежающей тени, которую вместе с облаком гнал вперед западный ветер. Но лошади скоро отставали, и солнце, ничем не заслонен-

ное, заливало новыми огненными потоками иссохшую почву пампасов.

Вильсон, заявляя, что у них есть достаточный запас воды, не принял во внимание неутолимой жажды, терзавшей в течение этого дня путников, а его утверждение, что на их пути наверняка встретится какая-нибудь река, было слишком поспешным. На самом деле не видно было речек (однообразно плоская почва не представляла для них удобных русел), и даже искусственные водоемы, вырытые руками индейцев, и те все пересохли. Видя, что признаки засушливости с каждой милей увеличиваются, Паганель заговорил об этом с Талькавом и спросил его, где рассчитывает он найти воду.

— В озере Салинас, — ответил индеец.

— А когда мы доедем до него?

— Завтра вечером.

Обычно аргентинцы во время путешествий по пампасам роют колодцы и находят воду на глубине нескольких саженей. Но наши путешественники, не имея нужных инструментов, не могли прибегнуть к этому способу. Пришлось ограничиваться уменьшенной порцией воды, и хотя маленький отряд и не испытывал мучительной жажды, но все же не имел возможности напиться вволю.

Вечером, после перехода в тридцать миль, сделали привал. Все рассчитывали восстановить силы крепким сном, но ночью тучи назойливых москитов и комаров не дали никому покоя. Появление этих насекомых указывало на предстоящую перемену ветра. И действительно, вскоре он изменил направление: стал дуть с севера. А эти проклятые насекомые обычно исчезают из той местности лишь при южном и юго-западном ветре.

В то время как майор спокойно переносил мелкие жизненные невзгоды, Паганель, напротив, негодовал на них. Проклиная москитов и комаров, он сожалел о том, что нет подкисленной воды, которая успокаивала бы жгучую боль от множества укусов. И хотя майор пытался утешить географа, говоря, что надо считать себя уже счастливым, если из трехсот видов насекомых, известных естествоиспытателям, им приходится иметь дело только с двумя, Паганель все же проснулся в плохом настроении. Однако, когда отряд на заре собирался двинуться в

путь, торопить ученого не понадобилось, так как в этот день предстояло добраться до озера Салинас. Лошади были очень переутомлены. Они чуть не умирали от жажды, хотя всадники, заботясь о них, и урезывали свою собственную порцию воды. Засуха еще больше давала себя чувствовать, а зной при северном, несущем пыль ветре — этом самуме пампасов — казался еще нестерпимей.

Вдруг Мюльреди, ехавший впереди, повернул назад и сообщил своим спутникам о приближении отряда индейцев. К этой встрече отнеслись различно. Гленарвану пришло в голову, что от этих туземцев он, пожалуй, сможет узнать что-нибудь о потерпевших крушение на «Британии». Что касается Талькава, то он отнюдь не был рад встрече с индейцами-кочевниками: считая их грабителями, он старался избегать их.

По его указанию, маленький отряд сгрудился и привел в боевую готовность оружие. Нужно было приготовиться ко всему.

Вскоре показался отряд индейцев. Он состоял человек из десяти, не больше. Это успокоило патагонца. Индейцы приблизились на расстояние каких-нибудь ста шагов. Теперь их легко можно было разглядеть. Эти туземцы принадлежали к тому пампасскому племени, которое в 1833 году разгромил генерал Розас. Рослые, с высоким выпуклым лбом, оливковым оттенком кожи, они являлись прекрасными представителями индейской расы.

Одеты они были в шкуры гуанако и хорька, а вооружение их состояло из копий футов в двадцать длиной, ножей, пращей, болас и лассо. По ловкости, с которой они управляли лошадьми, видно было, что это искусные наездники.

Они остановились шагах в ста от путешественников и стали совещаться, крича и жестикулируя. Гленарван направил к ним своего коня. Но не успел он проехать и двух саженей, как отряд индейцев круто повернул и с невероятной быстротой скрылся из виду. Истомленные лошади наших всадников, конечно, никак не смогли бы их догнать.

— Трусы! — крикнул Паганель.

— Честные люди так быстро не убегают, — прибавил Мак-Наббс.

— Что это за индейцы? — спросил Паганель Талькава.

— Гаучосы.

— Гаучосы, — повторил Паганель, поворачиваясь к своим спутникам, — гаучосы! Тогда нам не стоило принимать всех этих мер предосторожности, ибо бояться индейцев было нечего.

— Почему так? — спросил майор.

— Да потому, что эти гаучосы — безобидные крестьяне.

— Вы так думаете, Паганель?

— Конечно. Они нас приняли за грабителей и потому обратились в бегство.

Гленарван был очень раздосадован тем, что ему не удалось вступить в переговоры с этими туземцами, кем бы они ни были.

— Если я не ошибаюсь, эти гаучосы вовсе не безобидные крестьяне, — заявил майор.

— Что вы! — воскликнул Паганель.

И он с таким жаром принялся спорить по этому этнологическому вопросу, что даже умудрился расшевелить майора, и тот, вопреки своей обычной сдержанности, сказал ему:

— Мне думается, вы неправы, Паганель.

— Неправ? — переспросил ученый.

— Да. Сам Талькав принял этих индейцев за грабителей, а он хорошо знает эти края.

— Ну и что ж? На этот раз Талькав ошибся, — возразил с некоторой резкостью Паганель: — гаучосы — мирные землепашцы, люди, занимающиеся скотоводством, и только. Я сам писал об этом в одной брошюре о пампасах, пользующейся некоторой известностью.

— Значит, вы ошиблись, господин Паганель.

— Я ошибся, господин Мак-Наббс?

— Если угодно — по рассеянности, — продолжал настаивать майор, — и вам надо будет внести некоторые поправки в следующее издание вашей брошюры.

Паганель, очень уязвленный тем, что его географические сведения не только подвергаются сомнению, но и становятся предметом шуток, начал раздражаться.

— Знайте, милостивый государь, — сказал он майору, — что мои книги не нуждаются в подобных исправлениях!

— Нет, нуждаются, по крайней мере в данном случае! — возразил Мак-Наббс, также охваченный упрямством.

— Вы, сударь, что-то придирчивы сегодня! — отрезал Паганель.

— А вы что-то сварливы! — отпарировал майор.

Спор неожиданно принял бóльшие размеры, чем этого заслуживал, разумеется, такой незначительный повод, и Гленарван нашел нужным вмешаться.

— Несомненно, — сказал он, — в вашем споре, с одной стороны, есть придирчивость, а с другой — сварливость. По правде сказать, вы оба удивляете меня.

Патагонец, не понимая, о чем спорят два друга, без труда догадался, что они готовы поссориться. Он улыбнулся и спокойно сказал:

— Это северный ветер.

— Северный ветер! — воскликнул Паганель. — При чем тут северный ветер?

— Ну конечно, — отозвался Гленарван, — ваше плохое настроение объясняется северным ветром. Помнится, мне говорили, что на юге Америки он чрезвычайно раздражает нервную систему.

— Клянусь святым Патриком, вы правы, Эдуард! — воскликнул майор и расхохотался.

Но Паганель, не на шутку раздраженный, сдаваться не желал и набросился на Гленарвана, вмешательство которого ему казалось неуместно шутливым.

— Так, по-вашему, сэр, моя нервная система в возбужденном состоянии?

— Конечно, Паганель, и причина этому — северный ветер. Он здесь часто наталкивает людей даже на преступления, подобно северному ветру в окрестностях Рима.

— На преступления? — крикнул ученый. — Так я имею вид человека, собирающегося совершать преступления?

— Я этого не говорю.

— Скажите лучше прямо, что я хочу зарезать вас!

— Ох, боюсь этого! — ответил Гленарван, не будучи

больше в состоянии удерживаться от смеха. — К счастью, северный ветер дует лишь в течение одного дня.

Слова Гленарвана возбудили всеобщий хохот.

Паганель пришпорил лошадь и ускакал вперед, желая рассеять в одиночестве свое плохое настроение. Через какие-нибудь четверть часа он уже и не помнил о происшедшем. Так на короткое время ученый изменил своему добродушному характеру, но, как правильно указал Гленарван, причина этого была чисто внешняя.

В восемь часов вечера Талькав, ехавший несколько впереди, сообщил, что они приближаются к желанному озеру. Четверть часа спустя маленький отряд уже спускался по крутому берегу озера Салинас. Но здесь путников ожидало тяжелое разочарование: озеро пересохло.

Глава XVIII

В ПОИСКАХ ПРЕСНОЙ ВОДЫ

Озером Салинас заканчивается ряд небольших озер, которые тянутся между Сьерра-Бентана и Сьерра-Гуамини. Раньше к Салинасу направлялись из Буэнос-Айреса целые экспедиции для добывания соли, так как воды его содержат весьма значительное количество хлористого натрия. Но теперь вследствие жгучего зноя вода испарилась, и осевшая соль превратила озеро в огромное сверкающее зеркало.

Когда Талькав говорил о питьевой воде озера Салинас, он, в сущности, имел в виду не самое озеро, а пресные речки, впадающие в него во многих местах. Но в данное время и они пересохли: все выпило палящее солнце. Легко представить себе то подавленное состояние, которое овладело нашими путешественниками, измученными жаждой, когда они увидели высохшие берега озера Салинас.

Надо было немедленно принять какое-нибудь решение. То незначительное количество воды, какое еще сохранялось в бурдюках, было наполовину испорчено и не могло утолить жажду. А она жестоко давала себя чувствовать. И голод и усталость забывались перед этой насущной потребностью. Изнуренные путешественники

приютились в руха — кожаной палатке, раскинутой и оставленной туземцами в небольшом овраге. Лошади, лежа на илистых берегах озера, с видимым отвращением жевали водоросли и сухой тростник.

Когда все разместились в руха, Паганель обратился к Талькаву с просьбой высказать свое мнение относительно того, что следует предпринять. И географ и индеец говорили быстро, но Гленарвану все же удалось разобрать несколько слов. Талькав говорил спокойно, а Паганель жестикулировал за них обоих. Их диалог длился несколько минут, после чего патагонец, замолчав, скрестил руки на груди.

— Что он сказал? — спросил Гленарван. — Мне показалось, что он советует нам разделиться.

— Да, на две группы, — ответил Паганель. — Те, у кого лошади еле передвигают ноги, пусть как-нибудь продолжают свой путь вдоль тридцать седьмой параллели. Те же, у которых лошади в лучшем состоянии, должны, опередив первый отряд, отправиться на поиски реки Гуамини, которая впадает в озеро Сан-Лукас в тридцати одной миле отсюда[1]. Если воды в этой реке достаточно, второй отряд подождет первый на ее берегах. Если же Гуамини также пересохла, то отряд направится обратно навстречу товарищам, чтобы избавить их от напрасного перехода.

— А тогда что делать? — спросил Том Остин.

— Тогда придется спуститься на семьдесят пять миль к югу, к отрогам Сьерра-Бентана, а там рек очень много.

— Совет неплох, — сказал Гленарван, — и нам нужно немедленно последовать ему. Моя лошадь, еще не очень пострадала от недостатка воды, и я предлагаю себя в спутники Талькаву.

— О сэр, возьмите и меня с собой! — взмолился Роберт, как будто дело шло об увеселительной поездке.

— Но сможешь ли ты поспевать за нами, мальчик?

— Да! У меня хорошая лошадь. Она так и рвется вперед... Так как же, сэр?.. Прошу вас!

— Хорошо, едем, мой мальчик, — согласился Гленарван. Он, в сущности, был очень рад, что ему не при-

[1] 50 километров. *(Примеч. автора.)*

дется расставаться с Робертом. — Не может же быть, в самом деле, чтобы нам втроем не удалось найти какой-нибудь источник свежей и чистой воды!

— А я? — спросил Паганель.

— О, вы, милейший Паганель, останетесь с запасным отрядом, — отозвался майор. — Вы слишком хорошо знаете и тридцать седьмую параллель, и реку Гуамини, и вообще все пампасы, чтобы покинуть нас. Ни Мюльреди, ни Вильсон, ни я — никто из нас не будет в силах добраться до места, которое Талькав назначит для встречи. Под знаменем же храброго Жака Паганеля мы смело двинемся вперед.

— Приходится покориться, — согласился географ, очень польщенный тем, что его поставили во главе отряда.

— Но смотрите только не будьте рассеянны, — прибавил майор, — не приведите нас туда, где нам нечего будет делать: например, обратно к берегам Тихого океана!

— А вы таки заслуживали бы этого, несносный майор!.. — смеясь, сказал Паганель. — Но вот что скажите мне, дорогой Гленарван: как будете вы объясняться с Талькавом?

— Я полагаю, что нам с патагонцем не придется разговаривать, — ответил Гленарван, — но в каком-нибудь экстренном случае тех испанских слов, которые я знаю, хватит для того, чтобы мы поняли друг друга.

— Так отправляйтесь в путь, мой достойный друг, — ответил Паганель.

— Сначала поужинаем, — сказал Гленарван, — а затем, если сможем, поспим перед отъездом.

Путешественники закусили всухомятку, что, конечно, мало подкрепило их, а затем, за неимением лучшего, улеглись спать. Паганелю снились потоки, водопады, речки, реки, пруды, ручьи, даже полные графины — словом, снилось все, в чем обычно содержится питьевая вода. То был настоящий кошмар.

На следующий день, в шесть часов утра, лошади Талькава, Гленарвана и Роберта Гранта были оседланы. Их напоили оставшейся в бурдюках водой. Пили они с жадностью, но без удовольствия, ибо вода эта была отвратительная. Когда лошади были напоены, Талькав, Гленарван и Роберт вскочили в седла.

— До свиданья! — крикнули остающиеся.

— Главное, постарайтесь не возвращаться! — добавил Паганель.

Вскоре патагонец, Гленарван и Роберт потеряли из виду маленький отряд, оставленный на попечении географа.

Desertio de las Salinas, то-есть пустыня озера Салинас, по которой ехали наши всадники, представляла собой равнину с глинистой почвой, поросшую чахлыми кустами футов в десять вышиной, низкорослыми мимозами (курра-мамель) и кустообразными растениями юмма, содержащими много соды. Кое-где встречались обширные пласты соли, отражавшие с необыкновенной яркостью солнечные лучи. Если бы не палящий зной, эти баррерос[1] можно было бы легко принять за обледенелые участки земной поверхности. Контраст между сухой, выжженной почвой и сверкающими соляными пластами придавал пустыне своеобразный и интересный вид.

Совершенно иную картину представляет находящаяся в восьмидесяти милях южнее Сьерра-Бентана, куда, если пересохла река Гуамини, пришлось бы спуститься нашим путешественникам. Этот край, обследованный в 1835 году капитаном Фиц-Роем — главой экспедиции на «Бигле», — необыкновенно плодороден. Здесь находятся роскошные, лучшие на индейских землях пастбища. Северо-западные склоны Сьерра-Бентана покрыты пышными травами; ниже расстилаются леса, богатые разнообразными видами растений. Там растет альгаробо — род рожкового дерева, плоды которого сушат, размельчают и готовят из них хлеб, весьма ценимый индейцами; белое квебрахо — дерево с длинными, гибкими ветвями, напоминающее нашу европейскую плакучую иву; красное квебрахо, отличающееся необыкновенной прочностью; легко воспламеняющийся наудубай, часто являющийся причиной страшнейших пожаров; вираро, со своими лиловыми цветами имеющее форму пирамиды; и, наконец, восьмидесятифутовый гигант тимбо, под колоссальной кроной которого может укрыться от солнечных лучей целое стадо. Аргентинцы не раз пытались колонизировать этот богатый

[1] Земли, пропитанные солью. *(Примеч. автора.)*

край, но им так и не удалось преодолеть враждебность индейцев.

Конечно, такое плодородие данной местности говорило о том, что сюда несут свои воды многочисленные речки, свергаясь по склонам горной цепи. И в самом деле, речки эти даже во время сильнейших засух никогда не пересыхают. Но чтобы добраться до них, нужно было продвинуться к югу на сто тридцать миль. Вот почему Талькав был несомненно прав, решив сначала направиться к реке Гуамини: это было и гораздо ближе и в нужном направлении.

Лошади наших трех всадников быстро неслись вперед. Эти превосходные животные, видно, инстинктивно чувствовали, куда направляли их хозяева. Особенно резво держала себя Таука. Она птицей перелетала через пересохшие ручьи и кусты курра-мамель. Лошади Гленарвана и Роберта, увлеченные ее примером, смело следовали за ней, хотя и не с такой легкостью. Талькав, словно приросший к седлу, служил также примером для своих спутников.

Патагонец часто оглядывался на Роберта. Видя, что мальчик крепко и правильно сидит в седле, наблюдая его выставленную вперед грудь, свободно опущенные ноги, прижатые к седлу колени, он выражал свое удовольствие одобрительным криком. Действительно Роберт Грант становился превосходным наездником и заслуживал похвалы индейца.

— Браво, Роберт! — поощрял мальчика Гленарван. — Талькав, видимо, доволен тобой.

— Чем же он доволен, сэр?

— Доволен твоей посадкой.

— О, я крепко держусь, вот и все, — краснея от удовольствия, ответил мальчуган.

— А это главное, Роберт, — продолжал Гленарван. — Ты слишком скромен, но я предсказываю тебе, что из тебя выйдет отличный спортсмен.

— Что ж, это хорошо, — смеясь, сказал Роберт. — Но ведь папа хочет сделать из меня моряка. Что-то он скажет на это?

— Одно не мешает другому. Хоть и не все наездники являются хорошими моряками, но все моряки способны

сделаться хорошими наездниками. Сидя верхом на рее, приучаешься крепко держаться, а осадить коня, заставить его выполнять боковые и круговые движения — это приходит само собой, ибо все это очень естественно.

— Бедный отец! — промолвил мальчик. — Как будет он благодарен вам, сэр, когда вы его спасете!

— Ты очень любишь его, Роберт?

— Да, сэр. Папа ведь был так добр к нам с сестрой! Он только и думал о нас. После каждого дальнего плавания он привозил нам подарки из всех тех стран, где он побывал. Но что бывало дороже всего — он, вернувшись домой, с такой любовью говорил с нами, так ласкал нас! О, когда вы узнаете папу, вы сами его полюбите! Мэри на него похожа. У него такой же мягкий голос, как и у нее. Для моряка это даже странно, не правда ли?

— Да, очень странно, Роберт, — согласился Гленарван.

— Я вот как будто вижу его, — продолжал мальчик, словно говоря сам с собой. — Хороший, славный папа! Когда я был маленьким, он укачивал меня на коленях, напевая старинную шотландскую песню, где говорится об озерах нашей родины. Порой мне вспоминается эта песня, но смутно. Мэри тоже помнит ее. Ах, как мы любили его! Знаете, мне кажется, что нужно быть ребенком, чтобы так любить своего отца!

— Но нужно вырасти, чтобы научиться уважать его, мой мальчик, — сказал Гленарван, растроганный признаниями, вырвавшимися из этого юного сердца.

За время их разговора лошади замедлили ход и пошли шагом.

— Ведь мы найдем его, правда? — проговорил Роберт после нескольких минут молчания.

— Да, мы найдем его, — ответил Гленарван. — Талькав навел нас на его след, а патагонец внушает мне доверие.

— Талькав — славный индеец, — отозвался мальчик.

— Без сомнения!

— Знаете что, сэр?

— Скажи — что, а тогда я отвечу тебе.

— Я хочу сказать, что вокруг вас только славные

люди: миссис Элен — я так ее люблю! — майор со своим невозмутимым видом, капитан Манглс, господин Паганель, а потом матросы «Дункана», такие отважные и такие преданные!

— Я знаю это, мой мальчик, — ответил Гленарван.

— А знаете ли вы, что вы лучше всех?

— Ну нет, этого я не знаю.

— Так знайте это, сэр! — воскликнул Роберт, хватая руку Гленарвана и горячо целуя ее.

Гленарван тихонько покачал головой. Он продолжал бы разговаривать с Робертом, если бы Талькав жестом не дал им понять, чтобы они поторапливались и не отставали. Необходимо было не терять времени и помнить об оставшихся позади.

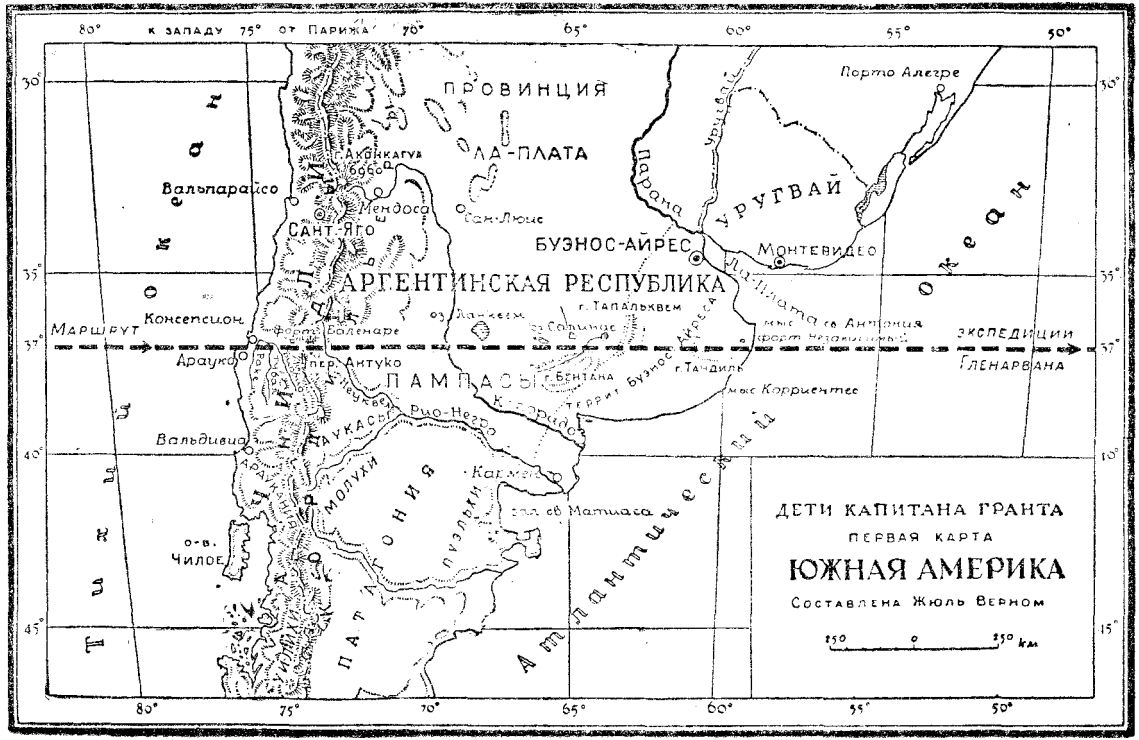
Все трое всадников снова пустились вперед крупной рысью. Но вскоре стало ясно, что лошадям, за исключением Тауки, это было не под силу. В полдень пришлось дать им часовой отдых. Они совсем выбились из сил и даже отказывались есть пучки альфафары — род люцерны, — тощей и выжженной палящими лучами солнца.

Гленарвана охватило беспокойство: признаки засушливости не исчезали, и недостаток воды мог привести к гибельным последствиям. Талькав молчал и, вероятно, думал, что в отчаянные приходить преждевременно, пока не выяснилось, пересохла или нет река Гуамини.

Итак, он снова двинулся вперед, и волей-неволей, побуждаемые хлыстами и шпорами, лошади поплелись шагом — большего от них добиться нельзя было.

Талькав имел возможность опередить спутников, и Таука в несколько часов домчала бы его до берегов реки. Патагонцу, несомненно, это не могло не прийти в голову, но несомненно, что он не захотел оставить спутников одних среди этой пустыни. Вот почему он заставил своего скакуна умерить шаг.

Не без сопротивления примирилась с этим Таука: она становилась на дыбы, неистово ржала. Ее хозяин прибегнул не столько к силе, сколько к увещаниям. Ведь Талькав буквально разговаривал со своей лошадью, и Таука если и не отвечала ему, то, во всяком случае, все понимала. Надо думать, что доводы патагонца были очень вески, так как, «поспорив» некоторое время, Таука


к западу 75° от Парижа
80°
75°
70°
65°
60°
55°
50°
30°
35°
37°
40°
45°
Тихий океан
Атлантический океан
ПРОВИНЦИЯ ЛА-ПЛАТА
Вальпарайсо
Мендоса
Сан-Луис
Сант-Яго
БУЭНОС-АЙРЕС
Монтевидео
Порто Алегре
Парана
Уругвай
АРГЕНТИНСКАЯ РЕСПУБЛИКА
Маршрут
Консепсион
Араукос
Вальдивия
ПАМПАСЫ
Рио-Негро
ПАТАГОНИЯ
Пуэльчи
Кармен
о-в. Чилоэ
Мыс Корриентес
ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА
ПЕРВАЯ КАРТА
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
Составлена Жюль Верном
250 0 250 km

сдалась-таки на увещания своего хозяина и подчинилась, правда продолжая грызть удила.

Но если Таука поняла, чего от нее хотел Талькав, то и сам он сумел понять своего скакуна. Умное животное учуяло следы влажности в воздухе: оно жадно втягивало его, двигая и щелкая языком, словно опускало его в благодетельную влагу.

Патагонцу стало ясно: близко вода. Он подбодрил своих спутников, объяснив им нетерпение, охватившее Тауку. Вскоре и две другие лошади тоже почуяли близость воды. Они напрягли последние силы и понеслись вслед за индейцем.

Около трех часов пополудни в углублении почвы блеснула светлая полоса. Она переливалась под лучами солнца.

— Вода! — сказал Гленарван.

— Да, вода, вода! — крикнул Роберт.

Теперь им уж не нужно было погонять лошадей. Бедные животные, почувствовав прилив сил, неудержимо помчались вперед. В несколько минут они доскакали до реки Гуамини и вместе с всадниками бросились по грудь в благодетельные воды. Всадники поневоле последовали их примеру и приняли ванну, о чем им не пришло в голову жалеть.

— Ах, как вкусно! — воскликнул Роберт, упиваясь водой посередине речки.

— Будь умерен, мой мальчик, — предупредил его Гленарван, сам, однако, не подавая примера этой умеренности.

Некоторое время не было слышно ничего, кроме громких, торопливых глотков. Что касается Талькава, то он пил спокойно, не спеша, глотками маленькими, но «длинными, как лассо», — по патагонскому выражению. Он никак не мог напиться, и было основание опасаться, как бы он не выпил всю реку целиком.

— Ну, видно, нашим друзьям не придется разочароваться в своих ожиданиях, — сказал Гленарван. — Добравшись до Гуамини, они будут обеспечены чистой и обильной водой, если только, конечно, Талькав оставит что-нибудь на их долю.

— А не могли бы мы отправиться им навстречу? —

спросил Роберт. — Этим мы избавили бы их от нескольких часов тревоги и страданий.

— Понятно, это можно было бы сделать, мой мальчик, но в чем же отвезти им воду? Ведь бурдюки остались у Вильсона. Нет, уж лучше нам ждать здесь, как было условлено. Принимая во внимание расстояние, которое им надо проехать, притом проехать шагом, они прибудут сюда только ночью. Итак, приготовим для них добрый ночлег и добрый ужин.

Талькав, не дожидаясь предложения Гленарвана, уже отправился искать место для привала. Ему посчастливилось найти на берегу реки рамаду — трехсторонний загон для скота. Рамада эта являлась превосходным убежищем для людей, не боящихся спать под открытым небом, как это и было в данном случае. Поэтому наши путники не стали искать ничего лучшего, и все трое растянулись на земле, чтобы просушить на солнце промокшее платье.

— Место для ночлега у нас есть, — сказал Гленарван. — Подумаем теперь об ужине. Надо, чтобы наши друзья остались довольны своими посланными вперед гонцами, и если я не ошибаюсь, им не придется жаловаться на них. Мне кажется, что, поохотившись с часок, мы не потеряем времени даром... Ты готов, Роберт?

— Да, сэр, — ответил мальчик, поднимаясь на ноги с ружьем в руке.

Мысль об охоте пришла в голову Гленарвану потому, что берега Гуамини, казалось, были местом встречи всей дичи окрестных равнин. Целыми стаями поднимались тинаму — род красных куропаток, водящихся в пампасах, — черные рябчики из породы ржанок, желтые коростели и водяные курочки с великолепным зеленым оперением.

Что же касается четвероногих, их что-то не было видно. Но Талькав, указав спутникам на высокие травы и густые лесные поросли, дал им понять, где скрываются эти животные. Нашим охотникам достаточно было сделать несколько шагов, чтобы очутиться в месте, равного которому по обилию дичи нельзя было найти на целом свете.

Для начала они предпочли четвероногую дичь пернатой: их первые выстрелы были направлены на крупную

дичь пампасов. Перед их глазами предстали сотни вспугнутых косуль и гуанако, подобных тем, которые так неистово обрушились на них на вершинах Кордильер. Но эти чрезвычайно пугливые животные умчались с такой быстротой, что оказалось невозможным приблизиться к ним на расстояние ружейного выстрела. Тогда охотники обратили свое внимание на менее стремительную дичь, которая к тому же как пища не оставляла желать ничего лучшего. Было подстрелено штук двенадцать красных куропаток и коростелей, а кроме того, Гленарван убил метким выстрелом пекари — таи-тетр. Мясо этого толстокожего животного с рыжеватой шерстью очень вкусно, и на него не жаль было потратить порох.

Менее чем в полчаса наши охотники без труда настреляли столько дичи, сколько им было нужно. Роберт также не остался без трофеев: он застрелил любопытное животное из семейства неполнозубых — армадил, нечто вроде броненосца, длиной в полтора фута, покрытое панцырем из подвижных костистых пластинок. Это было очень жирное животное, и, по словам патагонца, из него должно было получиться превкусное блюдо. Роберт очень гордился своей добычей.

Что же касается Талькава, то он показал своим спутникам, как охотятся на нанду — род водящегося в пампасах страуса, отличающегося удивительной быстротой. Имея дело с таким быстроногим животным, индеец не стал прибегать к хитрости. Он пустил Тауку галопом прямо на нанду, стремясь сразу настичь его, ибо не сделай он этого, страус только замучил бы и лошадь и охотника запутанными извилинами своего быстрого бега.

Приблизившись к нанду на нужное расстояние, Талькав метнул своей могучей рукой болас, и так ловко, что он сейчас же обвился вокруг ног страуса и остановил его бег. Еще несколько секунд — и нанду уже лежал распростертый на земле.

Индеец постарался добыть нанду не из охотничьего тщеславия, а потому, что мясо этого страуса очень ценится, и Талькаву хотелось предложить от себя блюдо для общего стола.

Связка красных куропаток, страус Талькава, пекари Гленарвана и броненосец Роберта были принесены в

рамаду. Со страуса и пекари тотчас же содрали жесткую кожу и разрезали мясо на тонкие ломтики. Что же касается броненосца, то это животное обладает одним ценным свойством: оно носит на себе противень, на котором его можно изжарить. Поэтому его без дальнейших церемоний положили на раскаленные уголья в собственном панцыре.

Охотники удовольствовались за ужином одними куропатками, а то, что было более питательным, они оставили своим друзьям. К этому ужину была подана чистейшая, прозрачная вода, показавшаяся им вкуснее всех вин мира.

Не забыли и о лошадях. В рамаде нашлось такое количество сена, что его хватило не только для еды лошадям, но и для подстилки.

Когда все приготовления были закончены, Гленарван, Роберт и индеец, завернувшись в пончо, улеглись на перины из альфафары — обычное ложе охотников в пампасах.

Глава XIX

КРАСНЫЕ ВОЛКИ

Настала ночь, ночь перед новолунием, когда ночное светило невидимо для обитателей Земли. Одни звезды озаряли своим слабым светом равнину. У горизонта едва мерцали в тумане созвездия Зодиака. Гуамини бесшумно катила свои воды. Птицы, четвероногие и пресмыкающиеся, устав за день, отдыхали. Безмолвие пустыни распростерлось над необъятными пампасами.

Гленарван, Роберт и Талькав последовали общему примеру: растянувшись на мягком ложе из люцерны, они спали крепчайшим сном. Обессиленные усталостью лошади также улеглись на землю. Лишь Таука, как настоящий чистокровный конь, спала, стоя на ногах. У нее и у спящей был такой же гордый вид, как и у бодрствующей. Чувствовалось, что она готова броситься вперед по первому зову хозяина. В загоне царило ничем не нарушаемое спокойствие; лишь угли догоравшего костра бросали среди безмолвного мрака последние отблески.

Однако около десяти часов вечера индеец, проспав очень недолго, проснулся. Его полуоткрытые глаза насторожились: он стал к чему-то прислушиваться. Видимо, Талькав стремился уловить какой-то еле слышный звук. Вскоре на его лице, обычно невозмутимом, отразилось смутное беспокойство. Заслышал ли он подкрадывающихся бродяг-индейцев или приближение ягуаров, рычание тигров или других опасных зверей, нередко встречающихся вблизи рек? Это последнее предположение, повидимому, показалось ему вероятным, так как он бросил быстрый взгляд на сваленный в загоне горючий материал, после чего беспокойство его еще более усилилось. В самом деле, имевшаяся в запасе сухая альфафара должна была скоро сгореть и не могла служить длительной защитой от дерзких хищников.

При данных условиях Талькаву оставалось только одно: ждать событий, и он стал ожидать их полулежа, в позе человека, внезапно разбуженного какой-то надвигающейся опасностью.

Прошел час. Всякий другой на месте Талькава, успокоенный царившей кругом тишиной, снова улегся бы и заснул. Но там, где чужестранец ничего не заподозрил бы, индеец благодаря обостренным чувствам и природному инстинкту почуял близкую опасность. В то время как Талькав прислушивался и приглядывался, Таука вдруг глухо заржала и, повернув голову ко входу в рамаду, потянула ноздрями воздух. Патагонец быстро приподнялся.

— Таука почуяла врага, — пробормотал он и, выйдя из рамады, стал внимательно осматривать равнину.

Было тихо, но неспокойно. Талькав заметил какие-то тени, бесшумно скользившие среди поросли курра-мамель. Там и сям сверкали светящиеся точки. Они двигались, пересекаясь во всех направлениях, потухали, снова загорались. Можно было подумать, что это плясали по зеркалу огромной лагуны отблески каких-то фантастических фонарей. Чужестранец мог бы, конечно, принять эти летающие искры за светляков, чье мерцание можно увидеть ночью во многих местах пампасов, но Талькав не впал в эту ошибку: патагонец понял, с каким врагом придется иметь дело. Зарядив ружье, он стал на страже у входа в загон.

Долго ждать ему не пришлось. В пампасах раздался странный крик — не то лай, не то вой. Ответом на него был выстрел из карабина, а затем послышались ужасающие завывания, казалось несшиеся из сотни глоток.

Гленарван и Роберт, внезапно разбуженные, вскочили на ноги.

— Что случилось? — крикнул Роберт.

— Уж не индейцы ли? — спросил Гленарван.

— Нет, — ответил Талькав, — агуары.

— Агуары? — вопросительно глядя на Гленарвана, повторил Роберт.

— Да, — ответил Гленарван, — красные волки пампасов.

Схватив ружья, они присоединились к индейцу. Талькав молча указал им на равнину, откуда несся оглушающий вой. Роберт инстинктивно сделал шаг назад.

— Ты не боишься волков, мой мальчик? — спросил Гленарван.

— Не боюсь, сэр, — ответил твердым тоном мальчик. — Когда я с вами, я вообще ничего не боюсь.

— Тем лучше. Эти агуары — не очень-то страшные звери, и не будь они в таком количестве, я бы совсем не обратил на них внимания.

— Что за важность, если их много! — отозвался Роберт. — Мы хорошо вооружены. Пусть только сунутся к нам!..

— И мы их примем как следует!

Говоря это, Гленарван хотел успокоить мальчика, но сам он в глубине души не без страха думал об этом ночном нашествии бесчисленного множества разъяренных хищников. Быть может, там их целые сотни, и трем человекам, хотя бы и хорошо вооруженным, нельзя было надеяться на успех в борьбе с таким количеством зверей.

Когда патагонец произнес слово «агуар», Гленарван тотчас узнал название, данное пампасскими индейцами красному волку. Этот хищник известен у натуралистов под именем canis jubatus. Ростом он с большую собаку, голова его похожа на лисью, шерсть у него красно-бурая, а по спине вдоль всего хребта идет черная грива. Зверь этот очень проворен и силен. Живет он обыкновенно в

болотистых местах и часто преследует свою добычу даже вплавь. Ночь выгоняет красного волка из его берлоги — он спит в ней днем. Особенно боятся его в эстанциях[1]. Голодный агуар нападает даже на крупный скот и производит немалые опустошения. В одиночку красный волк не страшен, но голодная стая их представляет большую опасность. Лучше даже встретиться с кугуаром или ягуаром: с теми можно, по крайней мере, сразиться один на один.

Слыша разносящийся по пампасам вой и видя множество скачущих по равнине теней, Гленарван не мог сомневаться в том, что на берегах Гуамини собралась огромная стая красных волков. Хищники эти почуяли верную добычу — лошадиное и человечье мясо, и каждый из них жаждал вернуться в свою берлогу с частью этой добычи. Положение было более чем тревожное.

Тем временем круг волков мало-помалу суживался. Проснувшиеся лошади были охвачены ужасом. Лишь Таука нетерпеливо била копытом землю, порываясь оборвать повод и умчаться. Хозяину удавалось успокоить ее только непрерывным свистом. Гленарван и Роберт стали у входа в рамаду, готовясь к обороне. Зарядив карабины, они собирались уже выстрелить по первому ряду агуаров, как вдруг Талькав молча поднял рукой вверх дула их ружей.

— Чего хочет Талькав? — спросил Роберт.

— Он запрещает нам стрелять.

— Почему?

— Быть может, потому, что находит это несвоевременным.

Но не это, а причина более важная побудила индейца так поступить. Гленарван понял его, когда Талькав, открыв и перевернув свою пороховницу, показал, что она почти совсем пуста.

— Ну? — спросил Роберт.

— Ну, нам придется беречь заряды. Сегодняшняя охота дорого обошлась нам: у нас мало свинца и пороха. Мы не дадим и двадцати выстрелов.

Мальчик ничего не ответил.

---

[1] Эстанции — большие скотоводческие фермы.

— Ты не боишься, Роберт?

— Нет, сэр.

— Хорошо, мой мальчик.

В эту минуту раздался новый выстрел: Талькав уложил на месте одного слишком дерзкого врага. Волчья стая, надвигавшаяся тесными рядами, отступила и сбилась в кучу в ста шагах от частокола. Гленарван, по знаку индейца, стал на его место. А Талькав, собрав подстилки, сухую траву — словом, все, что способно гореть, навалил это у входа в рамаду и бросил в середину кучи пылающий уголь. Вскоре на черном фоне неба протянулась огненная завеса. В промежутках между языками пламени проглянула ярко освещенная колеблющимся заревом равнина. Тут Гленарван увидел, против какого неисчислимого количества хищников им придется обороняться. Вряд ли кому-нибудь приходилось видеть такое скопище голодных волков. Огненная завеса, созданная Талькавом, сразу остановила хищников и этим еще больше разъярила их. Но все же некоторые из них под натиском задних рядов приблизились к самому костру и обожгли себе лапы. Время от времени приходилось стрелять, чтобы удержать эту завывающую стаю, и через час на равнине уже валялось штук пятнадцать убитых волков.

Теперь осажденные находились в сравнительно менее опасном положении. Пока не истощились боевые припасы, пока огненная завеса пылала у входа в рамаду, нечего было опасаться вторжения волков. Но что делать тогда, когда все эти способы защиты будут исчерпаны? Гленарван посмотрел на Роберта, и сердце его сжалось. Он уже не думал о себе, а только о бедном мальчике, мужественном не по годам. Роберт был бледен, но не выпускал из рук ружья и, полный решимости, ожидал нападения разъяренных волков.

Хладнокровно обдумав положение, Гленарван решил тем или иным способом искать выхода из него.

— Через какой-нибудь час у нас не будет ни пороха, ни пуль, ни огня, — сказал он, — и, конечно, нам нужно не ждать этого момента, а принять какое-нибудь решение до него.

Он подошел к Талькаву и, припоминая все испанские

слова, сохранившиеся в его памяти, начал с ним разговор, часто прерываемый выстрелами.

Не без труда удалось этим двум людям понять друг друга. К счастью, Гленарвану были известны свойства и повадки красных волков. Без этого он не понял бы слов и жестов патагонца. Все же прошло с четверть часа, прежде чем он начал рассказывать Роберту о содержании своего разговора с Талькавом.

— И что же он ответил? — спросил Роберт Грант.

— Он сказал, что нам во что бы то ни стало надо продержаться до рассвета. Агуар выходит на добычу только ночью, а с зарей возвращается в свою берлогу. Это ночной хищник: он труслив и боится дневного света — своего рода сова, только четвероногая.

— Что ж, будем защищаться до рассвета!

— Да, мой мальчик, и защищаться ножами, когда не сможем больше защищаться ружьями.

Талькав уже начал подавать этому пример: и когда какой-нибудь волк слишком приближался к пылавшему костру, патагонец просовывал сквозь пламя длинную руку, вооруженную ножом, и каждый раз он обагрялся кровью волка.

Между тем средства защиты приходили к концу. Около двух часов ночи Талькав бросил в костер последнюю охапку сухой травы; зарядов же оставалось всего на пять выстрелов.

Гленарван с грустью оглянулся вокруг.

Он думал о мальчике, стоявшем подле него, о своих товарищах, думал обо всех, кого любил. Роберт молчал. Быть может, в его детском, доверчивом воображении опасность не казалась неминуемой. Но Гленарван думал о ней за него. Ему рисовалась ужасная, неизбежная перспектива: быть растерзанными заживо. Не владея больше собой, он притянул к себе Роберта, прижал его к груди и со слезами, которых не в силах был удержать, поцеловал его в лоб.

Роберт, улыбаясь, посмотрел на него.

— Я не боюсь, — промолвил он.

— И не надо бояться, мой мальчик, ты прав, — ответил Гленарван. — Через два часа рассветет, и мы будем спасены... Молодец, Талькав! Молодец, мой храбрый

патагонец! — крикнул он, увидев, что индеец убил ударами приклада двух огромных волков, порывавшихся перепрыгнуть через огненную преграду.

Но в эту минуту при угасающем свете костра Гленарван увидел стаю волков, идущую сплоченными рядами на приступ рамады.

Развязка этой кровавой драмы приближалась. Костер мало-помалу угасал. Равнина, до сих пор освещенная, погружалась во мрак, и в этом мраке снова замелькали фосфоресцирующие глаза красных волков. Еще несколько минут — и вся эта огромная стая устремится в загон.

Талькав выпустил последний заряд из своего карабина, прикончив еще одного врага. Истощив свои боевые припасы, патагонец скрестил руки на груди. Голова его склонилась. Казалось, он молча что-то обдумывал. Изыскивал ли он какой-нибудь смелый, невозможный, безрассудный способ отразить эту разъяренную стаю? Гленарван не решался задать ему вопрос.

Тут волки вдруг изменили свой план нападения: они стали удаляться, и их оглушительный вой сразу прекратился. На равнине воцарилась мрачная тишина.

— Они уходят, — промолвил Роберт.

— Быть может, и так, — отозвался, прислушиваясь, Гленарван.

Но Талькав, догадавшись, о чем идет речь, отрицательно покачал головой. Патагонец знал, что хищники не уйдут от верной добычи до тех пор, пока заря не загонит их в темные берлоги.

Однако тактика врагов явно изменилась: они уже не пытались ворваться через вход в рамаду, а избрали новый, еще более страшный способ действий. Агуары, отказавшись от намерения проникнуть через вход, который так упорно отстаивался огнем и оружием, обошли рамаду и напали на нее с противоположной стороны. Вскоре осажденные услышали, как когти хищников врезаются в полусгнившее дерево. Между расшатанными кольями частокола уже просовывались сильные лапы, окровавленные морды. Перепуганные лошади, сорвавшись с привязи, метались, обезумев от ужаса, по загону.

Гленарван схватил мальчика и прижал к себе, собираясь защищать его до последней возможности. Быть

может, у него мелькнула безумная мысль попытаться спастись с Робертом бегством, но в этот миг взгляд его упал на индейца. Талькав, только что быстро ходивший по загону, как дикий зверь в клетке, вдруг подошел к своей дрожавшей от нетерпения лошади и принялся тщательно седлать ее, не забывая ни одного ремешка, ни одной пряжки. Казалось, возобновившийся с удвоенной силой вой хищников совершенно перестал его беспокоить. Гленарван смотрел на патагонца с ужасом.

— Он бросает нас на произвол судьбы! — воскликнул он, видя, что Талькав собирает поводья, как человек, готовящийся вспрыгнуть в седло.

— Талькав? Никогда! — сказал Роберт.

И действительно, индеец собирался не бросить друзей, а спасти их ценой своей жизни.

Таука была оседлана: она грызла удила и нетерпеливо прыгала на месте; глаза ее, полные огня, метали молнии. Лошадь поняла хозяина. В тот момент, когда индеец, уцепившись за гриву, собирался вскочить на коня, Гленарван судорожным движением схватил его за руку.

— Ты уезжаешь? — спросил он, указывая на покинутую волками часть равнины.

— Да, — ответил индеец, понявший жест Гленарвана. Затем он добавил по-испански: — Таука — хорошая лошадь! Быстроногая! Увлечет за собой волков.

— Ах, Талькав! — воскликнул Гленарван.

— Скорей, скорей! — торопил индеец.

— Роберт! Мальчик мой! Ты слышишь? — сказал Гленарван Роберту дрожащим от волнения голосом. — Он хочет пожертвовать собой ради нас! Хочет умчаться в пампасы, чтобы, навлекши на себя ярость волков, отвлечь их от нас!

— Друг Талькав! — крикнул Роберт, бросаясь к ногам патагонца. — Друг Талькав, не покидай нас!

— Нет, он нас не покинет, — уверял Гленарван и, обернувшись к индейцу, прибавил: — Едем вместе!

Он указал на обезумевших от страха лошадей, жавшихся к столбам частокола.

— Нет, — возразил индеец, понявший его намерение. — Плохие лошади. Перепуганные... Таука — хороший конь!

— Ну что же, пусть будет так, — сказал Гленарван.— Талькав не покинет тебя, Роберт. Он показал мне, что я должен сделать. Мне надо ехать, ему — остаться с тобой!

И, схватив за уздечку Тауку, он объявил:

— Поеду я!

— Нет, — спокойно ответил патагонец.

— Говорю тебе, что я поеду! — крикнул Гленарван, вырывая из рук Талькава повод. — А ты спасай мальчика! Доверяю тебе его, Талькав!

Гленарван в своем возбуждении перемешивал испанские слова с английскими. Но что значит язык! В такие грозные мгновения все выражается жестами, и люди сразу понимают друг друга.

Но Талькав настаивал на своем, спор затягивался, а опасность с секунды на секунду все возрастала. Изгрызенные колья частокола уже начинали уступать натиску волков.

Ни Гленарван, ни Талькав не хотели уступать друг другу. Индеец увлек Гленарвана ко входу в загон; он показывал ему на освобожденную от волков равнину. Своей страстной речью он стремился заставить понять Гленарвана, что нельзя терять ни секунды, что в случае неудачи в наибольшей опасности окажутся оставшиеся; наконец, что он один достаточно знает Тауку, чтобы использовать для общего спасения изумительное проворство и быстроту ее бега. Но Гленарван в ослеплении упорствовал: он во что бы то ни стало хотел пожертвовать собой.

Вдруг что-то с силой оттолкнуло его. Таука прыгала, взвивалась на дыбы и вдруг, рванувшись вперед, перелетела через огненную преграду и лежавшие за ней трупы волков.

В ту же минуту донесся детский голос:

— Прощайте!

И перед глазами Гленарвана и Талькава промелькнула фигурка Роберта, вцепившегося в гриву Тауки, — промелькнула и исчезла во мраке.

— Роберт! Несчастный! — крикнул Гленарван.

Но этого крика не расслышал даже индеец: раздался ужасающий вой. Красные волки, бросившись по следам ускакавшей лошади, мчались с невероятной быстротой на запад.

Талькав и Гленарван выбежали из рамады. На равнине уже снова водворилась тишина; лишь вдали среди ночного мрака смутно ускользала какая-то волнообразная линия.

Подавленный, ломая в отчаянии руки, Гленарван упал на землю. Он поднял глаза на Талькава. Тот улыбался со свойственным ему спокойствием.

— Таука — хорошая лошадь! Храбрый мальчик! Спасется... — повторял патагонец, подкрепляя слова кивками головы.

— А если он упадет? — сказал Гленарван.

— Не упадет!

Несмотря на эту уверенность Талькава, несчастный Гленарван провел ночь в страшной тревоге. Он даже не думал о том, что с исчезновением стаи волков для него исчезла и опасность. Он хотел скакать на поиски Роберта. Индеец не пустил его и дал ему понять, что с их лошадьми догнать Роберта немыслимо, что Таука, конечно, опередила своих врагов и найти ее среди темноты невозможно. Словом, по его убеждению, надо было ждать рассвета и только тогда броситься на поиски Роберта.

В четыре часа утра стала заниматься заря. Сгустившийся у горизонта туман вскоре окрасился бледным золотом.

Прозрачная роса пала на равнину, и утренний ветерок закачал ее высокие травы. Пришло время отправляться.

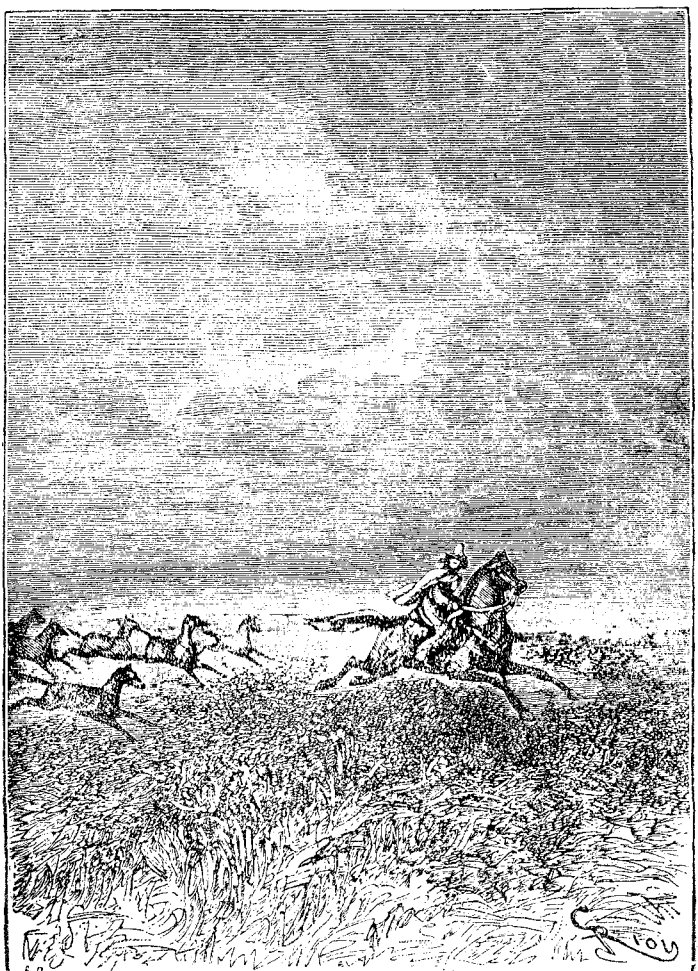
— В дорогу! — сказал индеец.

Гленарван молча вскочил на лошадь Роберта. Вскоре наши два всадника неслись галопом к западу, придерживаясь прямой линии, от которой не должен был отклоняться и второй отряд.

В течение часа они мчались с бешеной быстротой, ища глазами Роберта и на каждом шагу боясь увидеть его окровавленный труп. Гленарван немилосердно вонзал шпоры в бока своей лошади. Вдруг послышались ружейные выстрелы, раздававшиеся через определенные промежутки времени, как это обыкновенно делается при сигнализации.

— Это они! — воскликнул Гленарван.

Оба всадника еще быстрее погнали своих лошадей. Несколько минут спустя они соединились с отрядом



— Прощайте! — донесся детский голос.

Паганеля. У Гленарвана вырвался крик: Роберт был здесь, живой и невредимый, верхом на великолепной Тауке! Лошадь радостно заржала, завидев своего хозяина.

— Ах, мальчик мой, мальчик! — с невыразимой нежностью воскликнул Гленарван.

И они с Робертом, соскочив с лошадей, бросились на шею друг другу.

Затем наступила очередь индейца прижать к своей груди мужественного сына капитана Гранта.

— Он жив! Он жив! — восклицал Гленарван.

— Да, — ответил Роберт: — благодаря Тауке!

Но еще до того, как индеец услышал эти полные признательности слова, он уже начал благодарить своего коня: говорил с ним, целовал его, словно в жилах этого благородного животного текла человеческая кровь.

Затем Талькав повернулся к Паганелю.

— Храбрец! — сказал он, указывая на Роберта. И, пользуясь индейской метафорой для выражения отваги, добавил: — Шпоры его не дрогнули.

— Скажи, дитя мое, почему ты не дал ни мне, ни Талькаву сделать эту последнюю попытку спасти тебя? — спросил Гленарван, обнимая Роберта.

— Сэр, — ответил мальчик, и в голосе его звучала горячая благодарность, — разве не моя была очередь пожертвовать собой? Талькав уже раз спас мне жизнь, а вы спасете жизнь моего отца!

Глава XX

АРГЕНТИНСКИЕ РАВНИНЫ

Как ни радостна была встреча, но после первых же излияний все бывшие в отряде Паганеля, за исключением, быть может, одного майора Мак-Наббса, почувствовали, что они умирают от жажды. К счастью, Гуамини протекала невдалеке, и путешественники немедленно двинулись в дальнейший путь. В семь часов утра маленький отряд достиг загона. При виде нагроможденных у входа волчьих трупов легко можно было себе представить, как

яростно нападал враг и с какой энергией оборонялись осажденные.

Путешественники с лихвой утолили свою жажду, после чего им предложили в ограде загона феноменально обильный завтрак. Филе нанду было признано великолепным, а броненосец, зажаренный в собственном панцыре, — восхитительным блюдом.

— Есть такие вкусные вещи в умеренном количестве было бы неблагодарностью по отношению к провидению, — заявил Паганель. — Долой умеренность!

И географ действительно объелся, отбросив всякую умеренность, но его здоровье не потерпело от этого никакого ущерба благодаря воде Гуамини: по мнению ученого, она обладала свойствами, способствующими пищеварению.

В десять часов утра Гленарван, не желая повторять ошибку Ганнибала, чрезмерно задержавшегося в Капуе, подал сигнал к отправлению. Бурдюки были наполнены водой, и отряд пустился в путь. Освеженные и сытые лошади охотно мчались вперед и почти все время неслись легким галопом. Местность становилась более влажной, а потому и более плодородной, но оставалась такой же пустынной.

2 и 3 ноября прошли без всяких приключений, и вечером второго дня наши путешественники, уже привыкшие к длинным переходам, сделали привал на границе между пампасами и провинцией Буэнос-Айрес. Отряд покинул бухту Талькагуано 14 октября. Значит, он совершил в двадцать два дня переход в четыреста пятьдесят миль; иными словами, им были преодолены уже две трети пути.

На следующее утро путешественники перешли условную границу, отделявшую аргентинские равнины от пампасов. Здесь Талькав надеялся встретить тех кациков, в руках которых — он был уверен — находятся Гарри Грант и два его товарища по плену.

Из четырнадцати провинций, составляющих Аргентинскую республику, провинция Буэнос-Айрес самая обширная и самая населенная. На юге между 64° и 65° она граничит с индейской территорией. Почва этой провинции удивительно плодородна, а климат необыкновен-

но здоровый. Она представляет собой простирающуюся до подножия гор Тандиль и Тапальквем почти идеально гладкую равнину, покрытую злаками и бобовыми кустарниковыми растениями.

Покинув берега Гуамини, наши путешественники, к своему немалому удовольствию, заметили, что температура становится все умереннее: в среднем было не более семнадцати градусов по Цельсию. Причиной этого понижения температуры были сильные холодные ветры, не переставшие дуть из Патагонии. И животные и люди, столько претерпевшие от засухи и зноя, теперь не имели ни малейшего повода жаловаться. Путешественники ехали бодро и уверенно. Но, вопреки ожиданиям Талькава, край казался совершенно необитаемым, или, вернее сказать, обезлюдевшим.

Та линия к востоку вдоль тридцать седьмой параллели, по которой двигался отряд, часто проходила мимо небольших озер то с пресной, то с солоноватой водой или пересекала эти озера. У воды порхали под сенью кустов проворные корольки и пели веселые жаворонки; тут же мелькали тангары — соперники колибри по разноцветному блестящему оперению. Все эти красивые птицы весело хлопали крыльями, не обращая внимания на скворцов с их красными погонами и красной грудью, расхаживавших по откосам дороги, точно солдаты на военном параде. На колючих кустах раскачивались, как гамак креолки, подвижные гнезда птиц, носящих название «аннубис», а по берегам озер, распуская по ветру огнецветные крылья, бродили целыми стаями великолепные фламинго. Здесь же виднелись их гнезда, тысячами расположенные близко друг от друга, имевшие форму усеченного конуса примерно в фут вышиной и образовавшие что-то похожее на городок.

Приближение всадников не очень встревожило фламинго, и это не понравилось ученому Паганелю.

— Мне давно хотелось увидеть, как летают фламинго, — сказал он майору.

— Вот и прекрасно! — отозвался майор.

— И, конечно, раз представляется случай, я им воспользуюсь.

— Пользуйтесь им, Паганель!

— Так пойдемте со мной, майор, и ты тоже, Роберт. Мне нужны свидетели.

И Паганель, пропустив вперед большинство своих спутников, направился в сопровождении майора и Роберта к стае краснокрылых. Приблизившись к ним на расстояние выстрела, географ выпалил из ружья холостым зарядом — он не был способен пролить напрасно даже и птичью кровь, — после чего фламинго, словно сговорившись, все сразу поднялись и улетели. Паганель внимательно следил за ними сквозь очки.

— Ну что, вы видели, как они летают? — спросил он майора, когда стая исчезла из виду.

— Конечно, видел, — ответил Мак-Наббс. — Только слепой не увидел бы этого.

— Скажите, похож ли летящий фламинго на оперенную стрелу?

— Ничуть не похож.

— Ни малейшего сходства, — прибавил Роберт.

— Я был в этом уверен, — с довольным видом заявил ученый. — А вот представьте, что мой знаменитый соотечественник Шатобриан, допустил, однако, это неточное сравнение фламинго со стрелой. Запомни, Роберт: сравнение — самая рискованная из всех известных мне риторических фигур. Бойся сравнений всю свою жизнь и прибегай к ним лишь в самых крайних случаях.

— Итак, вы довольны вашим экспериментом? — спросил майор.

— Чрезвычайно.

— И я тоже. Но теперь давайте поторопим лошадей: по милости вашего знаменитого Шатобриана мы отстали на целую милю.

Подъезжая к своим спутникам, Паганель увидел, что Гленарван ведет какой-то оживленный разговор с индейцем, видимо плохо понимая его. Талькав то и дело останавливался, внимательно всматривался в горизонт, и каждый раз на его лице отражалось сильное удивление.

Гленарван, не видя подле себя своего обычного переводчика, попытался было сам расспросить индейца, но эта попытка оказалась безуспешной. Заметив приближавшегося ученого, Гленарван еще издали крикнул ему:

— Скорей сюда, друг Паганель, а то мы с Талькавом никак не можем понять друг друга!

Побеседовав несколько минут с патагонцем, Паганель обернулся к Гленарвану.

— Талькава, — сказал он, — удивляет один факт, и в самом деле очень странный.

— Какой?

— Дело в том, что нигде кругом не видно ни индейцев, ни даже следов их, а между тем их отряды обычно пересекают эти равнины во всех направлениях: то они гонят скот, то пробираются к Кордильерам — продавать там свои самодельные ковры и бичи, сплетенные из кожи.

— А чем Талькав объясняет исчезновение индейцев?

— Он сам не находит объяснения, а только удивляется.

— Каких же индейцев рассчитывал он встретить в этой части пампасов?

— Именно тех, в чьих руках были пленники-чужестранцы: индейцев, находящихся под властью кациков Кальфукура, Катриеля или Янчетруца.

— Что это за люди?

— Это вожди племен. Они были всемогущи до того, как их лет тридцать назад оттеснили за горы. С тех пор они подчинялись Аргентине — насколько, впрочем, может подчиниться индеец [1] — и теперь кочуют по пампасам и по провинции Буэнос-Айрес. И, признаться, я удивлен не меньше Талькава тем обстоятельством, что нам не встречаются следы индейцев в этих местностях.

— Но что же, в таком случае, нам предпринять? — спросил Гленарван.

— Сейчас узнаю, — ответил Паганель.

Снова поговорив несколько минут с Талькавом, он сказал:

— То, что советует патагонец, мне кажется очень разумным. По его мнению, нам следует продолжать путь на восток до форта Независимый, и если даже мы не

---

[1] Колонисты Западной Европы, заселявшие Америку, беспощадно обращались с индейцами, сгоняя их с земель, искони принадлежавших им, спаивая водкой и истребляя. Индейцы оказывали сопротивление пришельцам, но в конце концов были побеждены и почти истреблены завоевателями.

получим там сведений о капитане Гранте, то, во всяком случае, узнаем, куда девались индейцы Аргентинской равнины.

— А форт этот далеко отсюда? — поинтересовался Гленарван.

— Нет, он находится в горах Тандиль, милях в шестидесяти.

— Когда же мы будем там?

— Послезавтра к вечеру.

Гленарван был порядком озадачен этим обстоятельством. Казалось, меньше всего можно было ожидать, что в пампасах не встретятся индейцы. Обычно их там даже слишком много. Очевидно, какое-то исключительное обстоятельство повлекло за собой их исчезновение. Но если Гарри Грант является действительно пленником одного из этих племен, важно было узнать, куда же увели его индейцы: на север или на юг? Эти сомнения не переставали тревожить Гленарвана. Нужно было во что бы то ни стало не утерять следов капитана, и потому разумней всего казалось последовать совету Талькава — добираться до селения Тандиль. Там, по крайней мере, можно будет с кем-нибудь переговорить.

Около четырех часов пополудни на горизонте вырисовался холм, который в такой плоской местности мог быть назван и горой. Это была Сьерра-Тапальквем. Достигнув ее подножия, наши путники расположились лагерем на ночь.

На следующий день они с чрезвычайной легкостью перебрались через эту гору: продвигаться приходилось по отлогим песчаным склонам. Перебраться через такую горную цепь людям, перевалившим через Кордильеры, казалось легко. Лошадям почти не пришлось замедлять ход. В полдень всадники миновали заброшенный форт Тапальквем. Но, ко все возраставшему изумлению Талькава, индейцев и здесь не оказалось. Однако около полудня вдали появились три всадника, хорошо вооруженные, на прекрасных конях. Они некоторое время наблюдали за маленьким отрядом, а затем, не дав возможности приблизиться к ним, умчались с невероятной быстротой.

— Гаучо, — пояснил патагонец, давая этим туземцам

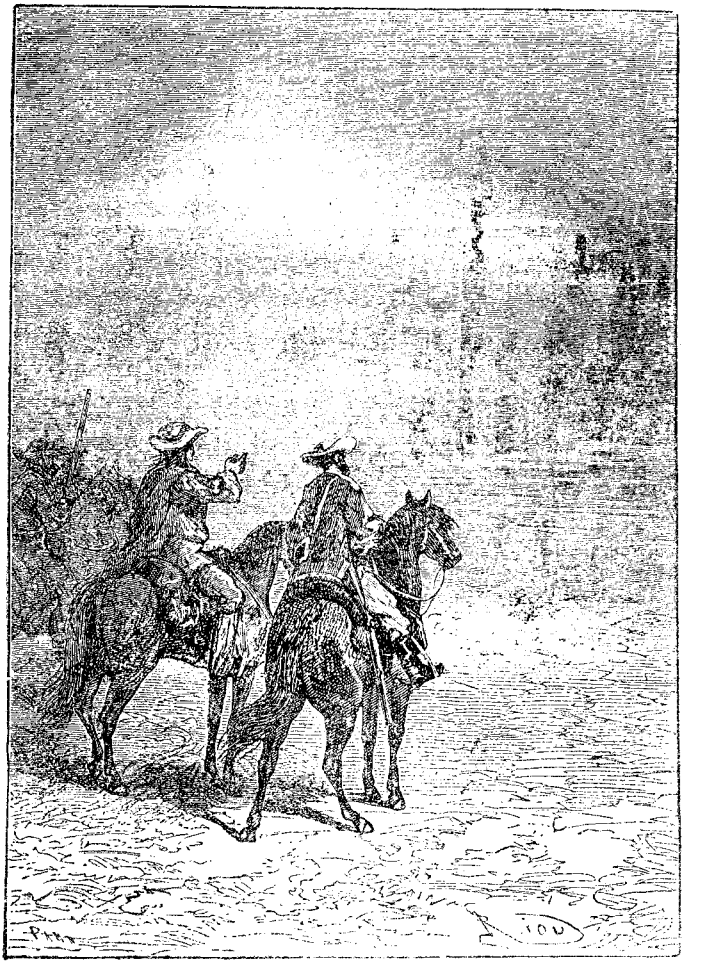
то название, которое вызвало в свое время такой горячий спор между майором и Паганелем.

Между тем наши путешественники, по совету Талькава, ехали, держась близко друг от друга: как ни был пустынен этот край, все же следовало остерегаться неожиданного нападения. Однако эти меры предосторожности оказались излишними, и в тот же вечер маленький отряд расположился на ночлег в пустой, обширной тольдерии, где кацик Катриель имел обыкновение собирать предводимые им отряды туземцев. Патагонец обследовал землю кругом, и так как нигде не было заметно свежих следов, он пришел к заключению, что тольдерия эта уже давно пустует.

На следующий день Гленарван и его спутники снова очутились на равнине. Показались первые из расположенных близ горной цепи Тандиль эстанций. Но Талькав решил не делать здесь привала, а двигаться прямо к форту Независимый, где он рассчитывал получить нужные сведения, в первую очередь — о причинах этого странного обезлюдения края.

Снова появились деревья, так редко встречавшиеся за Кордильерами. Большинство их было посажено после заселения американской территории европейцами. Здесь росли персиковые деревья, тополя, ивы, акации; они росли без ухода, быстро и хорошо. Больше всего этих деревьев было вокруг коралей — обширных загонов для скота, обнесенных частоколом. Там паслись и откармливались целыми тысячами быки, бараны, коровы и лошади, на которых было выжжено раскаленным железом тавро их хозяина. Множество крупных и бдительных собак сторожило их. Слегка солончаковая почва, расстилающаяся у подошвы гор, является очень подходящей для стад и дает им превосходный корм. Поэтому такую почву и выбирают обычно для устройства эстанций. Во главе этих скотоводческих хозяйств стоят заведующий и его помощник, имеющие в своем распоряжении пеонов, по четыре человека на каждую тысячу голов скота. Эти люди ведут жизнь библейских пастырей. Их стада так же многочисленны, а быть может, еще многочисленнее тех, которые заполняли равнины Месопотамии.

Паганель обратил внимание своих спутников на одно



Паганель обратил внимание своих спутников на миражи.

любопытное явление, свойственное этим плоским равнинам: на миражи. Так, эстанции издали напоминали большие острова, а растущие вокруг них тополя и ивы, казалось, отражались в прозрачных водах, отступавших по мере приближения путешественников. Иллюзия была настолько полной, что наши путники всё снова и снова поддавались обману.

В течение 6 ноября отряд проехал мимо нескольких эстанций, а также одной-двух саладеро. Здесь режут скот, откормленный на сочных пастбищах. Саладеро — одновременно и солильня, как показывает название: место, где не только убивают скот, но и солят его мясо. Эта отталкивающая работа начинается в конце весны.

Саладеросы приходят за животными в кораль; они ловят их с помощью лассо, которым владеют с большой ловкостью, и отводят их в саладеро. Здесь всех этих быков, волов, коров, овец убивают сотнями; с них сдирают шкуру и разделывают их туши. Но часто быки не дают убить себя без сопротивления. Тогда саладеросы превращаются в тореадоров. И они выполняют эту опасную работу с редкой ловкостью и столь же редкой жестокостью. В общем, эта резня представляет собой ужасное зрелище. Ничего не может быть отвратительнее саладеро. Из этих страшных, зловонных загонов слышатся свирепые крики саладеросов, зловещий лай собак, протяжный вой издыхающих животных. Сюда же тысячами слетаются крупные аргентинские ястребы.

Но сейчас в этих саладеро царили тишина и покой — они были необитаемы. Час грандиозной резни еще не наступил.

Талькав торопил отряд. Он хотел еще в тот же вечер попасть в форт Независимый. Лошади, подгоняемые седоками и увлеченные примером Тауки, мчались среди высоких злаков. Навстречу всадникам попадались фермы, окруженные зубчатыми стенами и защищенные глубокими рвами. На кровле главного дома имелась терраса, с которой обитатели, всегда готовые к бою, могли отстреливаться от нападения с равнины.

Гленарвану, быть может, и удалось бы получить на этих фермах сведения, которых он добивался, но вернее было добираться до селения Тандиль. Поэтому всадники

нигде не останавливались. Через две речки: Рио-Гуэзос и несколькими милями дальше Рио-Шапалеофу — переправились вброд. Вскоре горная цепь Тандиль развернула под ногами лошадей зеленые скаты своих первых уступов, и через час в глубине узкого ущелья показалось селение, над которым возвышались зубчатые стены форта Независимый.

Глава XXI

ФОРТ НЕЗАВИСИМЫЙ

Сьерра-Тандиль возвышается над уровнем моря на тысячу футов. Происхождение ее древнейшее: она возникла до появления на Земле всякой органической жизни. Эта горная цепь представляет собой полукруглый ряд гнейсовых холмов, поросших травой. Округ Тандиль, носящий имя горной цепи, занимает всю южную часть провинции Буэнос-Айрес. На севере границей округа являются склоны горной цепи, на которых берут свое начало текущие на север реки.

Округ Тандиль имеет около четырех тысяч жителей. Административный центр его — селение Тандиль — расположен у подошвы северных склонов гор, под защитой форта Независимый. Протекающая здесь речка Шапалеофу придает селению довольно живописный вид. У этого поселка была одна необычная особенность, о которой не мог не знать Паганель: он был населен французскими басками[1] и итальянцами. Действительно, французы первые основали свои колонии по нижнему течению Ла-Платы. В 1828 году для защиты новой колонии от частых нападений индейцев, защищавших свои владения, французом Паршаппом был выстроен форт Независимый. В этом деле ему оказывал содействие французский ученый Алсид д'Орбиньи, который превосходно изучил и описал эту часть Южной Америки.

Селение Тандиль — довольно важный пункт. Его галерас — большие, запряженные быками телеги, очень удобные для передвижения по дорогам равнины, — доби-

[1] Баски — народ, населяющий испанские и французские склоны Пиренеев.

раются до Буэнос-Айреса в двенадцать дней, поэтому население поддерживает с этим городом довольно оживленную торговлю. Жители Тандиля возят туда скот своих эстанций, соленое мясо своих саладеро и очень любопытные произведения индейской промышленности: бумажные и шерстяные ткани, плетения из кожи, отличающиеся весьма тонкой работой, и тому подобное.

Рассказав обо всем этом, Паганель прибавил, что в Тандиле несомненно можно будет получить интересующие их сведения от местных жителей; к тому же в форте всегда стоит отряд национальных войск. Гленарван распорядился поставить лошадей на конюшне довольно приличной на вид фонды[1], а затем сам он, Паганель, майор и Роберт в сопровождении Талькава направились в форт Независимый.

Поднявшись немного в гору, они очутились у входа в крепость. Ее довольно-таки небрежно охранял часовой-аргентинец. Он пропустил наших путешественников беспрепятственно, что говорило либо о чрезвычайной беспечности, либо о полнейшей безопасности.

На площади крепости происходило ученье солдат. Самому старшему из них было не больше двадцати лет, а самый младший не дорос и до семи. По правде сказать, это были не солдаты, а дюжина детей и подростков, довольно точно проделывавших воинские упражнения. Форменная одежда их состояла из полосатой сорочки, стянутой кожаным поясом. О панталонах, длинных или коротких, и помину не было. Впрочем, при такой теплой погоде можно было свободно позволить себе так легко одеваться. Паганель сразу составил себе хорошее мнение о правительстве, не растрачивающем государственные деньги на галуны и прочую мишуру. У каждого из этих мальчуганов имелись ружье и сабля, но для младших ружье было слишком тяжело, а сабля длинна. Все они были смуглые и походили друг на друга, равно как и обучавший их капрал. Повидимому — так впоследствии и оказалось, — это были двенадцать братьев, которых обучал военному делу тринадцатый.

Паганель не был удивлен. Будучи посвящен в

[1] Фонда — постоялый двор.

местную статистику, он знал, что здесь среднее количество детей в семье больше девяти, но чрезвычайно изумило его то обстоятельство, что юные воины обучались ружейным приемам, принятым во французской армии, и что капрал отдавал порой команду на родном языке географа.

— Вот это оригинально! — промолвил он.

Но Гленарван явился в форт Независимый не для того чтобы смотреть, как какие-то мальчуганы упражняются в военном искусстве; еще менее интересовали его их национальность и происхождение. Поэтому он не дал Паганелю долго удивляться, а попросил его вызвать коменданта. Паганель передал эту просьбу капралу, и один из аргентинских солдат направился к домику, служившему казармой.

Спустя несколько минут появился и сам комендант. Это был человек лет пятидесяти, крепкий, с военной выправкой. У него были жесткие усы, выдающиеся скулы, волосы с проседью, повелительный взгляд. Таков был комендант, поскольку можно было судить о нем сквозь густые клубы дыма, вырывавшиеся из его короткой трубки. Походка его и своеобразная манера держаться напомнили Паганелю старых унтер-офицеров его родины.

Талькав, подойдя к коменданту, представил ему Гленарвана и его спутников. Пока Талькав говорил, комендант рассматривал Паганеля с настойчивостью, способной смутить любого посетителя. Ученый, не понимая, в чем дело, собирался уже попросить у него объяснений, но тот, бесцеремонно взяв географа за руку, радостным голосом спросил на его родном языке:

— Француз?

— Да, француз, — ответил Паганель.

— Ах, хорошо! Добро пожаловать! Милости просим! Сам француз! — выпалил комендант, с угрожающей энергией тряся руку ученого.

— Это один из ваших друзей? — спросил географа майор.

— Ясно! — ответил тот не без гордости. — Таких друзей находишь во всех пяти частях света.

Не без труда освободив свою руку из живых тисков, чуть не раздавивших ее, он вступил в разговор с богаты-

рем-комендантом. Гленарван охотно бы вставил слово по поводу интересующего его дела, но вояка начал рассказывать свою историю и отнюдь не был склонен останавливаться на полпути. Видно было, что этот бравый малый так давно покинул Францию, что стал уже забывать свой родной язык — если не самые слова, то построение фраз. Он говорил примерно так, как говорят негры во французских колониях.

Комендант форта Независимый действительно оказался сержантом французской армии, бывшим товарищем Паршаппа. С самого основания форта, с 1828 года, он не покидал его, а в настоящее время состоял комендантом форта, причем занимал этот пост с согласия аргентинского правительства. Это был баск пятидесяти лет, по имени Мануэль Ифарагер, — как видим, почти испанец. Спустя год после прибытия в Тандиль сержант Мануэль натурализовался, поступил на службу в аргентинскую армию и женился на достойнейшей индианке. Скоро жена подарила ему двух близнецов — разумеется, мальчиков, ибо достойная спутница жизни сержанта никогда не позволила бы себе подарить ему дочерей. Для Мануэля не существовало на свете другой деятельности, кроме военной, и он надеялся со временем преподнести республике целую роту юных солдат.

— Вы видели? — воскликнул он. — Молодцы! Хорошие солдаты! Хозе! Хуан! Микель! Пепе!.. Пепе семь лет, а он уже откусывает патрон!

Пепе, услыхав, что его хвалят, сдвинул свои крошечные ножки и очень ловко отдал честь ружьем.

— Пойдет далеко, — прибавил комендант. — Когда-нибудь будет полковником или старшим бригадиром!

Рассказ Мануэля Ифарагера, к великому удивлению Талькава, длился добрых четверть часа. Индейцу было непонятно, как может столько слов выходить из одного горла. Никто не прерывал коменданта. Но так как даже и французский сержант должен когда-нибудь замолчать, замолчал наконец и Мануэль, заставив предварительно гостей зайти к нему в дом. Те безропотно покорились необходимости быть представленными госпоже Ифарагер, а познакомившись с ней, нашли ее «милой особой».

Когда все желания сержанта были выполнены,

он спросил гостей, что доставило ему честь видеть их у себя.

Наступил самый благоприятный момент для расспросов. Эту задачу взял на себя Паганель. Начал он с того, что рассказал коменданту на французском языке обо всем их путешествии по пампасам, а кончил тем, что спросил, по какой причине индейцы покинули этот край.

— Э, никого! — воскликнул сержант, пожимая плечами. — Верно!.. Никого... Мы все сложа руки... делать нечего...

— Но почему?

— Война.

— Война?

— Да, гражданская война...

— Гражданская война? — переспросил Паганель.

— Да, война между Парагваем и Буэнос-Айресом, — ответил сержант.

— Ну и что же?

— Ну, индейцы все на севере... по пятам генерала Флорес...

— Где же кацики?

— Кацики с ними.

— Как, и Катриель?

— Нет Катриеля.

— А Кальфукура?

— Нет Кальфукура.

— А Янчетруца?

— Нет Янчетруца.

Этот разговор был передан Талькаву, и тот утвердительно кивнул головой. Патагонец, видимо, не знал или забыл о гражданской войне, которая в это время уничтожала население аргентинских провинций Парагвай и Буэнос-Айрес и должна была в будущем повлечь вмешательство Бразилии. Таким образом, сержант не ошибался, объясняя обезлюдение пампасов междоусобной войной, свирепствовавшей в северных провинциях Аргентины.

Но это событие расстраивало все планы Гленарвана. В самом деле, если только Гарри Грант в плену у кациков, то они, значит, увели его к северным границам республики. А если так, то где и как его разыскивать? Следовало ли предпринять новые опасные и почти беспо-

лезные поиски на севере пампасов? Прежде чем принять такое серьезное решение, надо было тщательно его обсудить.

Оставался, однако, еще один важный вопрос, который можно было задать сержанту, и сделать это пришло в голову майору. В то время как его друзья молча переглядывались между собой, Мак-Наббс спросил сержанта, не слышал ли он о том, что у кациков пампасов находятся в плену европейцы.

Мануэль подумал несколько минут с видом человека, что-то припоминающего, а затем сказал:

— Да, слышал.

— А! — вырвалось у Гленарвана; у него блеснула новая надежда.

Он, Паганель, Мак-Наббс и Роберт окружили сержанта.

— Говорите, говорите же! — впиваясь в него глазами, повторяли они.

— Несколько лет назад... — начал сержант, — да, верно... европейские пленники... но никогда не видел...

— Несколько лет! — прервал его Гленарван. — Вы ошибаетесь. «Британия» погибла в июне 1862 года. Значит, это было меньше чем два года назад.

— О! Больше этого, сэр!

— Не может быть! — крикнул Паганель.

— Нет, так. Это было, когда родился Пепе... Дело шло о двух пленных.

— Нет, о трех, — вмешался Гленарван.

— О двух, — настаивал сержант.

— О двух? — переспросил очень удивленный Гленарван. — О двух англичанах?

— Совсем нет, — ответил сержант. — Какие там англичане! Нет... один — француз, другой — итальянец.

— Итальянец, который был убит индейцами племени поюхов? — воскликнул Паганель.

— Да... потом узнал... француз спасся.

— Спасся! — воскликнул Роберт, жизнь которого, казалось, зависела от того, что скажет сержант.

— Да, спасся — убежал из плена, — подтвердил сержант.

Все оглянулись на Паганеля: он в отчаянии ударял себя по лбу.

— Теперь понимаю, — промолвил он наконец. — Все объясняется, все ясно!

— Но в чем же дело? — нетерпеливо спросил встревоженный Гленарван.

— Друзья мои, — сказал Паганель, беря в свои руки руки Роберта, — нам придется примириться с крупной неудачей: мы шли по ложному пути. Тут речь идет вовсе не о капитане Гранте, а об одном моем соотечественнике, товарищ которого, Марко Вазелло, был действительно убит индейцами племени поюхов. Француза же индейцы несколько раз уводили с собой к берегам реки Колорадо. Потом ему удалось бежать, и он снова увидел Францию. Думая, что мы идем по следам Гарри Гранта, мы шли по следам молодого Гинара.

Слова Паганеля были встречены глубоким молчанием. Ошибка была очевидна. Подробности, сообщенные сержантом, национальность пленника, убийство его товарища, его бегство из плена — все подтверждало ее.

Гленарван с удрученным видом смотрел на Талькава.

— Вы никогда не слыхали о трех пленных англичанах? — спросил Талькав сержанта.

— Никогда, — ответил Мануэль. — В Тандиле было бы известно... я знал бы... Нет, этого не было.

После такого категорического заявления Гленарвану больше нечего было делать в форте Независимый. Он и его друзья, поблагодарив сержанта и, пожав ему руку, удалились.

Гленарван был в отчаянии, видя, что все его надежды рушились. Роберт молча шел подле него с влажными от слез глазами. Гленарван не мог найти для мальчика ни одного слова утешения. Паганель, жестикулируя, разговаривал сам с собой. Майор не открывал рта. Что касается Талькава, то, видимо, его индейское самолюбие было задето тем, что он повел иностранцев по неверному следу.

Однако никому из них не пришло в голову поставить ему в вину столь извинительную ошибку.

Ужин прошел грустно. Конечно, ни один из этих мужественных и самоотверженных людей не жалел о том, что напрасно потратил столько сил и напрасно подвергал

себя стольким опасностям, но каждого из них угнетала мысль, что в одно мгновение рухнула всякая надежда на успех. В самом деле, можно ли было надеяться напасть на след капитана Гранта между горами Тандиль и океаном? Разумеется, нет. Если бы какой-нибудь европеец попал в руки индейцев у берегов Атлантического океана, то, конечно, это было бы известно сержанту Мануэлю. Такое происшествие не могло ускользнуть от внимания туземцев, которые вели постоянную торговлю и с Тандилем и с Карменом, расположенным у устья Рио-Негро. А торговцы Аргентинской равнины всё знают и обо всем рассказывают, что там делается. Итак, нашим путешественникам оставалось лишь одно: без промедления добираться до «Дункана», ожидавшего их, как было условлено, у мыса Медано.

Все же Паганель попросил у Гленарвана документ, на основании которого были предприняты их неудачные поиски. Географ перечитывал его с нескрываемым раздражением. Он словно стремился вырвать у него новое толкование.

— Но ведь документ так ясен! — повторял Гленарван. — В нем самым определенным образом говорится и о кораблекрушении «Британии» и о том, где находится в плену капитан Грант.

— А я заверяю, что нет! — ответил, ударив кулаком по столу, Паганель. — Нет и нет! Раз Гарри Гранта нет в пампасах — значит, его вообще нет в Америке. А где он, об этом нам должен сказать этот документ. И он скажет это, друзья мои, или я не Жак Паганель!

Глава XXII

НАВОДНЕНИЕ

Форт Независимый находится в ста пятидесяти милях от берегов Атлантического океана. Гленарван считал, что если не случится в пути каких-либо неожиданных задержек — а этого вряд ли можно было ожидать, — то они должны быть на «Дункане» через четыре дня. Но вернуться на корабль без капитана Гранта, потерпев пол-

ную неудачу в своих розысках, — с этим он никак не мог примириться. Поэтому на следующий день он медлил с подготовкой к отъезду. Майор сам приказал запасти провизию, оседлать лошадей и расспросить, где можно будет остановиться в пути. Благодаря проявленной им энергии маленький отряд уже спускался в восемь часов утра по поросшим травой склонам Сьерра-Тандиль.

Гленарван молча скакал рядом с Робертом. Его смелый, решительный характер не позволял ему отнестись спокойно к постигшей его неудаче. Сердце его бешено билось, голова пылала. Паганель, раздосадованный неудачей, перебирал в голове слова документа, пытаясь найти в них какой-нибудь новый смысл. Талькав ехал молча, опустив поводья на шею Тауке. Никогда не терявший надежды майор держался бодро, как человек, не знающий, что такое упадок духа. Том Остин и оба матроса разделяли огорчение своего начальника. Пугливый кролик перебежал дорогу. Суеверные шотландцы переглянулись.

— Плохое предзнаменование, — промолвил Вильсон.

— Да, в Шотландии, — отозвался Мюльреди.

— То, что плохо в Шотландии, не лучше и здесь, — поучительно заметил Вильсон.

Около полудня наши путешественники перевалили через горную цепь Тандиль и очутились на обширных равнинах, волнообразно спускающихся к океану. На каждом шагу встречались реки. Орошая своей прозрачной водой этот плодородный край, они терялись среди тучных пастбищ. Земля, как океан после бури, делалась все более гладкой. Последние отроги гор остались позади, и теперь лошади ступали по ровной, однообразной прерии, словно по большому зеленому ковру.

До сих пор погода стояла прекрасная, но в этот день небо омрачилось. Огромное количество паров, образовавшихся вследствие высокой температуры последних дней, скопилось в виде густых туч, грозивших проливным дождем. К тому же близость Атлантического океана и постоянный западный ветер делали климат этой местности особенно влажным. Об этом можно было судить по ее плодородию, по тучности пастбищ, по темнозеленой окраске трав. В тот день, однако, тяжелые тучи не разразились ливнем, и к вечеру лошади, сделав конец в сорок

миль, добрались до берегов глубоких, огромных естественных углублений, наполненных водой. Здесь сделали привал. Укрыться было негде. Пончо послужили нашим путешественникам и палатками и одеялами. Все заснули под открытым небом, угрожавшим ливнем. К счастью, угрозой все и ограничилось. На другой день, по мере того как равнина понижалась к океану, сделалось еще заметнее присутствие подпочвенных вод — влага просачивалась как бы через все поры земли. Вскоре дорогу на восток стали пересекать большие пруды: одни из них были уже полноводные, другие только начинали наполняться. Пока по пути попадались эти ясно очерченные, свободные от водяных растений лагуны, лошади легко пробирались мимо них, но когда появились так называемые пентаны — трясины, заросшие высокими травами, — подвигаться стало гораздо труднее. Заметить их и своевременно избежать опасности было невозможно.

Эти пентаны, очевидно, были роковыми для многих живых существ. Действительно, Роберт, обогнавший отряд чуть не на полмили, прискакал назад, крича:

— Господин Паганель! Господин Паганель! Там целый лес рогов!

— Что? — удивился Паганель. — Ты нашел лес рогов?

— Да, да! Если не лес, то, по крайней мере, лесную поросль!

— Лесную поросль? Ты бредишь, мальчик! — промолвил Паганель, пожимая плечами.

— Нет, это не бред, — уверял Роберт, — вы сами увидите. Вот так диковинный край! Здесь сеют рога, и они растут, как хлеба. Хотелось бы мне иметь такие семена!

— Да ведь он говорит серьезно, — сказал майор.

— Да, господин майор, вы сейчас убедитесь в этом.

Роберт не ошибался: вскоре отряд подъехал к огромному полю, утыканному рогами. Рога эти торчали правильными рядами, и им не было видно конца. Действительно, это место производило впечатление какой-то низкорослой, густой, но странной лесной поросли.

— Ну что? — спросил Роберт.

— Вот это оригинально! — промолвил Паганель и тотчас обратился за разъяснениями к Талькаву.

— Рога торчат из земли, но под нею быки, — заявил Талькав.

— Как, — воскликнул Паганель, — здесь, в этой трясине, увязло целое стадо?

— Да, — подтвердил патагонец.

И в самом деле: здесь нашло свою смерть огромное стадо — почва не выдержала его тяжести. Сотни голов быков недавно погибли здесь, задохнувшись в громадной трясине. Такого рода катастрофы порой случаются в аргентинских равнинах, и этого не мог не знать Талькав. Конечно, подобное предостережение надо было принять во внимание.

Наш отряд объехал эту колоссальную гекатомбу[1], способную удовлетворить самых требовательных богов древнего мира, и час спустя это поле рогов осталось в двух милях позади.

Талькава, видимо, стало тревожить какое-то необычное явление. Он часто останавливал лошадь и поднимался на стременах. Большой рост давал ему возможность окинуть взором обширное пространство, но, должно быть, не замечая ничего, что могло бы объяснить ему происходящее, он снова пускал свою лошадь вперед. Проехав с милю, он останавливался, а затем, отделившись от своих спутников, отъезжал на несколько миль то к северу, то к югу, после чего опять становился во главе отряда, ни одним словом не выдавая ни своих надежд, ни своих опасений. Такое поведение Талькава заинтересовало Паганеля и обеспокоило Гленарвана. Он попросил ученого узнать у индейца, в чем дело.

Паганель тотчас же обратился к Талькаву за разъяснениями. Индеец ответил, что он не может понять, почему почва так пропитана влагой. Никогда еще, с тех пор как он служит проводником, не случалось ему видеть, чтобы почва была до того размыта. Даже в период сильных дождей по Аргентинской равнине всегда можно было пробраться.

— Но чему же приписать эту все возрастающую влажность? — интересовался Паганель.

---

[1] Гекатомба — в древней Греции жертвоприношение богам из ста быков. В переносном смысле — одновременная массовая гибель живых существ.

— Не знаю, — ответил индеец, — да если бы и знал...

— А разве горные речки во время сильных ливней не выходят из берегов?

— Случается.

— Так, может быть, это происходит и теперь?

— Может быть.

Паганель принужден был довольствоваться этим полуответом. Он сообщил Гленарвану результаты своего разговора.

— А что советует Талькав? — спросил Гленарван.

— Что надо делать? — спросил Паганель патагонца.

— Ехать быстрее, — ответил индеец.

Совет этот легче было дать, чем выполнить. Лошади быстро утомлялись, ступая по земле, уходившей из-под их ног. Местность все понижалась, и эта часть равнины представляла собой огромную лощину, куда быстро могли нахлынуть соседние воды. Поэтому следовало, по возможности, скорее выбраться из этих низких мест, которые при наводнении не замедлили бы превратиться в озера.

Поехали быстрее. Но будто мало было той воды, по которой шлепали лошади: около двух часов пополудни разверзлись хляби небесные, и хлынул потоками тропический ливень. Укрыться от этого потока не было возможности. Оставалось одно: стать философами и стоически переносить его. На пончо всадников стекала вода со шляп, словно с переполненных желобов крыш. С бахромы седел струились ручьи. Всадники, осыпаемые брызгами, летевшими из-под копыт лошадей, ехали как бы под двойным ливнем — с небес и с земли.

Промокшие, окоченевшие от холода, измученные усталостью, наши путники к вечеру добрались до какого-то жалкого ранчо. Только очень неприхотливые люди могли видеть в этом ранчо убежище, и только путешественники, находящиеся в отчаянном положении, способны были укрыться в нем. Но у Гленарвана и его спутников не было выбора, и они забились в эту заброшенную лачугу, которой пренебрег бы последний бедняк-индеец. Не без труда развели они там из сухой травы жалкий костер, дававший больше дыма, чем тепла. За стенами ранчо дождь продолжал лить как из ведра, и крупные капли его просачивались сквозь прогнившую соломенную кры-

шу. Двадцать раз костер грозило залить, и двадцать раз его отстояли, борясь со вторгающейся водой.

Очень посредственный и мало питательный ужин прошел весьма невесело. Ни у кого не было аппетита. Только один майор оказал честь промокшей провизии: невозмутимый Мак-Наббс был выше всяких злоключений. Паганель, как истый француз, попытался было пошутить, но ему никого не удалось рассмешить.

— Видно, шутки мои подмочены, — заметил он: — они дают осечки.

Лучшее, что можно было сделать в подобном положении, это заснуть. Поэтому каждый попытался на время забыть во сне свою усталость. Ночь была бурная, ранчо трещало, качалось и грозило рухнуть при каждом сильном порыве ветра. Несчастные лошади, ничем не защищенные от непогоды, жалобно ржали во дворе, но и хозяевам их было не многим лучше в их скверной лачуге. Мало-помалу сон все же стал одолевать наших путников. Первым заснул Роберт, положив голову на плечо Гленарвану, а за ним погрузились в сон и все остальные временные обитатели ранчо.

Ночь прошла без происшествий. Разбудила путников Таука. Бодрая, как всегда, она ржала и с силой била копытом о стену ранчо. Когда Талькав не подавал сигнала к отъезду, это умела сделать его лошадь. Так как путешественники были уже многим обязаны Тауке, то не повиноваться ей было нельзя, и отряд двинулся в путь.

Ливень прекратился, шел только небольшой дождь, но глинистая почва уже не впитывала скопившихся вод. Все эти лужи, болота, пруды выступали из берегов и сливались в огромные банадо предательской глубины. Паганель, взглянув на карту, подумал не без основания, что Рио-Гранде и Рио-Виварота — реки, в которые обычно стекают все воды этой равнины, теперь, вероятно, образовали одно русло шириной в несколько миль.

Необходимо было двигаться вперед с наибольшей быстротой. Вопрос шел об их общем спасении. Если наводнение усилится, где тогда найти убежище? До самого горизонта не видно было ни одного высокого пункта, а на такую низменную равнину воды должны были нахлынуть очень быстро.

Лошадей пустили во весь опор. Таука неслась впереди. В эти минуты она больше какого-нибудь земноводного с его могучими плавниками заслуживала название морского коня, ибо скакала в воде, словно это была ее родная стихия.

Вдруг, около десяти часов утра, Таука стала проявлять признаки сильнейшего волнения. Она то и дело поворачивала морду к южным необозримым просторам равнины. Она протяжно ржала, с силой втягивала свежий воздух, порывисто вскидывалась на дыбы. Скачки лошади не могли вышибить Талькава из седла, но все же он не без труда справлялся с нею. Он натянул удила — выступавшая изо рта коня пена окрасилась кровью, но горячее животное все не унималось. Хозяин Тауки сознавал, что стоит дать ей волю, и она во весь опор умчится к северу.

— Что это творится с Таукой? — спросил Паганель. — Уж не впились ли в нее здешние прожорливые пиявки?

— Нет, — ответил индеец.

— Значит, она чего-то испугалась.

— Да, она почуяла опасность.

— Какую же?

— Не знаю.

Хотя опасность, почуянная Таукой, была еще недоступна глазам, но слух уже улавливал ее. Глухой рокот, похожий на рокот прилива, доносился издалека, из-за линии горизонта. Порывистый ветер был влажен и нес с собой водяную пыль. Птицы, видимо улетая от какого-то явления природы, неизвестного нашим путешественникам, неслись во весь дух. Лошади, ступая по колено в воде, уже ощущали напор течения. Вскоре со стороны юга, в какой-нибудь полумиле от нашего отряда, послышалось ужасающее мычанье, ржанье, блеянье, и вдали показались огромные стада перепуганных животных. Опрокидывая друг друга, вновь поднимаясь, бешено порываясь вперед, они мчались со страшной быстротой. С трудом можно было разглядеть этих обезумевших животных из-за поднимаемых ими столбов водяных брызг. Кажется, и сто самых больших китов не могли бы с большей силой взволновать океан.

— Anda, anda! [1] —крикнул громовым голосом Талькав.

— Что это такое? — спросил Паганель.

— Разлив! Разлив! — ответил Талькав и, дав шпоры лошади, помчался к северу.

— Наводнение! — воскликнул Паганель.

И все понеслись вслед за Таукой.

Нельзя было медлить: милях в пяти на юге уже виднелся надвигавшийся оттуда огромный, широчайший водяной вал, превращавший равнину в настоящий океан. Высокие травы исчезали, словно скошенные. Вырванные водой мимозовые растения неслись по течению, образуя как бы островки. Вода прибывала с непреодолимой силой. Очевидно, перемычки между крупнейшими реками пампасов были разрушены, и, быть может, воды Колорадо на севере и Рио-Негро на юге слились в один поток.

Водяной вал, на который указал Талькав, надвигался со скоростью скаковой лошади. Наши всадники уносились от него, словно тучи, гонимые вихрем. Их глаза напрасно искали места, где можно было бы найти убежище: до самого горизонта простиралась вода. Охваченные паническим страхом, лошади мчались неистовым галопом. Всадники едва держались в седлах. Гленарван часто оглядывался назад.

«Вода настигает нас», — думал он.

— Anda, anda! — кричал Талькав.

И всадники пытались еще увеличить скорость бега своих лошадей. С боков несчастных животных, истерзанных шпорами, сочилась кровь — она тянулась по воде длинными красными нитями. Лошади спотыкались о неровности почвы. Они запутывались в скрытых под водой травах. Они падали. Их заставляли подниматься. Они снова падали, и снова их заставляли подниматься. А между тем уровень воды все повышался и повышался. По ней уже шли волны, говорившие о том, что грозный вал вскоре настигнет путешественников, — его гребень пенился уже меньше чем в двух милях позади них.

С четверть часа продолжалась эта отчаянная борьба с грознейшей из всех стихий. Беглецы не были в состоянии дать себе отчет в том, какое расстояние они покрыли,

[1] Скорей, скорей!

но, судя по быстроте бега лошадей, вероятно, оно было немалое. Между тем лошади, будучи уже по грудь в воде, могли двигаться вперед лишь с величайшим трудом. Гленарван, Паганель, Остин — все считали себя погибшими, обреченными на страшную смерть. Лошади начинали терять почву под ногами, а глубина в шесть футов означала для всадников смерть.

Не поддается описанию смертельная тоска этих восьми людей, по пятам которых надвигался чудовищный водяной вал. Они чувствовали, что борьба со стихийным бедствием превышает человеческие силы. Спасение их зависело уже не от них.

Прошло пять минут, и лошади поплыли. Течение несло их с невероятной скоростью, превышавшей скорость самого быстрого их бега, то-есть быстрее чем двадцать миль в час.

Казалось, уже исчезла всякая надежда на спасение, как вдруг раздался голос майора:

— Дерево!

— Дерево? — воскликнул Гленарван.

— Там, там! — отозвался Талькав и указал пальцем на гигантское ореховое дерево, одиноко поднимавшееся из воды саженях в восьмистах от них.

Подгонять своих спутников Талькаву не пришлось. Все понимали, что надо во что бы то ни стало добраться до этого дерева, так неожиданно попавшегося на их пути. Лошади, видимо, не в силах были доплыть до него, но люди, по крайней мере, могли спастись: течение несло их к дереву. В этот миг лошадь Остина глухо заржала и исчезла под водой. Сам он высвободил ноги из стремян и поплыл, мощно работая руками.

— Хватайся за мое седло! — крикнул ему Гленарван.

— Спасибо, сэр, — ответил Том Остин. — Руки у меня крепкие!

— А как твоя лошадь, Роберт? — спросил Гленарван, поворачиваясь к юному Гранту.

— Она плывет, сэр, плывет, как рыба.

— Внимание! — сказал громко майор.

Не успел он произнести это слово, как огромный вал настиг беглецов; чудовищный, в сорок фу́тов вышиной, он обрушился на них с ужасающим шумом. Люди и

Огромный вал настиг беглецов.

животные — все исчезли в водовороте пены. Колоссальная масса воды, в несколько миллионов тонн весом, понесла их в своем бешеном разливе.

Когда вал прокатился дальше, путешественники вынырнули на поверхность воды и поспешно пересчитали друг друга. Все были налицо, но лошади, кроме Тауки, исчезли.

— Смелее! Смелее! — подбадривал Паганеля Гленарван, поддерживая его одной рукой и работая в воде другой.

— Ничего... ничего!.. — отозвался почтенный ученый. — Я даже не жалею...

Но о чем не жалел он, так навсегда и осталось неизвестным, ибо конец фразы бедняге пришлось проглотить вместе с большим количеством мутной воды. Майор спокойно плыл вперед стилем, который одобрил бы любой учитель плаванья. Матросы скользили, как два дельфина, попавшие в родную стихию. Что касается Роберта, то он уцепился за гриву Тауки, и она тащила его. Лошадь, мощно рассекая грудью воду, инстинктивно плыла к дереву, куда, впрочем, несло ее и течение.

До дерева оставалось только саженей двадцать; еще несколько минут — и весь отряд доплыл до него. Это было счастьем: не будь дерева, пропала бы всякая надежда на спасение — пришлось бы погибнуть в волнах.

Вода доходила до нижних основных ветвей дерева, и потому взобраться на него было нетрудно. Талькав бросил лошадь и, подсадив Роберта, первый влез на дерево, и вскоре его могучие руки помогли всем остальным измученным пловцам взобраться туда же.

Между тем Тауку быстро относило течением. Она поворачивала к хозяину свою умную голову и, встряхивая длинной гривой, ржала, как бы зовя его на помощь.

— Ты бросаешь ее на произвол судьбы? — спросил Паганель Талькава.

— Я?.. — крикнул индеец.

И, кинувшись в бурные воды, он вынырнул саженях в десяти от дерева. Через несколько минут рука его уже держалась за шею Тауки, и оба — лошадь и всадник — плыли по течению к северу, в туманную даль.

Глава XXIII

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ВЕДУТ ПТИЧИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Дерево, где Гленарван и его спутники нашли себе убежище, походило на ореховое; листья его были блестящие и крона закругленная. На самом же деле это было омбу, растущее в одиночку среди аргентинских равнин. Его огромный, искривленный ствол прикреплен к земле не только толстыми корнями, но и могучими отростками, что делает его особенно устойчивым. Поэтому-то оно и смогло выдержать такой штурм водяной стихии.

Это омбу имело футов сто вышины и могло покрыть своей тенью окружность саженей в шестьдесят. Основой этой громады являлись ствол в шесть футов толщиной и идущие от него три массивные ветви. Две из них поднимались почти вертикально. Они-то и поддерживали огромную крону, разветвления которой, скрещенные, перепутанные, словно сплетенные корзинщиком, образовали непроницаемое прикрытие. Третья ветвь, напротив, тянулась почти горизонтально над ревущими водами; ее нижние листья в них даже купались. Эта ветвь представляла собой как бы мыс зеленого острова, окруженного океаном. На таком гигантском дереве недостатка места, конечно, не чувствовалось, и под его роскошной листвой было вдоволь и воздуха и прохлады. Глядя на колоссальную крону омбу, поднимавшую чуть не до самых облаков свои бесчисленные, перевитые лианами разветвления, и на солнечные лучи, скользившие сквозь просветы листвы, можно было, право, думать, что на этом дереве вырос целый лес.

При появлении на омбу наших беглецов целый пернатый мирок птиц взлетел на верхние ветки, протестуя своими криками против столь вопиющего захвата их обиталища. Видимо, во время наводнения птицы также нашли себе приют на этом одиноком дереве. Их было здесь великое множество: целые сотни черных дроздов, скворцов, изаков, хильгуэрос, но больше всего, пожалуй, колибри — пика-флор — с лучезарным оперением. Когда эти птички вспорхнули, можно было подумать, что это порыв ветра сорвал с дерева все его цветы.

Таково было убежище, случайно подвернувшееся маленькому отряду Гленарвана. Юный Грант и ловкий Вильсон, едва взобравшись на дерево, тотчас же залезли на самую его верхушку. Они высунули из зеленого купола свои головы и с высоты окинули взглядом необъятный горизонт. Океан, созданный наводнением, окружал их со всех сторон: не видно было ни конца его, ни края. Над этой водной равниной не поднималось ни единого дерева — только их омбу содрогалось под напором бушевавших вокруг него волн. Вдали, увлекаемые с юга на север стремительным течением, проносились вырванные с корнями стволы деревьев, сломанные, скрученные ветви, солома с кровель разрушенных ранчо, балки, сорванные водой с крыш эстанций, трупы утонувших животных, окровавленные шкуры и плывшая на качающемся дереве целая семья ягуаров — они, рыча, вцепились когтями в свое утлое судно. Еще дальше Вильсону удалось разглядеть едва заметную черную точку. То были Талькав и его верная Таука — они исчезали вдали.

— Талькав! Друг Талькав! — крикнул Роберт, протягивая руку в сторону, где только что был виден мужественный патагонец.

— Он спасется, мастер [1] Роберт, — сказал Вильсон. — А теперь давайте спускаться вниз.

Через минуту Роберт Грант и матрос, спустившись с «трехэтажных» ветвей, были уже на верхушке ствола — там, где начинались нижние ветви. Здесь сидели Гленарван, Паганель, майор, Остин и Мюльреди, каждый сообразно своим вкусам: кто верхом, кто уцепившись за ветки. Вильсон рассказал про то, что он видел с вершины омбу. Все согласились с ним в том, что Талькав не погибнет. Разногласия вызвал лишь вопрос, кто кого спасет: Талькав ли Тауку или Таука Талькава.

Положение гостей омбу было бесспорно гораздо более угрожающим, чем положение патагонца. Правда, дерево, повидимому, должно было выдержать напор течения, но все прибывающая вода могла подняться до верхних его ветвей, ибо эта часть равнины, представляя собой

[1] При обращении к мальчику слово «мистер» заменяется словом «мастер».

глубокую ложбину, являлась в этот час природным водоемом. Поэтому Гленарван прежде всего распорядился сделать зарубки на стволе омбу, чтобы иметь возможность следить за уровнем воды. Она не поднималась — значит, наводнение уже достигло своей наибольшей высоты. Это несколько успокоило наших путешественников.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Гленарван.

— Вить гнездо, чорт возьми! — весело отозвался Паганель.

— Вить гнездо! — воскликнул Роберт.

— Без сомнения, мой мальчик, и жить жизнью птиц, раз мы не можем жить жизнью рыб.

— Хорошо, — согласился Гленарван, — но кто же будет кормить нас?

— Я, — заявил майор.

Глаза всех присутствующих устремились на Мак-Наббса.

Майор с комфортом сидел в кресле из двух гибких ветвей и протягивал спутникам свои, правда, промокшие, но все же туго набитые переметные сумки.

— Узнаю вас, Мак-Наббс! — воскликнул Гленарван. — Вы всегда помните обо всем, даже при таких обстоятельствах, когда позволительно все забыть!

— Раз мы решили не тонуть, то, верно, не собираемся умереть с голоду, — отозвался майор.

— Я бы тоже, конечно, подумал о пище, не будь я так рассеян, — наивно сказал Паганель.

— А что в этих сумках? — поинтересовался Том Остин.

— Пища для семи человек на два дня, — ответил Мак-Наббс.

— Отлично! — промолвил Гленарван. — Надо надеяться, что за сутки вода заметно спадет.

— Или что мы найдем за это время способ добраться до твердой земли, — прибавил Паганель.

— Итак, наш первый долг — позавтракать, — заявил Гленарван.

— Предварительно высушив свою одежду, — заметил майор.

— А откуда добыть огня? — спросил Вильсон.

— Развести его, — ответил Паганель.

— Где?

— Да здесь же, на верхушке ствола, чорт возьми!

— Из чего?

— Из сухих веток, которые мы наломаем на этом же дереве.

— Но как их разжечь? — спросил Гленарван. — Наш трут напоминает мокрую губку.

— Обойдемся и без него, — ответил Паганель. — Немного сухого мху, увеличительное стекло моей подзорной трубы, луч солнца — и вы увидите, у какого чудесного огня я стану греться. Ну, кто пойдет в лес за дровами?

— Я! — крикнул Роберт.

И, сопровождаемый своим другом Вильсоном, мальчик, словно котенок, исчез в чаще ветвей.

Во время их отсутствия Паганель набрал сухого мху, уложил его на слой сырых листьев на верхушке ствола, в том месте, где расходились три толстые нижние ветви, затем вывинтил из подзорной трубы увеличительное стекло и, поймав с помощью его солнечный луч — а сделать это было легко, ибо дневное светило ярко сияло, — без труда зажег сухой мох. Такой костер не представлял никакой опасности. Вскоре Вильсон и Роберт вернулись с охапками сухих сучьев, которые тотчас же были брошены на горящий мох. Чтобы поскорее разжечь сучья, Паганель прибег к арабскому способу; он стал, расставив свои длинные ноги, над костром и, быстро нагибаясь и выпрямляясь, принялся раздувать огонь своим пончо. Сучья загорелись, и вскоре яркое пламя с треском взвилось над импровизированным очагом. Каждый начал обсушиваться по-своему; повешенные на ветвях пончо развевались на ветру. Обсушившись, стали закусывать, соблюдая при этом должную умеренность — ведь приходилось думать и о завтрашнем дне: провизии было очень мало, а нахлынувшие в огромную ложбину воды могли спадать медленнее, чем надеялся Гленарван. На омбу не произрастало никаких плодов, но, к счастью, благодаря множеству гнезд на его ветвях дерево могло снабдить своих гостей замечательным ассортиментом яиц; кроме того, имелось немало и пернатых жильцов. Ни яйцами, ни дичью, пренебрегать, конечно, не приходилось.

— *Надо надеяться, что за сутки вода заметно спадет,* — *сказал Гленарван.*

Сверх того, ввиду возможности продолжительного пребывания на дереве надо было разместиться поудобнее.

— Раз кухня и столовая у нас в нижнем этаже, то спать мы отправимся этажом повыше, — заявил Паганель. — Места в доме много, квартирная плата невысокая, стесняться нечего. Вон там, наверху, я вижу люльки, будто уготованные нам самой природой; если мы основательно привяжем себя к ним, мы сможем спать, как на лучших кроватях в мире. Опасаться нам нечего. К тому же можно установить и дежурство. Отряду в семь человек не страшна стая диких зверей.

— У нас не хватает лишь оружия, — заметил Том Остин.

— Мои револьверы при мне, — заявил Гленарван.

— И мои тоже, — отозвался Роберт.

— А зачем они нам, если господин Паганель не найдет способа изготовить порох? — спросил Том Остин.

— Это не нужно, — откликнулся Мак-Наббс, показывая совершенно неподмоченную пороховницу.

— Откуда вы взяли ее, майор? — спросил заинтересованный Паганель.

— Это пороховница Талькава. Он подумал о том, что она может нам пригодиться, и, прежде чем броситься спасать Тауку, передал ее мне.

— Какой великодушный и отважный индеец! — воскликнул Гленарван.

— Да, если только все патагонцы похожи на него, то я поздравляю Патагонию, — молвил Том Остин.

— Прошу вас не забывать и о Тауке, — прибавил Паганель: — ведь она — неотъемлемая часть патагонца. Я уверен, что мы снова увидим Талькава верхом на его Тауке.

— Как далеко находимся мы от Атлантического океана? — спросил майор.

— Милях в сорока, самое большее, — ответил географ. — А теперь, друзья мои, раз каждый из нас волен делать, что ему заблагорассудится, я прошу разрешения вас покинуть. Сейчас я поднимусь наверх, выберу наблюдательный пункт и оттуда с помощью подзорной трубы буду докладывать вам о том, что творится на свете.

Ученому предоставили действовать по его усмотрению, и он, проворно взбираясь по веткам, не замедлил исчезнуть за зеленой завесой листвы. Спутники же его начали приготовляться к ночлегу. Они быстро покончили с этой несложной работой: ведь им не пришлось ни устанавливать кроватей, ни накрывать их бельем и одеялами. А потому все вскоре опять разместились вокруг костра.

Завязался разговор, но вовсе не о настоящем положении наших путешественников, которое им приходилось терпеливо переносить. Разговор вернулся к неисчерпаемой теме — к судьбе капитана Гранта. Если только воды схлынут, то через каких-нибудь три дня маленький отряд снова очутится на борту «Дункана», но с ним не будет несчастных, потерпевших кораблекрушение: Гарри Гранта и его двух матросов. Казалось даже, что после такой неудачи, как бесполезный переход через Америку, всякая надежда найти их была безвозвратно потеряна. Где следовало их теперь искать? В каком горе будут Элен и Мэри Грант, когда узнают, что будущее не сулит им никакой надежды!

— Бедная сестра! — промолвил грустно Роберт. — Для нас с ней все кончено!

Впервые Гленарван не нашел для мальчика ни одного слова утешения. О какой надежде можно было говорить? Разве экспедиция самым точным образом не придерживалась в своих поисках указаний найденного документа?

— А все же тридцать седьмая параллель не является какой-то пустой цифрой, — сказал он. — Относится ли она к месту плена Гарри Гранта или к крушению его судна, но, во всяком случае, цифра эта не вымысел, не вывод, не догадка! Мы прочли ее собственными глазами.

— Все это так, сэр, — отозвался Том Остин, — однако наши поиски ни к чему не привели.

— Вот это-то одновременно и раздражает меня и приводит в ярость! — воскликнул Гленарван.

— Раздражить это может, — заметил Мак-Наббс спокойным тоном, — а приходить в ярость не к чему. Именно потому, что у нас имеется бесспорная цифра, мы должны исчерпать до конца все ее указания.

— Что хотите вы этим сказать, — спросил Гленарван, — и что, по-вашему, можно нам еще предпринять?

— Да нечто очень простое и логичное, дорогой Эдуард: добравшись до «Дункана», нам следует взять курс на восток и, если понадобится, продвигаться вдоль этой тридцать седьмой параллели хотя бы до того самого пункта, откуда мы вышли.

— Неужели вы можете предположить, Мак-Наббс, что я не думал об этом? — ответил Гленарван. — Да, конечно, сто раз думал! Но какие шансы имеем мы на успех? Покидая Американский материк, мы ведь удаляемся от места, указанного самим Гарри Грантом: удаляемся от Патагонии, о которой так ясно говорится в документе.

— Значит, вы хотите возобновить свои поиски в пампасах и теперь, когда вы уверены в том, что «Британия» не потерпела крушения ни у берегов Тихого океана, ни у берегов Атлантического? — возразил майор.

На этот вопрос Гленарван ничего не ответил.

— И как ни мало шансов найти Гарри Гранта, следуя вдоль тридцать седьмой параллели, можем ли мы не попытаться это сделать? — добавил Мак-Наббс.

— Я с этим не спорю, — отозвался Гленарван.

— А вы, друзья мои, — обратился майор к морякам, — согласны ли вы со мной?

— Совершенно согласны, — ответил Том Остин.

А Мюльреди и Вильсон одобрили его слова кивком головы.

— Выслушайте меня, друзья мои, — продолжал после некоторого размышления Гленарван, — и ты, Роберт, вникни хорошенько в то, что я скажу, ибо вопрос этот очень важный. Я сделаю все, чтобы отыскать капитана Гранта. Я взял на себя обязательство сделать это и, если понадобится, посвящу этим розыскам всю свою жизнь. Вся Шотландия поможет мне спасти этого мужественного, преданного ей человека. Я тоже думаю, что как ни мало шансов на успех, а надо обогнуть земной шар по тридцать седьмой параллели, и я это сделаю. Но сейчас нам предстоит решить не этот вопрос, а другой, более сложный. Вот он: должны ли мы отныне окончательно отказаться от наших розысков на Американском материке?

Столь категорически поставленный вопрос остался без ответа. Никто из присутствующих не отважился высказать свое мнение.

— Что скажете? — спросил Гленарван, обращаясь к майору.

— Ответить на ваш вопрос, дорогой Эдуард, — значит взять на себя довольно большую ответственность, — сказал Мак-Наббс. — Это требует размышлений. Прежде всего я хочу знать, через какие именно страны проходит тридцать седьмая параллель южной широты.

— Это уж дело Паганеля, — сказал Гленарван.

— Так спросим его.

Географа не было видно за густой листвой, и Гленарвану пришлось окликнуть его:

— Паганель! Паганель!

— Я здесь, — ответил голос, словно с неба.

— Где вы?

— На моей башне.

— Что вы делаете?

— Рассматриваю необъятный горизонт.

— Можете вы на минутку спуститься сюда?

— Я вам нужен?

— Да.

— По какому поводу?

— Чтобы узнать, через какие страны проходит тридцать седьмая параллель.

— Ничего нет легче, — ответил Паганель, — и для этого мне вовсе не нужно спускаться вниз.

— Ну, так скажите!

— Так вот, покидая Америку, тридцать седьмая параллель южной широты пересекает Атлантический океан.

— Хорошо!

— На своем пути она встречает острова Тристан-да-Кунья.

— Прекрасно!

— Далее она проходит двумя градусами южнее мыса Доброй Надежды.

— Затем?

— Пересекает Индийский океан.

— Потом?

— Едва касается острова святого Петра в Амстердамском архипелаге.

— Дальше?

— Пересекает Австралию, проходя через провинцию Виктория.

— Продолжайте!

— Выходя из Австралии...

Эта последняя фраза осталась недоконченной. Колебался ли географ? Забыл ли он, как дальше идет тридцать седьмая параллель? Нет. С вершины омбу прозвучало громогласное восклицание, громкий крик. Гленарван и его друзья, побледнев, переглянулись. Неужели произошла новая катастрофа? Неужели Паганель упал?

Уже Вильсон и Мюльреди бросились на помощь, как вдруг показалось длинное туловище — Паганель катился с ветки на ветку. Руки его не могли ни за что ухватиться. Был ли он жив? Был ли он мертв? Неизвестно. Он уже падал в ревущие волны; рука майора удержала его.

— Благодарствуйте, Мак-Наббс! — воскликнул Паганель.

— Что с вами? — спросил майор. — Что случилось? Опять ваша всегдашняя рассеянность, не так ли?

— Да, да, — ответил Паганель, задыхаясь от волнения. — Да, рассеянность... и на этот раз просто феноменальная...

— В чем же дело?

— Мы впали в заблуждение! Мы и сейчас заблуждаемся! Мы все время заблуждаемся!

— Что вы хотите сказать?

— Гленарван, майор, Роберт и вы все, друзья мои, слушайте! Мы ищем капитана Гранта там, где его нет!

— Что вы говорите? — воскликнул Гленарван.

— И не только там, где его нет, но где никогда и не было! — добавил Паганель.

Глава XXIV

ПУТЕШЕСТВЕННИКИ ПРОДОЛЖАЮТ ВЕСТИ ПТИЧИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

Эти столь неожиданные слова вызвали глубокое удивление. Что хотел сказать географ? Уж не сошел ли он с ума? Однако он говорил так убедительно, что все взоры

обратились к Гленарвану. Утверждение Паганеля было, в сущности, прямым ответом на только что заданный Гленарваном вопрос. Но Гленарван ограничился тем, что отрицательно покачал головой. Он, видимо, отнесся скептически к словам ученого. А тот, справившись со своим волнением, снова заговорил.

— Да, да, — сказал он с убеждением, — мы искали там, где не надо было искать, и прочли в документе то, чего там нет.

— Объясните же вашу мысль, Паганель, — попросил Мак-Наббс, — только спокойнее.

— Все очень просто, майор. Как и вы все, я заблуждался. Как и вы все, я неверно толковал документ. И только минуту назад, сидя на вершине этого дерева и отвечая на ваши вопросы, в тот миг, когда я произносил слово «Австралия», меня вдруг озарило, словно молнией, и все мне стало ясно.

— Что? — воскликнул Гленарван. — Вы утверждаете, что Гарри Грант...

— Да, я утверждаю, — перебил его Паганель, — что слово austral в документе не полное слово, как мы до сих пор предполагали, а корень слова Australia.

— Оригинально! — отозвался майор.

— Не оригинально, а просто невозможно, — заявил, пожимая плечами, Гленарван.

— Невозможно! — крикнул Паганель. — Мы, во Франции, не признаем этого слова.

— Как, — продолжал Гленарван тоном, в котором звучало полнейшее недоверие, — вы решаетесь утверждать, ссылаясь на документ, что «Британия» потерпела крушение у берегов Австралии?

— Я уверен в этом, — ответил Паганель.

— Право, Паганель, подобное заверение в устах секретаря Географического общества меня очень удивляет, — проговорил Гленарван.

— Почему? — спросил задетый за живое Паганель.

— Да потому, что если вы признаете в слове austral Австралию, вы одновременно должны признать там существование индейцев, а их там никогда не бывало.

Этот аргумент нисколько не смутил Паганеля. Он улыбнулся: видимо, он ожидал его.

— Дорогой Гленарван, — сказал он, — не спешите торжествовать: сейчас я разобью вас наголову, и поверьте мне, никогда англичанину еще не случалось терпеть такого поражения. Да будет это расплатой за неудачи Франции при Креси и Азенкуре!

— Буду очень рад. Разбейте меня, Паганель!

— Ну, слушайте! В документе об индейцах упоминается не больше, чем о Патагонии. Обрывок слова indi значит не indiens — индейцы, а indigènes — туземцы. А что в Австралии имеются туземцы, вы, надеюсь, допускаете?

Надо признаться, что тут Гленарван пристально посмотрел на географа.

— Браво, Паганель! — одобрил майор.

— Что же, дорогой Гленарван, принимаете вы мое толкование?

— Да, но только в том случае, если вы мне докажете, что gonie не есть конец слова «Патагония».

— Конечно, нет! — крикнул Паганель. — Тут дело идет вовсе не о Патагонии. Подбирайте любые слова, только не это.

— Но какое же может быть здесь слово?

— Космогония, теогония, агония...

— Агония, — выбрал майор.

— Это мне безразлично, — ответил Паганель: — данное слово не имеет значения; я даже не стану доискиваться его смысла. Важно то, что austral указывает на Австралию. Не сбей вы меня тогда с толку своими ложными толкованиями, я сразу же пошел бы по правильному пути, до того здесь все очевидно! Найди я этот документ сам, я никогда бы не мог понять его иначе!

На этот раз слова Паганеля были встречены криками «ура», приветствиями, поздравлениями. Остин, матросы, майор, а особенно счастливый Роберт, окрыленный новой надеждой, — все принялись рукоплескать достойному ученому. Гленарван, мало-помалу убеждавшийся в своей ошибке, заявил, что он почти готов сдаться.

— Еще один вопрос, дорогой Паганель, — сказал он, — и мне останется только преклониться перед вашей проницательностью.

— Говорите, Гленарван!

— Как прочтете вы документ теперь, при вашем новом толковании?

— Нет ничего легче. Вот документ, — ответил Паганель, указывая на драгоценную бумагу, которую добросовестно изучал последние дни.

Пока географ собирался с мыслями, все молчали. Наконец Паганель, водя пальцем по отрывочным строкам документа, уверенным голосом, подчеркивая некоторые слова, прочел следующее:

— «Седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из порта Глазго, потерпело крушение после...» Здесь можно вставить, если хотите, «двух дней», «трех дней» или «долгой агонии», все равно — это безразлично. «...у берегов Австралии. Направляясь к берегу, два матроса и капитан Грант попытаются высадиться...», или «высадились на материк, где они попадут...», или «попали в плен к жестоким туземцам. Они бросили этот документ...» и так далее и так далее. Ясно ли это?

— Ясно, если только слово «материк» может быть применимо к Австралии, представляющей собой лишь остров.

— Успокойтесь, дорогой Гленарван, лучшие географы того мнения, что следует называть этот остров Австралийским материком.

— Тогда, друзья мои, мне остается сказать вам только одно: в Австралию! — воскликнул Гленарван.

— В Австралию! — в один голос подхватили его спутники.

— Знаете, Паганель, — прибавил Гленарван, — ваше присутствие на «Дункане» — прямо-таки дело провидения!

— Прекрасно! — отозвался географ. — Допустим, что я посланник провидения, и не будем больше говорить об этом.

Так закончился разговор, имевший такие важные последствия в будущем. Он совершенно изменил настроение путешественников. Они как бы снова ухватились за ту нить, держась за которую могли выбраться из лабиринта, откуда им, казалось, уже не было выхода. Над развалинами их рухнувших замыслов засияла новая надежда.

Теперь они могли без боязни покинуть Американский материк, и мысленно они уже покинули его.

Поднимаясь снова на борт «Дункана», они не принесут с собой отчаяния. Элен и Мэри Грант не придется оплакивать безвозвратно погибшего капитана Гранта. Охваченные радостными надеждами, наши путешественники позабыли обо всех опасностях, грозивших им самим, и жалели лишь об одном: что не могут немедленно же пуститься в путь.

Было четыре часа пополудни. Решили ужинать в шесть. Паганелю захотелось ознаменовать этот счастливый день роскошным пиром, а так как имевшееся меню было очень скудно, то он предложил Роберту пойти с ним на охоту в «соседний лес». Мальчик захлопал от радости в ладоши. На сцене появилась пороховница Талькава. Вычистили револьверы, зарядили их и отправились.

— Не заходите слишком далеко, — серьезным тоном напутствовал охотников майор.

После их ухода Гленарван и Мак-Наббс отправились посмотреть зарубки, сделанные на дереве, а Вильсон и Мюльреди снова разожгли костер.

Гленарван, спустившись к поверхности образовавшегося огромного озера, не заметил, чтобы вода убывала. Однако уровень воды достиг, повидимому, своего максимума. Все же та неистовая сила, с которой воды неслись с юга на север, доказывала, что аргентинские реки не пришли еще в нормальное состояние. Прежде чем начать спадать, вся эта текучая масса должна была успокоиться, как море между приливом и отливом. Поэтому, пока воды неслись так бурно к северу, нельзя было рассчитывать на их убыль.

В то время как Гленарван и майор делали свои наблюдения, где-то на омбу раздались выстрелы, сопровождаемые почти столь же шумными криками радости. Дискант Роберта сливался с басом Паганеля. Трудно было решить, кто из них двоих был бо́льшим ребенком. Охота, повидимому, обещала быть удачной и сулила чудеса кулинарного искусства. Вернувшись к костру, майор и Гленарван с удовольствием приветствовали удачнейшую мысль Вильсона. Этот славный моряк при помощи булав-

ки и бечевки затеял рыбную ловлю, и результаты ее были изумительны: несколько дюжин маленьких рыбок мояра, вкусных, как корюшка, трепетали, брошенные на его пончо, обещая путешественникам изысканное блюдо.

В это время охотники спустились с вершины омбу. Паганель осторожно нес яйца черных ласточек и связку воробьев, которых он собирался подать за обедом под видом дроздов. Роберт же ловко подстрелил несколько пар хильгуэрос; эти маленькие желто-зеленые птички очень приятны на вкус, и на них существует большой спрос на рынке в Монтевидео. Паганель, знавший пятьдесят один способ приготовления яиц, на этот раз мог только испечь их в горячей золе костра. Тем не менее обед получился разнообразный и тонкий. Сушеное мясо, крутые яйца, жареные мояра, воробьи и хильгуэрос составили одну из тех вкуснейших трапез, которые навсегда сохраняются в памяти.

За едой весело беседовали. Паганеля превозносили и как охотника и как повара. Он принимал эти похвалы со скромностью, свойственной человеку с подлинными заслугами.

Затем он начал презабавно рассказывать о великолепном омбу, под сенью которого они пировали.

— Нам с Робертом казалось во время охоты, что мы среди настоящего леса, — рассказывал он. — Одно время я даже стал опасаться, что мы заблудимся: представьте, я никак не мог найти дорогу! Солнце уже склонялось к западу. Я тщетно искал следов наших ног. Голод жестоко давал себя чувствовать. Уже из темной чащи доносилось рычанье диких зверей... то-есть нет, я ошибся... здесь нет диких зверей, и я очень сожалею об этом!

— Как, — спросил Гленарван, — вы жалеете об отсутствии диких зверей?

— Конечно, жалею!

— Однако при их свирепости...

— Свирепости, говоря с научной точки зрения, не существует, — возразил ученый.

— Ну уж извините, Паганель! — вмешался майор. — Вы никогда не заставите меня уверовать в полезность диких зверей. Какой от них толк?

— Какой толк? — крикнул Паганель. — Да они преж-

де всего, майор, нужны для классификации: все эти разряды, семейства, роды, виды...

— Велика польза, нечего сказать! — сказал Мак-Наббс. — Мне она не нужна. Будь я с Ноем в ковчеге во время потопа, я уж, конечно, воспрепятствовал бы этому неблагоразумному патриарху поместить в ковчег по паре львов, тигров, пантер, медведей и других зверей, столь же зловредных, как и бесполезных.

— Вы бы это сделали? — спросил Паганель.

— Сделал бы.

— Ну и что же? С зоологической точки зрения вы были бы неправы.

— Но отнюдь не с точки зрения гуманности, — ответил Мак-Наббс.

— Это возмутительно! — воскликнул ученый. — Я бы, наоборот, заставил Ноя взять с собой в ковчег и мегатериев, и птеродактилей, и вообще всех допотопных животных, которых мы, к несчастью, теперь лишены...

— А я вам говорю, — возразил Мак-Наббс, — что Ной прекрасно поступил, оставив их на произвол судьбы, если, конечно, они в самом деле жили в его время.

— А я вам говорю, — упорствовал Паганель, — что Ной поступил дурно и на веки вечные заслужил проклятия ученых.

Слушая этот спор Паганеля и майора о старике Ное, окружающие не могли не хохотать. У майора, никогда в жизни ни с кем не вступавшего в спор, вопреки всем его принципам происходили ежедневные стычки с Паганелем. Очевидно, ученый обладал особой способностью выводить его из равновесия.

Гленарван, по своему обыкновению, вмешался в спор.

— Как бы то ни было, — сказал он, — а нам нужно примириться с отсутствием диких зверей. Да, конечно, Паганель и не мог надеяться встретить их в этом воздушном лесу.

— А почему бы и нет? — отозвался ученый.

— Дикие звери на дереве? — удивился Том Остин.

— Ну конечно! Американский тигр — ягуар, — когда его окружат охотники, обыкновенно спасается от них на деревьях. И одно из таких животных, захваченное

— *Видите ли, Гленарван,* — *ответил Паганель,* — *нужно уметь мириться с обстоятельствами.*

наводнением, свободно могло найти себе приют между ветвями омбу.

— Все же, надеюсь, вы ягуара не встретили? — спросил майор.

— Нет, не встретили, хотя и обошли весь «лес». А жаль! Поохотиться за таким зверем было бы чудесно. Ягуар — свирепый хищник. Одним ударом лапы он сворачивает шею лошади. Если ему удается однажды отведать человечьего мяса, он снова алчет его.

— Как бы там ни было, друг Паганель, — промолвил Гленарван, — я очень рад, что здесь нет ваших милых ягуаров. Наше положение вовсе не так приятно...

— Не так приятно? — воскликнул Паганель, набрасываясь на это выражение, которое могло дать новое направление спору. — Вы жалуетесь на свою судьбу, Гленарван?

— Конечно, — ответил Гленарван. — Неужели вам так удобно на этих довольно-таки жестких ветвях?

— Никогда не чувствовал себя лучше даже в своем собственном кабинете! Мы живем, как птицы: распеваем, порхаем... Я начинаю думать, что людям предназначено жить на деревьях.

— Им не хватает лишь крыльев, — вставил майор.

— Когда-нибудь они сделают их себе.

— А в ожидании этого, — сказал Гленарван, — позвольте мне, милый друг, предпочесть этому воздушному обиталищу усыпанную песком дорожку парка, паркетный пол дома или палубу судна.

— Видите ли, Гленарван, — ответил Паганель, — нужно уметь мириться с обстоятельствами: хороши они — тем лучше; плохи — надо не обращать на это внимания. Я вижу, вы жалеете о комфорте своего замка.

— Нет, но...

— Вот Роберт, я уверен, совершенно доволен, — не дал договорить Гленарвану географ, желая привлечь на свою сторону хоть одного приверженца.

— Совершенно, господин Паганель! — весело воскликнул Роберт.

— В его возрасте это естественно, — заметил Гленарван.

— И в моем тоже, — возразил ученый. — Чем мень-

ше удобств, тем меньше потребностей, а чем меньше потребностей, тем человек счастливее.

— Ну вот: теперь Паганель поведет атаку на богатство и роскошь, — заметил Мак-Наббс.

— Ошибаетесь, майор, — отозвался ученый. — Но если хотите, я расскажу вам по этому поводу маленькую арабскую сказку — она как раз мне вспомнилась.

— Пожалуйста, пожалуйста, расскажите, господин Паганель! — воскликнул Роберт.

— А что докажет ваша сказка? — поинтересовался майор.

— То, что доказывают все сказки, милый друг.

— Немногое, значит, — ответил Мак-Наббс. — Но все же рассказывайте вашу сказку, Шехеразада. Вы же так искусны в этом деле.

— Жил когда-то сын великого Гарун-аль-Рашида, — начал Паганель. — Он был несчастлив. Пошел он за советом к старому дервишу. Мудрый старец, выслушав его, сказал, что счастье вообще трудно найти на этом свете. «А все же, — прибавил он, — я знаю один безошибочный способ дать вам счастье». — «Что же это за способ?» — спросил юный принц. «Надо надеть рубашку счастливого человека», — ответил дервиш. Обрадованный принц расцеловал старца и отправился на поиски своего талисмана. Он долго странствовал. Он посетил все земные столицы, пробовал надевать на себя рубашки королей, рубашки императоров, рубашки принцев, рубашки вельмож — напрасный труд: счастливее он не стал. Тогда принц принялся надевать рубашки художников, воинов, купцов. Никакого результата. Долго он скитался таким образом в тщетных поисках счастья. В конце концов, отчаявшись в успехе, принц печально отправился назад, во дворец своего отца. Вдруг он увидел в поле шедшего за плугом крестьянина. Тот весело распевал. «Если вот этот не счастлив, то счастья вообще нет на земле», — подумал принц, и, подойдя к пахарю, он спросил его: «Добрый человек, счастлив ли ты?» — «Да», — ответил тот. «А скажи, ты ничего не хочешь?» — «Ничего!» — «И даже не хотел бы променять свою долю на долю короля?» — «Ни за что!» — «Ну, тогда продай мне свою рубашку». — «Рубашку? Нет у меня рубашки».

Глава XXV

МЕЖДУ ОГНЕМ И ВОДОЙ

Сказка Паганеля имела огромный успех. Ему даже аплодировали, но каждый остался при своем мнении. Ученый достиг обычного результата всякой дискуссии — он никого не убедил. Но все же с ним согласились в том, что под ударами судьбы не нужно падать духом и что если нет ни дворца, ни хижины, надо довольствоваться и деревом.

Пока велись эти разговоры, наступил вечер. Такой тревожный день мог быть достойным образом завершен только крепким сном. Гости омбу были не только утомлены борьбой с наводнением, но, сверх того, измучены жгучей дневной жарой. Их крылатые товарищи уже скрылись в гуще листвы; мелодичные рулады хильгуэрос, этих пампасских соловьев, мало-помалу затихали. Видимо, пернатые погружались в сон. Лучше всего было последовать их примеру.

Но прежде чем, по выражению Паганеля, «забиться в гнездышко», Гленарван, Роберт и географ взобрались на свою «обсерваторию», чтобы в последний раз произвести наблюдения над водной равниной. Было около девяти часов вечера. Солнце только что скрылось в сверкающем тумане. Вся западная половина неба утопала в горячих парах. Обычно столь яркие созвездия Южного полушария смутно мерцали, будто скрытые мглистым покровом. Все же их можно было распознать, и Паганель познакомил Роберта и Гленарвана со звездами полярной зоны. Ученый указал им, между прочим, на Южный Крест—созвездие из четырех звезд первой и второй величины, расположенных в виде ромба почти на высоте полюса; на созвездие Кентавра, одна из звезд которого, Альфа, наиболее близка к Земле; на две обширные туманности — облака Магеллана, — из которых более крупная заволакивает пространство, в двести раз большее видимой поверхности Луны; и, наконец, на «черную дыру» — то место на небесном своде, где как будто совершенно отсутствуют звезды.

Географ очень жалел о том, что на небе еще не

появился видимый на обоих полушариях Орион, но зато он рассказал своим ученикам об одной любопытной частности патагонской «космографии». По мнению поэтичных индейцев, Орион представляет собой громадное лассо и три болас, брошенные рукой охотника, бродящего по небесным прериям. Все эти созвездия, отражаясь в зеркале вод, создавали из него как бы второе небо. Нельзя было не восхититься этой картиной.

Пока ученый Паганель посвящал своих слушателей в тайны космографии, небо у восточной стороны горизонта омрачилось. Густая, темная, резко очерченная туча постепенно поднималась вверх, гася звезды. Мрачная, зловещая, она вскоре заволокла половину небесного свода. Казалось, что она движется сама собой, так как не чувствовалось ни малейшего ветерка. Воздух был неподвижен. Ни один листик на дереве не шевелился, ни малейшей ряби не пробегало по поверхности вод. Даже дышать становилось трудно — точно колоссальный пневматический насос разредил воздух. Атмосфера была насыщена электричеством; каждое живое существо ощущало, как оно бежит по его нервам.

Гленарван, Паганель и Роберт почувствовали это.

— Надвигается гроза, — заметил Паганель.

— Ты не боишься грома? — спросил Гленарван мальчика.

— О сэр!

— Ну, тем лучше: приближается гроза.

— И гроза сильная, если судить по виду неба, — добавил Паганель.

— Меня беспокоит не самая гроза, — продолжал Гленарван, — а тот ливень, которым она будет сопровождаться. Нас промочит до костей. Что бы вы там ни говорили, Паганель, а гнездом человек довольствоваться не может, и вы скоро в этом убедитесь на себе самом.

— О, относясь философски...

— Философия не помешает вам вымокнуть.

— Нет, конечно, но она согревает.

— Однако давайте спустимся к нашим друзьям, — сказал Гленарван, — и посоветуем им, вооружившись философией, как можно плотнее завернуться в пончо, а главное, запастись терпением, ибо оно нам понадобится.

Гленарван в последний раз окинул взором грозное небо. Оно было покрыто густыми, черными тучами; только на западе неясная полоса еще чуть светилась сумеречным светом. Вода потемнела и напоминала огромную тучу, готовую слиться со стоявшим вдали густым туманом. Ничего не было видно. Ни проблеска света, ни звука. Тишина становилась такой же глубокой, как темнота.

— Давайте же спускаться, — повторил Гленарван: — скоро ударит гром.

И все трое соскользнули по гладким веткам вниз. Здесь их очень удивил полусвет. Исходил он от несметного количества светящихся точек, носившихся с жужжаньем над водой.

— Что это, фосфоресценция? — спросил Гленарван географа.

— Нет, — ответил тот, — это светляки — живые и недорогие алмазы, из которых дамы Буэнос-Айреса делают себе прекрасные уборы.

— Как, эти летающие искры — насекомые? — воскликнул Роберт.

— Да, мой милый.

Роберт поймал одного из светляков. Паганель не ошибся — это было насекомое, похожее на шмеля, с дюйм длиной. Индейцы зовут его «туко-туко».

Паганель поднес одного из этих насекомых к своим часам и разглядел, что они показывают десять часов вечера.

Гленарван, подойдя к майору и трем морякам, стал отдавать распоряжения на ночь. Нужно было приготовиться к грозе. После первых раскатов грома, без сомнения, забушует ураган, и омбу начнет сильно раскачивать. Поэтому каждому было предложено покрепче привязать себя к доставшейся ему постели из ветвей. Если уж нельзя было избежать потоков с неба, то, во всяком случае, надо было уберечься от земных вод и не упасть в бурный поток, несшийся у подножия дерева.

Все пожелали друг другу спокойной ночи, не очень-то, правда, на это надеясь, затем каждый скользнул на свое воздушное ложе, завернулся в пончо и постарался заснуть.

Но приближение грозных явлений природы вызывает во всяком живом существе какую-то смутную тревогу; побороть ее не могут даже самые сильные. Постояльцы омбу, взволнованные, угнетенные, были не в состоянии сомкнуть глаз, и в одиннадцать часов первый отдаленный рокот грома застал всех их еще бодрствующими. Гленарван пробрался на самый конец горизонтальной ветви и высунул голову из листвы.

Даль темного неба уже разреза́ли блестящие молнии, отчетливо отражаясь в водах разлившейся реки. Эти молнии разрывали тучи бесшумно, словно какую-то мягкую, пушистую ткань.

Понаблюдав за небом, сливавшимся с горизонтом в едином мраке, Гленарван вернулся на ствол.

— Что скажете, Гленарван? — спросил его Паганель.

— Скажу, что начало — на славу, друзья мои, и если так пойдет и дальше, то гроза будет страшнейшая.

— Тем лучше! — воскликнул энтузиаст Паганель. — Раз уже избежать этого зрелища нельзя, так я рад, что оно будет красиво.

— Вот еще одна из ваших теорий, которая рассыплется с треском, — заметил майор.

— И одна из лучших моих теорий, Мак-Наббс! Я согласен с Гленарваном — гроза будет великолепная! Сейчас, когда я пытался заснуть, мне припомнилось несколько случаев, которые помогают мне не терять надежды. Ведь мы как раз находимся в краю великих электрических бурь. Я где-то читал, что в 1793 году как раз здесь, в провинции Буэнос-Айрес, во время одной грозы молния ударила тридцать семь раз подряд! А мой коллега Мартин де Мусси, будучи в этих же местах, наблюдал раскат грома, длившийся целых пятьдесят пять минут без перерыва.

— Наблюдал с часами в руках? — спросил майор.

— С часами в руках. Единственное, что могло бы меня встревожить, — прибавил Паганель, — так это мысль, что на всей этой равнине возвышенным пунктом является только то омбу, на котором мы с вами находимся. Здесь был бы очень кстати громоотвод, ибо из всех деревьев пампасов молния почему-то питает особую слабость именно к омбу. А потом, вам, конечно, небезызвест-

но, друзья мои, что ученые не рекомендуют укрываться во время грозы под деревьями.

— Ну, нельзя сказать, чтобы совет этот был уместен, — заявил майор.

— Надо признаться, Паганель, вы чрезвычайно удачно выбрали момент для того, чтобы сообщить нам эти успокоительные сведения, — прибавил иронически Гленарван.

— Ба! Все моменты хороши для приобретения знаний... — отозвался Паганель. — А, начинается!..

Раскаты грома прервали этот несвоевременный разговор. Их сила нарастала, а звук повышался. Приближаясь, они переходили из низких тонов в средние (если заимствовать подходящее сюда сравнение из музыки). Все пространство было в огне. Невозможно было определить среди этого огня, какая именно электрическая искра вызывает этот нескончаемый грохот грома, эхо которого, перекатываясь, уходило в бесконечную глубь неба.

Непрерывно сверкавшие молнии были очень разнообразны по форме: некоторые из них свергались перпендикулярно, по пяти-шести раз на одном и том же месте; другие представляли огромный интерес для ученого — если Араго (как об этом свидетельствуют его любопытные подсчеты) всего два раза видел раздвоенную, вилообразную молнию, то здесь можно было наблюдать их сотнями. Были и такие молнии, которые, бесконечно разветвляясь, загорались кораллообразными зигзагами, причем на темном небесном своде получались самые причудливые световые эффекты. Вскоре на северо-востоке зажглась фосфорическая, ярко светящаяся полоса. Воспламеняя тучи, словно какое-то горючее вещество, и отражаясь в бурных водах, она мало-помалу охватила весь горизонт. Создалась огромная огненная сфера, в центре которой находилось омбу.

Гленарван и его спутники молча глядели на это грозное зрелище. Они не могли говорить: слов не было слышно. Порой беловатый, точно призрачный свет на мгновение озарял то невозмутимое лицо майора, то оживленное любопытством лицо Паганеля, то энергичные черты лица Гленарвана, то растерянное личико Роберта, то беспечные физиономии матросов.

Однако ни дождя, ни ветра еще не было. Но вскоре хляби небесные разверзлись, и между черным небом и водной равниной появились вертикальные линии, похожие на нити, натянутые на ткацкий станок. Крупные водяные капли, ударяясь о поверхность нового озера, отскакивали тысячами брызг, озаренных молниями.

Предвещал ли этот ливень конец грозы? Предстояло ли нашим путешественникам отделаться лишь обильным водным душем? Нет! В разгар этой электрической бури на конце главной, горизонтальной, ветви омбу вдруг появился окруженный черным дымом огненный шар величиной с кулак. Этот шар, покружившись несколько секунд на одном месте, разорвался подобно бомбе, с таким грохотом, что он был слышен даже среди непрерывного, оглушительного грома. Запахло серой.

На миг все затихло, и в этот момент послышался крик Тома Остина:

— Дерево загорелось!

Том Остин не ошибся. Мгновенно, словно искра фейерверка, пламя охватило всю западную сторону омбу. Сухие сучья, гнезда из сухой травы и верхний губчатый слой древесины послужили для него благоприятным материалом. Поднявшийся в это время ветер еще больше раздул огонь. Надо было спасаться бегством. Гленарван и его спутники стали поспешно перебираться на восточную часть омбу, еще не охваченную огнем. Взволнованные, растерянные, они молча, то протискиваясь, то подтягиваясь на руках, карабкались по ветвям, гнувшимся под их тяжестью. Пылавшие ветви корчились, трещали, извиваясь в огне, словно заживо сжигаемые змеи. Горящие головни падали в воду и, бросая пламенные отблески, уносились течением. Пламя то взлетало на огромную высоту, теряясь в как бы пылающем воздухе, то, прибитое вниз разъяренным ураганом, охватывало все дерево, словно туника. Гленарван, Роберт, майор, Паганель, матросы были охвачены ужасом, их душил густой дым, обжигал нестерпимый жар. Огонь уже добирался до них; ничто не могло не только потушить, но даже приостановить его. Несчастные люди считали себя обреченными сгореть заживо, подобно тем индусам, которых сжигают в утробе их божества — истукана.

Наконец положение стало невыносимым. Из двух смертей приходилось выбирать менее жестокую.

— В воду! — крикнул Гленарван.

Вильсон, которого уже касалось пламя, первый бросился в воду, но вдруг оттуда раздался его отчаянный крик:

— Помогите! Помогите!

Остин стремительно кинулся к нему и помог ему вскарабкаться обратно на ствол.

— Что такое?

— Кайманы! Кайманы! — крикнул Вильсон.

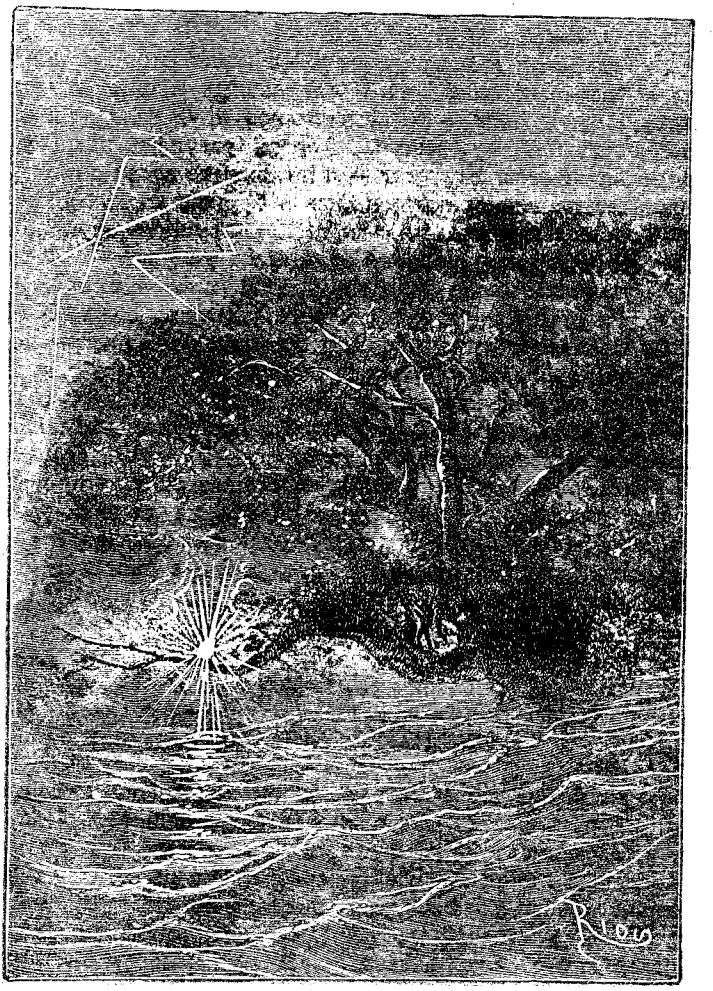
И в самом деле, вокруг омбу собрались, блестя чешуей, отражавшей зарево пожара, эти опаснейшие из пресмыкающихся. При виде их сплющенных хвостов, их голов, напоминающих наконечник копья, их глаз навыкате, их широчайших, заходящих за уши пастей Паганель сразу признал в них по этим характерным признакам свирепых американских аллигаторов, называемых в испанских владениях кайманами. Их было штук десять. Они били воду гигантскими хвостами и грызли омбу длинными зубами нижней челюсти.

Несчастные поняли, что гибель их неизбежна. Их ждал ужасный конец: или быть сожженными заживо, или стать пищей кайманов. Сам майор промолвил своим спокойным голосом:

— Быть может, и в самом деле это конец.

Бывают обстоятельства, при которых человек бессилен бороться, обстоятельства, при которых неистовствующую стихию в силах побороть лишь какая-нибудь другая стихия. Гленарван блуждающими глазами смотрел на ополчившиеся против них огонь и воду, не зная, откуда могло бы прийти спасение.

Гроза, правда, уже начинала стихать, но благодаря ей в воздухе образовалось значительное количество паров, и они находились в бурном движении. К югу от омбу образовался колоссальный смерч, как бы конус из тумана, вершина которого была внизу, а основание — наверху; он соединял грозовые тучи с бушевавшими водами. Вскоре смерч стал приближаться, крутясь с невероятной быстротой. Он притягивал к себе своим вращательным движением все ближайшие воздушные течения.



— *Дерево загорелось!* — *послышался крик Тома Остина.*

Через несколько минут гигантский смерч налетел на омбу и охватил его со всех сторон. Дерево задрожало до самых корней.

Гленарвану показалось, что кайманы набросились на омбу и вырывают его из земли своими мощными челюстями. Путешественники ухватились друг за друга: они почувствовали, что могучее дерево уступает натиску и опрокидывается. Еще миг — и пылающие ветви с пронзительным шипеньем погрузились в бурные воды. А смерч уже прошел и помчал дальше свою разрушительную силу, как бы выкачивая за собой воду озера до дна.

Рухнувшее омбу, гонимое ветром, понеслось по течению. Кайманы обратились в бегство; лишь один из них полз по вывороченным корням и с разинутой пастью подбирался к людям. Мюльреди отломил горевшую с конца ветку и так хватил ею хищника, что сломал ему спину. Кайман упал в воду и, ударяя со страшной силой по ней хвостом, исчез в бурном потоке.

Гленарван и его спутники, спасенные от этих прожорливых пресмыкающихся, перебрались на подветренную сторону дерева. Омбу пылало среди ночного мрака, и языки охватившего его пламени, раздуваемые ураганом, выгибались, как огненные паруса.

Глава XXVI

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

Уже целых два часа неслось омбу по огромному озеру, а берега все не было видно. Огонь, пожиравший дерево, мало-помалу угас. Главная опасность этой жуткой переправы миновала. Майор сказал, что не будет ничего удивительного, если им удастся спастись.

Течение продолжало нести омбу в том же направлении: с юго-запада на северо-восток. Темнота, лишь изредка освещаемая запоздалой молнией, вновь стала непроницаемой. Паганель тщетно старался разглядеть что-либо на горизонте. Гроза затихала, тучи рассеивались. Крупные капли дождя сменились мелкой водяной пылью, мчавшейся по ветру. Омбу неслось по бурному потоку с

такой поразительной быстротой, словно под его корой был скрыт какой-то мощный двигатель. Казалось возможным, что оно будет нестись так целыми днями. Около трех часов утра майор, однако, заметил, что корни омбу порой задевают за дно. Том Остин с помощью оторванной от дерева ветки нащупал дно и установил, что оно поднимается. Действительно, минут через двадцать почувствовался толчок, и омбу сразу остановилось.

— Земля! Земля! — громогласно воскликнул Паганель.

Концы обгоревших ветвей наткнулись на какую-то неровность почвы. Никогда, кажется, ни одна мель не приносила столько радости мореплавателям, как эта: ведь она была для них гаванью.

Роберт и Вильсон, первыми выскочившие на твердую землю, уже кричали восторженно «ура», как вдруг послышался знакомый свист, раздался лошадиный топот, и из мрака показалась высокая фигура индейца.

— Талькав! — воскликнул Роберт.

— Талькав!.. — подхватили в один голос все его спутники.

— Amigos! [1] — отозвался патагонец.

Он ждал путешественников на том месте, куда их должно было вынести течение, так же как оно вынесло туда и его самого. Патагонец поднял Роберта и прижал его к своей груди. Экспансивный географ бросился к нему на шею. Гленарван, майор и моряки, радуясь, что снова видят своего верного проводника, крепко, с дружеской сердечностью пожали ему руку. Затем патагонец отвел их в сарай одной покинутой эстанции, находившейся поблизости. Там пылал большой костер, у которого они и обогрелись. На огне жарились сочные куски дичи. Новоприбывшие съели их до последней крошки. И когда они несколько пришли в себя, никому из них просто не верилось, что им удалось избежать стольких опасностей: и от воды, и от огня, и от грозных аргентинских кайманов.

Талькав в нескольких словах рассказал Паганелю, как он спасся, добавив, что обязан этим всецело своему неустрашимому коню. Потом Паганель попытался разъ-

[1] Друзья!

яснить патагонцу новое предложенное им толкование документа и поделился с ним теми надеждами, которые это толкование сулило. Понял ли индеец остроумные гипотезы ученого? В этом можно сомневаться. Но он видел, что друзья его довольны и питают какие-то надежды, а большего ему и не требовалось.

После такого дня «отдыха» на омбу нашим отважным путешественникам не терпелось снова двинуться в путь. К восьми часам утра они уже были готовы выступить. При таком отклонении к югу от всех эстанций и саладеро им было невозможно раздобыть какие-либо средства передвижения. Приходилось идти пешком. Впрочем, предстояло пройти всего лишь миль сорок. Да и Таука еще могла время от времени подвезти одного, а при надобности и двух утомленных пешеходов. За тридцать шесть часов можно было добраться до берегов Атлантического океана.

Оставив позади себя огромную лощину, еще всю затопленную водой, наши путешественники двинулись по более возвышенным местам. Вокруг расстилался тот же однообразный аргентинский пейзаж; иногда встречались насажденные европейцами рощицы. Туземные же деревья растут только по окраинам степей и на подступах к мысу Корриентес.

Так прошел день. Близость океана стала чувствоваться уже на следующий день, когда до него оставалось еще миль пятнадцать. Пригибая к земле высокие травы, дул ветер вирацон, имеющий ту любопытную особенность, что он дует во вторую половину дня и ночи. На тощей почве росли редкие лески низких древовидных мимоз и кусты акации. Порой на пути встречались лагуны соленой воды, блестевшие, словно куски разбитого стекла. Они затрудняли путь, так как их приходилось обходить. А наши пешеходы спешили, стремясь в тот же день добраться до озера Саладо у Атлантического океана. Надо признаться, что они порядочно-таки устали, когда в восемь часов вечера увидели песчаные дюны вышиной саженей в двадцать, высившиеся у пенистой границы океана. Вскоре послышался и протяжный рокот прилива.

— Океан! — крикнул Паганель.

— Да, океан, — подхватил Талькав.

— Талькав! — воскликнул Роберт.

И наши пешеходы, казалось еле передвигавшие ноги, все же взобрались с замечательным проворством на дюны. Но уже стемнело. Нельзя было ничего разглядеть в безбрежном сумраке. «Дункана» не было видно.

— А все же он здесь! — воскликнул Гленарван. — Он ожидает нас, лавируя у этих берегов!

— Завтра мы его увидим, — отозвался Мак-Наббс.

Остин стал окликать невидимую яхту, но никакого ответа не последовало. Дул свежий ветер, и море было довольно бурное. Облака шли на запад, и брызги пенящихся валов долетали до верхушек дюн. Если бы «Дункан» даже и был на условленном месте встречи, то вахтенный все равно не смог бы ни услышать этот крик, ни ответить на него.

На этом берегу кораблям нигде нельзя было найти себе прибежище — ни залива, ни бухты, ни бухточки. Берег состоял из длинных песчаных отмелей, далеко уходивших в море. А такие отмели представляют для судна бо́льшую опасность, чем выступающие из воды рифы. Подобные песчаные отмели усиливают волнение, и бури здесь особенно свирепы. Судно, попавшее в бурную погоду на эти песчаные отмели, обречено на верную гибель.

Было, конечно, более чем естественно, что «Дункан» при этих условиях держался вдали. Джон Манглс, вообще всегда очень осторожный, со свойственной ему предусмотрительностью несомненно не решился бы приблизиться к берегу. Таково было убеждение Тома Остина: он уверял, что «Дункан» находится от берега на расстоянии не меньше пяти миль.

Майор советовал своему нетерпеливому кузену покориться необходимости. Раз не было никакой возможности рассеять этот мрак, зачем же понапрасну утомлять свои глаза, тщетно всматриваясь в темный горизонт!

Высказав свои соображения, Мак-Наббс устроил под прикрытием дюн подобие лагеря. Здесь за последним ужином этого путешествия были съедены остатки провизии. Затем каждый, по примеру майора, вырыл себе в песке яму поудобнее, улегся в нее, укрылся до подбородка огромным одеялом песков и заснул тяжелым сном. Один Гленарван бодрствовал.

Дул сильный ветер, и океан все еще не успокаивался

после бури. Волны с громовым шумом разбивались у дюн. Гленарван был взволнован сознанием, что «Дункан» находится так близко от него. Нельзя было думать, что корабль еще не дошел до условленного места встречи. 14 октября Гленарван покинул бухту Талькагуано и 12 ноября достиг берегов Атлантического океана. Если в эти тридцать дней отряд пересек Чили, перевалил через Кордильеры, перебрался через пампасы и Аргентинскую равнину, то, конечно, за это время «Дункан» успел обогнуть мыс Горн и достичь условленного места на противоположном берегу Американского материка. А такая быстроходная яхта опозданий в пути не знала. Правда, недавняя яростная буря должна была буйно разгуляться на просторах Атлантического океана, но «Дункан» был хорошим судном, а его капитан — хорошим моряком. И раз «Дункан» должен был прийти сюда — значит, он и пришел.

Эти размышления не могли, однако, успокоить Гленарвана. Когда сердце борется с рассудком, рассудок редко бывает победителем. А сердце Гленарвана чуяло в окружающем мраке всех тех, кого он любил: дорогую Элен, Мэри Грант, экипаж «Дункана». Гленарван бродил по пустынному берегу, на который набегали светившиеся фосфорическим блеском волны. Он всматривался, прислушивался. Порой ему казалось, что в море светится какой-то тусклый огонек.

— Я не ошибаюсь, — сказал он себе: — я видел свет судового фонаря — фонаря «Дункана». Ах, почему глаза мои не в силах проникнуть сквозь этот мрак!

И вдруг он вспомнил, как Паганель уверял, что он никталоп, что он видит ночью. И Гленарван пошел будить географа.

Ученый крепко спал в своей яме, как вдруг сильная рука извлекла его из этого песчаного приюта.

— Кто это? — крикнул он.

— Это я, Паганель.

— Кто вы?

— Гленарван. Идемте, мне нужны ваши глаза.

— Мои глаза? — переспросил Паганель, протирая их.

— Да, ваши глаза — чтобы разглядеть в этой тьме наш «Дункан». Ну идемте же!

«Чорт побери никталопию!» — мысленно сказал себе географ, впрочем очень довольный тем, что может быть полезен Гленарвану.

Паганель вылез из своей ямы, потянулся и, разминая окоченевшие члены, побрел вслед за Гленарваном на берег. Гленарван попросил его вглядеться в темный морской горизонт. В течение нескольких минут ученый самым добросовестным образом занимался созерцанием.

— Ну! Вы ничего не видите? — спросил наконец Гленарван.

— Ничего! Да тут и кошка ничего бы в двух шагах не увидела.

— Ищите красный или зеленый свет, то-есть свет фонарей правого или левого борта судна.

— Не вижу ни зеленого, ни красного света. Все черно! — ответил Паганель.

Глаза географа невольно смыкались. В течение получаса он машинально ходил за своим нетерпеливым другом; время от времени его голова падала на грудь, и он резким движением снова поднимал ее. Он шел, как пьяный, не отвечая на вопросы и сам ничего не говоря. Гленарван посмотрел на Паганеля — Паганель спал на ходу. Гленарван взял ученого под руку и отвел его, не будя, к яме.

На рассвете всех поднял на ноги крик Гленарвана:

— «Дункан»! «Дункан»!

— Ура, ура! — отозвались его спутники, бросаясь к берегу.

В самом деле, милях в пяти в открытом море виднелась яхта. Убрав нижние паруса, она шла под малыми парами. Дым, выходивший из ее трубы, терялся в утреннем тумане. Море было бурное, и судно такого тоннажа, как яхта, не могло без риска подойти к дюнам.

Гленарван, вооружившись подзорной трубой Паганеля, следил за ходом «Дункана». Джон Манглс, видимо, еще не заметил своих пассажиров.

Но тут Талькав, зарядив свой карабин, выстрелил из него по направлению яхты. Все стали прислушиваться, а главное — вглядываться. Трижды, будя эхо в дюнах, прогремел карабин индейца.

Наконец у борта яхты появился белый дымок.

— Они увидели нас! — воскликнул Гленарван. — Это пушка «Дункана»!

Еще несколько секунд — и глухой выстрел донесся до берега. «Дункан» сделал поворот и, ускорив ход, направился к берегу.

Вскоре с помощью подзорной трубы можно было увидеть, как от борта яхты отвалила шлюпка.

— Миссис не сможет сесть в шлюпку, — проговорил Том Остин: — море слишком бурное.

— Тем более не сможет этого сделать и Джон Манглс, — отозвался Мак-Наббс: — ему нельзя оставить свое судно.

— Сестра, сестра! — повторял Роберт, протягивая руки к яхте.

Ее сильно качало.

— Ах, как мне не терпится попасть на «Дункан»! — воскликнул Гленарван.

— Терпение, Эдуард, — сказал майор. — Через два часа вы там будете.

— Два часа!

Но, конечно, шестивесельная шлюпка не могла проплыть оба конца в более короткий срок.

Патагонец, скрестив на груди руки, стоял рядом со своей Таукой и спокойно смотрел на взволнованный океан.

Гленарван взял его за руку и, указывая на «Дункан», сказал:

— Едем с нами!

Индеец покачал тихонько головой.

— Едем, друг! — повторил Гленарван.

— Нет, — мягко ответил Талькав. — Здесь Таука, там пампасы, — прибавил он, со страстной любовью указывая на беспредельные, расстилающиеся кругом равнины.

Гленарван понял, что индеец никогда не согласится покинуть степь, где похоронены его предки. Он знал, какую благоговейную привязанность питают эти сыны пустыни к своему родному краю. И он больше не настаивал — только крепко пожал Талькаву руку. Гленарван не стал спорить с индейцем и тогда, когда тот с улыбкой отказался принять плату за свой труд, сказав:

— Из дружбы!

Взволнованный, Гленарван ничего не смог ему ответить. Ему очень хотелось оставить честному индейцу хоть что-нибудь на память о его друзьях-европейцах, но у него ничего не было: и оружие и лошади — все погибло во время наводнения. Спутники его были не богаче его самого. И вот, когда Гленарван ломал себе голову над тем, как отблагодарить бескорыстного проводника, его вдруг осенила счастливая мысль. Он вынул из своего бумажника драгоценный медальон с дивным портретом кисти Лоуренса и подал его индейцу.

— Моя жена, — пояснил он.

Талькав с растроганным видом посмотрел на портрет.

— Добрая и красивая! — сказал он просто.

Роберт, Паганель, майор, Том Остин, оба матроса один за другим трогательно простились с Талькавом. Эти славные люди были искренне огорчены разлукой с их отважным, преданным другом. Индеец всех их прижал поочередно к своей широкой груди. Паганель заставил его принять в подарок карту Южной Америки и обоих океанов, на которую патагонец не раз посматривал с интересом. Географ отдал то, что у него было самого драгоценного. Что же касается Роберта, то единственное, чем он располагал, — это ласками, и он с жаром излил их на своего спасителя, не позабыв уделить часть их и Тауке.

Но к берегу уже подходила шлюпка с «Дункана». Проскользнув между двумя отмелями, она врезалась в песчаный берег.

— Как моя жена? — спросил Гленарван.

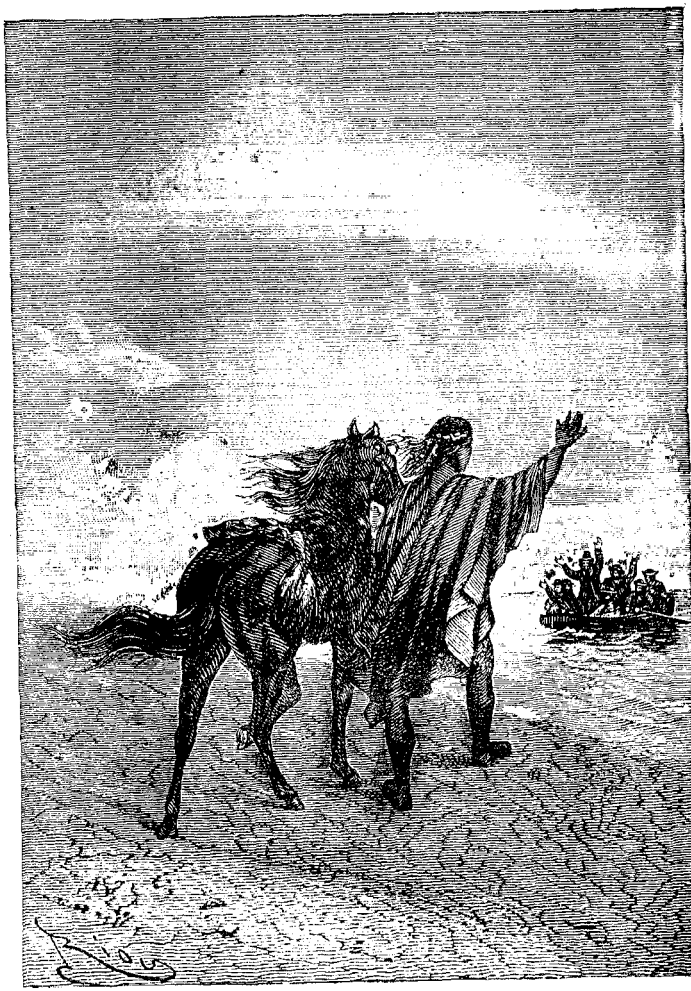
— Как сестра? — крикнул Роберт.

— Миссис Гленарван и мисс Грант ожидают вас на яхте, — ответил старший матрос. — Но надо спешить, сэр, — прибавил он, — нельзя терять ни минуты: уже начался отлив.

Все в последний раз обняли индейца. Талькав проводил своих друзей до шлюпки, уже спущенной на воду.

В тот миг, когда Роберт садился в шлюпку, индеец схватил его на руки, с нежностью поглядел на мальчика и сказал:

— Знай: теперь ты настоящий мужчина!



Шлюпка направилась в открытое море.

— Прощай, друг, прощай! — еще раз промолвил Гленарван.

— Неужели мы никогда больше не увидимся? — воскликнул Паганель.

— Quien sabe![1] — ответил Талькав, поднимая руку к небу.

Это были последние слова индейца. Их заглушил свист ветра.

Матросы оттолкнулись от берега. Шлюпка, уносимая отливом, направилась в открытое море. Долго еще над пенившимися волнами вырисовывалась неподвижная фигура Талькава, но мало-помалу она стала уменьшаться и наконец совсем исчезла из глаз его друзей.

Час спустя Роберт первый взбежал по трапу на «Дункан» и бросился на шею Мэри Грант под гремевшие кругом радостные крики «ура», которыми экипаж яхты приветствовал возвращение Гленарвана и его спутников.

Так закончился этот переход через Южную Америку, совершенный без малейшего отклонения от прямой линии. Ни горы, ни реки не могли заставить наших путешественников отклониться от намеченного пути, и если этим самоотверженным, отважным людям не пришлось бороться с людской злобой, то стихии, не раз обрушиваясь на них, подвергали их суровым испытаниям.

---

[1] Кто знает!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава I

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА «ДУНКАН»

В первые минуты все только радовались, что снова встретились. Гленарвану не хотелось омрачать эту радость известием о неудаче поисков.

— Будем верить в успех, друзья мои! — воскликнул он. — Будем верить! Капитана Гранта нет с нами, но мы совершенно уверены, что разыщем его!

В словах Гленарвана звучала такая уверенность, что в сердцах пассажирок «Дункана» снова затеплилась надежда.

Действительно, пока шлюпка приближалась к яхте, Элен и Мэри Грант пережили немало волнений. Стоя на юте, они пытались пересчитать сидевших в шлюпке. Молодая девушка то приходила в отчаяние, то, наоборот, воображала, что видит отца. Сердце ее трепетало, она была не в силах вымолвить ни одного слова и едва держалась на ногах. Элен, обняв молодую девушку, поддерживала ее. Джон Манглс молча стоял подле Мэри и пристально вглядывался в шлюпку. Его глаза моряка, привыкшие различать отдаленные предметы, не видели капитана Гранта.

— Он там! Вон он! Отец! — шептала молодая девушка.

Однако по мере приближения шлюпки иллюзия рассеивалась. Когда же она была уже саженях в ста от яхты, то не только Элен и Джон Манглс, но и Мэри потеряла всякую надежду. Ободряющие слова Гленарвана прозвучали во-время.

После первых поцелуев и объятий Гленарван рассказал Элен, Мэри Грант и Джону Манглсу об основных происшествиях, случившихся во время экспедиции, и прежде всего ознакомил их с тем новым толкованием документа, которое предложил проницательный Жак Паганель. Гленарван с большой похвалой отозвался о Роберте и заверил Мэри Грант, что она с полным правом может гордиться таким братом. Он рассказал о мужестве и самоотверженности мальчика в часы опасности и так расхвалил Роберта, что не спрячься тот в объятиях сестры, он не знал бы, куда и деваться от смущения.

— Не надо краснеть, Роберт, — сказал Джон Манглс, — ты вел себя как достойный сын капитана Гранта.

Говоря это, он притянул к себе брата Мэри и расцеловал его в щеки, еще влажные от слез молодой девушки.

Излишне упоминать о том, как сердечно были встречены майор и Паганель и с каким чувством благодарности вспоминали великодушного Талькава. Элен очень сожалела, что не могла пожать руку честному индейцу. Мак-Наббс после первых же приветствий ушел к себе в каюту и принялся там бриться спокойной, уверенной рукой. Что касается Паганеля, то он порхал от одного к другому, собирая, подобно пчеле, сладость похвал и улыбок. На радостях наш географ выразил желание перецеловать весь экипаж «Дункана», и так как он утверждал при этом, что Элен и Мэри Грант являются частью этого экипажа, он начал с них и закончил мистером Олбинетом.

Стюард нашел, что единственный способ, которым он может отблагодарить ученого за любезность, — это объявить, что завтрак готов.

— Завтрак? — воскликнул географ.

— Да, господин Паганель.

— Настоящий завтрак, на настоящем столе, с приборами и салфетками?

— Конечно, господин Паганель!

Элен и Мэри пытались пересчитать сидевших в шлюпке.

— И нам не подадут ни сушеного мяса, ни крутых яиц, ни филе страуса?

— О сударь! — укоризненно промолвил уязвленный стюард.

— Я не хотел задеть вас, друг мой, — заметил, улыбаясь, ученый, — но такова была наша обычная пища в течение целого месяца, и обедали мы не сидя за столом, а лежа на земле или восседая верхом на дереве. Поэтому-то завтрак, о котором вы нам возвестили, и мог показаться мне сновидением, вымыслом, химерой.

— Идемте же, господин Паганель, и убедимся в его реальности, — сказала Элен, будучи не в силах удержаться от смеха.

— Позвольте мне быть вашим кавалером, — обратился к Элен галантный географ.

— Не будет ли каких-либо распоряжений относительно «Дункана», сэр? — спросил Джон Манглс.

— После завтрака, дорогой Джон, — ответил Гленарван, — мы обсудим сообща план нашей новой экспедиции.

Пассажиры яхты и молодой капитан спустились в кают-компанию. Механику дан был приказ держать яхту под парами, чтобы быть готовыми пуститься в путь по первому сигналу. Свежевыбритый майор, а также и другие путешественники, быстро переодевшись, уселись за стол.

Завтраку мистера Олбинета была воздана заслуженная честь. Его нашли чудесным и даже превосходящим великолепные пиршества в пампасах. Паганель по два раза накладывал себе каждого блюда, уверяя, что он это делает «по рассеянности».

Это злополучное слово навело Элен Гленарван на мысль спросить, часто ли случалось милейшему французу впадать в его обычный грех. Майор и Гленарван, улыбаясь, переглянулись. Что касается Паганеля, то он громко расхохотался, откровенно признаваясь в своей слабости, и тут же дал честное слово в продолжение всего путешествия воздерживаться от присущего ему греха. Затем он самым забавным образом рассказал о своей неудаче с испанским языком и о своем глубоком изучении поэмы Камоэнса.

— Впрочем, — прибавил он, — «не было бы счастья, да несчастье помогло», и я не сожалею о своей ошибке.

— А почему, мой достойный друг? — спросил майор.

— Да потому, что теперь я знаю не только испанский язык, но и португальский. Вместо того чтобы говорить на одном языке, я говорю на двух.

— Право, я и не подумал об этом, — ответил Мак-Наббс. — Поздравляю вас, Паганель, от всего сердца поздравляю!

Все присутствующие зааплодировали ученому, занятому едой. Паганель умудрялся одновременно и есть и вести разговор. Но он не заметил кое-чего, не ускользнувшего, однако, от Гленарвана, а именно: того особенного внимания, какое оказывал Джон Манглс своей соседке по столу, Мэри Грант. Легкий кивок головы Элен дал понять мужу, что, действительно, дело обстоит «именно так». Гленарван с сердечной симпатией посмотрел на молодых людей, а затем обратился к Джону Манглсу, но совсем по иному поводу.

— Как совершился ваш переход, Джон? — спросил он.

— В наилучших условиях, — ответил капитан. — Только я должен довести до вашего сведения, сэр, что мы не проходили Магеллановым проливом.

— Вот как! — воскликнул Паганель. — Вы, значит, обогнули мыс Горн, а меня с вами не было!

— Повесьтесь! — сказал майор.

— Эгоист! — отозвался географ. — Вы даете мне такой совет лишь для того, чтобы получить мою веревку.

— Полноте, дорогой Паганель! — вмешался в их разговор Гленарван. — Если не обладать даром быть вездесущим, нельзя же одновременно находиться повсюду. И раз вы странствовали по пампасам, вы никак не могли в то же время огибать мыс Горн.

— Но это не мешает мне сожалеть о том, что меня там не было, — сказал ученый.

После этого Паганеля оставили в покое, а Джон Манглс стал рассказывать о сделанном переходе. По его словам, огибая американский берег, он обследовал все западные архипелаги, но нигде не обнаружил следов «Британии». У мыса Пилар, при входе в Магелланов

пролив, пришлось из-за противного ветра изменить маршрут и пойти на юг. Яхта прошла мимо островов Отчаяния, достигла 67° южной широты, обогнула мыс Горн, прошла вдоль Огненной Земли, затем через пролив Лемера и взяла курс вдоль берегов Патагонии. Здесь, на высоте мыса Корриентес, ей пришлось выдержать сильнейшую бурю, ту самую, которая с такой яростью обрушилась во время грозы на наших путешественников. Выдержала яхта этот шторм хорошо и уже три дня крейсировала в открытом море, когда выстрелы карабина дали знать о прибытии ожидаемых с таким нетерпением путешественников. Капитан «Дункана» прибавил, что с его стороны было бы недобросовестно не упомянуть о редкой отваге, проявленной миссис Гленарван и мисс Грант. Буря их не испугала, и если они и беспокоились, то лишь о своих друзьях, странствовавших в это время по равнинам Аргентинской республики.

Этими словами Джон Манглс и закончил свой рассказ. Лорд Гленарван поздравил его с удачно сделанным переходом, а затем обратился к Мэри Грант.

— Дорогая мисс, — сказал он, — я вижу, что капитан Джон воздает должное вашим достоинствам, и я очень рад, что вы так хорошо чувствовали себя на борту его судна.

— Как же могло быть иначе? — ответила Мэри, глядя на Элен Гленарван, а может быть, и на молодого капитана.

— О, сестра моя очень любит вас, мистер Джон! — воскликнул Роберт. — Я тоже вас люблю!

— Я плачу тебе тем же, дорогой мальчик, — ответил Джон Манглс.

Молодой капитан был несколько смущен словами Роберта, а Мэри Грант слегка покраснела.

Джон Манглс поспешил переменить тему разговора:

— Раз я кончил свой рассказ о переходе «Дункана», то, быть может, вы, сэр, ничего не будете иметь против того, чтобы ознакомить нас с подробностями вашего путешествия по Америке, а также с подвигами нашего юного героя?

Конечно, ни одно повествование не могло доставить большего удовольствия Элен и мисс Грант, как это, и

Гленарван не замедлил удовлетворить их любопытство. Рассказывая, он как бы заново проделал, не пропустив ни одного эпизода, все свое путешествие от одного океана до другого: переход через Кордильеры, землетрясение, исчезновение Роберта, похищение его кондором, выстрел Талькава, нападение красных волков, самопожертвование мальчика, знакомство с сержантом Мануэлем, наводнение, убежище на омбу, молния, пожар, кайманы, смерч и, наконец, ночь, проведенная на берегу Атлантического океана. Все эти эпизоды, то страшные, то веселые, попеременно вызывали ужас или смех слушателей. Не раз, когда говорилось о Роберте, его сестра и Элен Гленарван, восхищаясь мальчиком, осыпали его горячими поцелуями.

Закончив свое повествование, Эдуард Гленарван прибавил:

— А теперь, друзья мои, давайте подумаем о настоящем дне. Прошлое позади, но будущее в наших руках. Займемся же снова капитаном Гарри Грантом.

Завтрак был окончен. Все перешли в салон Элен Гленарван и разместились вокруг стола, заваленного картами и планами.

— Дорогая Элен, — не теряя времени, начал Гленарван, — взойдя на борт «Дункана», я сказал вам, что хотя с нами и нет потерпевших крушение на «Британии», но надежды найти их у нас больше, чем когда-либо раньше. После перехода через Южную Америку у нас явилось убеждение, даже скажу больше — уверенность, что катастрофа эта не произошла ни у берегов Тихого океана, ни у берегов Атлантического. Отсюда, естественно, вытекает, что толкование той части документа, где говорится якобы о Патагонии, было неверно. К счастью, нашего друга Паганеля осенило внезапное вдохновение, и он понял, что в толковании документа была сделана ошибка. Он доказал, что мы шли по ложному пути, и истолковал документ так, что у нас нет больше ни малейших сомнений в его подлинном смысле. Я говорю о документе, который написан на французском языке, и прошу Паганеля здесь же разъяснить вам его, чтобы ни у кого из вас не осталось ни тени недоверия к моим словам.

Ученый не замедлил исполнить просьбу Гленарвана.

Он убедительнейшим образом изложил, что́, по его мнению, означают обрывки слов: gonie и indi. Он ясно вывел из слова austral слово «Австралия». Он доказал, что судно капитана Гранта, покинув берега Перу, могло на пути в Европу потерпеть аварию и быть занесенным южными течениями Тихого океана к берегам Австралии. Гипотезы ученого были так остроумны, а выводы так логичны, что заслужили полное одобрение даже Джона Мангласа, а он был очень строгий судья в таких вопросах, и его нельзя было увлечь фантастическими планами. Когда Паганель кончил, Гленарван объявил, что «Дункан» тотчас же направится в Австралию.

Однако майор попросил, прежде чем будет отдан приказ взять курс на восток, разрешить ему высказать одно простое соображение.

— Говорите, Мак-Наббс, — сказал Гленарван.

— Цель моя, — начал майор, — не заключается в том, чтобы поколебать доводы моего друга Паганеля; еще менее собираюсь я опровергать их. Доводы эти я нахожу серьезными, проницательными, достойными всяческого внимания, и мы несомненно должны на них опираться в наших будущих поисках. Но я хотел бы, чтобы они были подвергнуты еще одной, последней проверке: тогда они станут бесспорны и неопровержимы.

Никто не понимал, куда клонит осторожный Мак-Наббс, и все слушали его с некоторым беспокойством.

— Продолжайте, майор, — сказал Паганель, — я готов ответить на все ваши вопросы.

— И вам будет чрезвычайно легко это сделать, — промолвил майор. — Когда пять месяцев назад мы изучали в Клайдском заливе эти три документа, нам казалось, что другого толкования, чем то, какое было предложено, быть не может. Крушение «Британии» нигде не могло произойти, кроме как у берегов Патагонии. У нас не было даже тени сомнения на этот счет.

— Совершенно верно, — заметил Гленарван.

— Позднее, — продолжал майор, — когда, на наше счастье, Паганель по своей рассеянности попал на «Дункан», ему были предложены на рассмотрение эти документы, и он безусловно одобрил наше намерение производить поиски у берегов Америки.

— Правильно, — подтвердил географ.

— И, однако, мы ошиблись, — закончил майор.

— Мы ошиблись, — повторил Паганель. — Каждый человек может ошибиться, но только безрассудный человек упорно не хочет признать, что он ошибся.

— Не горячитесь, Паганель! — промолвил майор. — Я вовсе не хочу сказать, что мы должны продолжать наши поиски в Америке.

— Тогда чего же вы хотите? — спросил Гленарван.

— Хочу признания того, что Австралия кажется нам теперь единственно возможным местом крушения «Британии», с той же очевидностью, с которой еще недавно таким местом нам казалась Америка.

— Охотно признаем это, — ответил Паганель.

— Принимаю это к сведению, — продолжал майор, — и вместе с тем убеждаю вас не давать воли своей фантазии и не доверять всем этим противоречивым «очевидностям». Как знать! Быть может, после Австралии какая-нибудь другая страна внушит вам такую же уверенность, и если эти поиски снова окажутся неудачными, то не станет ли «очевидным», что их надо возобновить еще в другом месте?

Гленарван и Паганель переглянулись: соображения майора поразили их своей верностью.

— Итак, — продолжал Мак-Наббс, — раньше чем мы направимся в Австралию, я хотел бы, чтобы была сделана последняя проверка документов. Вот они, эти бумаги, вот карты. Давайте просмотрим одно за другим все места, через которые проходит тридцать седьмая параллель, и подумаем, нет ли другой страны, на которую указывал бы наш документ.

— Это сделать нетрудно и недолго, — заявил Паганель, — так как, на наше счастье, вдоль этого градуса широты лежит мало земель.

— Посмотрим, — сказал майор, разворачивая английскую карту обоих полушарий, сделанную по Меркатору[1].

---

[1] Меркатор (1512—1594) — нидерландский географ-картограф; изобрел особый способ измерения больших расстояний на земной поверхности. Географические проекции Меркатора особенно важны в навигации, а в картографии употребляются и в настоящее время.

Карту разложили перед Элен, и все разместились так, чтобы иметь возможность следить за пояснениями Паганеля.

— Как я уже говорил вам, — начал географ, — тридцать седьмая параллель, пройдя через Южную Америку, пересекает острова Тристан-да-Кунья. Я утверждаю, что ни одно слово документа не может относиться к этим островам.

После тщательного рассмотрения документов все присутствующие должны были признать, что Паганель прав. Острова Тристан-да-Кунья были отвергнуты единогласно.

— Будем же продолжать, — снова заговорил географ. — Выйдя из Атлантического океана двумя градусами южнее мыса Доброй Надежды, мы попадаем в Индийский океан. Одна только группа островов встречается на нашем пути — Амстердамские острова. Обсудим вопрос о них так же, как мы это сделали по отношению к Тристан-да-Кунья.

После тщательного обсуждения Амстердамские острова были тоже отвергнуты: ни одно слово, полное или неполное, будь то французское, немецкое или английское, не могло относиться к этой группе островов Индийского океана.

— Теперь мы подходим к Австралии, — продолжал Паганель. — Тридцать седьмая параллель вступает на этот материк у мыса Бернулли и покидает его в том месте, где находится бухта Туфольд. Надеюсь, вы согласитесь со мной, что, не делая никакого насилия над текстом документов, можно отнести неполное слово stra из английского документа и неполное слово austral из французского к «Австралии»? Это так очевидно, что даже не стоит на этом настаивать.

Все согласились с заключением Паганеля. Его предположение казалось всесторонне обоснованным.

— Пойдем дальше, — продолжал майор.

— Пойдем, — откликнулся географ, — путешествие нетрудное. Покинув бухту Туфольд, мы пересекаем море на востоке Австралии и встречаем на пути Новую Зеландию. Тут я напомню вам, что обрывок слова contin из французского документа неопровержимо указывает на то,

что вопрос идет о континенте. Стало быть, капитан Грант не мог найти пристанища на Новой Зеландии, ибо она представляет собой не материк, а остров. Но пожалуйста — анализируйте, сравнивайте, переворачивайте на все лады слова и обрывки слов, а затем скажите, имеют ли они хоть малейшее отношение к этой стране.

— Ни в каком случае, — ответил Джон Манглс, тщательно рассмотрев документы и карту полушарий.

— Нет, — согласились с ним остальные слушатели Паганеля и даже сам майор, — о Новой Зеландии не может быть и речи.

— Дальше, — продолжал географ: — среди всего огромного водного пространства между этим большим островом и берегом Америки тридцать седьмая параллель проходит только по одному бесплодному, пустынному островку.

— Как он называется? — спросил майор.

— Смотрите на карту. Это остров Марии-Терезии, но, надо сказать, ни в одном из трех документов нет никаких следов этого названия.

— Никаких, — подтвердил Гленарван.

— А теперь, друзья мои, — закончил географ, — скажите: не ясно ли, что наиболее вероятным, а вернее сказать — совершенно бесспорным является мой вывод о том, что речь здесь идет именно об Австралии?

— Несомненно, — единодушно ответили пассажиры и капитан «Дункана».

— Скажите, Джон, — спросил тогда Гленарван капитана, — в достаточном ли количестве имеется у вас съестных припасов и угля?

— Да, сэр, я с избытком всем запасся в Талькагуано. К тому же мы легко сможем еще пополнить наш запас топлива в Капштадте.

— В таком случае, дайте приказ к отплытию...

— Еще одно соображение... — перебил Гленарвана майор.

— Говорите, Мак-Наббс!

— Как ни много у нас шансов на успех в Австралии, а не следовало ли бы нам все же на день-два сделать остановку у островов Тристан-да-Кунья и Амстердамских? Нам ведь это по пути. И тогда уж мы окончательно

убедимся в том, что у этих островов не осталось следов крушения «Британии».

— Ну и недоверчив же этот майор! — воскликнул Паганель. — Он стоит на своем!

— Я стою главным образом за то, чтобы нам не пришлось возвращаться назад в том случае, если Австралия не оправдает наших надежд.

— Эти меры предосторожности кажутся мне разумными, — заметил Гленарван.

— И, уж конечно, не я стану вас отговаривать от них, — добавил Паганель, — напротив!

— Тогда, Джон, отдайте приказ идти к островам Тристан-да-Кунья, — распорядился Гленарван.

— Немедленно, сэр, — ответил капитан и отправился на свой мостик, в то время как Роберт и Мэри Грант горячо благодарили Гленарвана.

Вскоре «Дункан», держа курс на восток, уже рассекал своим форштевнем волны Атлантического океана, удаляясь от американских берегов.

Глава II

ТРИСТАН-ДА-КУНЬЯ

Если бы яхта шла вдоль экватора, те сто девяносто шесть градусов, которые отделяют Австралию от Америки (или, вернее сказать, мыс Бернулли от мыса Корриентес), представляли бы собой путь в одиннадцать тысяч семьсот шестьдесят географических миль. Но тридцать седьмая параллель вследствие формы земного шара короче экватора, и, следуя по ней, яхте предстояло пройти всего лишь девять тысяч четыреста восемьдесят миль. От американского берега до островов Тристан-да-Кунья считается две тысячи сто миль. Это расстояние Джон Манглс надеялся пройти в десять дней, если только его не задержат в пути восточные ветры. Молодому капитану посчастливилось: к вечеру ветер стал заметно спадать, а затем изменил свое направление. Море успокоилось, и «Дункан» получил возможность проявить все свои бесподобные качества.

Жизнь вернувшихся пассажиров на яхте пошла своим обычным ходом. Казалось, что они и не покидали судна на целый месяц. Только теперь кругом них плескались волны уже не Тихого, а Атлантического океана. Но ведь все волны, если не считать некоторого различия в их оттенках, похожи друг на друга. Стихии, подвергшие наших путешественников стольким грозным испытаниям, теперь им благоприятствовали. Океан был как зеркало, дул попутный ветер, и паруса «Дункана», вздувшись под западным бризом, помогали его неутомимо работающей паровой машине.

Благодаря всему этому переход совершился быстро, без злоключений и приключений. Наши путешественники ждали с твердой надеждой австралийского берега. Они все больше и больше верили в успех. О капитане Гранте говорили так, будто яхта шла за ним в какой-то определенный порт. Уже были приготовлены каюта для него и койки для его двух матросов. Мэри Грант доставляло большую отраду устраивать отцовскую каюту, украшать ее. Каюту уступил мистер Олбинет; сам же он перебрался к своей супруге. Каюта, предназначенная для капитана Гранта, находилась рядом со знаменитой каютой номер шесть, заказанной Жаком Паганелем на пароходе «Шотландия». Ученый-географ, запершись, проводил в ней почти целые дни. Он с утра до вечера работал над трудом под заглавием «Чудесные впечатления географа в аргентинских пампасах». Часто было слышно, как он взволнованно читал вслух свои изящные периоды, прежде чем доверить их записной книжке. И, надо признаться, восторженный ученый не раз изменял музе истории Клио и обращался к божественной музе Каллиопе, вдохновительнице аттических поэм, прославляющих подвиги героев. Паганель и не скрывал того, что целомудренные дочери Аполлона охотно покидают для него Парнас или Геликон. Элен и майор поздравляли его с этими мифологическими посетительницами.

— Только смотрите, дорогой Паганель, — добавлял при этом майор, — берегитесь рассеянности, и если вам придет фантазия учиться языку австралийцев, то не вздумайте прибегнуть к помощи китайской грамматики.

Итак, на яхте все шло прекрасно. Эдуард и Элен Гле-

нарван с интересом наблюдали за Джоном Манглсом и Мэри Грант. Супруги находили, что молодые люди ведут себя безупречно, а раз Джон Манглс молчит, то лучше делать вид, что они ничего не замечают.

— Что подумает капитан Грант! — сказал однажды жене Гленарван.

— Он подумает, что Джон достоин Мэри, и не ошибется, дорогой Эдуард.

Между тем яхта быстро двигалась к цели. Через пять дней после того, как скрылся из виду мыс Корриентес, а именно 16 ноября, подул западный бриз, чрезвычайно благоприятствующий судам, огибающим южную оконечность Африки: там дуют обычно юго-восточные ветры. «Дункан» распустил паруса и под своим фоком, гротом, марселями, брамселями и стакселями лег на левый борт и понесся левым галсом так быстро, что винт почти не успевал отталкиваться от ускользающих вод, рассекаемых его форштевнем. Можно было подумать, что «Дункан» принимает участие в состязании яхт Королевского яхт-клуба Темзы.

На следующий день океан оказался покрытым громадными водорослями, делавшими его похожим на огромный пруд, заросший травами. Казалось, это одно из тех саргассовых морей, которые образованы из обломков деревьев и растений с соседних материков. Впервые обратил на них внимание мореплавателей ученый Мори. «Дункан» словно скользил по громадной равнине (Паганель удачно сравнил ее с пампасами), и ход его несколько замедлился.

Прошли еще одни сутки, и на рассвете с мачты послышался голос сторожевого матроса.

— Земля! — крикнул он.

— В каком направлении? — спросил его Том Остин, стоявший в это время на вахте.

— На подветренном, — ответил матрос.

Не успел раздаться этот всегда волнующий крик: «Земля!», как палуба сразу наполнилась людьми. Вскоре из люка выглянула подзорная труба, и тотчас же вслед за ней появился Жак Паганель. Ученый не замедлил направить свой инструмент в указанном направлении, но не увидел там ничего похожего на землю.

— Взгляните на облака, — посоветовал ему Джон Манглс.

— Верно, — сказал Паганель. — Там, правда, еще очень неясно, но все же виднеется что-то вроде остроконечной горной вершины.

— Это Тристан-да-Кунья, — объявил Джон Манглс.

— В таком случае, если только память мне не изменяет, — продолжал ученый, — мы должны быть от него в восьмидесяти милях, ибо эта вершина, поднимающаяся на семь тысяч футов над уровнем моря, видна именно с такого расстояния.

— Совершенно верно, — отозвался капитан Джон.

Прошло несколько часов, и на горизонте вполне отчетливо вырисовалась группа чрезвычайно высоких островов с крутыми берегами. Коническая вершина Тристана выделялась темным силуэтом на сияющем фоне неба, разноцветно озаренного лучами восходящего солнца. Вскоре из скалистой массы архипелага выступил главный его остров, расположенный как бы у вершины направленного на северо-восток треугольника.

Тристан-да-Кунья находится под 37°8′ южной широты и 10°44′ западной долготы от Гринвичского меридиана. Этот маленький одинокий архипелаг Атлантического океана пополняется в восемнадцати милях к юго-западу островом Неприступный, а в десяти милях к юго-востоку — островом Соловей. Около полудня яхта прошла мимо двух главных приметных мест, которые помогают морякам ориентироваться, а именно: мимо угловой скалы острова Неприступный, очень похожей на лодку с поднятым парусом, и мимо двух островков у северной части острова Соловей, напоминающих развалины небольшой крепости. В три часа «Дункан» вошел в бухту Тристан-да-Кунья — Фалмут, — защищенную от западных ветров остроконечной горой Гельм. Здесь дремало на якоре несколько китоловных судов, занятых ловлей тюленей и других морских животных, которыми изобилуют эти берега.

Джон Манглс занялся приисканием надежного места для стоянки «Дункана», зная, что этот не вполне защищенный рейд представляет для судов большую опасность при северном и северо-западном ветре. Именно в этой

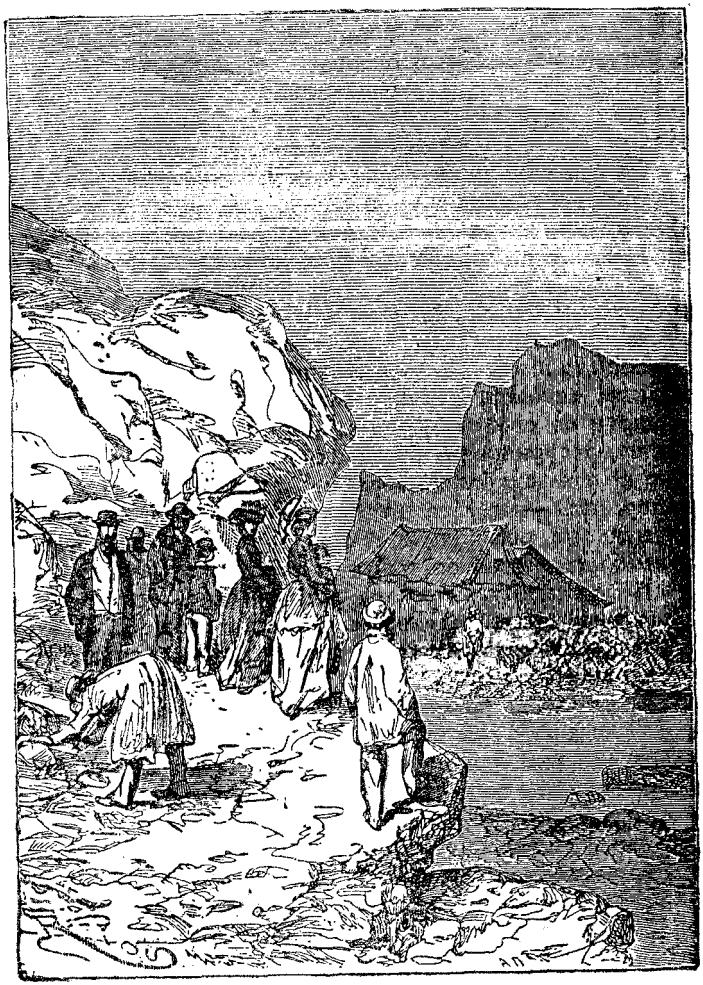
бухте затонул в 1829 году английский бриг «Джулия» с командой и грузом. «Дункан» бросил якорь в полумиле от берега, на каменистое дно глубиной в двадцать саженей. Для пассажиров яхты тотчас была спущена большая шлюпка; они высадились на берег, покрытый тонким черным песком — мельчайшими остатками пережженных, выветрившихся известковых скал.

Столицей всего архипелага Тристан-да-Кунья является небольшой поселок, расположенный в глубине бухты, у широкого шумного ручья. В нем до полусотни довольно опрятных домиков, расположенных с той геометрической правильностью, которая, повидимому, является последним словом английской архитектуры. За этим миниатюрным городком расстилается равнина в полторы тысячи гектаров, заканчивающаяся огромными насыпями из остывшей лавы. А над этой плоской возвышенностью поднимается конический пик в семь тысяч футов.

Гленарван был принят губернатором английской колонии и тотчас же осведомился у него относительно Гарри Гранта и «Британии». Но эти имена оказались совершенно неизвестными ему. Острова Тристан-да-Кунья находятся в стороне от обычного морского пути, и к берегам их редко подходят суда. После известного крушения английского судна «Блендон-Голл», разбившегося в 1821 году о скалы острова Неприступный, еще два судна потерпели крушение у берега главного острова: «Примоге» в 1845 году и трехмачтовый американский корабль «Филадельфия» в 1857 году. Этими тремя катастрофами и ограничивалась местная статистика кораблекрушений.

В сущности, Гленарван и не рассчитывал получить здесь какие-нибудь сведения, а расспрашивал губернатора для очистки совести. Из тех же самых соображений он послал шлюпки вокруг острова, окружность которого не превышает семнадцати миль. Если бы остров был даже втрое больше, то и тогда на нем не могли бы уместиться ни Лондон, ни Париж.

Пока производились эти поиски, пассажиры «Дункана» прогуливались по поселку и его окрестностям. Количество его жителей не достигало и ста пятидесяти человек. Все это были англичане и американцы, женатые на негритянках и капских готтентотках.



Путешественники осмотрели утесы вулканического происхождения.

Наши туристы были рады тому, что чувствуют под ногами твердую почву. Побывав в поселке, они отправились на берег, к которому прилегает обработанная долина, единственная на этом острове. Все остальное пространство острова покрыто крутыми и бесплодными утесами из застывшей лавы. Среди них живет множество огромных альбатросов и тысячи пингвинов.

Путешественники сначала осмотрели утесы вулканического происхождения, а потом направились к долине. Вокруг них журчали многочисленные проворные ручьи, питаемые вечными снегами конусообразной горы. Пейзаж оживляли зеленые кусты, на которых виднелось почти столько же птичек, сколько и цветов. Среди зеленеющих пастбищ возвышалось одно-единственное дерево футов в двадцать вышиной. Гигантский кустарник туссе с древовидным стеблем, ацена с колючими семенами, могучие ломарии со своими переплетающимися стеблями, многолетние кустарниковые растения апуэрины, распространяющие кругом одуряющий аромат, мхи, дикий сельдерей, папоротник — все это представляло, правда, не разнообразную, но роскошную флору. Чувствовалось, что над этим благодатным островом нежно веет вечная весна.

В окрестностях поселка паслись стада быков и овец. Цветущие поля, засеянные хлебами, маисом, овощами, ввезенными сюда лет сорок назад, примыкали вплотную к улицам столицы.

Как раз в то время, когда Гленарван вернулся на борт, подошли к «Дункану» шлюпки. Они успели в несколько часов объехать кругом весь остров, но ни на какой след «Британии» на своем пути не наткнулись. Таким образом, приходилось окончательно вычеркнуть острова Тристан-да-Кунья из перечня тех мест, где можно было надеяться найти капитана Гранта.

Теперь «Дункан» мог свободно покинуть эти африканские острова и продолжать свой путь на восток. Если он не отплыл в тот же вечер, то только потому, что Гленарван разрешил своей команде поохотиться на тюленей. Тюлени кишели в бухте Фалмут. Когда-то в этих водах прекрасно себя чувствовали и настоящие киты. Но на них столько охотились, что они почти перевелись. Земноводные же встречаются здесь целыми стадами. Команда

яхты решила всю ночь за ними охотиться, а на следующий день заготовить из них запасы жира. Поэтому отплытие «Дункана» было отложено на послезавтрашний день — 20 ноября.

За ужином Паганель сообщил своим спутникам несколько интересных сведений об островах Тристан-да-Кунья. Они узнали, что этот архипелаг, открытый в 1506 году португальцем Тристаном-да-Кунья, одним из спутников Альбукерка, в течение более ста лет не был исследован. Здешние острова считались, и не без основания, «приютом бурь» и пользовались не лучшей репутацией, чем Бермудские острова. Поэтому к ним подходили только суда, заброшенные к их берегам бурями Атлантического океана.

В 1697 году, когда три голландских судна Индийской компании пристали к островам Тристан-да-Кунья, были определены координаты этих островов, а в 1700 году астроном Галлей внес в эти вычисления свои поправки. Между 1712 и 1767 годами ознакомились с архипелагом Тристан-да-Кунья несколько французских мореплавателей. Особенно много внимания уделил ему Лаперуз, побывавший на нем, согласно полученным инструкциям, во время своего знаменитого путешествия 1785 года. Эти так редко посещаемые острова были необитаемы вплоть до 1811 года, когда одному американцу, Джонатану Ламберту, пришла мысль их колонизировать. В январе этого года он высадился здесь с двумя товарищами, и они принялись за работу. Английский губернатор мыса Доброй Надежды, узнав, что новые колонисты преуспевают, предложил им протекторат Англии. Джонатан принял это предложение и водрузил над своей хижиной британский флаг. Казалось бы, что Джонатану суждено было мирно и безмятежно царствовать над «своими народами» — стариком-итальянцем и португальским мулатом, но однажды, исследуя берега своей «империи», он утонул или был утоплен — это осталось тайной. Настал 1816 год. Наполеон был заключен на острове св. Елены, и Англия, дабы бдительнее охранять его, держала один гарнизон на Тристан-да-Кунья, а другой — на острове Вознесения. Гарнизон состоял из артиллерийской батареи, переведенной с мыса Доброй Надежды, и из отряда готтентотов. Он

оставался здесь до самой смерти Наполеона, до 1821 года, затем был возвращен обратно на мыс Доброй Надежды.

— Один только европеец, — добавил Паганель, — капрал, шотландец...

— А, шотландец! — перебил его майор, которого всегда интересовали соотечественники.

— Звали его Вильям Гласс, — продолжал географ. — Он остался на острове с женой и двумя готтентотами. Вскоре к шотландцу присоединились два англичанина: один матрос, а другой рыбак с берегов Темзы, служивший до этого драгуном в аргентинской армии. Наконец, в 1821 году один из потерпевших крушение на «Блендон-Голле» вместе со своей молодой женой также нашел себе приют на острове Тристан. Таким образом, на этом острове в 1821 году имелось шесть мужчин и две женщины. В 1829 году число обитателей возросло: мужчин стало семь, женщин шесть, а детей четырнадцать. В 1835 году число это поднялось до сорока, а в настоящее время оно утроилось. Скажу еще, чтобы дополнить историю Тристан-да-Кунья, — продолжал Паганель: — эти острова, по-моему, не менее острова Хуан-Фернандец имеют право считаться островами робинзонов. В самом деле, если на острове Хуан-Фернандец были в разное время брошены на произвол судьбы два моряка, то такой же участи едва не подверглись на островах Тристан-да-Кунья два ученых. В 1793 году один из моих соотечественников, естествоиспытатель Обер дю Пти-Туар, до того увлекся здесь собиранием растений, что заблудился и смог добраться до своего корабля лишь в тот момент, когда капитан уже отдал приказ поднять якорь. А в 1824 году один из ваших соотечественников, дорогой Гленарван, искусный рисовальщик, по имени Огюст Эрл, был оставлен на этом же самом острове и провел на нем целых восемь месяцев. Капитан судна забыл о том, что Эрл находится на берегу, и, подняв паруса, отплыл к мысу Доброй Надежды.

— Вот этого капитана поистине можно назвать рассеянным! — отозвался майор. — Это, верно, был один из ваших родичей, Паганель?

— Если он и не был моим родичем, то, во всяком случае, достоин этой чести, — заявил географ.

И этим его ответом разговор об островах Тристан-да-Кунья был закончен.

Ночная охота команды «Дункана» оказалась удачной: убито было пятьдесят крупных тюленей. Разрешив охоту, Гленарван не мог запретить матросам извлечь из нее пользу. Поэтому следующий день был посвящен вытапливанию тюленьего жира, а также обработке кож этих ценных земноводных. Само собой разумеется, что и второй день стоянки в порту пассажиры «Дункана» использовали для того, чтобы совершить новую прогулку вглубь острова. Гленарван и майор захватили с собой ружья — они собирались поохотиться за местной дичью.

Гуляя, туристы дошли до самой подошвы горы. Почва здесь была усеяна кусками лавовых шлаков, пористых и черных, и всякими другими обломками вулканического происхождения. Основание горы поднималось из хаоса шатких скал. Трудно было ошибиться в вопросе о происхождении этого огромного конусообразного пика, и английский капитан Кармайкел имел полное основание видеть в нем потухший вулкан.

Охотники набрели на нескольких кабанов. Пуля майора уложила на месте одного из них. Гленарван же довольствовался тем, что подстрелил несколько черных куропаток, из которых должно было выйти превосходное рагу. На высоких горных площадках мелькало множество коз. Было на острове и множество диких кошек; эти сильные, отважные животные, страшные даже для собак, должны были, по всей видимости, когда-нибудь развиться в настоящих хищных животных.

В восемь часов вечера все вернулись на яхту, а ночью «Дункан» навсегда покинул Тристан-да-Кунья.

Глава III

ОСТРОВ АМСТЕРДАМ

Джон Манглс собирался запастись углем на мысе Доброй Надежды, поэтому ему пришлось немного уклониться от тридцать седьмой параллели и подняться на два градуса к северу. Здесь еще не начиналась зона пас-

сатов, а дули сильные западные ветры, очень благоприятствовавшие ходу «Дункана».

Менее чем в шесть дней он прошел тысячу триста миль, то-есть расстояние от Тристан-да-Кунья до южной оконечности Африки. 24 ноября, в три часа дня, показалась Столовая гора, а немного погодя Джон заметил и гору Сигналов, поднимающуюся у входа в залив. «Дункан» вошел туда около восьми часов вечера и стал на якорь в Капштадтском порту.

Паганель, будучи членом Географического общества, не мог не знать, что южную оконечность Африки впервые увидел мельком португальский адмирал Бартоломей Диац в 1486 году, а обогнул ее только в 1497 году Васко да Гама. По этому поводу ученый сделал одно любопытное замечание: если бы Диац тогда, в 1486 году, за шесть лет до первого путешествия Христофора Колумба, обогнул мыс Доброй Надежды, то открытие Америки могло бы быть отложено на совершенно неопределенное время. Ведь путь вдоль южной оконечности Африки — самый короткий и прямой путь в Восточную Индию. А великий генуэзский моряк, углубляясь на запад, как раз искал ближайшего пути в «страну пряностей». И будь этот мыс уже обогнут, весь смысл экспедиции Колумба терялся бы, и, вероятно, он не предпринял бы ее.

Кейптаун, или Капштадт, основанный в 1652 году голландцем Ван-Рибеком, расположен в глубине Капского залива. Это столица значительной колонии, которая окончательно стала английской после договоров 1815 года.

Пассажиры «Дункана» воспользовались стоянкой в порту, чтобы осмотреть город. Они имели лишь двенадцать часов в своем распоряжении, так как капитану достаточно было одного дня для возобновления запасов угля и он хотел сняться с якоря 26-го утром.

Впрочем, им и не понадобилось больше времени, чтобы обойти правильные квадраты шахматной доски, называемой Капштадтом. И правда, после того, как вы осмотрите замок, возвышающийся в юго-восточной части города, дом и сад губернатора, биржу, музей, каменный крест, водруженный здесь Бартоломеем Диацем в память своего открытия, да еще выпьете стакан понтейского ви-

на, лучшего из местных вин, вам не останется ничего другого, как пуститься в дальнейший путь.

Это и сделали наши путешественники на рассвете следующего дня. «Дункан» поднял кливер, фок и марсель и через несколько часов уже обогнул тот знаменитый мыс Бурь, которому португальский король-оптимист Иоанн II так неудачно дал название Доброй Надежды. Отсюда до Амстердамских островов — две тысячи девятьсот миль. При хорошей погоде и благоприятном ветре это расстояние можно пройти дней в десять. Нашим мореплавателям больше повезло, чем путешественникам по пампасам: им не пришлось жаловаться на неблагосклонность стихии.

— О море, море! — повторял Паганель. — Это наилучшее место, где могут проявить себя силы человека. Корабль — настоящий проводник цивилизации! Если бы земной шар представлял собой один огромный материк, мы в девятнадцатом веке не знали бы и тысячной его части. Взгляните на то, что происходит внутри обширных материков — в равнинах Центральной Азии, в пустынях Африки, в прериях Америки, на обширных пространствах Австралии, в ледяных полярных странах. Человек там едва осмеливается показаться. Самый смелый отступает, самый отважный погибает. Продвигаться там человеку невозможно: средства сообщения недостаточны. Жара и болезни представляют непреодолимые препятствия. Двадцать миль пустыни больше разделяют людей, чем пятьсот миль океана. Жители противоположных побережий считают себя соседями, а люди, между которыми раскинулись леса, — друг для друга чужестранцы... Англия как бы граничит с Австралией. А возьмите, например, Египет: он кажется отдаленным на миллионы лье от Сенегала. Пекин является словно антиподом Петербурга... Море в наше время более доступно, чем любая незначительная пустыня, и только благодаря ему между пятью частями света установились родственные узы.

Паганель говорил с жаром, и даже майор ничего не возразил на этот гимн океану. И в самом деле, если бы для поисков Гарри Гранта нужно было следовать вдоль тридцать седьмой параллели все время по материку, то это предприятие оказалось бы неосуществимым. А тут

к услугам наших отважных путешественников было море, переносившее их из одной страны в другую.

6 декабря, на рассвете, над морскими волнами показалась какая-то гора. Это были Амстердамские острова, расположенные под 37°47′ южной широты и 77°24′ восточной долготы. Конусообразная вершина была видна в ясную погоду за пятьдесят миль. В восемь часов утра очертания этой горы, еще неясные, стали напоминать общий облик Тенерифа.

— Значит, она похожа и на гору Тристан-да-Кунья, — заметил Гленарван.

— Основательный вывод, — отозвался Паганель. — Он вытекает из геометрографической аксиомы, говорящей о том, что два острова, похожие на третий, похожи и друг на друга. Добавлю, что Амстердамские острова, так же как и острова Тристан-да-Кунья, были богаты тюленями и робинзонами.

— Значит, робинзоны имеются всюду? — спросила Элен.

— Честное слово, миссис, я не много знаю островов, где не бывало бы подобных приключений, — отозвался ученый: — сама жизнь гораздо раньше вашего знаменитого соотечественника Даниеля Дефо осуществила его бессмертный роман.

— Господин Паганель, — обратилась к нему Мэри Грант, — разрешите мне задать вам один вопрос.

— Хоть два, дорогая мисс. Обязуюсь на них ответить.

— Скажите, очень испугались бы вы, если бы вдруг были покинуты на пустынном острове?

— Я? — воскликнул Паганель.

— Не вздумайте, друг мой, признаться в том, что это ваше заветное желание, — сказал майор.

— Я не хочу утверждать этого, — ответил географ, — но, пожалуй, подобное приключение пришлось бы мне по вкусу. Я создал бы свою жизнь заново: стал бы охотиться, ловить рыбу, жил бы зимой в пещере, а летом — на дереве, устроил бы склад для собранного мною урожая... Словом, я занялся бы колонизацией моего острова.

— Один?

— Один, если бы так сложились обстоятельства. А к

тому же, разве на земле может быть полное одиночество? Как будто нельзя выбрать себе друга среди животных: приручить какого-нибудь козленка, красноречивого попугая, милую обезьянку. А если случай пошлет вам такого товарища, как верный Пятница, то чего же еще вам нужно? Два друга на одном утесе — вот вам и счастье! Представьте, например, майора и меня...

— Благодарю вас, — сказал Мак-Наббс, — у меня нет ни малейшего желания разыгрывать роль Робинзона, да и сыграл бы я эту роль очень плохо.

— Дорогой Паганель, — вмешалась Элен, — ваше пылкое воображение опять уносит вас в мир фантазий. Но мне кажется, что действительность очень отличается от мечтаний. Перед вами рисуются лишь те вымышленные робинзоны, которых судьба забрасывает на заботливо приспособленные для них острова, где природа балует их, словно любимых детей. Вы видите только хорошую сторону вещей.

— Как, вы не думаете, что можно быть счастливым на необитаемом острове?

— Да, я не считаю это возможным. Человек создан для жизни в обществе, а не для уединения. Одиночество порождает отчаяние. Это только вопрос времени. Возможно, что сначала заботы о неотложных материальных потребностях жизни и могут отвлечь мысли несчастного, только что спасшегося от морских волн, и он, весь занятый настоящим, не будет пока думать о мрачном будущем. Но настанет время, когда он почувствует себя одиноким вдали от людей, без всякой надежды увидеть родину, увидеть тех, кого он любит. Что тогда должен будет он передумать, перестрадать! Его островок — для него весь мир, все человечество — он сам... И когда настанет смерть, страшная смерть в совершенном одиночестве, он будет чувствовать себя так, как последний человек в последний день мира... Нет, господин Паганель, поверьте мне, лучше не быть этим человеком!

Паганель, хотя не без сожаления, все же должен был согласиться с доводами Элен. Разговор на тему о положительных и отрицательных сторонах одиночества продолжался вплоть до момента, когда «Дункан» бросил якорь в миле от берега Амстердамских островов.

Этот заброшенный в Индийском океане архипелаг состоит из двух островов, расположенных приблизительно в тридцати трех милях один от другого, как раз на меридиане, проходящем через Индийский полуостров. Северный остров называется островом Амстердам или островом св. Петра, а южный — островом св. Павла. Но надо сказать, что и географы и мореплаватели часто смешивают их.

В 1859 году офицеры австрийского фрегата «Наварра» во время своего кругосветного путешествия избежали этой ошибки. Паганель считал особенно необходимым исправить ее.

Остров св. Павла, расположенный к югу от острова Амстердам, представляет собой необитаемый островок и состоит из одной горы конической формы — повидимому, потухшего вулкана. Остров же Амстердам, на который шлюпка высадила пассажиров «Дункана», имеет миль двенадцать в окружности. Население его состоит из нескольких добровольных изгнанников, уже привыкших к своему печальному существованию. То были сторожа рыболовных промыслов, принадлежащих, так же как и самый остров, одному коммерсанту с острова Соединения, некоему Отовану. Этот властитель, пока еще не признанный великими европейскими державами, получает со своего владения до восьмидесяти тысяч франков в год от ловли, засолки и вывоза рыбы чейлодактилис, называемой на менее научном языке треской.

Этому острову Амстердам было суждено стать и остаться французским владением. Сначала он принадлежал, по праву первого поселившегося на нем, Камену, судовладельцу из Сен-Дени на Бурбоне. Потом по какому-то международному соглашению остров Амстердам был уступлен одному поляку, который занялся его обработкой при помощи мадагаскарских рабов. Но в конце концов остров этот, попав в руки Отована, снова сделался французским.

Когда 6 декабря 1864 года «Дункан» бросил якорь у острова, население его состояло из трех человек: одного француза и двух мулатов. Все трое были служащими коммерсанта-собственника Отована. Паганель смог пожать руку соотечественнику, почтенному господину Вио, чело-

веку весьма преклонных лет. «Мудрый старец» чрезвычайно радушно принял наших путешественников. День, когда ему довелось оказать гостеприимство любезным, культурным европейцам, был для него счастливым днем. Ведь остров св. Петра обычно посещают лишь охотники на тюленей да изредка китобои — люди грубые и неотесанные.

Вио представил гостям своих «подданных» — двух мулатов. Трое этих людей да несколько диких кабанов и множество простодушных пингвинов были единственными обитателями острова. Домик, где жили трое островитян, стоял в юго-западной части острова, в глубине природной гавани, образовавшейся вследствие частичного обвала горы. Еще задолго до «царствования» Отована I остров св. Петра служил убежищем для потерпевших кораблекрушение. Паганель очень заинтересовал своих слушателей заглавием своего первого рассказа на эту тему: «История двух шотландцев, покинутых на острове Амстердам».

Дело было в 1827 году. Английский корабль «Пальмира», проходя в виду этого острова, заметил поднимающийся кверху дымок. Капитан стал приближаться к берегу и вскоре увидел двух людей, подававших сигналы бедствия. Он отправил за этими людьми шлюпку, которая и доставила на корабль Жака Пэна, двадцатидвухлетнего юношу, и Роберта Прудфута, мужчину сорока восьми лет. Эти двое несчастных были в ужасном виде. Они прожили на острове восемнадцать месяцев в страшной нужде, лишениях и муках: у них почти не было ни пищи, ни пресной воды. Питались они ракушками, время от времени какой-нибудь рыбой, пойманной на согнутый гвоздь, или мясом пойманного кабаненка. Им случалось бывать по трое суток без пищи. Подобно весталкам, они неусыпно охраняли костер, разведенный при помощи последнего куска трута. Уходя куда-нибудь, они всегда уносили с собой, как какую-нибудь драгоценность, горящий уголек. Пэн и Прудфут были высажены на остров шхуной, охотившейся за тюленями. Оставили их здесь, по обычаю рыбаков, для того, чтобы они в течение месяца топили жир тюленей и выделывали их кожи. Шхуна за ними не вернулась. Пять месяцев спустя к острову

подошло английское судно «Надежда», направлявшееся в Ван-Димен. Капитан его по какому-то необъяснимому, жестокому капризу отказался взять шотландцев на свое судно. Он отплыл, не оставив им ни куска сухаря, ни огнива. Несомненно, эти двое несчастных погибли бы, если бы «Пальмира», проходившая в виду острова, не подобрала их.

Второе приключение, занесенное в историю острова Амстердам — если вообще у подобного утеса может быть история, — это приключение капитана Перона, на этот раз уже француза. Началось оно и закончилось так же, как у тех двух шотландцев: сначала добровольное пребывание на острове, затем ожидаемое судно не появляется, а через сорок месяцев к берегам острова случайно, по воле ветров, заносится иностранное судно. Но это приключение отличается от первого тем, что во время пребывания капитана Перона на острове разыгралась кровавая драма, похожая на те вымышленные события, которые пережил герой Даниеля Дефо.

Капитан Перон был высажен на берег с четырьмя матросами: двумя англичанами и двумя французами. Он собирался охотиться в течение пятнадцати месяцев на сивучей, или морских львов. Охота была очень удачной, но когда по истечении пятнадцати месяцев судно, которое должно было прийти за охотниками, не появилось, а съестные припасы мало-помалу стали истощаться, резко обострилась национальная рознь. Двое англичан взбунтовались против капитана Перона, и он погиб бы, если бы не помощь его соотечественников. С этого времени существование этих двух враждующих партий стало мучительно жутким, полным не только лишений, но и тревоги: они не переставали ни днем, ни ночью следить друг за другом, не расставались с оружием, нападали друг на друга, являясь то победителями, то побежденными. Конечно, в конце концов одна из враждующих партий покончила бы с другой. Но, к счастью, какое-то английское судно наконец подобрало и доставило на родину этих несчастных людей, которых разделила на скале Индийского океана жалкая национальная рознь.

Таковы были эти приключения. Два раза остров Амстердам стал как бы отечеством заброшенных на него

моряков, которых счастливый случай дважды спас от мук голода и от смерти. Но с тех пор ни одно судно не потерпело крушения у его берегов. Волны вынесли бы, конечно, на берег обломки такого судна, а бывшие на нем люди добрались бы на шлюпках до рыболовных промыслов господина Вио. А между тем за все его многолетнее пребывание здесь старый француз никогда еще не имел случая оказать гостеприимство жертвам моря. О «Британии» и капитане Гранте он ничего не знал. Очевидно, катастрофа эта не произошла ни у острова Амстердам, ни у острова св. Павла, часто посещаемого рыбаками и китоловами.

Слова господина Вио не удивили и не огорчили Гленарвана. Ведь он и его спутники стремились во время этих стоянок не найти местопребывание капитана Гранта, а, напротив, убедиться в том, что его там не было. Они хотели установить тот факт, что на этих точках тридцать седьмой параллели Гарри Грант отсутствует, и только. Отплытие «Дункана» было поэтому назначено на следующий же день.

Оставшееся до вечера время наши путешественники посвятили осмотру острова. Он оказался привлекательным, но бедным флорой и фауной. Описания его не смогли бы заполнить и страницу записной книжки даже самого многословного естествоиспытателя. Млекопитающие и птицы были здесь представлены лишь несколькими дикими кабанами, тюленями, белыми, как снег, чайками, альбатросами и пингвинами. Там и сям из-под темной застывшей лавы били горячие ключи и железистые источники, клубясь густыми парами над вулканической почвой. Температура воды некоторых источников была очень высокой, Джон Манглс погрузил в один из них термометр Фаренгейта, и тот показал сто семьдесят шесть градусов [1]. Когда бросил в эту почти кипящую воду рыбу, пойманную в море в нескольких шагах от того места, она через пять минут была уже сварена. Это побудило Паганеля отказаться от мысли искупаться в таком источнике.

После долгой прогулки, уже в сумерки, наши путешественники стали прощаться с почтенным господином Вио.

---

[1] По Цельсию 80 градусов.

Все они горячо пожелали ему всяческого возможного на его пустынном островке счастья, а старик, в свою очередь, пожелал успеха экспедиции, после чего шлюпка с «Дункана» доставила путешественников на корабль.

Глава IV

ПАРИ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ И МАЙОРА МАК-НАББСА

7 декабря, в три часа утра, «Дункан» стоял под парами. Заработала лебедка. Якорь был поднят с песчаного дна маленького порта и водворен в свое гнездо на борту. Завертелся винт, и яхта направилась в открытое море. Когда в восемь часов утра пассажиры поднялись на палубу, остров Амстердам уже исчезал в туманах горизонта. Стоянка эта была последней на пути по тридцать седьмой параллели до самых австралийских берегов, а до них оставалось еще целых три тысячи миль. Если бы попрежнему продолжал дуть западный ветер и погода оказалась благоприятной, то дней в двенадцать «Дункан» смог бы достичь Австралии.

Мэри Грант и Роберт не без волнения смотрели на волны: их, вероятно, рассекала за несколько дней до своего крушения «Британия». Где-нибудь здесь, быть может, капитан Грант на своем потерпевшем аварию судне с остатками команды боролся со страшными бурями Индийского океана, сознавая, что его корабль неудержимо несет к берегу. Джон Манглс знакомил девушку по своим морским картам с течениями и указывал ей их постоянное направление. Одно из этих течений идет через весь Индийский океан к Австралийскому материку, и его влияние чувствуется даже в Тихом и Атлантическом океанах. Поэтому, если бы «Британия», потеряв мачты и руль, оказалась безоружной против натиска волн и ветра, она должна была быть выброшена на берег и разбиться.

Прошло шесть дней с тех пор, как «Дункан» покинул берега острова Амстердам. Был вечер 12 декабря. Эдуард и Элен Гленарван, Мэри и Роберт Грант, капитан Джон, Мак-Наббс и Паганель беседовали на юте. По обыкновению, темой разговора была «Британия» — ведь все мысли

наших путешественников были сосредоточены на ней. Случайно коснулись того факта, что последние сведения о капитане Гранте, именно о выходе его из Кальяо 30 мая 1862 года, были почерпнуты из «Газеты торгового флота». Тут Гленарван заметил, что его удивляет то обстоятельство, каким образом «Британия», покинув берега Перу, могла через восемь дней, 7 июня, оказаться уже в Индийском океане. Это неожиданное замечание Гленарвана заставило Паганеля быстро поднять голову; затем, ни слова не говоря, ученый отправился за документом. Вернувшись, он опять-таки молча пожал плечами, как человек, которому просто стыдно, что его могли хотя бы на одно мгновение отвлечь «таким пустяком».

— Хорошо, друг мой, — проговорил Гленарван, — но все же дайте нам какое-нибудь объяснение.

— Нет, — ответил Паганель, — я только задам один вопрос, и задам его капитану Джону.

— Я слушаю, господин Паганель, — сказал Джон Манглс.

— Может ли быстроходное судно сделать в один месяц переход от Америки до Австралии?

— Может, если оно будет проходить двести миль в сутки.

— Разве такая скорость необычайна?

— Нисколько. Парусные суда часто идут и быстрее.

— Ну, так предположите, что морская вода смыла одну цифру, и вместо «седьмого июня» читайте «семнадцатого июня» или «двадцать седьмого июня», и все станет ясным.

— В самом деле, — сказала Элен, — от тридцать первого мая до двадцать седьмого июня...

— ...капитан Грант мог пересечь Тихий океан и очутиться в Индийском, — докончил за нее Паганель.

Эти слова ученого были встречены всеми с радостью.

— Итак, еще одно место документа выяснено, — сказал Гленарван, — и опять благодаря нашему ученому другу. Теперь нам остается только добраться до Австралии и начать поиски следов «Британии» на западном побережье.

— Или на восточном, — добавил Джон Манглс.

— Да, вы правы, Джон: в документе нет указаний

на то, что катастрофа произошла именно у западных, а не у восточных берегов. А из этого следует, что наши поиски должны быть направлены на то место обоих побережий, где проходит тридцать седьмая параллель.

— Так, значит, еще неясно, на каком побережье следует искать? — спросила Мэри.

— О нет, мисс! — поспешил ответить Джон Манглс, желая рассеять беспокойство девушки. — Мистер Гленарван, конечно, согласится с тем, что если б капитан Грант высадился на восточном побережье Австралии, то он получил бы там всяческую помощь: ведь все это побережье, можно сказать, английское — оно населено колонистами. Команда «Британии» встретила бы соотечественников, не пройдя и десяти миль.

— Правильно, капитан Джон, — подтвердил Паганель, — я присоединяюсь к вашему мнению. На восточном побережье, в бухте Туфольд, в городе Эден, Гарри Грант нашел бы не только приют в какой-нибудь английской колонии, но и корабль, на котором он мог бы вернуться в Европу.

— А в той части Австралии, куда мы плывем на «Дункане», потерпевшие крушение могли бы встретить такую помощь? — спросила Элен.

— Нет, миссис, ибо берега эти пустынны, — ответил Паганель. — Никакие пути сообщения не соединяют их ни с Мельбурном, ни с Аделаидой. Если только «Британия» разбилась о тамошние береговые рифы, то спасшиеся с судна люди могли получить не больше помощи, чем на негостеприимных берегах Африки.

— Что же стало тогда с моим отцом за эти два года? — промолвила девушка.

— Дорогая Мэри, — отозвался Паганель, — ведь вы уверены, не правда ли, в том, что капитану Гранту после кораблекрушения удалось добраться до австралийского берега?

— Да, господин Паганель, — ответила девушка.

— Ну, так давайте зададим себе вопрос: что могло случиться с капитаном Грантом? Тут могут быть только три гипотезы: или Гарри Грант со своими спутниками добрался до английских колоний, или они попали в руки

туземцев, или, наконец, заблудились в необъятных пустынях Австралии.

Паганель замолчал, стараясь прочесть в глазах слушателей одобрение своей системы доказательств.

— Продолжайте, Паганель, — сказал Гленарван.

— Продолжаю, — согласился географ, — и начну с того, что отброшу первую гипотезу. Гарри Грант, конечно, не добрался до английских колоний, ибо случись это с ним, он давным-давно, целый и невредимый, вернулся бы к своим детям, в свой родной город Денди.

— Бедный отец! — прошептала Мэри Грант. — Уже целых два года, как он разлучен с нами!..

— Не перебивай, сестрица, господина Паганеля! — остановил ее Роберт. — Он сейчас нам скажет...

— Увы, нет, мой мальчик! Единственное, что я могу утверждать, это то, что капитан Грант в плену у австралийцев или...

— А эти туземцы, — перебила его Элен, — не...

— Успокойтесь, миссис, — ответил ученый, поняв, чего она опасалась, — эти туземцы, правда, дики и грубы и стоят на самой низкой ступени развития, но они люди мирные, не кровожадные, подобно своим соседям новозеландцам. Поверьте мне: если потерпевшие крушение на «Британии» попали к ним в плен, то жизни их не могла грозить никакая опасность. Все путешественники сходятся на том, что австралийцы не любят проливать кровь и не раз даже помогали им самим отражать нападения действительно жестоких беглых каторжников.

— Вы слышите, что говорит господин Паганель? — обратилась к Мэри Грант Элен. — Если ваш отец в плену у туземцев — а в документе есть указания на это, — то мы найдем его.

— А если он заблудился в этой огромной стране? — отозвалась молодая девушка, вопрошающе смотря на Паганеля.

— Ну и что же! — уверенно воскликнул географ. — Мы и тогда разыщем его! Не правда ли, друзья мои?

— Конечно! — ответил Гленарван. — Но я не допускаю, чтобы он мог заблудиться.

— И я также, — заявил Паганель.

— А велика ли Австралия? — спросил Роберт.

— Австралия, мой мальчик, занимает около семисот семидесяти пяти миллионов гектаров земли, иными словами — это четыре пятых Европы.

— Она так велика? — с удивлением проговорил майор.

— Да, Мак-Наббс, это совершенно точно. Считаете ли вы, что подобная страна имеет право на название континента, которое дается ей в документе?

— Конечно, Паганель.

— Я еще прибавлю, — продолжал ученый, — что число путешественников, исчезнувших в этой огромной стране, очень невелико. Мне даже кажется, что, пожалуй, Лейхардт — единственный, судьба которого неизвестна, да и то незадолго до моего отъезда мне сообщили в Географическом обществе, будто Мак-Интри считает, что напал на его след.

— Разве не все области Австралии исследованы? — спросила Элен Гленарван.

— Далеко не все, миссис, — ответил Паганель. — Этот континент не более известен, чем центральная часть Африки, а надо сказать, что недостатка в предприимчивых путешественниках тут не было. С 1606 по 1862 год более пятидесяти человек занимались исследованием Австралии — центральных областей и побережий.

— Как, целых пятьдесят? — с недоверчивым видом спросил майор.

— Да, Мак-Наббс, именно столько. Говоря это, я имею в виду и мореплавателей, которые пускались в опасные плавания вдоль необследованных австралийских берегов, а также и сухопутных путешественников, углублявшихся в эту огромную страну.

— И все-таки мне не верится, что их могло быть целых пятьдесят, — заявил майор.

— Так я докажу вам! — крикнул географ, неизменно приходивший в возбуждение, когда ему противоречили.

— Доказывайте, Паганель!

— Если вы не доверяете моим словам, то я сейчас же, не задумываясь, перечислю вам все эти пятьдесят имен.

— Ох, уж эти мне ученые! — спокойно промолвил майор. — Как смело решают они все вопросы!

— А велика ли Австралия? — спросил Роберт.

— Майор, хотите держать со мной пари? Если окажусь правым я, вы отдадите мне ваш карабин «Пурдей-Моор и Диксон», а если окажетесь правым вы, вы получите мою подзорную трубу фабрики Секретана.

— Почему нет, если это может доставить вам удовольствие, Паганель! — ответил Мак-Наббс.

— Ну, майор, — воскликнул ученый, — больше вам не придется убивать серн и лисиц из этого карабина! Разве только я вам его одолжу, что, конечно, всегда сделаю охотно.

— Когда вы будете нуждаться в моей подзорной трубе, Паганель, она всегда будет к вашим услугам, — с серьезным видом ответил на это майор.

— Так начнем! — воскликнул Паганель. — Милостивые государи и государыни, будьте нашими судьями, а ты, Роберт, считай имена.

Эдуард и Элен Гленарван, Мэри и Роберт, майор и Джон Манглс приготовились слушать географа. Их всех забавлял этот спор. К тому же вопрос касался Австралии, куда направлялся «Дункан», и рассказ Паганеля был особенно кстати. Поэтому его попросили немедленно начать рассказ.

— Мнемозина, — воскликнул ученый, — богиня памяти, мать целомудренных муз, вдохнови своего верного и горячего поклонника! Друзья мои, двести пятьдесят восемь лет назад Австралия была неизвестна. Предполагали, правда, что где-то на юге должен существовать большой материк. На двух картах от 1550 года, сохранившихся в вашем Британском музее, дорогой Гленарван, указана некая земля к югу от Азии под названием Большая Ява Португальцев. Но карты эти не вполне достоверны. Вот почему я сразу перехожу к семнадцатому веку, именно к 1606 году, когда испанский мореплаватель Квирос открыл землю, которую и назвал Australia de Espiritus Santu, что значит «Южная земля святого духа». Впрочем, некоторые писатели утверждали, что Квирос открыл вовсе не Австралию, а Ново-Гебридские острова. Здесь я не буду касаться этого спорного вопроса. Заметь, Роберт, Квироса, и перейдем к следующему.

— Один! — объявил мальчуган.

— В том же году Луис Ваз де Торрес, помощник

Квироса по командованию его эскадрой, обследовал дальше к югу новооткрытые земли. Но честь открытия Австралии все же принадлежит голландцу Теодориху Гертогу. Он высадился на западном побережье Австралии под двадцать пятым градусом широты и дал этому месту в честь своего корабля название Эндрахт. За Гертогом идет целый ряд мореплавателей. В 1618 году один из них, Цихен, открывает на северном побережье земли Арнгейм и Ван-Димен. В 1619 году Ян Эдельс дает свое имя части западного побережья. В 1622 году Лёван доходит до мыса, также получившего его имя. В 1627 году де Нуитц и Витт — первый на западе, а второй на юге — завершают открытия своих предшественников. За ними следует командующий эскадрой Карпентер. Он доходит со своими судами до огромного залива, поныне носящего название залива Карпентария. Наконец, в 1642 году мореплаватель Тасман огибает остров Ван-Димен и, принимая его за часть материка, называет именем генерал-губернатора Батавии. Впоследствии потомство справедливо пожелало переменить это название на Тасманию. Таким образом, Австралийский материк обогнули со всех сторон. Было выяснено, что он омывается водами Тихого и Индийского океанов. В 1665 году этот громадный южный остров был назван Новой Голландией. Но названию этому не суждено было сохраниться за ним, ибо как раз в то время голландские мореплаватели начали уже сходить со сцены. Сколько всего имен?

— Десять, — отозвался мальчик.

— Хорошо, ставлю крестик и перехожу к англичанам. В 1686 году корсар Вильямс Дальнье, один из самых знаменитых флибустьеров[1] южных морей, после множества приключений, то веселых, то тяжелых, пристает на своем судне «Лебедь» к северо-западному берегу Новой Голландии, под шестнадцатым градусом пятьюдесятью минутами широты. Он вошел в сношения с туземцами и весьма подробно описал их нравы и жизнь. В 1699 году тот же Вильямс Дальнье, но теперь уже не пират, а командир «Роубуки» — одного из судов королевского флота — посе-

[1] Флибустьеры — морские разбойники в XVII веке. Сыграли видную роль в борьбе Англии и Франции с Испанией за колонии. Грабили преимущественно Испанию и ее колонии.

тил бухту, где некогда высадился Гертог. До сих пор открытие Новой Голландии представляло интерес, так сказать, чисто географический. Никому не приходило в голову ее колонизировать, и в течение семидесяти одного года, с 1699 по 1770 год, ни один мореплаватель не пристал к ее берегам. Но вот появляется капитан Кук, и новый материк начинает вскоре заселяться европейскими колонистами. Во время трех своих путешествий Кук высаживается в Новой Голландии. В первый раз он высадился там тридцать первого марта 1770 года. Произведя в Таити удачные наблюдения над прохождением Венеры через солнечный диск, Кук направляет свое судно в западную часть Тихого океана. Здесь он открывает Новую Зеландию, а затем плывет к восточному побережью Австралии и становится на якорь в одной из тамошних бухт. Бухта эта оказывается настолько богатой неизвестными растениями, что Кук дает ей название Ботанической бухты. Она и поныне называется Ботани-бей. Сношения мореплавателя с местным туземным населением малоинтересны. Из Ботанической бухты Кук плывет к северу, и под шестнадцатым градусом широты, против мыса Скорби, его судно садится на коралловый риф в восьми лье[1] от берега. Судну грозит опасность пойти ко дну. Но Кук приказывает сбросить в море пушки и съестные припасы, и в следующую же ночь облегченное таким образом судно снимается с рифа приливом. Надо заметить, что корабль не затонул при этом только потому, что кусок коралла, застряв в пробоине, очень уменьшил течь. Куку удается довести свое судно до маленькой бухты, в которую впадает река. Здесь в течение трех месяцев, пока длится починка судна, англичане пытаются завязать сношения с туземцами, но это им не удается. По окончании починки корабль продолжает свой путь к северу. Кук хочет узнать, существует ли пролив между Новой Гвинеей и Новой Голландией. После многих опасностей мореплаватель видит на юго-западе широкий морской простор. Значит, пролив существует! Кук проходит им и высаживается на маленьком острове, вступив от имени Англии во владение открытой им землей. Он дает ей чисто британское название: Новый Южный Уэллс.

[1] Лье — французская мера длины, равная 4,5 км.

Три года спустя отважный моряк командует уже двумя судами: «Приключение» и «Решительность». Капитан Фюрно на корабле «Приключение» обследует берега Ван-Дименовой Земли и возвращается, думая, что она является частью Новой Голландии. Только в 1777 году, во время своего третьего путешествия, Кук сам посещает Ван-Дименову Землю. Два его судна, «Решительность» и «Открытие», бросают якорь в бухте Приключения. Отсюда Кук направляется на Сандвичевы острова, которым суждено было через несколько лет стать его могилой. После смерти Кука его спутник Бенкс подал английскому правительству мысль устроить у Ботанической бухты исправительную колонию. После него к новому материку устремились мореплаватели всех стран. В последнем полученном от Лаперуза письме, написанном им в Ботанической бухте седьмого февраля 1787 года, злополучный мореплаватель говорит о своем намерении обследовать залив Карпентария, а также все побережье Новой Голландии до Ван-Дименовой Земли. Лаперуз уходит в море и не возвращается. В 1788 году капитан Филипп в порте Джексон основывает первую английскую колонию. В 1791 году Ванкувер совершает большое морское путешествие вдоль южного побережья материка. В 1792 году д'Антркасто, посланный на поиски Лаперуза, плывет вокруг всей Новой Голландии, причем на западе и юге от нее открывает по пути ряд островов. В 1795 и 1797 годах двое отважных молодых людей, Флиндерс и Басс, путешествуя в лодке длиной в восемь футов, продолжают обследование южного побережья. В 1797 году Басс уже один проплывает между Ван-Дименовой Землей и Новой Голландией по проливу, носящему теперь его имя. В этом же году Фламинг, тот самый, который открыл остров Амстердам, обследует на восточном побережье Новой Голландии реку Сван-Ривер[1], изобиловавшую прекраснейшими черными лебедями. Что касается Флиндерса, то он в 1801 году снова предпринимает исследования. Его судно заходит в бухту Встреча (под тридцать пятым градусом сорока минутами широты и сто тридцать восьмым градусом пятьюдесятью минутами дол-

[1] Сван-Ривер — Лебяжья река.

готы) и встречается с «Географом» и «Естествоиспытателем» — двумя французскими судами, которыми командуют Боден и Гамелен.

— А, вы назвали капитана Бодена? — переспросил майор.

— Да. Но почему это имя вас особенно заинтересовало? — удивился географ.

— Просто так! Продолжайте, дорогой Паганель.

— Хорошо. В виде продолжения прибавлю к именам упомянутых мною мореплавателей имя капитана Кинга. Данные, добытые им во время его путешествий, с 1817 по 1822 год, дополнили результаты предыдущих обследований межтропического побережья Новой Голландии.

— Господин Паганель, я записал уже двадцать четыре имени, — предупредил Роберт.

— Хорошо! — отозвался географ. — Половина карабина майора уже моя. Ну, а теперь, когда я покончил с мореплавателями, перейдем к сухопутным путешественникам.

— Прекрасно, господин Паганель! — воскликнула Элен. — Нельзя не признаться, что память у вас удивительная.

— Что очень странно, — прибавил Гленарван, — у человека такого...

— ...такого рассеянного, вы хотите сказать? — не дал ему договорить Паганель. — Но у меня память только на числа и имена, ни на что больше.

— Двадцать четыре имени, — повторил Роберт.

— Ну, значит, двадцать пятый — лейтенант Даус. Это происходило в 1789 году, год спустя после основания колонии в порте Джексон. К этому времени берега нового материка были уже обследованы, но что таил он в себе, никому еще не было известно. Длинная цепь гор, шедшая вдоль восточного побережья, казалось, преграждала всякий доступ внутрь страны. Лейтенант Даус после девятидневного пути принужден был вернуться в порт Джексон. В том же самом году капитан Тенч тоже пробовал перевалить через эту высокую горную цепь и так же безуспешно. Две эти неудачи на три года отбили у других путешественников охоту браться за такое трудное дело. В 1792 году полковник Петерсон, отважный

исследователь Африки, снова попытался было проникнуть внутрь материка, но и он потерпел неудачу. В следующем году Гаукинсу, простому боцману английского флота, удалось пробраться на двадцать миль дальше своих предшественников. В течение следующих восемнадцати лет только двое — мореплаватель Басс и инженер колонии Барелье — пробовали пробраться внутрь материка, но так же безуспешно, как и их предшественники. Наконец в 1813 году был найден проход в горах, к западу от Сиднея. В 1815 году губернатор Макари отважился перебраться через этот проход, и по ту сторону Синих гор им был заложен город Батхорст. После этого ряд путешественников обогащает географическую науку новыми данными и тем способствует росту колоний. Начало этому изучению кладет в 1819 году Гросби; затем Окслей углубляется на триста миль внутрь страны. За ними следуют Гоуэль и Гун. Эти двое путешественников отправились как раз из бухты Туфольд, через которую проходит тридцать седьмая параллель. В 1829 и 1830 годах капитан Штурт обследует течения рек Дарлинга и Мёррея...

— Тридцать шесть, — сказал Роберт.

— Прекрасно! Я двигаюсь вперед, — ответил Паганель. — Упомяну для полноты об Эйре и Лейхардте, объехавших часть страны в 1840 и 1841 годах; о Штурте — он путешествовал по Австралии в 1845 году; о братьях Грегори и Гельпмане, обследовавших в 1846 году западную часть материка; о Кеннеди, исследовавшем в 1847 году реку Виктория, а в 1848 году — северную часть Австралии; о Грегори; об Остине; снова о братьях Грегори — они с 1855 по 1858 год занимались изучением Австралийского материка, на этот раз его северо-западной части; о Бебедже, который прошел от озера Торренс до озера Эйр, и, наконец, о путешественнике, знаменитом в летописях Австралии, Стюарте, три раза отважно пересекшем материк. Первая экспедиция Стюарта вглубь страны относится к 1860 году. Потом, когда-нибудь, если пожелаете, я расскажу вам, каким образом Австралия была четырежды пересечена с юга на север. Теперь же я ограничусь тем, что закончу этот длинный перечень. Обращаясь ко времени от 1860 до 1862 года, я должен при-

бавить к этим именам имена братьев Демистер, Кларксона и Харпера, Бёрка и Уильса, Нейльсона, Уокера, Ленсборо, Мак-Кинлея, Говита...

— Пятьдесят шесть! — крикнул Роберт.

— Ладно! Майор, я выполняю свое обязательство с лихвой, — продолжал Паганель. — Ведь я еще не назвал ни Дюпере, ни Бугенвиля, ни Фиц-Роя, ни Штока...

— Довольно! — проговорил Мак-Наббс, подавленный столькими именами.

— ...ни Перу, ни Куайне, — продолжал Паганель, не в силах остановиться, как экспресс на полном ходу, — ни Бенне, ни Кенингема, ни Тьера...

— Пощадите!

— ...ни Диксона, ни Стрелецкого, ни Рейда, ни Вилькса, ни Митчеля...

— Остановитесь, Паганель! — вмешался хохотавший от души Гленарван. — Не добивайте злополучного Мак-Наббса! Будьте великодушны! Он признает себя побежденным.

— А его карабин? — с торжествующим видом спросил географ.

— Он ваш, Паганель, — ответил майор. — Признаться, мне очень жаль его, но у вас такая память, что с ней можно выиграть целый артиллерийский музей.

— Невозможно лучше знать Австралию, — заметила Элен. — Не забыть ни одного имени, ни одного самого незначительного факта...

— Ну, положим, относительно незначительных фактов... — сказал майор, покачав головой.

— Что такое? Что вы хотите этим сказать, Мак-Наббс? — закричал Паганель.

— Я хочу сказать, что вам, быть может, неизвестны некоторые подробности, касающиеся открытия Австралии.

— Например? — с гордым видом бросил Паганель.

— А если я укажу вам такое происшествие, которое вам неизвестно, вернете ли вы мне мой карабин?

— Немедленно!

— Так значит, по рукам?

— По рукам!

— Прекрасно! Знаете ли вы, Паганель, почему Австралия не является французским владением?

— Но, мне кажется...

— Или, по крайней мере, известно ли вам, какое объяснение дают этому англичане?

— Нет, майор, — с досадой ответил Паганель.

— Ну, так знайте же: Австралия не принадлежит Франции просто потому, что капитан Боден, бывший, однако, далеко не робкого десятка, так испугался в 1802 году кваканья австралийских лягушек, что поспешил поднять якоря и сбежал оттуда навсегда.

— Как, — воскликнул ученый, — это говорят в Англии? Да ведь это злая шутка!

— Очень злая, согласен, — ответил майор, — но в Соединенном королевстве она считается историческим фактом.

— Это недостойно! — возмутился патриот-ученый. — И об этом могут говорить серьезно?

— Вынужден сознаться, что это так, дорогой Паганель, — ответил среди общего хохота Гленарван. — Как, вы не знали этой подробности?

— Совершенно не знал. Но я протестую. Сами же англичане зовут нас лягушкоедами, а разве боятся того, что едят?

— Тем не менее это рассказывают, — со скромной улыбкой ответил майор.

И вот благодаря чему знаменитый карабин «Пурдей-Моор и Диксон» остался во владении майора Мак-Наббса.

Глава V

ЯРОСТЬ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

Спустя два дня после этого пари Джон Манглс, сделав, как обычно, в полдень наблюдения, сообщил, что «Дункан» находится под 113°37′ долготы. Пассажиры справились по карте и с радостью убедились, что они отстоят от мыса Бернулли меньше чем в пяти градусах. Между этим мысом и мысом д'Антркасто австралийский берег описывает дугу, которая стягивается, как хордой,

тридцать седьмой параллелью. Яхта плыла в той части Индийского океана, которая омывает Австралийский материк. Можно было надеяться, что дня через четыре на горизонте покажется мыс Бернулли.

До сих пор ходу яхты благоприятствовал западный ветер, но в последние дни он мало-помалу стал слабеть, а 13 декабря и совсем упал. Паруса неподвижно повисли вдоль мачт. Не будь у «Дункана» мощной машины, он был бы скован океанским штилем.

Такое состояние атмосферы могло продержаться неопределенно долгое время. Вечером Гленарван заговорил об этом с Джоном Манглсом. Молодой капитан, видя, как быстро опорожняются угольные ямы, казалось, был очень раздосадован наступившим штилем. Он приказал поднять все паруса, чтобы использовать даже самое ничтожное дуновение, но, выражаясь по-матросски, «ветром и шляпы наполнить нельзя было».

— Во всяком случае, нам не следует слишком жаловаться на наше положение — штиль все же лучше противного ветра, — заметил Гленарван.

— Вы правы, сэр, — ответил Джон Манглс, — но подобное затишье обычно наступает перед переменой погоды, а мы плывем у границы муссонов [1], дующих с октября по апрель с северо-востока, и если они нас захватят, то это сильно задержит нас в пути.

— Ничего не поделаешь, Джон. Если возникнет такое препятствие, придется покориться. В конце концов, ведь это будет только задержка.

— Конечно, если только не разыграется буря.

— Разве вы опасаетесь непогоды? — спросил Гленарван, поглядывая на совершенно безоблачное небо.

— Да, — ответил капитан, — но я говорю это вам, сэр. Я не хочу тревожить миссис Гленарван и мисс Грант.

— Вы действуете благоразумно, Джон. Что же вас тревожит?

— Верные признаки надвигающейся бури. Не доверяйте, сэр, внешнему виду неба. Оно очень обманчиво.

[1] Муссоны — ветры, дующие с чрезвычайной силой в Индийском океане. Их направление различно в зависимости от времени года, причем летнее обычно противоположно зимнему. *(Примеч. автора.)*

Вот уже два дня, как меня тревожит непрерывное падение барометра. В настоящий момент он стоит на двадцати семи дюймах. Это такое предупреждение, которым не приходится пренебрегать. Я же особенно опасаюсь ярости южного океана — мне приходилось уже выдерживать борьбу с ним. Водяные пары, сгущающиеся в огромном количестве над громадными ледниками Южного полюса, вызывают движение воздуха страшной силы. Отсюда борьба экваториальных и полярных ветров, рождающая циклоны, ураганы и всякие другие виды бурь, бороться с которыми для кораблей далеко не безопасно.

— Джон, — ответил Гленарван, — «Дункан» — прочное судно, а капитан его — искусный моряк. Пусть налетает буря — мы сумеем справиться с ней.

Опасения, которые высказывал Джон Манглс, подсказывал ему инстинкт моряка. Он был, как говорят англичане, искусным знатоком погоды — weather-wise. Упорное падение барометра заставило молодого капитана принять на своем судне все доступные ему меры предосторожности. Джон Манглс ждал сильнейшей бури: хотя небо еще и не предвещало этого, но непогрешимый барометр не мог ввести его в заблуждение. Воздушные течения устремляются из мест с высоким давлением, где барометр, следовательно, стоит высоко, в такие места, где барометр падает. И чем ближе друг от друга эти места, тем скорее устанавливается единый уровень атмосферного давления, но зато тем больше и скорость ветра.

Джон Манглс пробыл на своем мостике всю ночь. Около одиннадцати часов южная сторона неба начала заволакиваться тучами. Джон Манглс вызвал наверх всю команду и приказал спустить малые паруса. Он оставил только фок, косой грот, марсель и кливера. В полночь ветер стал крепчать: скорость ветра достигла шести саженей в секунду. Треск мачт, шум, производимый работой команды, сухое щелканье парусов, скрип внутренних переборок яхты — все это дало знать пассажирам о том, о чем до сих пор они еще не подозревали. Паганель, Гленарван, майор, Роберт появились на палубе: одни из любопытства, другие — готовые принять участие в работе. По небу, которое было ясным и звездным перед тем, как они разошлись по своим каютам, теперь неслись густые тучи,

разделенные полосами, пятнистыми, словно шкура леопарда.

— Ураган? — коротко спросил Гленарван Джона Манглса.

— Еще нет, но он близок, — ответил капитан.

Тут же он приказал взять марсель на нижние рифы. Матросы бросились исполнять его приказание. Не без труда, борясь с ветром, они уменьшили поверхность паруса и прикрепили свернутую его часть к спущенной рее. Джон Манглс считал необходимым сохранить возможно бо́льшую парусность, чтобы яхта была устойчивее и ее меньше качало.

Приняв эти предосторожности, капитан отдал приказ Остину и боцману готовиться к встрече налетающего урагана. Найтовы шлюпок и швартовы запасного рангоута были удвоены. Укрепили боковые тали пушек. Натянули крепче ванты и бакштаги. Заколотили люки. Джон Манглс, словно офицер, стоящий над пробитой в укреплениях брешью, не покидал подветренной стороны яхты и, стоя на мостике, пытался вырвать у грозового неба его тайну.

Барометр упал до двадцати шести дюймов: редкий случай. Штормгласс [1] показывал бурю.

Был час ночи. Элен и Мэри Грант, которых жестоко качало в их каютах, отважились подняться на палубу. Ветер дул уже со скоростью четырнадцати саженей в секунду. Он бешено свистел в снастях. Металлические тросы, подобные струнам музыкального инструмента, гудели, словно их привел в быстрое колебание какой-то гигантский смычок.

Блоки ударялись друг о друга. Снасти с шумом двигались по своим шероховатым желобам. Паруса зычно щелкали, как пушечные выстрелы. Чудовищные волны уже шли на приступ яхты, а она, как бы смеясь над ними, взлетала, подобно морской птице, на их пенившиеся гребни.

Завидев пассажирок, Джон быстро пошел им навстречу и попросил их вернуться в кают-компанию. Волны уже

[1] Штормгласс — стеклянный сосуд, содержащий такой состав, который меняет свой цвет в зависимости от направления ветра и атмосферного давления. *(Примеч. автора.)*

хлестали через борт и каждую минуту могли прокатиться по палубе. Грохот разбушевавшихся стихий был так оглушителен, что Элен еле слышала слова молодого капитана.

— Опасности нет? — успела она задать ему вопрос в минуту относительного затишья.

— Никакой, миссис, — ответил Джон Манглс. — Но ни вам, ни мисс Мэри нельзя оставаться на палубе.

Элен Гленарван и Мэри Грант не стали противиться этому приказу, правда больше походившему на мольбу, и вошли в кают-компанию в ту самую минуту, когда волны с такой яростью разбились о корму яхты, что задрожали стеклянные иллюминаторы. Ветер еще более усиливался. Мачты погнулись под напором парусов, и яхта, казалось, приподнялась над волнами.

— Фок на гитовы! — крикнул Джон Манглс. — Спускай марсель и стакселя!

Матросы кинулись выполнять приказание. Были отданы фалы, стянуты вниз гитовы, спущены кливера — с таким грохотом, который заглушил даже бушевание бури. Из трубы «Дункана» валили клубы черного дыма. Корабль неровно бил воду своим винтом, лопасти которого порой поднимались над водой.

Гленарван, майор, Паганель, Роберт созерцали с восхищением и ужасом эту борьбу «Дункана» с волнами. Вцепившись изо всех сил в ванты, не будучи в состоянии обменяться ни единым словом, они глядели на буревестников: эти зловещие птицы стаями носились кругом, как бы тешась неистовством стихии.

Вдруг пронзительный свист заглушил шум урагана. Пар со страшной силой вырвался из котла, и не через выхлопную трубу, а из клапанов. Вслед за этим громче обыкновенного прозвучал тревожный свисток. Яхту резко накренило, и Вильсон, стоявший у штурвала, был сбит с ног внезапным ударом румпеля. Никем не управляемый, «Дункан» пошел поперек волны.

— Что случилось? — крикнул Джон Манглс, бросаясь на мостик.

— Судно ложится на бок, — ответил Том Остин.

— Руль сломался?

— К машине, к машине! — послышался голос механика.

Джон помчался к ней и стремглав сбежал по трапу. Все машинное отделение было заполнено густым паром. Поршни в цилиндрах бездействовали. Шатуны перестали вращать гребной вал. Машинист, видя полную неподвижность машины, прекратил впуск пара и, боясь за целость котлов, выпустил из них пар через выхлопную трубу.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Винт или погнулся, или задел за что-то, — ответил машинист. — Он не действует.

— Как, его невозможно высвободить?

— Невозможно.

Не время было думать о ремонте, но факт был налицо: винт не работал, и пар, не находя себе применения, вырывался через предохранительные клапаны. Джону приходилось снова прибегнуть к парусам и искать помощи у того самого ветра, который сейчас являлся его наиболее опасным врагом.

Капитан поднялся на палубу и в двух словах изложил Гленарвану положение дел. Затем он стал убеждать его отправиться вместе с остальными пассажирами в кают-компанию. Гленарван выразил желание остаться на палубе.

— Нет, сэр, — решительным тоном заявил Джон Манглс, — я должен быть здесь один с моей командой. Идите в кают-компанию. Палуба может быть залита, и тогда волны беспощадно сметут вас.

— Но мы можем быть полезны...

— Уходите, уходите, сэр, так нужно! Бывают положения, при которых я являюсь хозяином судна. Уходите, я требую этого!

Очевидно, положение было критическим, если Джон Манглс мог так повелительно говорить с Гленарваном. Тот понял, что ему надлежит подать пример послушания, и покинул палубу, а за ним последовали и его трое спутников. Они присоединились к пассажиркам, тревожно ожидавшим в кают-компании развязки этой борьбы со стихиями.

— А мой славный Джон — человек энергичный, — проговорил, входя в кают-компанию, Гленарван.

— Да, — отозвался Паганель. — Наш капитан напомнил мне того шкипера в драме «Буря» вашего великого

Шекспира, который кричит королю, находящемуся на его корабле: «Вон отсюда! Тише! Ступайте в вашу каюту! Раз вы не в силах привести к молчанию стихии, замолчите! Прочь с дороги, говорю вам!»

Тем временем Джон Манглс, не теряя ни минуты, пытался вывести судно из того опасного положения, в которое его поставила порча винта. Он решил оставить минимальное количество парусов, чтобы как можно меньше уклониться от курса. Важно было сохранить хоть некоторые паруса и повернуть их так, чтобы двигаться наискось бушевавшему ветру. Отдан был приказ поставить марсель, взяв его на рифы, а также установить нечто вроде фок-стакселя на грот-мачту. «Дункан» был направлен под ветер.

Яхта, обладавшая блестящими мореходными качествами, описала дугу, словно скаковая лошадь, почувствовавшая шпоры, и понеслась боком к надвигавшимся валам. Выдержат ли оставленные паруса? Правда, они были сделаны из лучшего полотна, но какая ткань сможет противостоять таким неистовым натискам!

Избранный капитаном маневр давал яхте существенные преимущества: она подставляла волнам наиболее прочные части своего корпуса и держалась нужного направления. Однако ей грозила и немалая опасность, так как она могла попасть в один из огромных провалов, зиявших между валами, и уже не вырваться оттуда. Капитан не имел возможности выбирать и решил держаться того же маневра, пока будут целы мачты и паруса. Команда находилась у него на глазах, готовая каждую минуту броситься туда, где была необходима. Джон Манглс, привязав себя к вантам, наблюдал за разъяренным океаном.

Так прошла ночь. Надеялись, что буря стихнет с рассветом. Напрасная надежда! Около восьми часов утра ветер еще усилился: скорость его достигла тридцати пяти метров в секунду. Это был ураган.

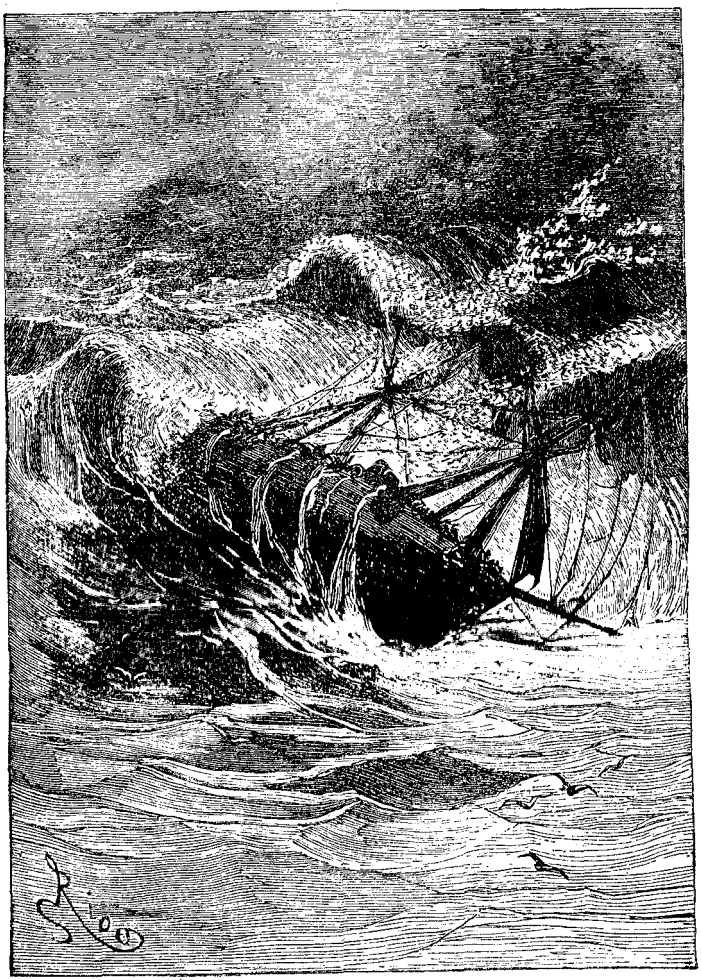
Джон Манглс не сказал ни слова, но втайне затрепетал за свое судно и за тех, кто был на нем. «Дункан» ужасающе кренило то на один борт, то на другой. Был момент, когда команда «Дункана» считала, что он уже не поднимется. Матросы с топорами в руках уже броси-

лись рубить ванты грот-мачты, как вдруг паруса сорвались с мачт и умчались, словно гигантские альбатросы. «Дункан» выпрямился, но так как он не имел опоры и потерял курс, его стало качать с такой силой, что мачты каждую минуту грозили переломиться у своих гнезд. Яхта не была в состоянии долго выдержать подобную качку: мачты ее расшатывались, борты ослабевали и раздавались, швы расходились, и в них вот-вот должны были хлынуть волны.

Джону Манглсу оставалось одно: поставить малый стаксель и идти по ветру. Но на это потребовалось несколько часов усилий: двадцать раз почти законченную работу приходилось начинать сызнова. Только к трем часам пополудни удалось наконец поставить парус.

«Дункан», подхваченный этим куском полотна, помчался с невероятной быстротой по ветру. Буря несла его к северо-востоку. Нужно было во что бы то ни стало поддерживать наибольшую быстроту хода яхты, ибо только это могло ее спасти. Порой, опережая волны, несшиеся в том же направлении, «Дункан» разрезал их своим заостренным носом, причем сам, подобно огромному киту, зарывался в волны, предоставляя им перекатываться через всю свою палубу, от носа до кормы. Временами яхта шла со скоростью, одинаковой с волнами. Тут руль переставал действовать, яхту начинало кидать во все стороны, и она рисковала стать поперек волн. Наконец, бывало и так, что ураган гнал волны быстрее «Дункана». Тогда они перехлестывали через корму и с непреодолимой силой всё сметали с палубы — от кормы до носа. В этом жутком положении, колеблясь между надеждой и отчаянием, провели путешественники день 15 декабря и ночь на 16-е. Джон Манглс ни на минуту не покинул своего поста и даже не дотронулся до пищи. Его мучили опасения, но он сохранял бесстрастное выражение лица. Он упорно силился проникнуть взором в глубину скопившихся на севере туманов.

Действительно, молодой капитан имел основание бояться за свое судно. «Дункан», отброшенный ураганом со своего пути, несся к австралийскому берегу с неудержимой быстротой. Джон Манглс инстинктивно чувствовал, что их несет какое-то необыкновенно быстрое течение.



«Дункан» ужасающе кренило то на один борт, то на другой.

Каждую минуту он ждал, что яхта наскочит на подводные скалы и разобьется вдребезги. Молодой капитан считал, что берег находится в каких-нибудь двенадцати милях под ветром, а суша — это крушение, гибель судна. Во сто раз лучше необъятный океан. С его яростью можно бороться, хотя бы уступая ей, но когда буря выбрасывает судно на берег, тогда конец.

Джон Манглс пошел к Гленарвану и поговорил с ним наедине. Он не скрыл от него серьезности положения. Молодой капитан смотрел на опасность с хладнокровием моряка, готового ко всему, и в заключение предупредил Гленарвана, что, быть может, он будет вынужден выброситься с «Дунканом» на берег.

— Чтобы попытаться, если это будет возможно, спасти тех, кто находится на нем, — добавил он.

— Поступайте, как найдете нужным, Джон, — ответил Гленарван.

— А миссис Гленарван? А мисс Грант? Как быть с ними?

— Я предупрежу их только в последнюю минуту, когда исчезнет всякая надежда на то, что можно удержаться в море. Уведомьте меня.

— Я уведомлю вас, сэр.

Гленарван вернулся к своей жене и Мэри. Обе они, хотя и не знали, как велика опасность, все же чувствовали ее. Они проявляли большое мужество, не уступавшее мужеству их спутников. Паганель излагал Роберту, весьма несвоевременно, теории о направлении воздушных течений, проводя при этом интересные сравнения между бурями, циклонами и ураганами. Что касается майора, то он ждал конца с фатализмом мусульманина.

Около одиннадцати часов ураган как будто начал стихать. Влажный туман рассеялся, и Джон смог разглядеть милях в шести под ветром какой-то плоский берег. «Дункан» несся прямо к нему полным ходом. Чудовищные валы разбивались о берег и взлетали пеной до высоты в пятьдесят футов и более. Для Джона стало ясно, что у валов этих есть какая-то «твердая опора» — без нее они не смогли бы так высоко вскидываться.

— Здесь имеются песчаные мели, — сказал он Остину.

— Я того же мнения, — ответил его помощник.

— Опасность велика, — продолжал Джон Манглс. — Если мы не найдем прохода между этими мелями, мы погибли.

— Сейчас прилив высок, капитан. Быть может, нам и удастся пройти.

— Но взгляните, Остин, на ярость этих валов. Какое судно в силах противостоять им?

Тем временем «Дункан» под своим малым стакселем продолжал нестись к берегу со страшной быстротой. Вскоре он был уже всего милях в двух от края мели. Туман ежеминутно заволакивал берег, но все же Джону удалось разглядеть за пенившейся полосой прибоя более спокойную полосу моря. Там «Дункан» был бы в относительной безопасности. Но как добраться туда?

Капитан вызвал пассажиров на палубу. Он не хотел, чтобы в час крушения они оказались запертыми в каюткомпании. Гленарван и его спутники окинули взором грозно бушующее море. Мэри Грант побледнела.

— Джон, — тихо сказал Гленарван молодому капитану, — я попытаюсь спасти жену или погибну вместе с ней. Позаботьтесь о мисс Грант.

— Хорошо, сэр, — ответил Джон Манглс, поднося руку Гленарвана к своим влажным от слез глазам.

«Дункан» находился всего в нескольких кабельтовых от края мели. В это время был прилив, и он, конечно, дал бы возможность яхте пройти через эти опасные мели. Но тогда громадные валы, то поднимавшие, то опускавшие яхту, должны были неминуемо ударить ее килем о дно. Была ли какая-нибудь возможность успокоить этот бушующий океан?

Джона Манглса вдруг осенила блестящая мысль.

— Жир! — крикнул он. — Жир тащите, ребята, жир!

Слова эти были сразу поняты всей командой. Речь шла о том, чтобы пустить в ход одно средство, дающее иногда прекрасные результаты.

Можно умерить ярость волн, покрыв их слоем жидкого жира. Этот слой плывет на поверхности воды и, смазывая волны, умеряет их удары. Такое средство оказывает свое действие немедленно, но на очень короткое время. Едва успеет судно пройти по такому искусствен-

но успокоенному морю, как волны уже начинают бушевать с еще большей яростью, и горе тому, кто отважился бы плыть вслед за проскользнувшим таким образом судном[1].

Команда, силы которой удесятерялись сознанием опасности, не замедлила поставить на передние шканцы бочонки с тюленьим жиром. Их вскрыли ударами топоров и подвесили над водой у правого и левого бортов.

— Готовься! — крикнул Джон Манглс, выжидавший благоприятного момента.

В двадцать секунд яхта достигла края отмели, где бурлил и ревел прибой. Минута наступила.

— Выливай! — крикнул молодой капитан.

Бочонки были опрокинуты, и из них полились потоки жира. Маслянистый слой мгновенно сгладил пенившуюся поверхность моря. «Дункан» понесся по затихшим водам и скоро очутился в спокойном заливе, по ту сторону грозных мелей, а за его кормой уже снова с неописуемой яростью бушевал освободившийся от пут океан.

Глава VI

МЫС БЕРНУЛЛИ

Первой заботой Джона Манглса было стать на два якоря на глубине пяти саженей. Дно оказалось хорошим — из твердого гравия — и представляло удобную якорную стоянку. Таким образом, судну больше не грозила опасность быть унесенным в открытое море или сесть на мель. После стольких часов борьбы с грозной опасностью «Дункан» очутился в маленькой бухте, защищенной от океанских ветров высокой дугообразной косой.

Гленарван пожал руку молодому капитану и сказал:

— Спасибо, Джон!

И Джон Манглс почувствовал себя щедро вознагражденным этими двумя словами.

Гленарван сохранил в тайне пережитые им душевные

[1] Поэтому морской устав запрещает капитанам пускать в ход это средство, если за ним следуют по тому же пути другие суда. *(Примеч. автора.)*

муки: ни Элен, ни Мэри, ни Роберт даже и не подозревали, насколько велика была опасность, от которой они только что избавились.

Оставалось выяснить существенные вопросы: в какое место побережья занесен «Дункан» этой страшной бурей? На сколько отклонился он от тридцать седьмой параллели? На каком расстоянии на юго-западе находится от него мыс Бернулли?

Все эти вопросы были заданы Джону Манглсу, и он тотчас же занялся наблюдениями и вычислениями, результаты которых затем нанес на судовую карту.

Оказалось, что «Дункан» не особенно уклонился от своего курса: всего на два градуса. Он находился под 136°12′ долготы и 35°07′ широты, у мыса Катастроф, на южном побережье Австралии, в трехстах милях от мыса Бернулли.

Мыс Катастроф, носящий такое зловещее название, расположен против мыса Борда на острове Кенгуру. Между двумя этими мысами проходит пролив Инвестигейтор, который ведет к двум довольно глубоким заливам: северный из них — залив Спенсера, а южный — залив св. Винцента. На восточном берегу этого последнего залива находится порт Аделаида, столица провинции Южная Австралия. Аделаида основана в 1836 году и имеет сорок тысяч жителей. Это довольно богатый город, но жители его заняты обработкой своей плодородной земли, приносящей им богатые урожаи винограда, апельсинов и других сельскохозяйственных продуктов, и не создают крупных промышленных предприятий. Поэтому среди населения меньше инженеров, чем агрономов, и вообще наблюдается мало интереса к коммерции и технике.

Мог ли «Дункан» исправить здесь свои повреждения? Вопрос этот надо было выяснить. Джон Манглс, желая знать, в чем именно заключается повреждение винта, приказал водолазам спуститься за корму яхты, и те ему доложили, что одна из лопастей винта погнулась и задевала за ахтерштевень[1], вследствие чего винт и не мог вращаться. Повреждение это было признано серьезным, и даже настолько серьезным, что для его починки требо-

[1] Деревянная часть, которой оканчивается корма судна. *(Примеч. автора.)*

валось такое оборудование, которого, конечно, не найти было в Аделаиде.

Гленарван и капитан Джон приняли по зрелом размышлении такое решение: плыть на «Дункане» под парусами вдоль австралийского берега, разыскивая следы крушения «Британии», сделать остановку у мыса Бернулли, собрать там заключительные сведения, затем продолжать плавание дальше, до Мельбурна, где повреждения яхты, конечно, легко смогут быть исправлены. А как только винт будет приведен в порядок, «Дункан» начнет крейсировать у восточных берегов, где и закончит свои поиски.

План этот был одобрен. Джон Манглс решил сняться с якоря при первом же благоприятном ветре. Ждать пришлось недолго. К вечеру ураган совершенно стих. Задул попутный юго-западный ветер. Стали готовиться к отплытию. Поставлены были новые паруса. В четыре часа утра матросы взялись за лебедку. Высвободив якоря из грунта, они подняли их наверх, и «Дункан» под фок-марселем, брамселем, кливерами, косым гротом и флагштоком пошел вдоль австралийских берегов.

Через два часа потеряли из виду мыс Катастроф — яхта плыла мимо пролива Инвестигейтор. Вечером обогнули мыс Борда и прошли вдоль острова Кенгуру. Остров этот, самый большой из австралийских мелких островов, служит убежищем для беглых ссыльных. Вид его очарователен. Бесконечные ковры зеленой растительности спускаются к прибрежным слоистым скалам. По этим равнинам и лесам, как и в 1802 году — году открытия острова, скачут неисчислимые стаи кенгуру.

На следующий день, в то время как «Дункан» лавировал вдоль побережья, на остров были посланы шлюпки с командой — осмотреть крутые берега Кенгуру. Яхта находилась под тридцать шестой параллелью, а Гленарван хотел, чтобы были обследованы все берега вплоть до тридцать восьмой параллели.

18 декабря яхта, летя на всех парусах с быстротой настоящего клипера, прошла вплотную вдоль берега бухты Свидания, куда попал в 1828 году путешественник Штурт, после того как им была открыта Мёррей — наибольшая из рек Южной Австралии. Но берега этой бух-

ты совсем не походили на цветущие берега острова Кенгуру. Они были мрачные, бесплодные, плоские и изрезанные, подобно берегам полярных земель. Только кое-где это однообразие нарушалось каким-нибудь серым утесом или бугристым песчаным мысом.

Работа команды шлюпок во время плавания была тяжелая, но никто не роптал. Моряков почти всегда сопровождали на берег Гленарван, неразлучный с ним Паганель и юный Роберт. Им хотелось собственными глазами найти следы «Британии». Но самые тщательные их поиски ничего не обнаружили. Австралийские берега остались так же немы, как и патагонские прерии. Все же не следовало терять надежду до тех пор, пока не будет достигнут тот пункт, который был указан в документе.

Поиски в этих местах производились лишь как добавочная мера предосторожности, чтобы застраховать себя от какой-либо случайности. Ночью «Дункан» дрейфовал, чтобы, по возможности, держаться на том же месте, а днем на берегу производились самые тщательные поиски.

20 декабря наши путешественники поравнялись с мысом Бернулли. Им не удалось найти на своем пути ни малейшего обломка «Британии». Но эта неудача ничего не доказывала. Ведь в самом деле, с момента катастрофы прошло целых два года, а за это время море могло и даже должно было сорвать с подводных камней, разбросать и уничтожить все обломки трехмачтового судна. К тому же туземцы, стерегущие кораблекрушение, как коршуны труп, конечно подобрали бы мельчайшие обломки «Британии». А Гарри Грант и его оба спутника, попав в плен в ту минуту, когда волны выбросили их на берег, были, вне всякого сомнения, уведены вглубь материка.

Но в таком случае теряла смысл одна из остроумных гипотез Жака Паганеля. Пока дело шло об Аргентине, ученый был вправе утверждать, что цифры документа относятся не к месту кораблекрушения, а к месту нахождения пленных. Конечно, в пампасах большие реки с их многочисленными притоками легко могли вынести в море драгоценный документ. Здесь же, в этой части Австралии, реки, пересекающие тридцать седьмую параллель, немногочисленны. К тому же Рио-Колорадо и Рио-Негро текут к морю через пустынные побережья, не

годные для жилья и незаселенные. Главные же австралийские реки — Мёррей, Ярра, Торренс, Дарлинг — либо впадают одна в другую, либо несут свои воды в океан через такие устья, которые стали крупными гаванями, оживленными портами. Как мало было шансов за то, чтобы хрупкая бутылка могла спуститься по течению рек, где непрестанно движутся суда, и быть вынесенной в Индийский океан!

Неправдоподобность этого предположения, конечно, не могла ускользнуть от людей проницательных. Гипотеза Паганеля, допустимая в условиях аргентинских провинций Патагонии, была неприемлема в отношении Австралии. Паганель согласился с этими соображениями — их выдвинул майор Мак-Наббс. Стало очевидным, что градусы, о которых упоминалось в документе, могли относиться только к месту крушения «Британии» и что, следовательно, бутылка была брошена у западного побережья Австралии.

Тем не менее, как основательно заметил Гленарван, это толкование документа не исключало гипотезы о том, что капитан Грант находится в плену. И сам он даже наводит на эту мысль следующей фразой своего документа: «где они попадут в плен к жестоким туземцам». Поэтому искать пленных именно на тридцать седьмой, а не на какой-либо другой параллели оснований больше не было.

Так был разрешен этот долго обсуждавшийся вопрос. Вывод же из такого решения был сделан следующий: если только у мыса Бернулли не будут найдены следы «Британии», Гленарвану ничего не останется, как вернуться в Европу. Правда, его поиски окажутся бесплодными, но все же он добросовестно и мужественно исполнил свой долг.

Подобное решение, конечно, чрезвычайно огорчило пассажиров «Дункана», а Мэри и Роберта привело в отчаяние. Когда дети капитана Гранта съезжали на берег вместе с Эдуардом и Элен Гленарван, Джоном Манглсом, Мак-Наббсом и Паганелем, они говорили себе, что теперь вопрос о том, спасся ли их отец, будет разрешен уже бесповоротно. Бесповоротно, ибо во время предыдущего обсуждения Паганель совершенно основательно указал на

то, что потерпевшие крушение давным-давно вернулись бы на родину в том случае, если бы их судно разбилось о подводные камни восточного побережья.

— Надейтесь, надейтесь, не переставайте надеяться! — повторяла Элен сидевшей подле нее Мэри, в то время как шлюпка шла к берегу.

Берег был уже близко — до него оставалось не больше одного кабельтова. Он отлого спускался к воде у оконечности мыса, выступавшего на две мили в море. Шлюпка причалила к берегу в маленькой природной бухте между двумя коралловыми отмелями — из таких отмелей должно со временем вырасти целое заграждение из рифов вокруг южного берега Австралии. Да и теперь они уже были рифами, крайне опасными для кораблей, и представлялось вполне возможным, что о них и разбилась «Британия».

Пассажиры яхты беспрепятственно высадились на совершенно пустынный берег. Вдоль него тянулся ряд слоистых утесов вышиной от шестидесяти до восьмидесяти футов. Нелегко было бы без лестниц и крюков перелезть через эту природную крепостную стену. К счастью, Джон Манглс обнаружил в ней полумилей южнее брешь, образовавшуюся, видимо, вследствие частичного обвала. Вероятно, море, особенно бурное во время равноденствий, бьет волнами в это рыхлое заграждение из туфа и подмывает его.

Гленарван и его спутники углубились в этот проход и поднялись по довольно крутому склону на вершину утеса. Роберт, словно котенок, первый вскарабкался на нее. Паганель был в отчаянии, что двенадцатилетний мальчуган с его детскими ногами опередил его, длинноногого сорокалетнего мужчину. Но зато географ далеко оставил позади себя безмятежного майора, который, конечно, остался к этому глубоко равнодушен.

Вскоре весь маленький отряд собрался на вершине утеса и стал оттуда рассматривать расстилавшееся перед ним пространство. Это были обширные невозделанные земли, поросшие жалким кустарником, местность почти бесплодная. Гленарвану она напомнила глены Шотландии, а Паганелю — малоплодородные равнины Бретани. Но если край этот казался необитаемым у побережья, то

несколько видневшихся вдали построек говорили уже о присутствии не дикаря, а цивилизованного человека.

— Мельница! — крикнул Роберт.

И действительно, милях в трех вертелись в воздухе крылья ветряной мельницы.

— Это действительно мельница, — отозвался Паганель, посмотрев в свою подзорную трубу. — Вот маленькое сооружение, столь же скромное, как и полезное. Вид его всегда радует мой взор.

— Идем на мельницу, — сказал Гленарван.

Двинулись в путь.

Через полчаса ходьбы местность преобразилась. Дикая, необработанная почва внезапно сменилась обработанной. Исчезли жалкие кустарники; зеленая живая изгородь окружала, видимо, недавно выкорчеванный участок. Несколько быков и с полдюжины лошадей паслись на лугах, обсаженных раскидистыми акациями — питомицами обширных рассадников острова Кенгуру. Мало-помалу стали показываться и поля; на них росли зерновые хлеба, местами уже начинавшие золотиться. Поднимались стога сена, сложенные в виде громадных ульев. Показались за новыми оградами фруктовые сады. Дальше пошли сараи и другие надворные постройки, весьма разумно расположенные. Наконец наши путешественники увидели простой, но уютный жилой дом; над ним, лаская его скользящей тенью своих длинных крыльев, возвышалась островерхая мельница.

На лай четырех собак, возвестивших о появлении чужих людей, из дома вышел человек лет пятидесяти, с располагающей к себе наружностью. За ним показались пять красивых, здоровых молодцов, его сыновей, и высокая, крепкая женщина, их мать. Картина была ясна: этот человек, окруженный своей мужественной семьей, среди еще новых построек, в этой почти девственной местности, представлял собой законченный тип колониста-ирландца, который, будучи истомлен нищетой на своей родине, отправился за моря искать удачи и счастья.

Еще не успели наши путники представиться, как уже раздались сердечные слова хозяина:

— Чужеземцы, милости просим в дом Падди О'Мура!

— Мельница! — крикнул Роберт.

— Вы ирландец? — спросил Гленарван, пожимая руку, протянутую ему колонистом.

— Был им, — ответил Падди О'Мур. — А теперь я австралиец. Кто бы вы ни были, господа, входите и будьте как дома.

Оставалось только воспользоваться без дальнейших церемоний этим радушным приглашением. Миссис О'Мур тотчас же повела в дом Элен и Мэри Грант, а сыновья колониста любезно помогли пришельцам снять их оружие.

В нижнем этаже дома, сложенного из толстых бревен, находилась большая, светлая, как видно недавно отстроенная зала. К стенам ее, выкрашенным светлой яркой краской, было приделано несколько деревянных скамей. Тут же стояло с десяток табуреток, два дубовых буфета с расставленной на них белой фаянсовой посудой и жбанами из блестящего олова, а также широкий длинный стол, за которым, пожалуй, и двадцати гостям было бы не тесно. Вся обстановка залы как нельзя более соответствовала и этому прочно построенному дому и его крепким, рослым обитателям.

Пробило двенадцать часов, и на стол уже был подан обед. Между ростбифом и жареной бараньей ножкой дымилась суповая миска; кругом были расставлены большие тарелки с маслинами, виноградом и апельсинами. У хозяина и хозяйки был такой приветливый вид, стол был так велик и так заманчиво уставлен яствами, что не сесть за него казалось просто неучтивым. В это время появились работники фермера; они на равных правах с хозяевами обедали вместе с ними. Падди О'Мур указал рукой на места, предназначенные для гостей.

— Я ждал вас, — сказал он просто Гленарвану.

— Ждали? — с удивлением переспросил тот.

— Я всегда жду тех, кто приходит, — ответил ирландец.

Затем он торжественно произнес предобеденную молитву, а его семья и слуги почтительно стояли у стола. Элен была растрогана простотой нравов. Взглянув на мужа, она догадалась, что и тот разделяет ее чувства.

Обеду была воздана заслуженная честь. Завязался общий оживленный разговор.

Падди О'Мур рассказал свою историю. Это была ти-

пичная история эмигранта, изгнанного нуждой со своей родины.

Падди О'Мур после своего повествования, без сомнения, ждал, что на его откровенность гости ответят такой же откровенностью, однако никаких вопросов им не задавал. Он был из тех сдержанных, скромных людей, которые говорят: «Вот кто я, а кто вы такие — об этом я вас не спрашиваю». Гленарван и сам хотел ему рассказать о «Дункане», о том, что яхта стоит на якоре у мыса Бернулли, а также о поисках, которые он продолжал с такой неутомимой настойчивостью. Но, будучи человеком, который всегда прямо идет к цели, он прежде всего спросил Падди О'Мура, не знает ли тот чего-нибудь относительно крушения «Британии».

Оказалось, что ирландец ничего не слышал о таком судне. Да и вообще в течение этих двух лет не случилось ни одного кораблекрушения ни у самого мыса, ни в окрестностях его. Между тем «Британия» потерпела крушение не более двух лет назад. Поэтому ирландец мог утверждать с полной уверенностью, что никто из экипажа «Британии» не был выброшен на этой части западного побережья.

— А теперь, сэр, — прибавил он, — я спрошу, почему вас интересует этот вопрос.

Тут Гленарван рассказал колонисту историю документа, рассказал о плавании «Дункана» и обо всех попытках отыскать капитана Гранта. Не скрыл он и того, что после столь определенных заявлений Падди О'Мура приходится отказаться от всякой надежды разыскать потерпевших крушение на «Британии».

Эти слова Гленарвана произвели удручающее впечатление на его спутников. У Роберта и Мэри заблестели слезы на глазах. Даже Паганель не мог найти ни единого слова утешения и надежды.

Джон Манглс терзался мучительной скорбью.

Отчаяние начинало овладевать этими мужественными, великодушными людьми, понапрасну приплывшими на «Дункане» к этим далеким берегам, как вдруг кто-то произнес:

— Сэр, не теряйте надежды: если капитан Грант жив, то он в Австралии.

Глава VII

АЙРТОН

Невозможно даже описать удивление, вызванное этими словами. Гленарван вскочил с табурета и, оттолкнув его, крикнул:

— Кто это сказал?

— Я, — ответил один из работников Падди О'Мура, сидевший у конца стола.

— Ты, Айртон? — проговорил колонист, изумленный не менее самого Гленарвана.

— Да, я, — отозвался взволнованным, но решительным голосом Айртон, — такой же шотландец, как вы, сэр, и один из потерпевших крушение на «Британии».

Впечатление, произведенное этими словами, было неописуемо. Мэри Грант, почти лишившись чувств от волнения и счастья, склонилась на грудь к Элен. Джон Манглс, Роберт, Паганель вскочили со своих мест и бросились к тому, кого Падди О'Мур только что назвал Айртоном.

Это был человек на вид лет сорока пяти, с суровым лицом и блестящими глазами, глубоко сидевшими под густыми бровями. Несмотря на свою худобу, он, должно быть, обладал незаурядной силой. Казалось, он состоял как бы из костей и нервов; повидимому, он, по выражению шотландцев, «не тратил времени на приобретение жира». Он был широк в плечах, среднего роста. Его решительная осанка, его умное и энергичное, хотя и резко очерченное лицо располагали в его пользу. Внушаемое им чувство симпатии еще усиливалось при виде запечатлевшихся на его лице следов недавно пережитых тяжелых испытаний. Он, несомненно, много выстрадал, но производил впечатление человека, способного переносить страдания, бороться с ними и преодолевать их.

Гленарван и его друзья почувствовали это с первого взгляда. Личность Айртона внушала к себе уважение. Гленарван сразу же засыпал его вопросами. Оба они, и Гленарван и Айртон, видимо, были взволнованы этой встречей, поэтому вопросы Гленарвана вначале были довольно беспорядочны.

— *Сэр, не теряйте надежды...*

— Вы один из потерпевших крушение на «Британии»? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, я был боцманом у капитана Гранта, — ответил Айртон.

— Вы спаслись во время кораблекрушения вместе с ним?

— Нет, милорд, нет! В ту страшную минуту меня смыло с палубы волной, и я был выброшен на берег.

— Стало быть, вы не один из тех матросов, о которых упоминается в документе?

— Нет. Я не подозревал о существовании этого документа. Капитан бросил его в море, когда меня уже не было на судне.

— Но что же с капитаном... с капитаном?

— Я считал его утонувшим, исчезнувшим, погибшим вместе со всей командой «Британии». Мне думалось, что спасся я один.

— Ведь вы сказали, что капитан Грант жив!

— Нет, я сказал: «Если капитан Грант жив...»

— И вы прибавили: «то он в Австралии».

— Да, он может быть только здесь.

— Вам, значит, неизвестно, где он?

— Неизвестно, сэр. Повторяю: я считал его утонувшим в волнах или разбившимся о прибрежные скалы. Это от вас я узнаю, что он, может быть, еще жив.

— Но тогда что же вы знаете?

— Только одно: что если капитан Грант жив, то он в Австралии.

— А где же произошло крушение? — спросил майор Мак-Наббс.

Этот вопрос, конечно, надо было задать с самого начала, но Гленарван был так взволнован неожиданной встречей, так спешил узнать, где капитан Грант, что не осведомился о месте гибели «Британии». Разговор до сих пор велся неясно, непоследовательно, скачками, лишь слегка касаясь вопросов, а не углубляясь в них. После же слов майора беседа приняла более деловой характер, и вскоре слушателям стали совершенно отчетливо ясны все подробности этой загадочной истории.

На вопрос, заданный Мак-Наббсом, Айртон дал следующий ответ:

— Когда меня смыло с бака, где я в это время спускал кливер, «Британия» мчалась к австралийскому берегу — до него оставалось меньше двух кабельтовых. Крушение и произошло, значит, у этого самого места.

— Под тридцать седьмым градусом широты? — спросил Джон Манглс.

— Под тридцать седьмым, — подтвердил Айртон.

— На западном побережье?

— О нет, на восточном, — с живостью ответил боцман.

— А когда произошло крушение?

— В ночь на двадцать седьмое июня 1862 года.

— Так и есть! То самое число! — крикнул Гленарван.

— Как видите, сэр, я имел основание выразиться именно в такой форме, — добавил Айртон: — если капитан Грант еще жив, то его надо искать только на Австралийском материке и нигде больше.

— И мы будем искать его, и найдем его, и спасем его, мой друг! — воскликнул Паганель. — Ах, драгоценный документ, — продолжал географ с бесподобной наивностью, — надо-таки признаться, что ты попал в руки людей проницательных!

Но этих лестных слов Паганеля, конечно, никто не слышал. Эдуард и Элен Гленарван, Мэри и Роберт — все обступили Айртона и наперебой пожимали ему руку. Казалось, присутствие этого человека служило верным залогом спасения капитана Гранта. Если при крушении удалось уцелеть матросу, то почему не мог спастись капитан? Айртон повторял, что, по всей вероятности, капитан уцелел, как и он сам. Где именно капитан находится, он, Айртон, сказать не может, но без сомнения, где-нибудь на этом же материке.

На бесчисленные вопросы, которыми его забрасывали, боцман отвечал удивительно разумно и ясно. Пока он говорил, мисс Мэри держала его руку в своих. Ведь этот человек был спутником ее отца, одним из матросов «Британии»! Он жил одной жизнью с Гарри Грантом, скитался с ним по морям, преодолевал те же опасности... И Мэри, плача от радости, не могла оторвать глаз от сурового лица боцмана.

До сих пор никому не приходило в голову, действи-

тельно ли этот человек — тот боцман, за которого он себя выдает, и можно ли вообще доверять его словам. Только майор и, пожалуй, Джон Манглс, которых не так-то легко было убедить, спрашивали себя, заслуживают ли слова Айртона полного доверия. Встреча с ним была так неожиданна, что действительно могла внушить некоторое недоверие. Правда, Айртон говорил о событиях и числах, совершенно согласовавшихся с теми сведениями, которые заключались в документе, и приводил при этом разительные подробности. Но подробности, как бы ни были они точны, все же не делают рассказа достоверным, ибо замечено, что нередко за точностью подробностей скрывается ложь. Но Мак-Наббс оставил при себе свои сомнения и промолчал.

Что же касается Джона Манглса, то как только матрос заговорил с молодой девушкой о ее отце, все его подозрения рассеялись, и он уверовал в то, что Айртон действительно товарищ капитана Гранта. Выяснилось, что бывший боцман знал и Мэри и Роберта, так как видел их в Глазго перед отплытием «Британии». Он напомнил молодой девушке, как оба они с братом были на прощальном завтраке, который капитан дал друзьям на борту своего судна. На этом завтраке присутствовал шериф города Мак-Интайр. Присматривать за Робертом — ему едва минуло тогда десять лет — поручено было боцману Дику Тернеру, а мальчуган вырвался от него и взобрался на бом-салинг.

— Правда, правда! — подтвердил Роберт.

Айртон припомнил много таких мелких фактов, видимо не придавая им того значения, которое они имели в глазах Джона Манглса. И каждый раз, когда боцман останавливался, Мэри с мольбой говорила:

— Еще, еще расскажите нам, мистер Айртон, о нашем отце!

И боцман, припоминая все, что только могло быть интересно молодой девушке, продолжал свои рассказы. Гленарвану хотелось задать ему множество более полезных вопросов, но Элен удерживала его, указывая ему взглядом, какая радость для Мэри разговор с боцманом.

Айртон рассказал всю историю плавания «Британии» по Тихому океану. Многое из того, что говорил он, было

известно Мэри, так как вести с судна получались вплоть до мая 1862 года. В течение этого годового плавания Гарри Грант побывал на многих островах Океании. Он заходил в гавани Ново-Гебридских островов, Новой Гвинеи, Новой Зеландии, Новой Каледонии. Но всюду оказывалось, что земли этих островов уже захвачены, и часто без законных оснований. Местные же английские власти чинили ему всяческие препятствия, будучи предупреждены о его предприятии из метрополии. Все же капитану Гранту удалось-таки найти к западу от Новой Гвинеи подходящие земли: ему казалось, что здесь нетрудно будет создать шотландскую колонию и привести ее в цветущее состояние. И в самом деле, хороший порт для стоянок по пути между Молуккскими и Филиппинскими островами должен был привлечь немало судов, особенно когда будет закончено прорытие Суэцкого канала и этим упразднен морской путь вокруг мыса Доброй Надежды.

По окончании обследования Новой Гвинеи «Британия» пошла в Кальяо, чтобы возобновить запасы продовольствия и топлива. 30 мая она покинула этот порт и направилась в Европу через Индийский океан, а затем — морским путем, идущим вокруг мыса Доброй Надежды. Через три недели по выходе «Британии» в море страшная буря лишила судно управления, и оно легло набок. Пришлось срубить мачты. В трюме появилась течь, и справиться с нею не удалось. Вскоре команда совершенно выбилась из сил. Выкачать всю воду насосами было невозможно. Целую неделю «Британия» была игрушкой урагана. Вода в трюме дошла до шести футов. Судно мало-помалу погружалось. Шлюпки были снесены ураганом. Экипажу предстояла неминуемая гибель, как вдруг в ночь на 27 июня (Паганель угадал правильно) показалось восточное побережье Австралии. Вскоре «Британию» выбросило со страшной силой на берег. Айртон был подхвачен волной, унесен в пену прибоя и потерял сознание. Когда он пришел в себя, то увидел, что он в плену у туземцев. Те увели его вглубь материка. С тех пор он ничего не слышал о «Британии» и предполагал не без основания, что она, разбившись о рифы бухты Туфольд, погибла со всем экипажем и грузом.

Этим закончилась та часть рассказа, которая имела отношение к капитану Гранту. Не раз, пока говорил Айртон, слова его прерывались горестными восклицаниями. Даже майор не нашел бы оснований усомниться в правдивости рассказа боцмана. Теперь следовало выслушать историю самого Айртона — она представляла, пожалуй, еще больший интерес, чем даже история «Британии». Ведь благодаря документу не было сомнения в том, что капитан Грант с двумя матросами уцелел после крушения, как и сам Айртон, и, следовательно, зная участь одного, можно было с полным основанием судить об участи других. Поэтому Айртона и попросили рассказать о его приключениях. Сделал он это очень просто и коротко.

Уцелевший после крушения моряк, очутившийся в плену у одного туземного племени, был уведен вглубь страны, в местность, орошаемую рекой Дарлингом и отстоящую от тридцать седьмой параллели милях в четырехстах к северу. Жил он там в тяжелых лишениях, потому что и само племя было нищее, но дурного обращения он не видел. Долго тянулись эти два года тягостного рабства. Но все же в сердце его жила надежда когда-нибудь вырваться на волю. Он решил бежать и выжидал только удобного случая, хотя знал, что ему будут угрожать бесчисленные опасности.

В одну октябрьскую ночь 1864 года ему удалось обмануть бдительность туземцев и скрыться в дебрях огромных лесов. В течение целого месяца, питаясь кореньями, папоротниками и мимозным клеем, блуждал он по этим пустынным местам, ориентируясь днем по солнцу, ночью по звездам, часто впадая в отчаяние. Так перебрался он через болота, реки, горы — через всю необитаемую часть Австралийского материка, где до него побывали лишь немногие отважные путешественники. Наконец, истощенный, почти умирающий, дотащился он до гостеприимной кровли Падди О'Мура и здесь, поступив на работу, зажил счастливой жизнью.

— Если Айртон доволен мной, — проговорил колонист-ирландец, когда моряк кончил свой рассказ, — то должен заявить, что и я доволен им. Человек он умный, храбрый, хороший работник, и если ему нравится у меня, то дом Падди О'Мура надолго будет его домом.

Айртон поклонился ирландцу в знак благодарности и стал ждать новых вопросов, хотя ему и должно было казаться, что законное любопытство его слушателей было, вероятно, уже удовлетворено. И в самом деле, что мог он еще сказать, чего уже раз сто не повторил!

Гленарван собирался было начать обсуждение нового плана действий в связи с полученными от Айртона сведениями, но тут майор обратился к моряку с вопросом:

— Вы были боцманом на «Британии»?

— Да, — ответил, не задумываясь, Айртон и вслед за этим, понимая, что вопрос Мак-Наббса был продиктован остатком недоверия, прибавил: — У меня даже уцелел при крушении мой судовой договор.

И он немедленно отправился за этим официальным документом. Отсутствовал он менее минуты, но Падди О'Мур все же успел сказать Гленарвану:

— Сэр, поверьте мне, Айртон — честный человек. За два месяца его службы у меня я решительно ни в чем не могу его упрекнуть. О том, что он пережил кораблекрушение и был в плену, я знал от него и раньше. Это честный человек, достойный вашего доверия.

Гленарван собирался ответить, что он и не думал сомневаться в порядочности Айртона, но в эту минуту боцман вернулся и подал Гленарвану заключенный по всем правилам договор. Подписан он был владельцем «Британии», капитаном Грантом. Мэри тотчас же узнала почерк отца. Документ этот устанавливал, что «Том Айртон, матрос первого класса, был принят на службу трехмачтового судна «Британия» в качестве боцмана». Итак, относительно личности Айртона не могло быть больше никаких сомнений, ибо трудно было допустить, чтобы документ, находившийся в его руках, не принадлежал ему.

— А теперь, — сказал Гленарван, — я обращаюсь ко всем вам с просьбой немедленно высказаться относительно того, что, по вашему мнению, следует в данном случае предпринять. Ваш совет, Айртон, явится для нас особенно ценным, и за него мы будем вам очень признательны.

Подумав несколько минут, Айртон ответил:

— Спасибо вам, сэр, за доверие, которое вы мне оказываете. Надеюсь, что я оправдаю его. Конечно, я имею кое-какие сведения об этом крае, о нравах туземцев, и если я смогу быть вам полезен...

— Несомненно, — ответил Гленарван.

— Я считаю, так же как и вы, — продолжал Айртон, — что капитан Грант и его два матроса спаслись после крушения, а раз они при этом не добрались до английских владений и о них нет никаких сведений, то я не сомневаюсь в том, что они, подобно мне, попали в плен к какому-нибудь туземному племени.

— Вы, Айрон, повторяете те самые доводы, которые были приведены мной, — сказал Паганель. — Очевидно, капитан Грант со своими двумя матросами, как он этого и опасался, находятся в плену у туземцев. Но можем ли мы считать, что они, подобно вам, были уведены на север от тридцать седьмой параллели?

— Да, сэр, это можно предполагать, — ответил Айртон: — враждебные туземные племена не очень-то любят жить по соседству с районами, подвластными англичанам.

— Это осложнит наши поиски, — проговорил озабоченно Гленарван. — Как найти следы пленников среди такого огромного материка?

Ответом на эти слова было продолжительное молчание. Тщетно Элен обводила вопросительным взглядом своих спутников — они молчали. Даже Паганель, вопреки своему обыкновению, оставался нем. Его всегдашняя изобретательность изменила ему.

Джон Манглс расхаживал по зале большими шагами, словно находясь в затруднительном положении на палубе своего судна.

— А что бы вы предприняли, мистер Айртон? — обратилась к моряку Элен.

— Я, сударыня, снова сел бы на «Дункан» и прямо отправился бы на то место, где произошло крушение, — с живостью ответил Айртон. — А там я действовал бы сообразно с обстоятельствами, а быть может, и с теми указаниями, которые мог бы послать мне счастливый случай.

— Согласен с этим планом, — промолвил Гленар-

ван, — но только придется подождать, пока будет починен «Дункан».

— А, так у вас на судне имеются повреждения? — спросил Айртон.

— Да, — отозвался Джон Манглс.

— И серьезные?

— Нет, но они требуют для своего исправления оборудования, которого у нас нет на судне. У винта погнулась одна из лопастей, и починить его смогут только в Мельбурне.

— Но разве нельзя идти под парусами? — спросил боцман.

— Можно. Но только, если ветер будет встречный, наш переход до бухты Туфольд займет много времени, а зайти в Мельбурн, во всяком случае, надо.

— Ну, так пусть «Дункан» идет в Мельбурн, — воскликнул Паганель, — а мы и без него доберемся до бухты Туфольд!

— Каким же образом? — поинтересовался Джон Манглс.

— Мы пересечем Австралию подобно тому, как мы пересекли Южную Америку. А именно: придерживаясь тридцать седьмой параллели.

— А что же будет с «Дунканом»? — с какой-то особой настойчивостью спросил Айртон.

— «Дункан» придет к нам или мы придем к нему. Это будет зависеть от обстоятельств. Если во время нашего перехода мы найдем капитана Гранта, то вместе с ним вернемся в Мельбурн. Если же мы продлим наши поиски до самого побережья, «Дункан» явится туда за нами... У кого имеются возражения относительно этого плана? Не у майора ли?

— Нет, — ответил Мак-Наббс, — если только переход через Австралию возможен.

— Настолько возможен, что я предлагаю миссис Гленарван и мисс Грант присоединиться к нам, — ответил ученый.

— Вы серьезно говорите это, Паганель? — спросил Гленарван.

— Вполне серьезно, дорогой сэр. Это переход в каких-нибудь триста пятьдесят миль. Продвигаясь по

двенадцати миль ежедневно, мы закончим его меньше чем в месяц, то-есть за то время, какое потребуется для починки «Дункана». Вот если бы вопрос шел о том, чтобы пересечь Австралийский материк севернее, там, где он шире всего, где простираются его необозримые безводные пустыни с нестерпимым зноем, — словом, если бы надо было проделать то, чего не пытались еще осуществить самые смелые путешественники, тогда другое дело. А тридцать седьмая параллель проходит через провинцию Виктория, через английский край, почти везде заселенный, с дорогами, железнодорожным движением. Такое путешествие можно совершить даже в коляске, а еще лучше на телеге. Это вроде поездки из Лондона в Эдинбург, не больше.

— А дикие звери? — заметил Гленарван, заранее желая предусмотреть препятствия, которые могут возникнуть на их пути.

— В Австралии нет диких зверей.

— А дикари?

— Дикарей под этой широтой нет, и, во всяком случае, они не так свирепы, как новозеландцы.

— А каторжники?

— В южных провинциях Австралии их нет. Они встречаются лишь в восточных ее колониях. Провинция же Виктория не только не принимает каторжников, но даже издала закон, не допускающий на ее территорию людей, отбывших наказание в других провинциях. Еще в этом году управление провинции Виктория грозило одной пароходной компании прекратить выдачу ей субсидии, если та будет продолжать погрузку угля в портах западного побережья, где разрешается проживать ссыльным... Удивительно, что вы, англичанин, этого не знаете!

— Прежде всего я не англичанин, — ответил Гленарван.

— То, что рассказал нам мистер Паганель, совершенно верно, — заявил Падди О'Мур. — Не только провинция Виктория, но и вся Южная Австралия, Квинсленд и даже Тасмания — все они не допускают к себе бывших каторжников. С тех пор как я живу на этой ферме, я не слыхал ни об одном из них.

— Я тоже никогда ни одного не встречал, — заметил Айртон.

— Как видите, друзья мои, — продолжал Жак Паганель, — в этих краях очень мало дикарей, совсем нет ни диких зверей, ни каторжников, а ведь немного мест найдется в Европе, о которых можно было бы сказать то же самое... Итак, решено?

— Что скажете, Элен? — обратился к жене Гленарван.

— То, что готов сказать каждый из нас, дорогой Эдуард, — ответила она, поворачиваясь к остальным путешественникам: — В дорогу! В дорогу!

Глава VIII

ОТЪЕЗД

У Гленарвана не было в обычае тратить много времени между принятием решения и его выполнением. Как только предложение Паганеля было одобрено, Гленарван тотчас распорядился как можно скорее готовиться к отъезду. День последнего был назначен на послезавтра, 22 декабря.

Чего можно было ожидать от этого перехода через Австралию? Раз был бесспорно установлен тот факт, что капитан Грант находится на этом материке, предпринимаемая экспедиция могла дать существенные результаты. Она увеличивала количество благоприятных шансов.

Правда, никто не обольщал себя надеждой найти капитана именно на тридцать седьмой параллели, которой было решено в точности придерживаться, но можно было ожидать, что обнаружатся какие-нибудь следы пребывания Гарри Гранта, и, во всяком случае, параллель эта вела прямо к месту кораблекрушения. А это было самым главным.

Если бы, кроме того, Айртон согласился присоединиться к путешественникам и, указывая им дорогу в лесах провинции Виктория, довел их до восточного побережья, это дало бы лишний шанс на успех. Гленарван понимал это и потому, стремясь заполучить себе полезно-

го помощника в лице бывшего спутника Гарри Гранта, спросил хозяина дома, не будет ли тот недоволен, если он предложит Айртону сопровождать их. Падди О'Мур заявил, что ничего не будет иметь против этого, хотя и очень жалеет, что лишается такого превосходного работника.

— Что ж, Айртон, согласны ли вы принять участие в нашей экспедиции для розысков потерпевших крушение на «Британии»?

Айртон не сразу ответил на этот вопрос. Казалось даже, что несколько минут он колебался, но затем, подумав, сказал:

— Хорошо, сэр, я отправлюсь с вами, и если даже мне не удастся навести вас на следы пребывания капитана Гранта, то все же я доведу вас до того места, у которого разбилось его судно.

— Спасибо, Айртон, — промолвил Гленарван.

— Разрешите, сэр, задать вам один вопрос.

— Говорите, мой друг!

— Где встретитесь вы с «Дунканом»?

— Или в Мельбурне, в том случае, если нам не понадобится пересечь всю Австралию от одного побережья до другого, или на восточном побережье, если наши поиски доведены будут до него.

— Но тогда его капитан...

— Его капитан будет ждать моих распоряжений в порту Мельбурна.

— Хорошо, сэр, — сказал Айртон, — вы можете рассчитывать на меня.

— Буду рассчитывать, Айртон, — ответил Гленарван.

Пассажиры «Дункана» горячо поблагодарили боцмана. Дети капитана не знали, как выказать ему свою нежность. Все радовались решению Айртона, за исключением ирландца, терявшего в его лице умного и надежного помощника. Но Падди О'Мур понял, какое значение придавал Гленарван участию боцмана в экспедиции, и потому примирился с этой утратой. Гленарван поручил ирландцу снабдить экспедицию средствами передвижения для путешествия через Австралию. Заключив эту сделку и условившись с Айртоном, наши путешественники направились обратно на яхту.

Возвращались весело. Все изменилось, колебаниям не было места. Теперь отважной экспедиции не придется вести вслепую поиски вдоль тридцать седьмой параллели. Гарри Грант находится на этом материке, в этом уже нельзя было сомневаться, и сердца всех были переполнены радостью, как обычно бывает, когда вслед за сомнениями является уверенность. Через два месяца — при благоприятных обстоятельствах — «Дункан» высадит Гарри Гранта на берег Шотландии.

Когда Джон Манглс поддерживал предложение Паганеля совершить переход через Австралию в обществе пассажирок «Дункана», он, конечно, надеялся, что на этот раз и сам присоединится к экспедиции. Заведя на эту тему разговор с Гленарваном, он привел всевозможные доводы в пользу своего участия в экспедиции: говорил, как он предан миссис Элен и самому Гленарвану, говорил о своей полезности в деле организации каравана и о бесполезности его присутствия как капитана на «Дункане» во время ремонта яхты. Словом, Джон Манглс привел множество всяких соображений, за исключением одного, для него самого важного.

— Один только вопрос, Джон, — промолвил Гленарван, выслушав молодого капитана: — вполне ли вы доверяете своему помощнику?

— Вполне, — ответил Джон Манглс. — Том Остин хороший моряк. Он доведет «Дункан» до Мельбурна, умело произведет ремонт, а затем приведет судно куда нужно, в назначенный день. Том — человек долга и дисциплины. Он никогда не решится отклониться от приказа или выполнить его с опозданием. Вы можете положиться на него совершенно так же, как и на меня, сэр.

— Решено, Джон: вы отправляетесь с нами, — сказал Гленарван, а затем, улыбаясь, добавил: — Ведь желательно ваше присутствие, когда мы разыщем отца Мэри Грант.

— О сэр! — пробормотал Джон Манглс.

Это все, что мог произнести молодой капитан. Побледнев, он сжал протянутую ему Гленарваном руку.

На следующий день Джон Манглс в сопровождении плотника и матросов, несших съестные припасы, снова отправился в усадьбу Падди О'Мура. Он должен был

заняться совместно с ирландцем организацией транспорта для экспедиции.

Вся семья колониста ждала его, готовая начать работать по его указанию. Айртон тоже был здесь и не скупился на добрые советы, основанные на знании местных условий.

Падди с Айртоном сошлись на том, что женщинам следует ехать в повозке, запряженной быками, а мужчинам — верхом на лошадях. Ирландец взялся снабдить экспедицию как животными, так и повозкой. Повозка его оказалась длиной в двадцать футов, с брезентовым верхом. Четыре колеса ее были сделаны из сплошного дерева, без спиц, без ободов, без железных обручей — словом, это были просто деревянные диски. Передний ход телеги, отстоявший на большом расстоянии от заднего, был прикреплен к кузову довольно первобытным способом, так что сразу повернуть телегу было невозможно; к этому переднему ходу было приделано длиннейшее, в тридцать пять футов, дышло; в него впрягались три пары быков. Животные эти тянули повозку при помощи ярма и прикрепленного к нему железной чекой шейного кольца. Нужна была большая ловкость, чтобы управлять этой узкой, длинной и валкой колымагой и править быками с помощью одной только остроконечной палки. Но Айртон постиг это искусство на здешней ирландской ферме, и Падди ручался за его ловкость. Поэтому Айртону и были поручены обязанности возницы.

Колымага, лишенная каких-либо рессор, была, конечно, мало удобна. Но выбора не имелось, и приходилось мириться с этим средством передвижения. Джон Манглс, не будучи в силах изменить что-либо в топорном строении колымаги, постарался устроить ее поудобнее хотя бы внутри. Прежде всего он разделил ее дощатой перегородкой на два отделения. Заднее предназначалось для хранения съестных припасов, багажа и походной кухни мистера Олбинета, переднее же отделение должно было всецело поступить в распоряжение путешественниц. Плотник превратил его в уютную комнатку, с толстым ковром на полу, туалетным столиком и двумя диванчиками для Элен и Мэри Грант. Ночью для защиты от холода можно было опускать плотные кожаные занавеси.

В крайнем случае и мужчины могли найти там приют во время ливней, но обычно они должны были ночевать в палатке. Джон Манглс умудрился собрать в этом маленьком помещении все вещи, необходимые для обеих женщин. Элен и Мэри Грант не пришлось слишком жалеть о комфортабельных каютах на «Дункане».

С мужчинами дело было проще. Приготовили семь лошадей: для Гленарвана, Паганеля, Роберта Гранта, Мак-Наббса, Джона Манглса и двух матросов — Вильсона и Мюльреди, сопровождавших своего хозяина и в этой новой экспедиции. Айртону предстояло занять полагающееся ему место на коэлах колымаги, а мистер Олбинет, не прельщавшийся перспективой верховой езды, мог прекрасно устроиться в багажном отделении. Лошади и быки паслись на лугах фермы, и к моменту отъезда их легко можно было собрать.

Дав нужные указания плотнику, Джон Манглс отправился обратно на «Дункан» вместе с ирландским семейством, пожелавшим посетить Гленарвана. Айртон тоже присоединился к ним. Около четырех часов пополудни Джон и его спутники уже были на борту «Дункана».

Гостей приняли с распростертыми объятиями. Гленарван пригласил всех отобедать на яхте: он не захотел остаться в долгу у гостеприимных австралийцев. Те с удовольствием приняли его приглашение. Меблировка кают, обои, стенные ковры и вся надводная часть яхты, отделанная кленом и палисандровым деревом, — все это привело в восторг Падди О'Мура. Айртон же, наоборот, отнесся довольно равнодушно ко всей этой дорогостоящей роскоши.

Зато боцман «Британии» произвел тательный осмотр яхты с точки зрения мореплавателя. Он спустился до самого дна трюма, побывал там, где помещается винт, и в машинном отделении, осведомился о силе машины, о количестве топлива, поглощаемого ею. Он обследовал угольные ямы, запасы продовольствия и пороха. Особый интерес вызвал запас оружия, а также пушка, поставленная на баке, и ее дальнобойность. Гленарван имел дело с опытным моряком. Он увидел это по тем специальным вопросам, которые задавал Айртон. Боцман закончил свой обход осмотром мачт и такелажа.

— Красивое у вас судно, сэр! — сказал он.

— Хорошее судно, это главное, — ответил Гленарван.

— А каков его тоннаж?

— Двести десять тонн.

— Кажется, я не очень ошибусь, если скажу, что «Дункан», идя полным ходом, легко делает пятнадцать узлов.

— Прибавьте еще два, — отозвался Джон Манглс, — и вы не ошибетесь.

— Семнадцать! — воскликнул боцман. — Так, значит, ни одно военное судно — я имею здесь в виду наилучшие — не в силах угнаться за ним?

— Ни одно! — заявил капитан. — «Дункан» — настоящая гоночная яхта, и он не даст обогнать себя.

— Даже под парусами?

— Даже под парусами.

— Ну, тогда вы, сэр, и вы, капитан, примите поздравления моряка, знающего цену хорошему судну.

— Рад слышать это, Айртон, — ответил Гленарван. — Оставайтесь на нашем судне, и если вы захотите, оно станет и вашим.

— Подумаю об этом, сэр, — просто ответил боцман.

Появившийся в эту минуту мистер Олбинет доложил, что обед подан. Гленарван со своими гостями направился в кают-компанию.

— Этот Айртон — умный малый, — заметил Паганель, обращаясь к майору.

— Слишком умный, — тихо отозвался Мак-Наббс.

Майору, без всяких, надо сказать, оснований, не нравилось лицо боцмана и его манера держать себя.

Во время обеда Айртон, прекрасно знавший Австралийский материк, рассказал о нем много интересных подробностей. Между прочим, он спросил Гленарвана, сколько матросов берет он с собой в экспедицию. Услыхав, что только двоих — Мюльреди и Вильсона, — он, видимо, был удивлен и стал советовать Гленарвану сформировать для этой цели целый отряд из лучших матросов «Дункана». Он даже настаивал на этом, что, кстати сказать, должно было уничтожить последние подозрения у майора.

— Но ведь наше путешествие в Южную Австралию не представляет никакой опасности? — проговорил Гленарван.

— Никакой, — поспешил подтвердить Айртон.

— Ну, тогда надо оставить на судне как можно больше народа. Чтобы вести «Дункан» под парусами в Мельбурн, чтобы ремонтировать его, нужны будут люди. Чрезвычайно важно, чтобы яхта могла без опоздания прибыть в то место, которое будет ей назначено. Поэтому не будем сокращать его команду.

Айртон, повидимому, понял соображения Гленарвана и больше не настаивал.

Наступил вечер, и ирландцы распрощались с шотландцами. Айртон и семья Падди О'Мура вернулись на ферму. Лошади и колымага с быками должны были быть готовы к следующему дню. Отъезд был назначен на восемь часов утра.

Элен Гленарван и Мэри Грант занялись последними приготовлениями. Сборы были недолгие, а главное, менее кропотливые, чем сборы Жака Паганеля. Ученый до поздней ночи развинчивал стекла своей подзорной трубы, вытирал их, затем снова свинчивал. Поэтому утро застало его спящим. Майор обычным голосом разбудил его.

Джон Манглс уже отправил багаж на ферму. Шлюпка ждала путешественников; они не замедлили занять в ней места. Молодой капитан отдавал последние распоряжения Тому Остину. Он особенно настаивал на том, чтобы его помощник ждал приказаний Гленарвана в Мельбурне и, каковы бы они ни были, выполнил их самым точным образом.

Старый моряк заверил Джона Манглса, что тот может на него положиться. Затем от имени всей команды Том Остин пожелал Гленарвану полнейшего успеха в его экспедиции. Шлюпка отвалила от трапа под громовое «ура» команды.

Через десять минут она пристала к берегу, а еще через четверть часа наши путешественники были уже на ирландской ферме.

Здесь все было готово. Элен пришла в восторг от своего помещения. Особенно понравилась ей огромная

колымага своей массивностью и первобытными колесами. Шесть впряженных попарно быков своим патриархальным видом очень подходили к колымаге. Айртон, держа в руках заостренную длинную палку, ждал приказаний своего нового хозяина.

— Чорт возьми, — воскликнул Паганель, — какая чудесная повозка! Ни одна почтовая карета в мире не сравнится с ней. Я не знаю лучшего способа бродить по свету! Дом, который трогается с места, движется, останавливается, когда вам только заблагорассудится, — чего можно пожелать лучшего? Это некогда поняли сарматы и иначе не путешествовали.

— Господин Паганель, — обратилась к нему Элен, — надеюсь, что я буду иметь удовольствие видеть вас в моем салоне?

— Конечно, миссис! Почту за честь. Какой ваш приемный день?

— Я буду дома для своих друзей ежедневно, — смеясь, ответила Элен, — а вы...

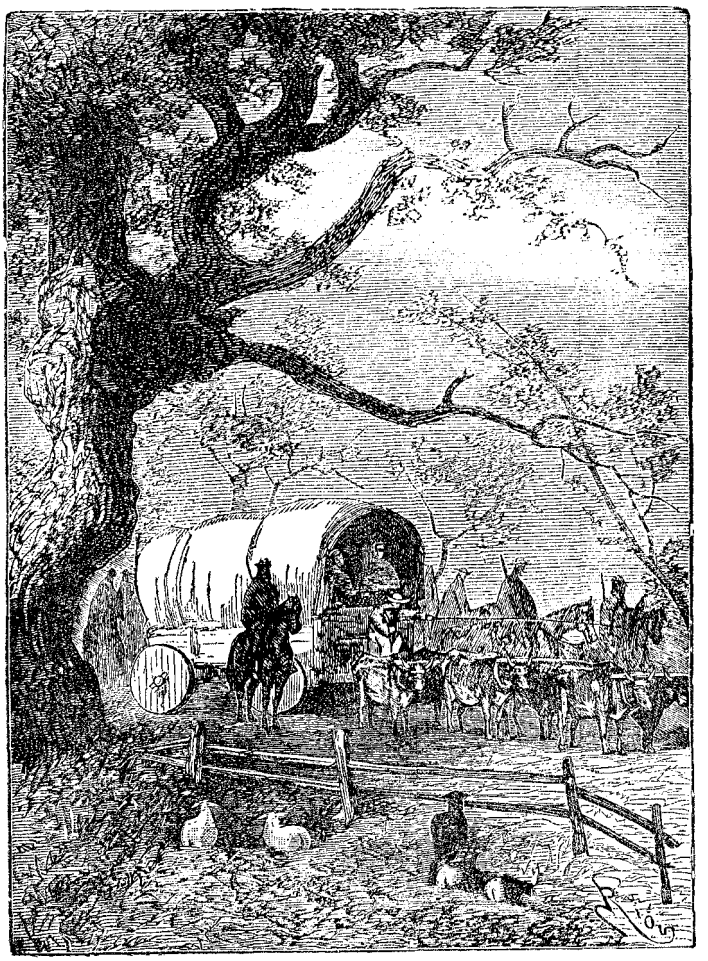
— ...самый преданный из них, миссис, — галантно ответил Паганель.

Этот обмен любезностями был прерван появлением семи уже оседланных и взнузданных лошадей. Их привел один из сыновей Падди О'Мура. Гленарван уплатил ирландцу-фермеру за все, что было приобретено у него, и горячо поблагодарил его, а это для честного колониста было не менее ценно, чем полученные золотые гинеи.

Был дан сигнал к отъезду. Элен и Мэри заняли места в своем купе, Айртон — на козлах, а мистер Олбинет — в задней части колымаги. Гленарван, майор, Паганель, Роберт, Джон Манглс, оба матроса сели верхом на лошадей. Все они были вооружены карабинами и револьверами.

Айртон издал особый, принятый у австралийских погонщиков возглас и кольнул длинной остроконечной палкой своих быков.

Колымага тронулась, доски ее затрещали, оси в ступицах колес заскрипели, и вскоре гостеприимная ферма славного ирландца скрылась за поворотом дороги.



Был дан сигнал к отъезду.

Глава IX

ПРОВИНЦИЯ ВИКТОРИЯ

Было 23 декабря 1864 года. Декабрь, такой унылый и хмурый в Северном полушарии, должен был бы называться июнем на Австралийском материке. Ведь с астрономической точки зрения, здесь два дня назад наступило лето: начиная с 21-го время пребывания солнца над горизонтом ежедневно сокращалось на несколько минут. Таким образом, это новое путешествие Гленарвана должно было совершиться в самое жаркое время года, под почти тропическими лучами солнца.

Совокупность английских владений в этой части Тихого океана носит название Австралазии. Сюда входят Новая Голландия, Тасмания, Новая Зеландия и несколько соседних островов. Самый же Австралийский материк делится на несколько обширных колоний-провинций, очень отличающихся друг от друга как по величине, так и по своим природным богатствам. При взгляде на современную карту Австралии бросается в глаза прямолинейность границ австралийских провинций, — очевидно, англичане проводили их, нисколько не сообразуясь ни с горными склонами, ни с течением рек, ни с различием климата, ни с разноплеменностью населения. Эти колонии-провинции представляют собой примыкающие друг к другу прямоугольники, напоминающие мозаику. Во всех этих прямых линиях и прямых углах чувствуется не столько рука географа, сколько рука геометра. Только берега с их разнообразными изгибами, бухтами, мысами, заливами протестуют своей очаровательной неправильностью от имени природы против этой прямолинейности.

Это сходство между картой Австралии и шахматной доской вызывало заслуженные насмешки Жака Паганеля.

— Если бы Австралия была французской колонией, то французские географы, конечно, не проявили бы такой страсти к угольнику и рейсфедеру, — говорил он.

Обширный австралийский остров делится в настоящее время на шесть колоний-провинций: Новый Южный Уэллс — столица Сидней, Квинсленд—столица Брисбен, Виктория — столица Мельбурн, Южная Австралия —

столица Аделаида, Западная Австралия — столица Перт, и, наконец, Северная Австралия, пока не имеющая столицы. Колонистами заселены лишь побережья. Почти нет сколько-нибудь значительных городов дальше двухсот миль вглубь страны. Что же касается центральной части материка, представляющей собой по величине две трети Европы, то она еще почти не исследована.

К счастью, тридцать седьмая параллель не проходит через эти беспредельные пустыни, через эти недоступные области, уже стоившие науке стольких жертв. Гленарван не смог бы их преодолеть. Его интересовал лишь юг Австралии: надо было пройти часть провинции Южная Австралия, затем провинцию Виктория во всю ее ширину и, наконец, перебраться через вершину опрокинутого треугольника, представляющего собой провинцию Новый Южный Уэллс.

От мыса Бернулли до границы провинции Виктория — около шестидесяти двух миль. Это расстояние можно было свободно покрыть в два дня, и Айртон рассчитывал к вечеру следующего дня уже расположиться на ночлег в Эпили, самом западном городе провинции Виктория.

Обычно в начале всякого путешествия как всадники, так и лошади проявляют некоторую пылкость. Против воодушевления первых ничего нельзя было возразить, но прыть вторых понадобилось умерить. Тот, кому предстоит далекий путь, должен беречь силы животного, на котором едет. Поэтому было решено проезжать в среднем не больше двадцати пяти — тридцати миль в день. К тому же приходилось соразмерять ход лошадей с медленным шагом быков — этих настоящих живых машин, теряющих во времени то, что они выигрывают в силе.

Колымага со своими пассажирами и провиантом была ядром экспедиции, ее движущейся крепостью. Всадники могли разъезжать по сторонам, но не должны были слишком удаляться от колымаги. Вообще, так как для всадников не было установлено никакого определенного порядка езды, каждый мог до известной степени действовать по своему усмотрению. Охотники рыскали по равнине за дичью, любезные кавалеры беседовали с обитательницами колымаги, философы философствовали. Паганель,

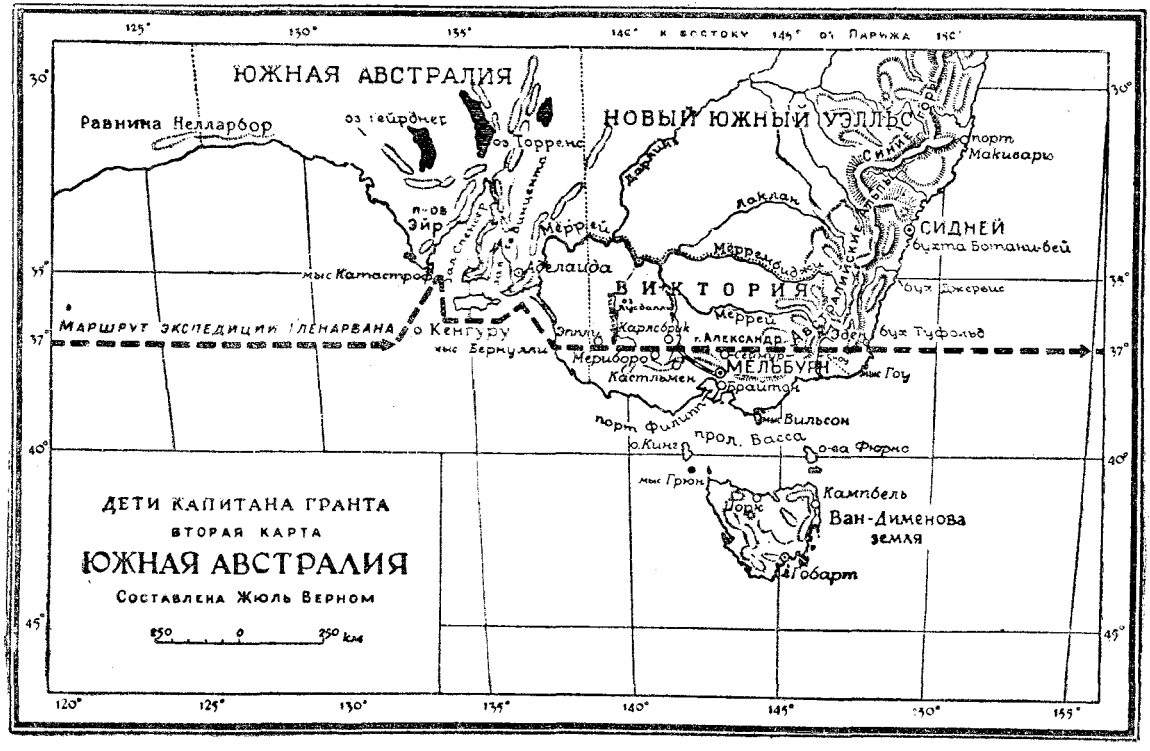
совмещавший в себе все эти качества, должен был поспевать — и поспевал повсюду.

Переезд через провинцию Южная Австралия оказался малоинтересным. На протяжении нескольких миль ряд невысоких пыльных холмов чередовался с пустырями, называемыми в этом краю бушами, и с лугами, где там и сям виднелись группы кустов с остроконечными солоноватыми листьями — излюбленным лакомством овец. Между столбами телеграфной линии, недавно соединившей Аделаиду с побережьем, мирно паслись «свиные рыла» — овцы со свиными головами, встречающиеся только в Новой Голландии.

Эти равнины удивительно напоминали однообразные аргентинские пампасы: такая же, как там, ровная, поросшая травой земля, такой же резко вырисовывающийся на фоне неба горизонт. Мак-Наббс уверял, что они будто и не покидали Южной Америки. Однако Паганель утверждал, что местность скоро должна измениться, и его спутники, полагаясь на слова географа, стали ждать чего-то чудесного.

В три часа наш отряд очутился на обширной, безлесной равнине — так называемой Равнине москитов. Географ имел удовольствие убедиться в правильности этого названия. И путешественники и их лошади очень страдали от непрекращавшихся укусов этих назойливых двукрылых. Избежать укусов было невозможно. Легче было смягчить их нашатырным спиртом из походной аптечки. Паганель, выйдя из терпения, проклинал надоедливых москитов, не переставших жалить его.

К вечеру несколько живых изгородей из акаций придали равнине более веселый вид. Там и сям поднимались группы белых камедных деревьев; далее показались недавно проложенные колеи; затем стала попадаться растительность, вывезенная из Европы: оливковые и лимонные деревья, вечнозеленые дубы, и, наконец, потянулись изгороди. В восемь часов вечера быки, подгоняемые заостренной палкой Айртона, добрались до стоянки Ред-Гум. Словом «стоянка» здесь называется место, где разводится скот, представляющий собой главное богатство Австралии. Местные животноводы зовутся «скваттеры», то-есть «люди, садящиеся на землю». И в самом деле,


ЮЖНАЯ АВСТРАЛИЯ
НОВЫЙ ЮЖНЫЙ УЭЛЛЬС
ВИКТОРИЯ
Равнина Нелларбор
оз. Гейрднет
оз. Торренс
п-ов Эйр
Меррией
Дарлинг
Лаклан
Маррамбиджи
Аделаида
мыс Катастроф
МАРШРУТ ЭКСПЕДИЦИИ ГЛЕНАРВАНА
о. Кенгуру
мыс Бернулли
Эссендон
Мельбурн
Сидней
бухта Ботани-бей
порт Макиварье
Кэмпбелл
Ван-Дименова земля
Хобарт
ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА
ВТОРАЯ КАРТА
ЮЖНАЯ АВСТРАЛИЯ
Составлена Жюль Верном
850 0 350 км

первое, что делает усталый колонист после своих скитаний по необъятным равнинам, — он садится на землю.

Стоянка Ред-Гум была невелика, но приняли здесь Гленарвана очень радушно. Под кровом этих уединенных жилищ путешественника всегда угощают, и в лице австралийского колониста он всегда находит гостеприимного хозяина.

На следующий день Айртон запряг своих быков уже на рассвете. Ему хотелось в тот же день добраться до границы Виктории.

Местность постепенно становилась неровной. До горизонта волнообразно тянулись холмики, усыпанные красным песком; казалось, что на равнину наброшен огромный красный флаг, складки которого раздуваются ветром. Малли — род сосен с прямыми гладкими стволами — простирали свои темнозеленые ветви над тучными лугами, где бегало множество веселых тушканчиков. Дальше потянулись обширные равнины, поросшие кустарником и молодыми камедными деревьями. Потом на смену им появились отдельные деревья — первые представители австралийских лесов.

По мере приближения к границам Виктории вид местности все более изменялся. Путешественники почувствовали себя в новой стране. Они неизменно двигались по прямой линии, и никакое препятствие на пути — ни озеро, ни гора — не принуждало их превратить эту линию в кривую или ломаную. Они неуклонно осуществляли на практике геометрическую теорему: двигались по кратчайшему расстоянию между двумя точками. Об усталости и затруднениях не могло быть и речи. Всадники соразмеряли свой марш с медленным шагом быков, а эти спокойные животные хотя и передвигались не очень-то быстро, но зато никогда не останавливались в пути. Сделав, таким образом, в два дня переход в шестьдесят миль, караван прибыл 24 декабря вечером в Эппли, ближайший к границе город провинции Виктория, расположенный в округе Виммера, под сто сорок первым градусом долготы.

Айртон остановил колымагу перед харчевней, носившей, за неимением лучшей гостиницы, громкое название «Отель короны». Был подан горячий ужин, состоявший

из разных блюд, приготовленных исключительно из баранины. За этим ужином много ели, но еще больше разговаривали. Желая познакомиться с особенностями Австралийского материка, спутники Паганеля засыпали его вопросами. Географ не заставил себя просить и охотно принялся рассказывать о провинции Виктория, по его словам называемой также Счастливой Австралией.

— Неверное название! — заметил при этом Паганель. — Было бы ближе к истине назвать эту провинцию Богатой Австралией, ибо о странах можно сказать, как и о людях: «Богатство не дает счастья». Благодаря своим золотым приискам Австралия попала в лапы свирепых хищников-авантюристов. Вы сами это увидите, когда мы будем проезжать через золотоносные земли.

— Кажется, колония Виктория существует не так давно? — спросила Элен.

— Да, она основана всего каких-нибудь тридцать лет назад, а именно: шестого июня 1835 года, во вторник...

— ...в четверть восьмого вечера, — добавил майор, любивший подтрунить над географом по поводу точности приводимых им дат.

— Ошибаетесь, — серьезно возразил географ. — В семь часов и десять минут Бетман и Фалкнер основали поселение Порт-Филипп у той самой бухты, где теперь раскинулся большой город Мельбурн. В течение первых пятнадцати лет эта колония входила в состав провинции Новый Южный Уэллс и имела общую с ней столицу Сидней, но в 1851 году она выделилась в отдельную независимую провинцию, получившую название «Виктория».

— И она значительно окрепла и развилась с тех пор? — спросил Гленарван.

— Судите сами об этом, мой друг, — ответил Паганель: — я приведу вам цифры — новейшие статистические данные. А что бы ни говорил Мак-Наббс, я ничего не знаю более красноречивого, чем цифры.

— Приводите, — промолвил майор.

— Начинаю. В 1836 году колония Порт-Филипп насчитывала двести сорок четыре жителя, а в настоящее время население провинции Виктория достигло пятисот пятидесяти тысяч человек. Семь миллионов виноградных

кустов приносят ей ежегодно сто двадцать одну тысячу галлонов вина. Сто три тысячи лошадей носятся по ее равнинам, и шестьсот семьдесят пять тысяч двести семьдесят две штуки рогатого скота пасется на ее беспредельных пастбищах.

— А имеются ли здесь свиньи? — поинтересовался Мак-Наббс.

— Имеются. С вашего позволения, их здесь семьдесят девять тысяч шестьсот двадцать пять.

— А сколько тут баранов, Паганель?

— Семь миллионов сто пятьдесят тысяч девятьсот сорок три, Мак-Наббс!

— Считая и того, которого мы в данную минуту едим, Паганель?

— Нет, без него: ведь три четверти его мы уже уничтожили.

— Браво, господин Паганель! — весело смеялась Элен. — Надо сознаться, что вы в совершенстве знаете все, что относится к географическим вопросам, и сколько бы ни старался наш кузен Мак-Наббс, ему не удастся поставить вас в тупик.

— Что ж, это моя профессия — знать все эти вещи и при надобности сообщать о них вам. Поэтому вы можете поверить мне, если я скажу вам, что в этой необыкновенной стране нам предстоит увидеть немало чудесного.

— Однако до сих пор... — начал Мак-Наббс, любивший подзадорить географа.

— Да подождите же, нетерпеливый майор! — воскликнул Паганель. — Вы едва успели перешагнуть через границу, а уже начинаете досадовать. А я говорю, повторяю вам, клянусь вам, что этот край — самый любопытный на всем земном шаре! Его возникновение, природа, растения, животные, климат, его грядущее исчезновение — все это удивляло, удивляет и удивит всех ученых мира. Представьте себе, друзья мои, материк, который, образовываясь, поднимался из морских волн не своей центральной частью, а краями, как какое-то гигантское кольцо; материк, где, быть может, в середине имеется наполовину испарившееся внутреннее море; где реки с каждым днем все больше и больше высыхают; где не существует влаги ни в воздухе, ни в почве; где деревья ежегодно те-

ряют не свои листья, а кору: где листья обращены к солнцу не своей поверхностью, а ребром и не дают тени; где лес часто не способен гореть; где каменные плиты тают от дождя; где леса низкорослы, а травы гигантской вышины; где животные необычны; где у четвероногих имеются клювы, как у ехидны и утконоса, что заставило ученых создать особый класс птицезверей; где у прыгуна кенгуру лапы разной длины; где у баранов свиные головы; где лисицы порхают с дерева на дерево; где лебеди черного цвета; где крысы вьют себе гнезда; где птицы поражают разнообразием своего пения и своих способностей: одна подражает бою часов, другая — щелканью бича почтовой кареты, третья — точильщику, четвертая отбивает секунды, точно маятник часов; есть такая, которая смеется утром, при восходе солнца, и такая, которая плачет вечером, при его заходе. Самая причудливая, самая нелогичная страна из всех когда-либо существовавших! Земля парадоксальная, опровергающая законы природы! Ученый-ботаник Гримар имел полное основание выразиться о ней так: «Вот она, эта Австралия, какая-то пародия на мировые законы или, вернее сказать, вызов, брошенный в лицо остальному миру!»

Эта тирада, стремительно произносимая Паганелем, казалось, никогда не кончится. Красноречивый секретарь Географического общества уже не владел собой. Он несся все вперед и вперед, отчаянно жестикулируя, и при этом так размахивая вилкой, что его соседям по столу положительно грозила опасность. Наконец голос его был заглушен громом аплодисментов, и он умолк.

Конечно, после всего этого перечисления особенностей Австралийского материка никому не пришло в голову задать географу еще какие-либо вопросы. Только майор спросил-таки своим неизменно спокойным голосом:

— И это всё, Паганель?

— Нет, представьте, не всё! — воскликнул с новым азартом ученый.

— Как, в Австралии есть что-нибудь еще более удивительное? — спросила заинтригованная Элен.

— Да, ее климат: он своими особенностями превосходит все, о чем я упоминал.

— А именно? — раздалось со всех сторон.

— Я не говорю уж о том, как богат воздух Австралии кислородом и беден азотом, не говорю также об отсутствии влажных ветров вследствие того, что пассаты дуют параллельно побережью, не говорю и о том, что большинство болезней, начиная от тифа и кончая корью и разными хроническими болезнями, здесь неизвестно...

— Однако это является немалым преимуществом, — заметил Гленарван.

— Без сомнения, но, повторяю, я не это имею в виду, — ответил Паганель. — Здесь климат обладает свойством... прямо-таки неправдоподобным...

— Каким же? — заинтересовался Джон Манглс.

— Вы ни за что мне не поверите...

— Поверим! — воскликнули заинтересованные слушатели.

— Ну, так он...

— Что — он?

— ...благотворно действует на нравственность!

— На нравственность?

— Да, — с убеждением ответил ученый. — Он благотворно действует на нравственность. В Австралии металлы не ржавеют на воздухе, то же происходит и с людьми. Сухой и чистый воздух здесь быстро все выбеливает. В Англии подметили это свойство здешнего климата, почему и решили ссылать сюда людей для исправления.

— Как, в самом деле такое влияние чувствуется? — спросила Элен Гленарван.

— Да, оно заметно и на животных и на людях.

— Вы не шутите, господин Паганель?

— Нет, не шучу. Даже австралийские лошади и рогатый скот и те послушны. Вы сами в этом убедитесь.

— Не может быть!

— Но тем не менее это так. Преступники, переселенные в эту живительную, оздоровляющую атмосферу, через несколько лет духовно перерождаются. Это известно филантропам. В Австралии все люди делаются лучше.

— Но тогда каким же станете вы, господин Паганель, в этой благодатной стране, вы, и без того хороший? — улыбаясь, проговорила Элен.

— Стану превосходным, просто превосходным! — ответил географ.

Глава X

РЕКА ВИММЕРА

На следующий день, 25 декабря, двинулись в путь на заре. Уже чувствовался зной, но терпимый. Дорога шла почти без подъемов и была удобна для лошадей. Пролегала она по довольно редкому лесу. Вечером, после основательного перехода, отряд сделал привал на берегу Белого озера, вода которого оказалась солоноватой и непригодной для питья.

Жак Паганель принужден был согласиться, что это Белое озеро не более бело, чем Черное море черно, Красное море красно, Желтая река желта, а Голубые горы голубого цвета. Впрочем, побуждаемый профессиональным самолюбием, географ попытался было спорить, но его доводы не имели успеха.

Мистер Олбинет с обычной для него аккуратностью приготовил и подал ужин. Затем путешественники — одни в колымаге, другие в палатке — не замедлили заснуть, невзирая на жалобный вой динго — этих австралийских шакалов.

За Белым озером раскинулась чудесная равнина, вся пестревшая хризантемами. Проснувшись на следующее утро, Гленарван и его спутники пришли в восторг от раскинувшейся перед их взором великолепной картины.

Снова двинулись в путь. Местность была ровная, только вдали виднелось несколько пригорков. Всюду до самого горизонта зеленела и алела цветами беспредельная равнина. Голубые цветы мелколистного льна красиво сочетались с яркокрасными цветами медвежьих когтей. Солончаковую почву густо покрывали серо-зеленые и красноватые цветы серебрянки, лебеды, свекловичника. Растения эти очень полезны, так как из их золы путем промывки добывается отличная сода. Паганель, который, очутившись среди цветов, сейчас же сделался ботаником, принялся называть все эти разновидности растений и, верный своему пристрастию к цифрам, не упустил случая заявить, что австралийская флора располагает четырьмя тысячами двумястами видов растений, принадлежащих к ста двадцати семействам.

После того как колымага проехала за короткое время еще с десяток миль, ей пришлось ехать среди рощиц высоких акаций, мимоз и белых камедных деревьев с их разнообразными цветами. Растительное царство этих равнин, богатых источниками, нельзя было упрекнуть в неблагодарности по отношению к дневному светилу: все, что солнце изливало на него в виде света и тепла, оно возвращало ароматами и цветами. Зато царство животных представлено было более скупо. Лишь кое-где бродили по равнине эму, приблизиться к которым оказалось невозможным. Майору все же удалось подстрелить одну очень редкую и уже исчезающую птицу. Это был ябиру — гигантский журавль английских колоний. Ростом он был пяти футов, а клюв его, черный, широкий, конической формы, очень заостренный с конца, имел восемнадцать дюймов длины. Лилово-пурпурная окраска его головы составляла резкий контраст с лоснящейся зеленой шеей, блестящей белой грудью и яркокрасными длинными ногами. Казалось, что природа израсходовала все свои основные краски на оперение этого ябиру.

Путешественники залюбовались этой птицей, и майор был бы, конечно, героем дня, если бы юный Роберт, проехав несколько миль дальше, не встретил и безбоязненно не убил какое-то бесформенное животное — нечто среднее между ежом и муравьедом, напоминавшее недоразвитое существо первобытных времен. Из его сомкнутой пасти висел длинный, растягивавшийся липкий язык, которым это животное вылавливало муравьев — свою главную пищу.

— Это ехидна, — объяснил Паганель. — Случалось ли вам когда-либо видеть подобное животное?

— Она отвратительна! — отозвался Гленарван.

— Отвратительна, но интересна, — заметил Паганель. — К тому же она встречается только в Австралии. Тщетно было бы искать ее в другой части света.

Понятно, Паганелю захотелось увезти с собой отвратительную ехидну, и он задумал положить ее в багажное отделение, но тут мистер Олбинет запротестовал с таким негодованием, что ученый должен был отказаться от мысли сохранить для науки этого представителя австралийской фауны.

В этот день наши путешественники достигли 141°31′ долготы. До сих пор им в пути встречалось мало колонистов-земледельцев и мало скваттеров. Местность казалась пустынной. Туземцев и совсем не было видно, так как дикие племена кочуют севернее, по бесконечным пустыням, орошаемым притоками Дарлинга и Мёррея.

Отряд Гленарвана очень заинтересовался встречей с одним из тех колоссальных стад, которые предприимчивые торговцы пригоняют с восточных гор в провинции Виктория и Южная Австралия.

Около четырех часов пополудни Джон Манглс указал своим спутникам на огромный столб пыли, поднимавшийся вдали, милях в трех впереди. Никто не мог догадаться, что означало это явление. Паганель склонен был видеть в этом влияние какого-нибудь метеора, и пылкая фантазия ученого уже подыскивала ему естественное объяснение, но Айртон, не дав географу углубиться в область догадок, заявил, что пыль эту поднимает двигающееся стадо.

Боцман был прав. Густое облако пыли все приближалось. Оттуда неслось мычанье, ржанье и блеянье. К этой пасторальной симфонии примешивались также — в виде криков, свиста и брани — человеческие голоса.

Из шумного облака появился человек. То был главный вожатый этой четвероногой армии. Гленарван поехал к нему навстречу, и они разговорились без дальнейших церемоний. Вожатый был в то же время и владельцем части этого стада. Звался он Сэм Митчель и направлялся из восточных провинций к бухте Портланд.

Его стадо состояло из двенадцати тысяч семидесяти пяти голов: тысячи быков, одиннадцати тысяч баранов и семидесяти пяти лошадей. Весь этот скот, купленный худым на равнинах у Голубых гор, перегонялся теперь на тучные пастбища Южной Австралии, с тем чтобы после откорма его можно было перепродать с большим барышом. Сэм Митчель, выгадывая по два фунта стерлингов с быка и по полфунта с барана, должен был выручить кругленькую сумму в сто пятьдесят тысяч франков. Такое дело являлось, конечно, выгодным, но сколько надо было проявить терпения и энергии, чтобы довести до места назначения это норовистое стадо, сколько трудов при-

ходилось положить на это! Да, нелегко достается барыш, получаемый от этого сурового ремесла.

В то время как стадо Сэма Митчеля продолжало двигаться вперед через рощицы мимоз, сам он в немногих словах рассказал свою историю. Элен Гленарван и Мэри Грант сошли с колымаги, всадники соскочили со своих коней, и все они, усевшись под тенью большого камедного дерева, слушали рассказ скотопромышленника.

Сэм Митчель был в пути уже семь месяцев. В среднем он проходил ежедневно миль десять, и его бесконечное путешествие должно было продлиться еще месяца три. В этом трудном деле ему помогали тридцать погонщиков и двадцать собак. Среди погонщиков было пять негров, умевших замечательно отыскивать отбившихся от стада животных по их следам. За этой армией следовало шесть телег. Погонщики с бичами в руках (рукоятка этих бичей была восемнадцати дюймов длины, а ремень — девяти футов) пробирались между рядами животных и восстанавливали то и дело нарушаемый порядок, между тем как легкая кавалерия в виде собак носилась по флангам. Путешественников привела в восхищение царившая в стаде дисциплина. Различные породы животных шли отдельно, ибо дикие быки не станут пастись там, где прошли бараны. Поэтому необходимо было гнать быков во главе этой армии. Они, разделенные на два батальона, двигались впереди. За ними под командой двадцати вожатых следовали пять полков баранов; взвод лошадей шел в арьергарде. Сэм Митчель обратил внимание своих слушателей на то, что вожаками этой армии являлись не люди, не собаки, а некоторые быки — смышленые «лидеры», авторитет которых признавался их сородичами. Они с большой важностью шествовали впереди, инстинктивно выбирая наилучшую дорогу. Видимо, они были глубоко убеждены в своем праве пользоваться общим уважением. Стадо беспрекословно повиновалось им, и поэтому с ними приходилось считаться. Если им заблагорассудилось сделать остановку, надо было уступать их желанию; и тщетно было бы пытаться снова пуститься в путь после стоянки до того, как они сами подадут к этому сигнал.

Скотопромышленник добавил еще несколько подробностей к описанию этой экспедиции. Пока эта армия жи-

вотных движется по равнине, все идет хорошо — не надо преодолевать препятствия, не чувствуется усталости. Скот пасется тут же, по дороге, утоляет жажду в многочисленных ручьях, ночью спит, днем идет, послушный лаю собак. Но когда путь пролегает по обширным лесам материка, через заросли мимоз и эвкалиптов, затруднения возрастают. Взводы, батальоны, полки — все это смешивается или рассыпается по сторонам, и немало надо времени, чтобы снова всех собрать. Если, к несчастью, потеряется один из быков-лидеров, его приходится во что бы то ни стало разыскать, иначе все стадо может разбежаться; негры-погонщики нередко тратят по нескольку дней на эти трудные поиски. Когда идут сильные дожди, ленивые животные отказываются двигаться вперед, а во время бурных гроз обезумевший от страха скот охватывает паника.

И все же благодаря энергии и расторопности скотопромышленника удавалось преодолевать эти всё снова и снова возникающие трудности. Он шел вперед миля за милей. Равнины, леса, горы оставались позади. Но ему приходилось присоединить к энергии и расторопности еще нечто большее — ничем не сокрушимое терпение, которого должно было хватить не на часы, не на дни, а на целые недели, уходившие на переправы через реки. Здесь препятствием является не непроходимость водного пути, а только упрямство стада, не желающего переходить реки: быки, хлебнув воды, поворачивают назад; бараны, боясь воды, разбегаются в разные стороны. Надо ждать ночи, чтобы снова попытаться загнать стадо в реку. Попытка не удается. Баранов бросают в воду силой, но овцы не решаются следовать за ними. Пробуют в течение нескольких дней томить скот жаждой, но и это ни к чему не приводит. Переправляют на противоположный берег ягнят в надежде, что матери, услышав их крики, бросятся к ним. Но ягнята блеют, а матери не двигаются с места. Такое положение длится иногда целый месяц, и скотопромышленник не знает, что ему делать со своей блеющей, ржущей и мычащей армией. Вдруг в один прекрасный день без всякой видимой причины, словно по какому-то капризу, часть стада начинает переходить реку, и тут возникает новая трудность — помешать животным беспорядочно

бросаться в воду, так как при этом они сбиваются в кучу и многие из них, попав в стремнины, тонут.

Вот что рассказал нашим путешественникам Сэм Митчель. Во время его рассказа бо́льшая часть стада прошла мимо в полном порядке, и скотопромышленник должен был поторопиться снова стать во главе своей армии, чтобы иметь возможность выбирать лучшие пастбища. Он простился с Гленарваном и его спутниками. Все крепко пожали ему руку. Затем он вскочил на прекрасного туземного коня, которого держал под уздцы один из погонщиков, и через несколько мгновений уже исчез в облаке пыли.

Колымага снова двинулась в путь и остановилась только вечером у подошвы горы Тальбот. На привале Паганель весьма уместно напомнил о том, что было 25 декабря, день рождества — праздник, столь чтимый в английских семьях. Но мистер Олбинет также не забыл этого: в палатке был сервирован вкусный ужин, заслуживший горячую похвалу всех присутствующих. И в самом деле, мистер Олбинет превзошел самого себя: он умудрился приготовить из имевшихся запасов ряд европейских блюд, которые не часто можно получить в пустынях Австралии. На этом достопримечательном ужине были поданы оленья ветчина, солонина, копченая семга, пирог из ячменной и овсяной муки, чай в неограниченном количестве, виски в изобилии и несколько бутылок портвейна. Можно было в самом деле вообразить себя в столовой замка Малькольм, среди гор Шотландии.

Действительно, на этом пиршестве было все, начиная от имбирного супа и кончая печеньем на десерт. Паганель счел нужным еще пополнить десерт плодами дикого апельсинового дерева, росшего у подножия соседнего холма. Надо признаться, апельсины эти были довольнотаки безвкусны, а раздавленные семечки их обжигали рот, словно кайенский перец. Географ же, видимо из научной добросовестности, так наелся этими апельсинами, что сжег себе нёбо и оказался не в состоянии отвечать на многочисленные вопросы майора относительно особенностей австралийских пустынь.

На следующий день, 26 декабря, не произошло ничего, о чем стоило бы рассказать. На пути попались истоки

реки Нортон, а позднее — наполовину пересохшая река Мекензи. Погода стояла прекрасная, не слишком жаркая. Дул южный ветер, приносящий здесь прохладу, подобно тому как это делает северный ветер в Северном полушарии. Паганель обратил на это внимание своего юного приятеля Роберта Гранта.

— Это очень благоприятно для нас, — прибавил он, — ибо в Южном полушарии в среднем более жарко, чем в Северном.

— А почему? — спросил мальчик.

— Почему, Роберт? Разве ты никогда не слыхал о том, что Земля зимой ближе к Солнцу?

— Слыхал, господин Паганель.

— И что зимой холодно только потому, что лучи Солнца падают более косо?

— Да, господин Паганель.

— Так вот, мой мальчик, по этой самой причине в Южном полушарии более жарко.

— Не понимаю, — с удивлением ответил Роберт.

— А вот подумай, — продолжал Паганель. — Когда у нас там, в Европе, зима, то какое же время года здесь, в Австралии, у антиподов?

— Лето, — сказал Роберт.

— Ну, и если в это время Земля как раз ближе к Солнцу... Понимаешь?

— Понимаю.

— Значит, лето Южного полушария должно быть жарче лета Северного полушария именно благодаря этой близости к Солнцу.

— Теперь мне все ясно, господин Паганель.

— Итак, когда говорят, что Земля ближе к Солнцу зимой, то это верно лишь по отношению к нам, живущим в северной части земного шара.

— Вот это никогда мне не приходило в голову, — промолвил Роберт.

— Ну, так больше не забывай этого, мой мальчик.

Роберт с большой охотой выслушал эту маленькую лекцию по космографии, в дополнение к которой он узнал еще и о том, что средняя температура провинции Виктория составляет плюс семьдесят четыре градуса по Фаренгейту (+23°33′ по Цельсию).

Вечером отряд сделал привал за озером Лонсдель, в пяти милях от него, между горой Драмонд, поднимавшейся на севере, и горой Драйден, невысокая вершина которой вычерчивалась на южном небосклоне.

На следующий день, в одиннадцать часов утра, колымага добралась до берегов реки Виммеры, у сто сорок третьего меридиана.

Река эта, шириной в полмили, несла свои прозрачные воды между высокими акациями и камедными деревьями. Там и сям среди них виднелись великолепные мирты, вздымавшие на пятнадцатифутовую высоту свои длинные плакучие ветви, пестревшие красными цветами. Множество птиц — иволги, зяблики, золотокрылые голуби, не говоря уж о болтливых попугаях, — порхало среди зеленых ветвей. Внизу, на воде, резвилась пара черных лебедей, пугливых и неприступных. Но эти редкие птицы австралийских рек вскоре исчезли за излучинами Виммеры, причудливо орошавшей эту пленительную долину.

Между тем колымага остановилась на ковре из зеленых трав, свисавших бахромой над быстрыми водами реки. Ни моста, ни парома не было. А все же перебраться было необходимо. Айртон стал искать удобного брода. В четверти мили вверх по течению река показалась ему менее глубокой, и он решил, что в этом месте можно будет перебраться на другой берег. Сделанные им в нескольких местах измерения показали, что река здесь не глубже трех футов. Значит, колымага могла без большого риска пройти по такому неглубокому месту.

— Нет никакого другого способа переправиться на тот берег? — обратился Гленарван к боцману.

— Другого нет, сэр, — ответил Айртон, — но эта переправа не кажется мне опасной. Как-нибудь переберемся.

— Следует ли жене и мисс Грант выйти из колымаги?

— Ни в коем случае. Мои быки крепки на ногу, и я берусь вести их по верному пути.

— Тогда отправляйтесь, Айртон, — сказал Гленарван. — Я полагаюсь на вас.

Всадники окружили тяжелую колымагу, и отряд смело вошел в воду. Обычно, когда телеги переходят реку вброд, к ним прикрепляют кругом пустые бочки, для того

чтобы поддержать их на поверхности воды, но здесь такого спасательного пояса не имелось, и надо было положиться на чутье быков и на осторожность возницы. Айртон, сидя на козлах колымаги, направлял ее через реку; майор и оба матроса, рассекая быстрое течение, пробирались в нескольких саженях впереди. Гленарван и Джон Манглс держались по обеим сторонам колымаги, готовые прийти на помощь путешественницам. Паганель и Роберт замыкали шествие.

Все шло хорошо до середины Виммеры. Но здесь дно стало опускаться, и вода поднялась выше колес. Быки, отнесенные течением от брода, могли потерять дно под ногами и потянуть за собой качавшуюся колымагу. Айртон отважно соскочил в воду и, схватив быков за рога, заставил их вернуться к броду.

В эту минуту колымага неожиданно на что-то натолкнулась, раздался треск, и она сильно накренилась. Вода залила ноги путешественницам. И колымагу и быков, несмотря на все усилия Гленарвана и Джона, уцепившихся за дощатую стенку, стало относить течением. Минута была критическая.

К счастью, быки мощно рванулись вперед и потащили за собой колымагу. Дно начало подниматься, и вскоре животные и люди, промокшие, но очень довольные, очутились в безопасности на другом берегу.

Однако у колымаги оказался сломан передок, а у лошади Гленарвана — сбиты передние подковы.

Нужно было как можно скорее исправить эти повреждения. Путешественники смущенно переглядывались, не зная, что предпринять. Айртон предложил съездить на стоянку Блек-Пойнт, находившуюся в двадцати милях севернее, и привезти оттуда кузнеца.

— Поезжайте, конечно поезжайте, милейший Айртон, — сказал Гленарван. — Сколько вам потребуется времени на оба конца?

— Часов пятнадцать, не больше, — ответил Айртон.

— Ну, так отправляйтесь же, а мы в ожидании вашего возвращения расположимся лагерем на берегу Виммеры.

Несколько минут спустя боцман верхом на лошади Вильсона уже скрылся за густой завесой мимоз.

Глава XI

БЁРК И СТЮАРТ

Остаток дня прошел в разговорах и прогулках. Путешественники бродили по берегам Виммеры, беседуя и восхищаясь красотой местности. Журавли пепельного цвета и ибисы уносились от них с хриплыми криками, птица атлас искала приюта в верхних ветвях дикого фигового дерева, иволги и чеканы-каменщики суетливо перепархивали между великолепными стеблями лилейных растений, а зимородки прекращали свою рыбную ловлю. Только более цивилизованные попугаи — bluemountain, окрашенный во все цвета радуги, маленький рошил с пунцовой головкой и желтой грудкой и лори с красно-голубым оперением, — сидя на верхушках цветущих камедных деревьев, продолжали свою оглушительную болтовню.

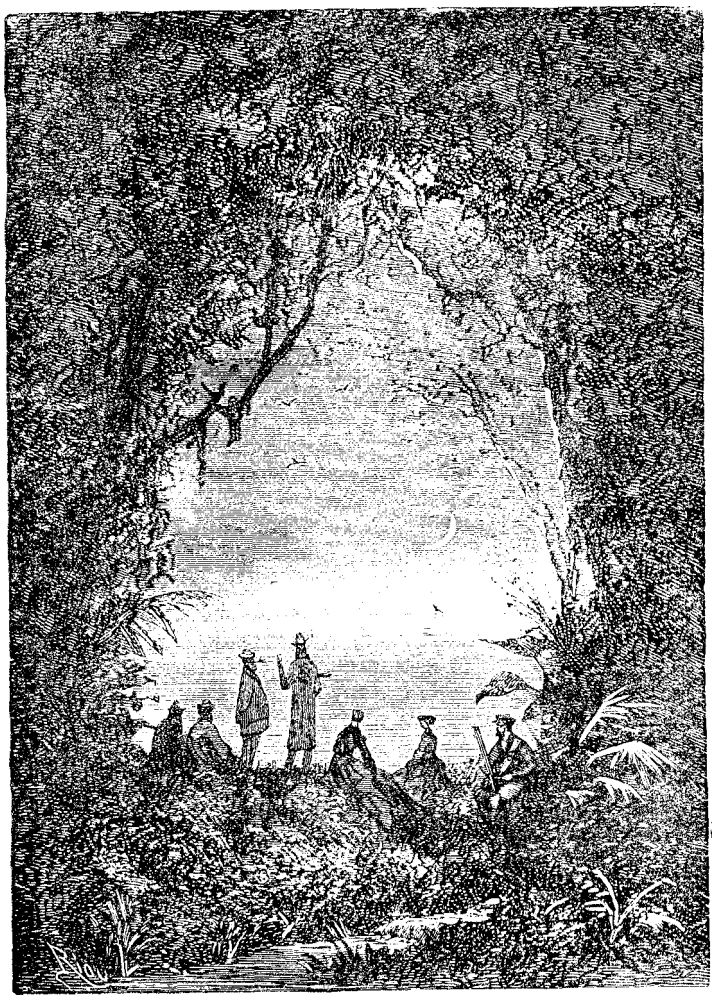
Так, то отдыхая на траве у журчащих вод, то бродя по рощицам мимоз, наши путешественники до самого заката солнца любовались этой чудной природой. Ночь, наступившая после коротких сумерек, застигла их в полумиле от лагеря. Они направились к нему, ориентируясь не по Полярной звезде, невидимой в Южном полушарии, а по созвездию Южного Креста, сверкавшего на небосклоне, на равном расстоянии от зенита и горизонта. У мистера Олбинета был уже накрыт в палатке стол. Все уселись за ужин. Наибольший успех имело рагу из жареных попугаев, ловко подстреленных Вильсоном и искусно приготовленных стюардом.

Покончив с ужином, все стали искать предлога подольше не ложиться спать в эту чудесную ночь. Элен, к общему удовольствию, попросила Паганеля рассказать о путешественниках, исследовавших Австралию, — это, надо сказать, им давно уже было обещано.

Паганель не заставил себя просить. Его слушатели растянулись у подножия великолепной банксии, и вскоре дым сигар поднялся до ее тонувшей в ночном мраке листвы.

Географ, полагаясь на свою неистощимую память, начал свой рассказ:

— Друзья мои, вы должны помнить — и майор,



Ночь застигла путешественников в полумиле от лагеря.

вероятно, этого не забыл — имена тех путешественников, о которых я говорил вам на борту «Дункана». И всех, кто стремился добраться до центральной части Австралии, только четырем удалось пройти через этот материк с юга на север или с севера на юг. Бёрк это сделал в 1860 и 1861 годах, Мак-Кинлей — в 1861 и 1862 годах, Ленсборо — в 1862-м, Стюарт — также в 1862-м. О Мак-Кинлее и Ленсборо я упомяну лишь мимоходом. Первый из них прошел от города Аделаида до залива Карпентария, а второй — от залива Карпентария до Мельбурна. Оба они были посланы австралийскими организациями на поиски Бёрка; он не возвращался, и ему уже не суждено было вернуться.

Бёрк и Стюарт — вот те два исследователя Австралии, о которых я сейчас без дальних предисловий начну вам рассказывать.

Двадцатого августа 1860 года Мельбурнское географическое общество отправило экспедицию, во главе которой стоял Роберт О'Гара Бёрк, бывший ирландский офицер. Его сопровождали одиннадцать человек: Вильям Джон Уильс, выдающийся молодой астроном, доктор Беклер, ботаник Грей, молодой военнослужащий индийской армии Кинг, затем Ландельс, Браге и несколько сипаев [1]. Двадцать пять лошадей и столько же верблюдов везли на себе путешественников, их багаж и съестные припасы на восемнадцать месяцев.

Экспедиция направлялась на северное побережье, к заливу Карпентария, но предварительно должна была исследовать берега реки Купера. Беспрепятственно перебравшись через реки Мёррей и Дарлинг, экспедиция достигла поселения Мениндис, на границе колоний. Здесь было признано, что такое большое количество багажа очень обременительно. Это обстоятельство да еще несколько резкий характер Бёрка внесли разлад в отряд. Дело дошло до того, что Ландельс, ведавший верблюдами, отделился от экспедиции и вместе с несколькими погонщиками-индусами вернулся к берегам Дарлинга. Бёрк продолжал свой путь. Продвигаясь вперед то по велико-

[1] Сипаи — наемные солдаты англо-индийской армии из местного населения (индусов).

лепным, обильно орошаемым пастбищам, то по каменистым, безводным дорогам, он спустился к реке Купера. Двадцатого ноября, после трехмесячного странствования, Бёрк устроил на берегах этой реки свой первый склад провианта.

На этом месте путешественники на некоторое время задержались, так как им никак не удавалось найти такую дорогу на север, где можно было бы рассчитывать на наличие воды. С большими трудностями они добрались до пункта, находящегося на полпути между Мельбурном и заливом Карпентария. Признав это место подходящим для сторожевого поста, они обнесли его изгородью и дали ему название «форт Уильс». Здесь Бёрк разделил свой отряд на две части. Одному отряду, возглавляемому Браге, предстояло остаться во вновь созданном форте в течение трех месяцев, а если хватит провианта, то и дольше, и ожидать возвращения другого отряда. Этот второй отряд состоял из самого Бёрка, Кинга, Грея и Уильса. Они взяли с собой шесть верблюдов и съестных припасов на три месяца, а именно: триста фунтов муки, пятьдесят фунтов риса, пятьдесят фунтов овсяной муки, сто фунтов сушеного лошадиного мяса, сто фунтов соленой свинины и сала, а также тридцать фунтов сухарей. Взятых продуктов должно было хватить на путешествие в шестьсот лье в оба конца.

И вот эти четыре человека отправились в путь. С трудом перебравшись через каменистую пустыню, они достигли реки Эйр, до берегов которой доходил в 1845 году Стюарт. Отсюда, держась как можно ближе к сто сороковому меридиану, они направились к северу.

Седьмого января они под палящим солнцем пересекли тропик. Порой их вводили в заблуждение соблазнительные миражи; они часто страдали от жажды — правда, время от времени их снабжали водой сильные грозы. Кое-где они встречали бродячих туземцев, которые относились к ним довольно радушно. В общем, надо сказать, путь их, не преграждаемый ни озерами, ни большими реками, ни горами, не представлял особенных трудностей.

Двенадцатого января на севере показалось несколько холмов из песчаника, в их числе — так называемая гора Форбса, а дальше пошли одна за другой гранитные гор-

ные цепи. Здесь двигаться вперед стало очень утомительно: животные еле плелись, порой совсем отказываясь идти дальше. «Мы всё еще среди горных цепей. Наших верблюдов от страха бросает в пот», — писал Бёрк в своем путевом дневнике. Однакож исследователям благодаря их энергии удалось добраться сначала до берегов реки Тернер, а затем и до верхнего течения реки Флиндерс, которую в 1841 году видел Шток. Неся свои воды среди зарослей из пальм и эвкалиптов, Флиндерс впадает в залив Карпентария.

Там уже сказывалась — множеством болотистых мест — близость океана. Один из верблюдов погиб в болоте, а остальные отказались идти дальше. Кинг и Грей принуждены были остаться с ними. Бёрк и Уильс продолжали вдвоем двигаться к северу, и, преодолев трудности, о которых весьма смутно упоминается в дорожном дневнике Бёрка, они достигли болотистого места, заливаемого морским приливом. Но самого океана они так и не увидели. Произошло это одиннадцатого февраля 1861 года...

— Значит, им не удалось продвинуться дальше? — спросила Элен.

— Нет, сударыня, — ответил Паганель. — Болотистая почва уходила из-под ног, и им оставалось только попытаться вернуться к своим спутникам, оставшимся в форте Уильс. Поистине печальное возвращение. Слабые, изнуренные, едва передвигая ноги, дотащились они до Грея и Кинга. Отсюда экспедиция, спускаясь к югу по уже пройденной дороге, направилась к реке Купера. Нам неизвестны в точности все перипетии, опасности, муки этого путешествия, ибо в дорожном дневнике нет соответствующих записей, но, несомненно, все это было ужасно.

В апреле в долину Купера прибыли только трое: Грей изнемог под тяжестью пути и скончался. Четверо верблюдов погибли. Однако доберись путешественники до форта Уильс, где ждал их Браге со своим складом провианта, и они были бы спасены.

Они удвоили усилия и брели еще несколько дней. Двадцать первого апреля показалась наконец ограда форта. Они входят — и что же: в этот самый день,

тщетно прождав пять месяцев, Браге ушел из форта Уильс!..

— Ушел? — воскликнул Роберт.

— Да, ушел, по роковой игре случая... И, судя по оставленной Браге записке, всего за каких-нибудь семь часов до их появления. Нечего было и думать догнать его. Несчастные, брошенные на произвол судьбы люди немного подкрепились оставленными на складе продуктами. Но у них не было средств передвижения, а до реки Дарлинга оставалось еще целых полтораста лье.

Тут Бёрку пришла в голову мысль идти к австралийским поселениям, находящимся у подножия горы Гопелес, в шестидесяти лье от форта. И вот, несмотря на то что Уильс был против этого плана, трое путешественников пустились в путь. Из двух еще уцелевших верблюдов один утонул в тинистом притоке Купера, а другой был не в силах больше сделать ни шагу; пришлось прикончить верблюда и питаться его мясом. Вскоре припасы иссякли. Трем несчастным пришлось питаться только нарду — съедобным водяным растением. Отдалиться же от реки Купера они не могли, так как в стороне от нее нет воды, а взять воды с собой им было не в чем. Хижина, в которой они ночевали, сгорела вместе со всеми дорожными принадлежностями. Они были обречены на гибель. Оставалось лишь умереть.

Бёрк подозвал к себе Кинга и сказал ему: «Мне осталось жить всего несколько часов. Вот мои часы и мой дневник. Когда я умру, вложите в мою правую руку пистолет и оставьте меня так, не зарывая». Это было последнее, что сказал Бёрк. На следующий день, в восемь часов утра, его не стало. Кинг, растерянный, обезумевший от ужаса, бросился искать туземцев. Вернувшись, он застал мертвым и Уильса. Самого Кинга приютили туземцы. У них нашла его в сентябре экспедиция Говита, которая одновременно с экспедициями Ленсборо и Мак-Кинлея была послана разыскивать Бёрка. Таким образом, из четырех исследователей, предпринявших переход через Австралийский материк, уцелел лишь один...

Рассказ Паганеля произвел на всех слушателей тяжелое впечатление. Каждый думал о капитане Гранте, который, быть может, подобно Бёрку и его спутникам,

бродил по этому роковому материку. Удалось ли потерпевшим кораблекрушение избежать участи отважных исследователей? Это сопоставление было так естественно, что слезы заблестели на глазах Мэри Грант.

— Отец мой, бедный мой отец!.. — прошептала она.

— Мисс Мэри, мисс Мэри! — воскликнул Джон Манглс. — Чтобы подвергнуться всем этим бедам, нужно отважиться проникнуть внутрь материка, а капитан Грант, как Кинг, попал к туземцам и, как Кинг, будет спасен. Ваш отец никогда не был в таких страшных условиях.

— Никогда, — подтвердил Паганель. — И я еще раз говорю вам, дорогая мисс Мэри, что австралийцы очень гостеприимны.

— О, если бы это было так! — промолвила молодая девушка.

— Ну, а Стюарт? — спросил Гленарван, желая отвлечь своих товарищей от этих грустных мыслей.

— Стюарт? — отозвался ученый.—О, ему больше повезло! Еще в 1848 году Джон Мак-Дуаль-Стюарт начал свои путешествия по Австралии, отправившись вместе с другим путешественником, однофамильцем, в пустыню, простирающуюся к северу от Аделаиды. В 1860 году Стюарт, имея в своем распоряжении всего двух человек, тщетно пытался проникнуть вглубь Австралии. Но он был человек, неспособный падать духом из-за неудач. Первого января 1861 года он во главе одиннадцати смелых спутников покинул реку Чемберс и остановился всего лишь в шестидесяти лье от мыса Карпентария. Пересечь весь этот опасный материк он так и не смог — из-за недостатка съестных припасов пришлось вернуться в Аделаиду.

Все же Стюарт отважился еще раз попытать счастья и организовал третью экспедицию. На этот раз ему суждено было достигнуть цели, к которой он так пылко стремился.

Парламент Южной Австралии поддержал это новое начинание и постановил выдать Стюарту пособие в две тысячи фунтов стерлингов. Стюарт, обладая уже опытом исследователя, принял все меры предосторожности. Друзья его — естествоиспытатель Уотергоуз, Фринг, Кэ-

куик, а также его бывшие спутники — Вудфорд, Олд и другие, в общем десять человек, присоединились к нему. Он взял с собой двадцать бурдюков из американской кожи, каждый из которых может вместить семь галлонов воды, и пятого апреля 1862 года его экспедиция в полном составе уже находилась в бассейне Ньюкастль-Уотер, за восемнадцатым градусом широты, в том самом пункте, дальше которого Стюарт не смог продвинуться. Дальнейший путь экспедиции лежал приблизительно вдоль сто тридцать первого меридиана, то-есть на семь градусов отклонялся на запад от маршрута Бёрка.

Базой этих новых исследований должен был служить бассейн Ньюкастль-Уотер. Стюарт тщетно старался пройти через окружающие его густые леса на север и северо-восток. Также не удалось ему достичь на западе реки Виктории: ему преграждала путь непроходимая чаща кустарников. Тогда Стюарт решился перенести свой лагерь в другое место, и ему удалось раскинуть его немного севернее, среди Говеровых болот. Отсюда, идя к востоку, он встретил на своем пути среди равнин, поросших травой, ручей Дейли и поднялся по его течению приблизительно миль на тридцать.

Местность становилась чудесной: роскошные пастбища восхитили и обогатили бы любого скваттера; эвкалипты изумляли своей вышиной. Восхищенный Стюарт продолжал продвигаться вперед. Он достиг берегов реки Стангуэй и ее притока Ропер-Крик, открытого Лейхардтом. Река эта несет свои воды среди великолепных пальмовых рощ, достойных детищ этого тропического края. Здесь жили туземные племена. Они радушно приняли исследователей.

От этого пункта экспедиция направилась к северо-западу, разыскивая среди почвы, покрытой песчаником и железистыми горными породами, истоки реки Аделаиды, впадающей в залив Ван-Димена. Путь ее идет по области Арнгейма, среди зарослей дикой капусты, бамбуков, сосен и панданусов. Река Аделаида делается все шире, а берега ее становятся болотистыми. Чувствуется близость моря.

Во вторник, двадцать второго июля, Стюарт разбил свой лагерь среди болот Фриш-Уотер. Его продвижение

очень затрудняли бесчисленные ручьи, и он решил послать троих из своих спутников на поиски более проходимых дорог. На следующий день, то огибая непроходимые водные пространства, то увязая в топях, Стюарт выбрался на более высокие места, поросшие травой. Там и сям виднелись рощицы камедных деревьев и каких-то деревьев с волокнистой корой. Носились стаи ибисов, гусей и каких-то чрезвычайно пугливых водяных птиц. Туземцев вблизи не было, и только вдалеке виднелись дымки их кочевий.

Двадцать четвертого июля, через девять месяцев после своего выступления из Аделаиды, Стюарт, желая достигнуть в этот же день берега океана, отправился к северу в восемь часов двадцать минут утра. Местность, по которой он двигался, холмистая, почва усеяна железной рудой и обломками горных вулканических пород. Деревья становились низкорослыми. Перед глазами открывалась широкая долина с наносной почвой, окаймленная деревцами. Стюарт отчетливо слышал шум прибоя, но ничего не говорил своим спутникам. Они вошли в рощицу. Стюарт сделал несколько шагов — и он на берегу Индийского океана.

«Море, море!» — закричал изумленный Фринг.

Прибежали остальные члены экспедиции и приветствовали троекратным продолжительным «ура» Индийский океан.

Австралийский материк был пересечен в четвертый раз.

У ручья раскинули лагерь. На следующий день Фринг отправился на разведку: надо было выяснить, можно ли с юго-запада подойти к устью реки Аделаиды. Местность оказалась слишком болотистой для лошадей, и пришлось отказаться от этого намерения.

Тогда Стюарт выбрал на поляне высокое дерево, срубил его нижние ветки, а на верхушке водрузил флаг. На коре дерева были вырезаны следующие слова: «Ищи под землей на один фут к югу».

И если какой-нибудь путешественник когда-либо разроет землю в указанном месте, то он найдет там в жестяной коробке документ, каждое слово которого врезалось в мою память:

Великое исследование и переход с юга на север Австралии.

Исследователи, возглавляемые Джоном Мак-Дуаль-Стюартом, достигли этого места двадцать пятого июля 1862 года. Перед тем они пересекли весь Австралийский материк, от Южного моря до берегов Индийского океана, пройдя через центр этого материка. Они покинули город Аделаиду двадцать шестого октября 1861 года, а последний населенный пункт английских колоний в северном направлении — двадцать первого января 1862 года. В память этого счастливого события они водрузили здесь флаг с начертанным на нем именем главы экспедиции. Все обстоит благополучно.

За этим следуют подписи Стюарта и его спутников. Так было увековечено это крупное событие, слух о котором прокатился по всему земному шару.

— А свиделись ли эти мужественные люди со своими друзьями на юге? — спросила Элен.

— Да, — ответил Паганель, — добрались до юга все, но чего это им стоило! Больше всех страдал Стюарт. Когда он двинулся обратно в Аделаиду, здоровье его было очень расшатано цынгой. В начале сентября болезнь стала так прогрессировать, что Стюарт уже потерял надежду когда-либо увидеть обитаемые места; он был не в силах держаться в седле и подвигался вперед, лежа на носилках, прикрепленных к двум лошадям. В конце октября у него началось кровохарканье, совершенно его истощившее. Пришлось убить одну из лошадей, чтобы сварить ему бульон. Двадцать восьмого октября Стюарт чуть было не умер, но вдруг наступил спасительный кризис, и десятого декабря маленький отряд в полном составе достиг первых поселений.

Семнадцатого декабря жители Аделаиды встречали Стюарта. Но здоровье его все же было подорвано, и вскоре, получив от Географического общества большую золотую медаль, он на судне «Инд» отплыл на родину — в Шотландию.

— А после смерти Стюарта никто из путешественников не пытался делать новые открытия? — спросила Элен.

— Как же, — ответил Паганель: — я не раз упоминал вам о Лейхардте. Путешественник этот уже в 1844 году совершил замечательное путешествие на север Австралии. В 1848 году он организовал вторую экспедицию: на этот раз на северо-восток Австралии. Вот уже семнадцать лет, как о нем ничего не слышно. В прошлом году ботаник доктор Мюллер из Мельбурна открыл подписку для сбора средств на организацию экспедиции для поисков Лейхардта. Нужная для экспедиции сумма была в короткое время собрана, и отряд скваттеров во главе с Мак-Интром покинул двадцать первого июня 1864 года Парао. Сейчас, когда я рассказываю вам об этой экспедиции, она, вероятно, уже далеко углубилась внутрь страны. Пусть же поиски Лейхардта увенчаются успехом, пусть и мы сами, подобно этой экспедиции, также отыщем дорогих нам друзей!

Так закончил географ свое повествование. Час был поздний. Поблагодарив Паганеля, слушатели разошлись. Несколько минут спустя все уже мирно спали. Только птица-часы, спрятавшись в листве белого камедного дерева, равномерно отбивала секунды этой безмятежной ночи.

Глава XII

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА ИЗ МЕЛЬБУРНА В СЕНДХОРСТ

Майор с некоторым опасением отнесся к поездке Айртона за кузнецом на стоянку Блек-Пойнт. Но он ни словом не обмолвился о своем недоверии к бывшему боцману, а ограничился наблюдением за окрестностями реки. Спокойствие, царившее над соседними лугами, ничем не нарушалось. Прошла короткая ночь, и над горизонтом снова появилось солнце.

Что касается Гленарвана, то он боялся только одного: что Айртон вернется один. Повозка без починки не сможет продолжать путь. Тогда пришлось бы задержаться на несколько дней, а Гленарван, которому не терпелось поскорее добиться успеха, не допускал никаких промедлений.

К счастью, Айртон не потратил времени и усилий да-

ром. Он явился на следующий день, на рассвете, в сопровождении человека, бывшего, по его собственным словам, кузнецом стоянки Блек-Пойнт. Это был рослый, крепкий парень, но в лице его было что-то отталкивающее, зверское. Но, в сущности, это было не так уж важно, если он знал свое ремесло. Во всяком случае, он был чрезвычайно молчалив и даром слов не тратил.

— А хороший он кузнец? — спросил Джон Манглс боцмана.

— Я знаю его не больше вашего, капитан, — ответил Айртон. — Посмотрим.

Кузнец принялся за работу. По тому, как он чинил колымагу, видно было, что он знает свое дело. Работал он проворно и с незаурядной силой. Майор заметил вокруг кистей рук кузнеца кольцо черноватой, запекшейся крови. Это указывало на недавнее ранение. Мак-Наббс спросил кузнеца о происхождении этих — вероятно, очень болезненных — ссадин, но тот ему ничего не ответил, а молча продолжал работать.

Через два часа колымага была починена. Лошадь Гленарвана кузнец подковал очень быстро, так как захватил с собой готовые подковы. Подковы эти имели особенность, которая не ускользнула от майора: на их внутренней стороне был грубо вырезан трилистник. Мак-Наббс указал на это Айртону.

— Это клеймо станции Блек-Пойнт, — пояснил боцман. — Оно помогает находить след убежавших со стоянки лошадей и не смешивать их с чужими.

Подковав лошадь Гленарвана, кузнец потребовал плату за свою работу и ушел, не произнеся и двух слов за все время своего пребывания.

Полчаса спустя наши путешественники снова ехали вперед. Из-за поднимавшихся по сторонам мимоз открывались обширные пространства, вполне заслуживавшие свое местное название: опенплейн — «открытая равнина». Там и сям среди кустов, высоких трав и изгородей, за которыми паслись многочисленные стада, валялись обломки кварца и железистых горных пород. Несколькими милями дальше колеса колымаги начали довольно глубоко врезаться во влажный грунт. Здесь журчали извилистые ручьи, полускрытые зарослями гигантских

тростников. Позднее пришлось огибать обширные высыхающие соленые озера. Путешествие совершалось без всяких затруднений, а также, надо добавить, и без скуки.

Вследствие весьма ограниченных размеров «салона» Элен Гленарван приглашала к себе в гости всадников одного за другим, по очереди. Каждый из них отдыхал, таким образом, от верховой езды и приятно проводил время, беседуя с этой милой женщиной. Элен вместе с Мэри принимала гостей с очаровательной любезностью. Конечно, не был обойден этими приглашениями и Джон Манглс. Его несколько серьезная беседа отнюдь не утомляла путешественниц. Даже наоборот.

Двигаясь таким образом, отряд пересек по диагонали почтовую дорогу от Крауленда в Хорсгем — дорогу очень пыльную, которой обычно избегают пользоваться пешеходы. Близ границы округа Тальбот путешественники наши проехали мимо ряда невысоких холмов, а вечером они разбили лагерь в трех милях севернее Мериборо. Шел мелкий дождь. В каждой другой стране он размыл бы почву, но здесь воздух так поразительно впитывает сырость, что лагерь нисколько не пострадал от дождя.

В течение следующего дня, 29 декабря, отряд двигался несколько медленнее из-за того, что ехать пришлось по гористой местности, напоминавшей Швейцарию в миниатюре. Надо было то подниматься, то опускаться; трясло при этом довольно изрядно; потому путешественники часть пути сделали пешком, что было гораздо приятнее.

В одиннадцать часов подъехали к Карлсбруку, довольно значительному городу. Айртон был того мнения, что город этот надо объехать, не заезжая в него, чтобы не терять времени. Гленарван согласился с ним, но Паганелю, жадному до всяких достопримечательностей, очень хотелось побывать в Карлсбруке. Ему предоставили эту возможность, колымага же продолжала медленно подвигаться вперед.

Паганель, по своему обыкновению, взял с собой Роберта. Пробыли они в Карлсбруке недолго, но этого времени оказалось достаточно для нашего ученого, чтобы составить себе точное представление об австралийских городах. В Карлсбруке имелись банк, суд, рынок, школа,

церковь и сотня совершенно схожих между собой кирпичных домов. Все это было расположено по английской системе — правильным четырехугольником, пересеченным параллельными улицами. Ничего не может быть проще, но и скучнее этого. По мере того как город растет, улицы его просто удлиняются, как штанишки подрастающего ребенка, и первоначальная симметрия не нарушается.

В Карлсбруке царило большое оживление — обычное и заслуживающее внимания явление в этих вчера лишь народившихся городах. В Австралии кажется, что города, подобно деревьям, растут под влиянием солнечного тепла. Люди, озабоченные делами, бежали по улицам. Торговцы золотом толпились у транспортных контор. Драгоценный металл под охраной местной полиции привозился сюда с заводов Бендиго и с горы Александр. Все эти люди, охваченные жаждой наживы, настолько были погружены в свои дела, что даже не заметили проезжавших мимо них иностранцев.

Паганель и Роберт, осмотрев в течение часа город, поехали тщательно обработанными полями догонять своих спутников, которых вскоре и догнали. За этими полями потянулись обширные луга с бесчисленными стадами баранов и разбросанными там и сям хижинами пастухов. Затем вдруг, без всякого перехода, как это часто бывает в Австралии, перед путниками раскинулась пустыня. Симпсоновские холмы и гора Тарангувер отмечали южную границу округа Лоддо под 144° долготы.

До сих пор экспедиция не встретила на своем пути ни одного племени диких туземцев. Гленарвану уже приходило в голову, что в Австралии, пожалуй, так же не окажется австралийцев, как в аргентинских пампасах не оказалось индейцев. Но Паганель объяснил ему, что дикие туземные племена кочуют главным образом по равнине у реки Мёррея, милях в ста на восток.

— Мы приближаемся к стране золота, — продолжал он. — Не пройдет и двух дней, как мы очутимся в богатейшем округе горы Александр. Туда в 1852 году устремилось множество золотоискателей. Дикарям пришлось уйти в пустыни Центральной Австралии. Мы с вами теперь — в цивилизованном крае, хоть это и незаметно, и еще сегодня мы пересечем железную дорогу, соединяю-

щую берега реки Мёррея с морем. Но все же должен признаться, друзья мои, что в Австралии железная дорога мне кажется чем-то совершенно удивительным.

— Почему же, Паганель? — поинтересовался Гленарван.

— Почему? Да потому, что это не гармонирует со всем окружающим. О, я знаю: вы, англичане, привыкли заселять свои отдаленные владения, вы провели телеграф в Новой Зеландии и даже устраиваете там всемирные выставки, и поэтому вы смотрите на такую железную дорогу как на нечто совершенно обыкновенное. Но ум такого француза, как я, она приводит в замешательство и спутывает все его представления об Австралии.

— Это объясняется тем, что вы смотрите в прошлое этой страны, а не в ее настоящее, — заметил Джон Манглс.

— Согласен, — ответил Паганель. — Но свист паровоза, мчащегося по пустыням; клубы его пара, обволакивающие ветви мимоз и эквалиптов; ехидны, утконосы и казуары, убегающие от курьерских поездов; дикари, которые в три часа тридцать садятся в эти курьерские поезда и едут из Мельбурна в Кастльмен, — все это не может не привести в изумление любого человека, если только он не англичанин и не американец. Ваша железная дорога отнимает у пустыни ее поэзию.

— Что из этого, если она открывает туда путь!.. — отозвался майор.

Громкий свисток паровоза прервал этот спор. Путешественники находились всего в какой-нибудь миле от железной дороги. Паровоз, шедший малой скоростью с юга, остановился как раз в том месте, где дорога, по которой ехала колымага, пересекала железнодорожный путь.

Эта железнодорожная линия, как сказал Паганель, соединяла столицу провинции Виктория с самой большой рекой Австралии — Мёрреем. Эта необъятная река, открытая в 1828 году Стюартом, берет свое начало в Австралийских Альпах, затем, обогащенная водами рек Лаклан и Дарлинг, течет вдоль всей северной границы провинции Виктория и впадает в залив Энкаунтер, близ города Аделаиды. Мёррей несет свои воды по цветущим,

плодородным местностям, и благодаря хорошему железнодорожному сообщению с Мельбурном по его берегам вырастают всё новые и новые стоянки скотоводческих хозяйств. Эта железнодорожная линия эксплуатировалась на протяжении ста пяти миль, от Сендхорста до Мельбурна, обслуживая также Кинтом и Кастльмен. Дальнейший ее участок, длиной в семьдесят миль, только еще строился. Шла она в Эхуку, столицу провинции Риверина, лишь в этом году основанную на берегах Мёррея.

Тридцать седьмая параллель пересекала полотно железной дороги в нескольких милях севернее Кастльмена, у Кемденского моста, переброшенного через Люттон, один из многочисленных притоков Мёррея.

К этому месту Айртон и направил свою колымагу, ехавшие же кругом нее всадники позволили себе роскошь помчаться туда галопом. Огромная толпа неслась к железнодорожному мосту. Жители соседних поселений покинули свои дома, пастухи бросили стада, и все они запрудили подступы к полотну железной дороги. Слышались частые крики:

— К железной дороге, к железной дороге!

Видимо, это смятение было вызвано каким-то важным событием, быть может крупной катастрофой.

Гленарван и его спутники еще быстрее погнали своих лошадей. Через несколько минут они уже были у Кемденского моста. Здесь им сразу стала понятна причина такого скопления народа.

Произошла ужасающая катастрофа. Это было не столкновение поездов, а крушение поезда, напоминавшее самые крупные катастрофы на американских линиях. Река, через которую шла железная дорога, была завалена обломками вагонов и паровоза. Мост ли не выдержал тяжести поезда или поезд сошел с рельсов, но из шести вагонов пять во главе с паровозом свалились в русло Люттона. Лишь последний вагон, чудом уцелевший благодаря лопнувшей цепи, один стоял на рельсах в каком-нибудь метре от пропасти. Внизу зловеще громоздились почерневшие, погнутые оси, обломки вагонов, исковерканные рельсы, обуглившиеся шпалы. Далеко кругом валялись куски парового котла, разорвавшегося

от сотрясения. Из этого скопления бесформенных обломков поднимались языки пламени и клубы пара, смешанные с черным дымом. После ужасного крушения — еще более ужасный пожар. Там и сям виднелись лужи крови, обуглившиеся, обезображенные трупы. Никто не решался подумать о том, какое число жертв погребено под этими обломками. Уже шла работа по извлечению погибших и раненых.

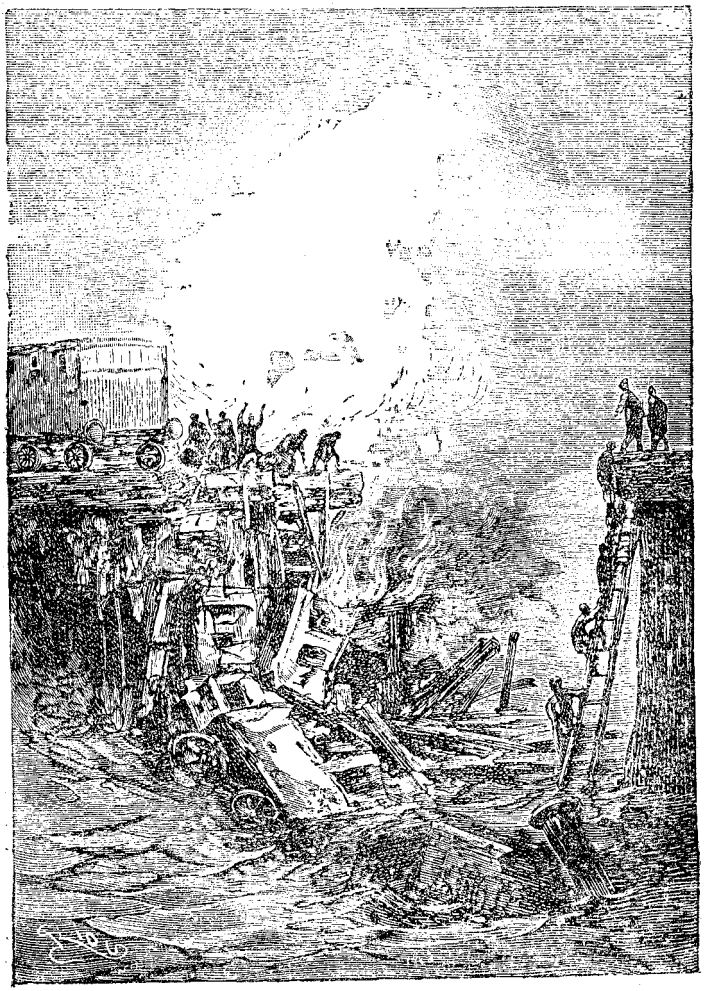
Гленарван, Паганель, майор, Джон Манглс, смешавшись с толпой, прислушивались к тому, что говорилось вокруг. Каждый из присутствующих старался найти какое-либо объяснение катастрофе.

— Должно быть, мост провалился, — сказал один.

— Какое там провалился, — возражали другие, — он и теперь целехонек! Видно, забыли перед проходом поезда свести его, только и всего.

Действительно, мост этот был разводной, что требовалось для прохода судов. Неужели железнодорожный сторож по непростительной небрежности забыл свести мост и мчавшийся поезд провалился в реку? Такая гипотеза казалась очень правдоподобной, ибо если обломки одной части моста и валялись под разбитыми вагонами, то другая часть его, отведенная на противоположный берег, продолжала висеть на своих совершенно неповрежденных цепях. Ясно, катастрофа произошла из-за небрежности железнодорожного сторожа.

Крушение случилось ночью с экспрессом номер тридцать семь, вышедшим из Мельбурна в одиннадцать часов сорок пять минут вечера. Было около четверти четвертого утра, когда этот поезд, выйдя за двадцать пять минут перед этим со станции Кастльмен, рухнул с Кемденского моста. Пассажиры и служащие последнего, уцелевшего, вагона пытались было просить помощи, но телеграф, столбы которого валялись на земле, не работал. Поэтому кастльменские власти прибыли на место крушения только через три часа. Таким образом, только в шесть часов утра удалось начать спасательные работы под руководством главного инспектора колонии и отряда полисменов во главе с полицейским офицером. Полисменам помогали скотоводы со своими рабочими. Начали с того, что занялись тушением огня, с огромной



Произошла ужасающая катастрофа.

быстротой пожиравшего груды обломков. Несколько изуродованных до неузнаваемости трупов лежало на откосах насыпи. Однако пришлось отказаться от мысли извлечь из такого пекла хотя бы одно живое существо. Огонь быстро завершил смертоносную работу крушения. Из всех пассажиров поезда — число их было неизвестно — уцелело лишь десять, бывших в последнем вагоне. Управление железной дороги только что послало за ними паровоз, который должен был доставить их обратно в Кастльмен. Тем временем Гленарван, представившись инспектору, вступил в беседу с ним и с полицейским офицером. Офицер этот был худощавый, высокий, невозмутимо хладнокровный человек. Если он и способен был что-либо чувствовать, то это, во всяком случае, не отражалось на его бесстрастном лице. К крушению он относился, как математик к задаче, которую нужно решить и определить неизвестное. Услыхав слова взволнованного Гленарвана: «Какое великое несчастье!», он спокойно заметил:

— Больше чем несчастье, сэр.

— Больше? — воскликнул Гленарван, неприятно пораженный этой фразой. — Что же может быть больше подобного несчастья?

— Преступление, — спокойно ответил полицейский офицер.

Гленарван вопросительно поглядел на инспектора.

— Да, сэр, — отозвался главный инспектор, — из осмотра места крушения мы вынесли убеждение, что катастрофа произошла вследствие преступления. Багажный вагон разграблен, а на уцелевших пассажиров напала шайка из пяти или шести злоумышленников. Мост, очевидно, остался разведенным не по небрежности, а намеренно, и если сопоставить это обстоятельство с исчезновением *железнодорожного сторожа, то можно сделать* вывод, что этот негодяй был соучастником преступления.

Услыхав такое заключение главного инспектора, полицейский офицер покачал головой.

— Вы, я вижу, не согласны со мной, — сказал инспектор.

— Не согласен, поскольку речь идет о соучастии сторожа.

— Однако только при его соучастии можно допустить, что это преступление совершено дикарями, бродящими по берегам Мёррея,— возразил инспектор.— Ведь без его содействия этим туземцам, ничего не смыслящим в механизме моста, никогда бы не развести его.

— Правильно.

— Далее, — продолжал инспектор, — показаниями одного капитана установлено, что после прохождения его судна под Кемденским мостом в десять часов сорок минут вечера мост этот, согласно правилам, был снова сведен.

— Совершенно верно.

— Поэтому соучастие железнодорожного сторожа мне представляется безусловно доказанным.

Но полицейский офицер продолжал покачивать головой.

— Значит, вы не считаете, что преступление это совершили дикари? — обратился к нему Гленарван.

— Ни в коем случае.

— Но тогда кто же?

В это время в полумиле вверх по течению Мёррея раздался гул голосов. Там собралась толпа. Она быстро увеличивалась, и скоро все подошли к мосту. Посередине толпы шли два человека, несшие труп. То было уже окоченевшее тело железнодорожного сторожа. Удар кинжалом поразил его в сердце. Убийцы, оттащив тело своей жертвы подальше от Кемденского моста, очевидно стремились направить первые розыски полиции по ложному пути.

Найденный труп в полной мере подтверждал слова полицейского офицера: дикари были ни при чем.

— Люди, подстроившие это крушение, — сказал офицер, — давно знакомы с этой игрушкой.

С этими словами он показал ручные кандалы, сделанные из двух железных колец, замыкавшихся замком.

— Вскоре, — прибавил он, — я буду иметь удовольствие преподнести им этот браслет в виде новогоднего подарка.

— Так, значит, вы подозреваете...

— ...бесплатных пассажиров на судах ее величества.

— Что! Каторжников? — воскликнул Паганель, знав-

ший, что в австралийских колониях эта метафора обозначает каторжников.

— Я думал, что ссыльные не имеют права жительства в провинции Виктория, — заметил Гленарван.

— Что из этого? — отозвался полицейский офицер. — Не имея этого права, они тем не менее пользуются им. Некоторым из этих молодчиков удается бежать, и вряд ли я ошибусь, если скажу, что наши молодцы прибыли прямехонько с Пертской каторги. Но, поверьте мне, они не замедлят туда вернуться.

Инспектор подтвердил жестом слова офицера. В эту минуту к переезду через полотно железной дороги подъехала колымага. Гленарвану хотелось избавить путешественниц от ужасного зрелища. Он тотчас же простился с инспектором и знаком пригласил своих спутников следовать за ним.

— Из-за этого все же нельзя прерывать наше путешествие, — сказал он им.

Подъехав к колымаге, Гленарван сказал Элен, что здесь произошла железнодорожная катастрофа, умолчав при этом, что вызвана она была преступлением. Не упомянул он также и о шайке беглых каторжников: Гленарван собирался сообщить об этом только Айртону. Маленький отряд перебрался через полотно железной дороги в нескольких сотнях метров выше моста и продолжал свой путь на восток.

Глава XIII

ПЕРВАЯ НАГРАДА ПО ГЕОГРАФИИ

На горизонте, милях в двух от железной дороги, вырисовывались удлиненные профили нескольких холмов, замыкавших равнину. Колымага вскоре попала в узкие, извилистые ущелья. Ущелья эти привели наших путешественников в очаровательную местность, где, разбившись на маленькие рощицы, росли с поистине тропической роскошью чудесные деревья. Самые замечательные из них — казуарины, — казалось, заимствовали у дуба его могучий ствол, у акаций — пахучие стручки, у сосны — жесткость сине-зеленых листьев. С их ветвями сплетались

причудливые конусообразные вершины стройных, редких по своему изяществу банксий — bankca latifolia. Большие кусты с ниспадающими ветвями производили в этой чаще впечатление зеленых вод, льющихся из переполненных водоемов.

Восхищенные взоры блуждали среди всех этих чудес природы, не зная, на котором из них остановиться.

Маленький отряд на минуту задержался. Айртон по приказанию Элен остановил быков, и колеса колымаги перестали скрипеть по кварцевому песку. Между рощицами расстилались длинные зеленые ковры. Какие-то правильно расположенные холмики разделяли их на квадраты, еще достаточно отчетливые, напоминавшие обширную шахматную доску. Паганель сразу понял назначение этих пустынно зеленеющих луговин, так поэтично приспособленных для вечного покоя. Он узнал в них четырехугольные могилы туземцев, ныне почти сплошь заросшие травой и потому так редко попадающиеся путешественнику на австралийской земле.

— Это рощи смерти, — сказал он.

Действительно, перед глазами наших путешественников было кладбище туземцев, но оно дышало такой свежестью, было так тенисто, так уютно, так оживляли его стаи птиц, что не навевало никаких грустных мыслей. Могилы, которые когда-то содержались дикарями в безукоризненном порядке, теперь уже исчезали под бурно нахлынувшими травами. Нашествие европейцев заставило австралийцев далеко уйти от земель, где покоились их предки, и было ясно, что продолжающаяся колонизация в ближайшем же будущем отдаст эти кладбища под пастбища стадам. Вот почему эти рощицы встречаются все реже и реже, и нога равнодушного путешественника часто ступает по земле, под которой скрыты останки не так давно еще жившего поколения.

Паганель и Роберт, опередив своих спутников, ехали по тенистым аллейкам между этими заросшими травой могильными насыпями. Они разговаривали между собой, просвещая друг друга, ибо географ утверждал, что ему очень много дают беседы с юным Грантом. Но не проехали эти два друга и четверти мили, как Гленарван увидел, что они остановились, затем сошли с лошадей и

нагнулись к земле. Судя по их выразительным жестам, можно было заключить, что они рассматривают что-то чрезвычайно любопытное.

Айртон погнал быков, и колымага не замедлила нагнать обоих друзей. Тотчас стало ясно, почему остановились и чем были так удивлены Паганель и Роберт. Под тенью великолепной банксии спал мирным сном мальчик-туземец лет восьми, одетый в европейское платье. О том, что мальчуган — уроженец центральных областей Австралии, красноречиво говорили его курчавые волосы, почти черная кожа, приплюснутый нос, толстые губы и необычно длинные руки; но смышленое лицо ребенка и одежда его доказывали, что маленький австралиец уже несколько цивилизован.

Элен, заинтересовавшись мальчиком, сошла с колымаги, и вскоре весь отряд окружил спавшего крепким сном маленького туземца.

— Бедное дитя! — проговорила Мэри Грант. — Неужели он заблудился в этой пустыне?

— Мне думается, — сказала Элен, — что он пришел издалека, чтобы посетить эти рощи смерти. Здесь, верно, покоятся те, кого он любил.

— Его нельзя так оставить, — заявил Роберт, — он ведь совсем один и...

Но сострадательная фраза Роберта осталась незаконченной: маленький австралиец, не просыпаясь, повернулся на другой бок, и окружавшие его, к своему величайшему удивлению, увидели прикрепленный к спине мальчугана плакат, где было написано по-английски:

Толине. Должен быть доставлен в Эхуку под присмотром железнодорожного кондуктора Джефри Смита. Уплачено вперед.

— Узнаю англичан! — воскликнул Паганель. — Они отправляют ребенка, как какую-нибудь посылку, и пишут на нем адрес, словно на конверте. Правда, мне говорили, что у них так делается, но я не хотел этому верить.

— Бедняжка! — промолвила Элен. — Уж не был ли он в том поезде, который сошел с рельсов? Быть может, родители его погибли и он теперь один на свете?

— Не думаю, — сказал Джон Манглс. — Этот плакат, наоборот, указывает на то, что он путешествовал один.

— Он просыпается, — объявила Мэри Грант.

Действительно, ребенок просыпался. Глаза его открылись, потом снова закрылись от яркого дневного света. Элен взяла его за руку. Мальчуган поднялся и с удивлением стал рассматривать путешественников. В первую минуту на лице ребенка отразился страх, но присутствие Элен успокоило его.

— Понимаешь ли ты по-английски, дружок? — обратилась к нему молодая женщина.

— Понимаю и говорю на нем, — ответил мальчик на языке путешественников, но с резко выраженным акцентом, напоминавшим тот, с каким обыкновенно говорят по-английски французы.

— Как тебя зовут? — спросила Элен.

— Толине, — ответил маленький австралиец.

— А, Толине! — воскликнул Паганель. — Если я не ошибаюсь, на туземном языке это значит «древесная кора», не так ли?

Толине утвердительно кивнул головой и снова принялся рассматривать путешественниц.

— Откуда ты? — продолжала расспрашивать Элен.

— Я из Мельбурна и ехал в поезде.

— Ты был в том поезде, который сошел с рельсов на Кемденском мосту? — спросил Гленарван.

— Да, сэр.

— Ты путешествуешь один?

— Один. Преподобный отец Пакстон поручил меня Джефри Смиту. К несчастью, бедный кондуктор убит.

— А ты никого больше не знал в этом поезде?

— Никого, сэр.

Но куда же брел мальчуган через эти пустынные места и почему покинул он Кемденский мост? Элен спросила его об этом.

— Я иду к моему племени в Лаклан, — пояснил Толине: — мне хочется повидать своих родных.

— Они австралийцы? — спросил Джон Манглс.

— Австралийцы из Лаклана.

— И у тебя есть отец, мать? — спросил Роберт Грант.

— Да, братец, — ответил Толине, протягивая руку юному Гранту.

Роберт, растроганный этим словом «братец», тут же расцеловал маленького австралийца, и оба мальчика сразу стали друзьями.

Путешественников так заинтересовали ответы маленького дикаря, что все они уселись вокруг него. Солнце уже склонялось за высокие деревья. Место казалось удобным для стоянки, особенной надобности спешить не было, и поэтому Гленарван распорядился остановиться на привал. Айртон распряг быков, стреножил их с помощью Мюльреди и Вильсона и пустил пастись на свободе. Раскинули палатку. Олбинет приготовил обед. Толине согласился принять в нем участие, но не без некоторых церемоний, как ни был голоден. Сели за стол. Мальчуганов посадили рядом. Роберт выбирал лучшие куски для своего нового товарища, а маленький туземец принимал их с несколько смущенным видом, но очень мило.

Разговор во время обеда не умолкал. Все с большим участием относились к ребенку и засыпáли его вопросами. Путешественникам хотелось узнать его историю. Она была очень несложна. Прошлое Толине было совершенно таким же, как прошлое многих туземцев, отданных в раннем возрасте на попечение благотворительных обществ колоний соседними туземными племенами. Австралийцы — народ кроткий. Они не питают к английским захватчикам такой ненависти, как новозеландцы и, быть может, некоторые туземные племена Северной Австралии. Туземцев нередко можно видеть в больших городах: в Аделаиде, Сиднее, Мельбурне, где они прогуливаются в довольно странных костюмах, торгуя мелкими изделиями своей выделки, охотничьими и рыболовными принадлежностями, оружием. Вожди некоторых племен предоставляют своим детям возможность получить английское образование.

Так поступили и родители Толине, настоящие дикари обширного Лакланского края, раскинувшегося по ту сторону Мёррея. За пять лет, проведенных мальчиком в Мельбурне, он не видел никого из своих. Тем не менее неугасимая любовь к семье жила в сердце Толине, и он не побоялся тяжелого пути через пустыню, чтобы до-

браться до родного племени, быть может уже рассеянного по всему материку Австралии. Он стремился повидаться со своей семьей, быть может уже погибшей.

— А повидавшись со своими родителями и расцеловав их, ты снова вернешься в Мельбурн, дитя мое? — спросила у него Элен.

— Да, миссис, — ответил Толине, с неподдельной нежностью глядя на молодую женщину.

— А чем хочешь ты заняться, когда вырастешь?

— Хочу вырвать моих братьев из нищеты и невежества: хочу учить их.

Слова эти, произнесенные с таким воодушевлением восьмилетним австралийцем, привели путешественников в восторг. Паганель был тронут до глубины души и почувствовал подлинную симпатию к маленькому туземцу. А надо признаться, что до сих пор этот дикарь, одетый в европейское платье, не очень-то был по душе географу. Ведь он, Паганель, явился в Австралию не для того, чтобы видеть австралийцев в сюртуке, — ему хотелось видеть на них не одежду, а одну татуировку. «Приличная» одежда мальчика спутывала все его представления о туземцах. Но восторженные слова Толине изменили о нем мнение ученого, и он объявил себя поклонником маленького австралийца.

Конец же разговора сделал почтенного географа лучшим другом мальчика. Когда Элен обратилась к Толине с вопросом, где он учится, тот сообщил, что он ученик нормальной школы в Мельбурне, во главе которой стоит его преподобие Пакстон.

— Что же тебе преподают в этой школе? — спросила Элен.

— Мне преподают там библию, математику, географию...

— А, географию! — воскликнул с живостью Паганель.

— Да, сэр, — ответил Толине. — Перед январскими каникулами я даже получил первую награду по географии.

— Ты получил награду по географии, мой мальчик?

— Вот она, сэр, — проговорил Толине, вытаскивая из кармана книгу.

То была библия в хорошем переплете. На оборотной стороне первой страницы стояла надпись: «Нормальная школа в Мельбурне. Первая награда по географии ученику Толине из Лаклана».

Тут Паганель не выдержал. Подумать только: австралиец, хорошо знающий географию! Он в восторге расцеловал Толине в обе щеки, как, вероятно, поцеловал мальчика преподобный Пакстон в день раздачи наград. Наш ученый, однако, должен был бы знать, что подобное явление — не редкость в австралийских школах: юные дикари очень способны к географии и с охотой ею занимаются; зато математика им не дается.

Толине совершенно не понял, за что его целуют. Видя это, Элен объяснила мальчику, что Паганель — знаменитый географ да к тому же еще замечательный преподаватель географии.

— Преподаватель географии? — воскликнул Толине. — О сэр, спросите меня!

— Спросить тебя, мой мальчик? — повторил Паганель. — Да с большим удовольствием! Я даже собирался сделать это без твоего разрешения. Я не прочь узнать, как преподается география в Мельбурнской нормальной школе.

— А что, Паганель, если Толине окажется сильнее вас в географии? — спросил Мак-Наббс.

— Ну уж извините, майор! — крикнул ученый. — Оказаться сильнее секретаря французского Географического общества!..

Затем, поправив на носу очки, выпрямившись во весь свой высокий рост, Паганель с важностью, подобающей преподавателю, начал свой экзамен:

— Ученик Толине, встаньте!

Толине, который и без того стоял, принял более почтительную позу и стал ожидать вопросов географа.

— Ученик Толине, — продолжал Паганель, — назовите мне пять частей света.

— Океания, Азия, Африка, Америка и Европа, — ответил Толине.

— Прекрасно! Начнем же с Океании, раз мы в данный момент в ней находимся. Скажите, как разделяется Океания?

— *Ученик Толине, встаньте!*

— Она разделяется на Полинезию, Меланезию и Микронезию. Главные ее острова следующие: Австралия, принадлежащая англичанам; Новая Зеландия, принадлежащая англичанам; Тасмания, принадлежащая англичанам; острова Четем, Окленд, Макари, Кермадек, Макин, Мараки и другие, также принадлежащие англичанам.

— Хорошо! — ответил Паганель. — А Новая Каледония, Сандвичевы острова, Менданские острова, Паумоту?

— Эти острова находятся под покровительством Великобритании.

— Как под покровительством Великобритании? — крикнул Паганель. — Мне кажется, что, наоборот, Франции...

— Франции? — с удивленным видом сказал мальчуган.

— Эге-ге! — сказал Паганель. — Так вот чему вас учат в Мельбурнской нормальной школе!

— Да, господин учитель. А разве это неверно?

У Паганеля был полураздосадованный, полуудивленный вид, доставлявший глубочайшее удовольствие майору.

Экзамен продолжался.

— Перейдем к Азии, — сказал географ.

— Азия, — сказал Толине, — страна огромная. Столица ее — Калькутта. Главные города: Бомбей, Мадрас, Сингапур, Коломбо; острова: Лакадивские, Малединские и многие другие. Все это принадлежит англичанам.

— Хорошо, хорошо, ученик Толине. А что вы знаете об Африке?

— В Африке две главные колонии: на юге Капская со столицей Капштадтом, а на западе английские владения с главным городом Сьерра-Лионе.

— Прекрасный ответ! — сказал Паганель, начавший уже мириться с этой англо-фантастической географией. — Вижу, преподавание у вас было поставлено как нельзя лучше. Что же касается Алжира, Марокко, Египта, то они, конечно, стерты с английских атласов. Ну, а теперь я с удовольствием послушаю, что ты мне вкратце расскажешь об Америке.

— Америка делится на Северную и Южную, — начал Толине. — В Северной англичанам принадлежат Канада, Новый Брунсвик, Новая Шотландия, а также Соединенные Штаты, которыми управляет губернатор Джонсон.

— Губернатор Джонсон? — воскликнул Паганель. — Этот преемник доброго Линкольна[1], убитого обезумевшим фанатиком — сторонником рабовладельцев? Чудесно! Лучше этого и придумать нельзя. Ну, а Южная Америка с Гвианой, с островами Фолкленд, Шетландскими островами, Георгией, Ямайкой, Тринидадом и так далее и так далее — все это также принадлежит англичанам? Не стану с тобой спорить. А теперь, Толине, мне хотелось бы знать твое мнение, или, вернее, мнение твоих преподавателей, о Европе.

— О Европе? — переспросил маленький австралиец, не понимавший, почему так горячится географ.

— Да, о Европе. Кому принадлежит Европа?

— Европа принадлежит англичанам, — убежденным тоном ответил мальчик.

— Я и сам так думал, — продолжал Паганель. — Но каким образом? Вот что мне хотелось бы знать.

— Англичанам принадлежат Англия, Шотландия, Ирландия, Мальта, острова Джерсей, острова Ионические, Гебридские...

— Молодец, молодец, Толине! — перебил его Паганель. — Но ведь в Европе существуют и другие государства, о которых ты забыл упомянуть, мой мальчик.

— Какие же, сэр?—спросил, не смущаясь, мальчуган.

— Испания, Австрия, Пруссия, Франция.

— Это провинции, а не государства, — сказал Толине.

— Это уж слишком! — крикнул Паганель, срывая с себя очки.

— Конечно, провинции. Столица Испании — Гибралтар...

— Восхитительно! Чудесно! Бесподобно! Ну, а Франция? Я ведь француз, и мне хотелось бы знать, кому я принадлежу.

— Франция? Это английская провинция, — ответил спокойно Толине. — Главный город Кале.

---

[1] Линкольн — президент Соединенных Штатов.

— Кале! — крикнул Паганель. — Как! Ты считаешь, что Кале до сих пор принадлежит Англии?

— Конечно!

— И ты думаешь, что это главный город Франции?

— Да, сэр. И там живет губернатор лорд Наполеон...

Неудержимый смех Паганеля не дал Толине докончить фразу. Мальчуган не знал, что и думать. Его спрашивали, и он старался ответить как можно лучше. Но курьезность его ответов не могла быть поставлена ему в вину: он даже не подозревал о ней. Все же юный австралиец не казался смущенным и с серьезным видом ждал конца этого непонятного для него смеха.

— Вы видите сами, — смеясь, сказал майор: — разве я не был прав, когда говорил, что ученик Толине превзойдет вас?

— Несомненно, милый майор, — ответил географ. — Вот как преподают географию в Мельбурне! Подумать только: Европа, Азия, Африка, Америка, Океания — все, весь мир принадлежит англичанам! Чорт возьми! При таком воспитании я понимаю, что туземцы подчиняются англичанам... Ну, Толине, а как луна? Что она — тоже принадлежит англичанам?

— Будет принадлежать им, — с серьезным видом ответил маленький дикарь.

Тут Паганель вскочил — он уже не мог усидеть на месте. Его душил смех, и он отбежал чуть ли не на четверть мили от лагеря, чтобы посмеяться вволю.

Во время отсутствия Паганеля Гленарван разыскал в своей дорожной библиотечке «Краткий очерк географии» Самуила Ричардсона. Эта книга была очень популярна в Англии и давала более научные сведения о земном шаре, чем мельбурнские преподаватели.

— Вот возьми себе эту книгу, дитя мое, — сказал Гленарван маленькому австралийцу. — У тебя не совсем верные сведения по географии, и их полезно исправить. Дарю тебе эту книгу на память о нашей встрече.

Толине молча взял книгу и стал внимательно ее рассматривать, недоверчиво качая головой и не решаясь сунуть ее в карман.

Тем временем совсем стемнело. Было десять часов

вечера. Следовало подумать о сне: ведь на следующий день нужно было вставать на рассвете. Роберт предложил своему другу Толине половину своей постели, и маленький туземец улегся подле него.

Несколько минут спустя Элен и Мэри Грант ушли в свою колымагу, мужчины улеглись в палатке, и только доносившийся издали хохот Паганеля сливался с тихим, приятным щебетаньем сорок.

На следующее утро, когда в шесть часов солнечный луч разбудил наших путешественников, они уже не нашли рядом с собой австралийского мальчика. Толине исчез. Стремился ли он поскорее попасть в свой родной край или его обидел смех Паганеля, это так и осталось неизвестным. Но когда Элен проснулась, она нашла у себя на груди букет свежих мимоз, а Гленарван обнаружил в кармане своей куртки «Географию» Самуила Ричардсона.

Глава XIV

ПРИИСКИ ГОРЫ АЛЕКСАНДР

В 1814 году Родерик Мерчисон, ныне президент Королевского географического общества в Лондоне, изучив строение горной цепи, которая тянется с севера на юг, заканчиваясь у южного побережья Австралии, нашел, что существует замечательное сходство между нею и Уральским хребтом. А так как Уральский хребет золотоносен, то геолог, естественно, предположил, что этот драгоценный металл должен встречаться и в австралийских горах. И он не ошибся. Действительно, два года спустя Мерчисону были присланы из Нового Южного Уэллса образцы золота, и геолог побудил большое количество корнуэльских рудокопов отправиться в золотоносные районы Новой Голландии.

Первым нашел в Южной Австралии золотые самородки Френсис Люттон. Золотые же россыпи были открыты Форбом и Смитом.

Как только разнесся слух об этих открытиях, в Южную Австралию со всех частей света устремились золотоискатели: англичане, американцы, итальянцы, французы,

немцы, китайцы. Однако только 3 апреля 1851 года Харгревс открыл чрезвычайно богатые золотоносные месторождения и предложил указать это место губернатору колонии Сидней Фиц-Рою за незначительную сумму — в пятьсот фунтов стерлингов. Предложение это не было принято губернатором, но слух об открытии Харгревса получил распространение, и золотоискатели наводнили Соммерхилл и Ленис-Понд. Здесь был основан город Офир, который благодаря соседству с богатыми приисками быстро вырос и стал значительным центром.

До тех пор никто не интересовался провинцией Виктория, а между тем ей суждено было превзойти все другие провинции богатством своих залежей.

Несколько месяцев спустя, в августе 1851 года, в провинции Виктория были найдены первые самородки золота, а затем вскоре открылись и обширные прииски в ее четырех округах: Балларат, Овенс, Бендиго и горы Александр. Все эти четыре округа были очень богаты золотом. Но на берегах реки Овенс обильные подпочвенные воды затрудняли добычу золота; в Балларате расчеты предпринимателей часто не оправдывались из-за неравномерного распределения золота; в Бендиго работу золотоискателя очень тормозили свойства почвы. Лишь у горы Александр все условия благоприятствовали добыче золота, и оно, расцениваясь по тысяче четыреста сорока одному франку за фунт, продавалось прибыльнее, чем где-либо на земном шаре.

Через это-то самое место проходила тридцать седьмая параллель, по которой пролегал путь разыскивающих Гарри Гранта.

Весь день 31 декабря наши путешественники ехали по чрезвычайно неровной дороге, очень утомившей и лошадей и быков. Наконец под вечер показались округлые вершины горы Александр. Путешественники расположились лагерем в узком ущелье этой невысокой горной цепи и пустили быков и лошадей в путах пастись среди обломков кварца. Это еще не был район, где разрабатывались золотые россыпи. Только на следующий день, первый день нового, 1865 года, тяжелые колеса колымаги заскрипели по дорогам этого богатейшего края.

Жак Паганель и его спутники были довольны, что им

удалось увидеть на своем пути знаменитую гору, носившую на австралийском языке название «Джебур». Сюда, к этой горе, стекались целые орды авантюристов, воров и честных людей: и те, кто вешает, и те, кого вешают. При первых слухах о «великом открытии» в том золотом 1851 году города были покинуты своими жителями, пастбища — скваттерами, корабли — моряками. Золотая горячка приняла форму эпидемии, стала заразной, как чума, и сколько от нее поумирало людей, уже считавших себя богачами! Шли толки, что расточительная природа посеяла в Австралии на двадцати пяти градусах широты многие миллионы.

Ремесло золотоискателя затмило все прочие. Многие из пришельцев, не выдержав тяжелых трудов, погибали; другие, наоборот, обогащались одним ударом заступа. О неудачниках умалчивалось, а об удачниках гремела молва, разносившаяся эхом по всем пяти частям света. Вскоре целые потоки авантюристов разных сословий хлынули на побережье Австралии. За последние четыре месяца 1852 года только в один Мельбурн понаехало пятьдесят четыре тысячи эмигрантов — целая армия, но армия без вождя, без дисциплины. Словом, понаехало пятьдесят четыре тысячи самых зловредных хищников.

В течение первых лет этого безумного опьянения повсюду царил неописуемый беспорядок. С тех пор протекло тринадцать лет. Местами уже ничего нельзя было найти. Золотые россыпи начали истощаться. Да и как могли не истощиться эти богатства природы, когда только с 1852 по 1858 год золотоискатели вырвали из недр земли золота больше чем на шестьдесят три миллиона фунтов стерлингов! Количество эмигрантов в связи с сокращением добычи золота уменьшилось. Жаждущие наживы бросились в места, еще не тронутые рукой человека.

Гленарван, желая осмотреть обширные золотые прииски горы Александр, отправил вперед колымагу в сопровождении Айртона и Мюльреди, обещая нагнать ее через несколько часов. План этот привел в восторг Паганеля, и он, по своему обыкновению, взялся быть чичероне — проводником своих спутников.

По его совету, первым делом направились в банк. Улицы были широкие, вымощенные и тщательно политые.

Внимание привлекали гигантские рекламы различных золотопромышленных компаний. Слышался шум машин, промывавших песок и измельчавших драгоценный кварц.

За постройками простирались золотые россыпи, иными словами — обширные земельные пространства, откуда добывалось золото. Здесь работали рудокопы, нанятые и хорошо оплачиваемые золотопромышленными компаниями. Немыслимо было сосчитать все видневшиеся кругом ямы. Железо заступов вспыхивало на солнце, точно молнии. Среди рудокопов были люди самых различных национальностей.

— Не следует, однако, думать, — сказал Паганель, — что на австралийской земле совершенно перевелись искатели, охваченные страстной жаждой найти золото. Конечно, большинство продает свой труд разным компаниям... Да и что остается делать этим людям, раз государство продало или сдало в аренду все золотоносные земли компаниям? Но все же и у человека, у которого ничего нет, который не может ни купить, ни арендовать золотоносную землю, имеется возможность обогатиться.

— Какая же возможность? — спросила Элен.

— Осуществить джемпинг, — ответил Паганель. — Например, даже мы, не имеющие никаких прав на здешние золотоносные земли, и то могли бы разбогатеть, понятно если нам уж очень посчастливится.

— Но каким же образом? — поинтересовался майор.

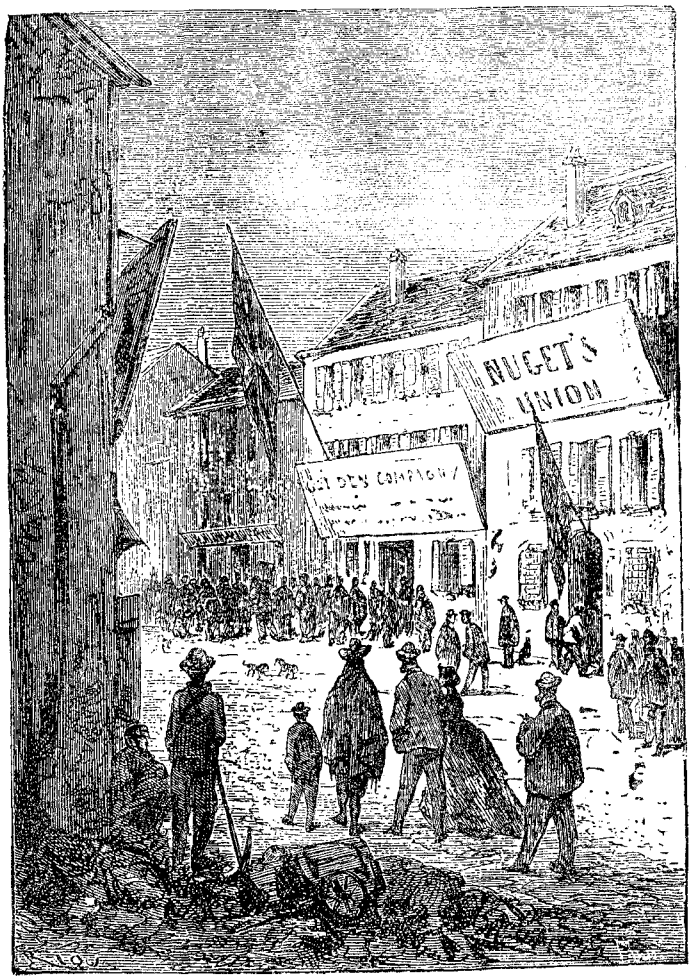
— Благодаря джемпингу, о котором я имел уже честь вам говорить.

— А что такое джемпинг? — спросил майор.

— Это соглашение, вошедшее в силу среди рудокопов. Из-за него, правда, происходят порой беспорядки и даже насилия, но, однакож, властям так и не удалось отменить его.

— Рассказывайте, Паганель, — сказал Мак-Наббс, — не томите.

— Ну так слушайте. В силу этого соглашения любой находящийся в центре золотых приисков участок, где в течение суток не производилась работа (за исключением больших праздников), делается общим достоянием. Каждый, кто захватит такой участок, может его разрабатывать и стать богачом, если только счастье улыбнется ему.



Паганель согласился быть проводником своих спутников.

Итак, Роберт, постарайся найти одну из таких брошенных ям, и она станет твоей.

— Пожалуйста, не наводите моего брата на подобные мысли, господин Паганель, — сказала Мэри Грант.

— Я шучу, дорогая мисс, и Роберт прекрасно это понимает. Он — рудокоп? Никогда! Копать землю, переворачивать ее, обрабатывать, засевать, а затем ждать за свои труды урожая — вот это дело! Но рыться в земле наподобие крота, вслепую, стремясь вырвать оттуда немножко золота — это жалкое ремесло, и тот, кто им занимается, достоин сострадания...

Побывав в центральном пункте приисков и пройдя по земле, состоявшей главным образом из кварца, глинистого сланца и песка, когда-то содержавших в себе золото, наши путешественники подошли к банку.

Это было обширное здание. Гленарван обратился к главному инспектору банка, и тот любезно согласился показать ему и его спутникам свое учреждение. В этот банк компании сдают на хранение под расписку золото, вырванное из недр земли.

Инспектор показал своим посетителям любопытные образцы золота и сообщил им ряд интересных подробностей о различных способах добывания этого металла.

Обычно золото встречается в двух видах: в слитках и размельченное. Его находят в руде либо смешанным с наносной землей, либо заключенным в кварцевую оболочку. Поэтому при его добывании, сообразуясь со свойствами почвы, производят либо поверхностные, либо глубинные раскопки. Золото обычно находится на дне потоков, долин и оврагов и лежит соответственно своему объему: от крупинок внизу до песчинок наверху.

У горы Александр золото большей частью встречается в глинистых пластах и в расщелинах сланцевых скал. Здесь попадаются целые гнезда самородков.

Осмотрев различные образцы золота, посетители прошлись затем по минералогическому музею банка. Он был в большом порядке: все породы, из которых состоит почва Австралии, были представлены в образцах и классифицированы, и к каждому образцу был прикреплен ярлычок. Золото не является единственным богатством этой страны: она по справедливости может быть названа

обширным ларцом, в котором природа хранит свои драгоценности. Под стеклами витрин блестели белые топазы, могущие соперничать с бразильскими, гранаты, рубины необыкновенной красоты — яркокрасные и розовые, сапфиры — бледноголубые и темносиние, так же высоко ценимые, как сапфиры Малабара и Тибета, блестящие рутилы и, наконец, маленький кристаллик алмаза, найденный на берегах Терона.

Поблагодарив инспектора за любезность, Гленарван простился с ним, а затем продолжал со своими спутниками осмотр золотых россыпей.

Как ни был Паганель равнодушен к благам сего мира, однако он не мог оторвать глаз от этой изобилующей драгоценностями почвы и не переставал внимательнейшим образом рассматривать ее. Он, видимо, был не в силах справиться с собой, и даже шутки его спутников не могли удержать его. Он ежеминутно нагибался, поднимал то камешек, то кусок жильной породы, то осколок кварца. Внимательно осмотрев, географ отшвыривал их с пренебрежением. И так в течение всей прогулки.

— Что с вами, Паганель? Потеряли вы что-нибудь? — спросил его майор.

— Конечно, потерял, — ответил ученый: — в этой стране золота и драгоценных камней если вы ничего не нашли, то, значит, потеряли. Не знаю почему, но мне очень хотелось бы увезти отсюда самородок в несколько унций или даже фунтов в двадцать, не больше.

— А что бы вы стали делать с ним, мой почтенный друг? — поинтересовался Гленарван.

— О, я поднес бы его в дар моей родине, — ответил Паганель: — положил бы его в государственный банк Франции.

— И его приняли бы?

— Без сомнения, под видом железнодорожных облигаций.

Все поздравили Паганеля с его мыслью «облагодетельствовать» таким способом свою родину, а Элен не преминула пожелать ему найти самый крупный самородок в мире.

Так, весело разговаривая, наши путешественники обошли бо́льшую часть приисков. Всюду работы шли пра-

вильно, но механически, без воодушевления. После двухчасовой прогулки Паганелю бросился в глаза приличного вида трактир, и он предложил своим спутникам посидеть там, пока не придет время догонять колымагу.

Каждому из них принесли по стакану ноблера. Это, в сущности, грог навыворот. Вместо того чтобы в большой стакан воды влить маленькую рюмку водки, здесь в большой стакан водки вливают маленькую рюмку воды, затем кладут туда сахар и пьют. Это было уж слишком по-австралийски, поэтому, к удивлению трактирщика, его посетители потребовали графин воды, и ноблер, разбавленный водой, превратился в британский грог.

Затем, естественно, заговорили о приисках и рудокопах.

Паганель, очень довольный всем виденным, однакож сказал, что было бы интереснее побывать в этих местах в первые годы разработки золотых приисков.

— Земля тогда, — пояснил он свою мысль, — была вся изрешечена ямами, в которых кишело бесчисленное множество трудолюбивых муравьев, да еще каких трудолюбивых! Однако эмигранты переняли у муравьев их пыл в работе, но не их предусмотрительность. Золото безумно растрачивалось: его пропивали, проигрывали, и этот самый трактир, где мы сейчас находимся, был, наверно, адом. Игра в кости заканчивалась поножовщиной. Полиция была бессильна что-либо сделать. Не раз губернатор колонии бывал принужден высылать регулярные войска для усмирения расходившихся золотоискателей. Все же ему удалось-таки образумить их: он, хотя и не без труда, заставил каждого из них выбирать патент, и, в общем, на здешних приисках было меньше буйств и беспорядка, чем в Калифорнии.

— Значит, золотоискателем может быть каждый? — спросила Элен.

— Да. Для этого нет необходимости кончать университет, довольно двух крепких рук. Гонимые нуждой, авантюристы являлись на прииски без гроша, богатые — с заступом, бедные — только с ножом, но все они бросались копать землю с такой бешеной страстью, с какой, конечно, они не занимались бы ни одним честным ремеслом. Какой своеобразный вид имели в ту пору эти золо-

тоносные земли! На них были разбросаны палатки, брезентовые навесы, хижины, землянки, бараки из досок и ветвей. В центре возвышалась правительственная палатка, над которой развевался британский флаг. Вокруг нее располагались синие тиковые палатки государственных чиновников, а дальше лавки менял, скупщиков золота, торговцев — всех тех, кто спекулировал на этом смешении богатства и бедности. Эти-то господа наживались наверняка. Посмотрели бы вы на этих длиннобородых золотоискателей в красных шерстяных рубашках, живших здесь в грязи и сырости! В воздухе стоял несмолкаемый гул от ударов заступов и разносились зловонные испарения от валявшихся кругом трупов животных. Над несчастными золотоискателями облаком стояла удушливая пыль. Такие условия создавали, конечно, высокую смертность. И если бы все эти авантюристы добивались успеха! Но страдания не вознаграждались, и если посчитать хорошенько, оказалось бы, что на одного разбогатевшего золотоискателя приходится сто, двести, а то и тысяча погибших в нужде и отчаянии.

— Можете ли вы, Паганель, рассказать нам, как тогда добывалось золото? — спросил Гленарван.

— Делалось это как нельзя более просто, — ответил географ. — Первые золотоискатели промывали благородный металл почти так же, как это и теперь проделывается в некоторых местах во Франции. В настоящее время золотопромышленные компании добывают золото иначе: они добираются до самых истоков золота, до золотоносных жил, заключающих в себе самородки, чешуйки и песчинки. Но первые золотоискатели довольствовались всего-навсего лишь промывкой золотоносных песков. Они рыли землю, брали те ее пласты, которые им казались наиболее богатыми золотом, а затем, промывая их, добывали драгоценный металл. Промывка производилась посредством машины. Это был ящик длиной от пяти до шести футов, нечто вроде открытого гроба, разделенного на два отделения. В одном из этих отделений было несколько расположенных одно над другим сит, причем внизу ставились более частые. Второе отделение книзу суживалось. И вот на верхнее сито первого отделения сыпали золотоносный песок, лили на него воду, а затем

начинали качать люльку. При этом на первом сите оставались камешки, на следующих — руда и песок. Разжиженная земля уходила с водой через второе, суживающееся книзу отделение. Такова была машина, какой тогда пользовались.

— Но и ее надо было иметь, — заметил Джон Манглс.

— Обыкновенно машину покупали у разбогатевших или разорившихся золотоискателей или обходились без нее.

— А чем ее заменяли? — спросила Мэри Грант.

— Железным листом, дорогая Мэри, простым железным листом. Землю веяли, как пшеницу, с той лишь разницей, что вместо пшеничных зерен иногда попадались крупинки золота. В первый год золотой горячки многие золотоискатели разбогатели, не прибегая ни к какому другому оборудованию. Видите, друзья мои, то было прибыльное время, хотя за сапоги и платили сто пятьдесят франков, а стакан лимонада стоил десять шиллингов. Ведь кто поспеет первым, тот всегда в выигрыше. Золото было повсюду в изобилии: и на поверхности земли, и на дне ручьев, и даже на улицах Мельбурна — ведь при мощении пускали в дело золотоносный песок. Таким образом, за время с двадцать шестого января по двадцать четвертое февраля 1852 года из горы Александр было вывезено в Мельбурн под охраной правительственных войск на восемь миллионов двести тридцать восемь тысяч семьсот пятьдесят франков драгоценного металла. Это составляет в среднем на каждый день сто шестьдесят четыре тысячи семьсот двадцать пять франков.

— А остались ли в памяти населения случаи внезапного обогащения? — спросила Элен.

— Некоторые остались.

— И вы их знаете? — спросил Гленарван.

— Конечно, знаю, — ответил Паганель. — В 1852 году в округе Балларат был найден самородок весом в пятьсот семьдесят три унции, другой, в Джисленде, — весом в семьсот восемьдесят две унции, и там же в 1861 году обнаружен был слиток в восемьсот тридцать четыре унции.

— Насколько же увеличилась добыча золота на зем-

ном шаре с момента открытия этих россыпей? — спросил Джон Манглс.

— Увеличилась колоссально, дорогой Джон. В начале столетия годовая добыча золота выражалась в сумме сорок семь миллионов франков, а в настоящее время в Австралии, Европе, Азии и Америке золота добывается на девятьсот миллионов, почти на миллиард.

— Значит, возможно, господин Паганель, что на этом самом месте, где мы стоим с вами, под нашими ногами скрыто много золота? — промолвил Роберт.

— Да, мой милый, целые миллионы. Мы ходим по ним. Но если мы топчем их, так это потому, что мы ими пренебрегаем.

— Значит, Австралия — счастливая страна?

— Нет, Роберт, — ответил географ, — страны, богатые золотом, никогда не были счастливы. Они порождают лентяев, а не сильных и трудолюбивых людей. Взгляни на Бразилию, Мексику, Калифорнию, Австралию. Что представляют они собой в девятнадцатом веке? Знай, мой мальчик: благоденствует не страна золота, а страна железа.

Глава XV

«АВСТРАЛИЙСКАЯ И НОВОЗЕЛАНДСКАЯ ГАЗЕТА»

2 января на восходе солнца наши путешественники покинули пределы золотоносного района и графства Тальбот. Копыта их лошадей ступали теперь по пыльным тропам графства Далхоуз. Несколько часов спустя отряд вброд перебрался через речки Кальбоан и Кемпейс-Ривер. Половина расстояния, отделявшего наших путешественников от цели, была пройдена. Еще пятнадцать дней пути при столь же благоприятных условиях — и маленький отряд достигнет берегов бухты Туфольд.

К тому же все были в добром здоровье. Слова Паганеля относительно здорового климата Австралии вполне оправдались. В воздухе почти не чувствовалось сырости, и жара была очень умеренной. Лошади и быки, так же как и люди, чувствовали себя прекрасно.

Надо сказать, что после Кемденского моста в поход-

ном строе отряда произошла некоторая перемена. Когда Айртон узнал о том, что железнодорожная катастрофа была вызвана преступлением, он высказался за принятие некоторых мер предосторожности, в которых до сих пор не было надобности. Теперь всадники не упускали из виду колымаги, а во время привалов один из них должен был нести караул. Утром и вечером тщательно осматривались ружья. Раз было известно, что по этой местности бродит шайка злоумышленников, то хотя непосредственная опасность еще и не грозила, тем не менее следовало держаться настороже. Излишне говорить о том, что эти меры предосторожности принимались без ведома Элен и Мэри: Гленарван не хотел пугать их.

Эти меры были необходимы. Неосторожность и даже простая небрежность могли обойтись дорого. Впрочем, не одни наши путешественники опасались злоумышленников — жители уединенных городков и скваттеры на своих стоянках принимали также меры предосторожности против нападения и всяких неожиданностей. Уже в сумерки все дома запирались. Собаки, спущенные с цепи, заливались лаем при приближении посторонних. У каждого из пастухов, загонявших на ночь свои огромные стада, висел на луке седла карабин. Такие чрезвычайные меры были вызваны известием о преступлении, совершенном на Кемденском мосту. Многие колонисты, спавшие до тех пор с открытыми настежь дверями и окнами, теперь, как только смеркалось, запирались на все засовы.

Также и администрация провинции приняла меры, свидетельствующие о ее бдительности и усердии. В окрестности были разосланы отряды туземных жандармов. Телеграммы стали доставляться под охраной. Раньше почтовая карета разъезжала по большим дорогам без конвоя, а в тот день, когда отряд наших путешественников пересекал большую дорогу из Кильмора в Хиткот, мимо него промчалась, поднимая облака пыли, почтовая карета, и как ни быстро неслась она, Гленарван успел заметить блеснувшие карабины полисменов, скакавших у ее дверец. Можно было подумать, что еще не кончилась та мрачная пора, когда вслед за открытием золотых россыпей на Австралийский материк устремились подонки населения Европы.

Проехав с милю от Кильморской дороги, колымага очутилась в огромном, простиравшемся на сотни километров лесу с гигантскими деревьями. Впервые после мыса Бернулли путешественники попали в такой лес. У них вырвался крик восхищения при виде великанов-эвкалиптов в двести футов вышины, с их губчатой корой до пяти дюймов толщины. На этих стволах в двадцать футов в окружности, изборожденных ручейками душистой смолы, не было видно ни единой ветки, ни единого сука, ни единого случайного отростка, даже узла. Выйди стволы эти из рук токаря, они не могли бы быть ровнее. Казалось, что высятся сотни изготовленных по одному и тому же стандарту колонн. А завершались они на громадной высоте капителями из круто изогнутых ветвей, на концах которых росли симметрично сидевшие листья и крупные цветы, похожие на опрокинутые урны.

Под этой вечнозеленой завесой свободно двигался воздух, высушивая почву. Деревья росли так далеко друг от друга, что между ними, словно по просеке, могли свободно проходить стада быков, проезжать всадники и телеги. То была не лесная чаща с ее колючими кустами, не девственный лес, загроможденный свалившимися стволами, опутанный цепкими лианами, через которые только топор и огонь могут проложить дорогу пионерам. Ковер травы у подножия деревьев, завеса зелени по их вершинам, длинные, уходящие вдаль ряды стройных стволов, отсутствие тени и прохлады, какой-то особенный свет, будто процеженный через тонкую ткань, однообразно расположенные пятна света, четкая игра отблесков на земле создавали причудливое, изобилующее неожиданными эффектами зрелище. Лес Австралийского материка совершенно не похож на лес Нового Света. Эвкалипт — одна из бесчисленных разновидностей миртового дерева — занимает главное место среди древесных пород Австралии. Если тень его не густа и под его зелеными сводами отсутствует полумрак, то это является следствием любопытной аномалии в расположении листьев этого дерева. Все они обращены к солнцу не лицевой стороной, а ребром, и глаз видит эту необычную листву только в профиль. Вот почему лучи солнца проникают сквозь эту листву, как через щели решетчатых ставен.

Все заметили это и были удивлены: почему так странно расположены листья? Понятно, этот вопрос был обращен к Паганелю, и он ответил, как человек, которого ничто не может поставить в тупик.

— Меня удивляют не странности природы, — сказал он: — природа знает, что делает, но ботаники не всегда отдают себе отчет в том, что говорят. Природа не ошиблась, дав этим деревьям такую своеобразную листву, а вот люди впали в заблуждение, назвав их эвкалиптами.

— А что значит это слово? — спросила Мэри Грант.

— По-гречески это значит: «Я хорошо покрываю». Ботаники постарались скрыть свою ошибку, назвав растение греческим словом, однако очевидно, что эвкалипт покрывает очень плохо.

— Вполне с вами согласен, любезнейший Паганель, — отозвался Гленарван. — А теперь объясните нам: почему листья растут таким образом?

— По вполне естественной и легко понятной причине, друзья мои. В здешней стране, где воздух сух, где дожди редки, где земля иссушена, деревья не нуждаются ни в ветре, ни в солнце. Недостаток влаги вызывает у растений недостаток соков. Отсюда эти узкие листья, которые стремятся найти способ защитить себя от солнца и чрезмерных испарений. Вот причина, почему эти листья подставляют действию солнечных лучей не свою лицевую сторону, а ребро. Нет ничего умнее листа.

— И ничего более эгоистичного, — заметил майор. — Листья эти думают только о себе, совершенно позабыв о путешественниках.

Все в душе согласились с Мак-Наббсом, кроме Паганеля, — тот, вытирая потный лоб, ликовал, что ему довелось ехать под деревьями, не дающими тени. Такое расположение листвы имеет свои неудобства: переход через эти леса часто бывает очень продолжителен и мучителен, так как ничто не защищает путника от жгучих лучей солнца.

В течение всего дня колымага катилась среди бесконечных рядов эвкалиптов. Ни одно четвероногое, ни один туземец не попались навстречу маленькому отряду. На вершинах этих гигантов-деревьев обитали какаду, но на

Колымага очутилась в огромном лесу.

такой высоте их едва было видно, и болтовня их превращалась в еле уловимый ропот. Порой вдали между стволами мелькала стая попугайчиков, оживляя все вокруг своим разноцветным оперением. Но, в общем, в этом огромном храме зелени царила глубокая тишина; ее нарушали лишь стук лошадиных копыт, несколько беглых слов, которыми иногда перекидывались между собой путешественники, скрип колымаги да порой окрик Айртона, понукавшего ленивых быков.

Вечером разбили лагерь под эвкалиптами. На их стволах видны были следы недавнего огня. Стволы этих гигантов походили на фабричные трубы, ибо огонь выдолбил их до самого верха. Они держались, в сущности, одной корой, но держались, видимо, неплохо. Однакож эта вредная привычка скваттеров и туземцев разводить таким образом огонь постепенно уничтожает эти великолепные деревья, и в конце концов они исчезнут, подобно четырехсотлетним кедрам Ливана, погибающим от неосторожно разложенных лагерных костров.

Олбинет, по совету Паганеля, развел огонь для приготовления ужина в одном из таких обгорелых полых стволов. Тотчас получилась сильная тяга: дым терялся высоко в темной листве.

На ночь приняли необходимые меры предосторожности: Айртон, Мюльреди, Вильсон и Джон Манглс по очереди охраняли лагерь.

В продолжение всего дня 3 января тянулся этот бесконечный лес со своими длинными, симметричными рядами эвкалиптов. Казалось, ему и конца не будет. Но к вечеру деревья стали редеть, и наконец в небольшой долине показался ряд домов.

— Сеймур! — крикнул Паганель. — Это последний из городов провинции Виктория, который должен встретиться нам на пути.

— Это действительно город? — полюбопытствовала Элен.

— Это простой поселок, — ответил Паганель, — который только собирается стать городом.

— Найдем ли мы там приличную гостиницу? — спросил Гленарван.

— Надеюсь, что да, — ответил географ.

— Тогда направимся в этот Сеймур. Думаю, что наши отважные путешественницы будут рады провести там ночь.

— Мы с Мэри соглашаемся, дорогой Эдуард, — сказала Элен, — но при условии, что это не принесет лишних хлопот и не задержит нас.

— Ни малейшим образом, — сказал Гленарван. — К тому же и нашим быкам надо отдохнуть. Завтра с рассветом мы снова двинемся в путь.

Было девять часов вечера. Луна уже склонилась к горизонту, и ее косые лучи тонули в тумане. Понемногу сгущался мрак. Маленький отряд, с Паганелем во главе, вступил на широкие улицы Сеймура. Географ, казалось, всегда прекрасно знал то, что никогда ему не приходилось видеть. Как бы руководимый инстинктом, он привел своих спутников прямо к гостинице «Северная Британия».

Лошадей и быков поставили в конюшню, колымагу — в сарай, а путешественникам предоставили довольно хорошо обставленные комнаты. В десять часов вновь прибывшим был подан ужин, к которому приложил руку мистер Олбинет. Паганель уже успел обежать с Робертом весь город. Но о своей ночной прогулке он рассказал весьма лаконически: он ничего не видел.

Однако человек менее рассеянный обратил бы внимание на то, что на улицах Сеймура чувствовалась какая-то тревога. Там и сям собирались люди, и число их мало-помалу росло. Велись разговоры у дверей домов. Жители с явным беспокойством расспрашивали о чем-то друг друга. Читали вслух вышедшие в этот день газеты, обсуждали их, спорили. Эти признаки не могли ускользнуть даже от самого невнимательного наблюдателя. Но Паганель ничего не заметил.

Майор же, не побывав в городе, даже не переступив порога гостиницы, а только поговорив десять минут с ее словоохотливым хозяином мистером Диксоном, уже успел разузнать, в чем дело. Но он ни слова не сказал об этом.

Только когда по окончании ужина Элен Гленарван, Мэри и Роберт Грант разошлись по комнатам, майор, задержав остальных спутников, сказал им:

— Злодеи, вызвавшие крушение поезда на Сендхорстской железной дороге, обнаружены.

— И они арестованы? — поспешно спросил Айртон.

— Нет, — ответил Мак-Наббс, делая вид, что не замечает интереса, проявленного к этому делу боцманом (интереса, впрочем, очень понятного при данных обстоятельствах).

— Тем хуже, — заметил Айртон.

— Ну, а кому же приписывают это преступление? — спросил Гленарван.

— Вот читайте, — сказал майор, протягивая Гленарвану номер «Австралийской и Новозеландской газеты», — и вы убедитесь в том, что главный инспектор не ошибался.

Гленарван прочел вслух следующее:

— «Сидней, второго января 1865 года. Наши читатели, верно, помнят, что в ночь с двадцать девятого на тридцатое декабря прошлого года произошло крушение поезда у Кемденского моста, в пяти милях от станции Кастльмен Мельбурнской железной дороги. Ночной курьерский поезд, вышедший из Мельбурна в одиннадцать часов сорок пять минут вечера, идя полным ходом, свалился в реку Люттон. При прохождении поезда Кемденский мост оказался разведенным. Многочисленные кражи, совершенные после этого крушения, а также труп железнодорожного сторожа, найденный в полумиле от Кемденского моста, доказали, что крушение было вызвано преступлением. Действительно, расследование выяснило, что это преступление является делом рук шайки каторжников, убежавших полгода тому назад из Пертской исправительной тюрьмы в Западной Австралии.

Эта шайка каторжников состоит из двадцати девяти человек. Главарем ее является некий Бен Джойс, опаснейший преступник, недавно появившийся в Австралии.

Властям пока не удалось задержать эту шайку. Поэтому предлагается жителям городов, колонистам и скваттерам быть настороже, а также доводить до сведения главного следователя данные, которые могут содействовать розыскам преступников.

Ж. П. Мичель, главный инспектор».

Когда Гленарван окончил чтение этого сообщения, Мак-Наббс, повернувшись к географу, сказал:

— Видите, Паганель, что и в Австралии могут быть каторжники.

— Беглые — это неоспоримо, — отозвался ученый. — Отбывшие наказание не имеют здесь права жительства.

— Все же они тут, — заметил Гленарван. — Но я полагаю, что их присутствие не может изменить наши планы и прервать путешествие. Что вы думаете, Джон, по этому поводу?

Джон Манглс ответил не сразу. Молодой капитан колебался: с одной стороны, он понимал, какое горе принесет Мэри и Роберту Грант прекращение начатых поисков их отца, а с другой — он боялся подвергнуть экспедицию опасности.

— Если бы с нами не было миссис Гленарван и мисс Грант, то меня очень мало тревожила бы эта шайка негодяев, — промолвил он наконец.

Гленарван понял его и добавил:

— Само собой разумеется, что не может быть и речи о том, чтобы отказаться от выполнения взятой нами на себя задачи, но, быть может, было бы благоразумнее из-за наших спутниц возвратиться сейчас в Мельбурн, оттуда пойти на «Дункане» к восточному побережью и там возобновить наши поиски Гарри Гранта? Ваше мнение, Мак-Наббс?

— Раньше чем высказаться, — ответил майор, — я хотел бы знать мнение Айртона.

Боцман взглянул на Гленарвана и ответил:

— Мы находимся в двухстах милях от Мельбурна, и мне кажется, что если опасность в самом деле существует, то она нам грозит на южной дороге не меньше, чем на восточной. Обе эти дороги довольно пустынны, и одна стоит другой. К тому же я не думаю, чтобы тридцать злоумышленников могли быть страшны для восьми хорошо вооруженных и смелых людей. Итак, по-моему, если нет лучшего предложения, нам следует двигаться вперед.

— Вы правы, Айртон, — согласился Паганель. — Продолжая наш путь, мы можем напасть на следы капитана Гранта, а возвращаясь на юг, мы, наоборот, теряем

шансы их найти. Поэтому я присоединяюсь к вашему мнению. Беглые из Пертской тюрьмы меня не пугают: храброму человеку нечего обращать на них внимание.

Предложение продолжать путешествие поставили на голосование, и оно было принято единогласно.

— Мне хотелось бы, сэр, высказать еще одно соображение, — промолвил боцман, когда уже все собирались разойтись.

— Говорите, Айртон.

— Не пора ли послать распоряжение «Дункану» держаться вблизи берегов?

— Зачем это? — вмешался Джон Манглс. — Когда мы доберемся до мыса Туфольд, тогда и будет своевременно послать такое распоряжение. А если какой-нибудь непредвиденный случай заставит нас направиться в Мельбурн, нам придется пожалеть, что там нет «Дункана». К тому же судно, должно быть, еще и не вышло из ремонта. Поэтому я считаю, что лучше с этим обождать.

— Хорошо, — согласился Айртон, не настаивая на своем предложении.

На следующий день маленький отряд покинул Сеймур. Он был хорошо вооружен и готов ко всяким неожиданностям. Через полчаса путешественники снова очутились в эвкалиптовом лесу, тянувшемся на восток. Гленарван предпочел бы ехать по открытым местам. Равнина, конечно, была бы менее благоприятна для нападений и засад, чем густой лес. Но выбора не было, и колымага в течение целого дня пробиралась между однообразными великанами-эвкалиптами. Вечером, проехав вдоль северной границы графства Энглези, наши путешественники пересекли сто сорок четвертый меридиан и раскинули лагерь у границы округа Мёррей.

Глава XVI

МАЙОР УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЭТО ОБЕЗЬЯНЫ

На следующий день, 5 января, наши путешественники вступили в обширный округ Мёррей. Этот малообследованный, необитаемый край простирается до высокой гря-

ды Австралийских Альп. Цивилизация еще не разделила его на отдельные графства. Вообще эта часть провинции мало известна и мало посещаема. Когда-нибудь эти леса падут под ударами топора лесопромышленника, а луга будут отданы стадам скваттеров, но пока здешняя почва так же девственна, как в те времена, когда она поднялась со дна Индийского океана.

На всех английских картах эта область характеризуется следующими словами: «Reserve for the blacks» — «Отведено для чернокожих». Сюда англичане-колонисты грубо оттеснили туземцев. Австралийской расе оставили на далеких равнинах и в непроходимых лесах несколько определенных мест, где ей предстояло постепенное вымирание. Всякий белый, кто бы он ни был — колонист, эмигрант, скваттер, лесопромышленник, — имеет право проникнуть в эти места, но чернокожий не смеет выйти за их пределы.

Паганель затронул в беседе со своими спутниками этот существенный вопрос о туземных племенах. Все пришли к единодушному заключению, что британская политика направлена к уничтожению туземных племен, к изгнанию их из тех местностей, где жили их предки. По словам географа, такая пагубная политика проводилась англичанами во всех их колониях, а в Австралии — более чем где-либо. В первые времена колонизации ссыльные, да и сами колонисты смотрели на туземцев, как на диких зверей. Они с ружьями охотились на них и, убивая их, доказывали, ссылаясь на авторитет юристов, что раз австралиец вне закона, то и убийство его не является преступлением. Сиднейские газеты предложили даже радикальное средство избавиться от туземных племен озера Хантер, а именно — массовое отравление.

Как видим, англичане, овладев страной, призвали на помощь колонизации убийство. Жестокости их были неописуемы. Они вели себя в Австралии так же, как в Индии, где исчезло пять миллионов индусов, так же, как в Капской области, где из миллиона готтентотов уцелело всего сто тысяч. Понятно, что австралийское туземное население в результате таких жестоких мер, а также вследствие пьянства, которое насаждается колонизаторами, постепенно вырождается и вскоре под давлением

смертоносной цивилизации совершенно исчезнет. Правда, бывали губернаторы, издававшие против кровожадных лесопромышленников постановления, в силу которых белый, отрезавший нос или уши чернокожему либо срубивший у него мизинец, чтобы «прочищать им трубку», подвергался нескольким ударам кнута. Тщетные угрозы! Убийства совершались в огромных размерах, и целые племена исчезали с лица земли. Для примера можно указать на остров Ван-Дименова Земля. Здесь в начале XIX века было пять тысяч туземцев, а в 1863 году их осталось всего семь человек. А недавно «Меркурий» сообщил о том, что в город Гобарт явился последний из тасманцев.

Ни Гленарван, ни майор, ни Джон Манглс не пытались возражать Паганелю. И будь они даже не шотландцами, а англичанами, то и тогда они не смогли бы что-либо сказать в защиту своих соотечественников: факты были очевидны, неопровержимы.

— Лет пятьдесят назад, — добавил Паганель, — мы, поверьте, уже встретили бы на нашем пути не одно австралийское племя, а вот теперь нам до сих пор не попался ни один туземец. Пройдет столетие, и на этом материке совершенно исчезнет черная раса.

В самом деле, округ, предоставленный чернокожим, производил впечатление совершенно заброшенного. Не видно было ни малейших следов кочевий или поселений. Равнины чередовались с лесами, и мало-помалу местность приняла дикий вид. Казалось даже, что в этот отдаленный край не заглядывает ни одно живое существо — ни человек, ни зверь. Вдруг Роберт, остановившись у группы эвкалиптов, крикнул, указывая на большое существо:

— Обезьяна! Смотрите, обезьяна!

Скользя с ветки на ветку, черное существо перебиралось с одной вершины на другую с такой изумительной ловкостью, что можно было подумать, будто его поддерживают в воздухе какие-то перепончатые крылья. Неужели в этом странном краю обезьяны летают, подобно тем лисицам, которых природа снабдила крыльями летучей мыши?

Между тем колымага остановилась, и все, не спуская

глаз, стали следить за черным животным. Оно постепенно скрылось в листве огромного эвкалипта. Однако вскоре оно стало спускаться с молниеносной быстротой вниз по стволу, соскочило на землю и, пробежав несколько саженей со всевозможными ужимками и прыжками, ухватилось своими длинными руками за гладкий ствол громадного камедного дерева. Наши путешественники недоумевали, как сможет это животное вскарабкаться по прямому и скользкому стволу, обхватить который оно не могло. Но тут в руках у обезьяны появилось нечто вроде топора, и она, вырубая в стволе небольшие зарубки, добралась по ним до верхушки дерева. Еще несколько секунд — и обезьяна скрылась в густой листве.

— Что это за обезьяна? — спросил майор.

— Эта обезьяна — чистокровный австралиец, — ответил Паганель.

Не успели спутники географа пожать плечами, как вблизи послышались крики, что-то вроде: «Коо-э! Коо-э!» Айртон погнал своих быков, и через каких-нибудь сто шагов наши путешественники неожиданно очутились перед становищем туземцев.

Как печально было это зрелище! На голой земле раскинулось с десяток шалашей. Эти гуниос, сделанные из кусков коры, заходящих друг на друга наподобие черепицы, защищали своих жалких обитателей лишь с одной стороны. А эти обитатели, злосчастные существа, опустившиеся вследствие нищеты, имели отталкивающий вид. Их было человек тридцать — мужчин, женщин и детей. Одеты они были в шкуры кенгуру, висевшие на них лохмотьями. Завидев колымагу, они бросились было бежать от нее, но несколько слов Айртона, произнесенных на непонятном для наших путешественников местном наречии, видимо несколько успокоили их: они вернулись назад.

Эти туземцы, ростом до пяти футов и семи дюймов, с лохматыми головами, длинными руками и выпяченными животами, не были черны: цвет их кожи напоминал потускневшую от времени сажу. Волосатые тела дикарей были татуированы, а также испещрены шрамами от надрезов, делаемых ими в знак траура при погребальных обрядах. Трудно было себе представить что-либо менее отвечающее европейскому идеалу красоты: огромный

рот, нос не только приплюснутый, а словно раздавленный, выдающаяся нижняя челюсть с белыми, торчащими вперед зубами.

Элен и Мэри вышли из колымаги, ласково протянули руки изголодавшимся туземцам и предложили им еду. Те с жадностью набросились на нее.

Особенное сострадание возбудили в наших путешественницах женщины-дикарки. Ничто не может сравниться с положением австралийки. Природа-мачеха отказала ей в малейшей привлекательности; это раба, насильно утащенная грубым мужчиной, не знавшая других свадебных подарков, кроме ударов вади — палки — своего владыки. Выйдя замуж, австралийская женщина преждевременно и поразительно быстро стареет: ведь на нее падает вся тяжесть трудов кочевой жизни. Во время переходов ей не только приходится тащить своих детей в люльке из плетеного тростника, но и нести охотничьи и рыболовные принадлежности мужа, а также запас растения phormium tenax, из которого она выделывает сети. Кроме того, ей надо еще добывать пищу для семьи. Она охотится за ящерицами, двуутробками и змеями, подчас взбираясь за ними до самых верхушек деревьев. Она же рубит дрова для очага и сдирает кору для постройки своих шалашей. Она не знает, что такое покой, и питается отвратительными объедками своего владыки-мужа. Некоторые из этих несчастных женщин, быть может давно не видевших пищи, старались подманить к себе птиц семенами. Они лежали на раскаленной земле неподвижно, точно мертвые, готовые ждать часами, пока какая-нибудь неискушенная птичка не подлетит настолько близко, что ее можно будет схватить. Видимо уменье дикарок ловить птиц не шло дальше этого, и поистине надо было быть австралийским пернатым, чтобы попасться им в руки.

Между тем туземцы, успокоенные ласковым обращением путешественников, окружили их, и приходилось оберегать запасы от расхищения.

Говорили дикари с прищелкиваньем языка, с присвистом. Их речь напоминала крики животных. Но в голосе их подчас слышались и мягкие, ласковые нотки. Туземцы часто повторяли слово «ноки», и по сопровождавшим

Встреча с туземцами.

его жестам можно было легко понять, что оно означает «дай мне». Относилось это «дай» ко всему имуществу путешественников, начиная от самых мелких вещей. Мистеру Олбинету пришлось проявить немало энергии, чтобы отстоять багажное отделение и особенно бывшие в нем съестные припасы экспедиции. Эти несчастные, изголодавшиеся люди бросали на колымагу страшные взгляды.

Тем временем Гленарван, по просьбе жены, приказал раздать окружающим их туземцам некоторое количество съестных припасов. Дикари, поняв, в чем дело, стали так бурно выражать свой восторг, что это не могло не тронуть самое черствое сердце.

Мистер Олбинет, будучи человеком благовоспитанным, хотел сначала преподнести пищу женщинам. Но эти несчастные создания не посмели приступить к еде раньше своих грозных мужей. Те набросились на сухари и сушеное мясо, словно звери на добычу.

Слезы навернулись на глазах у Мэри Грант при мысли о том, что ее отец может быть пленником подобных дикарей. Она живо представила себе, что должен был вынести такой человек, как Гарри Грант, будучи в плену у этих бродячих племен, как приходилось ему страдать от нищеты, голода, дурного обращения! Джон Манглс, с тревожной заботливостью наблюдавший за молодой девушкой, угадал ее мысли и, предупреждая ее желание, сам обратился к боцману «Британии»:

— От таких ли дикарей вы убежали, Айртон?

— Да, капитан, все эти племена, кочующие по Центральной Австралии, похожи друг на друга. Только здесь вы видите лишь кучку этих бедняг, а по берегам Дарлинга живут многолюдные племена, во главе которых стоят вожди, облеченные грозной властью.

— Что же может делать европеец среди этих туземцев? — спросил Джон Манглс.

— То, что делал я, — ответил Айртон: — он охотится с ними, ловит рыбу, принимает участие в их битвах. С ним, как я уже вам говорил, обращаются в зависимости от тех услуг, какие он оказывает племени, и если европеец с головой и храбрый, то он занимает видное положение в племени.

— Но все же он остается пленником? — спросила Мэри Грант.

— Конечно, и с него не спускают глаз ни днем, ни ночью.

— Тем не менее вам, Айртон, удалось же бежать, — вмешался в разговор майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, удалось благодаря сражению, происшедшему между моим племенем и соседним. Мне повезло: я бежал и, конечно, не жалею об этом. Но если бы понадобилось проделать все это снова, то, мне кажется, я предпочел бы вечное рабство тем мукам, какие пришлось мне испытать, перебираясь через пустыни Центральной Австралии. Дай бог, чтобы капитан Грант не попытался спастись таким же образом!

— Ну конечно, мисс Грант, нам следует желать, чтобы ваш отец находился в плену у туземного племени, — промолвил Джон Манглс. — Нам будет тогда гораздо легче найти его следы, чем в том случае, если б он бродил по лесам.

— Вы все еще надеетесь? — спросила молодая девушка.

— Я не перестаю надеяться на то, что когда-нибудь увижу вас счастливой, мисс Мэри.

Взгляд влажных от слез глаз Мэри Грант послужил благодарностью молодому капитану.

В то время как велся этот разговор, среди туземцев началось какое-то необычайное движение: они громко кричали, бегали туда и сюда, хватали свое оружие и, казалось, были охвачены какой-то дикой яростью.

Гленарван не мог понять, что творится с дикарями, но тут майор обратился к боцману:

— Скажите, Айртон: раз вы так долго прожили у австралийцев, вы, верно, понимаете язык этих дикарей?

— Не совсем-то понимаю, — ответил боцман, — ибо у каждого племени свое особое наречие. Но все же, мне кажется, я догадываюсь, в чем дело: желая отблагодарить мистера Гленарвана за угощение, эти дикари собираются показать ему подобие боя.

Он был прав. Туземцы без дальних слов набросились друг на друга с хорошо разыгранной яростью.

Действительно, по словам путешественников, австра-

лийцы превосходные актеры; и в данном случае они проявили недюжинный талант.

Все их оружие и для нападения и для защиты состоит из палицы — дубины, способной проломить самый крепкий череп, — и из секиры вроде индейского томагавка, сделанной из куска очень крепкого заостренного камня, зажатого между двумя палками и прикрепленного к ним растительным клеем. Эта секира с длинной ручкой, в десять футов, является грозным оружием в бою и полезным инструментом в мирное время. Сообразно обстоятельствам, она отсекает либо головы, либо ветки, врубается то в людские тела, то в древесные стволы.

Бойцы с воплями кидались друг на друга, махая палицами и секирами. Одни падали, точно мертвые, другие издавали победный крик. Женщины, особенно старухи, словно одержимые, подстрекали бойцов, набрасывались на мнимые трупы и делали вид, что терзают их с яростью. Элен все время боялась, как бы эта игра не превратилась в настоящий бой. Впрочем, дети, принимавшие участие в этом мнимом сражении, тузили друг друга по-настоящему; особенно неистовствовали девочки, награждая друг друга полновесными тумаками.

Этот мнимый бой длился уже минут десять, как вдруг дикари сразу остановились. Оружие выпало из их рук. Глубокая тишина сменила шум и сумятицу. Туземцы застыли в своих позах, словно действующие лица в живых картинах. Казалось, они окаменели. Что же было причиной этой внезапной перемены, этого оцепенения? Скоро это выяснилось. Над вершинами камедных деревьев появилась стая какаду. Птицы наполняли воздух своей болтовней; их яркое оперение делало стаю похожей на летающую радугу. Это-то появление разноцветной стаи и прервало бой: война сменялась более полезным занятием — охотой.

Один из туземцев, захватив какое-то оружие своеобразной формы, выкрашенное в красный цвет, покинул своих все еще неподвижных товарищей и, пробираясь между деревьями и кустами, направился к тому месту, над которым виднелась стая какаду. Он двигался ползком, бесшумно, не задевая ни одного листика, не сдвигая

с места ни одного камешка. Казалось, скользит какая-то тень.

Подкравшись к птицам на достаточно близкое расстояние, дикарь метнул свое оружие. Оно понеслось по горизонтальной линии, футах в двух от земли. Пролетев так футов около сорока, оно, не ударившись о землю, вдруг под прямым углом устремилось вверх, поднялось футов на сто, сразило с дюжину птиц, а затем, описав параболу, вернулось назад и упало к ногам охотника.

Гленарван и его спутники были поражены — они не верили своим глазам.

— Это бумеранг, — пояснил Айртон.

— Бумеранг! Австралийский бумеранг! — воскликнул Паганель и мигом бросился поднимать это удивительное оружие, чтобы, как ребенок, «посмотреть, что там внутри».

Действительно, можно было подумать, что внутри этого бумеранга скрыт какой-то механизм, что какая-то внезапно отпущенная пружина изменяет его направление. Но ничего подобного не было. Бумеранг состоял просто-напросто из изогнутого куска твердого дерева длиной в тридцать-сорок дюймов. Толщина этого куска в середине равнялась приблизительно трем дюймам, а оба конца его были заострены. Его вогнутая часть была на полдюйма у́же остальной. Края выпуклой стороны были заострены. Все это было столь же несложно, как и непонятно.

— Так вот он, этот пресловутый бумеранг! — сказал Паганель, тщательно осмотрев странное оружие. — Кусок дерева и больше ничего. Но почему же он, двигаясь в горизонтальном направлении, вдруг поднимается вверх, а затем возвращается к тому, кто его кинул? Ни ученые, ни путешественники не могли до сих пор найти объяснение этому явлению.

— Не похож ли в этом отношении бумеранг на серсо? Ведь брошенное известным образом, оно возвращается к своей точке отправления, — промолвил Джон Манглс.

— Или, скорее, не схоже ли это явление с попятным движением биллиардного шара, получившего удар кием в определенную точку? — добавил Гленарван.

— Никоим образом, — ответил Паганель. — В обоих

этих случаях имеется точка опоры, которая обусловливает обратное действие: у серсо — земля, а у биллиардного шара — поверхность биллиарда. Но здесь такой точки опоры нет: оружие не касается земли, а тем не менее оно поднимается на значительную высоту.

— Как же объясните вы такое явление, господин Паганель? — спросила Элен.

— Я и не объясняю этого, а только лишний раз устанавливаю данный факт. Повидимому, тут все зависит от способа, которым кидают бумеранг, и от особенностей его строения. А способ кидания — это уже тайна австралийцев.

Однако время шло, и Гленарван, считая, что не следует больше задерживаться, хотел было уже просить путешественниц занять места в колымаге, как в эту минуту прибежал один из дикарей и возбужденно выкрикнул несколько слов.

— Вот как! — проговорил Айртон. — Они завидели казуаров.

— Что, речь идет об охоте? — заинтересовался Гленарван.

— О, это надо непременно посмотреть! — воскликнул Паганель. — Зрелище, должно быть, любопытное. Быть может, снова заработает бумеранг.

— А что думаете вы на этот счет, Айртон? — спросил Гленарван боцмана.

— Мне кажется, что это не займет много времени, сэр, — ответил тот.

Туземцы между тем не теряли ни минуты. Ведь убить нескольких казуаров — для них необыкновенная удача: это значит, что племя будет обеспечено пищей по крайней мере на несколько дней. Понятно, охотники пускают в ход все свое искусство, чтобы завладеть такой добычей. Но каким образом умудряются они настигать такое быстроногое животное без собак и убивать его без ружей? Это было самое интересное в зрелище, которое так жаждал увидеть Паганель.

Эму, или австралийский казуар (у туземцев он называется «мурек»), встречается на равнинах Австралии все реже и реже. Это крупная птица в два с половиной фута вышиной, с белым мясом, напоминающим мясо

индейки. На голове у казуара роговая чешуя, глаза его светлокоричневые, клюв черный, загнутый вниз. На ногах — по три пальца, вооруженных могучими когтями. Крылья его, настоящие культяпки, не могут служить для летания. Его оперение, или, можно сказать, его шерсть, более темного цвета на шее и на груди. Если казуар не летает, то зато бегает так быстро, что свободно обгонит самую быструю скаковую лошадь. Захватить казуара можно только хитростью.

Вот почему на призыв прибежавшего дикаря тотчас же отозвался десяток австралийцев. Они, словно отряд стрелков, рассыпались по чудесной равнине, где кругом синели цветы дикого индиго. Наши путешественники столпились на опушке рощи мимоз.

При приближении туземцев несколько казуаров поднялись и умчались. Прибежавший дикарь — видимо, охотник данного племени, — удостоверившись, где находятся птицы, сделал знак товарищам, чтобы те не шли дальше. Дикари растянулись на земле, а охотник вынул из сетки две искусно сшитые вместе шкуры казуаров и надел их на себя. Затем он поднял над головой правую руку и стал подражать походке казуара, разыскивающего себе пищу. Охотник направился к стае. Он то останавливался, прикидываясь, что разыскивает семена, то поднимал вокруг себя ногами целые облака пыли. Все это было выполнено безукоризненно. Невозможно было более верно воспроизвести повадки казуара. К тому же дикарь настолько точно подражал глухому ворчанью казуара, что сами птицы были обмануты. Вскоре дикарь оказался среди беспечной стаи. Вдруг он взмахнул дубиной — и пять казуаров из шести свалились подле него. Охота была успешно закончена. Гленарван, путешественницы и весь отряд распрощались с туземцами.

Глава XVII

СКОТОВОДЫ-МИЛЛИОНЕРЫ

После спокойно проведенной ночи под 146°15′ долготы путешественники 6 января, в семь часов утра, снова тронулись в путь, пересекая обширный округ Мёррей.

Они двигались на восток, и следы копыт их лошадей и быков вычерчивали по равнине совершенно прямую линию. Они дважды пересекли следы скваттеров, направлявшихся на север, и все эти следы несомненно смешались бы, если бы на пыльной земле не отпечатывались подковы коня Гленарвана с клеймом стоянки Блек-Пойнт — *трилистником*.

Местами равнину бороздили извилистые, часто пересыхающие речки, по берегам которых росли буксы. Все эти речки берут начало на склонах гор Буффало, невысокая, но живописная цепь которых волнисто вырисовывалась на горизонте.

Решено было к ночи добраться до этих гор и там расположиться лагерем. Айртон стал подгонять своих быков, и те, сделав в этот день тридцать пять миль, хотя и несколько устали, но все же дотащили колымагу до подножия гор Буффало. Здесь, под большими деревьями, раскинули палатку. Наступала ночь. С ужином живо покончили: после такого перехода больше хотелось спать, чем есть.

Паганелю первому пришлось нести дежурство. Чтобы не поддаваться одолевавшей его дремоте, он с ружьем на плече прогуливался взад и вперед. Хотя луны и не было, но благодаря яркому сиянию южных звезд ночь была светлая. Ученый развлекался чтением великой книги неба, всегда открытой взорам и представляющей огромный интерес для тех, кто может ее понимать. Глубокую тишину уснувшей природы нарушал лишь звон железных пут на ногах лошадей.

Паганель, предавшись своему астрономическому созерцанию, был занят больше делами неба, чем земли, как вдруг он был выведен из задумчивости какими-то отдаленными звуками. Географ стал внимательно прислушиваться, и, к его изумлению, ему послышались звуки рояля. Несколько трепетно-звучных аккордов донеслось до него. Ошибки быть не могло.

— Рояль в пустыне! — пробормотал Паганель. — Никак не могу этому поверить.

Действительно, это было более чем странно, и Паганель предпочел уверить себя, что это какая-то удивительная австралийская птица подражает звукам рояля,

так же как некоторые здешние птицы подражают звукам часов и точильной машины.

В эту минуту в воздухе прозвучал ясный, чистый голос — к пианисту присоединился певец. Паганель слушал не сдаваясь. Но через несколько мгновений он был вынужден сознаться, что слышит чудесные звуки арии «Il mio tesoro tanto» из «Дон-Жуана».

«Чорт возьми! Как ни удивительны австралийские птицы, но самый музыкальный попугай на свете не может же спеть арию из оперы Моцарта!» — подумал географ и стал наслаждаться мелодией.

Впечатление от этой пленительной арии, раздававшейся в чистом, прозрачном воздухе ночи, было неописуемо. Долго звучал этот голос, чаруя Паганеля; наконец он затих, и кругом снова воцарилась тишина.

Когда Вильсон пришел сменить ученого, то застал его в глубокой задумчивости. Паганель ничего не сказал матросу, а, решив сообщить завтра Гленарвану об этом странном явлении, пошел спать в палатку.

На следующее утро весь лагерь был разбужен неожиданным лаем. Гленарван вскочил на ноги. Два великолепных пойнтера, превосходные образцы легавых собак английской породы, прыгая, резвились на опушке рощицы. При приближении путешественников они скрылись среди деревьев и принялись лаять еще громче.

— Повидимому, в этой пустыне есть какая-то стоянка, — промолвил Гленарван, — а также, несомненно, имеются и охотники, раз налицо охотничьи собаки.

Паганель открыл было рот, чтобы поделиться своими ночными впечатлениями, но тут верхом на великолепных, чистокровных лошадях появилось двое молодых людей. Оба джентльмена — они были одеты в изящные охотничьи костюмы — остановились, увидев путников, расположившихся табором, словно цыгане. Они, казалось, недоумевали, что означает здесь присутствие вооруженных людей, но в эту минуту заметили путешественниц, выходивших из колымаги.

Всадники тотчас же спрыгнули с коней и со шляпами в руках направились к женщинам. Гленарван пошел навстречу незнакомцам и отрекомендовался им. Молодые люди поклонились, и старший из них сказал:

— Сэр, не пожелают ли ваши дамы, а также и вы с вашими спутниками отдохнуть у нас в доме?

— С кем я имею удовольствие говорить? — спросил Гленарван.

— Майкл и Сенди Патерсон — владельцы скотоводческого хозяйства Готтем. Вы уже находитесь на территории этой станции, и отсюда до нашего дома не больше четверти мили.

— Господа, откровенно говоря, я боюсь злоупотребить вашим гостеприимством... — начал Гленарван.

— Сэр, — ответил Майкл Патерсон, — принимая наше приглашение, вы сделаете нам одолжение.

Гленарван поклонился в знак того, что принимает приглашение.

— Сэр, — обратился Паганель к Майклу Патерсону, — надеюсь, вы не сочтете меня нескромным, если я спрошу: не вы ли пели вчера божественную арию Моцарта?

— Я, сэр, — ответил джентльмен. — Аккомпанировал мне мой двоюродный брат Сенди.

— Тогда, сэр, примите искренние поздравления француза, пламенного поклонника музыки! — сказал Паганель, протягивая руку молодому человеку.

Тот любезно пожал ее, затем указал своим гостям дорогу, которой надо было держаться. Лошадей поручили Айртону и матросам, а путешественники, беседуя и восхищаясь окружающими видами, направились пешком в обществе молодых людей к усадьбе.

Скотоводческое хозяйство Патерсонов содержалось в строгом порядке. Громадные луга, обнесенные серой оградой, расстилались вдаль, насколько мог охватить глаз. Там паслись тысячи быков и миллионы баранов. Множество пастухов и еще большее количество собак сторожили это шумное, буйное стадо. Мычанье и блеянье сливались с лаем собак и резким хлопаньем бичей.

На востоке тянулись рощи австралийских акаций и камедных деревьев. Над ними высилась величественная гора Готтем, поднимающаяся на семь с половиной тысяч футов над уровнем моря. Во все стороны расходились длинные аллеи вечнозеленых деревьев. Там и сям виднелись густые группы кустов вышиной футов в десять,

похожих на карликовые пальмы. Стволы их терялись в массе узких и длинных листьев. Воздух был напоен благоуханием мятнолавровых деревьев, усыпанных гроздьями белых, тонко пахнущих цветов.

Среди этих живописных групп туземных растений росли также древесные породы, вывезенные из Европы. При виде этих деревьев — персиковых, апельсиновых, смоковниц, яблонь, груш и даже дубов — у наших путешественников вырвалось громкое «ура». Идя под тенью деревьев своей родины, они восхищались порхавшими между ветвями атласными птицами с их шелковистым оперением и иволгами, одетыми словно в золото и черный бархат.

Здесь же нашим путешественникам довелось впервые увидеть менуру — птицу, хвост которой напоминает изящный инструмент Орфея — лиру. Она носилась среди древовидных папоротников, и когда хвост ее ударял по листьям, то казалось почти удивительным, что при этом не раздаются гармонические аккорды. Паганелю захотелось сыграть на этой лире.

В конце широкой аллеи, по сторонам которой росли казуариновые деревья, показался дом Патерсонов.

То был охотничий домик в швейцарском стиле, из кирпича и дерева, прятавшийся среди густых эмерофилис. Вокруг шла увешанная китайскими фонариками веранда, напоминавшая галереи древнеримских зданий. Над окнами спускались разноцветные маркизы, казавшиеся огромными цветами. Трудно было себе представить более уютный, более прелестный и более комфортабельный уголок. На лужайках и среди рощиц, раскинутых вокруг дома, высились бронзовые канделябры с изящными фонарями. С наступлением ночи весь парк освещался белым газовым светом от газометра, скрытого в чаще акаций и древовидных папоротников.

Вблизи дома не было видно ни служб, ни конюшен, ни сараев — ничего, что говорило бы о сельском хозяйстве. Все эти строения — настоящий поселок более чем в двадцать домов и хижин — находились в четверти мили расстояния от дома, в глубине маленькой долины. Хозяйский дом был соединен с этим поселком электрическими проводами — телеграфом — благодаря чему мог

мгновенно с ним сообщаться. Сам же дом, удаленный от всякого шума, казался затерянным среди чащи экзотических деревьев.

В конце казуариновой аллеи через журчащую горную речку был переброшен изящный железный мостик. Он вел в часть парка, прилегавшую к дому.

Когда наши путешественники вместе со своими хозяевами перешли мостик, их встретил внушительного вида управляющий. Двери готтемского дома распахнулись, и гости вступили в великолепные апартаменты, скрывавшиеся под этой скромной оболочкой из кирпичей и цветов.

Из прихожей, увешанной принадлежностями верховой езды и охоты, двери вели в просторную гостиную в пять окон. Здесь стоял рояль, заваленный всевозможными нотами, и старинными и современными, виднелись мольберты с начатыми полотнами, цоколи с мраморными статуями. На стенах висело несколько картин фламандских художников, а также гобелены с вышитыми на них мифологическими сюжетами. Ноги утопали в мягких, словно густая трава, коврах, с потолка спускалась старинная люстра. Всюду был расставлен драгоценный фарфор, дорогие безделушки. Странно было видеть в австралийском доме подобную обстановку. В этой сказочной гостиной, казалось, было собрано все, что могло мысленно перенести в Европу. Можно было подумать, что находишься в каком-нибудь княжеском замке во Франции или в Англии.

Свет, проходя через полузатемненную веранду и тонкую ткань маркиз, проникал в гостиную. Элен, подойдя к одному из окон, пришла в восторг. Дом был расположен над широкой долиной, расстилавшейся на восток до самых гор. Луга сменялись лесами; среди них там и сям проглядывали обширные поляны, а вдали виднелась группа изящно закругленных холмов. Все это представляло неописуемую по красоте картину. Ни одна местность на земном шаре не могла бы сравниться с этой — даже знаменитая Райская долина в Норвегии, у Телемарка.

Эта огромная панорама, пересекаемая полосами света и теней, то и дело изменялась по прихоти солнца.

Здесь путешественникам впервые довелось увидеть птицу менуру.

Пока Элен наслаждалась открывавшимся из окна видом, Сенди Патерсон приказал метрдотелю распорядиться завтраком для гостей, и менее чем через четверть часа после своего появления в доме путешественники уже садились за роскошно сервированный стол. Поданные кушанья и вина были выше всяких похвал, но гостям больше всего доставляла удовольствие та радость, с которой молодые хозяева угощали их. Узнав за завтраком о цели экспедиции, братья Патерсон горячо заинтересовались поисками Гленарвана. Их слова укрепили надежды детей капитана Гранта.

— Раз Гарри Грант не появился нигде на побережье, он, очевидно, в руках туземцев, — сказал Майкл Патерсон. — Судя по найденному документу, капитан точно знал, где находится, и если он не добрался до какой-нибудь английской колонии, то только потому, что при высадке был захвачен в плен дикарями.

— Как раз это и случилось с его боцманом Айртоном, — заметил Джон Манглс.

— А вам никогда не случалось слышать о гибели «Британии»? — обратилась Элен к братьям Патерсон.

— Никогда, миссис, — ответил Майкл.

— Как же, по-вашему, должны были обращаться австралийцы со своим пленником?

— Австралийцы не жестоки, — ответил молодой скваттер, — и мисс Грант может не беспокоиться на этот счет. Известно немало случаев, когда проявлялась мягкость характера здешних дикарей. Некоторые европейцы долго живали среди них и не имели повода жаловаться на грубое обращение.

— В числе их Кинг, — сказал Паганель, — единственный человек, уцелевший из всей экспедиции Бёрка.

— Можно указать не только на этого отважного исследователя, — вмешался в разговор Сенди Патерсон, — а также и на английского солдата, по имени Бакли. Бакли дезертировал в 1803 году из Порт-Филиппа, попал к туземцам и прожил с ними тридцать три года.

— А в одном из последних номеров «Австралазийской газеты», — добавил Майкл Патерсон, — есть сообщение о том, что какой-то Морилл вернулся на родину после шестнадцатилетнего плена. История капитана Гранта,

должно быть, похожа на его историю, ибо этот Морилл был взят в плен туземцами и уведен ими вглубь материка после крушения судна «Перуанка» в 1846 году. Итак, мне кажется, вам ни в коем случае не надо терять надежду.

Сведения, сообщенные молодыми хозяевами, чрезвычайно обрадовали их гостей: они подтверждали слова Паганеля и Айртона.

Когда Элен и Мэри Грант удалились из столовой, мужчины заговорили о каторжниках. Патерсоны знали о катастрофе на Кемденском мосту, но бродившая в окрестностях шайка беглых каторжников не внушала им никакого беспокойства. Уж конечно, злоумышленники не осмелились бы напасть на предприятие, где имелось более ста мужчин. К тому же трудно было допустить, чтобы эти злодеи решили углубиться в пустыни, прилегающие к реке Мёррею, — им там совершенно нечего было делать, — или рискнули бы приблизиться к колониям Нового Уэллса, дороги которых хорошо охранялись. Такого же мнения придерживался и Айртон.

Гленарван не мог не исполнить просьбу своих радушных хозяев провести у них весь день. Эти двенадцать часов задержки, конечно, явились столькими же часами отдыха как для путешественников, так и для их лошадей и быков, поставленных в удобные стойла.

Итак, решено было остаться до следующего утра. Молодые хозяева не замедлили предложить на усмотрение своих гостей программу дня, и она была ими охотно принята.

В полдень семь чистокровных коней нетерпеливо рыли копытами землю у крыльца дома. Дамам была подана коляска, запряженная четырьмя лошадьми. Двинулись в путь. Всадники, вооруженные превосходными охотничьими ружьями, скакали по обеим сторонам экипажа. Доезжачие неслись верхом впереди, а своры собак оглашали леса веселым лаем.

В течение четырех часов кавалькада объезжала аллеи и дороги парка, по величине своей не уступавшего какому-нибудь маленькому германскому государству. Правда, здесь встречалось меньше жителей, но зато все кругом кишело баранами. Что же касается дичи, то ее было столько, что выгнать большее ее количество на охотников была

бы не в силах целая армия загонщиков. Поэтому вскоре загремели один за другим выстрелы, вспугивая мирных обитателей рощ и равнин. Юный Роберт, охотившийся рядом с Мак-Наббсом, творил чудеса. Отважный мальчуган, несмотря на наставления сестры, был всегда впереди всех и стрелял первым. Но Джон Манглс взялся наблюдать за Робертом, что очень успокоило его сестру.

Во время этой облавы было убито несколько австралийских животных. До сего времени сам Паганель знал их только по названию. Между этими туземными животными были, между прочим, вомбат и бандикут.

Вомбат — это травоядное животное. Ростом он с барана, и мясо его превкусное. Бандикут — животное из породы сумчатых — превосходит хитростью даже европейскую лису и мог бы поучить ее искусству выкрадывать обитателей птичьих дворов. Такое животное, довольно отталкивающего вида, фута в полтора длиной, убил Паганель и из охотничьего самолюбия нашел его прелестным.

— Очаровательное животное! — заявил географ.

Роберт ловко подстрелил одно мохнатохвостое животное, похожее на маленькую лису. Его черный с белым мех не уступал куньему. Затем мальчуган убил еще пару двуутробок, прятавшихся в густой листве больших деревьев.

Но среди всех этих охотничьих подвигов бесспорно наибольший интерес представляла погоня за кенгуру. Около четырех часов дня собаки вспугнули целое стадо этих любопытных сумчатых животных. Детеныши мигом вскочили в материнские сумки, и все стадо гуськом помчалось прочь. Прекурьезно видеть огромные скачки кенгуру. Их задние лапы вдвое длиннее передних и растягиваются, словно пружины.

Во главе этого убегавшего стада несся самец футов в пять вышиной, великолепный экземпляр кенгуру-великана. Погоня продолжалась неустанно на протяжении четырех-пяти миль. Кенгуру не проявляли признаков усталости, а собаки, не без основания опасавшиеся их могучих лап, вооруженных острыми когтями, не очень-то старались к ним приблизиться. Но наконец, выбившись из сил, стадо остановилось, и кенгуру-великан, прислонясь к стволу дерева, приготовился к защите. Одна из

Собаки вспугнули целое стадо кенгуру.

собак в пылу погони подкатилась к самцу, но в тот же миг взлетела на воздух и свалилась на землю с распоротым брюхом.

Конечно, и всей своре было бы не под силу справиться с этими могучими животными. Приходилось охотникам взяться за ружья — только пули могли прикончить кенгуру-великана.

В эту минуту Роберт едва не пал жертвой своей неосторожности. Желая лучше прицелиться, мальчик так приблизился к кенгуру, что тот бросился на него. Роберт издал крик. Сидевшая в экипаже Мэри Грант в ужасе, не в силах произнести ни слова, протянула руки к брату. Ни один из охотников не решался стрелять, боясь попасть в мальчика. Джон Манглс, рискуя жизнью, бросился с раскрытым охотничьим ножом на кенгуру и поразил его в сердце. Животное рухнуло на землю. Роберт поднялся на ноги, целый и невредимый. Миг — и сестра радостно прижимала его к своей груди.

— Спасибо, мистер Джон, спасибо! — сказала Мэри Грант, протягивая руку молодому капитану.

— Он был на моем попечении, — отозвался Джон Манглс, пожимая дрожащую руку молодой девушки.

Этим происшествием закончилась охота.

После смерти вождя стадо кенгуру разбежалось, а останки кенгуру-великана были увезены охотниками.

Вернулись домой в шесть часов вечера. Охотников ожидал великолепный обед. Гостям особенно понравился бульон из хвоста кенгуру, приготовленный по-туземному.

После десерта из мороженого и шербета гости перешли в гостиную. Вечер был посвящен музыке. Элен, прекрасная пианистка, взялась аккомпанировать радушным хозяевам, и те с большим вкусом исполнили отрывки из новейших партитур Гуно, Фелисьена Давида и даже из сочинений Рихарда Вагнера.

В одиннадцать часов вечера подали чай. Приготовлен он был по-английски. Но Паганель все же попросил, чтобы ему дали попробовать австралийского чая. Географу принесли жидкость, похожую на чернила. Ничего удивительного — полфунта чаю кипело в литре воды в течение четырех часов! Паганель попробовал, поморщился, но объявил, что напиток превосходный.

Глава XVIII

АВСТРАЛИЙСКИЕ АЛЬПЫ

Путь на юго-восток преграждала цепь Австралийских Альп. Это подобие гигантских крепостных стен причудливо извивается на протяжении тысячи пятисот миль и задерживает движение туч на высоте четырех тысяч футов.

Небо заволакивали облака, и потому солнечные лучи, проходя сквозь сгустившиеся пары, не были жгучи. Жара, таким образом, не особенно давала себя чувствовать. Зато двигаться из-за все возраставшей неровности почвы делалось труднее и труднее. Там и сям стали появляться холмики, поросшие молодыми зелеными камедными деревьями. Дальше потянулись высокие холмы. Это уже были отроги Альп. Дорога все время шла в гору. Это особенно ясно было видно по тем усилиям, которые делали быки. Их ярмо скрипело под тяжестью громоздкой колымаги, они громко пыхтели, мускулы ног напрягались так, что, казалось, готовы были лопнуть. Колымага трещала при неожиданных толчках, избежать которых не удавалось даже ловкому Айртону. Путешественницы весело с этим мирились.

Джон Манглс со своими двумя матросами, обследуя путь, ехали в нескольких стах шагах впереди. Они выбирали среди неровностей почвы наиболее удобный проход, или, правильнее сказать, фарватер, ибо переход колымаги скорее походил на движение корабля, плывущего по бурному морю между рифами.

Задача трудная, а подчас даже и опасная. Не раз топору Вильсона приходилось прокладывать дорогу среди густой чащи кустарников. Глинистая и влажная почва словно ускользала из-под ног. Путь удлинялся частыми объездами из-за непреодолимых препятствий: высоких гранитных скал, глубоких оврагов, не внушающих доверия озерков. Поэтому в течение целого дня едва прошли полградуса долготы.

Вечером расположились лагерем у подошвы Альп, на берегу горной речки Кобонгры, в маленькой долине, поросшей кустарником футов четырех вышины, со светло-красными листьями.

— Да, трудновато будет перевалить, — проговорил Гленарван, глядя на горную цепь, очертания которой уже начинали теряться в надвигавшейся вечерней мгле. — Альпы! Одно название заставляет призадуматься.

— Не надо понимать буквально, дорогой Гленарван, — отозвался Паганель. — Не думайте, что вам предстоит пройти через целую Швейцарию. Правда, в Австралии имеются, как в Европе, Пиренейские и Альпийские горы, но все это в миниатюре. Эти названия доказывают только то, что фантазия географов ограниченна или что количество собственных имен уж очень невелико.

— Так эти Австралийские Альпы... — начала Элен.

— ...карманные горы, — ответил Паганель. — Мы и не заметим, как переберемся через них.

— Говорите за себя! — сказал майор. — Только рассеянный человек может перевалить через горную цепь, не подозревая этого.

— Рассеянный! — воскликнул географ. — Да я уже больше не рассеян. Предоставляю разрешить данный вопрос нашим дамам. Разве с тех пор, как я ступил ногой на этот материк, я не держал своего слова? Бывал ли я хоть раз рассеян? Можно ли упрекнуть меня в какомнибудь промахе?

— Ни в одном, господин Паганель! — заявила Мэри Грант. — Теперь вы самый совершенный из смертных!

— Даже слишком совершенный! — смеясь, добавила Элен. — Ваша рассеянность шла вам.

— Не правда ли, ведь если у меня не будет ни одного недостатка, я стану заурядным человеком! — отозвался Паганель. — Поэтому я в ближайшем же будущем постараюсь совершить какой-нибудь крупный промах, который всех вас насмешит. Видите ли, когда я не совершаю ни одного промаха, мне кажется, что я изменяю своему призванию.

На следующий день, 9 января, вопреки уверениям самонадеянного географа, наш маленький отряд с самого начала перехода через Альпы стал испытывать большие трудности. Приходилось идти на авось по узким, глубоким ущельям, которые могли закончиться и тупиком.

Айртон очутился бы в очень затруднительном поло-

жении, если бы после часа тяжелого пути по горной тропе им неожиданно не встретился жалкий кабачок.

— Не думаю, чтобы кабачок в подобном месте мог обогатить своего хозяина! — воскликнул Паганель. — Какой толк от него здесь?

— Да хотя бы тот, что в нем мы сможем получить те сведения о дороге, в которых так нуждаемся, — отозвался Гленарван. — Войдем!

Гленарван в сопровождении Айртона вошел в кабачок. Хозяин его производил впечатление человека грубого. Лицо у него было неприветливое, отталкивающее, говорившее о том, что сам он является главным потребителем джина, бренди и виски своего кабачка. Обычно его единственными посетителями были путешествующие скваттеры и пастухи, перегоняющие стада.

На вопросы кабатчик отвечал неохотно, но все же благодаря его указаниям Айртон смог ориентироваться и сообразить, по какой дороге им надо двигаться.

Гленарван отблагодарил кабатчика за его советы несколькими кронами и собирался было уже уходить, когда заметил наклеенное на стене объявление колониальной полиции, в котором сообщалось о бегстве каторжников из Пертской тюрьмы, а также назначалась цена за выдачу Бена Джойса: сто фунтов стерлингов.

— Несомненно, такого негодяя стоило бы повесить, — сказал Гленарван боцману, прочитав объявление.

— А главное, недурно бы поймать его! — отозвался Айртон. — Сто фунтов стерлингов — денежки немалые! Он не стоит их.

— А что касается кабатчика, то хотя у него и висит это объявление полиции, но он, признаться, внушает мне мало доверия, — добавил Гленарван.

— Мне тоже, — промолвил Айртон.

Гленарван и боцман вернулись к колымаге. Отсюда отряд направился к тому месту, где дорога к Люкноускому перевалу входила в узкий, извилистый проход, пересекавший горную цепь. Начался трудный подъем. Не раз пришлось путешественницам выходить из колымаги, а их спутникам — спешиваться. Приходилось поддерживать тяжелую колымагу, подталкивать ее, удерживать на опасных спусках, распрягать быков на крутых поворотах,

подкладывать клинья под колеса, когда колымага начинала катиться назад. Не раз Айртон должен был прибегать к помощи лошадей, и без того утомленных подъемом.

Была ли тут виной чрезвычайная усталость или что-либо другое, но в этот день одна из лошадей пала. Она вдруг рухнула на землю, хотя ничто перед тем не указывало на возможность такого несчастного случая. Это была лошадь Мюльреди. Когда тот хотел поднять ее, она оказалась мертвой.

Айртон подошел и стал осматривать лежавшее на земле животное. Видимо, он совершенно не мог понять, отчего произошла эта мгновенная смерть.

— Должно быть, у этой лошади лопнул какой-нибудь сосуд, — сказал Гленарван.

— Очевидно; так, — отозвался Айртон.

— Садись на мою лошадь, Мюльреди, — обратился Гленарван к матросу, — а я поеду с женой в колымаге.

Мюльреди повиновался, и маленький отряд, бросив труп лошади на съедение воронам, продолжал свой утомительный подъем.

Цепь Австралийских Альп не очень широка: проходы, пересекающие ее, не достигают и восьми миль длины. Поэтому если проход, которого придерживался Айртон, действительно шел к восточному склону, то двумя сутками позже маленький отряд должен был бы оказаться по ту сторону хребта, а там уже до самого моря не могло встретиться никаких непреодолимых препятствий и трудностей.

Днем 10 января путешественники добрались до наивысшего места перевала, на высоте двух тысяч футов. Они очутились на плоскогорье, откуда открывался широкий вид: на севере сияли спокойные воды озера Омео, усыпанного водяными птицами, а за ним расстилались необъятные равнины Мёррея; к югу же тянулись зеленеющие пространства Джинсленда — его золотоносные земли, высокие леса. Весь этот край производил впечатление девственного, первобытного. Здесь природа еще владычествовала над своими творениями — над водами рек, над огромными деревьями, незнакомыми еще с топором, и скваттеры, пока, правда, редко там встречавшиеся, не решались вступать с ней в борьбу. Казалось, что Альпы

эти отделяют друг от друга два совершенно различных края, причем один из них еще сохранил свою первобытную дикость. Как раз в это время заходило солнце, и его лучи, прорываясь сквозь мрачные облака, оживляли краски округа Мёррей.

А Джинсленд, заслоненный горами, уже терялся в смутной мгле. Во всей заальпийской области, казалось, наступала преждевременная ночь. На зрителей, стоявших между этими так резко отличавшимися друг от друга областями, подобный контраст произвел сильное впечатление, и они с некоторым волнением смотрели на простиравшийся перед ними почти неведомый край, через который им предстояло пробираться до самой границы провинции Виктория.

Здесь же, на плоскогорье, был разбит лагерь. На следующее утро начали спускаться. Спускались довольно быстро. Вдруг на путешественников обрушился град необыкновенной силы и принудил их забиться под скалы. Это были даже не градины, а настоящие ледяные пластинки величиной с ладонь, летевшие из грозовых туч с такой силой, словно они были выпущены из пращи. И несколько основательных ушибов убедили Паганеля и Роберта в необходимости поскорее укрыться под скалы. Колымагу в нескольких местах изрешетило. Против ударов таких острых ледяшек не устояли бы и крыши домов. Некоторые градины врезались даже в стволы деревьев. Из опасения быть убитыми этим неслыханным градом приходилось ждать его окончания. Длился он с час, а затем маленький отряд снова двинулся в путь по отлогим каменистым тропам, скользким от таявшего града.

К вечеру колымага уже спускалась по последним уступам Альп. По сторонам высились огромные одинокие ели. Остов колымаги во многих местах от сильной тряски разошелся, но все же крепко держался на своих грубых деревянных колесах. Горный проход заканчивался у равнин Джинсленда, и, выбравшись из него, наши путники могли считать, что они благополучно перевалили через Альпы. Решено было здесь заночевать.

12-го с рассветом маленький отряд, охваченный неослабевающим воодушевлением, снова двинулся в путь. Все стремились как можно скорее достичь цели, то-есть

того места на берегу Тихого океана, где произошло крушение «Британии». Конечно, только там можно было с пользой начать поиски следов потерпевших крушение, а не здесь, в этом пустынном Джинсленде. И Айртон настаивал, чтобы Гленарван поскорее отправил «Дункану» приказ идти к восточному побережью, где яхта могла быть очень полезна при поисках. По мнению боцмана, надо было воспользоваться дорогой из Люкноу в Мельбурн. Позднее послать нарочного будет трудно, ибо дальше со столицей нет прямого сообщения.

Мнение боцмана казалось обоснованным, и Паганель советовал обратить на него внимание. Географ тоже думал, что яхта могла бы быть очень полезна при подобных обстоятельствах и что позднее, миновав Люкноускую дорогу, они не смогут уже сообщаться с Мельбурном.

Гленарван был в нерешительности. Быть может, он и послал бы приказ «Дункану», чего так усиленно добивался Айртон, если бы против этого плана чрезвычайно энергично не восстал майор. Мак-Наббс доказывал, что присутствие Айртона необходимо для экспедиции: он ведь знал окрестности побережья, и если отряд случайно нападет на следы Гарри Гранта, то боцман лучше всякого другого сумеет повести отряд по этим следам; наконец, только он, Айртон, сможет указать то место, где произошло крушение «Британии». Словом, майор стоял за то, чтобы путешествие продолжалось без изменений. Он нашел единомышленника в лице Джона Манглса. Молодой капитан указал Гленарвану и на то, что его распоряжения легче будет переслать на «Дункан» из бухты Туфольд морским путем, чем теперь с гонцом, который будет принужден проехать верхом двести миль по дикому краю.

Майор и капитан одержали верх. Гленарван решил послать гонца по прибытии в бухту Туфольд. Майору, наблюдавшему за Айртоном, показалось, что у того был довольно разочарованный вид. Но Мак-Наббс ни с кем не поделился своими наблюдениями, а, по обыкновению, оставил их при себе.

Равнины, простиравшиеся у подножия Австралийских Альп, едва заметно понижались к востоку. Монотонное однообразие их ровной поверхности кое-где нарушали рощи мимоз, эвкалиптов и различных пород камедных

деревьев, а также кусты растения гастролобиум грандифлорум с его ярко окрашенными цветами. Часто дорогу пересекали небольшие горные речки, вернее сказать — ручьи, берега которых густо заросли мелким тростником и орхидеями. Их переходили вброд. Вдали видно было, как убегали при приближении отряда стаи дроф и казуаров, а через кусты перепрыгивали кенгуру, подобные движимым резинкой картонным плясунам. Но всадники не очень-то помышляли об охоте, а их истомленным лошадям тоже было не до этого.

К тому же стояла удушливая жара. Воздух был насыщен электричеством. И животные и люди испытывали на себе его влияние. Все они, усталые, молча двигались вперед. Тишину нарушали лишь окрики Айртона, подгонявшего измученных быков.

От двенадцати часов до двух отряд ехал по любопытному лесу из папоротников. Конечно, будь наши путешественники менее истомлены, они пришли бы в восторг. Эти древовидные растения вышиной футов в тридцать были в полном цвету. Не только лошади, но и всадники, не нагибаясь, проезжали под склоненными ветвями гигантских папоротников, и порой колесико чьей-нибудь шпоры позвякивало, ударяясь об их стволы. Под неподвижными зонтами зеленой листвы царила прохлада, на которую никому не пришло в голову пожаловаться. Паганель, как всегда экспансивный, испустил несколько столь звучных вздохов удовольствия, что вспугнул ими стаи попугаев и какаду; те принялись оглушительно болтать.

Географ продолжал ликовать и восторженно покрикивать, как вдруг на глазах у своих спутников закачался и рухнул вместе с лошадью на землю. Что с ним приключилось: головокружение или припадок удушья от слишком высокой температуры?

Все бросились к нему.

— Паганель! Паганель! Что с вами? — крикнул Гленарван.

— Со мною то, что я остался без лошади, милый друг, — ответил географ, высвобождая ноги из стремян.

— Что, ваша лошадь...

— ...пала, словно пораженная молнией, совершенно так же, как лошадь Мюльреди.

Гленарван, Джон Манглс и Вильсон осмотрели животное. Паганель не ошибся: лошадь внезапно околела.

— Странно! — проговорил Джон Манглс.

— Очень странно... — пробормотал майор.

Гленарван не мог не быть озабочен этим новым злоключением. Ведь в таком пустынном крае нельзя было пополнить убыль в лошадях. А если здесь была налицо эпидемия, то дальнейший путь экспедиции окажется весьма затруднительным.

Еще до наступления вечера слово «эпидемия» подтвердилось: издохла третья лошадь, на которой ехал Вильсон, а за ней — что было, быть может, еще более тяжелым ударом — пал также и один из быков. Теперь в распоряжении экспедиции оставалось только три быка и четыре лошади.

Положение становилось серьезным. Всадники, лишившиеся лошадей, могли, конечно, на худой конец идти пешком: ведь немало скваттеров до них пробиралось таким же образом через этот пустынный край. Но если придется из-за гибели быков бросить колымагу, как быть тогда с путешественницами? Смогут ли они пройти пешком оставшиеся до бухты Туфольд сто двадцать миль?

Встревоженные, Гленарван и Джон Манглс осмотрели уцелевших лошадей. Быть может, окажется возможным предотвратить новые жертвы? При этом осмотре не было обнаружено не только признаков какой-либо болезни, но даже и слабости. Лошади казались вполне здоровыми и бодро выносили утомительное путешествие. Гленарван начал надеяться, что эта странная эпидемия ограничится четырьмя павшими животными.

Такого же мнения держался и Айртон. Боцман признался, что он ровно ничего не понимает в этом молниеносном падеже скота.

Маленький отряд снова пустился в путь. По временам то один, то другой пешеход по очереди садился отдохнуть в колымагу. Вечером после небольшого перехода, всего в десять миль, сделали привал и расположились лагерем. Ночь прошла благополучно в рощице из древовидных папоротников, между которыми носились огромные летучие мыши, метко названные летучими лисицами.

Отряд ехал по лесу из папоротников.

Следующий день, 13 января, начался хорошо. Несчастные случаи не возобновлялись. Состояние здоровья членов экспедиции попрежнему было удовлетворительное. Лошади и быки молодецки справлялись со своей работой. В «салоне» Элен благодаря непрекращавшемуся притоку посетителей было очень оживленно. Мистер Олбинет усердно обносил всех присутствующих прохладительными напитками, что было очень кстати при тридцатиградусной жаре. Выпили целых полбочонка шотландского эля. Паганель много выпил и ораторствовал еще больше на самые разнообразные темы.

Так хорошо начавшийся день, казалось, должен был и закончиться хорошо. Отряд прошел добрых пятнадцать миль по довольно гористой местности с красноватой почвой. Можно было надеяться, что в тот же вечер удастся расположиться лагерем на берегах Сноу, крупной реки, впадающей на юге провинции Виктория в Тихий океан. Вскоре колеса колымаги стали прокладывать колеи в черноватой наносной почве, поросшей буйными травами и кустами гастролобиума.

Наступал вечер. Туман, четко выделявшийся на горизонте, обозначил течение Сноу. Быки протащили колымагу еще несколько миль. За небольшим холмом дорога круто поворачивала в высокий лес. Айртон направил довольно утомленных быков между высокими стволами, погруженными во мрак, переехал поляну, и вдруг в какой-нибудь полумиле от реки колымага завязла до ступиц.

— Осторожнее! — крикнул боцман ехавшим за ним всадникам.

— Что случилось? — спросил Гленарван.

— Мы завязли в грязи, — ответил Айртон.

Он подгонял быков криками и ударами заостренной палки, но те увязли по колена и не могли двинуться с места.

— Расположимся здесь лагерем, — предложил Джон Манглс.

— Это лучшее, что мы можем сделать, — отозвался Айртон: — завтра при свете нам легче будет отсюда выбраться.

— Привал! — крикнул Гленарван.

После коротких сумерек быстро наступила ночь, но

прохлады она не принесла. Воздух был насыщен душными парами. У горизонта порой вспыхивали ослепительные молнии отдаленной грозы.

Кое-как устроились на ночлег в увязшей колымаге и в палатке, раскинутой под темными сводами больших деревьев. Лишь бы не пошел ночью дождь — так еще можно было, не жалуясь, провести ночь.

Айртону удалось, хотя и не без труда, высвободить быков из трясины — они увязли в ней по брюхо. Затем он сам, без посторонней помощи, разместил их на ночь вместе с лошадьми и набрал им корму — труд, который он всегда брал на себя. Вообще ухаживал он за скотом очень умело. Гленарван заметил, что в этот вечер Айртон проявил особенное старание, и поблагодарил его, так как теперь сохранение скота являлось делом первейшей важности.

Пока Айртон возился со скотом, путешественники сели за довольно скромный ужин. Но они едва к нему притронулись: утомленные и измученные жарой, они нуждались не столько в пище, сколько в отдыхе. Элен и Мэри Грант, пожелав спокойной ночи своим спутникам, улеглись, как всегда, в колымаге на своих диванчиках. Что же касается мужчин, то одни из них устроились в палатке, а другие предпочли растянуться под деревьями, на густой траве, что в этой здоровой местности было совершенно безопасно.

Мало-помалу все заснули тяжелым сном. Небо заволакивалось большими, густыми тучами, и делалось все темней и темней. В воздухе не чувствовалось ни малейшего ветерка. Ночная тишина нарушалась лишь заунывным криком морпука, напоминающим печальное кукованье европейской кукушки.

Около одиннадцати часов вечера, после недолгого, нездорового сна, тяжелого и утомительного, майор проснулся. Его взгляд с удивлением остановился на каком-то неясном свете, мерцавшем под деревьями. Мак-Наббс сначала принял это за распространившийся по земле пожар.

Он встал и направился к лесу. Велико было его удивление, когда он увидел, что обширное пространство кругом было усеяно фосфоресцирующими грибами. Их поры светились в темноте довольно сильно.

Майор, не будучи эгоистом, уже собирался разбудить Паганеля, чтобы дать возможность ученому собственными глазами увидеть это редкое явление, как вдруг заметил нечто такое, что остановило его.

Фосфорический свет освещал лес на полмили кругом, и Мак-Наббсу показалось, что какие-то тени скользят у опушки. Был ли это обман зрения? Галлюцинация?

Майор бросился на землю и стал внимательно наблюдать. Вскоре он ясно увидел несколько человек. То нагибаясь, то выпрямляясь, они, казалось, искали на земле еще свежие следы.

Нужно было во что бы то ни стало узнать, чего хотят эти люди.

Мак-Наббс не колебался. Не будя никого из своих спутников, точно дикарь в прериях, он исчез среди высоких трав.

Глава XIX

НЕОЖИДАННАЯ РАЗВЯЗКА

Ночь была ужасна. В два часа пошел проливной дождь, ливший до утра. Палатка оказалась ненадежным убежищем. Гленарвану и его спутникам пришлось приютиться в колымаге. О сне и думать было нечего. Велись разговоры о том о сем. Только майор, кратковременное отсутствие которого никто не заметил, не проронил ни слова и молча слушал. Страшнейший ливень не прекращался. Можно было опасаться, что Сноу выйдет из берегов, а тогда колымага, и так увязшая в трясине, очутилась бы в очень критическом положении. Поэтому Мюльреди, Айртон и Джон Манглс не раз ходили смотреть уровень воды в реке и возвращались, промокшие с головы до ног.

Наконец начало светать. Дождь перестал, но солнечные лучи не могли пробиться сквозь нависшие густые тучи. Кругом виднелись широчайшие лужи желтоватой воды, похожие на мутные, грязные пруды. Из размытой почвы поднимались горячие испарения и насыщали воздух нездоровой сыростью.

Гленарван решил прежде всего заняться колымагой.

Он считал это самым важным. Принялись осматривать эту тяжелую повозку. Она увязла среди большой котловины, в клейкой глине. Передний ход почти весь провалился в трясину, а задний — по оси. Вытащить такую махину было делом нелегким даже для соединенных усилий людей, быков и лошадей.

— Во всяком случае, надо спешить, а то, когда глина начнет высыхать, наша задача станет еще труднее, — заметил Джон Манглс.

— Поспешим, — отозвался Айртон.

Гленарван, оба матроса, Джон Манглс и Айртон отправились за быками и лошадьми в лес, где те провели ночь. Это был мрачный редкий лес из высоких камедных деревьев. На большом расстоянии друг от друга высились сплошь засохшие деревья, так как с них давным-давно отвалилась кора, что делало их похожими на пробковые дубы во время сбора пробки. Наверху, футах в двухстах над землей, виднелись их жалкие кроны с переплетающимися между собой обнаженными ветвями. Ни одна птица не сидела на этих деревьях-скелетах, ни один лист не дрожал на их сухих, стучащих, как кости, сучьях. Чем вызывается эта довольно частая в Австралии гибель целых лесов, словно пораженных какой-то эпидемической болезнью, неизвестно. Ни старики-туземцы, ни их отцы, давно погребенные в рощах смерти, не видели эти леса зелеными.

Гленарван, идя под этими мертвыми деревьями, смотрел на серое небо, на фоне которого отчетливо вырисовывались, будто вырезанные, мельчайшие их веточки. Айртона очень удивляло, что он не находит лошадей и быков на том месте, куда он отвел их вчера вечером; не могли же спутанные животные забрести далеко!

Их стали повсюду искать в лесу, но безуспешно. Удивленный Айртон вернулся на берег Сноу, поросший великолепными мимозами. Здесь он принялся громко звать своих быков привычным для них окликом, но те не появлялись. Боцман, казалось, был очень встревожен; его спутники разочарованно поглядывали друг на друга.

Так в тщетных поисках прошел целый час, и Гленарван уже собирался было направиться к колымаге, находившейся в доброй миле оттуда, как вдруг он услышал

ржанье, а затем почти одновременно раздалось и мычанье.

— Вон они где! — крикнул Джон Манглс, пробираясь между высокими кустами гастролобиума, которые свободно могли бы скрыть и целое стадо.

Гленарван, Мюльреди и Айртон бросились вслед за ним и оцепенели: два быка и три лошади, как и те, прежние, лежали распростертые на земле, точно сраженные молнией. Трупы уже успели остыть. Среди мимоз каркала стая тощих воронов, выжидая, когда можно будет наброситься на добычу.

Гленарван и его спутники переглянулись. У Вильсона невольно вырвалось крепкое словцо.

— Ничего не поделаешь, Вильсон, — сказал, едва сдерживаясь, Гленарван. — Айртон, уведите уцелевших быка и лошадь. Теперь им вдвоем придется выручать нас из беды.

— Если бы колымага не завязла в грязи, — молвил Джон Манглс, — то бык и лошадь, подвигаясь помаленьку, пожалуй, и смогли бы дотащить ее до побережья. Значит, нам во что бы то ни стало нужно высвободить эту проклятую повозку.

— Попытаемся это сделать, Джон, — ответил Гленарван. — А теперь вернемтесь в лагерь: там могут быть обеспокоены нашим продолжительным отсутствием.

Айртон снял путы с быка, а Мюльреди — с лошади, и все, держась извилистого берега реки, направились в лагерь.

Полчаса спустя Паганель, Мак-Наббс, Элен и Мэри Грант были посвящены во все происшедшее.

— А жаль, Айртон, что вам не пришлось подковать всех наших животных тогда, когда мы проходили подле Виммеры, — не выдержав, сказал боцману майор.

— Почему, сэр?

— Да потому, что из всех наших лошадей уцелела только та, которая была подкована вашим кузнецом.

— Совершенно верно, — промолвил Джон Манглс. — Вот странная случайность!

— Случайность, и только, — ответил боцман, пристально глядя на майора.

Мак-Наббс крепко сжал губы, как бы не желая про-

изнести те слова, которые уже готовы были у него вырваться.

Гленарван, Манглс, Элен, казалось, ждали, чтобы майор высказал до конца свою мысль, но он молча направился к колымаге, которую осматривал Айртон.

— Что он хотел сказать? — спросил Гленарван Джона Манглса.

— Не знаю, — ответил молодой капитан, — но майор — не такой человек, чтобы говорить необоснованно.

— Конечно, Джон, — сказала Элен. — Мак-Наббс, повидимому, в чем-то подозревает Айртона.

— Подозревает? — пожимая плечами, переспросил Паганель.

— Но в чем же? — удивился Гленарван. — Неужели он считает Айртона способным убить наших лошадей и быков? С какой же целью? Разве интересы боцмана не совпадают с нашими?

— Вы правы, дорогой Эдуард, — промолвила Элен, — и я еще добавлю, что с самого начала нашего путешествия боцман дал нам не одно бесспорное доказательство своей преданности.

— Без сомнения, — подтвердил Джон Манглс. — Но что же тогда означают слова майора? Я должен во что бы то ни стало выяснить это.

— Не считает ли он его сообщником тех каторжников? — необдуманно воскликнул Паганель.

— Каких каторжников? — спросила Мэри Грант.

— Господин Паганель ошибся, — поспешно ответил Джон Манглс. — Ему прекрасно известно, что в провинции Виктория нет каторжников.

— Ну конечно, мне это известно, — спохватился географ, охотно бы взявший назад вырвавшиеся у него слова. — Откуда взял я это? Какие там каторжники — о них никто никогда и не слыхал в Австралии! К тому же не успеют они высадиться здесь, как моментально становятся вполне честными людьми. Все климат, мисс Мэри! Знаете, благотворное влияние климата...

Бедный ученый, желая загладить свой промах, попал в положение колымаги — он тоже увяз. Элен не спускала с него глаз, и это отнимало у него всякое хладнокровие. Видя это и не желая дольше смущать географа, Элен уве-

ла Мэри в палатку, где Олбинет был занят в это время приготовлением завтрака по всем правилам кулинарного искусства.

— Меня самого следовало бы сослать за это! — сконфуженно проговорил Паганель.

— И я так думаю, — отозвался Гленарван.

Невозмутимо серьезный тон, каким было это сказано, еще более удручил достойного географа. Гленарван с Джоном Манглсом направились к колымаге.

В эту минуту Айртон и оба матроса старались вытащить ее из трясины. Бык и лошадь, запряженные бок о бок, напрягались изо всех сил. Постромки, казалось, вот-вот должны были лопнуть, хомуты готовы были разорваться. Вильсон и Мюльреди силились сдвинуть с места колеса, а боцман подгонял криком и ударами животных. Тяжелая колымага не трогалась с места. Успевшая уже подсохнуть глина держала ее, словно цемент.

Джон Манглс приказал полить глину водой, чтобы сделать ее менее вязкой. Тщетно: увязшая махина по-прежнему была неподвижна. После новых бесплодных усилий стало ясно, что ничего нельзя поделать. Оставалось одно — разобрать колымагу по частям. Но за неимением инструментов и это осуществить было невозможно.

Один Айртон не сдавался — он хотел во что бы то ни стало преодолеть это препятствие. Он уже собирался предпринять новую попытку, но Гленарван остановил его.

— Довольно, Айртон, довольно! — сказал он. — Оставшихся быка и лошадь нам надо беречь. Раз уж приходится продолжать путешествие пешком, то одно из этих животных повезет наших путешественниц, а другое — провизию. Они еще смогут принести нам большую пользу.

— Хорошо, сэр, — ответил боцман и стал отпрягать измученных животных.

— А теперь, друзья мои, — продолжал Гленарван, — вернемтесь в лагерь. Устроим совещание, обсудим наше положение, взвесим, на что мы можем надеяться и чего нам приходится опасаться, а затем примем то или другое решение.

Путешественники подкрепились после тяжелой ночи довольно скромным завтраком, а затем началось обсуж-

дение создавшегося положения. Все присутствующие должны были высказать свое мнение.

Прежде всего следовало самым точным образом определить местонахождение лагеря. Паганель выполнил это возложенное на него поручение со всей требуемой пунктуальностью.

По словам географа, их экспедиция находилась на берегу реки Сноу, на тридцать седьмой параллели, под 147°53′ долготы.

— А каковы точные координаты бухты Туфольд? — спросил Гленарван.

— Она находится на сто пятидесятом градусе долготы, — ответил Паганель.

— Сколько же миль составляют эти два градуса семь минут?

— Семьдесять пять миль.

— А в каком от нас расстоянии Мельбурн?

— В двухстах милях, не меньше.

— Хорошо, — промолвил Гленарван. — Теперь, когда местоположение наше выяснено, обсудим, что нам предпринять.

Все сошлись на том, что следует немедленно направиться к побережью. Элен и Мэри Грант обязались делать ежедневно по пяти миль. Отважные женщины были готовы, если понадобится, идти пешком от реки Сноу до самой бухты Туфольд.

— Вы отважный товарищ в путешествии, дорогая Элен, — сказал жене Гленарван. — Но можем ли мы быть уверены, что, придя в эту бухту, раздобудем там все для нас нужное?

— Без сомнения, — сказал Паганель. — Эден — город, существующий не со вчерашнего дня, и между его портом и Мельбурнским должны часто курсировать суда. Но мне думается, что в тридцати пяти милях отсюда, в поселении Делегейт, мы сможем не только запастись съестными припасами, но добыть даже и средства передвижения.

— А как с «Дунканом»? — спросил Айртон. — Не считаете ли вы, милорд, своевременным приказать ему идти в бухту Туфольд?

— Ваше мнение, Джон? — спросил Гленарван.

— Мне кажется, сэр, вам не следует торопиться с этим, —ответил, подумав, молодой капитан. — Вы всегда успеете вызвать Тома Остина к побережью.

— Это совершенно очевидно, — добавил Паганель.

— Не надо забывать, — продолжал Джон Манглс, — что через четыре или пять дней мы будем в Эдене.

— Четыре или пять дней? — повторил Айртон, качая головой. — Нет, капитан, смело считайте, что на это понадобится дней пятнадцать, а то и все двадцать, или вам придется сожалеть потом о вашей ошибке.

— Пятнадцать или двадцать дней для того, чтобы пройти семьдесят пять миль! — воскликнул Гленарван.

— И это самое меньшее, сэр. Ведь вам предстоит пробираться через наиболее трудные места Виктории — через пустынные места, где, по словам скваттеров, нет никаких стоянок, где ничего нельзя достать. Все там заросло кустарником, дорог нет. Продвигаться придется с топором или факелом в руках, а при таких условиях, поверьте мне, вы много в день не пройдете.

Айртон сказал все это уверенным тоном, а когда глаза присутствующих вопросительно обратились к Паганелю, географ кивком головы подтвердил слова боцмана.

— Пусть так, — сказал Джон Манглс. — Ну что ж, вы пошлете распоряжение «Дункану» через пятнадцать дней.

— Надо прибавить, — продолжал Айртон, — что те препятствия, о которых упоминал я, еще не самые главные — ведь надо будет переправляться через реку Сноу, и, по всей вероятности, придется ожидать убыли воды.

— Ожидать? — воскликнул молодой капитан. — Да разве там нельзя найти брод?

— Не думаю, — ответил Айртон. — Сегодня утром я пытался найти брод, но это мне так и не удалось. Редко можно встретить реку столь бурную в это время года, как Сноу. А с этим уже ничего не поделаешь.

— Значит, она широка, эта Сноу? — спросила Элен Гленарван.

— Широка и глубока, миссис, — ответил Айртон. — Шириной она будет с милю, и течение ее стремительно. Даже для хорошего пловца было бы небезопасным делом попытаться переплыть ее.

— Ну так что ж! — воскликнул ничем не смущавшийся Роберт. — Срубим дерево, выдолбим его и поплывем. Вот и все!

— Молодец сын капитана Гранта! — воскликнул Паганель.

— Конечно, он прав, — сказал Джон Манглс. — Нам ничего не остается, как прибегнуть к этому. И я считаю, что не стоит терять время на бесполезные прения.

— Что скажете, Айртон? — обратился к боцману Гленарван.

— Боюсь, сэр, что если не подоспеет помощь, то мы и через месяц все еще будем сидеть на берегах Сноу.

— А есть у вас другой, лучший план? — с некоторой досадой спросил Джон Манглс.

— Есть: если «Дункан» покинет Мельбурн и приблизится к восточному побережью.

— Ах, опять «Дункан»! А почему, скажите, когда яхта придет в бухту Туфольд, нам легче будет добраться до этой бухты?

— Я не хочу навязывать свои мнения. То, что я предлагаю, я предлагаю в общих интересах и готов пуститься в путь по первому вашему слову, — после некоторого размышления ответил довольно уклончиво боцман.

Проговорив это, он скрестил руки на груди.

— Это не ответ, Айртон, — сказал Гленарван. — Познакомьте нас с вашим планом, и мы обсудим его.

— Я считаю, что в том тяжелом положении, в каком мы находимся, нам не следует подвергать себя риску и уходить с берегов Сноу, — начал спокойным и уверенным тоном Айртон. — Мы должны ждать здесь помощи, а получить ее мы сможем только от «Дункана». Расположимся же на этом месте лагерем, и пусть один из нас доставит Тому Остину приказ идти в бухту Туфольд.

Все были несколько удивлены этим неожиданным предложением, а Джон Манглс отнесся к нему явно неодобрительно.

— Тем временем, — продолжал боцман, — или спадет вода в Сноу и мы сможем перебраться через нее вброд, или, если этого не случится, мы успеем соорудить лодку. Вот тот план, который я предлагаю вам, сэр.

— Хорошо, Айртон, — ответил Гленарван, — ваше

предложение заслуживает серьезного обсуждения. Основной его недостаток в том, что, приняв его, мы потеряем много времени, но зато избежим изнурительной траты сил, а быть может, убережемся и от возможных опасностей... Что скажете, друзья мои?

— Выскажите ваше мнение, дорогой Мак-Наббс, — обратилась к майору Элен. — С самого начала обсуждения вы только слушаете, а сами не проронили ни единого слова.

— Раз вы спрашиваете моего мнения, — ответил Мак-Наббс, — я совершенно откровенно вам его выскажу: мне кажется, что Айртон сейчас говорил, как человек умный и осторожный, и я поддерживаю его предложение.

Никто не ожидал такого ответа, ибо до сих пор Мак-Наббс всегда оспаривал мнение Айртона в этом вопросе. Самого боцмана, видимо, это удивило — он бросил быстрый взгляд на майора. Паганель, Элен и матросы были склонны поддержать проект Айртона, слова же Мак-Наббса рассеяли их последние сомнения.

Гленарван объявил, что в принципе план Айртона принимается.

— А теперь, Джон, — обратился Гленарван к молодому капитану, — скажите: вы тоже находите благоразумным остаться здесь, на берегу реки, в ожидании средств передвижения?

— Да, — ответил Джон Манглс, — если только нашему гонцу удастся переправиться через Сноу, которую мы сами не можем перейти.

Все взоры устремились на боцмана. Тот улыбнулся с видом человека, уверенного в себе.

— Гонец и не будет переправляться через реку, — сказал он.

— Не будет? — удивился Джон Манглс.

— Он просто вернется на Люкноускую дорогу и по ней отправится в Мельбурн.

— Пройти двести пятьдесят миль пешком! — воскликнул молодой капитан.

— Нет, верхом, — возразил Айртон. — Ведь у нас имеется одна здоровая лошадь. На ней дня в четыре можно покрыть это расстояние. Прибавьте к этому еще два дня на переход «Дункана» в бухту Туфольд, сутки,

чтобы добраться до нашего лагеря. Значит, через неделю гонец с отрядом матросов будет здесь.

Майор сопровождал одобрительными кивками головы слова Айртона, что очень удивляло Джона Манглса. Итак, предложение боцмана было принято единогласно, и оставалось только выполнить этот действительно хорошо задуманный план.

— А теперь, друзья мои, — сказал Гленарван, — нам остается выбрать гонца. Он возьмет на себя поручение и трудное и рискованное, не хочу скрывать этого. Кто же пожертвует собой ради своих товарищей? Кто отправится в Мельбурн с нашим наказом?

Вильсон, Мюльреди, Джон Манглс, Паганель и даже Роберт тотчас же предложили свои услуги. Особенно настаивал Джон Манглс.

Но тут заговорил молчавший до этого времени Айртон:

— С вашего разрешения, поеду я. Я знаю этот край. Не раз мне случалось скитаться по местам, еще более диким и опасным. Я смогу выпутаться из беды там, где другой погибнет. Вот почему я в общих интересах прошу отправить в Мельбурн именно меня. Вы дадите мне письмо к помощнику капитана яхты, и я ручаюсь, что через шесть дней «Дункан» будет уже в бухте Туфольд.

— Хорошо сказано, Айртон! — ответил Гленарван. — Вы человек умный и смелый и добьетесь своего!

Действительно, было очевидно, что Айртон сможет лучше чем кто-либо справиться с этой трудной задачей.

Все это поняли, и никто не стал с ним спорить. Только Джон Манглс сделал последнюю попытку удержать Айртона, сказав, что он нужен для разыскивания следов «Британии» и Гарри Гранта. Но на это майор заметил, что экспедиция до возвращения боцмана никуда не тронется с берегов Сноу и потому не может быть и речи о возобновлении без него этих важных поисков. Следовательно, отсутствие Айртона отнюдь не принесет никакого ущерба интересам капитана Гранта.

— Ну что ж, отправляйтесь, Айртон, — сказал Гленарван. — Поторапливайтесь и возвращайтесь через Эден в наш лагерь у Сноу.

При этих словах глаза боцмана сверкнули торже-

ствующим блеском. Он быстро отвернулся, но Джон Манглс успел уловить эту радость. Молодой капитан чувствовал, как инстинктивно растет его недоверие к Айртону.

Боцман занялся приготовлениями к отъезду. Ему в этом помогали оба матроса: один из них седлал лошадь, другой заготовлял провизию. Гленарван же в это время писал письмо Тому Остину. В нем он давал приказ помощнику капитана «Дункана» немедленно идти в бухту Туфольд. Об Айртоне он говорил как о человеке, на которого можно всецело положиться. По прибытии яхты на восточное побережье Тому Остину предписывалось дать в распоряжение Айртона отряд матросов с яхты. Гленарван как раз дописывал в письме это предписание, когда Мак-Наббс, не спускавший глаз со своего кузена, спросил его каким-то особенным тоном, как пишет он имя «Айртон».

— Да так, как оно произносится, — ответил Гленарван.

— Вы ошибаетесь, — спокойным тоном проговорил майор: — это имя произносится «Айртон», а пишется «Бен Джойс»!

Глава XX

«ЛАНДИЯ! ЗЕЛАНДИЯ!»

Это имя, Бен Джойс, произвело впечатление удара молнии. Айртон резко выпрямился. В руках его блеснул револьвер. Грянул выстрел. Гленарван упал, сраженный пулей. Снаружи раздалась ружейная стрельба.

Джон Манглс и матросы, в первую минуту оцепеневшие от неожиданности, хотели было кинуться на Бена Джойса, но дерзкий каторжник уже исчез и присоединился к своей шайке, рассеянной по опушке леса.

Палатка не являлась достаточным прикрытием от пуль. Надо было отступать. Легко раненный Гленарван поднялся на ноги.

— К колымаге! К колымаге! — крикнул Джон Манглс, увлекая за собой Элен и Мэри Грант.

Грянул выстрел.

Вскоре они были в безопасности за толстыми дощатыми стенками колымаги.

Джон Манглс, майор, Паганель и матросы схватили свои карабины и, укрываясь за колымагой, приготовились отражать нападение каторжников. Олбинет поспешил занять место среди защитников.

Все эти события совершились с быстротой молнии. Джон Манглс внимательно следил за тем, что делается на опушке леса. Как только Бен Джойс добрался до своей шайки, выстрелы сразу прекратились. После беспорядочной стрельбы наступила тишина. Только там и сям среди камедных деревьев еще расходились дымки выстрелов. Высокие кусты гастролобиума не шевелились. Не было никаких признаков нападения.

Майор и Джон Манглс произвели разведку вплоть до самого леса. Никого уже не было. Виднелись многочисленные следы ног да кое-где дымился, догорая, затравочный порох. Майор, будучи человеком осторожным, затоптал его, прекрасно понимая, что одной искры было достаточно, чтобы вызвать в высохшем лесу страшный пожар.

— Каторжники скрылись,—промолвил Джон Манглс.

— Да, — отозвался майор, — и это, признаться, тревожит меня. Я предпочел бы встретиться с этими разбойниками лицом к лицу: не так страшен тигр на равнине, как змея среди высоких трав. Обследуем-ка этот кустарник вокруг колымаги.

Майор и Джон Манглс обследовали всю окружающую местность. От опушки леса до берегов Сноу им не попался ни один каторжник. Шайка Бена Джойса, казалось, умчалась, подобно стае хищных птиц. Это исчезновение было слишком странно, чтобы путешественники могли почувствовать себя в безопасности. Поэтому решили держаться настороже. Колымага, эта настоящая увязнувшая в глине крепость, сделалась центром лагеря. Два человека, меняясь каждый час, стояли на часах.

Первой заботой Элен и Мэри Грант было поскорее перевязать рану Гленарвана. В ту минуту, когда муж ее упал, сраженный пулей Бена Джойса, Элен в ужасе бросилась к нему. Потом, овладев собой, эта мужественная женщина помогла раненому добраться до колымаги. Когда обнажили плечо Гленарвана, майор, исследовав

рану, убедился, что пуля не задела ни костей, ни мускулов. Рана сильно кровоточила, но Гленарван свободно двигал пальцами и предплечьем — это успокоило его жену и друзей. Тотчас была сделана перевязка, после чего Гленарван потребовал, чтобы им более не занимались. Настало время выяснить только что происшедшие события. Путешественники, за исключением Мюльреди и Вильсона, стороживших снаружи, кое-как разместились в колымаге и обратились к майору за разъяснениями.

Прежде чем начать свой рассказ, Мак-Наббс счел нужным сообщить Элен о том, что ей было неизвестно, то-есть о бегстве шайки каторжников из Пертской тюрьмы, об их появлении в провинции Виктория и о том, что крушение поезда на Кемденском мосту было делом их рук. Он вручил ей также номер «Австралийской и Новозеландской газеты», купленный им в Сеймуре, и прибавил, что полиция назначила сто фунтов стерлингов за голову Бена Джойса — опасного разбойника, приобревшего благодаря совершенным им в течение полутора лет преступлениям печальную известность.

Но каким же образом удалось Мак-Наббсу узнать в боцмане Айртоне Бена Джойса? Это была тайна, которую всем хотелось узнать. Майор рассказал следующее.

С первого же момента встречи с Айртоном Мак-Наббс, по его словам, инстинктивно почувствовал к нему недоверие. Два-три незначительных факта, взгляд, которым боцман обменялся с кузнецом у реки Виммеры; его стремление по возможности объезжать города и поселения; та настойчивость, с которой он добивался вызова «Дункана» на восточное побережье; странная гибель бывших на его попечении животных — все это, вместе взятое, а также какая-то настороженность боцмана в его обращении с окружающими пробудили в майоре подозрения. Однако до событий прошлой ночи Мак-Наббс все же не мог определенно сказать, в чем именно он подозревает Айртона.

Но этой ночью, прокравшись среди высоких кустов, он добрался в полумиле от лагеря до подозрительных теней, привлекших издали его внимание. Фосфоресцирующие грибы бросали слабый свет среди мрака. Трое человек рассматривали на земле свежие следы. Среди

этих людей Мак-Наббс узнал кузнеца из Блек-Пойнта. «Это они», — проговорил один. «Да, — отозвался другой, — вот и трилистник на подкове». — «След идет от самой Виммеры». — «Все лошади подохли». — «Яд под рукой». — «Его столько, что можно бы вывести из строя целый кавалерийский полк». — «Да, полезное растение этот гастролобиум!»

— Тут они замолчали, — продолжал Мак-Наббс, — и пошли прочь. Но того, что я услышал, было для меня слишком мало, и я пошел за ними. Вскоре они снова заговорили. «Ну и ловкач же этот Бен Джойс! — сказал кузнец. — Как этот молодчина боцман хитро придумал кораблекрушение! Если его план удастся, мы богачи! Этот Айртон — чорт, а не человек». — «Нет, зови его Беном Джойсом, он таки заслужил это имя!» Затем негодяи ушли из леса. Теперь я знал все, что хотел узнать, и вернулся в лагерь, убежденный в том, что Австралия влияет благотворно далеко не на всех каторжников, не во гнев будь сказано Паганелю.

Майор умолк. Товарищи его сидели молча, в раздумье.

— Итак, Айртон завлек нас сюда, чтобы ограбить и убить? — проговорил бледный от гнева Гленарван.

— Да! — ответил майор.

— И от самой Виммеры его шайка идет по нашим следам, ожидая благоприятного момента?

— Да.

— Так, значит, этот негодяй вовсе не матрос с «Британии»? Значит, он украл у какого-то Айртона имя и его договорную книжку с судном?

Все посмотрели на Мак-Наббса: ведь ему тоже должны были прийти в голову эти мысли.

— Вот что можно установить с достоверностью во всей этой темной истории, — ответил майор своим неизменно спокойным голосом. — Мне кажется, что имя этого человека в самом деле Айртон. Бен Джойс — это его кличка. Несомненно, что он знает Гарри Гранта и был боцманом на «Британии». То и другое явствует из тех подробностей, о которых упоминал Айртон, да к тому же это было подтверждено и приведенными мной разговорами каторжников. Не будем же блуждать среди бесполез-

ных гипотез, а признаем бесспорным, что Айртон и Бен Джойс — одно и то же лицо, то-есть что матрос «Британии» впоследствии стал главарем шайки беглых каторжников.

Слова Мак-Наббса не вызвали никаких возражений.

— А теперь, — сказал Гленарван, — не поясните ли вы мне, Мак-Наббс, каким образом и почему боцман Гарри Гранта попал в Австралию?

— Каким образом? Не знаю, — ответил майор. — И полиция заявляет, что она не более моего осведомлена об этом. Почему? Это мне тоже неизвестно. Здесь тайна, которую раскроет только будущее.

— Полиция даже не подозревает, что Айртон и Бен Джойс одно и то же лицо, — заметил Джон Манглс.

— Вы правы, Джон, — ответил майор. — И эти сведения могли бы помочь ее розыскам.

— Очевидно, этот несчастный проник на ферму Падди О'Мура с преступной целью, — промолвила Элен.

— Несомненно, — отозвался Мак-Наббс. — Он, видимо, подготовлял на ферме ирландца какое-нибудь преступление, а тут подвернулось нечто более заманчивое. Случай свел его с нами. Он слышал рассказ Гленарвана, узнал историю кораблекрушения и, будучи дерзким, смелым человеком, тут же решил извлечь из этого дела пользу. Решено было организовать экспедицию. У Вимперы он вошел в сношения с одним из своих людей, кузнецом из Блек-Пойнта, и тот, подковав лошадь Гленарвана подковой с трилистником, дал возможность шайке идти по нашим следам. С помощью ядовитого растения Бен Джойс мало-помалу уничтожил наших быков и лошадей. Наконец, когда приспело время, он завел нас в болота Сноу и предал в руки беглых каторжников, главой которых он является.

Все стало ясно. Майор раскрыл всю тактику Бена Джойса, и этот негодяй был показан таким, каким был на самом деле: дерзким и опасным преступником. Намерения его были теперь вполне ясны, и они требовали от Гленарвана величайшей бдительности. К счастью, разоблаченный разбойник был все же менее страшен, чем предатель.

Однако из обстоятельств, так всесторонне выясненных

майором, вытекало одно важное следствие, о котором пока никто, кроме Мэри Грант, не подумал. В то время как другие обсуждали прошлое, она думала о будущем.

Джону Манглсу первому бросились в глаза ее бледное лицо, ее отчаяние. Он сразу понял, что́ должна была она переживать.

— Мисс Мэри! Мисс Мэри! Вы плачете! — воскликнул он.

— Ты плачешь, мое дитя? — с участием обратилась к Мэри Элен.

— Отец мой, отец!.. — прошептала бедняжка.

Она не в силах была продолжать. Но всех вдруг осенила одна и та же мысль — всем стало понятно горе Мэри, почему она заплакала, почему вспомнила об отце.

Раскрытие предательства Айртона убивало всякую надежду найти Гарри Гранта. Каторжник, для того чтобы завлечь Гленарвана вглубь материка, придумал крушение у Австралийского побережья. Об этом определенно было упомянуто в разговоре бандитов, подслушанном Мак-Наббсом. Никогда «Британия» не разбивалась о подводные камни бухты Туфольд! Никогда Гарри Грант не ступал ногой на Австралийский материк! Еще раз, во второй раз, ошибочное истолкование документа толкнуло искавших «Британию» по ложному пути.

Подавленные горем юных Грантов, их спутники хранили молчание. Роберт плакал, прижавшись к сестре. Паганель с раздражением бормотал:

— А, злосчастный документ! Ну и тяжелому же испытанию подвергаешь ты мозги дюжины честных людей!

И, гневаясь на самого себя, почтенный географ отчаянно колотил себя кулаком по лбу.

Тем временем Гленарван пошел к Мюльреди и Вильсону, стоявшим на страже. По всей долине между опушкой леса и рекой царила полнейшая тишина. На небе неподвижно теснились густые тучи. В дремотно застывшем воздухе далеко разнесся бы малейший звук, между тем ничего не было слышно. Повидимому, Бен Джойс и его шайка удалились на порядочное расстояние, иначе не веселились бы так на нижних ветках деревьев стаи птиц, не объедали бы так мирно молодые

побеги несколько кенгуру, не высовывала бы доверчиво из кустов свои головы пара эурусов — все это было признаком того, что нигде в окрестной мирной глуши нет людей.

— Вы ничего не видели и не слышали за последний час? — спросил Гленарван матросов.

— Ничего, сэр, — ответил Вильсон. — Каторжники, должно быть, теперь за несколько миль отсюда.

— Как видно, их было слишком мало, чтобы они рискнули напасть на нас, — добавил Мюльреди. — Вероятно, этот Бен Джойс отправился вербовать себе помощников среди других таких же беглых каторжников, бродящих у подножия Альп.

— Видимо, так, Мюльреди, — согласился Гленарван. — Эти негодяи — трусы. Они знают, что мы вооружены — и хорошо вооружены. Быть может, они ждут ночи, чтобы напасть на нас. Когда станет темнеть, нам нужно будет усилить бдительность. Ах, если бы мы могли покинуть эту болотистую равнину и продолжать наш путь к побережью! Но разлившиеся воды реки преграждают нам дорогу. Золотом оплатил бы я плот, который переправил бы нас на тот берег.

— А почему же вы не прикажете нам построить такой плот, сэр? — спросил Вильсон. — Ведь деревьев здесь сколько угодно.

— Нет, Вильсон, — ответил Гленарван, — эта Сноу не река, а непреодолимый поток.

Тут к Гленарвану подошли Джон Манглс, майор и Паганель. Они как раз только что обследовали Сноу. В результате последних дождей ее воды поднялись еще на один фут. Они неслись со стремительностью, напоминавшей пороги американских рек. Конечно, немыслимо было пуститься по этой ревущей, клокочущей поверхности, изрытой водоворотами. Джон Манглс заявил, что переправа неосуществима.

— Все же нельзя сидеть здесь сложа руки, — прибавил он. — То, что хотели предпринять до предательства Айртона, по-моему, теперь еще более необходимо, чем раньше.

— Что вы хотите сказать, Джон? — спросил Гленарван.

— Я хочу сказать, что нам срочно необходима помощь, и раз нельзя отправиться в бухту Туфольд, надо отправляться в Мельбурн.

— Но это рискованная попытка, Джон, — сказал Гленарван. — Не говоря уже обо всех опасностях этого путешествия в двести миль по неизвестному краю, надо принять во внимание еще и то, что все дороги и тропы, вероятно, отрезаны сообщниками Бена Джойса.

— Я это знаю, сэр, но знаю также и то, что подобное положение не может продолжаться. Айртону, по его словам, требовалась неделя, чтобы доставить сюда матросов с «Дункана»; я же берусь вернуться с ними на берега Сноу через шесть дней. Так как же, сэр? Каковы будут ваши приказания?

Гленарвана опередил Паганель.

— Я должен высказать одно соображение, — сказал он. — Ехать в Мельбурн надо, но я против того, чтобы этим опасностям подвергался Джон Манглс. Он капитан «Дункана» и поэтому не должен рисковать своей жизнью. Вместо него поеду я.

— Хорошо сказано! — похвалил майор. — Но почему именно вам надо ехать?

— А мы разве не можем? — в один голос воскликнули Мюльреди и Вильсон.

— А меня, вы думаете, испугает путешествие в каких-нибудь двести миль, да еще верхом? — сказал Мак-Наббс.

— Друзья мои, — заговорил Гленарван, — раз один из нас должен ехать в Мельбурн, то давайте бросим жребий... Паганель, пишите наши имена.

— Во всяком случае, не ваше, сэр, — заявил Джон Манглс.

— Почему? — спросил Гленарван.

— Как можете вы покинуть миссис Элен, да притом еще тогда, когда не зажила ваша рана!

— Гленарван, вам нельзя покидать экспедицию! — воскликнул Паганель.

— Я тоже против этого, — сказал Мак-Наббс. — Ваше место здесь, Эдуард, вы не должны уезжать.

— Поездка предстоит опасная, и я не хочу взваливать мою долю опасности на других... — возразил Гленар-

ван. — Пишите, Паганель. Пусть мое имя будет смешано с именами моих товарищей.

Спутникам Гленарвана пришлось подчиниться его решению. Имя Гленарвана присоединили к другим именам. Стали тянуть жребий, и он пал на Мюльреди. У отважного матроса вырвалось радостное «ура».

— Сэр, я готов пуститься в дорогу, — отрапортовал он.

Гленарван пожал руку Мюльреди и направился к колымаге, а майор и Джон Манглс остались на страже.

Элен немедленно узнала о принятом решении послать гонца в Мельбурн, а также и о том, на кого пал жребий. У нее нашлись для честного матроса слова, тронувшие его до глубины сердца. Все знали Мюльреди как человека храброго, толкового, неутомимого, и, конечно, жребий ни на кого не мог пасть более удачно.

Отъезд Мюльреди был назначен на восемь часов вечера, тотчас же после коротких австралийских сумерек. Вильсон взял на себя снарядить лошадь. Ему пришло в голову заменить на ее левой ноге изобличительную подкову с трилистником другой, снятой с одной из павших ночью лошадей. Благодаря этому, думалось ему, каторжники не будут в состоянии распознать следы Мюльреди, а гнаться за ним, не имея лошадей, они не смогут.

В то время как Вильсон был занят лошадью, Гленарван занялся письмом Тому Остину. Он не мог писать из-за раненой руки и попросил сделать это Паганеля. Ученый, видимо поглощенный какой-то навязчивой мыслью, казалось не замечал того, что творится вокруг него. Надо сказать, что среди всех этих тревожных обстоятельств Паганель думал лишь об одном: о неверно истолкованном документе. Он всячески переставлял слова, стремясь извлечь из них новый смысл, и с головой ушел в эту работу.

Конечно, он не расслышал просьбы Гленарвана, и тот принужден был ее повторить.

— А, прекрасно! Я готов! — отозвался Паганель.

Говоря это, он машинально вырвал листок из своей записной книжки, взял в руки карандаш и приготовился писать.

Гленарван начал диктовать следующее:

— «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести «Дункан»...

Паганель дописывал это последнее слово, но тут его глаза случайно остановились на валявшемся на земле номере «Австралийской и Новозеландской газеты».

Газета была сложена, и из названия виднелось лишь слово «зеландская». Карандаш Паганеля вдруг остановился: географ, повидимому, совершенно забыл и о Гленарване, и о его письме, и о том, что ему диктовали.

— Паганель! — окликнул его Гленарван.

— Ах! — воскликнул географ.

— Что с вами? — спросил майор.

— Ничего, ничего, — пробормотал Паганель. Потом он зашептал про себя: — Зеланд... ланд... ландия!

Он вскочил и схватил газету. Он тряс ее, стараясь удержать слова, рвавшиеся с уст.

Элен, Мэри, Роберт, Гленарван с удивлением смотрели на географа, не понимая, чем могло быть вызвано его волнение.

Паганель походил на человека, внезапно сошедшего с ума. Но нервное его возбуждение длилось недолго. Ученый мало-помалу успокоился. Радость, светившаяся в его глазах, угасла. Он сел на прежнее место и сказал спокойно:

— Я к вашим услугам, сэр.

Гленарван снова принялся диктовать письмо. В окончательном виде оно гласило: «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести «Дункан», придерживаясь тридцать седьмой параллели, к восточному побережью Австралии».

— Австралии? — переспросил Паганель. — Ах да, Австралии!..

Закончив письмо, географ дал его на подпись Гленарвану. Тот кое-как подписал — ему мешала его рана. Затем письмо было запечатано, и Паганель еще дрожащей от волнения рукой написал на конверте:

«Тому Остину, помощнику капитана яхты «Дункан», Мельбурн».

Вслед за этим он покинул колымагу, жестикулируя и повторяя непонятные слова:

— Ландия! Ландия! Зеландия!

Глава XXI

ЧЕТЫРЕ ТОМИТЕЛЬНЫХ ДНЯ

Остаток дня прошел без происшествий. Все приготовления к отъезду Мюльреди были закончены. Честный матрос был счастлив, что может доказать Гленарвану свою преданность.

К Паганелю вернулись его хладнокровие и обычная манера держать себя. Правда, по его виду можно было догадаться, что он о чем-то беспрерывно думает, но решил скрывать свою заботу. Без сомнения, у него были на это серьезные причины, ибо майор слышал, как он повторял, словно борясь с собой:

— Нет, нет! Они мне не поверят! Да и зачем? Слишком поздно!

Приняв такое решение, Паганель занялся Мюльреди и показал ему на карте тот путь, которого ему следовало держаться, чтобы достигнуть Мельбурна. Все имевшиеся на равнине тропы вели к дороге на Люкноу. Последняя шла прямо на юг до самого побережья, где круто поворачивала по направлению к Мельбурну. Географ советовал Мюльреди все время держаться этого пути и не пытаться ехать напрямик по малоизвестному краю. Ничто не могло быть проще. Заблудиться Мюльреди не мог.

Опасность грозила только вблизи лагеря, на протяжении тех нескольких миль, где, по всей вероятности, засел в засаде Бен Джойс со своей шайкой. Проехав это расстояние, Мюльреди мог быть уверен в том, что каторжники его уже не догонят и он благополучно выполнит свое важное поручение.

В шесть часов пообедали. Шел проливной дождь, защитить от которого палатка не могла. Поэтому все забрались в колымагу. Она представляла собой надежное убежище. Увязнув в глине, она прочно покоилась на ней, как форт на своем фундаменте. Арсенал этой крепости, состоявший из семи карабинов и семи револьверов, давал возможность выдержать довольно продолжительную осаду, благо не было недостатка ни в боевых припасах, ни в съестных. Между тем можно было рассчитывать на то, что через шесть дней «Дункан» бросит якорь в бухте

Туфольд, а еще через сутки его команда появится на противоположном берегу Сноу, и если даже переправа через реку будет еще невозможна, то шайка каторжников, во всяком случае, принуждена будет отступить перед превосходящими силами противника. Но для этого прежде всего нужно было, чтобы Мюльреди успешно выполнил свое опасное поручение.

В восемь часов вечера совершенно стемнело. Настало время трогаться в путь. Привели оседланную лошадь. Ее копыта, из осторожности обернутые тряпками, беззвучно ступали по земле. Животное имело утомленный вид, а между тем от твердости его поступи и крепости ног зависело общее спасение. Майор посоветовал Мюльреди поберечь свою лошадь, как только он будет вне досягаемости со стороны каторжников. Лучше хотя и с опозданием на полдня, но зато наверняка добраться до цели.

Джон Манглс передал матросу револьвер, только что им тщательно заряженный. Он мог явиться грозным оружием в руке отважного человека, ибо шесть выстрелов, последовавших один за другим в течение нескольких секунд, легко расчистили бы дорогу, прегражденную бандитами. Мюльреди вскочил на лошадь.

— Вот письмо, которое ты передашь Тому Остину, — сказал Гленарван. — Скажи ему: пусть, не теряя ни часа, плывет в бухту Туфольд, и если нас там в это время не окажется из-за невозможности переправиться через Сноу, то пусть немедленно спешит нам на помощь. А теперь, мой честный матрос, отправляйся в путь!

Гленарван, Элен и Мэри Грант — все крепко пожали руку Мюльреди. Этот отъезд в темную, дождливую ночь, когда предстояло пробираться путем, усеянным опасностями, через необъятные пространства дикого, неизведанного края, смог бы, пожалуй, смутить немало людей, менее крепких духом, чем отважный матрос.

— Прощайте, сэр, — промолвил он спокойно.

Затем он поскакал по тропе, шедшей вдоль опушки леса, и вскоре исчез.

К этому времени порывы ветра еще более усилились. Ветви эвкалиптов ударялись с глухим стуком друг о друга, и порой было слышно, как они, отломившись, падали на мокрую, размякшую землю. Не одно гигантское

дерево, высохшее, но все еще стоявшее, повалилось в эту бурную ночь. Среди треска деревьев и рева Сноу раздавались завывания урагана. Густые тучи, гонимые к востоку, неслись так низко над землей, что казались клубами пара. Царивший кругом беспросветный мрак делал еще страшнее эту и без того страшную ночь.

После отъезда Мюльреди путешественники приютились в колымаге. Элен, Мэри Грант, Гленарван и Паганель разместились в переднем отделении. Оно из предосторожности наглухо было закрыто. В заднем отделении устроились Олбинет, Вильсон и Роберт. Майор и Джон Манглс несли дозор у колымаги, что являлось необходимым ввиду возможного нападения каторжников.

Оба этих верных стража стояли на своем посту, стоически перенося хлеставшие им в лицо порывы дождя и ветра. Сознавая, насколько благоприятен такой мрак для нападения, они силились проникнуть взором в его глубину, ибо из-за воя бури, треска сучьев, шума валившихся деревьев, рева бушевавших вод расслышать что-либо было совершенно невозможно.

Однако среди всего этого оглушительного шума порой на короткое время наступало затишье. Ветер приостанавливался словно для того, чтобы перевести дух. Одна лишь Сноу бурлила среди неподвижных камышей и черной завесы камедных деревьев. В такие минуты тишина казалась особенно глубокой. Майор и Джон Манглс слушали тогда с удвоенным вниманием.

В один из моментов затишья до них донесся пронзительный свист. Джон Манглс поспешно подошел к майору.

— Слыхали? — спросил он его.

— Да, — ответил Мак-Наббс. — Но что это: человек или животное?

— Человек, — ответил Джон Манглс.

Оба стали напряженно прислушиваться. Вдруг снова послышался тот же необъяснимый свист, а вслед за ним — звук, похожий на выстрел. В этот миг буря опять забушевала с новой силой.

Мак-Наббс и Джон Манглс, не будучи в состоянии расслышать друг друга, направились к колымаге с подветренной стороны. В ту минуту, когда они подходили

к ней, кожаные занавеси колымаги приподнялись, и из нее вышел Гленарван.

Он тоже слышал и зловещий свист и выстрел, отдавшийся эхом под брезентовым навесом.

— В каком направлении это было? — спросил он.

— Вон там, — Джон Манглс указал рукой в сторону темной тропы, по которой поехал Мюльреди.

— На каком расстоянии?

— Звуки донеслись по ветру. Должно быть, происходило это не ближе чем в трех милях отсюда, — ответил Джон Манглс.

— Идем! — сказал Гленарван, вскидывая на плечо карабин.

— Нельзя! — отозвался майор. — Это западня, расставленная бандитами, чтобы увести нас подальше от колымаги.

— А что, если Мюльреди пал от руки этих негодяев? — настаивал, схватив за руку Мак-Наббса, Гленарван.

— Об этом мы узнаем завтра, — хладнокровно ответил майор, твердо решивший удержать Гленарвана от бесполезной неосторожности.

— Вам нельзя покинуть лагерь, сэр, — сказал Джон, — пойду я один.

— И вы также не должны идти! — с твердостью возразил Мак-Наббс. — Неужели вы хотите, чтобы нас перебили поодиночке, хотите ослабить наши силы, хотите, чтобы мы оказались в руках этих злодеев? Если Мюльреди стал их жертвой, зачем же прибавлять к этому несчастью еще новое? Мюльреди отправился потому, что на него пал жребий. Пади жребий на меня, отправился бы не он, а я, но при этом я не просил бы и не ждал бы никакой помощи.

Майор был со всех точек зрения прав, удерживая Гленарвана и Джона Манглса. Было бы безумием, притом совершенно бесполезным, идти на поиски матроса в такую темную ночь, в лесу, где засели в засаде каторжники. В небольшом отряде Гленарвана числилось слишком мало людей, чтобы можно было рисковать еще чьей-нибудь жизнью.

Однако Гленарван, видимо, не хотел согласиться с этими доводами. Рука его нервно теребила карабин. Он

ходил взад и вперед у колымаги, прислушивался к малейшему шороху, вглядывался в зловещий мрак. Его терзала мысль, что один из близких ему людей где-то лежит смертельно раненный, всеми брошенный, тщетно зовя на помощь тех, для кого он рисковал жизнью. Мак-Наббс далеко не был уверен, что ему удастся удержать Гленарвана и что тот, повинуясь порыву сердца, не бросится под выстрелы Бена Джойса.

— Эдуард, — сказал он, — успокойтесь. Послушайте друга. Подумайте об Элен, о Мэри Грант, обо всех, кто останется здесь. И куда же вам идти? Где искать Мюльреди? Если на него напали, то не ближе чем в двух милях отсюда. На какой дороге? Какой тропой нужно туда пробираться?

В эту минуту, как бы в ответ на слова майора, раздался жалобный крик.

— Слушайте! — сказал Гленарван.

Крик послышался с той же стороны, откуда прозвучал выстрел, на расстоянии какой-нибудь четверти мили. Гленарван, оттолкнув Мак-Наббса, уже бежал по тропе, но тут шагах в трехстах от колымаги послышался голос:

— Помогите! Помогите!

Голос был жалобный, полный отчаяния. Джон Манглс и майор бросились по тому направлению, откуда он раздался. Пробежав несколько минут, они увидели, что вдоль опушки леса ползет и жалобно стонет какой-то человек. То был Мюльреди, раненный, умирающий. Когда товарищи подняли его с земли, они почувствовали, что руки их в крови.

Ливень все усиливался, ураган неистовствовал в вершинах сухостойных деревьев. Борясь с яростными порывами ветра, Гленарван, майор и Джон Манглс понесли Мюльреди к колымаге.

Когда они внесли в нее Мюльреди, все встали с места. Паганель, Роберт, Вильсон и Олбинет покинули колымагу, а Элен уступила бедному Мюльреди свое отделение. Майор снял с матроса промокшую от крови и дождя куртку и обнаружил у него в правом боку рану, нанесенную кинжалом. Майор умелой рукой перевязал ее. Сказать, были ли задеты главные органы, Мак-Наббс не мог. Из раны, то усиливаясь, то ослабевая, струилась

алая кровь. Бледность и слабость раненого говорили о серьезности ранения. Майор, обмыв предварительно рану свежей водой, наложил на нее плотный тампон из трута и нескольких слоев корпии, а затем туго забинтовал. Ему удалось остановить таким способом кровотечение. Мюльреди уложили на здоровый бок, приподняв ему при этом голову и грудь, и Элен дала ему выпить несколько глотков воды.

Пролежав неподвижно с четверть часа, раненый зашевелился, глаза его приоткрылись, и он стал шептать какие-то бессвязные слова. Майор нагнулся к нему и расслышал, как он несколько раз пробормотал:

— Сэр... письмо... Бен Джойс...

Майор повторил вслух эти слова и вопросительно взглянул на своих товарищей. Что силился сказать Мюльреди? Видимо, Бен Джойс напал на матроса. Но зачем? Неужели же с одной только целью — помешать ему добраться до «Дункана»? Письмо... Гленарван осмотрел карманы Мюльреди. Письма, адресованного Тому Остину, там не оказалось!

Ночь прошла среди мучительного беспокойства. Боялись, что раненый умрет. У него был сильнейший жар. Элен и Мэри Грант, взявшие на себя роль сестер милосердия, не отходили от Мюльреди. Кажется, ни один пациент не пользовался лучшим уходом и никогда ухаживавшие не проявляли большего сочувствия к больному.

Рассвело. Дождь перестал, но тяжелые тучи еще ползли по небу. Земля была покрыта обломками ветвей. Размокшая глина стала более вязкой, и хотя колымага увязнуть глубже уже не могла, но подступ к ней сделался труднее.

Джон Манглс, Паганель и Гленарван отправились на рассвете обследовать окрестности лагеря. Они пошли по тропе, где еще виднелись пятна крови. Никаких следов Бена Джойса и его шайки не оказалось. Они дошли до того места, где произошло нападение. Там валялось два тела: то были бандиты, сраженные пулями Мюльреди. Один из них был кузнец из Блек-Пойнта. Лицо его было отвратительно искажено смертью. На этом Гленарван прекратил свою разведку — далеко отходить от лагеря было неблагоразумно.

Озабоченный серьезностью положения, он вернулся к колымаге.

— Нечего и думать о посылке нового гонца в Мельбурн, — сказал он.

— Тем не менее это необходимо, сэр, — отозвался Джон Манглс, — и я попытаюсь пробраться там, где не смог этого сделать мой матрос.

— Нет, Джон, у вас даже нет лошади для этого путешествия в двести миль.

Действительно, лошадь Мюльреди, единственная оставшаяся у наших путешественников, не вернулась. Была ли она убита злодеями, носилась ли перепуганная по пустыне или ее захватили каторжники?

— Во всяком случае, — сказал Гленарван, — расставаться мы больше не будем. Подождем здесь неделю, две недели, пока спадет вода в Сноу. А тогда, делая небольшие переходы, мы доберемся до бухты Туфольд и оттуда более безопасным путем пошлем «Дункану» приказ идти к восточному побережью.

— Это единственное, что остается нам сделать, — согласился Паганель.

— Итак, друзья, — продолжал Гленарван, — повторяю: больше разделяться мы не станем. Слишком большому риску подвергает себя человек, отваживающийся один пуститься по дебрям, где бродят разбойники.

Гленарван был прав и в том, что он отказался от новой попытки послать гонца в Мельбурн, и в том, что он решил терпеливо выжидать на берегу Сноу понижения воды. Ведь они находились всего в каких-нибудь тридцати пяти милях от Делегейта, первого пограничного городка провинции Новый Южный Уэллс. Там они, конечно, найдут средства передвижения, необходимые, чтобы добраться до бухты Туфольд, и смогут отправить оттуда в Мельбурн телеграфный приказ «Дункану». Эти меры были разумны, но принимались они слишком поздно. Не пошли Гленарван Мюльреди по дороге на Люкноу, скольких бы бед они избежали, не говоря уже о смертельной ране, нанесенной матросу!

Вернувшись в лагерь, Гленарван застал своих товарищей менее удрученными. Казалось, у них затеплилась надежда.

— Ему лучше, ему лучше! — крикнул Роберт, бросаясь к Гленарвану.

— Мюльреди лучше?

— Да, Эдуард, — ответила Элен. — У него был кризис. Наш матрос будет жить!

— Где Мак-Наббс? — спросил Гленарван.

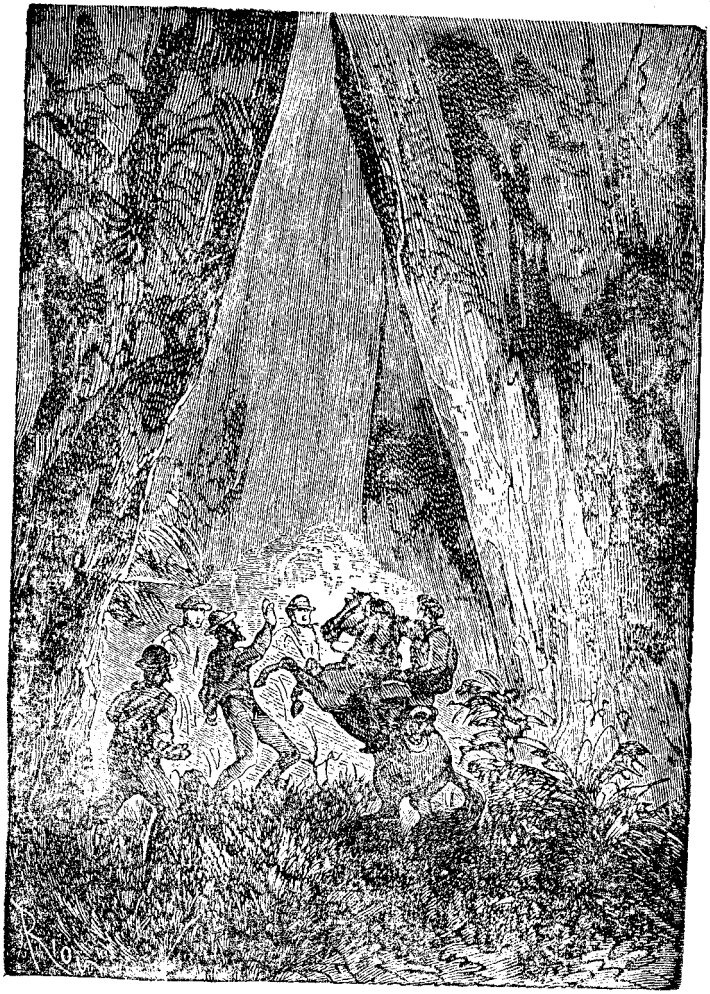
— Он у него. Мюльреди захотел поговорить с ним. Не надо им мешать.

Действительно, час назад раненый очнулся от своего забытья, жар уменьшился. Придя в себя, Мюльреди тотчас же попросил позвать Гленарвана, а в случае его отсутствия — майора. Мак-Наббс, видя, как раненый слаб, запретил было ему всякие разговоры, но Мюльреди так энергично настаивал, что майору пришлось сдаться.

К моменту возвращения Гленарвана разговор этот длился уже несколько минут. Оставалось только ждать появления майора. Вскоре кожаные занавески раздвинулись, и показался Мак-Наббс. Он прошел в раскинутую под камедным деревом палатку, где ждали его друзья. Лицо майора, обычно холодно-спокойное, теперь казалось сумрачным и озабоченным. Когда глаза его остановились на Элен, на Мэри Грант, в них отразилась глубокая грусть.

Гленарван стал расспрашивать майора. Вот что Мак-Наббс узнал от раненого.

Мюльреди, покинув лагерь, поехал по тропе, указанной ему Паганелем. Он подгонял лошадь, насколько это было возможно в ночном мраке. По его мнению, он проехал уже мили две, как вдруг несколько мужчин — как будто пять — бросились наперерез лошади. Она встала на дыбы. Мюльреди выхватил револьвер и открыл огонь. Ему показалось, что двое из нападавших упали. При вспышке выстрелов он узнал Бена Джойса. Больше ничего Мюльреди не видел. Он не успел расстрелять всех патронов своего револьвера: сильный удар в бок сбросил его с седла. Однако сознания он еще не лишился. Убийцы сочли его мертвым. Он почувствовал, что его обыскивают. Затем он услышал, как один из разбойников сказал: «Нашел письмо!» — «Давай его сюда, — отозвался Бен Джойс. — Теперь «Дункан» наш!»



Лошадь встала на дыбы.

Здесь у Гленарвана невольно вырвался крик. Мак-Наббс продолжал:

— «А теперь ловите лошадь, — сказал Бен Джойс. — Через четыре дня я буду на «Дункане», через шесть — в бухте Туфольд. Там встретимся. Отряд Гленарвана будет еще вязнуть здесь, в болотах Сноу. Вы же переходите реку через Кемпльпирский мост, добирайтесь до побережья и там ждите меня. Я найду способ ввести вас на борт «Дункана». Когда же мы побросаем команду в море, то с таким судном, как «Дункан», мы станем хозяевами Индийского океана». — «Ура Бену Джойсу!» — крикнули каторжники. В это время привели лошадь Мюльреди, и Бен Джойс ускакал на ней по направлению к дороге на Люкноу, а шайка его отправилась к реке. Мюльреди же, как ни был он тяжело ранен, нашел в себе силы дотащиться до того места, где мы нашли его почти умирающим. Вот что рассказал мне Мюльреди, — закончил Мак-Наббс. — Вы понимаете теперь, почему отважный матрос считал таким необходимым сообщить нам обо всем этом? — добавил он.

Рассказ майора привел в ужас Гленарвана и его спутников.

— Пираты! Пираты! — воскликнул Гленарван. — Они перебьют мою команду и завладеют «Дунканом»!

— Конечно, — отозвался Мак-Наббс: — ведь Бен Джойс нападет на экипаж врасплох, и тогда...

— Так, значит, нам надо добраться до побережья раньше этих негодяев! — сказал Паганель.

— Но как же мы переправимся через Сноу? — спросил Вильсон.

— Так же, как и они, — ответил Гленарван: — каторжники перейдут через Кемпльпирский мост, то же самое сделаем и мы.

— А как быть с Мюльреди? — спросила Элен.

— Мы понесем его! Будем сменяться!.. Не могу же я допустить, чтобы моя беззащитная команда попала в лапы шайки Бена Джойса!

План перейти Сноу через Кемпльпирский мост был осуществим, но, конечно, рискован. Каторжники могли засесть у этого моста и не дать через него переправиться. Их оказалось бы человек тридцать против семи муж-

чин отряда. Но бывают в жизни такие минуты, когда не до подсчета боевых сил противника, когда, несмотря ни на что, надо идти вперед.

— Сэр, — обратился к Гленарвану Джон Манглс, — прежде чем решиться на такой рискованный шаг, как попытка перейти через Кемпльпирский мост, было бы благоразумно предварительно обследовать его. Я беру это на себя.

— Я иду с вами, Джон, — заявил Паганель.

Предложение географа было охотно принято молодым капитаном, и оба они стали тотчас же собираться в путь. Им предстояло идти вниз по течению Сноу до того моста, о котором говорил Бен Джойс. При этом им, конечно, необходимо было принять меры к тому, чтобы их не заметили каторжники, наблюдавшие, вероятно, за берегами реки.

Итак, эти два мужественных путешественника, хорошо вооруженные и снабженные пищей, пустились в дорогу и, пробираясь среди высоких камышей, росших по берегам реки, вскоре исчезли из виду.

Весь день их ждали, но наступил вечер, а они всё не возвращались. В лагере начали беспокоиться.

Наконец около одиннадцати часов Вильсон возвестил об их приближении. Паганель и Джон Манглс вернулись, до крайности утомленные десятимильным переходом.

— Ну, что этот мост? Он существует? — бросившись им навстречу, спросил Гленарван.

— Да, мост из лиан, — сказал Джон Манглс. — Каторжники действительно прошли через него, но...

— Но что? — допрашивал Гленарван, предчувствуя новую беду.

— Перейдя через этот мост, они сожгли его! — ответил Паганель.

Глава XXII

ЭДЕН

Положение было таково, что приходилось не предаваться отчаянию, а действовать. Раз Кемпльпирский мост был сожжен, необходимо было во что бы то ни стало пе-

переправиться через Сноу и добраться до берегов бухты Туфольд раньше шайки Бена Джойса. Вот почему, не теряя времени на бесполезные разговоры, Гленарван и Джон Манглс на следующий же день, 16 января, отправились к реке, чтобы как-нибудь организовать переправу.

Бурные, вздувшиеся от последних дождей воды Сноу всё не убывали. Они клубились с неописуемой яростью. Пуститься по ним — значило бы обречь себя на верную гибель.

Гленарван, опустив голову, скрестив на груди руки, неподвижно стоял на берегу.

— Хотите, я попытаюсь вплавь перебраться на тот берег? — предложил Джон Манглс.

— Нет, Джон, — ответил Гленарван, удерживая за руку отважного молодого человека, — подождем еще!

Они вернулись в лагерь. День прошел в томительном беспокойстве. Раз десять Гленарван приходил на берег Сноу. Он пытался изобрести какой-нибудь смелый способ переправы. Тщетно. Даже если бы между берегами Сноу неслись потоки лавы, и тогда она была бы не более недоступна.

В эти долгие часы невольного бездействия Элен, следуя советам майора, старательно и толково ухаживала за раненым Мюльреди. Матрос чувствовал, что он возвращается к жизни. Теперь Мак-Наббс считал возможным утверждать, что у раненого не был затронут ни один из главнейших органов. Видимо, слабость его объяснялась лишь большой потерей крови. Поэтому, раз кровотечение было остановлено и рана затягивалась, для полного выздоровления нужны были только время и покой. Элен настояла, чтобы Мюльреди оставался в первом, лучшем отделении колымаги, что очень смущало раненого. Больше же всего беспокоила честного матроса мысль, что из-за него может задержаться весь отряд, и он добился обещания, что если будет найден способ переправы, то его оставят в лагере под присмотром Вильсона.

К несчастью, не удалось переправиться ни в этот день, ни на следующий, 17 января. Такая задержка приводила Гленарвана в отчаяние. Напрасно Элен и майор пытались его успокоить и уговорить терпеливо выжидать. Выжидать, когда Бен Джойс, быть может, уже всходит в эту

минуту на палубу яхты, когда «Дункан», быть может, уже разводит пары и снимается с якоря, чтобы направиться к роковому для него восточному побережью!

И Джон Манглс, конечно, переживал все душевные муки, терзавшие Гленарвана. Поэтому, стремясь во что бы то ни стало преодолеть вставшее на их пути препятствие, молодой капитан соорудил из больших кусков коры камедных деревьев нечто вроде пироги. Сделанная из легких пластинок коры, скрепленная деревянными перекладинами, эта пирога была весьма хрупка.

Днем 18 января капитан со своим матросом приступили к испытанию этого хрупкого суденышка. Они проявили максимум умения, силы, ловкости, отваги, но как только пирогу подхватило течение, она перевернулась, и наши храбрецы едва не поплатились жизнью за свою попытку. Пирога же, закрутившись в водовороте, исчезла. Джону Манглсу и Вильсону не удалось проплыть и десяти саженей по этой бурной реке, разлившейся на целую милю после дождей и таяния снегов.

Дни 19 и 20 января не принесли ничего утешительного. Майор и Гленарван поднялись вверх по течению Сноу на целых пять миль, но брода не нашли. Река всюду мчалась с той же бурной стремительностью: ведь в нее вливались все воды горных ручьев и речек южного склона Австралийских Альп.

Приходилось отказаться от надежды спасти «Дункан». Со времени отъезда Бена Джойса прошло пять дней. Яхта, наверно, уже была у восточного побережья и в руках каторжников.

Однако такое положение вещей не могло длиться бесконечно: чем бурнее наводнение, тем быстрее оно кончается. 21-го утром Паганель заметил, что вода в Сноу начала спадать. Географ сообщил об этом Гленарвану.

— Э, не все ли теперь равно! — ответил тот. — Слишком поздно!

— Это не основание, чтобы оставаться здесь, — заметил Мак-Наббс.

— Конечно, — отозвался Джон Манглс. — Быть может, завтра станет возможной переправа.

— Спасет ли это мою несчастную команду? — воскликнул Гленарван.

— Прошу вас, сэр, выслушайте меня, — сказал молодой капитан. — Я хорошо знаю Тома Остина. Он, конечно, выполнит ваш приказ и уйдет в море, как только это станет возможным. Но откуда нам известно, вышла ли яхта из ремонта ко времени приезда в Мельбурн Бена Джойса... А что, если нет? Что, если Остину пришлось на день, на два задержаться?

— Ты прав, Джон, — согласился Гленарван: — нам нужно добраться до бухты Туфольд. Мы ведь всего в тридцати пяти милях от Делегейта!

— А там, — сказал Паганель, — мы найдем транспортные средства, которые дадут нам возможность быстрого передвижения. Как знать: быть может, мы еще явимся на побережье во-время, чтобы предупредить беду!

— Так в путь! — крикнул Гленарван.

Не теряя времени, Джон Манглс и Вильсон принялись строить большой плот. Они уже убедились на опыте, что куски коры не могут выдержать бурного течения. И потому Джон Манглс срубил несколько камедных деревьев, из которых они и сбили грубый, но прочный плот. Работы с этим плотом было немало, и он был закончен лишь на следующий день.

К этому времени вода в Сноу значительно понизилась. Бурный поток опять становился рекой, правда с быстрым течением, но все же рекой. Джон надеялся, что, умело управляя и ведя плот наискось, он благополучно доведет его до противоположного берега.

В половине первого погрузили на плот столько провизии, сколько каждый мог унести с собой на два дня. Остальные съестные припасы были брошены вместе с колымагой и палаткой. Мюльреди чувствовал себя настолько оправившимся, что его можно было взять с собой. Он быстро выздоравливал.

В час дня все взобрались на плот, пришвартованный к берегу. Джон Манглс установил на правой стороне плота нечто вроде весла, необходимого для того, чтобы бороться с течением и не давать плоту отклоняться от нужного направления. Править этим веслом капитан поручил Вильсону. Сам же он рассчитывал, стоя на корме, управлять плотом с помощью грубо сделанного кормово-

го весла. Элен, Мэри Грант и Мюльреди поместились посередине плота. Гленарван, майор, Паганель и Роберт заняли места вокруг них, чтобы в случае надобности иметь возможность немедленно прийти им на помощь.

— Все готово, Вильсон? — спросил капитан.

— Все, капитан, — ответил Вильсон, взяв мощной рукой свое весло.

— Будь начеку! Смотри, чтобы нас не относило течением!

Джон Манглс отдал канат и, оттолкнув плот от берега, пустил его по волнам Сноу. На протяжении саженей пятнадцати все шло хорошо. Вильсон успешно боролся с течением. Но вскоре плот попал в водовороты и завертелся так, что оба весла оказались бессильны удержать его, как ни напрягали свои силы Джон Манглс и Вильсон.

Приходилось покориться неизбежному: не было никакого способа остановить вращательное движение плота. Его вертело с головокружительной быстротой и уносило по течению. Джон Манглс, бледный, со сжатыми губами, стоял, не отрывая глаз от водоворотов. Постепенно плот вынесло на середину реки. Он находился полумилей ниже того места, откуда отчалил. Здесь течение было еще сильнее, но так как оно разбивало водовороты, то плот стал несколько более устойчивым.

Джон Манглс и Вильсон снова взялись за весла, и им удалось заставить плот двигаться к противоположному берегу, наискось пересекая реку.

Они были уже саженях в пятидесяти от берега, как вдруг весло Вильсона сломалось. Плот понесло по течению. Джон, рискуя сломать и свое весло, изо всех сил пытался направить плот к берегу. Вильсон, с окровавленными руками, бросился помогать капитану. Их усилия увенчались наконец успехом: после более чем получасовой переправы плот ударился о крутой берег. Удар был силен: веревки, которыми были связаны стволы, лопнули, стволы разошлись, и на плот, бурля, ворвалась вода. Путешественники едва успели уцепиться за свисавшие над водой кусты и вытащить на берег промокших Мюльреди и обеих женщин. Все уцелели, но бо́льшая часть провизии

и все оружие, за исключением карабина майора, были унесены течением вместе с обломками плота.

Переправившись через реку, маленький отряд очутился почти без оружия и съестных припасов в тридцати пяти милях от Делегейта, в пустынном, неведомом краю. Здесь нельзя было встретить ни колонистов, ни скваттеров, а лишь одних свирепых грабителей.

Решено было пуститься без промедления в дорогу. Мюльреди, понимая, какой он является обузой, просил, чтобы его оставили здесь одного до присылки помощи из Делегейта.

Гленарван отказался исполнить подобную просьбу. Они не могли попасть в Делегейт раньше трех дней, а на побережье — раньше пяти, то-есть раньше 26 января. «Дункан» же должен был выйти из Мельбурна 16-го. Что значили при этом какие-то несколько часов промедления!

— Нет, друг мой, — закончил Гленарван, — я тебя не брошу. Мы сделаем носилки и по очереди будем нести тебя.

Носилки сделали из крепких ветвей эвкалипта, и Мюльреди волей-неволей пришлось поместиться на них. Гленарван захотел в первую очередь сам нести своего матроса. Он взялся за носилки с одной стороны, Вильсон — с другой, и отряд двинулся в путь.

Как печально было это зрелище! Как плохо кончилось так хорошо начатое путешествие! Теперь путешественники уже не искали здесь Гарри Гранта. Материк, где его не было и никогда не бывало, грозил стать роковым для тех, кто искал его следов. И если бы даже его отважным соотечественникам и удалось достигнуть побережья, они уже не найдут там «Дункана», на котором могли бы вернуться на родину.

В молчании, грустно и тяжело провели первый день пути. У носилок сменялись каждые десять минут, и хотя утомление усугублялось жарой, никто не жаловался.

Вечером, пройдя пять миль, остановились на привал в рощице камедных деревьев. Поужинали остатками съестных припасов, уцелевших при крушении плота. В дальнейшем можно было рассчитывать только на карабин майора.

Ночь провели плохо, к тому же пошел дождь. Путешественники едва дождались рассвета. Снова двинулись в путь. Майору не удалось ничего подстрелить: этот злосчастный край был хуже любой пустыни — сюда, видимо, не забегали и звери.

К счастью, Роберт наткнулся на гнездо дрофы, в котором оказалось двенадцать крупных яиц. Олбинет испек их в золе разведенного для этой цели костра. Эти печеные яйца да несколько сорванных на дне оврага растений, называемых портулаком, составили весь завтрак 22 января.

Дорога становилась исключительно трудной. Песчаные равнины были покрыты колючей травой спинифекс, называемой в Мельбурне «дикобраз». Трава эта рвала в клочья одежду и до крови царапала ноги. Тем не менее мужественные женщины, не жалуясь, храбро шли вперед, подавая пример своим спутникам, подбодряя то одного, то другого словом или взглядом.

Вечером остановились на привал у подножия горы Булла-Булла, на берегу горной речки Юнгалы. Ужин был бы более чем скуден, если бы Мак-Наббсу наконец не удалось подстрелить крупную крысу mus conditor, очень ценимую за ее питательные свойства. Олбинет зажарил ее. При всех ее достоинствах она все же была не с барана величиной. Пришлось довольствоваться тем, что было.

23 января путешественники, утомленные, но попрежнему полные энергии, снова зашагали вперед. Обогнув подножие горы, они очутились на обширных лугах, поросших травой, похожей на китовый ус. Это было какое-то бесконечное переплетение, какая-то живая стена острых штыков; приходилось прокладывать себе дорогу среди них то топором, то огнем.

В это утро и не заводили речи о завтраке. Трудно было даже представить себе что-либо более бесплодное, чем эта местность, усеянная осколками кварца. Помимо голода, наших путешественников жестоко мучила жажда, и эти муки еще усиливались страшной жарой. За два часа едва проходили полмили. Продлись недостаток воды и съестных припасов до вечера, наши путешественники уже не имели бы силы держаться на ногах, а упав, уже не встали бы.

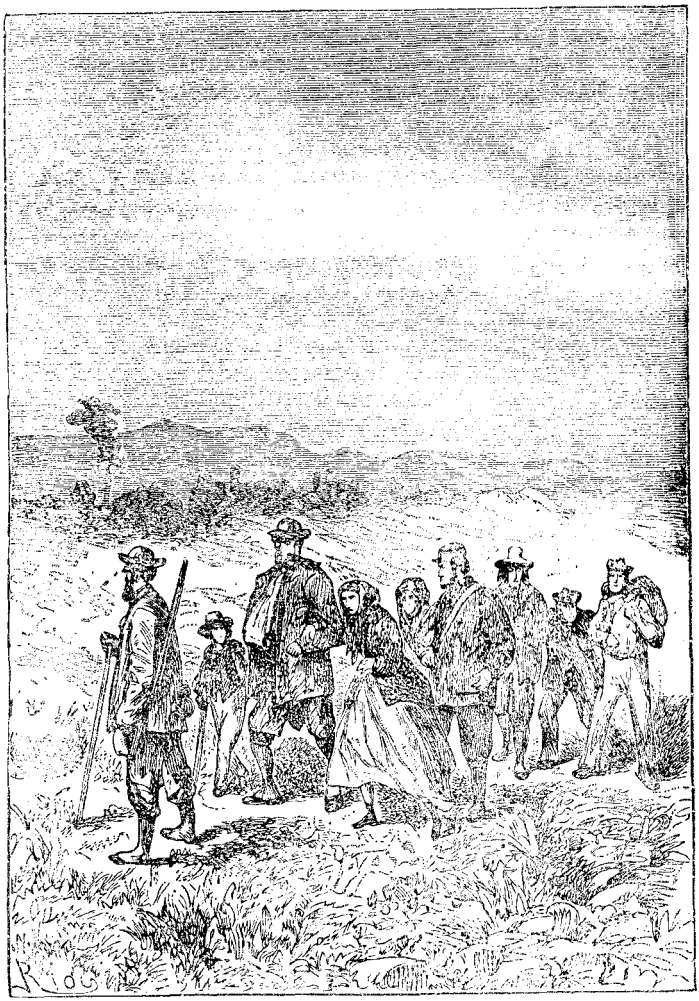
Но счастливый случай пришел на помощь маленькому отряду: он набрел на кораллообразное растение цефалот, цветы которого представляют собой как бы ковшики, наполненные освежающей жидкостью. Все напились и почувствовали, что к ним вернулись силы. Пищей же для них явилось то растение, к которому прибегают туземцы, когда не могут добыть себе ни дичи, ни насекомых, ни змей. Открыл его в пересохшем ручье горной речки Паганель. Ученый не раз читал о замечательных свойствах этого растения в статьях одного из своих коллег по Географическому обществу.

То было нарду — тайнобрачное растение, то самое, которое поддерживало жизнь Бёрка и Кинга в пустынях Центральной Австралии. Под его листьями, похожими на листья трилистника, виднелись сухие горошины. Горошины эти растерли между двумя камнями — получилось нечто вроде муки. Из нее испекли грубый хлеб, и он позволил путешественникам утолить муки голода. В этом месте нарду росло в изобилии, и Олбинет собрал его в таком количестве, что путешественники оказались застрахованными от голода на несколько дней.

На следующий день Мюльреди оказался уже в силах пройти часть дороги пешком. Его рана совершенно зажила. До города Делегейта оставалось не больше десяти миль. В этот вечер остановились на привал под 149° долготы, на самой границе провинции Новый Южный Уэллс.

Уже в течение нескольких часов шел мелкий дождик. Кругом укрыться было негде, но и тут нашему отряду повезло: Джон Манглс отыскал хижину, заброшенную и ветхую, в которой в прошлом ютились пильщики. Пришлось довольствоваться этим жалким шалашом из веток и соломы. Вильсон пошел набрать валявшегося кругом хворосту, чтобы развести костер для выпечки хлеба из нарду, но разжечь собранный хворост ему так и не удалось. Оказалось, что это то «несгораемое дерево», о котором упоминал Паганель, перечисляя удивительные явления, встречающиеся в Австралии.

Пришлось обойтись без костра, а следовательно, и без хлеба, и к тому же и спать в сырой одежде. Прятавшиеся в верхушках деревьев птицы-пересмешники не переставали



Мучения маленького отряда приближались к концу.

хохотать, словно издеваясь над несчастными путешественниками.

Всё же мучения маленького отряда приближались к концу. Да и пора было. Молодые женщины делали героические усилия, но слабели с каждым часом. Они уже не шли, а брели.

На следующий день вышли на рассвете. В одиннадцать часов утра показался наконец Делегейт — городок графства Уэлслей, находящийся в пятидесяти милях от бухты Туфольд.

В Делегейте быстро разрешился вопрос о средствах дальнейшего передвижения. Гленарван, чувствуя себя вблизи от побережья, приободрился. Быть может, в самом деле что-нибудь задержало «Дункан» и они опередят приход яхты! Ведь уже через сутки они доберутся до бухты Туфольд.

В полдень, после сытного завтрака, наши путешественники уселись в почтовую карету, и пять сильных лошадей умчали их из Делегейта. Дорога содержалась в исправности.

Кучер и форейторы, ожидая обещанного им щедрого вознаграждения, гнали лошадей во весь дух и со стремительным проворством перепрягали их на почтовых станциях, отстоявших на десять миль одна от другой. Казалось, жар нетерпения, пожиравший Гленарвана, передался и тем, кто вез его.

Весь день и всю ночь неслись таким образом, делая по шести миль в час. На следующий день, при первых проблесках зари, глухой рокот волн возвестил о близости океана. Надо было обогнуть бухту, чтобы доехать до того места берега у тридцать седьмой параллели, где Том Остин должен был ждать наших путешественников.

Когда перед ними развернулось море, все взоры устремились вдаль, ища «Дункан»; вдруг яхта каким-то чудом лавирует здесь, подобно тому как месяц назад она лавировала у мыса Корриентес, близ аргентинских берегов!

Ничего не было видно. Лишь вода и небо, сливавшиеся у горизонта. Ни один парус не оживлял беспредельного простора океана. Оставалась еще одна надежда: быть может, Том Остин бросил якорь в бухте Туфольд — море

было бурно, и лавировать у открытых берегов было небезопасно.

— В Эден! — приказал Гленарван.

Почтовая карета свернула направо и понеслась по дороге, ведшей вдоль берега бухты к маленькому городку Эден. До него было пять миль.

Кучер остановился невдалеке от маяка, указывавшего на вход в порт. На рейде стояло на якоре несколько судов, но ни на одном из них не развевался флаг Мальколь ма.

Гленарван, Джон Манглс и Паганель, выпрыгнув из почтовой кареты, побежали на таможню. Они расспросили служащих и справились по книге о судах, прибывавших в порт за последние дни.

Оказалось, что за всю неделю ни одно новое судно не входило в порт.

— А быть может, «Дункан» еще и не выходил из Мельбурна? — воскликнул Гленарван, теперь уже цепляясь за последнюю надежду. — Вдруг мы прибыли сюда раньше него?

Джон Манглс покачал головой. Капитан знал своего помощника. Получив приказ, Том Остин не мог ни в коем случае не выполнить его в течение десяти дней.

— Я хочу знать, как обстоит дело, — промолвил Гленарван. — Лучше горькая истина, чем неизвестность.

Четверть часа спустя была послана телеграмма в Мельбурн, управляющему судоремонтными работами.

Затем Гленарван приказал кучеру ехать в гостиницу «Виктория».

В два часа дня Гленарвану была вручена ответная телеграмма следующего содержания:

Мистеру Гленарвану, Эден, бухта Туфольд. «Дункан» ушел в море 18-го текущего месяца в неизвестном направлении.

Ж. Эндрю.

Телеграмма выпала из рук Гленарвана.

Никаким сомнениям уже не было места! Шотландская яхта попала в руки Бена Джойса и стала пиратским судном.

Так закончился этот переход через Австралию, начатый при столь благоприятных обстоятельствах. Следы капитана Гранта и его спутников, казалось, были безвозвратно потеряны. Эта неудача стоила жизни всей команде «Дункана». Гленарван потерпел поражение, и этого отважного человека, которого в пампасах не заставили отступить ополчившиеся на него стихии, здесь, в Австралии, победила человеческая низость.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Глава I

«МАКАРИ»

Если когда-либо у разыскивавших капитана Гранта и могла угаснуть надежда увидеть его, то не в эти ли дни, когда у них было отнято все, чем они располагали раньше? В какую часть света снаряжать новую экспедицию? Каким способом организовать исследование новых стран? Ведь «Дункан» больше не существовал, и даже немедленное возвращение на родину было невозможно. Итак, предприятие этих великодушных шотландцев потерпело неудачу. Неудача! Печальное слово, которое не находит отклика в душе мужественного человека. И все же Гленарван был принужден сознаться в своем бессилии продолжать взятое им на себя самоотверженное дело.

В этой тяжелой обстановке Мэри Грант имела мужество не упоминать имени отца. Она сдерживала свои душевные муки, думая о несчастной погибшей команде «Дункана», и теперь она утешала Элен, прежде утешавшую ее. Мэри первая заговорила о возвращении в Шотландию. Джон Манглс, видя, как мужественна молодая девушка, как безропотно покоряется она своей судьбе, восхищался ею. Когда он однажды заговорил было о возможности дальнейших поисков капитана Гранта, Мэри взглядом остановила его, а потом через некоторое время сказала ему:

— Нет, мистер Джон, теперь давайте думать о тех, кто жертвовал собой. Мистеру Гленарвану необходимо возвращаться в Европу.

— Вы правы, мисс Мэри, — ответил Джон Манглс, — это необходимо. Но необходимо также, чтобы английские власти были уведомлены о судьбе «Дункана». А вы не теряйте надежды. Я не брошу начатых нами поисков — буду продолжать их один. Я или найду капитана Гранта, или сам погибну, ища его!

Обязательство, которое брал на себя Джон Манглс, было нешуточное. Мэри приняла его и протянула руку молодому капитану, как бы желая скрепить пожатием руки этот договор. Джон самоотверженно ставил на карту свою жизнь, и сердце Мэри отвечало ему бесконечной благодарностью.

В этот день было окончательно решено вернуться на родину. Решили без промедления добираться до Мельбурна. На следующее утро Джон Манглс отправился осведомиться относительно готовившихся к отплытию судов. Молодой капитан полагал, что между Эденом и столицей провинции Виктория часто ходят суда.

Однако его ожидания не оправдались: суда ходили редко. Три или четыре судна, стоявших на якоре в порту, составляли весь местный торговый флот. И ни одно из них не шло ни в Мельбурн, ни в Сидней, ни в Пойнт-де-Галл. А только из этих трех портов и можно было отплыть в Англию.

Что тут было делать? Ждать подходящего судна? Но можно было задержаться надолго, ибо бухту Туфольд не так часто посещают суда. Сколько их проходит в открытом море, не заходя в бухту!

Поразмыслив и обсудив этот вопрос с товарищами, Гленарван решил было уже ехать в Сидней сухим путем, как вдруг Паганель предложил проект, который никому не приходил в голову.

Географ также побывал в бухте Туфольд и был осведомлен о том, что там не было судов, идущих на Мельбурн и Сидней. Но он узнал, что один бриг, стоявший на рейде, готовился к отплытию в Окленд, столицу Ика-на-Мауи, северного острова Новой Зеландии. Паганель предлагал зафрахтовать этот бриг и плыть на нем в Окленд,

откуда легко будет вернуться в Европу, так как город этот связан с ней регулярными рейсами.

Это предложение заслуживало внимания. К тому же Паганель, вопреки своему обыкновению, не стал приводить бесчисленные доводы в пользу своего предложения, а ограничился тем, что изложил суть дела и прибавил, что переход этот займет не более пяти-шести дней. Действительно, от Австралии до Новой Зеландии не больше тысячи миль.

По какому-то странному совпадению, Окленд находился на той самой тридцать седьмой параллели, которой от берегов Араукании так упорно придерживались наши путешественники. Конечно, географ, рискуя быть обвиненным в эгоизме, мог бы прибегнуть к этому выгодному для него доводу (ведь это попутно давало ему возможность посетить берега Новой Зеландии). Однако Паганель не прибегнул к такому аргументу. Очевидно, после данных им двух толкований документа, оказавшихся неверными, он не отважился предложить еще новое, третье. Да и вообще, о каком подобном толковании могла идти речь, раз в документе самым определенным образом было сказано, что капитан Грант нашел убежище на континенте, а не на острове. Новая же Зеландия, конечно, являлась только островом. Как бы там ни было, по этой ли причине или по иной, но, предлагая отправиться в Окленд, Паганель не указывал на возможность предпринять там новые поиски, а только обратил внимание на то, что между этим городом и Великобританией имеется регулярное сообщение, которое легко можно будет использовать.

Джон Манглс поддержал предложение Паганеля, считая, что лучше плыть на этом судне, чем ждать неопределенно долгое время прихода в бухту Туфольд другого судна. Но все же, раньше чем решиться на это, он считал нужным побывать на бриге, о котором говорил географ. Гленарван, майор, Паганель, Роберт и молодой капитан сели в лодку и в несколько взмахов весел подплыли к интересовавшему их судну, стоявшему на якоре в двух кабельтовых от берега.

Это был бриг вместимостью в двести пятьдесят тонн, носивший название «Макари». Он совершал рейсы между

различными портами Австралии и Новой Зеландии. Капитан, или, вернее сказать, хозяин брига, принял своих посетителей довольно грубо. Они тотчас же увидели, что имеют дело с человеком невоспитанным, мало чем отличающимся от своих пяти матросов. У него была толстая красная физиономия, грубые руки, приплюснутый нос, вытекший глаз; все это да еще и зверский вид впридачу делали из Билля Галлея мало приятного человека. Но выбора не было, и вообще для перехода в несколько дней можно быть и не особенно требовательным.

— Эй вы там! Что вам нужно? — крикнул Биль Галлей незнакомцам, всходившим на палубу его брига.

— Вы капитан? — спросил Джон Манглс.

— Я, — ответил Галлей. — Дальше!

— Скажите, «Макари» идет с грузом в Окленд?

— Да. Дальше!

— Что он везет?

— Все, что продается и покупается. Дальше!

— Когда он отчаливает?

— Завтра в полдень, с отливом. Дальше!

— Взяли бы вы пассажиров?

— Смотря каких, и притом — если они будут довольствоваться пищей из общего судового котла.

— У них будет своя провизия.

— Дальше!

— Дальше?

— Да. Сколько их?

— Девять, из них две дамы.

— У меня нет кают.

— Они удовольствуются предоставленной им рубкой.

— Дальше!

— Согласны? — спросил Джон Манглс, которого нисколько не смущали повадки и обращение капитана.

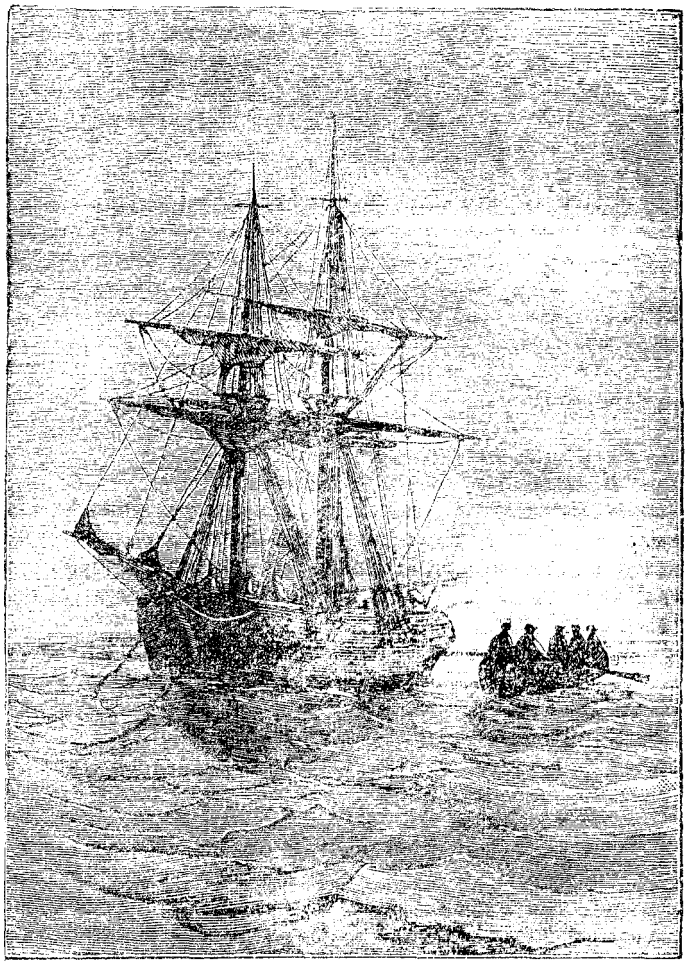
— Подумать надо, — пробурчал хозяин «Макари».

Билль Галлей прошелся раза два по палубе, стуча своими грубыми, подбитыми гвоздями сапожищами, а затем, круто остановившись перед Джоном Манглсом, бросил:

— Сколько даете?

— Сколько хотите? — спросил Джон.

— Пятьдесят фунтов.



«Макарий» стоял на якоре в двух кабельтовых от берега.

Гленарван кивнул головой, давая понять, что он согласен.

— Ладно, — ответил Джон Манглс, — идет: пятьдесят фунтов.

— Только за проезд!

— Только.

— Еда особо!

— Особо.

— Уговорились. Дальше! — буркнул Галлей.

— Что еще?

— Задаток.

— Вот вам половина цены — двадцать пять фунтов, — сказал Джон Манглс, вручая хозяину брига пересчитанные на его глазах деньги.

Галлей засунул их в карман, не найдя нужным поблагодарить.

— Быть завтра на судне! До полудня. Будете, нет ли — снимаюсь с якоря.

— Будем.

Закончив переговоры, Гленарван, майор, Роберт, Паганель и Джон Манглс покинули судно, причем Билль Галлей не соблаговолил даже пальцем прикоснуться к своей клеенчатой шляпе, покрывавшей его рыжие всклокоченные волосы.

— Какой грубиян! — вырвалось у Джона Манглса.

— А мне он по вкусу, — отозвался Паганель. — Настоящий морской волк!

— Скорее — медведь, — возразил майор.

— И я думаю, что этот медведь торговал в свое время рабами, — прибавил Джон Манглс.

— Не все ли равно? — отозвался Гленарван. — Для нас имеет значение лишь то, что он капитан «Макари», а «Макари» идет в Новую Зеландию. Во время перехода из бухты Туфольд до Окленда видеть его мы будем мельком, а после Окленда и совсем больше не увидим.

Элен и Мэри Грант были рады узнать, что отъезд назначен на завтра. Гленарван предупредил их, что на «Макари» у них не будет тех удобств, какие имелись на «Дункане». Но такой пустяк не мог смутить мужественных женщин, перенесших столько испытаний. Олбинету было поручено позаботиться о провизии. Бедняга оплаки-

вал свою несчастную жену, оставшуюся на яхте: она, конечно, сделалась жертвой свирепых каторжников вместе со всем экипажем. Тем не менее горе не мешало мистеру Олбинету выполнять свои обязанности стюарда с обычным усердием. В несколько часов Олбинет закончил свои закупки.

В это время майор получил деньги по чекам Гленарвана на Мельбурнский союзный банк. Потом он занялся закупкой оружия и боевых припасов. Что же касается Паганеля, то ему удалось добыть прекрасную карту Новой Зеландии.

Мюльреди был снова молодцом. Он почти не чувствовал раны. Морской переход должен был окончательно восстановить его силы. Он рассчитывал полечиться ветрами Тихого океана. Вильсону было поручено подготовить на «Макари» помещение для приема пассажиров. После его щетки и метлы рубка брига стала неузнаваемой. Билль Галлей пожимал плечами, но предоставлял ему действовать по его усмотрению. Гленарван с его спутниками и спутницами не интересовал капитана. Он даже не знал имен своих пассажиров и не спрашивал их. Эта прибавка к его грузу дала ему лишних пятьдесят фунтов стерлингов — дальнейшим он не интересовался. В его глазах более заслуживали внимания двести тонн дубленой кожи, до отказа переполнившей его трюм. На первом месте — кожа, люди — на втором.

Это был негоциант [1]. Но все же его считали довольно опытным моряком, хорошо знающим окрестные моря, столь опасные из-за коралловых рифов.

Гленарван задумал использовать последние часы дня накануне отплытия для того, чтобы еще раз побывать на том пункте побережья, где проходит тридцать седьмая параллель. У него были на это две причины. Прежде всего ему хотелось еще раз осмотреть место предполагаемого крушения «Британии». Ведь Айртон, конечно, был боцманом на ней, и она действительно могла потерпеть крушение у этой части восточного побережья Австралии. Было бы легкомысленно, навсегда покидая страну, не обследовать это место. Затем, даже если бы там и не уда-

[1] Негоциант — торговец.

лось обнаружить следы «Британии», то уж несомненно «Дункан» попал в руки каторжников у этого берега. Быть может, завязался бой. А в таком случае, разве нельзя было надеяться найти там следы борьбы, следы последнего, отчаянного сопротивления? Если команда погибла в волнах, разве не могли волны выбросить на берег несколько трупов?

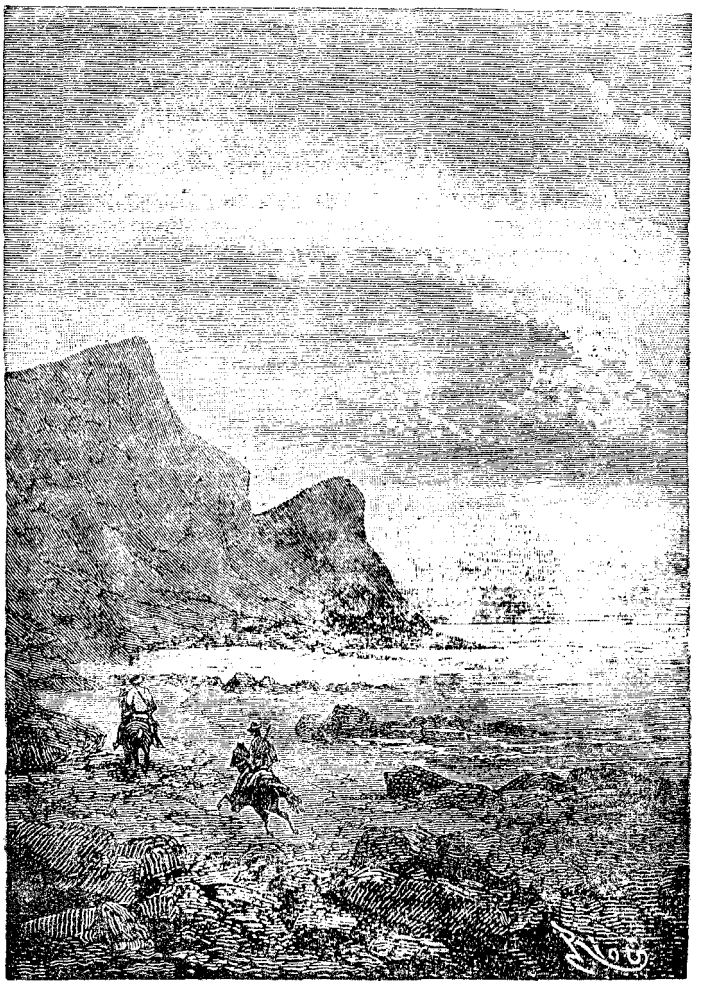
И Гленарван в сопровождении Джона Манглса отправился на разведку. Хозяин гостиницы «Виктория» предоставил в их распоряжение двух верховых лошадей, и они снова направились к северу по дороге, огибавшей бухту Туфольд.

Печальной была эта разведка. Гленарван и капитан Джон Манглс ехали молча, но каждый из них понимал другого. Одни и те же мысли, а стало быть, одни и те же тревоги мучили их обоих. Они всматривались в утесы, изъеденные морем. Им не о чем было спрашивать друг друга и не на что отвечать.

Принимая во внимание усердие и сообразительность Джона Манглса, можно смело утверждать, что все это место побережья было исследовано им самым тщательным образом. Не были пропущены ни одна бухточка, ни один покатый пляж, ни одна песчаная отмель, куда прилив Тихого океана, правда не очень-то сильный, мог все же выбросить обломки корабля. Но не было найдено решительно ничего такого, что дало бы основание начать в этих местах новые поиски. Ни малейших следов крушения «Британии» не было.

Не нашлось и ничего такого, что могло бы относиться к «Дункану». Вся эта часть Австралийского побережья была пустынна. Однако Джон Манглс наткнулся невдалеке от берега на несомненные следы какого-то лагеря. Виднелись обуглившиеся поленья недавно горевшего костра. Не кочевало ли тут несколько дней назад какое-нибудь туземное племя? Нет, костер этот был разведен не туземцами: в глаза Гленарвану бросилось нечто, безусловно свидетельствовавшее о пребывании здесь каторжников.

Это была брошенная под деревом желто-серая изношенная, заплатанная куртка. На этих зловещих лохмотьях виднелось клеймо Пертской исправительной тюрьмы.



Все побережье было исследовано самым тщательным образом.

Каторжника не было, но одежда говорила о его недавнем присутствии здесь. Эта ливрея каторги, побывав на плечах какого-то негодяя, теперь догнивала на пустынном побережье.

— Видите, Джон, — сказал ему Гленарван, — каторжники были здесь. А вот где-то наши бедняги товарищи с «Дункана»?

— Да, — ответил молодой капитан глухим голосом, — с уверенностью можно сказать, что их не высадили и они погибли!..

— Презренные негодяи! Попадись они только в мои руки, я отомщу им за свою команду! — воскликнул Гленарван.

В течение нескольких минут он не отрывал взора от горизонта, будто надеясь увидеть затерявшееся в беспредельных пространствах океана судно. Мало-помалу гнев потух в его глазах, лицо приняло свое обычное выражение. Не проронив ни слова, не сделав ни одного жеста, Гленарван во весь опор поскакал обратно — в Эден.

Оставалось выполнить еще одну формальность — заявить о случившемся полицейскому офицеру. Это было сделано в тот же вечер. Должностное лицо Томас Бенкс, составляя протокол, едва мог скрыть свое удовольствие. Бенкс просто был в восторге, узнав, что Бен Джойс со своей шайкой исчез с его горизонта. И этот восторг разделял с ним весь город. Правда, каторжники покинули Австралию, совершив еще новое преступление, но все же они ее покинули. Эта важная новость была немедленно передана по телеграфу властям в Мельбурн и Сидней.

Гленарван, сделав свое заявление, вернулся в гостиницу «Виктория».

Грустно провели путешественники свой последний вечер в Австралии. Мысли их невольно блуждали по этой стране, принесшей им столько несчастий. Вспоминались те, казалось бы, обоснованные надежды, которые засияли им у мыса Бернулли и которые так жестоко разбились в бухте Туфольд. Паганель был в каком-то лихорадочно-возбужденном состоянии. Джон Манглс, следивший за ним со времени происшествия на реке Сноу, чувствовал, что географ что-то и хочет и не хочет сказать. Много раз он осаждал его вопросами, но так ничего и не

добился. Все же в этот вечер, провожая ученого в его комнату, Джон спросил, почему он так нервничает.

— Джон, — ответил уклончиво географ, — мои нервы в том же состоянии, как и всегда.

— Господин Паганель, — решительно заявил Джон Манглс, — у вас есть секрет, и он вас мучит!

— Ну, пусть так! А что я могу с этим поделать? — крикнул, отчаянно жестикулируя, географ.

— А что это такое, с чем вы ничего не можете поделать?

— Радость — с одной стороны, отчаяние — с другой.

— Вы одновременно и радуетесь и приходите в отчаяние?

— Да, я и радуюсь и в отчаянии, что попаду в Новую Зеландию.

— Нет ли у вас каких-нибудь новых указаний? — с живостью спросил Джон Манглс. — Уж не напали ли вы опять на следы капитана Гранта?

— Нет, друг Джон! *Из Новой Зеландии не возвращаются.* Однакож... Словом, вы знаете человеческую натуру: пока дышишь — надеешься. Ведь мой девиз: «Spiro — spero» [1]. И это лучший девиз на свете!

Глава II

ПРОШЛОЕ ТОЙ СТРАНЫ, КУДА НАПРАВЛЯЮТСЯ НАШИ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

На следующий день, 27 января, пассажиры брига «Макари» расположились в его тесной рубке. Билль Гаррей, конечно, не предложил своей каюты путешественницам, но об этом жалеть не приходилось, ибо эта берлога была достойна своего медведя.

В половине первого дня, при наступлении отлива, стали сниматься с якоря. Лишь с большим трудом удалось оторвать его ото дна. С юго-запада дул ветер умеренной силы. Один за другим были подняты паруса. Пятеро матросов брига не торопились. Вильсон хотел было по-

[1] «Пока дышу — надеюсь» (лат.).

мочь команде, но Галлей остановил его, грубо сказав, чтобы он не вмешивался в то, что его не касается. И тут же прибавил, что он, Галлей, привык сам выходить из затруднительных положений и не нуждается ни в какой помощи и ни в каких советах.

Последняя фраза относилась к Джону Манглсу. Молодой капитан, видя, до чего неискусно орудуют матросы со снастями, не мог порой не улыбаться. Джон принял намек Галлея к сведению и решил вмешаться в дело управления судном лишь в том случае, если бы судну из-за неловкости команды грозила опасность.

Наконец пятеро матросов, понукаемые бранными окриками хозяина, подняли-таки все паруса, и «Макари» под нижними парусами, марселями, брамселями, косыми гротами и кливерами вышел левым галсом в открытое море. Но, несмотря на это обилие парусов, бриг едва двигался вперед. Слишком закругленный нос «Макари», широкое дно и тяжелая корма делали его типичным образцом тех неуклюжих судов, которые известны у моряков под названием «калоша».

Пришлось с этим мириться. К счастью, как ни плохо шел «Макари», а через пять, самое большее шесть дней он должен же был бросить якорь на рейде Окленда.

В семь часов вечера скрылись из виду берега Австралии и маяк Эденского порта. Море было довольно бурное, и бриг сильно качало. Он тяжело зарывался в волны. Пассажиры подвергались сильной качке, что делало пребывание их в рубке очень мучительным; однако выйти на палубу было невозможно из-за сильного ливня.

Каждый из пассажиров погрузился в свои думы. Говорили мало. Элен и Мэри Грант едва перебрасывались несколькими словами. Гленарвану не сиделось на месте, и он расхаживал из угла в угол. Майор не двигался с места. Джон Манглс в сопровождении Роберта время от времени выходил на палубу понаблюдать за морем. Что касается Паганеля, то он бормотал в своем углу какие-то непонятные, бессвязные слова.

Где витали мысли почтенного географа? Витали они там, куда влекла его судьба, — в Новой Зеландии. Паганель перебирал в уме всю ее историю, и перед его глазами воскресало мрачное прошлое этого края.

Но было ли во всей ее истории какое-либо происшествие или случай, на основании которого те, кто открыл эти острова, могли видеть в них материк? А современный географ или моряк — могли ли они назвать их материком? Как видим, Паганель опять и опять возвращался к толкованию документа капитана Гранта. Это была какая-то одержимость, какая-то навязчивая идея. Его воображение, подстегнутое одним определенным словом, набросилось на Новую Зеландию. Но вот одно, только одно смущало его.

— Контин... контин... — повторял он. — Ведь это же значит континент — материк.

И он стал припоминать мореплавателей, обследовавших эти два больших острова южных морей.

13 декабря 1642 года голландец Тасман, открыв Ван-Дименову Землю, подошел к неведомым до того берегам Новой Зеландии. В течение нескольких дней он плыл вдоль этих берегов, а 17 декабря его суда вошли в просторную бухту, в глубине которой виднелся узкий пролив, разделявший два острова.

Северный из них был остров Ика-на-Маун, что значило по-зеландски «рыба маори». Южный остров носил название Таваи-пуна-му, то-есть «кит, производящий зеленый нефрит». Авель Тасман послал на берег шлюпки, и они вернулись в сопровождении двух пирог с шумливыми туземцами. Дикари эти были среднего роста, с коричневой и желтой кожей; кости у них выдавались, голос звучал резко; их черные волосы, связанные по японской моде, были увенчаны большим белым пером.

Эта первая встреча европейцев с туземцами, казалось, обещала прочные, доброжелательные отношения. Но на следующий же день, когда одна из шлюпок разыскивала новую стоянку, поближе к берегу, на нее набросилось множество туземцев, приплывших на семи пирогах. Шлюпка накренилась и наполнилась водой. Управлявшему шлюпкой боцману был нанесен удар грубо отточенной пикой в шею — боцман свалился в море. Из шести матросов четверо было убито. Двоим остальным и раненому боцману удалось доплыть до своих судов и спастись.

После этого зловещего происшествия Тасман стал немедленно сниматься с якоря. Туземцам он отомстил лишь

несколькими мушкетными выстрелами, которые, по всей вероятности, в них и не попали. Тасман ушел из этой бухты, за которой осталось название бухта Избиения, поплыл вдоль западного побережья и 5 января бросил якорь у северной оконечности острова. Но здесь сильный прибой, а также враждебное отношение дикарей не дали возможности Тасману запастись водой, и он окончательно покинул этот край, дав ему название Земля Штатов — в честь голландских Генеральных штатов.

Голландский мореплаватель назвал так эти земли потому, что воображал, будто они граничат с островами того же имени, открытыми к востоку от Огненной Земли, у южной оконечности Америки, и считал, что он открыл Великий южный материк.

«Но ошибку, которую мог допустить моряк семнадцатого века, никоим образом не мог сделать Гарри Грант, моряк девятнадцатого века, — твердил себе Паганель. — Нет, это невероятно! Тут есть что-то для меня непонятное!»

В течение более ста лет никто не вспоминал о сделанном Тасманом открытии. Новая Зеландия словно и не существовала, когда к ней пристал под 35°37′ широты французский мореплаватель Сюрвиль. Сначала он не имел основания жаловаться на туземцев. Но потом задул сильнейший ветер, на море разыгралась буря, и во время нее лодка, перевозившая больных матросов, была выброшена на берег бухты Приют. Здесь туземный вождь Наги-Нуи прекрасно принял французов и даже угощал их в своей собственной хижине. Все шло хорошо, пока не была украдена одна из шлюпок Сюрвиля. Сюрвиль тщетно требовал возвращения ее и решил в наказание за воровство спалить целиком одну из деревень. Эта ужасная и незаслуженная месть, несомненно, сыграла роль в тех кровавых расправах, которые потом имели место в Новой Зеландии.

6 октября 1769 года у этих берегов появился капитан Кук. Он поставил на якорь судно «Эндевор» в бухте Тауэ-Роа и пытался завоевать расположение туземцев. Но чтобы иметь возможность общаться с людьми, надо было захватить их. И Кук, не колеблясь, взял в плен двух или трех туземцев, чтобы, так сказать, насильно оказать

им благодеяния. Осыпав подарками пленных, Кук отправил их на берег.

20 октября «Эндевор» стал на якоре в бухте Токо-Малу. На берегу ее обитало мирное племя в двести человек. Ботаники, бывшие на судне, произвели в этой местности полезные исследования, причем туземцы переправляли их на берег на своих пирогах. Кук посетил здесь два селения, обнесенных частоколами, брустверами и двойными рвами. Это свидетельствовало о том, что туземцы умели строить укрепленные лагери. Главное их укрепление возвышалось на скале, из которой морской прилив делал настоящий остров... более чем остров, ибо волны не только окружали его, но даже с ревом прорывались сквозь естественную арку в шестьдесят футов вышины, на которой держалась эта неприступная крепость.

Кук пробыл в Новой Зеландии пять месяцев. 31 марта он покинул Новую Зеландию, дав свое имя проливу, разделяющему два ее острова. Ему предстояло еще вернуться сюда во время его позднейших путешествий.

И действительно, в 1773 году мореплаватель снова появился в заливе Гоукса. На этот раз туземцы встретили его враждебно.

Во время своего третьего путешествия Кук снова посетил эти места, к которым он питал особое пристрастие. Мореплаватель непременно хотел закончить здесь свои гидрографические съемки. Навсегда покинул он Новую Зеландию 25 февраля 1777 года.

В 1791 году Ванкувер в течение двадцати дней стоял на якоре в бухте Островов. Но за это время он ничего не предпринял ни для естественных наук, ни для географии. В 1793 году д'Антркасто сделал на протяжении двадцати пяти миль съемку северного побережья острова Ика-на-Мауи. Капитаны торгового флота Гаузен и Дальримп, а позднее Баден, Ричардсон, Мооди появлялись ненадолго у этих островов. Доктор Севедж во время своего пятинедельного пребывания на Новой Зеландии собрал немало интересных сведений о нравах ее обитателей.

В 1805 году племянник вождя Ранги-Ху, смышленый Дуа-Тара, ушел в море на судне «Арго». Судно это, которым командовал капитан Баден, стояло тогда в бухте Островов.

Быть может, приключения этого Дуа-Тара послужат в будущем сюжетом героической поэмы для какого-нибудь новозеландского Гомера. Приключения эти изобиловали бедами, несправедливостями и дурным обращением. Вероломство, заключение, побои, ранения — вот что пришлось испытать бедному дикарю за его верную службу. Какое представление должен был получить он о людях, выдававших себя за культурных!

Дуа-Тара привезли в Лондон и сделали там из него матроса последнего разряда. Он был предметом издевательств и побоев для всех команд. Если бы не Марсден, несчастный юноша не перенес бы своих мук. Марсден, увидев в юном дикаре сметливость, отвагу, необыкновенную кротость и приветливость, заинтересовался им. Он добыл для родины своего любимца несколько мешков зерна и орудия для обработки земли, но все это у бедняги было украдено. Злоключения и муки снова обрушились на несчастного Дуа-Тара, и только в 1814 году ему удалось вернуться в страну своих предков. Но как раз тогда, когда он собирался заняться преобразованием своей родины, смерть унесла его в возрасте двадцати восьми лет. Несомненно, это непоправимое несчастье на долгие годы задержало культурное развитие Новой Зеландии. Ничто не может заменить разумного, доброго человека, в сердце которого сочетаются любовь к добру и любовь к родине!

До 1816 года Новой Зеландией никто не интересовался. В этом году Томпсон, в 1817 году Николас, в 1819 году Марсден обследовали различные местности обоих островов, а в 1820 году Ричард Крюйс, капитан 84-го пехотного полка, пробыл на этих островах десять месяцев и собрал за это время много ценных материалов о нравах туземцев.

В 1824 году Дюперей, командир судна «Раковина», простоял пятнадцать дней на якоре в бухте Островов и встретил самое дружелюбное отношение со стороны туземцев.

После него, в 1827 году, английскому китоловному судну «Меркурий» пришлось обороняться от туземцев. А в том же самом году капитан Дильсон во время двух своих стоянок был встречен туземным населением чрезвычайно гостеприимно.

В марте 1827 года командир судна «Астролябия», знаменитый Дюмон-Дюрвиль, не имея при себе никакого оружия, смог безнаказанно провести несколько дней на берегу среди новозеландцев. Он обменялся с ними подарками, слушал их пение, спал в их хижинах и беспрепятственно выполнил свои ценные работы по съемкам, результатом которых были столь полезные для флота карты.

На следующий год английский бриг «Гаус», которым командовал Джон Джонс, сделав стоянку в бухте Островов, направился к Восточному мысу. Здесь англичанам много пришлось вытерпеть от вероломного вождя, по имени Энараро. Некоторые из спутников Джона Джонса погибли ужасной смертью.

Из этих противоречивых происшествий, из этой смены кротости и жестокости следует сделать тот вывод, что часто жестокость новозеландцев была лишь местью. Хорошее или дурное отношение туземцев зависело от того, хороши или дурны были капитаны. Конечно, бывали и нападения, ничем не оправданные, но большей частью они являлись местью, вызываемой самими европейцами. Наказаны же бывали, к несчастью, те люди, которые этого не заслуживали.

После Дюрвиля этнография Новой Зеландии была дополнена исследователем, двадцать раз объехавшим весь земной шар, кочевником, бродягой — английским ученым Ирлем. Он побывал в не исследованных дотоле местностях обоих островов, причем хотя сам и не имел оснований жаловаться на туземцев, но не раз бывал свидетелем того, как они лакомились человеческим мясом. Новозеландцы с отвратительным сластолюбием пожирали друг друга.

Те же сцены людоедства наблюдал в 1831 году во время своей стоянки в бухте Островов и капитан Лаплас. Бои туземцев между собой стали несравненно грознее, ибо дикари уже выучились владеть с удивительным искусством огнестрельным оружием. Поэтому когда-то цветущие, густо населенные местности острова Ика-на-Мауи превратились в настоящие пустыни. Целые племена исчезли.

Новозеландцы не похожи на австралийцев, которые

убегают перед нашествием европейцев, — они оказывают сопротивление, защищаются, питают ненависть к захватчикам. В данное время эта неукротимая ненависть побуждает их набрасываться на английских эмигрантов.

Так Паганель, горя нетерпением поскорее добраться до Новой Зеландии, восстанавливал в своей памяти ее историю. Но, увы, ничто в ней не давало ему права называть эти два острова континентом. И если некоторые слова документа снова воспламеняли воображение нашего географа, то два злополучных слога «кон-ти» упорно останавливали его на пути к новой расшифровке документа капитана Гранта.

Глава III

НОВОЗЕЛАНДСКИЕ ИЗБИЕНИЯ

За четыре дня плавания «Макари» не прошел еще и двух третей своего пути от Австралии до Новой Зеландии. Билль Галлей мало занимался своим судном, а предоставлял все своим подчиненным. Показывался он редко, и пассажиры на это отнюдь не жаловались. Если бы он проводил время только у себя в каюте, то против этого никто ничего не имел бы, но грубиян-хозяин ежедневно напивался джином и бренди. Команда охотно следовала его примеру, и никогда, кажется, ни одно судно не было более брошено на произвол судьбы, чем «Макари» из бухты Туфольд.

Эта непростительная беспечность заставляла Джона Манглса быть настороже и беспрерывно наблюдать за ходом судна. Не раз Мюльреди и Вильсон бросались выправлять руль, когда бриг готов был лечь набок. Подчас Билль Галлей обрушивался за это на обоих матросов с грубейшей бранью. Те были мало склонны выносить такое обращение, и им очень хотелось скрутить пьяницу и засадить его на дно трюма до конца перехода. Но Джону Манглсу удавалось, правда не без труда, сдерживать справедливое негодование своих матросов.

Все же положение судна не могло не заботить молодого капитана. Но, не желая тревожить Гленарвана, он поделился своими опасениями лишь с майором и Пага-

нелем. Мак Наббс дал ему тот же совет, что Мюльреди и Вильсон.

— Если только вам это кажется нужным, Джон, — сказал майор, — вы должны без колебаний взять на себя командование, или — если вы предпочитаете это выражение — руководство, судном. Когда мы высадимся в Окленде, пьяница этот снова станет хозяином своего брига и тогда сможет, сколько душе его будет угодно, переворачиваться и идти ко дну.

— Конечно, мистер Мак-Наббс, я так и поступлю, когда это будет безусловно необходимо, — ответил Джон Манглс. — Пока мы в открытом море, достаточно одного надзора. Ни я, ни мои матросы не покидаем палубы. Но если этот Билль Галлей не протрезвится при приближении к берегу, я, признаться, окажусь в очень затруднительном положении.

— Разве вы не сможете взять верный курс? — спросил Паганель.

— Это будет не так-то легко сделать, — ответил Джон. — Трудно поверить, но, представьте, на этом судне нет морской карты.

— Неужели?

— Это действительно так. «Макари» совершает каботажное плавание только между Эденом и Оклендом, и Билль Галлей так изучил эти места, что ему не нужны вычисления.

— Он, вероятно, думает, что бриг сам знает дорогу и идет куда надо, — сказал Паганель.

— Ну, я что-то не верю в суда, которые сами идут куда надо, — отозвался Джон Манглс. — И если только Билль Галлей будет пьян при приближении к берегу, то этим он поставит нас в необычайно затруднительное положение.

— Будем надеяться, что вблизи берегов этот пьяница образумится, — промолвил Паганель.

— Значит, если понадобится, вы не сможете ввести «Макари» в Оклендский порт? — спросил Мак-Наббс.

— Без карты побережья сделать это невозможно. Тамошние берега чрезвычайно опасны. Это ряд небольших, неправильных и причудливых фиордов, напоминающих фиорды Норвегии. Там много рифов, и чтобы избежать

их, нужно прекрасно знать местность. Как бы ни было крепко судно, оно неминуемо разобьется вдребезги, если киль его наткнется на одну из подводных скал.

— И тогда плывущим на таком судне останется только искать спасения на берегу, не так ли? — спросил майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, в том случае, если погода позволит это сделать.

— Рискованный выход, — отозвался Паганель. — Ведь берега Новой Зеландии далеко не гостеприимны: на суше грозит не меньшая опасность, чем на море.

— Вы имеете в виду маори, господин Паганель? — спросил Джон Манглс.

— Да, друг мой. Среди моряков, плавающих по океану, их репутация установлена прочно. Это не робкие австралийцы, а смышленое, кровожадное племя, людоеды, от которых ждать пощады не приходится.

— Итак, если б капитан Грант потерпел крушение у берегов Новой Зеландии, вы бы не посоветовали устремиться туда на его поиски? — спросил майор.

— Искать стоило бы только у берегов, — ответил географ, — так как там, быть может, удалось бы найти следы «Британии», но углубляться дальше было бы бесполезно. Каждый европеец, который осмеливается проникнуть в этот край, попадает в руки маори, а пленники их обречены на верную гибель. Я побуждал моих друзей пересечь пампасы, пересечь Австралию, но никогда не увлек бы их за собой по тропам Новой Зеландии. Да сохранит нас судьба от этих свирепых туземцев!

Опасения Паганеля имели полное основание. Острова эти пользуются ужасной славой: почти все обследования их связаны с кровавыми событиями.

В списках погибших мученической смертью мореплавателей очень много жертв новозеландцев. Начало этой кровавой летописи каннибализма положили пять матросов Авеля Тасмана, убитых и съеденных туземцами. Та же судьба постигла капитана Туклея и всех матросов его шлюпки. Также были съедены новозеландцами пять рыболовов с судна «Сидней-Ков», захваченных в восточной части пролива Фово. Следует еще упомянуть о четырех матросах со шхуны «Братья», убитых в гавани Молине,

о нескольких солдатах генерала Гейтса, о трех дезертирах с судна «Матильда», и, наконец, следует назвать имя капитана Мариона дю Френа, горестная судьба которого пользуется такой трагической известностью.

11 мая 1772 года, после первого путешествия Кука, французский капитан Марион стал на якоре со своими судами «Маскарен» и «Кастри»; последним командовал его помощник, капитан Крозе. Лицемерные новозеландцы встретили вновь прибывших чрезвычайно радушно. Они даже разыграли перед французами людей робких. Чтобы приручить их, пришлось делать им подарки, оказывать всякие услуги, ежедневно дружески общаться с ними.

Их вождь, смышленый Такури, по словам Дюмон-Дюрвиля, принадлежал к племени вангароа и был родственником туземца, два года перед этим предательски увезенного с собой Сюрвилем.

Будучи уроженцем страны, где долг чести требует от каждого маорийца, чтобы он мстил за оскорбление кровью, Такури, конечно, не мог простить обиду, нанесенную не только его племени, но и его роду. Он терпеливо ждал появления какого-нибудь европейского судна, обдумал свою месть и привел ее в исполнение с ужасающим хладнокровием.

Притворившись сначала, что он боится французов, Такури всеми средствами постарался внушить им уверенность в полной их безопасности. Часто он ночевал со своими товарищами на французских кораблях. Они привозили французам отборную рыбу. Им сопутствовали их жены и дочери. Вскоре дикари узнали имена офицеров и стали приглашать их к себе в поселения. Марион и Крозе, подкупленные такими знаками дружелюбия, объехали все побережье с его четырехтысячным населением. Туземцы выбегали навстречу французам без всякого оружия и старались внушить им к себе полное доверие.

Капитан Марион стал на якорь в бухте Островов с целью заменить на судне «Кастри» мачты, очень пострадавшие от последних бурь. Поэтому он занялся осмотром острова и 23 мая наткнулся на чудесный кедровый лес, находившийся в восьми километрах от берега, поблизости от бухты, расположенной в четырех километрах от стоянки кораблей. В этом лесу был разбит лагерь, и две трети

матросов, вооружившись топорами и другими инструментами, принялись рубить кедры и чинить дорогу, ведшую к этой бухте. Раскинуто было еще два лагеря: один — на островке Моту-Аро, посреди бухты; сюда были перевезены больные экспедиции, а также судовые кузнецы и бондари; другой — на берегу океана, в шести километрах от стоянки судов; этот последний лагерь сообщался с лагерем плотников. Во всех трех пунктах морякам помогали в их работах сильные и услужливые дикари.

До сих пор капитан Марион все же считал необходимым принимать некоторые меры предосторожности. Так, дикарям было запрещено появляться на судах с оружием, а шлюпки ходили на берег не иначе, как с хорошо вооруженной командой. Однако туземцы своим обращением ввели в заблуждение не только Мариона, но и самых недоверчивых его офицеров. Поэтому глава экспедиции приказал, чтобы матросы ходили в шлюпках на берег без оружия. Тщетно капитан Крозе убеждал Мариона отменить такой приказ — ему этого не удалось добиться.

Тут предупредительность и преданность новозеландцев еще более возросли. Вожди их жили с французскими офицерами в самой нежной дружбе. Не раз Такури привозил на суда своего сына и оставлял его там ночевать. 8 июня, когда Марион сделал торжественный визит вождю, туземцы провозгласили французского капитана «великим вождем» всего края и в знак почтения украсили волосы его четырьмя белыми перьями.

Так прошло тридцать три дня со времени прихода судов в бухту Островов. Работа по выделке мачт подвигалась вперед. Ею руководил лично капитан Крозе. Суда запасались пресной водой из источников островка Моту-Аро. Словом, все шло так, что, казалось, не могло быть ни малейшего сомнения в успехе предприятия.

12 июня катер командира был приготовлен для рыбной ловли близ поселения, где жил Такури. Марион отправился на эту рыбную ловлю с двумя своими молодыми офицерами — Водрикуром и Легу, — одним волонтером, одним каптенармусом и двенадцатью матросами. Их сопровождали пять туземных вождей во главе с Такури. Ничто не предвещало той ужасной катастрофы, которая ожидала шестнадцать европейцев из семнадцати.

Катер отвалил от борта, понесся к берегу и вскоре скрылся из виду.

Вечером капитан Марион не вернулся ночевать на свое судно. Это не возбудило ни в ком беспокойства. Решили, что капитан пожелал посетить лагерь в лесу и там заночевал.

На следующее утро шлюпка с судна «Кастри», по своему обыкновению, отправилась за пресной водой на островок Моту-Аро. Она благополучно вернулась обратно.

В девять часов утра вахтенный с «Маскарена» заметил в море плывущего к судам уже почти обессилевшего человека. На помощь ему была послана шлюпка, которая и доставила его на судно.

Это был Турнер, гребец с катера капитана Мариона; у него были в боку две раны, нанесенные копьем. Из семнадцати человек, покинувших накануне судно, вернулся он один.

Турнера засыпали вопросами, и вскоре стали известны все подробности этой ужасной драмы.

Катер злополучного Мариона пристал к берегу в семь часов утра. Дикари с веселым видом попрыгали в воду навстречу гостям и на плечах вынесли на берег офицеров и тех из матросов, которые не пожелали замочить себе ноги.

Очутившись на берегу, французы разошлись в разные стороны. Тут-то дикари, вооруженные пиками и дубинами, набросились на них, десять на одного, и прикончили их. Раненому Турнеру удалось ускользнуть от своих врагов и спрятаться в чаще. Сидя там, он был свидетелем жестоких сцен. Никем не замеченный, Турнер бросился в море и, почти умирающий, был подобран шлюпкой с «Маскарена».

Рассказ об этом происшествии привел в ужас команды обоих судов. Раздались призывы к мести. Но раньше чем мстить за мертвых, надо было спасать живых. Ведь на берегу находилось три лагеря, и их окружали тысячи кровожадных дикарей-людоедов, уже отведавших человеческого мяса.

Капитана Крозе на судне не было: он ночевал в лагере, в лесу. Поэтому необходимые меры поспешил принять

старший офицер Дюклемер. Им была отправлена с «Маскарена» шлюпка с офицером и отрядом солдат. Этому офицеру был отдан приказ в первую очередь заняться спасением плотников. Он отправился, проплыл вдоль побережья, увидел выброшенный на мель катер капитана Мариона и высадился на берег.

Капитан Крозе, проведший, как сказано, ночь в лесу, ничего не знал о резне. Около двух часов пополудни он увидел приближающийся отряд солдат. Предчувствуя что-то недоброе, Крозе поспешил навстречу отряду и узнал от него о том, что произошло. Боясь, что эти вести могут лишить бодрости духа его команду, Крозе запретил сообщать ей о случившемся.

Между тем толпы туземцев заняли все окрестные возвышенности. Капитан Крозе велел взять с собой главнейшие инструменты, остальные зарыть, а затем поджечь сараи. Когда это было выполнено, он стал отступать; под его командой было шестьдесят человек.

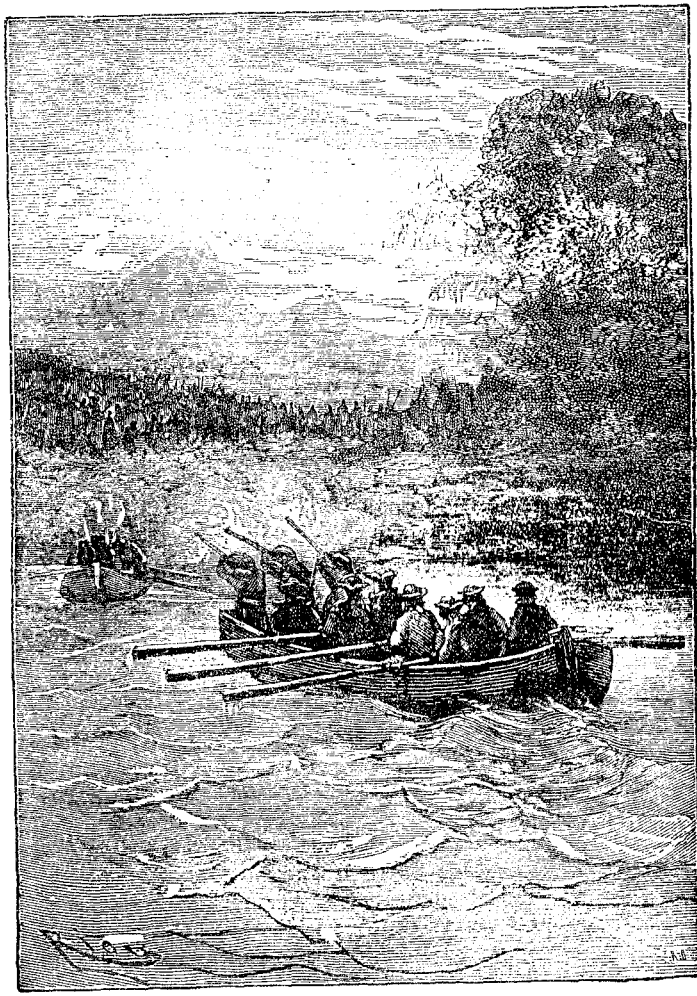
Туземцы шли за ними, выкрикивая: «Такури мате Марион!»[1] Они надеялись, что, доведя до сведения матросов о гибели их начальника, приведут тех в смятение. Матросы, охваченные бешенством, хотели было броситься на дикарей. Капитану Крозе с трудом удалось удержать их.

Восемь километров были пройдены. Отряд добрался до берега и здесь, соединившись с матросами из второго лагеря, стал размещаться по шлюпкам. В это время тысяча дикарей сидели на земле, ничего не предпринимая. Но как только лодки вышли в море, вслед за ними стали лететь камни. Тут четыре матроса, хорошие стрелки, открыли огонь и уложили одного за другим всех вождей, к великому изумлению дикарей, не имевших понятия об огнестрельном оружии.

Капитан Крозе, вернувшись на «Маскарен», тотчас же послал шлюпку с отрядом солдат на островок Моту-Аро. Под охраной этого отряда бывшие на островке больные провели там еще одну ночь, а утром были водворены на суда.

На другой день сторожевой пост Моту-Аро был еще

[1] «Такури убил Мариона!»



Матросы открыли огонь и уложили одного за другим всех вождей.

усилен добавочным отрядом солдат. Надо было очистить островок от наводнивших его туземцев, а затем продолжать запасаться пресной водой. В поселении Моту-Аро насчитывалось триста жителей. Французы напали на них. Шестерых вождей они убили, остальных дикарей обратили в бегство штыками, а поселение сожгли.

Однако «Кастри» не мог снова выйти в море без мачт. Крозе пришлось отказаться от использования кедровых стволов, и он распорядился починить старые мачты. Работа по снабжению судов пресной водой продолжалась. Так прошел месяц. Дикари делали не раз попытки вернуть Моту-Аро, но добиться этого не могли. Как только показывались пироги, пушечные выстрелы превращали их в щепы.

Наконец работы были закончены. Оставалось узнать, не остался ли в живых кто-нибудь из шестнадцати жертв, а затем отомстить за всех остальных. Шлюпка с офицерами и отрядом солдат направилась к тому поселку, где жил Такури. При приближении шлюпки этот вероломный и трусливый вождь, одетый в шинель командира Мариона, убежал. Хижины его поселка были тщательно обысканы. В хижине самого Такури оказался череп человека, недавно зажаренного. На нем еще виднелись следы зубов людоеда. Тут же висела человеческая ляжка. Были обнаружены сорочка Мариона с окровавленным воротником, одежда и пистолеты юного Водрикура, оружие, бывшее на шлюпке, куча одежды в лохмотьях. Подальше, в другом поселке, наткнулись на вычищенные и сваренные человеческие внутренности.

Все эти неопровержимые доказательства убийства и людоедства были собраны. Человеческие останки с почетом зарыли в землю. А затем поселения Такури и его соучастника Пики-Оре были преданы пламени. 14 июня 1772 года оба судна покинули эти роковые места.

Таково было то ужасное событие, помнить которое должен каждый путешественник, вступающий на берега Новой Зеландии. Неблагоразумен тот капитан, который не воспользуется подобным предупреждением. Новозеландцы и поныне вероломны и падки на человеческое мясо. В этом, при всем своем пристрастии к Новой Зеландии, убедился и Кук во время своего второго пу-

шествия, в 1773 году. Шлюпка одного из его кораблей, посланная 17 декабря на новозеландский берег за травой, так и не вернулась. На шлюпке находился мичман с девятью матросами. Капитан этого судна Фюрно, обеспокоенный судьбой своей команды, послал на ее розыски лейтенанта Бюрнея. Тот, высадившись на месте, где пристала шлюпка, наткнулся на ужасную картину зверства и варварства, о которой, по его словам, «нельзя было говорить без содрогания. Кругом, разбросанные на песке, валялись головы, внутренности, легкие наших товарищей, и здесь же несколько собак доедали другие такие же останки».

Чтобы закончить этот кровавый перечень, следует добавить к нему нападение, произведенное в 1815 году новозеландцами на судно «Братья», а также гибель в 1820 году от руки тех же новозеландцев всей команды судна «Бойд» (включительно до капитана). Наконец, 1 марта 1829 года вождь Энараро разграбил судно «Гаус», пришедшее из Сиднея. При этом его орда людоедов убила несколько матросов, трупы которых затем зажарила и съела.

Такова была та Новая Зеландия, куда шел бриг «Макари» со своей тупоумной командой, возглавляемой капитаном-пьяницей.

Глава IV

ПОДВОДНЫЕ СКАЛЫ

Между тем утомительный переход продолжался. 2 февраля, через шесть дней после отплытия, с «Макари» еще нельзя было опознать Оклендского побережья. Ветер был благоприятный — юго-западный. Но бригу мешали встречные течения, и он едва двигался вперед. Море было бурное. «Макари» сильно качало, весь остов его трещал; судно зарывалось в волны и с трудом поднималось. Плохо натянутые ванты, бакштаги и штаги недостаточно крепко держали мачты, а сильная качка расшатывала их.

К счастью еще, Билль Галлей, вообще не любивший торопиться, не ставил много парусов, а то мачты неиз-

бежно сломались бы. Джон Манглс не терял надежды, что эта жалкая посудина дотащится-таки без особых злоключений до гавани, но ему было тяжело видеть, в каких плохих условиях находятся на бриге его спутники.

Однако ни Элен, ни Мэри Грант ни на что не жаловались, хотя непрекращавшийся дождь и заставлял их сидеть в рубке, где было душно и очень ощущалась качка. Поэтому, не обращая внимания на дождь, они часто выходили на палубу, и только налетавшие нестерпимые порывы ветра заставляли их спускаться в тесную рубку, более годную для перевозки товаров, чем пассажиров, а тем более пассажирок.

Друзья старались как-нибудь развлечь их. Паганель пробовал было заинтересовать их своими рассказами, но это ему плохо удавалось. Печальное возвращение действовало на путешественников подавляющим образом. Вот почему они, прежде слушавшие с таким интересом повествования географа о пампасах и Австралии, теперь, когда вопрос шел о Новой Зеландии, оставались холодными и равнодушными. Ведь они плыли в этот мрачный край без воодушевления, без какой-либо вдохновляющей цели, не по своему желанию, а под гнетом роковой необходимости.

Из всех пассажиров «Макари» наибольшего сожаления заслуживал Гленарван. Его редко можно было видеть в рубке: ему не сиделось на месте. По природе нервный и легко возбуждающийся, он не мог примириться с этим заключением в тесной каюте. Весь день и часть ночи проводил он на палубе, не обращая внимания ни на волны, хлеставшие по ней, ни на потоки дождя. Он то стоял, опершись на поручни, то лихорадочно расхаживал по палубе, вглядываясь в нависший кругом туман. Когда тот на короткое время рассеивался, Гленарван не отрывал глаз от подзорной трубы. Казалось, он вопрошал эти немые волны; ему хотелось разорвать взмахом руки эту завесу тумана, это скопление паров, застилавшее горизонт. Он не мог примириться с постигшей его судьбой, и лицо его выражало глубокое страдание. Это был энергичный человек, до сей поры счастливый и могущественный, которому вдруг изменило и то и другое.

Джон Манглс не покидал Гленарвана и вместе с ним

переносил всю тяжесть непогоды. В этот день Гленарван с особенной настойчивостью вглядывался в прорывы дымки у горизонта.

— Вы ищете землю, сэр? — спросил Джон Манглс.

Гленарван отрицательно покачал головой.

— Все же вы, наверно, с нетерпением ждете той минуты, когда сойдете с этого брига, — промолвил молодой капитан. — Мы должны были увидеть огни Оклендского порта еще тридцать шесть часов назад.

Гленарван ничего не ответил. Он продолжал смотреть в подзорную трубу в ту сторону горизонта, откуда дул ветер.

— Земля не там, — заметил Джон Манглс. — Смотрите направо, сэр.

— Зачем, Джон? — сказал Гленарван. — Я ищу не землю.

— А что же, сэр?

— Мою яхту! Мой «Дункан»! — гневно ответил Гленарван. — Ведь он должен плавать в этих водах, грабя, занимаясь своим зловещим ремеслом пирата! Говорю вам, Джон, он здесь, на пути судов между Австралией и Новой Зеландией. У меня есть предчувствие, что мы с ним встретимся.

— Лучше бы нам не встречаться, сэр!

— Почему, Джон?

— Вы забываете, сэр, в каком мы теперь положении. Что могли бы мы предпринять на этом бриге, если бы «Дункан» погнался за нами? Мы не были бы даже в силах уйти от него.

— Уйти, Джон?

— Да, сэр! Мы тщетно пытались бы это сделать! Мы были бы захвачены и оказались бы во власти этих негодяев, а Бен Джойс показал уже, что он не отступит перед преступлением. Дело не в нашей жизни — мы защищались бы до последнего издыхания. Но подумайте, сэр, о наших спутницах!

— Бедные женщины! — прошептал Гленарван. — У меня разрывается сердце, Джон, и порой я прихожу в отчаяние. Мне кажется, что нас ждут новые беды, что судьба против нас, и мне делается страшно.

— Вам, сэр?

— Не за себя, Джон, но за тех, кого я люблю и кого вы любите.

— Успокойтесь, сэр, — ответил молодой капитан. — Бояться нечего. «Макари» идет неважно, но все же идет. Билль Галлей — тупоумная скотина, но я ведь здесь, и если найду, что подходить к берегу рискованно, то поведу судно обратно в море. Итак, с этой стороны мало или даже совсем нет опасности. А вот очутиться бок о бок с «Дунканом» было бы ужасно, и если вы, сэр, стремитесь увидеть его, то пусть это будет для того, чтобы избежать встречи с ним, чтобы уйти от него.

Джон Манглс был прав: встреча с «Дунканом» явилась бы роковой для «Макари». Пираты были страшны именно в этих водах, где они могли свободно разбойничать. К счастью, в течение всего этого дня яхта не появилась, и шестая ночь со времени отплытия из бухты Туфольд наступила без каких-либо угрожающих признаков.

Но эта ночь, видимо, должна была быть ужасной. Стемнело почти внезапно в семь часов вечера. Небо стало грозным. Инстинкт моряка заговорил даже в пьяном Билле Галлее. Протирая глаза и тряся своей большой рыжей головой, капитан вышел из каюты, с силой втянул в себя воздух — так, как другой выпил бы для своего отрезвления стакан воды, — и принялся осматривать паруса. Ветер свежел и, повернув на четверть румба к западу, нес бриг к Новозеландскому побережью.

Билль Галлей с грубой бранью накинулся на матросов, велел им убрать брамселя. Джон Манглс одобрил распоряжение капитана, но не сказал ему об этом ни слова. Он решил не вступать ни в какие разговоры с этим грубияном. Но ни молодой капитан, ни Гленарван не ушли с палубы. Два часа спустя ветер еще усилился, и Билль Галлей приказал взять марселя на рифы. С этой работой трудно было бы справиться команде из пяти человек, если бы на «Макари» не имелось двойной рей американской системы. Достаточно было опустить верхнюю рею, чтобы марселя сократились до минимальной величины.

Прошло еще два часа. Море становилось все более бурным. Волны так резко били в бриг, что казалось — он

уже натыкается на подводные скалы, хотя этого в действительности и не было. Тяжелый корпус брига с трудом поднимался на волну, и потому надвигавшиеся сзади волны часто хлестали через борт и прокатывались по палубе. Шлюпка, висевшая над левым бортом, была смыта таким нахлынувшим валом.

Джон Манглс тревожился. Всякому другому судну были бы нипочем эти, в сущности, не такие уж страшные волны, но с тяжеловесным «Макари» можно было опасаться сразу пойти ко дну, ибо каждый раз, когда он зарывался в волны, через палубу прокатывалась масса воды, которая, не находя достаточного количества желобов для стока, угрожала затопить бриг. Для облегчения выхода воды было бы благоразумно прорубить топорами отверстия в верхней части бортов, но Билль Галлей не согласился принять эту меру предосторожности. Впрочем, «Макари» грозила еще бо́льшая опасность, и предотвратить ее уже не было времени.

Около половины двенадцатого ночи до Джона Манглса и Вильсона, стоявших у борта с подветренной стороны, вдруг донесся какой-то необычный шум. В них проснулся инстинкт моряка. Джон схватил матроса за руку.

— Прибой! — сказал он.

— Да, — отозвался Вильсон, — это волны разбиваются о рифы.

— Не больше как в двух кабельтовых?

— Не больше. Там земля.

Джон перегнулся через борт, посмотрел на темные волны и крикнул:

— Лот, Вильсон, лот!

Хозяин «Макари», стоявший на носу, повидимому не отдавал себе отчета в своем положении. Вильсон схватил лот, свернутый на баке, и бросил его в воду. Веревка заскользила между его пальцами. У третьего узла лот остановился.

— Три сажени! — крикнул Вильсон.

— Капитан, мы у рифов! — воскликнул Джон, подбегая к Биллю Галлею.

Заметил ли Джон Манглс или нет, как Галлей пожал плечами, не важно, только молодой капитан кинулся к

рулю, повернул румпель, а Вильсон, бросив лот, стал подтягивать марсель, чтобы привести бриг к ветру. Стоявший у руля матрос, которого Джон Манглс с силой оттолкнул, был совершенно озадачен этим внезапным нападением.

— Отдавай! Отдавай! — кричал молодой капитан, поворачивая бриг таким образом, чтобы уйти от подводных скал.

С полминуты судно шло, почти касаясь рифов правым бортом, и как ни была темна ночь, Джон увидел саженях в четырех от «Макари» белые гребни ревущих волн. Тут Билль Галлей, поняв наконец грозящую судну опасность, потерял голову. Еле протрезвившиеся матросы никак не могли понять, чего требует от них капитан. Несвязная речь, противоречивость его приказаний говорили о том, что этот тупоумный пьяница отнюдь не обладал хладнокровием. Галлей был совершенно поражен: он считал, что земля от него еще в тридцати-сорока милях, а она оказалась в каких-нибудь восьми. Судно отнесло течением в сторону от его обычного пути, и это захватило жалкого капитана врасплох.

Благодаря быстро произведенному Джоном Манглсом маневру «Макари» избежал подводных скал. Но Джон Манглс не знал фарватера. Быть может, рифы окружали его со всех сторон? Ветер нес бриг прямо к востоку, и каждую минуту можно было натолкнуться на какую-нибудь подводную скалу.

Вскоре шум прибоя стал нарастать справа. Снова Джону Манглсу пришлось лавировать. Перед форштевнем судна бурлил один бурун за другим. Надо было во что бы то ни стало выйти в открытое море. Но удастся ли произвести нужный для этого поворот на таком неустойчивом судне, с малой парусностью? Шансов на успех было немного, но все же надо было отважиться на этот маневр.

— Руль на борт! До отказа! — крикнул Джон Манглс Вильсону.

«Макари» стал приближаться к новой полосе подводных скал. Запенились буруны. Наступила минута мучительного ожидания. Волны светились от пены, будто вспыхивая фосфорическим светом. Море ревело.

Вильсон и Мюльреди, нагнувшись, изо всех сил налегали на штурвал. Вдруг почувствовался страшный толчок. «Макари» наткнулся на подводную скалу. Ватер-штаги лопнули, и потому фок-мачта стала менее устойчивой. «Удастся ли закончить поворот без других аварий?» — пронеслось в голове у Джона Манглса.

Нет, закончить поворот не удалось: ветер сразу спал, и бриг перестал двигаться. Нахлынувший вал подхватил его, поднял и со страшной силой швырнул на скалы. Фок-мачта со всей своей оснасткой рухнула. Бриг дважды ударился о скалы задним концом киля, затем, накренившись на правый борт на тридцать градусов, замер.

Стекла в рубке разлетелись вдребезги. Пассажиры выбежали на палубу, но по ней перекатывались волны, и оставаться там было небезопасно. Джон Манглс, зная, что судно основательно увязло в песке, попросил пассажиров вернуться в рубку.

— Говорите правду, Джон, — хладнокровно обратился к молодому капитану Гленарван.

— Правда, сэр, заключается в следующем: ко дну мы не пойдем. Будет ли судно разбито волнами, это другой вопрос, но у нас есть время принять нужные меры.

— Теперь полночь?

— Да, сэр, и надо подождать, пока рассветет.

— Нельзя ли спустить шлюпку?

— При такой волне и среди такого мрака это немыслимо. К тому же мы даже не знаем, где можно высадиться на берег.

— Хорошо, Джон, останемся здесь до утра.

В это время Билль Галлей бегал, словно сумасшедший, по палубе своего брига. Его матросы, выйдя из остолбенения, высадили дно у бочонка с водкой и принялись распивать. Джон предвидел, что это опьянение не замедлит привести их к диким выходкам. Рассчитывать, что капитан сможет удержать свою команду, не приходилось — этот жалкий человек рвал на себе волосы, ломал руки и думал только о своем грузе, который не был застрахован.

— Разорен я! Погиб! — кричал он, бегая от одного борта к другому.

Джон Манглс не стал его утешать. Он посоветовал своим спутникам иметь при себе оружие, и все они приготовились в случае надобности дать отпор матросам. Те пили водку, выкрикивая ужасные ругательства.

— Пусть только кто-нибудь из этих мерзавцев приблизится к рубке — я убью его, как собаку, — спокойно заявил майор.

Матросы, должно быть, поняли, что с ними церемониться не станут, и потому, сделав попытку пограбить, куда-то исчезли. Джон Манглс перестал думать об этих пьяницах. Он с нетерпением ждал рассвета.

Бриг оставался совершенно неподвижным. Ветер стихал. Море мало-помалу успокаивалось. Видимо, корпус судна мог продержаться еще несколько часов. С восходом солнца Джон Манглс рассчитывал разглядеть берег. Если пристать к нему будет нетрудно, то ялик — единственное оставшееся на судне средство сообщения — перевезет на берег и команду и пассажиров. Это придется сделать за несколько раз, ибо он мог вместить не больше четырех человек. Судовая же шлюпка, как уже упоминалось, была сорвана и унесена нахлынувшим валом.

Обдумывая опасное положение, в котором он со своими спутниками очутился, Джон Манглс, опершись о борт, прислушивался к шуму клокочущих бурунов. Он старался разглядеть что-либо в окружавшем его беспросветном мраке и спрашивал себя, на каком расстоянии могла находиться эта столь желанная и вместе с тем столь мрачно-неприветливая земля. Буруны часто тянутся на расстоянии нескольких миль от побережья. Сможет ли легкая, хрупкая лодка выдержать такой переход?

В то время как Джон Манглс, ожидая первых проблесков зари, раздумывал обо всем этом, пассажирки, успокоенные молодым капитаном, спали на своих койках. Неподвижность судна обеспечивала им несколько часов отдыха. Гленарван, Джон Манглс и их спутники, не слыша больше криков мертвецки пьяной команды, также решили немного поспать. В час ночи на «Макари», дре-

мавшем на своем песчаном ложе, воцарилась полная тишина.

Около четырех часов утра на востоке показались первые проблески зари. Облака посветлели в бледных лучах рассвета. Джон Манглс снова поднялся на палубу. Туманная завеса висела на горизонте. Какие-то неясные очертания будто реяли на некоторой высоте в утренних парах. Легкая зыбь вздымала море.

Джон Манглс стал ждать. Мало-помалу делалось светлее, восток загорался алым светом. Туманная завеса медленно поднималась — из воды начали выступать черные скалы. Затем за полоской пены вырисовалась черта, а высоко над нею загорелся, словно какой-то маяк, яркий свет — это еще невидимое солнце осветило остроконечную вершину горы. Земля была там, меньше чем в девяти милях.

— Земля! — крикнул Джон Манглс.

Его спутники, разбуженные этим криком, выбежали на палубу брига и молча устремили глаза на побережье, видневшееся у горизонта. Гостеприимное ли, пагубное ли — оно должно было дать им приют.

— Где Билль Галлей? — спросил Гленарван.

— Не знаю, сэр, — ответил Джон Манглс.

— А его матросы?

— Скрылись, как и он.

— И, вероятно, как и он, мертвецки пьяны, — добавил Мак-Наббс.

— Разыщите их, — сказал Гленарван. — Нельзя же их бросить на этом судне.

Мюльреди и Вильсон спустились в помещение на баке и тут же вернулись обратно, так как там никого не оказалось. Затем они тщательно осмотрели все судно, до самого дна трюма, но ни Билля Галлея, ни его матросов нигде не обнаружили.

— Как, никого? — сказал Гленарван.

— Не упали ли они в море? — спросил Паганель.

— Все возможно, — отозвался Джон Манглс, очень озабоченный этим исчезновением. Затем, направляясь на корму, он крикнул: — К ялику!

Вильсон и Мюльреди последовали за ним, чтобы спустить на воду ялик, но его не было — он исчез.

Глава V

МАТРОСЫ ПОНЕВОЛЕ

Билль Галлей ночью сбежал вместе со своей командой на единственной лодке брига. В этом не могло быть ни малейшего сомнения. Капитан, обязанный по своему долгу оставить судно последним, покинул его первым.

— Эти плуты сбежали, — сказал Джон Манглс. — Что ж, тем лучше, сэр! они избавили нас не от одной неприятной сцены.

— И я того же мнения, — согласился Гленарван. — К тому же, Джон, на судне ведь имеется и капитан, имеются и матросы, если и не умелые, то, во всяком случае, храбрые, ваши товарищи. Приказывайте, мы готовы вам повиноваться!

Майор, Паганель, Роберт, Вильсон, Мюльреди и даже Олбинет встретили рукоплесканиями слова Гленарвана и, выстроившись на палубе, стали ждать распоряжений Джона Манглса.

— С чего же нам начать? — спросил Гленарван.

Молодой капитан бросил взгляд на море, затем на далеко не полный рангоут брига и, подумав немного, сказал:

— У нас, сэр, есть два способа выйти из положения: или снять с рифов бриг и снова выйти в море, или добраться до побережья на плоту — построить его будет нетрудно.

— Если только бриг может быть снят с рифов, снимем его, — ответил Гленарван. — Это лучшее, что мы можем сделать, не правда ли?

— Да, сэр, ибо, добравшись до суши, в каком бы положении очутились мы там без средств передвижения?

— Будем держаться подальше от берега, — заметил Паганель: — нам надо опасаться Новой Зеландии.

— Прибавьте к этому, что из-за беспечности Галлея мы значительно отклонились от нашего курса, — прибавил Джон Манглс. — Нас, очевидно, отнесло к югу. В полдень я определю наше местонахождение, и если, как я предполагаю, мы находимся южнее Окленда, то я попытаюсь достигнуть его, плывя вдоль берегов.

— Есть два способа выйти из положения: или снять с рифов бриг, или добраться до побережья на плоту.

— Но ведь бриг поврежден. Как же быть? — спросила Элен.

— Я не думаю, чтобы эти повреждения были серьезны, — ответил Джон Манглс. — Я заменю сломанную фок-мачту временной, и «Макари» пойдет, правда медленно, но все же туда, куда мы пожелаем. Если же, на наше несчастье, корпус брига проломлен или вообще нельзя будет снять его с рифов, тогда придется покориться необходимости и добираться до берега на плоту, а там идти пешком в Окленд.

— Значит, в первую очередь произведем осмотр судна, — заявил майор.

Гленарван, Джон Манглс и Мюльреди спустились в трюм. Здесь было беспорядочно навалено тонн двести дубленой кожи.

Благодаря прикрепленным к штагу талям оказалось возможным переместить тюки с кожей без особого труда. Чтобы облегчить судно, Джон Манглс распорядился немедленно выбросить часть тюков в море.

После усиленной трехчасовой работы стало возможно осмотреть дно брига. Выяснилось, что два паза обшивного пояса левого борта разошлись. Так как «Макари» лег на правый борт, то левый, поврежденный борт был выше воды. Только благодаря этому в трюме не было течи. Вильсон законопатил разошедшиеся пазы паклей, а затем аккуратно забил их медным листом. Опустили на дно трюма лот и выяснили, что в трюме воды меньше двух футов. Эту воду легко можно было выкачать насосами и облегчить таким образом судно.

Осмотр корпуса показал Джону Манглсу, что при посадке на рифы «Макари» мало пострадал. Конечно, во время снятия брига часть фальшкиля, увязнув в песке, могла остаться в нем, но это было не опасно.

Когда был закончен осмотр внутренних частей судна, Вильсон нырнул в воду, чтобы выяснить положение «Макари» на мели. Оказалось, что бриг, обращенный носом на северо-запад, сел на песчано-илистую мель, очень круто опускающуюся в море. Нижняя оконечность форштевня и две трети киля глубоко застряли в песке. Остальная же часть до ахтерштевня была в воде, глубина которой в этом месте доходила до пяти саженей. Та-

ким образом, руль не увяз и мог действовать свободно. А это давало возможность воспользоваться им при первой же надобности.

В Тихом океане прилив не особенно велик, но все же Джон Манглс рассчитывал на него, чтобы снять с мели «Макари». Бриг стал на мель приблизительно за час до начала отлива. С наступлением отлива бриг все больше и больше кренился на правый борт. В шесть часов утра, в момент наибольшего отлива, этот крен достиг своего максимума, но подпирать бриг еще не было необходимости. Благодаря этому можно было сохранить реи и шесты, которые нужны были Джону Манглсу для той временной мачты, которую он собирался поставить на носу брига.

Оставалось принять меры для снятия «Макари» с мели. Работа эта была долгая и утомительная. Было, конечно, немыслимо подготовить все, что требовалось, к приливу, то-есть к двенадцати с четвертью часам дня. На первый раз можно было лишь надеяться увидеть, какое действие окажет подъем воды на свободную часть брига, и уже только во время следующего прилива необходимо было напрячь все силы, чтобы снять «Макари» с мели.

— За дело! — скомандовал Джон Манглс.

Новые матросы насторожились в ожидании приказаний своего капитана. Джон Манглс начал с того, что распорядился убрать паруса. Майор, Роберт, Паганель под руководством Вильсона взобрались на марс. Надутый ветром грот-марсель мешал бы высвобождению судна. Надо было его убрать, и это кое-как было сделано. Затем после упорной и тяжелой для неумелых рук работы грот-брам-стеньга была выдернута из шкива. Юный Роберт, проворный, как кошка, и отважный, как юнга, оказал существенную помощь своим товарищам в этой нелегкой операции.

Затем надо было бросить якорь, а то и два позади кормы, против киля. Эти якори должны были во время прилива стащить с мели «Макари». Такая операция — дело нетрудное, когда имеется шлюпка. Тогда якорь подвозят к нужному, заранее назначенному месту и там бросают. Но здесь, когда не имелось никакой лодки, надо было чем-то ее заменить.

Гленарван был настолько сведущ в морском деле, что

ясно понимал необходимость бросить якорь для снятия судна, севшего на мель во время отлива.

— Но как же это сделать без лодки? — спросил он Джона Манглса.

— Нам придется соорудить нечто вроде плота из кусков сломанной фок-мачты и пустых бочонков, — ответил молодой капитан. — Забросить якори при таких условиях будет трудновато, но возможно, ибо якори «Макари» невелики. А если они будут заброшены и не сорвутся, я надеюсь на успех.

— Хорошо. Не будем же терять время, Джон.

Все, и матросы и пассажиры «Макари», были вызваны на палубу, и каждый из них принялся за работу. Топорами перерубили снасти, еще удерживавшие фок-мачту. Мачта эта была сломана у топа, так что марс легко удалось снять. Джон Манглс предназначил этот материал для постройки плота. Сбитую марсовую площадку укрепили на пустых бочонках, чем дали ей возможность выдержать тяжесть якорей. К этому плоту приделали для управления кормовое весло. Впрочем, отлив и так должен был отнести плот за корму, откуда, забросив якори, легко было вернуться на судно, держась за протянутый с него канат.

К полудню работа над плотом была наполовину закончена, и Джон Манглс, поручив Гленарвану наблюдать за работающими, занялся определением местонахождения брига — было чрезвычайно важно это узнать. К счастью, Джон Манглс нашел в каюте Билля Галлея справочник Гринвичской обсерватории и секстант, очень грязный, но еще годный для работы. Молодой капитан вычистил его и принес на палубу.

С помощью этого секстанта ему удалось определить, что они находятся под 38° широты, а будучи у западного берега Новой Зеландии, он знал долготу: 171° 13′.

Справившись по карте Джонстона, купленной Паганелем в Эдене, Джон Манглс убедился, что авария произошла у входа в бухту Аотеа, выше мыса Капуа, у берегов провинции Окленд. Так как город Окленд находится на тридцать седьмой параллели, то, значит, «Макари» был отнесен на один градус к югу от своего пути, и теперь, для того чтобы попасть в столицу Новой Зе-

ландии, ему нужно было подняться на этот градус к северу.

— Переход в какие-нибудь двадцать пять миль. Пустяк, — сказал Гленарван.

— Пустяк, если проплыть эти двадцать пять миль по морю; долгий и трудный путь, если пройти их по земле, — возразил Паганель.

— Поэтому сделаем все, что в человеческих силах, чтобы снять «Макари» с мели, — сказал Джон Манглс.

Снова принялись за работу. В четверть первого начался прилив, но Джон Манглс не мог им воспользоваться, ибо якори не были еще заброшены. Все же он с некоторым волнением наблюдал за тем, что делается с «Макари». Не всплывет ли бриг благодаря приливу? Это должно было решиться в течение пяти минут.

Стали ждать. Раздался треск. Он происходил если не от поднятия судна, то все же от сотрясения его подводной части. Бриг не сдвинулся, но Джон Манглс возымел некоторые надежды на следующий прилив.

Снова закипела работа. К двум часам плот был готов. На него погрузили малый якорь. Джон Манглс и Вильсон поместились на плоту, предварительно прикрепив к корме судна перлинь [1]. Прилив отнес их на полкабельтова; здесь они бросили якорь на глубине десяти саженей. Якорь хорошо держал, и плот вернулся к бригу.

Теперь предстояло заняться вторым, большим якорем. Спустить его оказалось труднее. Но затем плот снова отнесло приливом, и вскоре второй якорь был брошен позади первого, но уже на глубине пятнадцати саженей. Покончив с этим, Джон Манглс и Вильсон, подтягиваясь на канате, вернулись к «Макари».

Канат и перлинь накрутили на брашпиль, и все бывшие на «Макари» стали ждать нового прилива — разгар его должен был наступить в час ночи. Было еще только шесть часов вечера.

Джон Манглс похвалил своих матросов, а Паганелю даже дал понять, что при хорошем поведении и храбрости он когда-нибудь может стать и боцманом.

Тем временем мистер Олбинет, уже потрудившийся в

---

[1] Перлинь — корабельный пеньковый канат.

поте лица, вернулся на кухню. Здесь он занялся приготовлением сытного обеда, который пришелся как нельзя более кстати. Вся команда брига чувствовала сильнейший аппетит. Обед полностью удовлетворил всех и дал путешественникам новые силы для предстоящих работ.

После обеда Джон Манглс принял последние меры предосторожности, которые должны были обеспечить успех задуманного плана. Когда речь идет о снятии с мели судна, нельзя допустить ни малейшей оплошности. Подчас дело не удается, и киль не покидает своего песчаного ложа из-за самой незначительной перегрузки.

Джон Манглс уже распорядился выбросить в море бо́льшую часть товара для облегчения брига. Теперь же остальные тюки с кожей, тяжелые шесты, запасные реи, несколько бочек с балластом были перемещены на корму, для того чтобы она своей тяжестью помогла подняться форштевню. Вильсон и Мюльреди вкатили на корму еще несколько бочонков, которые они затем наполнили водой. Эти последние работы были закончены только к полуночи. Вся команда устала до изнеможения, что было особенно прискорбно, ибо вскоре должно было понадобиться напряжение всех ее сил. Это заставило Джона Манглса принять новое решение.

К этому времени заштилело. Легкая зыбь едва бороздила поверхность моря. Джон Манглс, всматриваясь в горизонт, заметил, что юго-западный ветер меняется на северо-западный. Моряк распознал это по особому расположению облаков и их окраске. Вильсон и Мюльреди были такого же мнения, как и их капитан.

Джон Манглс поделился своими наблюдениями с Гленарваном и предложил ему отложить снятие с мели брига на завтра.

— Вот мои доводы, — сказал молодой капитан. — Прежде всего мы очень утомлены, а между тем, чтобы высвободить «Макари», нужны все наши силы. Затем, если даже нам удастся снять бриг с мели, то как вести его среди подводных скал в такую темную ночь? Лучше действовать днем. К тому же у меня имеется еще одно основание не спешить: ветер, повидимому, станет благоприятным, и я хочу этим воспользоваться. Мне хотелось

бы, чтобы в тот момент, когда прилив поднимет эту старую калошу, ветер дал ей задний ход. Завтра, если я не ошибаюсь, задует северо-западный ветер. Мы поставим паруса на грот-мачту, и они помогут снять бриг с мели.

Приведенные молодым капитаном доводы были настолько убедительны, что даже Гленарван и Паганель, наиболее тяготившиеся создавшимся положением, и те сдались, и снятие с мели «Макари» было отложено на завтра.

Ночь прошла благополучно. Установлена была вахта, главным образом для наблюдения за поставленными якорями. Настал день. Предсказания Джона Манглса сбылись: начинал дуть северо-западный ветер, все более свежевший. Это сильно помогало. Весь экипаж был вызван на палубу. Роберт, Вильсон и Мюльреди, сидя наверху грот-мачты, майор, Гленарван и Паганель, находясь на палубе, были готовы поставить в нужный момент паруса. Рею грот-марса подняли. Грот и грот-марсель взяли на гитовы.

Было девять часов утра. До разгара прилива оставалось еще четыре часа. Они не прошли даром. Джон Манглс использовал это время для того, чтобы заменить сломанную фок-мачту временной. Это давало ему возможность уйти из этих опасных мест, как только «Макари» будет снят с мели. Команда снова напрягла все силы, и еще до полудня брам-рея была прочно укреплена на носу брига в качестве временной мачты. Элен и Мэри Грант оказали большую помощь своим товарищам, приладив запасной парус к фор-брам-рее. Они очень радовались тому, что смогли поработать для общего спасения. Когда оснастка «Макари» была закончена, он получил вид не особенно элегантный, но все же мог идти — при условии, если не будет удаляться от берега.

Скоро начался прилив. По морю пошли небольшие волны. Черные верхушки скал мало-помалу исчезли среди бурунов, точно морские животные, прячущиеся в своей родной стихии. Близился решительный момент. Путешественники ждали его с лихорадочным нетерпением. Никто не говорил ни слова. Все глядели на Джона, ожидая его приказаний.

Молодой капитан, перегнувшись через поручни шканцев, наблюдал за приливом. Он с беспокойством поглядывал на сильно натянутые канат и перлинь якорей.

В час дня прилив достиг наивысшего подъема. Наступил тот момент, когда вода не прибывает и не убывает. Надо было действовать без промедления. Поставили грот и грот-марсель, и оба они надулись ветром.

— К брашпилю! — крикнул Джон Манглс.

Это был лежачий ворот, снабженный качалками, подобно пожарным насосам. Гленарван, Мюльреди и Роберт с одной стороны, Паганель, майор, Олбинет — с другой навалились на качалки, приводившие брашпиль в движение. Джон Манглс и Вильсон, схватив шесты, присоединили свои усилия к усилиям товарищей.

— Смелей! Смелей! — кричал молодой капитан. — Дружно, все сразу!

Под могучим действием брашпиля канат и перлинь натянулись. Якори держались крепко. Чтобы добиться успеха, надо было торопиться. Через несколько минут должен был начаться отлив. Команда удвоила усилия. Свежий ветер надувал паруса и прижимал их к мачте. Корпус брига затрясся. Казалось, вот-вот он приподнимется. Быть может, добавочной силы одного человека будет достаточно, чтобы вырвать «Макари» из его песчаного ложа.

— Элен! Мэри! — крикнул Гленарван.

Молодые женщины бросились помогать своим товарищам. Брашпиль лязгнул в последний раз. Но бриг не двинулся. Операция не удалась. Начинался отлив. Было очевидно, что такой небольшой команде даже с помощью ветра и волн не снять с мели своего судна.

Глава VI,

В КОТОРОЙ КАННИБАЛИЗМ ТРАКТУЕТСЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИ

Итак, первый способ спасения, испробованный Джоном Манглсом, не удался. Надо было немедленно начать приводить в исполнение второй план. Было совершенно

ясно, что снять с рифов «Макари» невозможно, и не менее ясно было и то, что единственно правильное решение — это покинуть бриг. Ждать на нем маловероятной помощи было бы не только неосторожно, но просто безумно. Раньше появления какого-нибудь благодетельного корабля «Макари» успеет обратиться в щепки. Стоит только разыграться буре или просто задуть свежему ветру с открытого моря, и волны потащат по песку злосчастный бриг, разобьют его, растерзают и размечут его обломки. Понятно, Джон Манглс стремился добраться до суши раньше этой неминуемой гибели судна.

И он предложил приступить к постройке плота настолько крепкого, чтобы на нем можно было перевезти на берег Новой Зеландии пассажиров и достаточное количество съестных припасов.

Приходилось не обсуждать, а действовать.

Закипела работа, и до наступления ночи немало было сделано. Около восьми часов вечера, после ужина, в то время как Элен и Мэри Грант отдыхали в рубке на койках, Паганель расхаживал со своими друзьями по палубе, обсуждая то трудное положение, в которое они попали. Роберт не захотел уйти спать. Храбрый мальчуган слушал, полный готовности оказать какую угодно услугу, пойти на любое самое опасное дело.

Паганель спросил молодого капитана, не мог ли бы строившийся плот, вместо того чтобы высадить своих пассажиров на берег, проплыть с ними вдоль побережья до Окленда. Джон Манглс ответил, что такое предприятие было бы опасным.

— А возможно было бы осуществить на ялике брига то, что мы не можем попытаться сделать на плоту?

— В крайнем случае, да, — ответил Джон Манглс, — и то лишь при условии, если бы мы шли на нем днем, а ночью отстаивались на якоре.

— Так, значит, подлецы, которые нас бросили...

— Ах, эти-то! — сказал Джон Манглс. — Они были совсем пьяны, и я боюсь, что в такую непроглядную ночь они поплатились жизнью за свой низкий поступок.

— Тем хуже для них, — отозвался Паганель, — но тем хуже и для нас, ибо ялик этот был бы для нас очень полезен.

— Что делать, Паганель! — вмешался в разговор Гленарван. — Плот доставит нас на сушу.

— Этого-то мне и хотелось бы избежать, — сказал географ.

— Как, — воскликнул Гленарван, — нас ли, закаленных людей, может испугать путешествие в каких-нибудь двадцать миль после наших приключений в пампасах и Австралии!

— Друзья мои, — ответил Паганель, — я не сомневаюсь ни в нашей отваге, ни в мужестве наших спутниц. Двадцать миль — это, конечно, сущий пустяк во всякой стране, кроме Новой Зеландии. Надеюсь, вы не заподозрите меня в малодушии — ведь я первый подбивал вас пересечь Америку, пересечь Австралию. Но тут я еще раз повторяю: все лучше, чем путешествие по этой вероломной стране.

— Все лучше, чем верная гибель вместе с осевшим на мель судном, — возразил Джон Манглс.

— Чего же следует нам так опасаться в Новой Зеландии? — спросил Гленарван.

— Дикарей, — ответил Паганель.

— Дикарей? — повторил Гленарван. — Но разве мы не можем избежать встречи с ними, держась берега? К тому же нападение нескольких жалких дикарей не может устрашить десять европейцев, хорошо вооруженных и готовых защищаться.

— Дело идет не о жалких дикарях, — отвечал, качая головой, Паганель. — Новозеландцы объединены в грозные племена, борющиеся против английского владычества. Они сражаются с захватчиками своей родины, часто побеждают их, а победив, всегда съедают!

— Так это людоеды! Людоеды! — крикнул Роберт, а затем прошептал еле слышно: — Сестра... миссис Элен...

— Не бойся, мой мальчик, — сказал, желая успокоить его, Гленарван. — Наш друг Паганель преувеличивает.

— Я ничего не преувеличиваю! — возразил географ. — Роберт показал себя мужчиной, и я говорю с ним как с мужчиной, не скрывая от него правды. Неужели же вы думаете, что все новозеландцы цивилизованы? — продолжал Паганель. — В прошлом году один англичанин, Уокнер, был замучен с ужасающей жестокостью. И имей-

те в виду, что это преступление было совершено в 1864 году, в Опотики, в каких-нибудь нескольких лье от Окленда, так сказать на глазах у английских властей.

— Ба! — сказал майор. — Не рождено ли большинство этих рассказов воображением путешественников? Приятно вернуться из опаснейших стран, едва не побывав в желудках людоедов.

— Я допускаю, что в этих свидетельствах есть известная доля преувеличения, — ответил Паганель, — но ведь обо всем этом рассказывали люди, достойные доверия, как, например, Марсден, капитаны Дюрвиль, Лаплас, а также многие другие, и я верю их рассказам, я не могу им не верить. Новозеландцы по природе жестоки. Когда у них умирает вождь, они приносят в жертву людей. Считается, что жертвы эти смягчают гнев умершего, — иначе этот гнев мог бы обрушиться на живых. Заодно вождь получает и слуг для «того света». Но так как, принеся в жертву этих слуг, новозеландцы затем пожирают их, то есть основание считать, что делается это скорее из желания поесть человеческого мяса, чем из суеверия.

Паганель был прав. Людоедство в Новой Зеландии стало таким же хроническим явлением, как и на островах Фиджи или Торресова пролива. Суеверие, несомненно, играет известную роль в этих гнусных обычаях, но все же людоедство существует главным образом потому, что бывают времена, когда дичь в этих местах редка, а голод силен. Дикари начали есть человеческое мясо, чтобы удовлетворить свой редко утоляемый голод. В дальнейшем их жрецы регламентировали и освятили этот чудовищный обычай. Пиршество стало церемонией — вот и всё.

К тому же, с точки зрения маори, нет ничего более естественного, как поедать друг друга. Притом новозеландцы утверждают, что, пожирая врага, они уничтожают его духовную сущность и таким образом к ним переходят его душа, сила, доблесть, ибо все это главным образом заключено в его мозгу. Вот почему мозг и является на пиршествах людоедов самым изысканным и почетным блюдом.

Однако Паганель настаивал, и не без основания, на

том, что главной причиной людоедства являлся голод — не только у новозеландцев, но и у первобытных жителей Европы.

— Да, — прибавил географ, — людоедство свирепствовало среди предков самых цивилизованных народов, и не посчитайте, друзья мои, за личную обиду, если я скажу вам, что особенно оно было развито у шотландцев.

— В самом деле? — сказал Мак-Наббс.

— Да, майор, — подтвердил Паганель. — Если вы прочтете некоторые отрывки из летописей Шотландии, вы увидите, каковы были ваши праотцы, и, даже не углубляясь в исторические времена, можно указать, что в царствование Елизаветы, в то самое время, когда Шекспир создавал своего Шейлока, шотландский разбойник Сэвней Бек был казнен за людоедство. Что побудило его есть человеческое мясо? Религия? Нет, голод.

— Голод? — спросил Джон Манглс.

— Да, голод, — повторил Паганель. — Потому что у них не имеется животных, и это надо знать: не для того, чтобы оправдывать новозеландцев, но чтобы иметь объяснение их людоедства. В этом негостеприимном крае редки не только четвероногие, но и птицы. Поэтому-то маори во все времена и питались человеческим мясом. У них даже существует сезон людоедства, подобно тому как в цивилизованных странах существует охотничий сезон. Тут начинаются у новозеландцев великие охоты, иначе говоря — великие войны, после которых целые племена подаются на стол победителей.

— Таким образом, Паганель, судя по вашим словам, людоедство в Новой Зеландии переведется лишь тогда, когда на ее лугах будут пастись стада овец, быков и свиней? — заметил Гленарван.

— Очевидно, так, дорогой сэр.

— А в каком виде маорийцы едят человеческое мясо, — спросил Мак-Наббс: — в сыром или вареном?

— Да зачем вам это нужно знать, мистер Мак-Наббс? — воскликнул Роберт.

— А как же, мой мальчик! — серьезным тоном ответил майор. — Ведь если мне придется кончить свои дни на зубах у людоеда, так я предпочитаю быть зажаренным.

— Почему?

— Это даст мне уверенность в том, что я не буду съеден живым.

— А что, если вас станут поджаривать живым, майор? — озадачил его географ.

— Да, скажу я вам, выбор не из легких, — ответил майор.

— Ну, как бы то ни было, узнайте, к вашему удовольствию, Мак-Наббс, что новозеландцы употребляют человеческое мясо только в жареном или копченом виде. Это люди благовоспитанные, знатоки кулинарного искусства. Но что касается меня, то мысль быть съеденным мне особенно неприятна. Окончить свою жизнь в желудке дикаря! Тьфу!

— Словом, из всего этого вытекает, что нам не следует попадать им в руки, — заявил Джон Манглс.

Глава VII

ВЫСАДКА НА ТАКУЮ ЗЕМЛЮ, ОТ КОТОРОЙ НАДО БЫЛО БЫ ДЕРЖАТЬСЯ ПОДАЛЬШЕ

Факты, сообщенные Паганелем, говорили сами за себя. Не могло быть сомнений в жестокости новозеландцев. Высаживаться на их побережье было опасно. Но будь эта опасность в сто раз большей, все же приходилось идти ей навстречу. Джон Манглс сознавал всю необходимость безотлагательно покинуть судно, обреченное на скорую гибель. Из двух опасностей — одной неизбежной, а другой только вероятной — не ясно ли было, какую выбрать? Трудно было рассчитывать на то, что путешественников может подобрать какое-нибудь судно: «Макари» не находился на пути судов в Новую Зеландию. Они обычно проходят или севернее, в Окленд, или южнее, в Новый Плимут, а бриг сел на мель как раз между этими двумя пунктами, против пустынных берегов Ика-на-Мауи. Берега эти опасные, редко посещаемые. Суда избегают их, и если ветер заносит их сюда, они стараются как можно скорее уйти из этих мест.

— Когда мы двинемся в путь? — спросил Гленарван.

— Завтра в десять часов, — ответил Джон Манглс:— в это время начнется прилив, и он понесет нас к берегу.

Сооружение плота было закончено на следующий день, 5 февраля, к восьми часам утра. Джон Манглс приложил все усилия, чтобы оборудовать его наилучшим образом. Плот, сколоченный для завозки якорей, конечно не мог бы доставить на берег и пассажиров и съестные припасы. Нужно было более солидное сооружение, способное выдержать переход в девять миль. Такой плот можно было построить только из мачт.

Вильсон и Мюльреди принялись за работу. Они перерубили такелаж, а затем и грот-мачту.

Нижняя часть мачты, стеньга и брам-стеньга были распилены и разъединены. Теперь главные части плота уже были спущены на воду. Их присоединили к обломкам фок-мачты. Все эти длинные шесты крепко-накрепко связали между собою канатами, а между ними Джон Манглс распорядился укрепить полдюжины пустых бочек — они должны были приподнять плот над водой.

Вильсон набил на этот прочный фундамент из решетчатых люков нечто вроде пола. Благодаря этому волны могли прокатываться по плоту, не задерживаясь на нем. К тому же крепко привязанные вокруг плота пустые бочки из-под воды образовали род борта для защиты от крупных волн.

В то утро Джон Манглс, увидев, что ветер дует благоприятный, распорядился установить посередине плота мачту. Ее укрепили с помощью вантов и подняли на нее парус. У задней части плота для управления им было установлено большое весло с широкой лопастью.

Столь тщательно и обдуманно построенный плот должен был выдержать удары волн. Но если ветер изменится, возможно ли будет управлять плотом, достигнет ли он берега? Вот в чем был вопрос.

В девять часов погрузили на плот съестные припасы в таком количестве, которого хватило бы до самого Окленда, ибо в этом бесплодном краю нельзя было рассчитывать достать что-либо съестное.

Из припасов, купленных Олбинетом для перехода на бриге, осталось лишь некоторое количество мясных консервов. Этого, конечно, было недостаточно. Пришлось

Главные части плота были спущены на воду.

запастись незамысловатым продовольствием брига: морскими сухарями среднего достоинства и двумя бочонками соленой рыбы. Стюард был очень этим сконфужен.

Продукты поместили в герметически закупоренные, непроницаемые для морской воды ящики, которые спустили на плот и прикрепили к основанию мачты толстыми найтовами. Ружья и боевые припасы уложили в безопасное место. К счастью, наши путешественники были хорошо вооружены карабинами и револьверами.

Погрузили и небольшой якорь на тот случай, если бы не удалось добраться до берега за один прилив и пришлось бы в ожидании следующего прилива стоять на якоре в море.

В десять часов начался прилив. Дул слабый северо-западный ветер. По морю шла легкая зыбь.

— Все готово? — спросил Джон Манглс.

— Все готово, капитан, — ответил Вильсон.

— На посадку! — крикнул Джон Манглс.

Элен и Мэри Грант спустились на плот по грубой веревочной лестнице и уселись у мачты на ящики со съестными припасами. Их спутники разместились вокруг них. Вильсон взялся за руль. Джон Манглс стал у снастей. Мюльреди перерубил канат, которым плот был прикреплен к бригу. Поставили парус, и плот под двойным действием — прилива и ветра — двинулся к берегу.

Побережье находилось на расстоянии девяти миль. Расстояние это было незначительно; на шлюпке с хорошими гребцами его можно было пройти в каких-нибудь три часа. На плоту это, конечно, должно было потребовать больше времени. Правда, если бы ветер продержался, это, пожалуй, дало бы возможность достигнуть берега за один прилив, но если бы он спал, то отлив повлек бы плот обратно в море, и тогда пришлось бы бросить якорь и дожидаться следующего прилива. Положение было не из легких, и это очень беспокоило Джона Манглса.

Но все же он верил в успех своего дела. Ветер свежел. Так как прилив начался в десять часов, то необходимо было добраться до берега не позже трех часов дня, в противном же случае пришлось бы бросить якорь или быть отнесенным наступившим отливом.

Вначале все шло хорошо. Черные верхушки рифов и желтизна песчаных мелей мало-помалу исчезали под волнами надвигавшегося прилива. Необходимо было чрезвычайное напряжение внимания и большое искусство, чтобы избежать этих прячущихся под водой скал и править плотом, который не особенно-то хорошо слушался руля и легко уклонялся в сторону.

В двенадцать часов плот был еще в пяти милях от земли. На северо-восточной стороне неба вырисовывалась гора странного вида: казалось, что это силуэт запрокинутой назад головы кривляющейся обезьяны. То была гора Пиронгия вышиной в две тысячи пятьсот футов, расположенная, судя по карте, у тридцать восьмой параллели.

В половине первого Паганель обратил внимание своих спутников на то, что все подводные скалы исчезли под волнами прилива.

— Исключая одной, — отозвалась Элен.

— Какой? — спросил Паганель.

— Вон той, — ответила Элен, показывая на черную точку в миле от плота.

— Верно, — согласился географ. — Постараемся же точно определить положение этой скалы, чтобы не наткнуться на нее: ведь прилив не замедлит скрыть ее от наших глаз.

— Она находится как раз по направлению к северу от горы, — сказал Джон Манглс. — Смотри, Вильсон, обходи ее.

— Есть, капитан! — ответил матрос, наваливаясь всей своей тяжестью на большое рулевое весло.

За полчаса прошли еще полмили. Но странно: черная точка все продолжала виднеться среди волн. Джон Манглс внимательно вглядывался в нее и, чтобы лучше рассмотреть, попросил у Паганеля его подзорную трубу. Поглядев в нее с минуту, молодой капитан сказал:

— Это вовсе не скала, а нечто поднимающееся и опускающееся вместе с волной.

— Уж не обломок ли мачты с «Макари»? — спросила Элен.

— Нет, — ответил Гленарван, — ни один обломок не мог быть отнесен на такое расстояние от судна.

— Постойте! — крикнул Джон Манглс. — Я узнаю его — это ялик!

— Ялик с брига? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, он самый, причем опрокинутый вверх дном.

— Несчастные! — крикнула Элен. — Они погибли!

— Да, погибли, — подтвердил Джон Манглс. — И они неминуемо должны были погибнуть, ибо при таком бурном море, в такую беспросветную ночь, среди этих рифов они шли на верную смерть.

В течение нескольких минут пассажиры молчали. Они глядели на приближавшийся утлый челн. Он, очевидно, перевернулся в четырех милях от берега, и из бывших на нем пассажиров ни один, без сомнения, не спасся.

— Но ялик, пожалуй, может нам пригодиться, — проговорил Гленарван.

— Конечно, — ответил Джон Манглс. — Правь на него, Вильсон.

Матрос выполнил приказание капитана, но ветер спадал, и плот добрался до опрокинутого ялика лишь к двум часам.

Мюльреди, стоявший на передней части плота, ловко подтянул ялик к борту плота.

— Пустой? — спросил Джон Манглс.

— Да, капитан, — ответил матрос. — Ялик пуст и пробит, а потому служить нам не сможет.

— Значит, не годен? — спросил Мак-Наббс.

— Не годен, — сказал Джон Манглс. — Это обломок, годный только на дрова.

— Жаль, — промолвил Паганель. — На таком ялике мы могли бы добраться до Окленда.

— Что делать, господин Паганель, приходится мириться с этим, — отозвался Джон Манглс. — К тому же на таком бурном море я все же предпочитаю этой утлой лодке наш плот. Видите, достаточно было легкого удара, чтобы привести ее в негодность... Итак, сэр, нам здесь больше нечего делать.

— Едем дальше, Джон, — сказал Гленарван.

— Правь прямо на берег, Вильсон! — приказал молодой капитан.

Прилив должен был держаться еще с час. За это

— Ялик пуст, — сказал матрос, — и пробит, а потому служить нам не сможет.

время удалось пройти мили две. Но тут ветер почти совсем спал; казалось даже, что он начинает дуть от берега. Плот остановился. Но вскоре отлив стал относить его в открытое море. Нельзя было терять ни секунды.

— Отдай якорь! — крикнул Джон Манглс.

Мюльреди, бывший наготове, бросил якорь. Плот отнесло еще назад сажени на две, а затем его удержал туго натянувшийся перлинь, и путешественники приготовились к довольно продолжительной стоянке. Следующий прилив должен был наступить в десять часов вечера, а так как Джон Манглс был против того, чтобы идти на плоту ночью, путешественникам предстояло простоять на якоре до шести часов утра. Они находились меньше чем в трех милях от берега.

По морю катились довольно крупные волны, и, казалось, они катились к берегу. Когда Гленарван узнал, что ему и его товарищам предстоит провести на плоту всю ночь, он спросил Джона Манглса, почему тот не воспользуется этими валами, чтобы приблизиться к берегу.

— Вас вводит в заблуждение оптический обман, сэр, — ответил ему молодой капитан. — Это только кажется, что валы эти движутся вперед: на самом деле они никуда не движутся. Бросьте в эти волны кусочек дерева, и вы увидите, что его никуда не унесет, пока не начнется отлив. Нет, сэр, нам остается только запастись терпением и ждать.

— И пообедать, — добавил майор.

Олбинет не замедлил достать из ящика с провизией несколько кусков сушеного мяса и с дюжину сухарей. Стюард был смущен скудостью этого меню, но тем не менее все ели охотно, не исключая путешественниц, несмотря на то что резкая качка не располагала их к особенно сильному аппетиту.

Надо сказать, что эти резкие толчки, получавшиеся оттого, что плот, удерживаемый канатом, выдерживал на себе натиск волн, были чрезвычайно утомительны. Плот то и дело подбрасывало короткими, порывистыми волнами; он не мог бы сильнее удариться и о камень подводной скалы. Подчас казалось, что он и на самом деле бьется о камни. Перлинь сильно дергало, и молодой капитан каждые полчаса травил его на сажень. Без этой

предосторожности он неизбежно лопнул бы, и плот унесло бы в открытое море.

Легко понять опасения Джона Манглса: каждую минуту мог лопнуть канат или сорваться якорь. В обоих случаях путешественники оказались бы в отчаянном положении.

Приближалась ночь. Диск солнца, кроваво-красный, вытянутый вследствие преломления света, вот-вот должен был исчезнуть за горизонтом. Далеко на западе вода блестела и сверкала, словно расплавленное серебро. Там ничего не было видно, кроме неба и моря да еще остова «Макари», все еще неподвижно стоявшего на своей мели.

Быстро наступили сумерки — они длились всего каких-нибудь несколько минут, — и берега, замыкавшие горизонт на севере и на востоке, потонули во мраке.

Какое томительное состояние должны были переживать наши потерпевшие крушение путешественники на этом тесном плоту, среди беспросветного мрака! Одни забылись в тревожной дремоте, нагонявшей тяжелые сны, другие всю ночь не могли сомкнуть глаз. Все встретили рассвет разбитые усталостью.

Снова начался прилив, и снова с открытого моря задул ветер. Было шесть часов утра. Время было дорого — нельзя было терять ни минуты. Джон Манглс начал готовиться к отплытию. Он приказал поднять якорь. Но лапы якоря вследствие толчков натянутого перлиня глубоко засели в песке. Без брашпиля, даже талями, сооруженными Вильсоном, вытащить якорь оказалось невозможным.

С полчаса прошло в тщетных попытках. Наконец Джон Манглс, которому не терпелось как можно скорее сняться, велел перерубить канат. Лишаясь якоря, молодой капитан отказывался от возможности стоянки в том случае, если бы прилив и на этот раз не донес их до берега. Но Джон Манглс не хотел больше задерживаться, и удар топора предал плот на волю ветра и течения. Скорость последнего достигала двух миль в час.

Поставили парус, и плот медленно понесло к земле; она вырисовывалась еще неясно, какой-то серой массой, озаренной лучами восходящего солнца.

Рифы были искусно обойдены и остались позади. Но при переменчивом ветре, дующем с моря, плот двигался

так медленно, что, казалось, совсем не приближался к берегу. Как необыкновенно трудно было добраться до этой Новой Зеландии, высадка на берег которой грозила такими опасностями!

Все же в девять часов до земли оставалось уже меньше мили. Крутые берега щетинились бурунами. Нужно было найти место для высадки. Ветер все слабел и слабел и наконец совсем спал. Парус повис и стал хлестать по мачте. Джон приказал спустить его. Теперь только один прилив нес плот к берегу, и управлять им больше было нельзя. А тут еще ход замедляли огромные морские водоросли.

В десять часов Джон убедился, что они почти не двигаются с места, а до берега еще добрых три кабельтовых. Стать на якорь, за неимением его, нельзя было. Неужели их отнесет отливом в открытое море?

Джон Манглс, сжав руки, с отчаянием глядел на эту недоступную для них землю.

К счастью — теперь это действительно было счастьем, — почувствовался толчок, и плот остановился. Он наткнулся на мель в двадцати пяти саженях от берега.

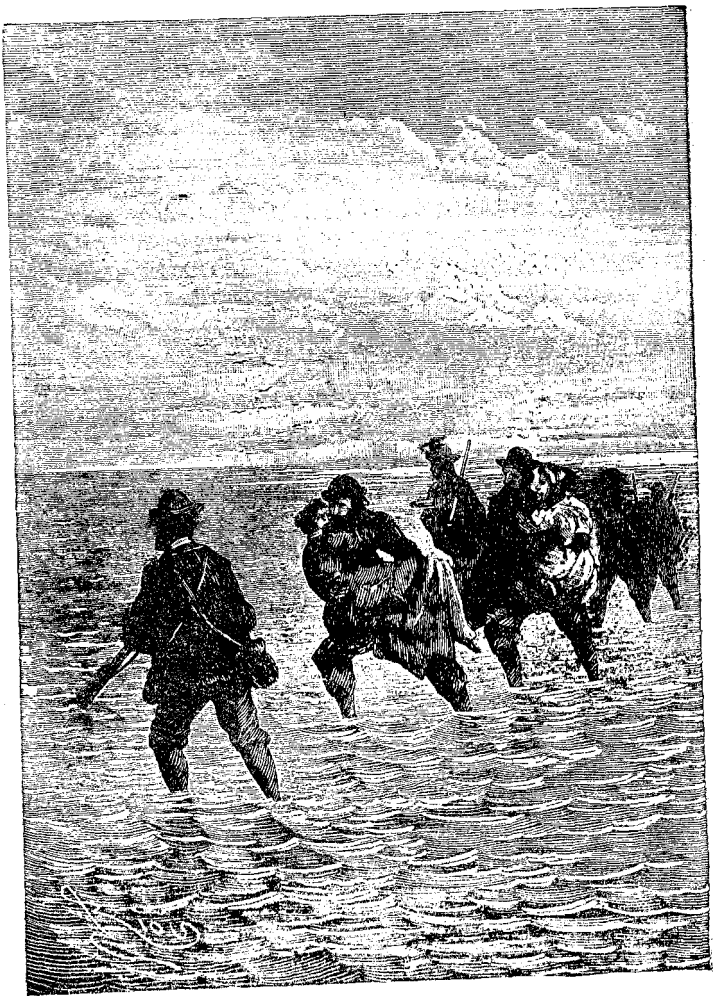
Глава VIII

НАСТОЯЩЕЕ ТОЙ СТРАНЫ, КУДА ПОПАЛИ НАШИ ПУТЕШЕСТВЕННИКИ

Гленарван, Роберт, Вильсон, Мюльреди бросились в воду. Плот привязали канатами к ближайшим скалам. Путешественниц перенесли на берег, передавая их с рук на руки, причем они не замочили себе даже подола платья. А вскоре и все путешественники, с оружием и съестными припасами, окончательно высадились на внушающее такой страх побережье Новой Зеландии.

Гленарвану хотелось бы немедленно двинуться вдоль побережья к Окленду, но с самого утра небо стали заволакивать густые тучи, а после высадки на берег, около одиннадцати часов утра, начался ливень. Пуститься в дорогу было невозможно. Пришлось искать убежища.

Вильсон очень кстати открыл пещеру, выдолбленную



Путешественниц перенесли на берег.

морем в базальтовых скалах, и путешественники приютились в ней вместе со своим оружием и съестными припасами. В пещере оказалось множество сухих водорослей, когда-то занесенных сюда морскими волнами. Это были как бы готовые постели — пришлось ими удовольствоваться. У входа в пещеру валялся хворост; развели костер, и каждый стал обсушиваться.

Джон Манглс надеялся, что такой проливной дождь должен скоро прекратиться. Он ошибся: ливень не прекращался в продолжение нескольких часов, а около полудня к нему еще присоединился сильнейший ветер. Такая помеха могла кого угодно вывести из себя. Что тут было делать? Пуститься в дорогу в такую погоду, не имея даже средств передвижения, было бы безумием. К тому же путь до Окленда должен был занять несколько дней, и двенадцать лишних часов не имели здесь значения, если только, конечно, не появятся туземцы.

Во время этой вынужденной остановки зашел разговор о войне, происходившей в Новой Зеландии. Но чтобы понять и оценить, насколько серьезно было положение на этих островах к тому моменту, когда на них высадились потерпевшие крушение на «Макари», надо знать историю той кровавой борьбы, которая разыгралась на острове Ика-на-Мауи.

После появления Авеля Тасмана в проливе Кука в декабре 1642 года эти берега часто посещались европейскими судами, но это не мешало новозеландцам пользоваться полной свободой на своих независимых островах. Ни одно из европейских государств еще не помышляло о захвате этого архипелага, занимающего на Тихом океане такое важное в стратегическом отношении положение. Некоторые миссионеры, особенно англиканские, старались приучить новозеландских вождей к мысли о том, что им необходимо смиренно склониться под игом Англии. Миссионерам удалось добиться своего: ловко одураченные вожди подписали письмо к королеве Виктории, прося ее покровительства. Наиболее дальновидные понимали глупость такого шага, и один из них, приложив к этому посланию отпечаток своей татуировки, пророчески сказал: «Мы потеряли свою родину. Отныне она не наша. Вскоре ее захватит иноземец, и мы станем его рабами».

Вождь был прав. 29 января 1840 года в бухте Островов на севере Ика-на-Мауи появился английский корвет «Герольд». Капитан корвета Гобсон высадился у селения Корора-Река. Туземцы были приглашены в протестантскую церковь на собрание. Здесь капитан Гобсон прочел им привезенные от английской королевы грамоты, в которых та изъявляла согласие на принятие под свое покровительство Новой Зеландии.

5 января 1841 года английский резидент вызвал к себе в селение Пара главных вождей новозеландцев. На состоявшемся собрании тот же капитан Гобсон, стараясь убедить вождей в необходимости подчиниться английской королеве, указывал на то, что она послала войска и корабли для защиты Новой Зеландии, причем подчеркивал, что права их остаются неприкосновенными и свобода — полной. Однако капитан Гобсон закончил свою речь тем, что новозеландцы должны продать принадлежащие им земли английской королеве.

Большинство вождей, найдя цену королевского покровительства слишком высокой, отказались от этого покровительства. Но посулы и подарки оказали большее действие на дикарей, чем громкие слова капитана Гобсона, — покровительство Англии со всеми ее условиями было принято.

Что же произошло в Новой Зеландии с знаменательного 1840 года по тот день, когда «Дункан» вышел из залива Клайд?

Не существовало на свете ничего, чего бы не знал Жак Паганель и с чем он не был бы готов ознакомить своих товарищей.

— Миссис, — обратился он к Элен, — я должен повторить вам то, что мне уже приходилось говорить, а именно: что новозеландцы — народ мужественный. Уступив притязаниям Англии, они очень скоро после этого стали защищать от англичан каждую пядь родной земли. Мужчины Новой Зеландии — люди гордые и храбрые. Одни из них высокие ростом, с гладкими волосами, другие меньше ростом, коренастые, похожие на мулатов, но все они крепкие, высокомерные и воинственные. Некогда был у них знаменитый вождь, по имени Хихи. Узнав все это, вы не будете удивлены тем, что на острове Ика-на-

Мауи война с англичанами тянется без конца. Здесь обитает замечательное в своем роде племя вайкатов, и Вильям Томсон увлекает его за собой на защиту родной земли.

— Но разве англичане не являются теперь хозяевами главных пунктов Новой Зеландии? — спросил Джон Манглс.

— Конечно, дорогой Джон, — ответил Паганель. — С тех пор как в 1840 году капитан Гобсон захватил Новую Зеландию и стал ее губернатором, на этих островах возникло к 1862 году девять колоний, и все они занимают самые удобные места. Из этих колоний образовалось девять провинций: четыре на северном острове — Окленд, Таранаки, Веллингтон, Гаукс, и пять на южном острове — Нельсон, Мальборо, Кентербери, Отаго и Саутленд. Тридцатого июня 1864 года в этих провинциях насчитывалось всего сто восемьдесят тысяч триста сорок шесть жителей. Во многих местах выросли важные торговые города. Когда мы доберемся до Окленда, я уверен, вы не сможете не восхититься красотой местоположения этого южного Коринфа. Он господствует над узким перешейком, переброшенным, точно мост, через воды Тихого океана. В Окленде насчитывается уже двенадцать тысяч жителей. На западном побережье вырос Новый Плимут, на восточном — Агурири, на южном — Веллингтон; все они также являются цветущими городами с оживленной торговлей. Очутившись же на южном острове — Таваипуна-му, вы затруднились бы, какому из его городов отдать предпочтение: утопающему ли в садах Нельсону, прославленному своими винами, как во Франции — Монпелье; Пиктону ли, расположенному у пролива Кука; или Крайстчёрчу, Инверкаргилю и Дендину — этим городам богатейшей провинции Отаго, куда стекаются искатели золота со всего земного шара. И заметьте, друзья мои, что дело идет не о каких-нибудь немногих хижинах, населенных семействами дикарей, но о настоящих городах с портами, соборами, банками, доками, ботаническими садами, музеями, обществами акклиматизации, газетами, больницами, благотворительными обществами, философскими институтами, масонскими ложами, клубами, обществами хорового пения, с театрами, с дворцами, построенными для всемирной выставки, точь-в-точь как в Париже

или Лондоне. И если только память не изменяет мне, то в текущем, 1865 году, быть может даже в то время, когда я все это вам рассказываю, промышленные изделия всего земного шара выставлены здесь, в этой стране.

— Как, несмотря на войну с туземцами? — спросила Элен.

— У англичан крепкие нервы, — ответил Паганель. — Они и сражаются и устраивают выставки в одно и то же время. Их это нисколько не смущает. Они даже строят под выстрелами новозеландцев железные дороги. В провинции Окленд два железнодорожных пути прокладываются через главнейшие пункты, занятые повстанцами. Я готов биться об заклад, что рабочие, строящие эти железнодорожные линии, стреляют в туземцев с паровозов.

— Но к каким же результатам привела эта бесконечная война? — спросил Джон Манглс.

— Вот уже шесть месяцев, как мы покинули Европу, и я, конечно, не могу знать, что случилось после нашего отплытия, — ответил Паганель, — за исключением разве нескольких происшествий, о которых я прочитал в газетах Мериборо и Сеймура во время нашего перехода через Австралию. Тогда, помнится, ожесточенно сражались на острове Ика-на-Мауи.

— Когда же началась эта война? — спросила Мэри Грант.

— Вы, дорогая мисс, верно хотели сказать: «когда возобновилась», — ответил Паганель, — ибо первое восстание было поднято еще в 1845 году. Так вот: возобновилась война эта в конце 1863 года. Но маори задолго до этого начали готовиться к свержению английского владычества. Туземная народная партия вела деятельную пропаганду за то, чтобы провести на выборах одного из маорийских вождей, Потатау. Она хотела из этого старого вождя сделать короля, а из его селения, лежавшего между реками Вайкато и Вайпа, — столицу нового государства. Сам Потатау был стариком более лукавым, чем отважным, но у него был умный и энергичный премьер-министр из племени нгатихахуа, которое обитало на Оклендском перешейке до захвата его иноземцами. Этот министр, по имени Вильям Томсон, сделался душой освободительной войны. Он очень умело сформировал из

маори боевые отряды. Под его влиянием один вождь из Таранаки собрал вокруг себя ряд разрозненных племен, объединив их национальной идеей. Другой вождь, из провинции Вайкато, основал Земельную лигу, которая убеждала туземцев не продавать своих земель английскому правительству. Английские газеты начали указывать на эти тревожные симптомы; правительство было не на шутку обеспокоено. Словом, умы были возбуждены, взрывчатого материала накопилось много. Не хватало только искры, или, вернее, столкновения интересов новозеландцев и англичан, чтобы высечь эту искру и вызвать взрыв.

— И это столкновение?.. — спросил Гленарван.

— ...произошло в 1860 году, — отвечал Паганель, — в провинции Таранаки, на юго-западном побережье острова Ика-на-Мауи. У одного туземца было шестьсот акров земли близ Нового Плимута. Он продал их английскому правительству. Когда землемеры явились вымерять проданный участок, вождь Кинги заявил протест, а затем выстроил на спорных шестистах акрах укрепленный лагерь, огороженный высоким частоколом. Через несколько дней после этого полковник Гольд со своим отрядом взял это укрепление приступом. В этот-то день и раздался первый выстрел народной войны.

— А многочисленны ли маорийцы? — спросил Джон Манглс.

— За последние сто лет количество их очень сократилось, — ответил географ. — В 1769 году Кук определял число их в четыреста тысяч человек. А в 1845 году, согласно переписи туземного протектората, количество маори уменьшилось до ста девяти тысяч. В настоящее время, несмотря на болезни, водку и избиения, производимые англичанами-«просветителями», на обоих островах все же насчитывается девяносто тысяч туземцев, в том числе тридцать тысяч воинов, которые, по-моему, еще долго будут наносить поражения английским войскам.

— А удачно ли шло до сих пор восстание? — спросила Элен.

— Да. И самих англичан не раз приводила в восхищение отвага новозеландцев. Они ведут партизанскую войну, войну налетов и стычек, набрасываются на мелкие отряды регулярных войск и грабят усадьбы английских

поселенцев. Генерал Камерон чувствовал себя не очень уютно в этом краю, где приходилось обыскивать каждый куст. В 1863 году после долгой и кровопролитной борьбы маори занимали у верховий реки Вайкато, на конце цепи крутых холмов, обширную укрепленную позицию, защищенную тремя оборонительными линиями. Местные агитаторы усиленно призывали все население на защиту родной земли, обещая полную победу над пакекас, то-есть белыми. С туземцами сражались три тысячи английских солдат под командой генерала Камерона; они беспощадно расправлялись с маори, после того как те зверски убили капитана Спрента. Происходили кровопролитные сражения. Иные длились по двенадцати часов, а маори всё не отступали под пушечными выстрелами европейцев. Ядром этой свободолюбивой, отважной армии являлось свирепое племя вайкато, во главе которого стоял Вильям Томсон. Этот туземный полководец вначале командовал двумя с половиной тысячами воинов, потом восемью тысячами, так как к нему присоединились со своими подданными два грозных вождя — Шонги и Хеки. Женщины самоотверженно помогали мужчинам в этой освободительной войне. Но правое дело далеко не всегда одерживает победу. После кровопролитных боев генерал Камерон все же подчинил английскому владычеству округ Вайкато, правда опустошенный и обезлюдевший, ибо маори разбежались. Во время этой войны совершались удивительные подвиги. Так, например, четыреста маори, осажденные в крепости Оракан тысячей англичан, не имея ни воды, ни пищи, отказались сдаться. А в один прекрасный день, в полдень, осажденные маори проложили себе кровавый путь сквозь ряды сорокового полка и скрылись в болотах.

— Но закончилась ли эта кровопролитная война покорением округа Вайкато? — спросил Джон Манглс.

— Нет, друг мой, не закончилась, — ответил Паганель. — Англичане решили идти на провинцию Таранаки и осадить там крепость Матантава, где засел Вильям Томсон. Конечно, взятие этой крепости будет стоить им немалых потерь. Помнится, перед самым отъездом из Парижа я прочел в газетах, что племя таранга изъявило покорность генералу и губернатору и что те оставили ту-

земцам три четверти земель. В этих сообщениях говорилось и о том, что главный вождь восстания, Вильям Томсон, также собирается сдаться. Однако в австралийских газетах я не нашел подтверждения этих слухов — наоборот, судя по ним, можно предполагать, что в данный момент новозеландцы с новой энергией готовятся к дальнейшему сопротивлению.

— И, по вашему мнению, Паганель, — спросил Гленарван, — ареной этой борьбы явятся провинции Таранаки и Оклендская?

— Думаю, что да.

— И одна из них — это именно та провинция, куда мы заброшены крушением «Макари»?

— Та самая. Мы высадились всего в нескольких милях от гавани Кавиа, где и сейчас, по-моему, должен развеваться национальный флаг маори.

— Тогда мы поступим благоразумно, двинувшись к северу, — сказал Гленарван.

— Конечно, — согласился Паганель. — Новозеландцы ненавидят европейцев, особенно англичан. Поэтому постараемся не попасть им в руки.

— Быть может, мы встретим какой-нибудь отряд английских войск, — промолвила Элен. — Это было бы для нас счастьем!

— Возможно, — ответил географ, — но я мало на это надеюсь. Отдельные английские отряды не особенно охотно расхаживают по здешним местам, где за каждым кустом, за каждым кустиком прячется искусный стрелок. Вот почему я не очень-то рассчитываю на конвой из солдат сорокового полка. Но на западном побережье, вдоль которого лежит наш путь в Окленд, находится несколько миссий, и мы сможем там останавливаться. Я даже замышляю попасть на дорогу, по которой шел, следуя вдоль течения реки Вайкато, Гохштеттер.

— Кто он — путешественник? — спросил Роберт Грант.

— Да, мой мальчик, это член научной экспедиции, совершившей кругосветное путешествие на австралийском фрегате «Наварра» в 1858 году.

— Господин Паганель, — не унимался Роберт, глаза которого зажигались энтузиазмом при мысли о великих

географических открытиях, — были ли в Новой Зеландии такие путешественники, как Бёрк и Стюарт в Австралии?

— Их было несколько, мой мальчик: например, доктор Гукер, профессор Бризар, естествоиспытатель Диффенбах и Юлиус Гаст. Но хотя некоторые из них и поплатились жизнью за свою страсть к приключениям, они пользуются меньшей известностью, чем путешественники по Австралии и Африке.

— А вы знаете историю их путешествий? — спросил юный Грант.

— Еще бы! И так как я вижу, дружок, что ты горишь нетерпением узнать об этих путешественниках, все то, что я сам о них знаю, тотчас же тебе это расскажу.

— Благодарю вас, господин Паганель, я вас слушаю.

— И мы тоже вас слушаем, — заявила Элен. — Не в первый раз дурная погода заставляет нас просвещаться. Итак, господин Паганель, рассказывайте всем нам.

— К вашим услугам, — ответил географ. — Но рассказ мой не будет длинным. Здесь дело идет не о таких отважных исследователях, которые один на один боролись с австралийским Минотавром[1]. Новая Зеландия — слишком маленькая страна, чтобы быть недоступной для человека. Поэтому герои мои являются, собственно говоря, не путешественниками, а простыми туристами, ставшими жертвой обыкновенных несчастных случаев.

— Назовите их имена, — попросила Мэри Грант.

— Геометр Уиткомб и Чарльтон Говит, тот самый, который нашел останки Бёрка, погибшего во время той памятной экспедиции, о которой я вам рассказывал на стоянке у Виммеры. Уиткомб и Говит были во главе двух экспедиций на острове Таваи-пуна-му. Оба они в начале 1863 года отправились из Крайстчёрча с целью открыть проходы в горах на севере провинции Кентербери. Говит, перевалив через горную цепь у северной границы провинции, устроил свою штаб-квартиру на берегах озера Брюнера. Уиткомб же нашел в долине Ракайа проход к восточному склону горы Тиндаль. У Уиткомба был спутник, Яков Лупер, который впоследствии рассказал в га-

[1] Минотавр — в греческой мифологии чудовище с телом человека и головой быка.

зете «Литтлтон Таймс» об этом путешествии и о катастрофе, которой оно завершилось. Если только память не обманывает меня, эти два исследователя находились двадцать второго апреля 1863 года у ледника, где берут начало истоки реки Ракайа. Отсюда они поднялись на вершину горы и стали разыскивать новые горные проходы. На следующий день Уиткомб и Лупер, измученные усталостью и холодом, при сильном снегопаде, остановились на привал на вышине четырех тысяч футов над уровнем моря. В течение семи дней они бродили среди гор по дну долин, отовсюду загражденных отвесными скалами. Часто они не могли развести огонь из-за дождя; случалось им и голодать. Бывший у них сахар обратился в сироп, сухари — в мокрое тесто; одежда их была насквозь промочена дождем; их терзали насекомые. Они проходили за день самое большее три мили, но бывали дни, когда они продвигались всего на каких-нибудь двести ярдов. Наконец двадцать девятого апреля они набрели на маорийскую хижину; в садике близ нее нашлось несколько кучек картофеля. Здесь два друга в последний раз закусили вместе. Вечером они добрались до морского берега близ устья реки Тарамакау. Надо было переправиться на правый берег, чтобы потом идти на север, к реке Грея. Тарамакау — широкая и глубокая река. Лупер после долгих поисков наткнулся на два продырявленных челнока. Он починил их как смог, а затем связал вместе. Под вечер оба путешественника сели в челноки и стали переправляться. Едва успели они добраться до середины реки, как челноки наполнились водой. Уиткомб бросился в реку и вернулся вплавь к левому берегу. Яков Лупер не умел плавать и потому уцепился за свой челнок. Это спасло его, но все же ему пришлось пережить немало потрясений. Несчастного понесло к бурунам. Волна накрыла его, другая вновь вынесла на поверхность воды. Его ударило о скалы. Наступила непроглядная ночь. Дождь лил как из ведра. Окровавленного, промокшего Лупера носило несколько часов по волнам. Наконец челнок ударился о берег, и Лупер без сознания был выброшен из него на землю. Очнувшись на рассвете, Лупер дополз до ручья и здесь убедился, что его отнесло на целую милю от того места, где они пытались переправиться

через реку. Он встал, пошел вдоль берега и вскоре набрел на злосчастного Уиткомба — тот был мертв и увяз головой и туловищем в тине. Лупер руками вырыл в песке яму и зарыл в ней труп товарища. Два дня спустя Лупера, умирающего от голода, приютили какие-то гостеприимные маори — бывают среди них и такие, — а четвертого мая он добрался до озера Брюнера, на берегах которого был раскинут лагерь Чарльтона Говита. Надо прибавить, что через шесть недель Говит погиб таким же образом, как и злосчастный Уиткомб.

— Да, — сказал Джон Манглс, — кажется, будто сопутствующие друг другу путешественники связаны между собой какими-то узами, и когда узы эти рвутся, то путешественники один за другим погибают.

— Вы правы, друг Джон, — ответил Паганель. — Часто и мне это приходило в голову. Спрашивается, в силу какого закона солидарности Говит окончил свою жизнь почти при тех же обстоятельствах, что и Уиткомб? Что тут скажешь? Чарльтон Говит был приглашен мистером Уайдом, начальником правительственных работ, для проектирования проезжей дороги от равнины Хурунуи до устья реки Тарамакау. Говит тронулся в путь первого января 1863 года в сопровождении пяти человек. Он очень удачно справился с возложенным на него поручением: была проложена дорога длиной в сорок миль, до самой реки Тарамакау, но организовать переправу через нее оказалось невозможным. Говит вернулся в Крайстчёрч. Несмотря на то что надвигалась зима, он испросил разрешения продолжать свои работы по проведению дорог. Мистер Уайд дал на это согласие. Говит, запасшись всем необходимым, отправился обратно в свой лагерь, намереваясь провести там зимний сезон. Двадцать седьмого июня Говит в сопровождении двух своих рабочих, Роберта Литля и Генри Мюлиса, покинул лагерь. Они отплыли в лодке на противоположную сторону озера Брюнера. С тех пор они исчезли бесследно. Утлый челнок, на котором они отплыли, был найден на берегу опрокинутым. Говита и его спутников тщетно разыскивали в течение девяти недель. Очевидно, эти несчастные, из которых ни один не умел плавать, утонули в озере.

— А быть может, они целы, невредимы и живут у

какого-нибудь новозеландского племени, — промолвила Элен. — Во всяком случае, позволительно сомневаться в их смерти.

— Увы, нет, — ответил Паганель: — раз больше чем через год после катастрофы эти люди еще не вернулись... — И географ шопотом докончил: — А когда из Новой Зеландии человек не возвращается в течение целого года, значит он безвозвратно погиб.

Глава IX

ТРИДЦАТЬ МИЛЬ К СЕВЕРУ

7 февраля, в шесть часов утра, Гленарван дал сигнал к выступлению. Дождь прекратился еще ночью. Серовато-тучки, заволакивавшие все небо, останавливали солнечные лучи на высоте трех миль от земли. Жары не чувствовалось, и предстоящее дневное путешествие обещало быть не слишком тяжелым.

Паганель определил по карте расстояние от мыса Кахуа до Окленда: оно составляло восемьдесят миль. Это расстояние можно было пройти в восемь дней, делая по десяти миль в день. Но, вместо того чтобы идти вдоль извилистого берега моря, географ предпочел направиться к селению Нгарнавахиа, расположенному в тридцати милях, при слиянии двух рек — Вайкато и Вайпа. Здесь проходила почтовая дорога, вернее сказать — тропа, доступная для повозок и пересекавшая бóльшую часть острова — от бухты Гокса до Окленда. По ней можно было бы добраться до Дрюри и там хорошенько отдохнуть в превосходной гостинице, которую особенно рекомендует естествоиспытатель Гохштеттер. Распределив между собой съестные припасы, наши путешественники двинулись по берегу бухты Аотеа. Из предосторожности мужчины шли, держа наготове заряженные карабины и инстинктивно не спуская глаз с холмистой равнины, расстилавшейся к востоку.

Паганель, со своей превосходной картой в руках, восторгался со всем энтузиазмом знатока ее доходящей до мельчайших подробностей точностью.

Часть дня наш маленький отряд шел по песку, образовавшемуся из осколков двустворчатых раковин.

На берегу, на который тихо набегали волны прилива, безбоязненно резвилось несколько тюленей. Эти морские животные, с их круглой головой, широким покатым лбом, выразительными глазами, имели очень добродушный вид. Глядя на них, можно было понять, почему мифология опоэтизировала этих любопытных обитателей морских волн, сделав из них, несмотря даже на их далеко не гармоничное ворчанье, обольстительниц-сирен. Тюлени эти водятся в очень большом количестве у берегов Новой Зеландии, и охота на них представляет собой выгодное занятие, так как жир и кожа тюленей пользуются большим спросом.

Среди тюленей выделялись три или четыре морских слона. Они были серо-голубого цвета, длиной в двадцать пять — тридцать футов. Эти огромные земноводные животные, лениво раскинувшись на толстом слое гигантских водорослей — ламинарий, поднимали хобот и смешно поводили длинными, грубыми, закрученными усами, напоминавшими пробочник или подвитые усы какого-нибудь щеголя.

Роберту доставляло большое удовольствие наблюдать за этим интересным миром животных.

— Каково! — вдруг воскликнул удивленный мальчуган. — Тюлени эти едят гальку!

В самом деле, некоторые из этих животных с жадностью глотали валявшиеся на берегу камешки.

— Еще бы! Это несомненно, — ответил Паганель: — тюлени едят береговую гальку, с этим не поспоришь.

— Странная пища, да и трудно ее переварить, — заметил Роберт.

— Эти животные не питаются камнями, а глотают их, мой мальчик, для того, чтобы нагрузить себя балластом. Это их способ увеличивать свой вес: благодаря этому они легче опускаются на дно. Вернувшись на берег, они без дальних церемоний выбросят из себя этот балласт. Ты сейчас увидишь, как тюлени, наглотавшиеся камешков, нырнут в воду.

Действительно, вскоре с полдюжины тюленей, видимо достаточно нагрузив себя балластом, тяжеловесно поползли

ли по берегу и исчезли в водной стихии. Но Гленарван не мог терять драгоценное время на ожидание их возвращения, чтобы понаблюдать за тем, как они станут разгружаться. И, к большому сожалению Паганеля, маленький отряд снова зашагал вперед.

В десять часов остановились на привал для завтрака под большими базальтовыми скалами, возвышавшимися у самого моря. Здесь на мели нашли множество устриц. Они были мелкие и мало приятные на вкус. Но, по совету Паганеля, Олбинет зажарил их на раскаленных угольях, и в таком виде они имели большой успех — за завтраком была съедена не одна дюжина их.

Позавтракав и отдохнув, наши путешественники снова двинулись вдоль берега бухты. На вершинах зубчатых скал ютилось множество морских птиц. Здесь были и фрегаты, и глупыши, и чайки, и огромные альбатросы, неподвижно сидевшие на остроконечных верхушках утесов.

К четырем часам дня было пройдено без особенного напряжения и усталости десять миль. Путешественницы выразили желание идти до самой ночи. Как раз к этому времени приходилось изменить направление пути. Надо было пройти у подножия гор, видневшихся на севере, и, обогнув их, углубиться в долину реки Вайпа.

Вдали простирались бесконечные луга, идти по которым, казалось, будет нетрудно. Но, приблизившись к этому морю зелени, наши путешественники были очень разочарованы: вместо луга они увидели поросль из кустарника с белыми цветами, среди которой виднелось бесчисленное множество высоких папоротников, очень распространенных в Новой Зеландии. Пришлось прокладывать себе дорогу между этими деревянистыми стеблями, что было не так-то легко. Все же к восьми часам вечера первые отроги горной цепи Хакарихатоа были обойдены, и путешественники остановились на привал.

После перехода в четырнадцать миль можно было подумать и об отдыхе. Так как не было ни колымаги, ни палатки, то пришлось улечься просто у подножия великолепных норфолкских сосен. К счастью, в одеялах недостатка не было, и из них устроили постели.

Гленарван принял все меры предосторожности на ночь. Мужчины, с оружием наготове, должны были по двое

нести стражу до самого утра. Костров не разводили. Эта преграда из пламени хороша от хищных зверей, но ведь в Новой Зеландии не водится ни тигров, ни львов, ни медведей — ни одного кровожадного зверя.

В общем, ночь прошла благополучно, если не считать довольно-таки неприятных укусов песчаных мух — «нгаму» на туземном наречии — да еще того обстоятельства, что какое-то отважное семейство крыс преисправно грызло всю ночь мешки со съестными припасами.

На следующее утро, 8 февраля, Паганель проснулся в более спокойном настроении и почти примиренным с Новой Зеландией. Маори, которых наш географ особенно опасался, не появлялись, и эти кровожадные людоеды не потревожили его покоя даже и во сне. Он с удовольствием поведал об этом Гленарвану.

— Знаете, мне кажется, что мы благополучно закончим эту маленькую прогулку, — добавил он. — Сегодня к ночи мы доберемся до слияния рек Вайпа и Вайкато, а там, на дороге в Окленд, нам уже почти нечего бояться встречи с туземцами.

— Сколько же предстоит еще пройти до слияния рек Вайпа и Вайкато? — спросил Гленарван.

— Пятнадцать миль — почти столько же, сколько мы сделали за вчерашний день.

— Но этот несносный кустарник сильно задержит нас, — заметил Гленарван.

— Нет, — отозвался географ, — мы теперь будем идти по берегу Вайпы, а тут уж мы не встретим никаких препятствий, и переход будет очень легкий.

— Так в дорогу! — ответил Гленарван, видя, что все к этому готовы.

В первые часы пути густой кустарник продолжал задерживать путников. Конечно, не только колымаге, но и лошади не пройти было бы там, где они пробирались. Поэтому жалеть об австралийской повозке не приходилось. Пока через эти заросли не проложат проезжие дороги, Новая Зеландия будет доступна одним пешеходам. Можно сказать, что бесчисленные разновидности здешних папоротников с не меньшим упорством, чем сами маори, защищают родную землю от иноземцев.

Поэтому, пересекая эту равнину, где горная цепь Ха-

карихатоа переходит в холмы, маленькому отряду пришлось преодолеть множество препятствий. Тем не менее путешественники еще до полудня добрались до реки Вайпа и отсюда уже без затруднений направились по ее крутому берегу к северу.

Идти пришлось по чудесной долине, пересеченной небольшими горными речками со свежей, чистой водой — они, весело журча, бежали среди кустарников. По словам ботаника Гукера, в Новой Зеландии имеется до двух тысяч видов растений, из которых пятьсот принадлежат исключительно ей. Цветы здесь редки и однообразны по краскам. Почти не встречается однолетних растений, но в изобилии растут папоротники, злаки и зонтичные. Там и сям, в некотором отдалении от берега, над темной зеленью виднелись высокие деревья: метросидеры с их яркокрасными цветами, норфолкские сосны, туи с вертикально прижатыми ветвями и разновидность кипарисов — риму, не менее печальные, чем их европейские родичи. Стволы всех этих деревьев утопали в зеленом море папоротников.

Между ветвями больших деревьев и над кустами порхали и болтали какаду, зеленые, с красной полоской на шее какарики, таупо с великолепными черными бакенбардами и, наконец, попугаи, названные естествоиспытателями «южные несторы»: они величиной с утку, рыжие, с яркой подпушкой крыльев.

Майор и Роберт смогли, не отдаляясь от товарищей, подстрелить несколько прятавшихся в кустах болотных куликов и куропаток. Олбинет тут же на ходу ощипал их.

Что же касается Паганеля, то он, довольно равнодушный к питательным свойствам дичи, жаждал раздобыть себе какую-нибудь птицу, встречающуюся в одной лишь Новой Зеландии. Любознательность естествоиспытателя заглушала в нем аппетит путешественника. Географу вспомнились описания местной птицы туи. Туземцы зовут ее то «пересмешник» — за ее беспрестанное, словно насмешливое воркованье, то «кюре» — за ее оперение, совершенно черное, с белыми перьями на шее, напоминающее одежду монаха-католика.

— Туи так жиреет зимой, что из-за этого даже хворает, она больше уже не может летать, — рассказывал

Паганель майору. — Чтобы избавиться от жира и стать более легкой, она рвет себе грудь клювом. Не кажется ли это вам необычным, Мак-Наббс?

— Настолько необычно, — ответил майор, — что я не верю ни единому слову вашего рассказа.

К большому сожалению нашего географа, ему не удалось достать ни одного экземпляра туи, чтобы показать недоверчивому майору ее истерзанную, окровавленную грудь.

Больше повезло Паганелю с другим, тоже причудливо-странным животным, которое, спасаясь от преследований человека, собаки и кошки, бежало в необитаемые районы и теперь мало-помалу исчезает из новозеландской фауны. Роберт, шаривший повсюду, как настоящая ищейка, наткнулся на гнездо, свитое из переплетенных корней, где сидели две курицы без крыльев и хвоста. У них было совершенно белое, напоминавшее волосы оперение, длинный, как у бекаса, клюв, а на ножках — по четыре пальчика. Казалось, эти странные животные представляли собой переходную ступень от яйценосных к млекопитающим животным.

Это была новозеландская киви-киви, которая одинаково охотно питается личинками, червяками, насекомыми и семенами. Водится она исключительно в Новой Зеландии, и зоологическим садам Европы с большим трудом удалось ее акклиматизировать. Оригинальный вид, какие-то присущие ей комичные движения всегда привлекали к киви-киви внимание путешественников, и Академия наук даже поручила Дюмон-Дюрвилю, стоявшему во главе большой научной экспедиции, направлявшейся на острова океана, привезти экземпляр этой странной птицы. Но ученому, несмотря на обещанную им туземцам награду, так и не удалось раздобыть живую киви-киви.

Паганель, в восторге от счастливой находки, связал вместе своих двух курочек и энергично зашагал вперед, заранее радуясь тому, что он их принесет в дар Парижскому зоологическому саду. И перед нашим увлекающимся географом уже рисовалась заманчивая надпись: «Дар Жака Паганеля», красующаяся на самой лучшей клетке.

Тем временем маленький отряд бодро подвигался вперед по берегу реки Вайпа. Местность была пустынная,

Кругом не было видно никаких следов туземцев, никакой тропинки, указывающей на присутствие человека в этих равнинах. Воды реки струились между высоким кустарником или среди длинных песчаных отмелей. Тогда взору открывалась вся равнина, замыкавшаяся на востоке невысокой горной цепью. Своей странной формой, своими контурами, словно тонувшими во мгле, эти горы напоминали гигантских допотопных животных. Казалось, что это лежит вдруг окаменевшее стадо колоссальных китообразных. Такое хаотически-причудливое нагромождение скал свидетельствовало об их вулканическом происхождении. Действительно, Новая Зеландия — не что иное, как сравнительно недавний продукт вулканической деятельности. Эти острова и теперь продолжают подниматься из воды. Некоторые места за двадцать лет поднялись над уровнем моря на целую сажень. Огонь до сих пор потрясает недра Новой Зеландии, вызывает в ней судороги и вырывается во многих местах через гейзеры и вулканы.

К четырем часам дня было пройдено бодрым шагом девять миль. Судя по карте, по которой то и дело справлялся Паганель, слияние рек Вайпа и Вайкато находилось меньше чем в пяти милях. Там проходила дорога на Окленд и можно было устроиться на ночлег. Остающиеся пятьдесят миль до Окленда будут пройдены в два-три дня, а если посчастливится встретить почтовый дилижанс, который два раза в месяц ходит между заливом Гокса и Оклендом, то до этого города можно будет доехать и за восемь часов.

— Итак, нам придется, как видно, еще раз ночевать под открытым небом, — промолвил Гленарван.

— Да, — отозвался Паганель, — но надеюсь, что это будет в последний раз.

— Тем лучше, так как эти ночевки являются тяжелым испытанием для Элен и Мэри.

— И они переносят их не жалуясь, — заметил Джон Манглс. — Но если я верно понял вас, господин Паганель, вы упоминали о каком-то поселении, расположенном близ слияния этих двух рек.

— Да, — ответил географ, — оно значится на карте Джонстона. Это Нгарнавахиа, милях в двух ниже слияния рек.

Роберт наткнулся на гнездо киви-киви.

— Ну что же, разве не могли бы мы там устроиться на ночь? Мне кажется, наши спутницы, не колеблясь, предпочтут пройти две лишние мили, чтобы отдохнуть затем в более или менее приличной гостинице.

— В гостинице! — воскликнул Паганель. — Гостиница в маорийском селении! В нем нет даже постоялого двора, нет кабака! Это не что иное, как куча туземных хижин, и, по-моему, не только не нужно искать в нем приюта на ночь, а, наоборот, благоразумнее держаться как можно дальше от него.

— Всё ваши страхи, Паганель! — промолвил Гленарван.

— Дорогой сэр, поверьте мне, недоверие здесь лучше доверия. Неизвестно, в каких отношениях состоят в данное время маори с англичанами: подавлено ли восстание или оно одержало верх. Быть может, мы попали сюда в разгар войны. А если отложить в сторону скромность, надо признать, что люди, подобные нам, явились бы для туземцев неплохой добычей, и мне совсем не улыбается отведать, помимо своей воли, новозеландское гостеприимство. Поэтому я нахожу благоразумным держаться подальше от этого поселения, обойти его и стараться избежать встречи с туземцами. Вот когда мы доберемся до Дрюри, другое дело: там наши мужественные спутницы смогут вволю отдохнуть от утомительного пути.

Мнение географа восторжествовало. Элен предпочла провести еще одну ночь под открытым небом, чем подвергать опасности своих товарищей. Ни она, ни Мэри Грант не попросили сделать остановки и снова зашагали вдоль берега реки.

Через два часа от гор стали надвигаться вечерние тени. Склонившееся к горизонту солнце вдруг пробилось из-за туч, и лучи его озарили красным светом далекие вершины восточных гор. Это было как бы его кратким прощальным приветом нашим путешественникам.

Все ускорили шаг, ибо знали, как коротки сумерки под этой широтой и как быстро здесь наступает ночь. Надо было непременно добраться до слияния рек, прежде чем сгустится мрак. Но как раз в это время все кругом заволокло густым туманом, и держаться верного направления стало очень трудно.

К счастью, слух заменил бесполезные в данном случае глаза. Вскоре усилившийся рокот воды оповестил о том, что обе реки где-то невдалеке сливаются. В восемь часов вечера маленький отряд достиг наконец того места, где Вайпа с ревом вливается в русло Вайкато.

— Это Вайкато, — воскликнул Паганель, — и дорога в Окленд идет по ее правому берегу!

— Реку мы увидим завтра, а теперь давайте устраиваться на ночлег, — заявил майор. — Мне кажется, что эта более густая тень — тень рощицы, которая выросла там как будто нарочно, чтобы приютить нас. Будем ужинать, а затем спать.

— Будем ужинать, — сказал Паганель, — но только всухомятку: сухарями и сухим мясом, не разводя огня. Мы явились сюда инкогнито, постараемся так же и уйти отсюда, благо из-за тумана нас не видно.

Вблизи действительно оказалась рощица. Добравшись до нее, путники, помня указания географа, бесшумно поужинали всухомятку и вскоре, утомленные переходом в пятнадцать миль, погрузились в глубокий сон.

Глава X

НАЦИОНАЛЬНАЯ РЕКА

На следующее утро, на рассвете, довольно плотный туман тяжело стелился над водами реки. Часть паров, насыщавших воздух, сгустилась под действием ночной прохлады и покрыла густым облаком поверхность вод. Однако лучи солнца вскоре проникли сквозь эти клубящиеся массы, и туман растаял под взором сияющего светила. Очистились затуманенные берега, и Вайкато предстала во всей своей утренней красе.

Узкая длинная коса, поросшая кустарником, заканчивалась острым мысом у слияния двух рек. Более бурная Вайпа мчалась на протяжении четверти мили, не сливаясь с Вайкато. Но могучая, спокойная река все же брала верх над бурливой рекой, поглощала ее и мирно увлекала к Тихому океану.

Когда туман рассеялся, показалась пирога, поднимав-

шаяся вверх по течению Вайкато. Это была лодка в семьдесят футов длины, пять футов ширины и три фута глубины, целиком выдолбленная из местной ели кахикатеа и напоминающая венецианскую гондолу своим приподнятым носом. Дно ее было устлано сухим папоротником. Пирога быстро неслась на восьми веслах; на корме сидел человек, управлявший кормовым веслом. Это был туземец высокого роста, лет сорока пяти, широкогрудый, мускулистый, с сильными руками и ногами. Выпуклый лоб, изборожденный глубокими морщинами, свирепый взгляд, мрачное выражение лица придавали ему грозный вид.

То был один из виднейших вождей маори. Это видно было по искусной татуировке его лица и тела. От ноздрей его орлиного носа шли спиралью две черные линии; обведя его желтые глаза, они соединялись на лбу, а затем терялись в пышных волосах. Вокруг рта с блестящими зубами, а также по подбородку тянулись разноцветные линии, изящными завитками спускавшиеся на могучую грудь маорийца.

Эта татуировка — моко — новозеландцев является знаком отличия. Такой почетной росписи достоин только тот, кто отличился в нескольких сражениях, причем рабы и люди низшего класса вообще не могут иметь притязаний на моко. Знаменитые вожди узнаются по законченности, по точности и по характеру рисунка; на их телах часто изображаются животные. Некоторые из туземных вождей до пяти раз подвергают себя мучительной процедуре моко. Чем более знаменит в Новой Зеландии человек, тем более он раскрашен.

Надо еще прибавить, что татуировка маори, кроме внушаемого ею почтения, несомненно и полезна: она утолщает кожу и делает ее менее чувствительной как к перемене погоды, так и к беспрестанным укусам москитов.

Высокое положение вождя, правившего лодкой, не внушало сомнений. Острая кость альбатроса, употребляемая маорийскими татуировщиками, пять раз глубоко бороздила тесными узорами его гордое лицо. На вожде был плащ, сотканный из растения формиум и отделанный собачьими шкурами. Опоясан он был передником, носившим следы крови недавних сражений. На удлиненных

мочках его ушей висели подвески из зеленого нефрита; шею его украшали ожерелья из пунаму — священных камешков, очень чтимых суеверными новозеландцами. Рядом с вождем лежало английское ружье, а также патупату — нечто вроде топора изумрудного цвета, с двойным лезвием восемнадцати дюймов длины.

Подле вождя сидело девять не столь высоких по положению воинов. Они были сурового вида и вооружены. Некоторые из них, казалось, страдали от недавно полученных ран. Сидели они совершенно неподвижно, завернувшись в свои плащи из формиума. Три свирепые собаки лежали у их ног. Гребцы были, повидимому, рабами или слугами вождя. Гребли они с большой силой, и пирога, плывя против течения, правда не очень стремительного, двигалась довольно быстро.

Посередине пироги, со связанными ногами, но оставленными на свободе руками, сидели, прижавшись друг к другу, десять пленных европейцев. То были Гленарван, Элен, Мэри Грант, Роберт, Паганель, майор, Джон Манглс, стюард и два матроса.

Накануне вечером маленький отряд, введенный в заблуждение густым туманом, расположился на ночлег посреди многочисленного отряда туземцев. Около полуночи спавшие путешественники были схвачены, взяты в плен и перенесены на пирогу. Пока маори ничего дурного им не сделали, а сопротивляться теперь было уже бесполезно, ибо их оружие и боевые припасы находились в руках дикарей и те тотчас же пристрелили бы пленников из их собственных ружей.

Из английских слов, проскальзывавших в разговорах туземцев, пленники вскоре узнали, что маори эти, разбитые английскими войсками, пробираются к верховьям Вайкато. Вождь их, оказав упорное сопротивление 42-му полку и потеряв во время сражений лучших своих бойцов, теперь возвращался на берега этой реки с целью призвать к оружию их жителей и с новым войском идти на соединение с неукротимым Вильямом Томсоном, все еще не переставшим бороться с завоевателями. Вождь носил зловещее имя Каи-Куму, что на туземном наречии значит: «тот, кто съедает тело своего врага». Он был отважен, смел, и жестокость его не уступала его доблести.

Ждать пощады от такого человека не приходилось. Имя его было хорошо известно английским солдатам, и за голову его губернатором Новой Зеландии недавно была обещана денежная награда.

Этот страшный удар обрушился на Гленарвана как раз в то время, когда он был совсем близко от столь желанного Окленда, откуда мог вернуться в родную Шотландию.

Между тем, видя его холодное, спокойное лицо, никто не догадался бы о переживаемых им муках. Гленарван не падал духом при тяжелых обстоятельствах. Он чувствовал, что должен быть поддержкой, примером для своей жены и спутников, и готов был умереть первым ради общего спасения, если того потребуют обстоятельства. Пред лицом грозной опасности этот мужественный человек ни на одно мгновение не раскаялся в своем великодушном порыве, увлекшем его в эти дикие края.

Спутники Гленарвана были достойны его. Они разделяли его благородные мысли, и по их гордым, спокойным лицам никак нельзя было бы угадать, что они плывут навстречу смерти. По совету Гленарвана, они сговорились выказывать полнейшее равнодушие ко всему происходящему. Это был единственный способ внушить дикарям уважение к себе. У дикарей вообще, а у маори в особенности развито чувство собственного достоинства, никогда их не покидающее. Они уважают того, кто заставляет уважать себя своим хладнокровием и мужеством. Гленарван знал, что, ведя себя подобным образом, он и его товарищи избавятся от грубого обращения со стороны новозеландцев.

С момента отплытия маори, малоразговорчивые, как все дикари, едва перекинулись между собой несколькими фразами, но даже из них Гленарван мог заключить, что английский язык был им хорошо знаком. Он решил расспросить новозеландского вождя о той участи, которую тот им готовил.

— Куда везешь ты нас, вождь? — спросил он Каи-Куму голосом, в котором не слышалось ни малейшего страха.

Вождь холодно посмотрел на него и ничего не ответил.

— Что собираешься ты сделать с нами? — снова задал ему вопрос Гленарван.

Глаза Каи-Куму блеснули, и он с важностью ответил:

— Обменять тебя, если твои захотят взять тебя. Убить тебя, если они откажутся.

Гленарван не стал больше задавать вопросов, но в сердце его вновь затеплилась надежда. Без сомнения, какие-нибудь маорийские вожди попали в руки англичан, и туземцы собирались сделать попытку вернуть их путем обмена. Значит, имелись какие-то шансы на спасение и положение не являлось уж столь отчаянным.

Тем временем лодка быстро шла вверх по реке. Паганель, который в силу подвижности своей натуры легко переходил от одной крайности к другой, снова воспрянул духом. Ему уже казалось, что маори избавили их от необходимости самим добираться до английских аванпостов и что плен послужит им в этом смысле даже на пользу. Примирившись со своей судьбой, географ принялся рассматривать по карте тот путь, которым несла Вайкато по равнинам и долинам свои воды.

Элен и Мэри Грант, подавляя свой ужас, вполголоса разговаривали с Гленарваном, и самый опытный физиономист не прочел бы на лицах этих женщин, какие душевные муки терзали их.

Вайкато является, так сказать, национальной рекой Новой Зеландии. Маори гордятся ею. Река эта несет свои воды на протяжении двухсот миль по самым плодородным и красивым местностям северного острова — от провинции Веллингтон до Оклендской. Она дала свое имя всем тем прибрежным туземным племенам, неукротимым и неукрощенным, которые поднялись все, как один человек, против захватчиков. На Вайкато почти не видно иноземных судов. Одни пироги островитян рассекают своими высокими носами ее волны. Очень немногие туристы отваживаются плыть среди ее священных берегов. Что же касается верховий Вайкато, то доступ туда нечестивым европейцам, повидимому, и вовсе преграждён. Паганель знал, как чтят туземцы эту великую новозеландскую реку. Ему также было известно, что ни один естествоиспытатель не поднимался по Вайкато выше ее слияния с Вайпа. Но куда же заблагорассудится Каи-Куму увезти

своих пленников? Этого географ не смог бы угадать, если б часто повторяемое вождем и его воинами слово «Таупо» не привлекло его внимания. Справившись по карте, он увидел, что название это относится к озеру, знаменитому в географических летописях. Расположено оно в самой гористой части острова, на юге провинции Окленд. Вайкато выходит из этого озера. Географ по карте определил, что длина реки от ее слияния с Вайпа до озера — около ста двадцати миль.

Паганель попросил Джона Манглса на французском языке, чтобы не быть понятым дикарями, определить скорость движения их лодки. Молодой капитан определил ее примерно в три мили в час.

— В таком случае, — сказал географ, — если мы будем останавливаться на ночь, наше путешествие продлится около четырех дней.

— Но где же находятся английские посты? — спросил Гленарван.

— Это трудно сказать, — ответил Паганель. — Но можно думать, что военные действия сосредоточились в провинции Таранаки. Поэтому войска скопились, по всей вероятности, по ту сторону озера, за горами, там, где находится очаг восстания.

— Будем надеяться, что это так! — промолвила Элен.

Гленарван с грустью посмотрел на свою молодую жену и на Мэри Грант. Несчастные женщины были во власти свирепых туземцев; их увозили в дикий край, где на помощь им не мог прийти ни один человек. Но, заметив устремленный на него взгляд Каи-Куму, Гленарван из осторожности, боясь, как бы вождь не догадался о том, что одна из пленниц — его жена, подавил свое волнение и стал рассматривать с самым равнодушным видом берега реки.

Пирога прошла, не остановившись, мимо бывшей столицы короля Потатау, расположенной в полумиле от слияния рек. Никакая другая пирога не бороздила вод Вайкато. Несколько развалившихся хижин, видневшихся там и сям по берегам, свидетельствовали о недавних ужасах войны. Прибрежные поселения казались брошенными, берега были пустынны. Одни водяные птицы вносили жизнь в эти печальные, безлюдные места. Взвилась

в воздух и исчезла за деревьями тапарунга — болотная птица с черными крыльями, белым животом и красным клювом. Матуку, неуклюжая, глупая на вид цапля пепельного цвета, и красивая цапля котуку, вся белая, с желтым клювом и черными ногами, спокойно смотрели на проплывавшую пирогу. Где высокие покатые берега указывали на глубину воды, шрикун — «котаре» на языке маорийцев — подстерегал крошечных угрей, миллионы которых резвятся в новозеландских реках. В кустах, над водой, охорашивались при первых лучах солнца гордецы удоды и прелестные куры султанки. Весь этот мирок пернатых наслаждался свободой в отсутствие людей, изгнанных или уничтоженных войной.

Сначала Вайкато течет, широко разлившись среди необозримых равнин, но ближе к верховью холмы, а затем горы суживают долину, в которой река проложила себе русло. В десяти милях от слияния рек, согласно карте Паганеля, на левом берегу должно было находиться поселение Кири-Кирироа, и оно действительно там оказалось. Каи-Куму не сделал здесь остановки. Он велел дать пленникам их собственные съестные припасы, захваченные маори во время ночного нападения. Что же касается самого вождя, его воинов и рабов, то они довольствовались своей обычной пищей — съедобным папоротником, печеными кореньями и картофелем капанас, в изобилии разводимым на обоих островах. Никакого мяса за трапезой маори не было, и, видимо, мясные консервы пленников нисколько их не прельщали.

В три часа дня на правом берегу реки показались отроги горной цепи Покароа, походившие на разрушенные крепостные стены. На их остроконечных вершинах виднелись там и сям развалины па — укреплений, когда-то воздвигнутых на неприступных местах маорийцами. Они походили на огромные орлиные гнезда.

Солнце уже скрывалось за горизонтом, когда пирога причалила к крутому берегу, заваленному пемзовыми камнями вулканического происхождения, нанесенными сюда водами Вайкато. Здесь росло несколько деревьев, и место это показалось маори удобным, чтобы расположиться лагерем.

Каи-Куму приказал высадить своих пленников на

землю. Мужчинам связали руки, женщин попрежнему оставили свободными. Всех их поместили в центре лагеря, а вокруг разложили столько костров, что из них образовалась непреодолимая огненная преграда.

До того как Каи-Куму сообщил пленникам свое намерение обменять их, Гленарван и Джон Манглс обсуждали способы бегства из плена. То, что немыслимо было сделать, находясь в пироге, они надеялись попытаться осуществить на берегу во время привала, пользуясь благоприятными случайностями, возможными в ночное время.

Но после разговора Гленарвана с новозеландским вождем было более благоразумным отказаться от подобных попыток. Надо было запастись терпением. Ведь обмен пленными представлял больше шансов на спасение, чем рукопашная схватка или бегство через неведомый край. Конечно, могли возникнуть обстоятельства, способные задержать переговоры об обмене или даже помешать им, но все же наилучшим выходом было ждать исхода этих переговоров. И в самом деле, были ли в силах десять безоружных людей справиться с тридцатью вооруженными дикарями? К тому же Гленарван предполагал, и не без основания, что был захвачен в плен какой-нибудь видный вождь племени Каи-Куму и что его соплеменники хотят во что бы то ни стало освободить его.

На следующий день пирога понеслась вверх по реке с еще большей быстротой. В десять часов она остановилась ненадолго у впадения в Вайкато маленькой речки, извивавшейся по равнинам правого берега, — Похайвены. Здесь к пироге Каи-Куму подплыла пирога с десятью туземцами. Воины небрежно обменялись приветствием: «Айрэ-май-ра», что значит: «Приходи сюда здоровым», и обе пироги пошли рядом. Вновь прибывшие маори, видимо, недавно сражались с английскими войсками. Об этом говорили их одежда, вся в клочьях, окровавленное оружие и видневшиеся из-под лохмотьев раны, из которых еще сочилась кровь. Воины были мрачны, молчаливы. Со свойственной всем диким народам сдержанностью они сделали вид, что не обращают внимания на европейцев.

В полдень на западе стали вырисовываться вершины

Маунгатотари. Долина, по которой протекала Вайкато, сузилась, и могучая река, стиснутая крутыми берегами, бушевала, словно горный поток. Но гребцы с удвоенной силой налегли на весла, запели в такт их ударам какую-то песню, и пирога быстро помчалась по пенящимся волнам. Стремнина осталась позади, и Вайкато попрежнему плавно понесла свои воды между излучистыми берегами.

Под вечер Каи-Куму приказал пристать у крутого, узкого берега, к которому отвесно спускались первые отроги гор. Там устраивались на ночлег человек двадцать туземцев, высадившихся из своих пирог. Под деревьями пылали костры. Какой-то вождь, равный Каи-Куму, не спеша подошел к нему и дружески его приветствовал, проделав «шонгуи», то-есть потерев свой нос о его нос. Пленников снова поместили посередине лагеря и бдительно сторожили всю ночь.

На следующее утро продолжался тот же длительный путь вверх по течению Вайкато. Из мелких притоков реки появились новые пироги. На них было воинов шестьдесят. Это, видимо, были участники последнего восстания, которые, более или менее пострадав от английских пуль, возвращались теперь в свои горы. Время от времени из этих шедших одна за другой пирог раздавалось пение. Кто-нибудь из воинов затягивал патриотическую песнь, призывавшую маори на борьбу с захватчиками:

Папа ративати тиди
И дунга нэи...

Голос певца, полный и звучный, будил эхо в горах. После каждой строфы туземцы, ударяя себя в грудь, точно в барабан, хором подхватывали воинственный припев. Гребцы с новой силой налегали на весла, и пироги, преодолевая течение, летели по водной поверхности.

В этот день на Вайкато можно было наблюдать одно любопытное явление. Около четырех часов пополудни пирога, управляемая твердой рукой Каи-Куму, смело, не убавляя хода, вошла в узкое ущелье. Буруны с яростью разбивались о многочисленные, опаснейшие для плывущих лодок островки. Перевернись здесь пирога, это была бы верная гибель, ибо спасения искать было негде: вся-

кий, кто ступил бы на кипящую тину берегов, неминуемо погиб бы.

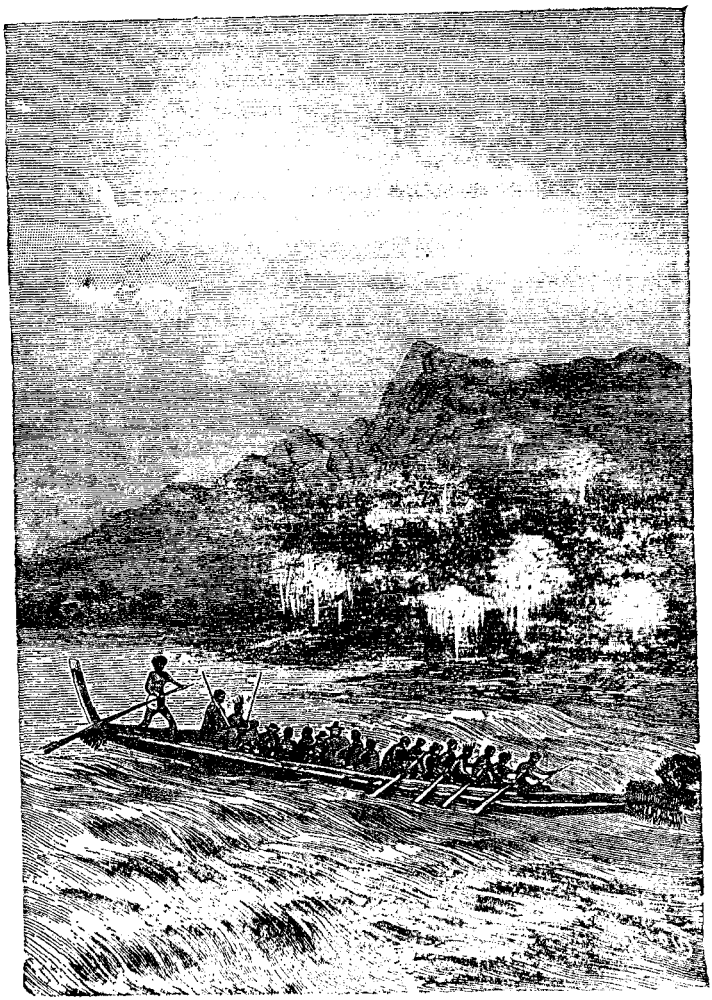
Дело в том, что Вайкато текла здесь среди горячих источников, издавна привлекавших к себе внимание туристов. Окись железа окрашивала в яркокрасный цвет ил берегов; на них нельзя было найти и сажени твердой земли. Воздух был насыщен едким запахом серы. Туземцы легко переносили его, зато пленники очень страдали от удушливых испарений, которые поднимались из расщелин почвы и выделялись из пузырей, лопавшихся под напором подземных газов. Но если обонянию трудно было освоиться с этими серными испарениями, то взор не мог не восхищаться величественным зрелищем.

Пироги нырнули в густое облако паров. Их ослепительно белые завитки вздымались, словно купол, над рекой. По берегам сотни гейзеров выбрасывали: одни — пары, другие — столбы воды. Глядя на разнообразные эффекты, создаваемые паром и водой, казалось, что это фонтаны, созданные человеческой рукой и управляемые скрытым механизмом. Вода и пар, смешиваясь в воздухе, переливались на солнце всеми цветами радуги.

В этом месте Вайкато течет по зыбкому ложу, непрерывно кипящему под действием подземного огня. Невдалеке, к востоку от реки, по направлению к озеру Роторуа, ревут горячие ключи и дымящиеся водопады Ротомахана и Тетарата, виденные некоторыми отважными путешественниками. Вся эта местность изрыта гейзерами, кратерами и сопками. Через них пробивается тот избыток газа, который не находит себе выхода через кратеры Тонгариро и Вакари, двух действующих вулканов Новой Зеландии.

Две мили пироги плыли под сводом серных испарений, клубившихся над водной поверхностью. Наконец это серное облако рассеялось, и струи чистого воздуха, освеженные речной влагой, принесли облегчение задыхавшимся пленникам. Район серных источников остался позади.

До конца дня пироги благодаря могучим усилиям гребцов преодолели еще две стремнины — Гипапатуа и Таматеа. Вечером Каи-Куму остановился на привал в ста милях от слияния Вайпа и Вайкато. Река, русло которой



Вайкато текла среди горячих источников.

до сих пор, закругляясь, шло к востоку, с этого места приближалась к озеру Таупо.

На следующий день на правом берегу реки показалась гора. Жак Паганель, справясь по карте, узнал, что это гора Таубара вышиной в три тысячи футов.

В полдень вся вереница пирог вплыла через один из рукавов реки в озеро Таупо. У берега озера развевался на крыше одной хижины обрывок материи. Туземцы восторженно приветствовали его — то был их национальный флаг.

Глава XI

ОЗЕРО ТАУПО

В доисторические времена в центре Новозеландского острова вследствие обвала пещер образовалась бездонная пропасть в двадцать пять миль длины и двадцать ширины. Воды, стекавшие с окрестных гор в эту огромную впадину, превратили ее в озеро, в озеро-бездну, ибо до сих пор ни один лот не смог достичь его дна.

Это необычное озеро, носящее название Таупо, лежит на высоте тысячи двухсот пятидесяти футов над уровнем моря и окружено горами высотой в две тысячи восемьсот футов. К западу поднимаются громадные остроконечные скалы; на севере виднеется несколько отдаленных вершин, поросших невысоким лесом; к востоку раскинулся широкий отлогий песчаный берег, по которому проходит дорога и где меж зеленых кустов красиво поблескивают пемзовые камни; к югу на переднем плане лес, а за ним высятся конические вершины вулканов. Таков величественный ландшафт, окаймляющий это огромное водное пространство, где свирепствуют бури, не уступающие по своей ярости океанским циклонам.

Вся эта местность кипит и клокочет, словно колоссальный котел, подвешенный над подземным огнем. Земля дрожит, и кора ее, подобно корке слишком поднявшегося в печи пирога, дает во многих местах глубокие трещины, откуда вырываются пары. Без сомнения, все это плоскогорье рухнуло бы в пылающее под ним подземное горнило, если бы скопившиеся пары не находили себе выхода

на расстоянии двадцати миль от озера через кратеры вулкана Тонгариро.

Этот увенчанный дымом и огнем вулкан, возвышающийся над мелкими огнедышащими сопками, виден с северного берега озера. Тонгариро принадлежит к довольно сложной орографической системе. Позади него среди равнины одиноко поднимается другой вулкан, Руапау, коническая вершина которого теряется среди облаков на высоте девяти тысяч футов. Нога смертного еще никогда не ступала на его неприступную вершину, ни один человеческий взор не проникал в глубину его кратера. Что же касается вулкана Тонгариро, то за последние двадцать лет ученые трижды производили измерение его более доступных вершин.

С этими вулканами связано немало легенд. И при менее трагических обстоятельствах Паганель, конечно, не преминул бы рассказать своим товарищам хотя бы, например, ту легенду, где рассказывается о ссоре двух друзей и соседей, Тонгариро и Таранаки, из-за женщины. Тонгариро, вспыльчивый, как всякий вулкан, вышел из себя и ударил Таранаки. Тот, избитый и униженный, убежал по долине Вангани, обронил дорогой две горки и наконец добрался до берега моря, где и стоит одиноко под именем горы Эгмонт.

Но географ не был склонен рассказывать, а друзья его — слушать. Они молча разглядывали северо-восточный берег озера Таупо, куда привела их разбившая все надежды судьба.

Каи-Куму со своей пирогой пересек бухточку, обогнул острый мыс, вдающийся далеко в озеро, и причалил к восточному берегу, у подошвы первых отрогов Манго — горы вышиной более чем в две тысячи футов. Здесь раскинулись поля формиума, этого драгоценного новозеландского льна. У туземцев он зовется «харакеке». В этом полезном растении нет ничего такого, что не могло бы быть так или иначе использовано. Его цветы дают превосходный мед. Из стеблей получается клейкое вещество, заменяющее воск и крахмал. Еще больше пользы извлекается из листьев формиума: свежие, они заменяют бумагу, в сухом виде — трут. Будучи разрезаны, листья эти идут на производство веревок, канатов и сетей. Из их

расчесанных волокон ткут одеяла, цыновки, плащи и передники. Ткань из формиума, окрашенная в красный или черный цвет, идет на одежду самых элегантных маори.

Этот драгоценный формиум встречается повсюду на обоих островах: и на морском побережье и по берегам озер и рек. Здесь его дикими кустами покрыты были целые поля. Его красно-коричневые цветы, напоминающие цветы агавы, во множестве выглядывали из зеленой гущи его длинных и острых, как клинки, листьев. Красивые птицы нектарии, завсегдатаи полей формиума, стаями носились над ними и наслаждались медовым соком их цветов. В водах озера полоскались, видимо уже ручные, утки, черные с серыми и зелеными пятнами.

В четверти мили, на крутом утесе горы, виднелась неприступная па — крепость маори. Пленники были один за другим высажены из пироги, и воины, развязав им руки и ноги, повели их в крепость. Тропинка шла сначала по полям формиума, а затем — через пышно разросшуюся рощицу. Здесь были и кайкатеа с неопадающими листьями и красными ягодами, и австралийские драцены, называемые туземцами «ти», и гуйус, ягодами которых пользуются для окраски материй в черный цвет. При приближении к рощице пленников и воинов взвились и умчались прочь стаи крупных голубей с оперением, отливающим металлом, стаи курклюш пепельного цвета и целая масса скворцов с красноватым хохолком.

Сделав довольно большой крюк, Гленарван, Элен, Мэри Грант и их спутники вошли в па. Крепость была ограждена тремя поясами укреплений. Первый, наружный, представлял собой частокол из крепких столбов футов в пятнадцать вышины; второй пояс состоял из такого же частокола; третьим, внутренним, поясом служила ивовая ограда с проделанными в ней бойницами. Внутри па виднелось несколько своеобразных маорийских построек и около сорока симметрично расположенных хижин.

Ужасное впечатление произвели на пленников мертвые головы, которыми были украшены колья второго частокола. Элен и Мэри отвернулись больше от отвращения, чем от страха. Эти головы принадлежали павшим в боях неприятельским вождям, тела которых съели победители.

Жилище Каи-Куму находилось в глубине па, среди

нескольких других хижин, принадлежавших туземцам не столь высокого положения. Перед ним расстилалась большая открытая площадка — европейцы, пожалуй, назвали бы ее военным плацем. Жилище вождя было построено из кольев, оплетенных ветвями, а внутри обито цыновками из формиума. Оно имело двадцать футов в длину, пятнадцать — в ширину, десять — в вышину, иными словами, заключало в себе три тысячи кубических футов — помещение вполне достаточное, чтобы в нем разместиться новозеландскому вождю.

В постройке этой имелось лишь одно отверстие, служившее дверью. Завешено оно было плотной цыновкой. Крыша выдавалась над дверью выступом, на котором имелось углубление для хранения дождевой воды. На концах стропил было вырезано несколько фигур. Портал радовал взор гостя резными изображениями веток, листьев, символических фигур чудовищ — массой любопытных орнаментов, рожденных резцом туземных мастеров. Внутри пол был земляной, утрамбованный, возвышающийся на полфута над уровнем окружающей почвы. Решетки из тростника и матрацы из сухого папоротника, покрытые цыновками из тонких и гибких листьев тифы, служили кроватями. Посередине хижины виднелась яма, обложенная камнями: то был очаг. Дыра в крыше служила трубой. Когда из очага валил густой дым, он в конце концов направлялся этим выходом, предварительно изрядно закоптив стены. Рядом с хижиной Каи-Куму находились склады, в которых хранились запасы вождя — его урожай формиума, картофеля и съедобного папоротника. Здесь же помещались и печи, где на раскаленных камнях готовилась различная пища. Еще подальше в небольших загородках стояли свиньи и козы, эти редко встречающиеся здесь потомки акклиматизированных когда-то капитаном Куком полезных животных. Там и сям бегали собаки в поисках скудной еды. Как видно, маори не слишком заботились об этих животных, хотя и питались их мясом.

Гленарван и его спутники разглядывали эту картину, ожидая у какой-то пустой хижины, когда вождю заблагорассудится дать о них распоряжение. А в это время их не переставала осыпать бранью толпа старух. Эти ведьмы

со сжатыми кулаками подступали к «проклятым европейцам», выли и угрожали. Из нескольких английских слов, сорвавшихся с их толстых губ, было ясно, что они требуют немедленной мести.

Среди этих воплей и угроз Элен оставалась с виду спокойной. Боясь лишить мужа хладнокровия, она делала героические усилия, чтобы держать себя в руках. Бедняжка Мэри была близка к обмороку. Джон Манглс поддерживал ее, готовый отдать за нее свою жизнь. Его товарищи по-разному относились к этому извержению брани и угроз: одни, подобно майору, оставались к ним равнодушны, других же, как Паганеля, они все более раздражали.

Гленарван, желая избавить жену от этих старых мегер, направился к Каи-Куму и, указывая на их отвратительную толпу, сказал:

— Прогони их.

Маорийский вождь пристально поглядел на своего пленника, не удостоив его ответом, затем жестом приказал ревущим старухам замолчать. Гленарван наклонил голову в знак благодарности и не спеша вернулся к своим.

К этому времени в па собралось человек сто новозеландцев: здесь были и старики, и люди зрелого возраста, и юноши. Одни, мрачные, но спокойные, ожидали распоряжений Каи-Куму, другие же предавались неистовому горю — они оплакивали родственников или друзей, павших в последних боях.

Из всех маорийских вождей, откликнувшихся на призыв Вильяма Томсона, один Каи-Куму вернулся на берега своего озера, и он первый оповестил свое племя о разгроме восстания, о поражении новозеландцев на равнинах нижнего течения Вайкато. Из двухсот воинов, выступивших под его командой на защиту родной земли, вернулось всего пятьдесят. Правда, некоторые из сражавшихся попали в плен к англичанам, но все же скольким воинам, распростертым на поле брани, уже не суждено было вернуться в родные места!

Этим и объяснялось глубокое отчаяние, охватившее туземцев по возвращении Каи-Куму. Они еще ничего не знали о последней битве, и эта весть поразила всех, как громом.

У дикарей душевное горе всегда выражается во внешних проявлениях. И теперь родичи и друзья погибших воинов, особенно женщины, принялись раздирать себе лицо и плечи острыми раковинами. Брызгавшая кровь смешивалась со слезами. Более глубокие ранения говорили о большем отчаянии. Ужасно было видеть этих окровавленных, обезумевших новозеландок.

Отчаяние туземцев усугублялось еще одним обстоятельством, имевшим большое значение в их глазах: не только погиб родич или друг, но и кости его не будут лежать в семейной могиле. А это, по верованиям маори, необходимо для будущей жизни. Туземцы кладут в удупа, что значит «обитель славы», не тленное тело, а кости, которые предварительно тщательно очищают, скоблят, полируют и даже покрывают лаком. Эти могилы украшаются деревянными статуями, на которых с точностью воспроизводится татуировка покойного. А теперь могилы будут пусты, не будут свершены погребальные обряды, и кости убитых либо будут обгрызены дикими собаками, либо останутся белеть без погребения на поле битвы.

Горе еще усугублялось этими мыслями. К угрозам женщин присоединились и проклятия мужчин по адресу европейцев. Брань усиливалась, жесты делались все более угрожающими. Крики грозили перейти в насилия.

Каи-Куму, видимо боясь, что он будет не в силах обуздать фанатиков своего племени, приказал отвести пленников в святилище, которое находилось в другом конце па, на площадке, заканчивавшейся обрывом.

Святилище представляло собой хижину, примыкавшую к горному склону в сто футов вышины. В этом священном доме туземные жрецы — арики — обучали новозеландцев религии. В этой просторной, со всех сторон закрытой хижине стояло изваяние священной птицы.

Здесь, почувствовав себя хотя временно в безопасности от ярости туземцев, пленники растянулись на циновках из формиума. Элен, обессиленная и измученная, склонилась на грудь к мужу. Гленарван крепко обнял ее.

— Мужайся, дорогая Элен, — повторял он.

Едва успели запереть пленников, как Роберт, взобравшись на плечи к Вильсону, умудрился просунуть голову

между крышей и стеной, на которой развешаны были амулеты. Отсюда до самого дворца Каи-Куму все было видно как на ладони.

— Они собрались вокруг вождя, — сказал вполголоса мальчик. — Они машут руками... завывают... Каи-Куму собирается говорить...

Роберт помолчал несколько минут, а затем продолжал:

— Каи-Куму что-то говорит... Дикари успокаиваются... Они слушают...

— Очевидно, вождь, покровительствуя нам, преследует какую-то личную цель, — заметил майор. — Он хочет обменять нас на вождей своего племени. Но согласятся ли воины на такой обмен?

— Да, — снова раздался голос мальчика, — они повинуются... расходятся... Одни из них входят в свои хижины... другие покидают крепость...

— Это действительно так? — воскликнул майор.

— Ну да, мистер Мак-Наббс, — ответил Роберт, — с Каи-Куму остались только воины, бывшие в его пироге... А! Один из них направляется к нашей хижине...

— Слезай, Роберт! — сказал Гленарван.

В эту минуту Элен, выпрямившись, схватила мужа за руку.

— Эдуард, — сказала она твердым голосом, — ни я, ни Мэри Грант не должны живыми попасть в руки этих дикарей!

С этими словами она протянула Гленарвану заряженный револьвер. Глаза Гленарвана сверкнули радостью.

— Оружие! — воскликнул он.

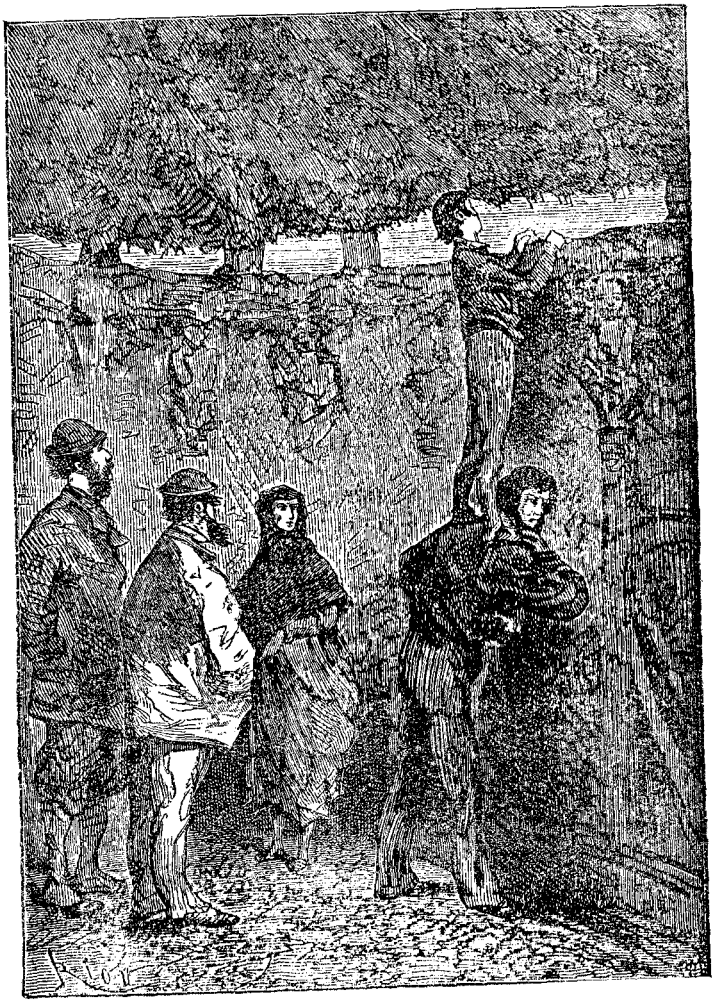
— Да! Маори не обыскивают своих пленниц. Но это оружие, Эдуард, оно не для них, а для нас.

— Спрячьте револьвер, Гленарван, — поспешно сказал Мак-Наббс. — Еще не время.

Револьвер исчез под одеждой Эдуарда.

Циновка, которой был завешен вход в хижину, поднялась. Вошел какой-то туземец. Он сделал знак пленникам следовать за ним.

Гленарван с товарищами, близко держась друг к другу, прошли через площадь па и остановились перед Каи-Куму.



— *Они собрались вокруг вождя,* — *сказал вполголоса мальчик.*

Вокруг вождя собрались наиболее видные воины его племени. Среди них был и тот маориец, чья пирога присоединилась к пироге Каи-Куму при впадении Похайвены в Вайкато. Это был мужчина лет сорока, мощного сложения, с суровым, свирепым лицом. Он носил имя Кара-Тете, что на новозеландском языке значит «гневливый». По тонкости татуировки этого вождя было видно, что он занимает высокое положение в своем племени, и сам Каи-Куму выказывал ему известное почтение. Однако наблюдательный человек мог бы догадаться, что между этими двумя вождями существует соперничество. От внимания майора не ускользнуло, что влияние, которым пользовался Кара-Тете, возбуждало недобрые чувства в Каи-Куму. Оба они стояли во главе крупных племен, населявших берега Вайкато, и оба обладали одинаковой властью. И хотя губы Каи-Куму и улыбались, когда он говорил со своим сотоварищем, но глаза его выражали глубокую неприязнь.

Каи-Куму начал допрашивать Гленарвана.

— Ты англичанин? — спросил он.

— Да, — не колеблясь, ответил тот, понимая, что его национальность должна была облегчить обмен.

— А твои товарищи? — продолжал Каи-Куму.

— Товарищи мои такие же англичане, как и я. Мы — путешественники, потерпевшие кораблекрушение. Прибавлю еще, если это может тебя интересовать, что никто из нас не принимал участия в войне.

— Не важно! — грубо ответил Кара-Тете. — Каждый англичанин — наш враг. Твои земляки захватили силой наш остров! Они присвоили себе наши поля! Они сожгли наши селения!

— И они были неправы, — проговорил серьезным тоном Гленарван. — Я говорю тебе это не потому, что я в твоей власти, а потому, что так думаю.

— Послушай, — продолжал Каи-Куму: — Тогонга, верховный жрец нашего бога Нуи-Атуа, попал в руки твоих братьев — он пленник пакекас. Бог велит нам его выкупить. Я-то хотел бы вырвать у тебя сердце; хотелось бы, чтобы твоя голова и головы твоих товарищей вечно висели на столбах этой изгороди... но Нуи-Атуа изрек свое слово!

Говоря это, Каи-Куму, до сих пор владевший собой, дрожал от гнева, и лицо его приняло выражение крайней ярости. Через несколько минут он снова заговорил:

— Как ты думаешь, согласятся ли англичане обменять на тебя нашего Тогонга?

Гленарван не сразу решился ответить; он молча, со вниманием наблюдал за маорийским вождем.

— Не знаю, — проговорил он наконец.

— Отвечай, — продолжал Каи-Куму: — стоит ли твоя жизнь жизни нашего Тогонга?

— Нет, — ответил Гленарван: — у себя на родине я не вождь и не священнослужитель.

Паганель, пораженный этим ответом, с глубоким удивлением посмотрел на Гленарвана.

Каи-Куму, казалось, тоже был изумлен.

— Итак, ты сомневаешься? — спросил он.

— Не знаю, — повторил Гленарван.

— Твои, значит, не согласятся взять тебя в обмен на нашего Тогонга?

— На одного меня — нет, а на всех — быть может.

— У нас, маори, принято менять голову на голову.

— Так начни с того, что предложи обменять своего жреца на этих двух женщин, — предложил Гленарван, указывая на Элен и Мэри Грант.

Элен рванулась к мужу, но майор удержал ее.

— Эти две женщины, — продолжал Гленарван, почтительно склоняясь перед Элен и Мэри Грант, — занимают высокое положение в своей стране.

Вождь холодно посмотрел на своего пленника. Злая усмешка промелькнула на его губах, но он тут же подавил ее и ответил, еле сдерживаясь:

— Ты надеешься обмануть Каи-Куму своими лживыми словами, проклятый европеец? Так ты думаешь, что Каи-Куму не умеет читать в человеческих сердцах? — Вождь указал на Элен: — Вот твоя жена!

— Нет, моя! — воскликнул Кара-Тете и, оттолкнув прочих пленников, положил свою руку на плечо Элен.

Та побледнела от этого прикосновения.

— Эдуард! — крикнула она, обезумев от ужаса.

Гленарван молча протянул руку. Грянул выстрел. Кара-Тете мертвый повалился на землю.

При звуке выстрела множество туземцев высыпало из хижин и мгновенно заполонило всю площадь па. Сотни рук угрожающе протянулись к несчастным пленникам. Револьвер был вырван из рук Гленарвана. Каи-Куму бросил на него странный взгляд. Затем, прикрыв одной рукой убийцу, он поднял другую руку, сдерживая толпу, готовую ринуться на «проклятых пакекас».

Покрывая шум, громко прозвучал его голос:

— Табу! Табу!

Услышав это слово, толпа дикарей разом остановилась перед Гленарваном и его товарищами, словно какая-то сверхъестественная сила остановила их.

Через несколько минут пленники были отведены в то же, служившее им тюрьмой, святилище. Но ни Роберта, ни Жака Паганеля с ними не было.

Глава XII

ПОГРЕБЕНИЕ МАОРИЙСКОГО ВОЖДЯ

Каи-Куму, как это нередко случается в Новой Зеландии, был не только вождем своего племени, но и его ариком, то-есть жрецом, и как таковой мог, пользуясь суеверием своих соплеменников, налагать табу.

Табу — в обычае у всех народов Полинезии, и когда оно налагается на какое-нибудь лицо или предмет, то этим отныне запрещается и всякое сношение с табуированным человеком и всякое пользование табуированным предметом. Религия маорийцев учит, что всякий поднявший святотатственную руку на то, на что наложено табу, будет наказан смертью разгневанным божеством. Причем если божество не сразу отомстит за нанесенную ему обиду, то жрец не преминет сделать это за него.

Вожди налагают табу из политических целей, но табу может быть обусловлено и событиями личной, повседневной жизни. На туземца налагается табу на несколько дней во многих случаях: когда он остриг себе волосы, когда над ним была произведена татуировка, когда он

строит себе пирогу или возводит дом, когда он смертельно болен и, наконец, когда он скончался. Если туземцы вылавливают столько рыбы, что это грозит опустошить реку, или если те же туземцы начинают есть еще недоспелые сладкие бататы, что грозит опустошить плантации, то и на рыбу и на бататы накладывается оберегающее их табу. Пожелает ли вождь избавиться от назойливых гостей, он накладывает на свой дом табу. Заблагорассудится ли вождю монополизировать деловые сношения с каким-нибудь иноземным судном, он не замедлит наложить на него табу. Прибегает он к этому средству и по отношению к не сумевшему ему угодить европейскому купцу, которого он хочет лишить покупателей. Запрет вождя напоминает прежнее вето королей.

Если предмет табуирован, то никто не может безнаказанно прикоснуться к нему. Когда табу налагается на туземца, то в течение определенного времени он не может прикасаться к пище известного рода. Если это человек богатый, ему приходят на помощь его рабы: они вводят ему в рот те кушанья, к которым он не смеет прикоснуться руками. Если же это бедняк, то он принужден подбирать пищу ртом, превращаясь благодаря табу в животное.

Словом, этот своеобразный обычай направляет и видоизменяет самые мелкие поступки новозеландцев. Табу имеет силу закона, и можно даже сказать, что его частое применение представляет собой все туземное законодательство, притом неоспоримое и не подлежащее обсуждению.

Что же касается табу, наложенного на наших пленников, то оно имело целью спасти их от ярости, охватившей племя. Как только Каи-Куму произнес это магическое слово, его друзья и приверженцы разом остановились и защитили пленников от ярости своих соплеменников, а затем сами стали охранять пленников.

Однако Гленарван не заблуждался относительно ожидавшей его участи. Он знал, что только жизнью своей сможет заплатить за убийство вождя. А у диких народов смерть осужденного является лишь концом долгих пыток. Гленарван приготовился жестоко искупить то законное негодование, которое побудило его убить Кара-Тете, но

он надеялся, что гнев Каи-Куму обрушится на него одного.

Какую ужасную ночь провели Гленарван и его спутники! Кто в силах был бы описать их тоску, измерить их муки! Бедняжка Роберт и мужественный Паганель так и не появились. Но разве могло быть хотя бы малейшее сомнение в их участи! Они, конечно, пали первыми жертвами мстительных туземцев. Всякая надежда исчезла даже у Мак-Наббса, не так-то легко впадавшего в уныние. А Джон Манглс, видя сумрачное отчаяние Мэри Грант, разлученной с братом, чувствовал себя близким к безумию. Гленарван думал о трагической просьбе Элен, о ее желании умереть от его руки во избежание пыток или рабства. И он спрашивал себя, найдет ли он в себе это страшное мужество.

«А Мэри — какое право я имею убить ее?» — в отчаянии думал Джон Манглс.

О бегстве нечего было и мечтать: десять воинов, вооруженных с головы до ног, стерегли двери храма.

Наступило утро 13 февраля. Туземцы не входили ни в какие сношения с пленниками, огражденными табу. В храме имелось некоторое количество съестных припасов, но несчастные едва к ним прикоснулись. Скорбь подавляла голод. День прошел, не принеся ни перемены, ни надежды. Видимо, погребение убитого вождя и казнь убийцы должны были совершиться одновременно.

Гленарван был убежден, что Каи-Куму оставил мысль об обмене пленников. У Мак-Наббса же все еще теплилась слабая надежда:

— Как знать, не чувствует ли в глубине души Каи-Куму, что вы оказали ему услугу?

Но что ни говорил ему Мак-Наббс, Гленарван не хотел больше ни на что надеяться. Прошло и 14 февраля, а никаких приготовлений к казни не было сделано и в этот день. Причина же этой задержки заключалась в следующем.

Маори верят в то, что душа умершего пребывает в его теле в течение трех дней, и потому труп хоронят только по истечении трех суток. И в данном случае этот обычай, заставлявший откладывать погребение, был соблюден со строжайшей точностью. До 15 февраля па была

совершенно пустынна. Джон Манглс, взобравшись на плечи Вильсона, не раз вглядывался в наружные укрепления. Из-за них не показывался ни один туземец. Только сменялись часовые, бдительно несшие караул у дверей храма.

Но на третий день двери хижин распахнулись. Несколько сот маорийцев — мужчин, женщин, детей — собрались на площади па. Они были спокойны и безмолвны.

Каи-Куму вышел из своего жилища и, окруженный главными вождями племени, поднялся на земляную насыпь в несколько футов вышины, находившуюся посередине крепости. Толпа туземцев стала полукругом в нескольких саженях позади. Все продолжали хранить глубокое молчание.

Каи-Куму сделал знак, и один из воинов направился к храму.

— Помни же, — сказала Элен мужу.

Гленарван молча прижал ее к сердцу. В эту минуту Мэри Грант подошла к Джону Манглсу.

— Если муж может убить свою жену, — сказала она, — чтобы избавить ее от позора, то и жених может убить с этой целью свою невесту. Джон, в эту последнюю, быть может, минуту я могу сказать, что в тайнике вашего сердца я давно уже ваша невеста, не правда ли? Могу ли я рассчитывать на вас, дорогой Джон, так, как рассчитывает миссис Элен на мужа?

— Мэри! — воскликнул в смятении молодой капитан. — Мэри! Дорогая!..

Он не успел договорить: цыновка была поднята, и пленников повели к Каи-Куму. Женщины примирились со своей участью. Мужчины скрывали свои душевные муки под наружным спокойствием, говорившим о сверхчеловеческой силе воли.

Пленники предстали перед новозеландским вождем. Приговор того был короток.

— Ты убил Кара-Гете? — спросил он Гленарвана.

— Убил, — ответил тот.

— Завтра на рассвете ты умрешь.

— Один? — спросил Гленарван; сердце его забилось.

— Ах, если б только жизнь нашего Тогонга не была

ценнее ваших! — со свирепым сожалением воскликнул Каи-Куму.

В эту минуту среди туземцев произошло какое-то движение. Гленарван быстро оглянулся. Вскоре толпа расступилась, и появился воин, весь в поту, изнемогавший от усталости. Как только Каи-Куму увидел его, он обратился к нему по-английски, очевидно желая, чтобы разговор их был понят пленниками:

— Ты пришел из лагеря пакекас?

— Да, — ответил маориец.

— Ты видел пленника — нашего Тогонга?

— Видел.

— Он жив?

— Он умер. Англичане расстреляли его.

Участь Гленарвана и его спутников была решена.

— Все вы умрете завтра на рассвете! — воскликнул Каи-Куму.

Итак, на всех пленников обрушилась общая кара.

Пленники не были отведены в храм. Они должны были присутствовать при погребении вождя и на кровавых церемониях, сопровождающих этот обряд. Отряд туземцев отвел пленников на несколько шагов в сторону, к подножию огромного дерева — куди. Они стояли, окруженные стражей, не спускавшей с них глаз. Остальные маори, погруженные в требуемую при погребении вождя печаль, казалось, забыли о них.

После смерти Кара-Тете прошло три установленных обычаем дня. Теперь, по верованиям новозеландцев, душа покойного окончательно покинула его бренное тело. Начался обряд погребения. Принесли тело вождя и положили его на небольшую земляную насыпь посреди крепости. Покойник был облачен в роскошные одежды и покрыт великолепной циновкой из формиума. На его голове, украшенной перьями, виднелся венок из зеленых листьев. Лицо, руки и грудь покойника были смазаны растительным маслом и не обнаруживали никаких признаков разложения.

Родственники и друзья Кара-Тете подошли к насыпи, на которой лежал он, и вдруг, словно повинуясь палочке капельмейстера, дирижирующего похоронным гимном, раздались оглушительные плач, рыдания, стоны. Зауны-

вен и тяжек был ритм этих погребальных жалоб. Друзья покойного били себя по голове, а его родственницы с остервенением раздирали ногтями свои лица, проливая больше крови, чем слез. Эти несчастные женщины добросовестно выполняли свой дикий долг. Но, видимо, этих проявлений скорби было недостаточно для умиротворения души умершего, и воины, боясь, чтобы гнев вождя не обрушился на переживших его соплеменников, хотели умилостивить покойника, предоставив ему на том свете те блага, которыми пользовался он на земле. Поэтому и спутница жизни Кара-Тете не должна была покинуть умершего. Да и сама несчастная женщина не согласилась бы пережить мужа. Таков был обычай, таков был закон, и история Новой Зеландии насчитывает немало подобных жертвоприношений.

Появилась вдова Кара-Тете. Она была еще молода. Растрепанные волосы падали на плечи, она рыдала и голосила. Среди воплей вырывались у нее отрывочные фразы, в которых она прославляла добродетели своего умершего супруга и горько жалела о нем. Наконец, охваченная безудержным порывом горя, она простерлась у подножия кургана и стала биться головой о землю.

В эту минуту к ней подошел Каи-Куму. Злополучная жертва вдруг поднялась, но вождь могучим ударом дубины повалил ее обратно на землю. Она упала, как пораженная громом.

Раздались ужасающие крики. Сотни рук угрожающе протянулись к пленникам. Но никто не тронулся с места, ибо похоронный обряд еще не был закончен.

Жена Кара-Тете соединилась с мужем. Их тела лежали теперь рядом. Но для вечной жизни покойнику было мало верной жены. Кто будет обслуживать этих супругов у Нуи-Атуа, если за ними не последуют из этого мира в тот мир их рабы?

Шестеро этих несчастных были приведены и поставлены перед трупами своих хозяев. Это были слуги, ставшие рабами в силу беспощадных законов войны.

Эти несчастные, казалось, безропотно покорялись своей участи. Она не удивляла их: они давно ее предвидели. Их несвязанные руки говорили о том, что от обреченных не ждут сопротивления перед смертью.

К тому же эта смерть была быстрой: их избавили от длительных мучений. Пытки предназначались виновникам гибели вождя. Те, стоя в двадцати шагах, отводили глаза от отвратительного зрелища; ему предстояло сделаться еще ужаснее.

Под шестью ударами дубин, нанесенными шестью сильными воинами, жертвы распростерлись на земле, среди лужи крови. Это послужило сигналом к жуткой сцене людоедства.

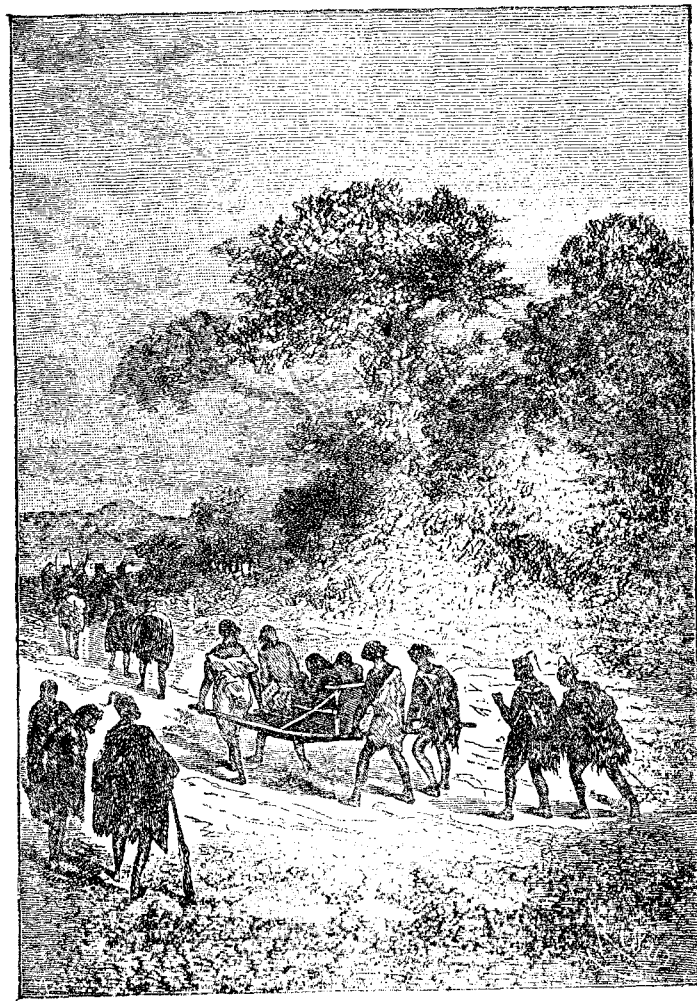
На тела мертвых рабов не распространяется та сила табу, которая охраняет тело их хозяина. Тела рабов являются достоянием племени. Это мелкие подачки, брошенные похоронным плакальщикам. И вот, едва жертвоприношение было закончено, вся масса туземцев — вожди, воины, старики, женщины, дети, — все, без различия пола и возраста, охваченные животной яростью, набросились на бездыханные останки жертв.

Гленарван и его спутники, задыхаясь от отвращения, пытались скрыть от глаз женщин эту гнусную сцену. Для них было ясно, что́ ждет их завтра при восходе солнца и какие жестокие пытки им, без сомнения, придется испытать перед смертью. Они онемели от ужаса и отвращения.

Вслед за пиршеством начались похоронные танцы. Появилась крепчайшая наливка, настоенная на стручковом перце, и еще больше опьянила и без того пьяных от крови дикарей. В них уже не осталось ничего человеческого. Они могли, казалось, забыть о наложенном вождем табу и наброситься на приведенных в ужас их исступлением пленников.

Но среди общего опьянения Каи-Куму не терял головы. Он дал этой кровавой оргии достигнуть своей кульминационной точки, после чего она постепенно затихла, и обряд погребения был закончен в установленном порядке. Трупы Кара-Тете и его супруги подняли и, по новозеландскому обычаю, посадили так, что колени были подобраны к животу, а на них положены руки. Наступило время предать мертвецов земле, но не окончательно, а до тех пор, пока тело не истлеет и не останутся одни кости.

Место для могилы было выбрано вне крепости, милях



Четыре воина подняли носилки и двинулись к месту погребения.

в двух от нее, на вершине небольшой горы Маунганаму, поднимавшейся на правом берегу озера.

Туда-то должны были перенести тела вождя и его супруги. К земляной насыпи, где находились эти тела, принесли два первобытных паланкина, или, проще говоря, носилки. На них посадили оба трупа, укрепив их лианами. Четыре воина подняли эти носилки и двинулись к месту погребения в сопровождении всего племени, снова затянувшего свой похоронный гимн.

Пленники, продолжавшие находиться под бдительным надзором стражи, видели, как похоронная процессия вышла из-за первой ограды, после чего пение и крики стали мало-помалу затихать.

С полчаса это мрачное шествие, двигавшееся в глубине долины, не было видно пленникам, а затем оно снова показалось на извилистой тропе, поднимавшейся в гору. Волнообразное движение этой длинной, змеящейся колонны издали казалось каким-то призрачным.

Племя остановилось на высоте восьмисот футов, на вершине Маунганаму, у того места, где была приготовлена могила для погребения Кара-Тете.

Если бы хоронили простого маори, то ему довольно было бы и ямы, засыпанной потом камнями. Но для могучего, грозного вождя, которому, без сомнения, в недалеком будущем предстояло быть возведенным в сан божества, племя позаботилось приготовить могилу, достойную его подвигов.

Могила была огорожена частоколом, а у самой ямы, где должны были покоиться тела вождя и его супруги, виднелись колья; они были украшены изображениями, окрашенными охрой. Родственники погребаемых не забыли о том, что вайдуа — дух умершего — нуждается в пище так же, как и тело во время его преходящей жизни. Поэтому у могилы вместе с оружием и одеждой покойного были положены и разные съестные припасы.

Таким образом, у мертвого вождя имелось в могиле все, что нужно было для его комфорта. Оба супруга были положены рядом, а затем, после новых воплей, их засыпали землей и цветами. Покончив с этим, процессия в глубоком молчании спустилась с горы. Отныне никто, под страхом смертной казни, не смел взойти на Маунга-

наму, ибо на нее было наложено табу, так же как когда-то на гору Тонгариро, на вершине которой покоятся останки вождя, погибшего в 1846 году во время землетрясения.

Глава XIII

ПОСЛЕДНИЕ ЧАСЫ

Пленники были отведены обратно в тюрьму к тому времени, когда солнце скрывалось за вершинами гор, по ту сторону озера Таупо. Несчастным предстояло выйти из нее тогда, когда вершины горной цепи окрасятся первыми лучами солнца.

Это была их последняя ночь перед смертью. Несмотря на изнеможение, несмотря на переживаемый ими ужас, они сели поужинать вместе.

— Нам нужны силы, чтобы смело взглянуть в глаза смерти, — проговорил Гленарван. — Надо показать этим дикарям, как умеют умирать европейцы.

После ужина Мэри Грант и Элен, отойдя в уголок хижины, улеглись там на циновке. Благодетельный сон, заставляющий на время забыть всякое горе, сомкнул им глаза. Сломленные усталостью и бессонными ночами, несчастные женщины заснули, прижавшись друг к другу.

Гленарван, отведя своих друзей в сторону, сказал им:

— Дорогие товарищи, если завтра нам суждено умереть, я уверен, что мы сумеем умереть мужественно, с сознанием, что мы стремились к благородной цели. Но дело в том, что здесь нас ждет не только смерть, но и пытка, бесчестие быть может, и эти две женщины...

Твердый до тех пор голос Гленарвана дрогнул. Он замолчал, чтобы справиться со своим волнением.

— Джон, — обратился он через минуту к молодому капитану, — ведь вы обещали Мэри то же, что я обещал Элен. Как же вы решили поступить?

— Мне кажется, я имею право выполнить это обещание, — ответил Джон Манглс.

— Да, Джон, но ведь у нас с вами нет оружия.

— Одно есть, — промолвил молодой капитан, показывая кинжал, — я вырвал его из рук Кара-Тете в ту мину-

ту, когда этот дикарь свалился у ваших ног. И пусть, сэр, тот из нас, кто останется жив, выполнит желание вашей жены и Мэри Грант.

После этих слов воцарилось глубокое молчание. Его нарушил майор.

— Друзья мои, — сказал он, — приберегите это крайнее средство на самую последнюю минуту. Я не сторонник непоправимых поступков.

— Говоря это, я не имел в виду нас, мужчин, — ответил Гленарван. — Какая бы ни ждала нас смерть, мы сумеем без страха встретить ее. Ах, если бы мы были одни, я уже двадцать раз крикнул бы вам: «Друзья, попытаемся прорваться! Нападем на этих негодяев!» Но жена моя, но Мэри...

Джон Манглс приподнял цыновку и стал считать маорийцев, сторуживших дверь храма. Их было двадцать пять. Они развели большой костер, бросавший зловещие отблески на площадь, хижины и изгороди па. Некоторые из этих дикарей лежали вокруг костра, другие стояли неподвижно, вырисовываясь резкими черными силуэтами на фоне яркого пламени. Но все они то и дело глядели на хижину, наблюдать за которой им было поручено.

Говорят, что у узника, задумавшего бежать, больше шансов на успех, чем у стерегущего его тюремщика. И в самом деле, узник здесь более заинтересован, чем тюремщик. Тюремщик может забыть, что он поставлен стеречь, — узник не может забыть, что его стерегут. Узник чаще думает о побеге, чем его страж о том, как помешать ему бежать. Отсюда частые и поразительные побеги.

Но здесь за нашими узниками наблюдал не равнодушный тюремщик — их стерегли ненависть и жажда мести. Если пленников не связали, то только потому, что узы были бы здесь лишними, раз двадцать пять человек сторожили единственный выход из храма.

Эта постройка, примыкавшая к той скале, которой завершалась крепость, была доступна лишь со стороны ее входа. Отсюда узкая полоса земли вела на площадь па. Две боковые стены хижины поднимались над отвесными скалами, под которыми зияла пропасть футов в сто глубиной. Спуститься здесь было невозможно. Немыслимо

было убежать и через заднюю стену, ибо она упиралась в огромную скалу. Единственным выходом являлась дверь храма, открывавшаяся на ту узкую полосу земли, которая, подобно подъемному мосту, соединяла его с площадью па. Но здесь на страже стояли маори. Итак, бегство было невозможно. Гленарван, исследовав чуть ли не в двадцатый раз стены своей тюрьмы, принужден был признать это.

Но как ни мучительны были часы этой ночи, они все же шли один за другим. Горы погрузились в непроницаемый мрак. На небе не видно было ни луны, ни звезд. Порой над па, сотрясая сваи святилища, проносились порывы ветра. Они на миг раздували костер маори, и отблески его пламени озаряли мимолетным светом внутренность храма и сидевших в нем узников. Несчастные были погружены в свои предсмертные думы. Мертвая тишина царила в хижине.

Около четырех часов утра внимание майора привлек какой-то шорох, казалось доносившийся из-за задней стены, примыкавшей к скале.

Сначала Мак-Наббс не придал этому шороху значения, но так как он не прекращался, майор стал прислушиваться, а затем, заинтересовавшись им, даже припал ухом к земле, чтобы яснее его расслышать. Ему показалось, что кто-то за стеной скребет, роет землю.

Когда Мак-Наббс убедился, что слух не обманывает его, он тихо подошел к Гленарвану и Джону Манглсу и, оторвав их от мучительных дум, увел обоих в глубину хижины.

— Прислушайтесь, — проговорил он шопотом, знаком показывая им, что надо нагнуться.

Скобление слышалось все явственнее. Уже можно было различить, как под нажимом какого-то острого орудия скрипели и скатывались вниз камешки.

— Какой-нибудь зверь роет нору, — сказал Джон Манглс.

Гленарван вдруг ударил себя по лбу.

— Как знать, — сказал он, — а вдруг это человек!

— А вот мы сейчас выясним, человек это или животное, — отозвался майор.

Здесь к ним подошли Вильсон и Олбинет, и они вче-

твером принялись подкапываться под стену: Джон Манглс работал кинжалом, другие же — вырванными из земли камнями или просто руками. Мюльреди, растянувшись на полу и приподняв цыновку, наблюдал за группой туземцев.

Дикари, неподвижно сидя вокруг костра, и не подозревали о том, что происходило в двадцати шагах от них.

Земля, над которой приходилось пленникам работать, была рыхлая, а под ней залегал кремнистый туф. Поэтому, несмотря на отсутствие инструментов, яма быстро углублялась. Вскоре стало очевидно, что какой-то человек или несколько человек роют подкоп в хижину. С какой целью они это делали? Знали ли они о том, что здесь находятся пленники, или тут был с их стороны какой-то личный интерес?

Пленники удвоили усилия. Кровь сочилась из их пальцев, но они всё рыли и рыли. Через полчаса они уже вырыли яму в полсажени глубиной. Шорох с той стороны доносился все отчетливее: ясно было, что работавших отделял друг от друга лишь тонкий слой земли. Прошло еще несколько минут — и вдруг майор отдернул свою руру, пораненную каким-то острым лезвием. Он едва удержался, чтобы не вскрикнуть. Джон Манглс отклонил лезвием своего кинжала нож, показавшийся из земли, и схватил руку, которая держала его. То была рука женщины или ребенка, рука европейца!

Ни с той, ни с другой стороны не было произнесено ни слова. Очевидно, обе стороны были заинтересованы в том, чтобы сохранить молчание.

— Уж не Роберт ли это? — прошептал Гленарван.

Как ни тихо произнес он это имя, но Мэри Грант, разбуженная происходившим вокруг нее движением, сейчас же проскользнула к Гленарвану и, схватив эту всю перепачканную землей руку, осыпала ее поцелуями.

— Ты! Ты! — шептала девушка. (Как могла она не узнать этой детской руки!) — Ты, мой Роберт!

— Да, сестричка, это я, — послышался голос Роберта. — Я здесь, чтобы всех вас спасти. Но тише!

— Храбрый мальчик!.. — повторял Гленарван.

— Наблюдайте за дикарями у входа, — снова донесся голос юного Гранта.

Мюльреди, оставивший было свой наблюдательный пост из-за появления мальчугана, снова вернулся к своим обязанностям.

— Все в порядке, — промолвил он, — только четыре человека на страже. Остальные спят.

— Смелей! — отозвался Вильсон.

В одну минуту отверстие было расширено, и Роберт из объятий сестры попал в объятия Элен. Вокруг пояса у него была закручена длинная веревка из формиума.

— Мальчик, мой мальчик, — шептала Элен, — как это дикари не убили тебя!

— Не убили. Уж сам не знаю, каким образом мне удалось во время общего смятения ускользнуть от их взоров. Я выбрался из крепости и два дня скрывался в кустарниках. Ночью бродил. Мне хотелось увидеть вас. В то время, когда все племя было занято погребением вождя, я осмотрел ту сторону крепости, на которой находится ваша тюрьма, и увидел, что смогу добраться до вас. Я стащил из какой-то пустой хижины этот нож и веревку и стал карабкаться к вам, хватаясь за пучки трав и ветки кустов. К счастью, в скале, па которой стоит эта хижина, оказалось нечто вроде пещеры, и оттуда мне осталось прокопать всего несколько футов в рыхлой земле, чтобы добраться до вас. И вот я с вами!

Двадцать поцелуев послужили безмолвным ответом на слова Роберта.

— Идем! — сказал он решительным тоном.

— А Паганель внизу? — спросил Гленарван.

— Господин Паганель? — с удивлением переспросил Роберт.

— Да. Он ждет нас?

— Да нет, сэр. Разве господин Паганель не с вами?

— Его здесь нет, Роберт, — ответила Мэри Грант.

— Как, ты его не видел? — спросил Гленарван. — Значит, вы не встретились среди смятения? Не убежали вместе?

— Нет, сэр, — ответил мальчик, удрученный известием об исчезновении своего друга Паганеля.

— Идем! — сказал майор. — Нельзя терять ни минуты. Где бы ни был Паганель, все же он не может быть в худшем положении, чем мы здесь. Идем!

Действительно, каждая минута была драгоценна. Нужно было спасаться бегством. К счастью, побег не представлял больших трудностей, если не считать почти вертикального двадцатифутового обрыва, ожидавшего их по выходе из пещеры. Дальше до самого подножия горы спуск был не слишком крут. Оттуда пленники могли быстро добраться до тянувшихся внизу долин. Маори же, заметь они бегство европейцев, принуждены были бы в погоне за ними проделать длинный путь в обход, так как они не знали о проходе, вырытом между хижиной и склоном горы.

Побег начался. Были приняты все нужные меры предосторожности. Пленники один за другим пробрались через узкий проход и очутились в пещере. Джон Манглс, прежде чем покинуть святилище, уничтожил все следы произведенной работы, а затем и сам скользнул в отверстие, закрыв его потом цыновкой, что делало проход совершенно незаметным.

Теперь надо было спуститься с отвесной скалы. Спуск этот был бы неосуществим, не принеси с собой Роберт веревку из формиума. Ее размотали, один конец прикрепили к выступу скалы, а другой опустили вниз. Джон Манглс, прежде чем предоставить своим друзьям довериться этой скрученной из волокон формиума веревке, испробовал ее. Она показалась ему не особенно крепкой. Приходилось быть осмотрительным: падение с такой высоты могло оказаться смертельным.

— Эта веревка, по-моему, не может выдержать больше двух человек, — сказал он. — Значит, надо действовать сообразно с этим. Я предложил бы мистеру Гленарвану спуститься первым с миссис Элен. Когда они будут у подошвы скалы, пусть три раза дернут за веревку — этим они дадут знать, что за ними могут спускаться и другие.

— Первым спущусь я, — заявил Роберт. — Я нашел внизу глубокую впадину, в которой могут спрятаться те, кто спустятся первыми.

— Отправляйся, дитя мое, — промолвил Гленарван, пожимая руку Роберту.

Мальчик скрылся. Через минуту троекратное подергиванье веревки дало знать, что он благополучно спу-

стился. Гленарван и Элен тотчас вышли из пещеры. Было еще очень темно, но вершины гор, поднимавшихся на востоке, начали чуть-чуть сереть.

Резкий утренний холодок подбодрил молодую женщину, и она почувствовала прилив сил. Первым стал спускаться Гленарван, за ним Элен. Оба они благополучно достигли земли. Отсюда Гленарван, поддерживая жену, начал спускаться вниз по склону горы. Он нащупывал пучки травы, кустики и, испытав их прочность, ставил на них ногу Элен. Взлетели с криком какие-то внезапно разбуженные птицы. Беглецы вздрагивали, когда сорвавшийся из-под их ноги камень с шумом катился до подножия горы.

Гленарван с женой уже спустились до половины склона, как вдруг из пещеры послышался тихий голос Джона Манглса:

— Остановитесь!..

Гленарван, уцепившись одной рукой за куст, а другой поддерживая жену, замер на месте.

Тревогу поднял Вильсон. Услышав какие-то звуки на площади перед хижиной, он вернулся в храм и, приподняв циновку, стал наблюдать за маори. По его знаку Джон Манглс остановил Гленарвана. Оказалось, что один из воинов, уловив какой-то смутный, необычный шорох, встал и подошел к хижине. Стоя в двух шагах от нее, маори, склонив голову, прислушивался. В такой позе он простоял с минуту, показавшуюся Вильсону часом. Затем, тряхнув головой, как человек, который ошибся, туземец вернулся к своим товарищам, поднял с земли охапку хвороста и подбросил ее в полупотухший костер. Огонь сразу запылал и осветил лицо воина; на нем уже не осталось ни следа озабоченности. Поглядев на первые проблески зари, белевшие на горизонте, он улегся у костра, чтобы согреть свои продрогшие члены.

— Все в порядке, — тихо проговорил Вильсон, вернувшись в пещеру.

Джон знаком показал Гленарвану, что можно продолжать спуск, и вскоре и Гленарван и Элен очутились на узенькой тропинке, где их ждал Роберт.

Снова трижды дернулась веревка, а затем пустились в опасный путь Джон Манглс и Мэри Грант.

Они так же удачно достигли земли и вскоре встретились с Гленарванами в указанном Робертом углублении.

Через каких-нибудь пять минут все беглецы, счастливо выбравшись из храма, уже покинули свое временное убежище. Стремясь удалиться от заселенных берегов озера, они двигались по узким тропинкам в самую глубь гор. Шли они быстро, стараясь, по возможности, избегать тех мест, где кто-нибудь мог их увидеть. Безмолвно, словно тени, скользили они между кустами. Куда шли они? Куда глаза глядят, но все же они были свободны.

Около пяти часов начало светать. Тянувшиеся высоко в небе облака приняли голубоватый оттенок. Вершины гор очищались от утреннего тумана. Вскоре должно было показаться дневное светило, и его появление, вместо того чтобы послужить сигналом к казни, теперь должно было обнаружить бегство осужденных.

Поэтому беглецам следовало во что бы то ни стало находиться уже вне досягаемости дикарей до наступления этого рокового момента. Но подвигались они вперед довольно медленно, так как тропинки были круты. Гленарван не вел, а скорее нес свою жену. Мэри Грант опиралась на руку Джона Манглса. Роберт, счастливый, торжествующий, радуясь успеху своего предприятия, шел впереди. Оба матроса замыкали шествие.

Еще полчаса — и из-за туманного горизонта должно было появиться лучезарное светило.

Эти полчаса беглецы шли наугад: ведь с ними не было Паганеля, всегда направлявшего их на верный путь, Паганеля, отсутствие которого так их тревожило и набрасывало мрачную тень на их счастье. Всё же они старались, по возможности, двигаться на восток, навстречу разгоравшейся чудесной заре. Вскоре они уже достигли высоты пятисот футов над озером Таупо. Здесь утренний холод особенно давал себя чувствовать. Перед беглецами вырисовывались неясные контуры холмов и громоздившихся над ними гор. Но Гленарван желал только одного — затеряться в них. А там, позднее, говорил он себе, видно будет, как выбраться из этого горного лабиринта.

Наконец появилось солнце и озарило своими первыми лучами беглецов.

Вдруг раздался ужасающий вой — в него слились

Первым стал спускаться Гленарван, за ним — Элен.

вопли сотни глоток. Они неслись из крепости, местонахождение которой Гленарван не совсем ясно себе представлял; к тому же густой туман еще скрывал простиравшиеся внизу долины.

Беглецы поняли, что их исчезновение обнаружено. Удастся ли им ускользнуть от погони? Заметили ли их туземцы? Не выдадут ли их следы?

В эту минуту клубившийся внизу туман поднялся кверху, на минуту окутал беглецов влажным облаком, и они увидели в трехстах футах под собой яростную толпу туземцев. Они видели, но и их увидали. Снова раздались завывания, к ним присоединился лай собак, и все племя, тщетно попытавшись перебраться через скалу, где стояла хижина, бросилось из крепости и помчалось по кратчайшим тропинкам в погоню за узниками, убегавшими от их мести.

Глава XIV

ГОРА, НА КОТОРУЮ НАЛОЖЕНО ТАБУ

Беглецы находились еще футах в ста от вершины горы. Им важно было добраться до этой вершины, чтобы скрыться за ней от взоров маори. А там они надеялись по какому-нибудь удобопроходимому горному гребню пробраться до одной из ближайших к ним вершин горной цепи, столь запутанной, что, пожалуй, только бедный Паганель, будь он с ними, смог бы в ней разобраться.

Угрожающие вопли слышались все ближе, и беглецы, насколько могли, ускоряли шаг. Надвигавшаяся ватага уже подбегала к подошве горы.

— Смелее! Смелее, друзья! — кричал Гленарван, подбадривая своих товарищей словом и жестом.

Менее чем в пять минут беглецы достигли вершины горы. Здесь они огляделись по сторонам, чтобы иметь возможность ориентироваться и выбрать такое направление, следуя которому они могли надеяться сбить с толку маори.

На западе перед глазами беглецов среди живописной рамки из гор расстилалось озеро Таупо. На севере поднимались вершины Пиронгии, на юге — огнедышащий кра-

тер Тонгариро. На востоке же взоры упирались в преграду из гор, смыкавшихся с Вахити, этой большой горной цепью, которая тянется через весь северный остров, от пролива Кука до Восточного мыса. Итак, надо было спуститься по противоположному склону и углубиться в узкие ущелья, из которых, быть может, даже не было выхода.

Гленарван тревожно огляделся. Под лучами солнца туман рассеялся, и ему были видны малейшие неровности почвы. Ни одно движение дикарей не ускользало от его взора.

Туземцы были менее чем в пятистах футах от беглецов, когда последние добрались до вершины.

Гленарван понимал, что нельзя было останавливаться ни на минуту. Как ни были они утомлены, а приходилось бежать, чтобы не попасться в руки преследователей.

— Будем спускаться! — воскликнул он. — Нужно спуститься прежде, чем нам будет отрезан путь!

Бедные женщины через силу поднялись на ноги. Мак-Наббс остановил их.

— Это излишне, Гленарван, — сказал он: — взгляните.

И действительно, в поведении туземцев произошло непонятное изменение. Погоня вдруг прекратилась, как будто приступ горы был отменен чьим-то властным приказом. Ватага туземцев внезапно остановилась, как морские волны у непреодолимого утеса.

Все эти жаждавшие крови дикари, столпившись у подошвы горы, вопили, жестикулировали, размахивали ружьями и топорами, но не двигались вперед ни на шаг. Их собаки, словно вросшие в землю, подобно им самим, оглашали воздух бешеным лаем.

Что же произошло? Какая невидимая сила удерживала туземцев? Беглецы глядели, ничего не понимая, боясь, как бы племя Каи-Куму вдруг не сбросило с себя сковавшие его чары.

Вдруг у Джона Мангласа вырвался крик. Его товарищи оглянулись. Он указал им рукой на маленькую крепость, высившуюся на самой верхушке горы.

— Да ведь это могила вождя Кара-Тете! — воскликнул Роберт.

— Так ли это, Роберт? — спросил Гленарван.

— Да, сэр, это действительно его могила, я узнаю ее...

Мальчик не ошибался. Футах в пятидесяти над ними у края вершины виднелась свежевыкрашенная ограда. Тут уже и Гленарван узнал могилу новозеландского вождя. Счастливый случай привел беглецов на вершину Маунганаму.

Гленарван и его спутники поднялись к могиле вождя. Широкий вход в ограду был завешен цыновками. Гленарван хотел было войти, но вдруг быстро подался назад.

— Там дикарь, — проговорил он.

— Дикарь у этой могилы? — спросил майор.

— Да, Мак-Наббс.

— Что из этого! Войдем.

Гленарван, майор, Роберт и Джон Манглс проникли за ограду. Там действительно сидел маори в длинном плаще из формиума. Тень от ограды мешала разглядеть черты его лица. Он, казалось, был очень спокоен и завтракал с самым беззаботным видом.

Гленарван собирался заговорить с ним, но туземец, опередив его, любезно сказал на чистейшем английском языке:

— Садитесь, дорогой сэр! Завтрак ждет вас.

То был Паганель. Услышав его голос, все бросились к милейшему географу и стали обнимать его. Паганель нашелся! Беглецы видели в этом залог своего спасения. Каждому не терпелось начать расспрашивать его, каждому хотелось узнать, каким образом и почему очутился он на вершине Маунганаму, но Гленарван пресек одним словом это несвоевременное любопытство.

— Дикари! — сказал он.

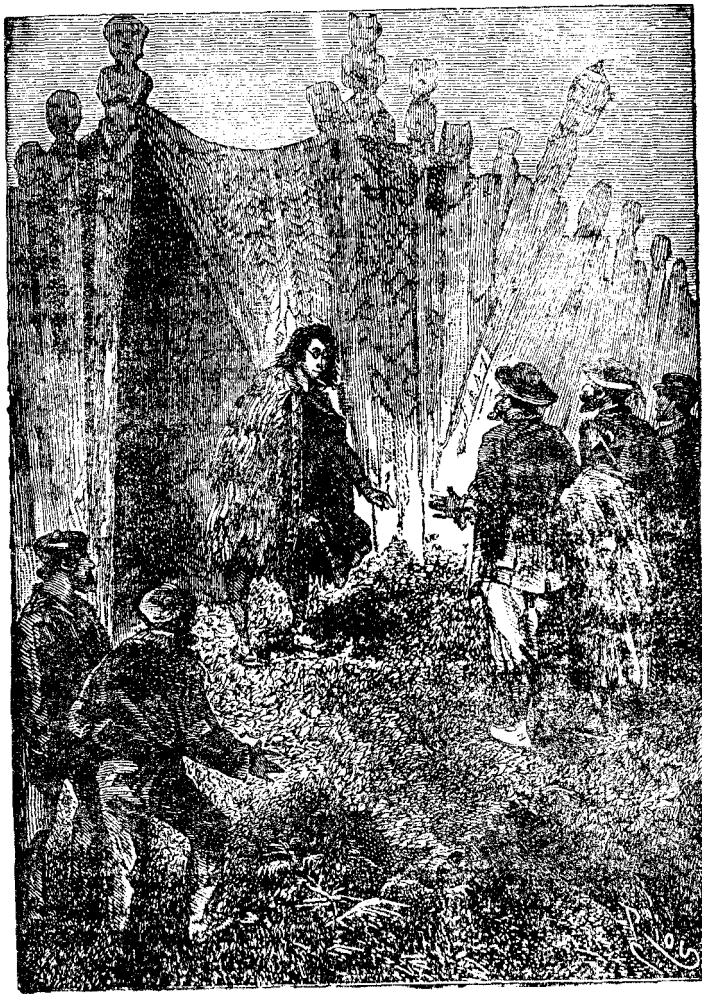
— Дикари! — повторил, пожимая плечами, Паганель. — Вот уж, могу сказать, личности, которыми я совершенно пренебрегаю.

— Но разве они не могут...

— Они-то! Эти болваны? Идемте, взгляните на них.

Все пошли за Паганелем. Новозеландцы находились на том же месте, у подошвы горы, и издавали ужасающие вопли.

— Кричите! Завывайте! Надсаживайтесь! — сказал Паганель. — Попробуйте-ка, взберитесь на эту гору!



— *Садитесь, дорогой сэр! Завтрак ждет вас.*

— А почему им не взобраться на нее? — спросил Гленарван.

— Да потому, что на ней похоронен вождь, потому что на гору наложено табу!

— Табу!

— Да, друзья мои! И вот почему я сам забрался сюда, как в одно из тех убежищ, где несчастные находили себе безопасный приют в средние века.

Действительно, гора была табуирована и поэтому стала недоступной для суеверных дикарей.

Это еще не было для беглецов спасением, но, во всяком случае, было благодетельной передышкой, которую можно было использовать. Гленарван, охваченный невыразимым волнением, не в силах был произнести ни слова; майор с довольным видом покачивал головой.

— А теперь, друзья мои, — сказал Паганель, — если эти скоты рассчитывают поупражнять на нас свое терпение, они жестоко ошибаются — не пройдет и двух дней, как мы будем вне их досягаемости.

— Мы убежим! — сказал Гленарван. — Но как?

— Этого я еще пока не знаю, но все же мы убежим, — ответил Паганель.

Тут все пристали к географу с просьбой рассказать о его приключениях. Но странная вещь: на этот раз у словоохотливого ученого пришлось прямо вытягивать каждое слово. Он, такой любитель рассказывать, давал на вопросы своих друзей неясные, уклончивые ответы.

«Подменили моего Паганеля», — подумал Мак-Наббс.

В самом деле, в почтенном ученом произошла какая-то перемена: он усердно кутался в свою огромную шаль из формиума и, казалось, стремился избегать любопытных взглядов. Ни от кого из присутствующих не укрылось то обстоятельство, что географ смущался, когда какой-либо вопрос касался его лично, но из деликатности все делали вид, что не замечают этого. Впрочем, как только разговор отклонялся от личности Паганеля, к нему тотчас же возвращалась его обычная веселость.

Что же касается его приключений, то вот чем нашел возможным поделиться географ со своими товарищами, когда все они уселись вокруг него у ограды.

После убийства Кара-Тете Паганель, как и Роберт,

воспользовался смятением туземцев и выбрался из па. Но ему менее посчастливилось, чем юному Гранту: он угодил в другое становище маори. Вождем здесь был человек высокого роста, с умным лицом, гораздо более развитой, чем все его воины. Он говорил на правильном английском языке и приветствовал географа, потершись о его нос кончиком своего носа.

Сначала Паганель не мог понять, в плену он или нет, но вскоре, видя, что вождь любезно, но неотступно следует за ним по пятам, он сообразил, как обстоит дело.

Вождь этот, по имени Хихи, что значит «луч солнца», оказался человеком не злым. Видимо, очки и подзорная труба географа ставили на недосягаемую высоту Паганеля, и Хихи решил привязать его к себе — притом не только хорошим обращением, но и крепкими веревками из формиума.

Так продолжалось три долгих дня. На вопрос, хорошо или плохо обращались с ним в это время, географ ответил: «И да и нет», не вдаваясь в дальнейшие подробности. Словом, он был пленником, но положение его казалось лучше положения его несчастных друзей только потому, что ему не предстояла немедленная казнь.

К счастью, однажды ночью он умудрился перегрызть свои веревки и убежать. Издали видел он, как происходило погребение Кара-Тете на вершине Маунганаму; он знал, что тем самым на гору налагалось табу. Не желая покинуть край, где были в плену его друзья, Паганель решил искать убежища на табуированной горе. Ему удалось выполнить этот опасный замысел. В прошлую ночь он добрался до могилы Кара-Тете и здесь, «восстанавливая свои силы», ждал, не освободит ли какой-нибудь счастливый случай его друзей.

Таков был рассказ Паганеля. Не умолчал ли он намеренно о каких-нибудь обстоятельствах своего пребывания у туземцев? Смущение географа не раз наводило его слушателей на такое предположение. Но как бы то ни было, все они единодушно поздравили Паганеля со счастливым избавлением.

Тут, покончив с прошлым, занялись настоящим. Положение беглецов продолжало оставаться чрезвычайно опасным. Правда, туземцы не решались взобраться на

вершину Маунганаму, но они рассчитывали снова захватить в свои руки пленников с помощью голода и жажды. Вопрос был только во времени, а дикари умеют быть терпеливыми.

Гленарван не скрывал от себя трудностей положения. Но он решил выжидать благоприятных обстоятельств, а в крайнем случае — создать их. Прежде всего он задался целью тщательно осмотреть Маунганаму, свою импровизированную крепость: не для того, чтобы защищать ее — ведь приступа бояться не приходилось, — а для того, чтобы выбраться из нее. Поэтому Гленарван вместе с майором, Джоном Манглсом, Робертом и Паганелем произвели тщательное обследование горы: были обследованы все имевшиеся тропинки, их направление и склоны горы. Горный гребень длиной в милю, соединявший Маунганаму с горной цепью Вахити, шел, понижаясь, к равнине. Этот гребень, узкий и причудливо извилистый, представлял собой единственно доступную дорогу в случае бегства. Если бы беглецы под прикрытием ночи пробрались этим путем незамеченными, им, быть может, и удалось бы, ускользнув от маорийских воинов, достигнуть глубоких долин гор Вахити.

Но дорога эта представляла немало опасностей. В нижней своей части она была доступна ружейным выстрелам, а под перекрестным огнем стерегущих внизу никто не смог бы пробраться безнаказанно.

Когда Гленарван и его друзья отважились ступить на опасный участок гребня, воины приветствовали их градом пуль, ни одна из которых не попала в них. Ветер донес к ним несколько пыжей. Они были сделаны из какой-то печатной бумаги. Паганель подобрал из любопытства пыжи и, расправив бумагу, не без труда разобрал то, что на ней было напечатано.

— Каково! — воскликнул он. — Знаете, друзья мои, чем они набивают свои ружья?

— Не знаем, Паганель, — ответил Гленарван.

— Страницами, вырванными из библии! Признаться, жаль мне миссионеров, просвещающих этих маори. Нелегко им будет создать маорийские библиотеки.

Гленарван и его спутники стали подниматься по крутым тропинкам, ведшим на вершину горы: они хотели

обследовать могилу вождя. Взбираясь, они с удивлением заметили, что земля под их ногами время от времени вздрагивает тем длительным подрагиванием, которое можно наблюдать, глядя на стенки котла, где кипит вода. Очевидно, в недрах горы скопилось большое количество паров, образовавшихся там под действием подземного огня.

Это своеобразное явление не могло удивить людей, недавно плывших между горячими ключами Вайкато. Им было известно, что центральная область Ика-на-Мауи особенно подвержена землетрясениям. Это настоящее сито, через скважины которого выбиваются наружу горячие ключи и серные пары.

Паганель, уже раньше наблюдавший гору Маунганаму, обратил внимание своих спутников на ее вулканическую природу. По мнению географа, Маунганаму являлась одной из тех многочисленных конусообразных гор центральной части острова, которым в будущем предстояло стать вулканами. Какое-нибудь даже незначительное механическое воздействие легко могло вызвать образование кратера в ее почве из беловатого кремнистого туфа.

— Пусть так, — заметил Гленарван, — но все же мы здесь не в большей опасности, чем близ парового котла «Дункана». Ведь земная кора по крепости не уступит листовому железу.

— Согласен, — отозвался майор, — но самый лучший паровой котел от слишком долгого употребления все же в конце концов лопается.

— Но я вовсе не стремлюсь бесконечно оставаться на этой горе, Мак-Наббс! — возразил Паганель. — Укажите мне возможный для нас путь, и я тотчас же покину ее.

— Ах, почему эта Маунганаму сама не может унести нас, раз в недрах ее заключается такая колоссальная механическая сила! — воскликнул Джон Манглс. — Здесь, под нашими ногами, заключены, быть может, целые миллионы лошадиных сил, которые пропадают неиспользованными. «Дункану» хватило бы тысячной доли их, чтобы увезти нас на конец света!

Это напоминание о «Дункане» навеяло на Гленарвана

самые грустные мысли. Как ни было тяжело его собственное положение, он нередко забывал о нем, горюя об участи своей команды.

Добравшись до вершины Маунганаму, где находились остальные его спутники, Гленарван все еще был погружен в эти печальные думы. Элен, завидев мужа, тотчас пошла ему навстречу.

— Дорогой Эдуард, — сказала она, — выяснили ли вы наше положение? Надеяться ли нам или страшиться?

— Будем надеяться, дорогая Элен, — ответил Гленарван. — Дикари не посмеют вступить на склоны горы, и у нас будет достаточно времени, чтобы обдумать план бегства.

— А теперь — в могилу! — весело крикнул Паганель. — Ведь это наша крепость, наш замок, наша столовая, наш рабочий кабинет. Там никто нам не помешает. Миссис Элен и мисс Грант, разрешите мне оказать вам гостеприимство в этой прелестной обители.

Все пошли за милейшим Паганелем. Когда дикари увидели, что беглецы снова собираются осквернить своим присутствием могилу, на которую наложено табу, они дали по ним множество выстрелов и разразились ужасающими воплями, причем последние были едва ли не громче первых. Но, к счастью, пули не долетали так далеко, как крики: они не пролетели и половины горы, а вопли затерялись в пространстве.

Элен, Мэри Грант и их спутники, видя, что суеверие маори превосходит даже их злобу, вошли успокоенные за ограду могилы.

Это место погребения новозеландского вождя было огорожено частоколом, окрашенным в красную краску. Символические фигуры, настоящая татуировка по дереву повествовали о высоком положении и славных подвигах покойного. На столбах качались подвешенные амулеты из раковин и обточенных камней. Внутри ограды земля была покрыта ковром зеленых листьев. Невысокий холмик, поднимавшийся посередине, указывал на то, что в этом месте недавно была вырыта могила.

Кругом было разложено оружие вождя: заряженные ружья, копье, великолепный топор из зеленого нефрита. Тут же находился запас пуль и пороха, нужных, по

верованию дикарей, Кара-Тете для охоты в «вечной жизни».

— Вот целый арсенал, который мы используем лучше, чем покойный! — сказал Паганель. — Что за удачная мысль у этих дикарей брать с собой оружие на тот свет!

— Э, да это ружья английского образца! — промолвил майор.

— Несомненно, — отозвался Гленарван. — И надо признаться, что принятый обычай дарить дикарям огнестрельное оружие довольно-таки нелеп. Те потом пускают его в ход против завоевателей, и они правы. Нам же эти ружья, во всяком случае, смогут принести пользу.

— А что будет нам еще полезнее, — прибавил Паганель, — так это съестные припасы и вода, предназначенные для Кара-Тете.

И в самом деле, родичи и друзья покойного расщедрились. Количество продовольствия свидетельствовало о том уважении, которое они питали к высоким качествам вождя. Съестных припасов могло хватить десяти человекам на полмесяца, а покойному вождю — и на целую вечность. Пища эта была растительная и состояла из папоротника, сладкого батата и картофеля, давно уже ввезенного в Новую Зеландию европейцами. Объемистые сосуды заключали в себе чистую воду, обычно употребляемую новозеландцами во время еды. Здесь же виднелась дюжина искусно сплетенных корзин, наполненных плитками какой-то зеленой камеди, неизвестной нашим путешественникам.

Итак, наши беглецы были обеспечены пищей и питьем по меньшей мере на несколько дней. Они отнюдь не заставили себя долго просить и начали разбирать припасы вождя.

Гленарван отобрал нужные для его спутников продукты и передал их мистеру Олбинету. Стюард, остававшийся взыскательным мастером своего дела даже при самых тяжелых обстоятельствах, нашел меню обеда несколько скудным. К тому же он не имел ни малейшего представления о способе приготовления этих кореньев, и в его распоряжении не было огня.

Но Паганель вывел его из затруднения, посоветовав ему просто закопать папоротник и батат в землю. В са-

мом деле, температура верхнего слоя земли была очень высока, и если бы воткнуть в почву термометр, он, наверно, показал бы от шестидесяти до шестидесяти пяти градусов тепла.

Мистер Олбинет даже чуть не обварился, ибо в тот момент, когда он рыл яму, чтобы положить в нее свои коренья, оттуда вырвался столб пара и взлетел со свистом на целую сажень.

Стюард в ужасе упал навзничь.

— Заверните кран! — крикнул майор и, подбежав с двумя матросами к яме, засыпал ее с их помощью валявшимися вблизи кусками пемзы.

Между тем Паганель, с каким-то странным видом наблюдавший это явление, бормотал:

— Так... так... А почему бы и нет?

— Вас не обожгло? — спросил майор Олбинета.

— Нет, мистер Мак-Наббс, — ответил стюард, — но я, право, не ожидал...

— ...такой удачи! — воскликнул весело Паганель. — Оказывается, здесь имеется не только пища и вода Кара-Тете, но и огонь в земле. Да, эта гора — настоящий рай! Я предлагаю основать здесь колонию, заняться обработкой земли и жить здесь до конца наших дней. Мы будем робинзонами горы Маунганаму! Поистине, я тщетно ищу, чего нам еще не хватает на этой уютной вершине!

— Ничего, если только она прочна, — отозвался Джон Манглс.

— Ну! Не со вчерашнего же дня она создана, — возразил Паганель. — Она уже с давних времен оказывает сопротивление действию подземного огня и до нашего ухода, конечно, выдержит.

— Завтрак подан, — объявил мистер Олбинет таким торжественным тоном, словно он отправлял свои обязанности в Малькольм-Кэстле.

Беглецы, усевшись у ограды, тотчас принялись за еду; провидение неукоснительно посылало им пищу при самых тяжелых обстоятельствах.

Путешественники не выказали особой разборчивости в отношении выбора блюд, но мнения о съедобном папоротнике все же разделились. Одни находили, что он сладок и приятного вкуса, другим же он казался каким-то

слизистым, совершенно безвкусным и удивительно жестким. Зато сладкий батат, испеченный в горячей почве, оказался превосходным.

Когда голод был утолен, Гленарван предложил немедленно же заняться обсуждением плана бегства.

— Уже? — жалобным тоном воскликнул Паганель. — Как, вы собираетесь так скоро покинуть это место наслаждений?

— Допустим, что мы в Капуе, господин Паганель, — ответила Элен. — Но вы же знаете, что не следует подражать Ганнибалу [1].

— Миссис, — ответил географ, — я не позволю себе противоречить вам, и раз вы желаете обсуждать план бегства, будем обсуждать его.

— Прежде всего, — сказал Гленарван, — я считаю, что мы должны попытаться выбраться отсюда раньше, чем нас принудит к этому голод. Пока у нас есть силы, надо их использовать. Попробуем этой же ночью пробраться под защитой тьмы сквозь окружение туземцев в восточные долины.

— Чудесно, если только маори дадут нам пройти! — отозвался Паганель.

— Ну, а что, если они не дадут нам пройти? — спросил Джон Манглс.

— Тогда мы прибегнем к сильно действующим средствам, — ответил Паганель.

— Так у вас имеются сильно действующие средства? — заинтересовался майор.

— В таком количестве, что я даже не знаю, что с ними делать, — заявил географ, не вдаваясь ни в какие пояснения.

Оставалось ждать наступления ночи, чтобы попытаться тогда прорваться сквозь цепь маори.

Те не двигались с места. Казалось даже, что ряды их еще пополнились запоздавшими товарищами. Горящие там и сям костры образовали словно огненный пояс вокруг горы. Когда соседние долины погрузились во тьму, могло показаться, будто гора Маунганаму поднимается

---

[1] Армия Ганнибала, задержавшись в Капуе, совершенно разложилась.

из колоссального костра, в то время как вершина ее терялась во мраке. Шестьюстами футами ниже слышались ропот, крики, шум вражеского бивуака.

В девять часов, когда на землю спустилась беспросветная тьма, Гленарван и Джон Манглс, прежде чем вести своих товарищей по столь опасному пути, решили сначала сами произвести разведку.

Они стали бесшумно спускаться и минут через десять были уже на узком горном гребне, пересекавшем неприятельскую цепь на высоте пятидесяти футов.

До сих пор все шло хорошо. Лежавшие вокруг костров маори, казалось, не замечали двух беглецов, и те продвинулись еще на несколько шагов дальше. Но вдруг слева и справа грянула ружейная пальба.

— Назад! — сказал Гленарван. — У этих разбойников кошачьи глаза и отменные ружья.

Гленарван и Джон Манглс тотчас поднялись обратно по крутому склону и вскоре получили возможность успокоить своих испуганных стрельбой друзей. Шляпа Гленарвана оказалась простреленной двумя пулями. Итак, отважиться идти по длиннейшему горному гребню между двумя рядами стрелков было немыслимо.

— До завтра, — молвил Паганель. — И раз мы не сможем обмануть бдительность этих туземцев, так уж разрешите мне преподнести им блюдо моего собственного изготовления.

Было довольно холодно. К счастью, Кара-Тете унес с собою в могилу свои лучшие ночные одежды и теплые одеяла из формиума. Беглецы без зазрения совести укутались в них, улеглись внутри ограды могилы и вскоре, охраняемые суеверием туземцев, уже спали спокойным сном на тепловатой земле, содрогавшейся от клокочущих внутри нее газов.

Глава XV

СИЛЬНО ДЕЙСТВУЮЩИЕ СРЕДСТВА ПАГАНЕЛЯ

На следующее утро, 17 февраля, спавшие на вершине Маунганаму беглецы были разбужены первыми лучами восходящего солнца. Маори давно уже бродили у под-

ножия вершины, не переставая наблюдать за тем, что на ней происходит. Яростные крики встретили европейцев, как только те показались из осквернённой ими могилы. Выйдя из-за ограды, беглецы окинули взглядом окрестные горы, еще затянутые туманом глубокие долины, озеро Таупо, воды которого слегка рябил утренний ветерок. Затем, желая узнать новый план Паганеля, все окружили географа, вопросительно глядя на него.

Паганель не замедлил удовлетворить любопытство своих спутников.

— Друзья мои, — начал он, — в моем плане превосходно то, что если он не даст всех ожидаемых от него эффектов, если он даже потерпит неудачу, наше положение от этого все же не ухудшится. Но план этот должен удаться, и он удастся!

— А что это за план? — спросил Мак-Наббс.

— Вот мой план, — продолжал Паганель. — Суеверие туземцев создало нам из этого места убежище, и надо, чтобы это же суеверие помогло нам и выбраться из него. Если мне удастся уверить Каи-Куму, что мы пали жертвой нашего осквернения могилы, что над нами разразился гнев небесный — словом, что мы мертвы и погибли ужасной смертью, то не думаете ли вы, что Каи-Куму не замедлит покинуть подножие Маунганаму и вернуться в свое селение?

— В этом нет сомнения, — заявил Гленарван.

— А какой же ужасной смертью вы угрожаете нам? — поинтересовалась Элен.

— Смертью святотатцев, друзья мои, — ответил Паганель. — Карающее пламя у нас под ногами. Откроем же ему путь!

— Что! Вы хотите создать вулкан? — воскликнул Джон Манглс.

— Да, вулкан искусственный, вулкан импровизированный, ярость которого мы сами будем регулировать. Здесь, под нами, имеется огромное количество подземных паров и пламени, стремящихся вырваться наружу. Устроим же для нашего блага искусственное извержение!

— Хорошая мысль! — заметил майор. — Славно придумано, Паганель!

— Вы понимаете, — продолжал географ: — мы при-

творимся, будто нас пожрало пламя новозеландского Плутона, а сами в это время скроемся в могиле Кара-Тете. Там мы пробудем дня три, четыре и даже пять, если это понадобится, — словом, пробудем до момента, когда дикари, убедившись в нашей гибели, откажутся от своего замысла разделаться с нами и удалятся.

— А что, если у них явится мысль собственными глазами убедиться в постигшей нас каре и они взберутся на вершину? — промолвила мисс Грант.

— Нет, дорогая Мэри, — ответил Паганель, — этого они не сделают. Ведь на гору наложено табу, а когда она сама истребит своих осквернителей, табу это будет иметь еще бóльшую силу.

— Ваш план действительно хорошо задуман, — сказал Гленарван. — Он может не удаться лишь при одном условии: если дикари будут упорно оставаться у подошвы Маунганаму, пока мы не окажемся без съестных припасов. Но это маловероятно, особенно если мы будем действовать с достаточной ловкостью.

— Когда же испытаем мы этот последний шанс на спасение? — спросила Элен.

— Сегодня же вечером, — ответил Паганель, — когда наступит самый глубокий мрак.

— Решено, — заявил Мак-Наббс, — Паганель, вы гениальны. Я человек обычно не увлекающийся, но тут и я ручаюсь за успех.

Итак, план Паганеля был принят, и действительно, если принять во внимание суеверие маори, он мог, он должен был удаться. Оставалось лишь привести его в исполнение. Идея была хороша, но осуществить ее было не так-то легко. Не уничтожит ли вулкан смельчаков, прорывших ему кратер? Возможно ли будет совладать с этим извержением, регулировать его, когда пары, пламя и огненная лава буйно устремятся наружу? Не рухнет ли вся вершина в огненную бездну?

Паганель предвидел эти трудности, но он рассчитывал действовать осторожно, не доводя дело до крайности. Чтобы обмануть маори, нужна была только видимость извержения, а не грозная его реальность.

Каким длинным показался этот день! Каждый из путешественников отсчитывал его нескончаемые часы. Все

было приготовлено для бегства. Съестные припасы могилы разделили между всеми беглецами в виде необременительных свертков. К ним присоединили ружья и несколько цыновок из запасов вождя. Само собой разумеется, что эти приготовления делались втайне от дикарей, за оградой могилы.

В шесть часов вечера стюард подал сытный обед. Никто не мог бы сказать, где и когда встретится в долинах возможность подкрепить свои силы, и потому поели как следует. Основным блюдом явилось полдюжины крупных тушеных крыс — их поймал Вильсон. Элен и Мэри Грант наотрез отказались отведать этой дичи, столь любимой в Новой Зеландии, но мужчины отдали ей честь, как настоящие маори. И в самом деле, мясо крыс оказалось превкусным, и от всех шести грызунов остались лишь обглоданные кости.

Наконец наступили сумерки. Солнце скрылось за густыми грозовыми тучами. У горизонта поблескивали молнии, а в глубине неба громыхал отдаленный гром.

Паганель был рад надвигавшейся грозе: она благоприятствовала замыслам и должна была дополнить задуманную им инсценировку. Ведь дикари относятся с суеверным страхом к грозным явлениям природы. Новозеландцы слышат в громе разъяренный голос своего бога Нуи-Атуа, а в молнии видят сверкание его разгневанных очей. Им должно было показаться, что само божество явилось покарать нечестивцев, нарушивших табу.

В восемь часов вершина Маунганаму скрылась в зловещем мраке. Небо готовило черный фон для того взрыва пламени, который собирался вызвать Паганель. Маори уже не могли больше видеть своих узников. Наступило время действовать, и действовать без промедления. Гленарван, Паганель, Мак-Наббс, Роберт и стюард дружно принялись за работу.

Место для кратера было выбрано в тридцати шагах от могилы Кара-Тете. Было важно, чтобы извержение пощадило могилу, ибо с исчезновением ее перестало бы действовать и табу.

Паганель наметил огромную каменную скалу, из-под которой с силой вырывались пары. Скала эта, очевидно, прикрывала небольшой кратер, естественно образовав-

шийся на этом месте, и только ее тяжесть мешала выходу подземного огня. Если б удалось откатить скалу, то пары и лава вырвались бы через освободившееся отверстие.

Наши землекопы использовали в качестве рычагов несколько кольев, вырванных из внутренней ограды могилы, и изо всех сил принялись выворачивать огромную глыбу. Под их дружным напором глыба вскоре закачалась. Тогда они вырыли по склону горы небольшую траншею, по которой глыба могла бы скатиться. По мере того как они приподнимали скалу, сотрясение почвы делалось все ощутительнее. Из-под тонкой коры земли доносились глухой рев и свист пламени. Отважные землекопы работали молча. Вскоре появилось несколько трещин, из которых выбивались горячие пары. Это показало работавшим, что дольше оставаться там опасно. Еще одно последнее усилие — и скала, сорвавшись с места, покатилась по склону горы и скрылась из виду.

Тонкий слой земли в ту же минуту прорвался. Из образовавшегося отверстия с шумом вырвался огненный столб, а за ним хлынули кипящая вода и лава; потоки их устремились по склону горы к лагерю туземцев и в долину.

Вся вершина содрогнулась. Казалось, она вот-вот рухнет в бездонную пропасть.

Гленарван и его спутники едва успели спастись от извержения. Они убежали за ограду могилы, отделавшись легкими ожогами от брызнувшей на них почти кипящей воды. Эта вода сначала распространяла легкий запах бульона, потом сильно запахла серой. Ил, лава, вулканические обломки — все слилось в едином потоке, и он полился по склонам Маунганаму. Соседние горы осветились заревом извержения. Глубокие долины ярко озарились его отблеском. Дикари с воплями вскочили на ноги: среди их лагеря клокотала лава. Те, кого не настиг этот огненный поток, бросились бежать и взобрались на соседние холмы. Оттуда они с ужасом глядели на это грозное явление, на этот вулкан, поглотивший, по повелению их разгневанного бога, нечестивцев, которые осквернили священную гору. В те минуты, когда грохот

Гленарван и его спутники едва успели спастись от извержения.

извержения несколько ослабевал, до беглецов доносились сакраментальные выкрики маори:

— Табу! Табу! Табу!

Между тем из кратера Маунганаму вырывались в огромном количестве пары, раскаленные камни, лава. Это уже был не гейзер вроде тех, что встречаются по соседству с вулканом Гекла в Исландии, а такой же вулкан, как и сама Гекла. Вся эта клокочущая огненная масса до тех пор сдерживалась поверхностью вершины Маунганаму, потому что располагала достаточным выходным клапаном в виде вулкана Тонгариро, а теперь, когда ей представился новый выход, она со страшной силой устремилась в него, и в эту ночь, по закону равновесия, другие вулканические извержения должны были быть слабее обычного.

Через час после начала извержения этого нового на земном шаре вулкана по его склонам уже неслись широкие потоки огненной лавы. Бесчисленное множество крыс бросало свои норы и убегало с охваченной пламенем земли.

В течение всей ночи среди бушевавшей в небесах грозы новый вулкан действовал с силой, которая не могла не тревожить Гленарвана: ведь извержение расширяло воронку кратера.

Беглецы, укрывшись за оградой могилы, наблюдали за возраставшей силой этого грозного явления природы.

Наступило утро. Ярость вулкана не ослабевала. К пламени примешивались густые желтоватые пары. Всюду змеились потоки лавы.

Гленарван с бьющимся сердцем наблюдал сквозь щели ограды за туземцами. Маори укрылись на соседних склонах, где им не грозило извержение вулкана. На месте их бывшего лагеря виднелось несколько обуглившихся трупов. Дальше, по направлению к па, раскаленная лава сожгла десятка два хижин — некоторые из них еще дымились. Кое-где стояли группы новозеландцев, с благоговейным ужасом взиравших на объятую пламенем вершину Маунганаму.

Среди воинов появился Каи-Куму. Гленарван тотчас же узнал его. Вождь подошел к подошве горы с той стороны, где не текла лава, но не сделал ни шагу дальше.

С распростертыми руками, словно колдун, совершающий заклинания, он состроил несколько гримас, смысл которых не ускользнул от беглецов: как и предвидел Паганель, Каи-Куму наложил на гору-мстительницу еще более строгое табу.

Вскоре маори двинулись вереницами по извилистым тропинкам вниз, в па.

— Они уходят! — воскликнул Гленарван. — Они покидают свой сторожевой пост! Наша военная хитрость удалась! Ну, моя дорогая Элен и мои добрые товарищи, вот мы все и мертвы и погребены под лавой! Но сегодня же вечером мы воскреснем, покинем нашу могилу и убежим от этих варваров!

Трудно себе представить радость наших беглецов. Во всех сердцах снова затеплилась надежда. Отважные путешественники забыли о прошлом, не помышляли о будущем — они думали только о настоящем. А между тем добраться среди этого неведомого края до какой-нибудь английской колонии было нелегко. Но после того как беглецам удалось обмануть Каи-Куму, им казалось, что никакие дикари Новой Зеландии для них уже не страшны.

Однако нашим беглецам следовало пробыть еще день в могиле. Это время употребили на обсуждение плана бегства. Паганелю удалось уберечь свою драгоценную карту Новой Зеландии, и он мог указать наиболее безопасные пути.

По зрелом размышлении решено было направиться на восток, к бухте Пленти. Путь этот проходил по местам неисследованным, но, повидимому, пустынным. А наших путешественников, уже привыкших выходить из всевозможных затруднений, страшило лишь одно — встреча с маори. Они хотели во что бы то ни стало уклониться от такой встречи и стремились добраться до восточного побережья, где миссионерами было основано несколько колоний. К тому же эта часть острова пока избежала ужасов войны, и там отряды туземцев не рыскали.

Расстояние от озера Таупо до бухты Пленти составляло примерно сто миль. Десять дней пути, по десяти миль в день. Конечно, путешествие было не из легких,

но никто из этих отважных людей не думал об усталости. Только бы дойти до какой-нибудь миссии, а там уже можно будет и отдохнуть в ожидании удобного случая добраться до Окленда — цели их путешествия. Приняв такое решение, Гленарван и его спутники продолжали до самого вечера наблюдать за туземцами. Ни одного из них не было видно у подошвы горы, и когда тьма поглотила окрестные долины, ни один костер не указал на присутствие там маори. Путь был свободен.

В девять часов, среди непроглядного мрака, Гленарван подал сигнал к выступлению. Захватив с собой оружие и одеяния Кара-Тете, все начали осторожно спускаться с Мауинганаму. Впереди шли Джон Манглс и Вильсон. Они ловили малейший проблеск света, останавливались при всяком шорохе. Каждый из беглецов, можно сказать, не шел, а скользил по склону, как бы стараясь слиться с ним.

Спустившись на двести футов, молодой капитан и матрос очутились на том опасном горном гребне, который так бдительно охранялся туземцами.

Если бы, к несчастью, маори оказались хитрее беглецов и, не дав себя обмануть искусственно вызванным извержением, только сделали вид, что уходят, чтобы вернее захватить беглецов, то тогда именно здесь, на этом гребне, и должно было обнаружиться их присутствие. Несмотря на всю свою уверенность и на шутки неунывающего Паганеля, Гленарван невольно содрогнулся: ведь в течение десятиминутного перехода по гребню будет стоять на карте жизнь его близких. Он слышал, как билось сердце прижавшейся к нему жены. Однако Гленарвану даже и в голову не приходило, что можно повернуть назад. Столь же далек от подобных мыслей был и Джон Манглс.

Молодой капитан первый пополз под покровом ночи по узкому гребню. За ним поползли остальные. Когда скатывался вниз по склону какой-нибудь камень, все замирали на месте. Если бы дикари все так же сторожили у подножия хребта, этот необычный шорох непременно вызвал бы град ружейных выстрелов. Понятно, что, пробираясь ползком, точно змеи, вдоль покатого хребта, наши беглецы не очень-то быстро подвигались вперед.

Когда Джон Манглс дополз до самого низкого места гребня, он очутился всего в каких-нибудь двадцати пяти футах от площадки, где накануне стояли лагерем туземцы. Отсюда гребень круто шел в гору, и этот подъем вел к лесу.

Путешественники благополучно перебрались через это опасное место и стали молча подниматься в гору. Леса из-за темноты не было видно, но они знали, что он близко, и если только они не наткнутся в лесу на засаду, думал Гленарван, то, очутившись там, они будут в безопасности. Он понимал, однако, что теперь они перестали находиться под защитой табу, ибо восходящая часть гребня принадлежала уже другой горе, расположенной к востоку от озера Таупо. Стало быть, здесь можно было опасаться не только обстрела, но и рукопашной схватки с туземцами.

В течение десяти минут беглецы бесшумно поднимались к вышележащему плоскогорью. Джон не мог еще разглядеть лес, но тот должен был находиться от них меньше чем в двухстах футах.

Вдруг молодой капитан остановился и как будто попятился назад. Ему почудился среди мрака какой-то шорох. Все замерли на месте. Джон Манглс стоял неподвижно так долго, что его спутники забеспокоились, Они выжидали. Кто опишет их мучительную тревогу! Неужели придется идти назад и снова искать убежища на вершине Маунганаму?

Но Джон Манглс, убедившись, что шум не возобновляется, снова начал подниматься по узкому гребню. Вскоре среди темноты неясно вырисовались деревья. Еще несколько шагов — и беглецы, добравшись наконец до леса, укрылись под его густой листвой.

Глава XVI

МЕЖДУ ДВУХ ОГНЕЙ

Темная ночь благоприятствовала беглецам. Надо было воспользоваться ею, чтобы уйти подальше от роковых берегов озера Таупо. Паганель взял на себя руководство

маленьким отрядом и снова проявил во время этого трудного странствования в горах свое изумительное чутье путешественника. Он с удивительным искусством пробирался по едва приметным тропинкам, не уклоняясь при этом от взятого направления. Правда, географу очень помогала его никталопия: его кошачьи глаза различали в непроницаемой тьме самые мелкие предметы.

В течение трех часов беглецы шли безостановочно по отлогим восточным склонам гор. Паганель отклонился немного к юго-востоку, стремясь попасть в узкое ущелье между горными цепями Кайманава и Вахити, по которому проходит дорога от Окленда к бухте Гокса. Миновав это ущелье, он рассчитывал оставить дорогу в стороне и пробираться к побережью под защитой высоких гор по необитаемой части провинции.

К девяти часам утра, за двенадцать часов ходьбы, было пройдено двенадцать миль. Требовать большего от мужественных женщин было невозможно. К тому же и место оказалось подходящим для привала. Беглецы добрались до ущелья, разделявшего обе горные цепи. Направлявшаяся к югу дорога в Оберленд осталась справа. Паганель, справляясь по карте, сделал крюк к северо-востоку, и в десять часов маленький отряд очутился у крутого горного уступа. Здесь вынули из сумок взятые с собой съестные припасы и оказали им должную честь. Даже Мэри Грант и майор, которым до тех пор съедобный папоротник был не по вкусу, теперь ели его с удовольствием.

Отдохнув до двух часов пополудни, путешественники снова двинулись к востоку и вторично остановились на привал вечером в восьми милях от гор. Здесь все с наслаждением растянулись под открытым небом и уснули крепким сном.

На следующий день пришлось идти по более трудной дороге. Она пролегала через любопытный район вулканических озер, гейзеров и дымящихся серных сопок, простиравшийся к востоку от Вахити. Путь этот был гораздо приятнее для глаз, чем для ног. Все время надо было делать обходы, крюки, преодолевать утомительные препятствия. Но зато какое необычайное зрелище! Сколько бесконечного разнообразия!

На обширном пространстве, в двадцать квадратных миль, подземные силы проявляли себя во всевозможных видах. Из рощ дикого чайного дерева струились до странности прозрачные соляные источники, кишащие мириадами насекомых. Вода их едко пахла жженым порохом и оставляла на земле белый осадок, напоминавший ослепительно сверкающий снег. Одни источники были горячи, другие холодны, как лед. Гигантские папоротники росли по берегам этих ручьев в условиях, сходных с условиями силурийской эры.

Со всех сторон среди клубящихся паров били из земли снопы воды, напоминавшие фонтаны какого-нибудь парка. Одни из них били беспрерывно, другие с перерывами, словно подчиняясь прихоти своенравного Плутона. Эти фонтаны были расположены амфитеатром на естественных террасах. Воды их, осененные клубами белого пара, постепенно сливались воедино и, разъедая полупрозрачные ступени этих гигантских природных лестниц, свергались по ним кипящими водопадами, питая собой целые озера.

Потом на смену горячим ключам и бурным гейзерам пошли серные сопки. Вся земля казалась покрытой крупными прыщами. Это были полупотухшие кратеры; через их многочисленные трещины выбивались различные газы. В воздухе чувствовался едкий, неприятный запах серной кислоты, и земля кругом была усеяна кристаллами серы. Здесь целыми веками накапливались неисчислимые бесплодные богатства.

Можно представить себе, как трудно было нашим путешественникам продвигаться среди такого нагромождения препятствий! Место для привала найти было нелегко, и охотникам не попадалось ни одной птицы, достойной быть ощипанной руками мистера Олбинета. Поэтому чаще всего приходилось довольствоваться съедобным папоротником и сладким пататом — скудной едой, которая, конечно, не могла восстановить силы изнуренных пешеходов. Естественно, что каждый из них стремился поскорее выбраться из этой бесплодной, пустынной местности.

Однакож понадобилось не меньше четырех дней, чтобы пересечь этот труднопроходимый край. Только 23 февраля наши путешественники смогли расположиться лаге-

рем в пятидесяти милях от Маунганаму, у подошвы безыменной горы, обозначенной на карте Паганеля. Здесь перед глазами расстилались равнины, поросшие кустарником, а дальше, у горизонта, снова показались большие леса.

Конечно, это было приятно, но только при условии, чтобы эти удобные места не оказались слишком заселенными. До сих пор путешественники не видели и тени туземца.

В этот день Мак-Наббс и Роберт подстрелили трех киви, которые очень скрасили обед, но это удовольствие длилось недолго, ибо через несколько минут от дичи не осталось и следа.

За десертом (состоявшим из картофеля и сладкого батата) Паганель внес предложение, которое было принято с восторгом: назвать безыменную гору, вершина которой терялась на высоте трех тысяч футов в облаках, именем Гленарвана. Географ не замедлил нанести его имя самым тщательным образом на свою карту.

Было бы бесполезно описывать остальную часть путешествия: дни проходили однообразно и малоинтересно.

Наши путешественники обычно шли целый день по лесам и равнинам. Джон Манглс определял направление пути по солнцу и звездам. Небо было довольно милостиво: оно не посылало ни зноя, ни дождя. Но тем не менее движение пешеходов, уже перенесших столько испытаний, замедляла все возраставшая усталость, и им не терпелось скорее добраться до английских поселений.

Они все же разговаривали между собой, но разговор этот не был общим. Отряд разбился на группки.

Гленарван обычно шел один. По мере приближения к побережью он все чаще вспоминал о «Дункане» и его команде. Забывая об опасностях, еще подстерегающих отряд на пути к Окленду, он думал об умерщвленных матросах. Эта страшная картина неотступно томила его.

О Гарри Гранте никто не заговаривал. К чему это было делать, раз нельзя было попытаться прийти ему на помощь! Если имя капитана и упоминалось, то только в беседах его дочери с Джоном Манглсом.

Молодой капитан никогда не возвращался к тому, что

Фонтаны были расположены на естественных террасах.

молодая девушка сказала ему в ту ужасную ночь в хижине. Чувство деликатности не позволяло ему напомнить Мэри о словах, вырвавшихся у нее в минуту отчаяния.

Говоря о Гарри Гранте, Джон Манглс всегда возвращался к проектам новых поисков капитана. Он уверял Мэри, что Гленарван организует новую экспедицию. Молодой капитан исходил из того, что подлинность найденного в бутылке документа не подлежала сомнению. Следовательно, Гарри Грант где-то должен находиться. А если так, то в конце концов он все же будет найден, хотя бы для этого пришлось обшарить весь свет.

Мэри упивалась этими речами. Оба они с Джоном Манглсом жили одними и теми же мыслями, надеждами. Часто и Элен принимала участие в их разговоре. Она не разделяла надежд молодых людей, но не хотела возвращать их к печальной действительности.

Мак-Наббс, Роберт, Вильсон и Мюльреди старались, не слишком удаляясь от товарищей, настрелять как можно больше дичи.

Паганель, попрежнему драпируясь в свой плащ из формиума, молчаливый и задумчивый, держался в стороне.

И надо сказать, что хотя испытания, опасности, усталость и лишения обычно делают придирчивыми и раздражительными даже людей с самым лучшим характером, наши путешественники остались так же дружески настроены, преданы друг другу и были готовы пожертвовать своей жизнью один за другого.

25 февраля дорогу путникам преградила река. Судя по карте Паганеля, это была Вайкари. Через нее удалось перебраться вброд.

В течение двух дней тянулись равнины, поросшие кустарником. Теперь половина пути между озером Таупо и побережьем океана была пройдена, если не без усталости, то, во всяком случае, без нежелательных встреч.

Затем пошли громадные, бесконечные леса, напоминавшие австралийские, только вместо эвкалиптов здесь росли каури. Хотя за четыре месяца странствований у Гленарвана и его спутников изрядно притупилась способность восторгаться, но все же они были восхищены этими гигантскими соснами, достойными соперниками ливан-

ских кедров и мамонтовых деревьев Калифорнии. Они были так высоки, что только футах в ста от земли начинались ветви. Лес состоял из бесконечного количества отдельных рощиц этих гигантов, простиравших на двухсотфутовую высоту зонты из зеленых листьев.

Некоторые, еще молодые каури, едва достигшие столетнего возраста, походили на красные ели европейских стран: у них была конусообразная крона темного цвета. У более старых деревьев, переваливших за пятьсотшестьсот лет, кроны представляли собой огромные шатры зелени, покоившиеся на бесчисленных переплетающихся ветвях. У этих патриархов новозеландских лесов стволы были до пятидесяти футов в окружности. Все наши путники, взявшись за руки, не могли бы охватить такой гигантский ствол.

Три дня маленький отряд брел под этими огромными зелеными сводами по глинистой почве, на которую никогда не ступала нога человека. Это видно было по нагроможденным кучам смолистой камеди: она могла бы на долгие годы обеспечить туземцев товаром для их торговли с европейцами.

Охотники наталкивались на большие стаи кивп, столь редких в местностях, посещаемых маори. Видимо, эти любопытные птицы нашли себе убежище от новозеландских собак в этих недоступных лесах. Мясо их явилось здоровой и обильной пищей для наших путников.

Вечером 1 марта Гленарван и его спутники, выйдя наконец из огромного леса гигантов-каури, расположились лагерем у подошвы горы Ики-Рендж высотой в пять с половиной тысяч футов.

От горы Маунганаму было пройдено около ста миль, и до побережья океана оставалось еще миль тридцать. Джон Манглс надеялся закончить весь переход от Маунганаму до побережья дней в десять, но он не знал тогда обо всех трудностях пути.

На деле же оказалось, что частые обходы, различные препятствия, неточности, допускавшиеся при определении местоположения отряда, удлинили этот маршрут на одну пятую. Поэтому наши путешественники добрались до горы Ики-Рендж уже в совершенном изнеможении.

Чтобы выйти на побережье, нужно было еще два дня

усиленной ходьбы. И как раз теперь требовалось удвоить энергию и бдительность, ибо путники снова вступали в местность, часто посещаемую туземцами. Однако все преодолели свою усталость и на следующий день на рассвете вновь двинулись в путь.

Приходилось идти между горами Ики-Рендж справа и Гарди, возвышавшейся слева на три тысячи семьсот футов. Дорога стала очень трудной. Здесь тянулась на протяжении десяти миль равнина, сплошь заросшая гибкими растениями, метко названными «удушающие лианы». На каждом шагу пешеходы запутывались в них. Лианы, как змеи, обвивались вокруг ног, рук и всего тела. В течение двух дней приходилось подвигаться вперед с топором в руках и бороться с этой многоголовой гидрой, с этими несносно цепкими растениями, которых Паганель охотно отнес бы к классу животных-растений.

Здесь, в этих равнинах, охотиться стало невозможно, и охотники перестали вносить свой обычный вклад в питание отряда. Съестные припасы истощались, а пополнить их было нечем. Вода иссякла, и путники уже не имели возможности утолить свою жажду, которая еще усугублялась усталостью.

Гленарван и его близкие испытывали страшные муки. Они впервые готовы были пасть духом. Наконец, уже не шагая, а еле передвигаясь, измученные путники, руководимые одним лишь инстинктом самосохранения, добрались до мыса Лоттин на побережье Тихого океана.

Здесь виднелось несколько пустынных хижин, остатки опустошенного войной селения, брошенные поля. Везде кругом были следы грабежа и пожара. И тут судьба обрекла несчастных путников на новое ужасное испытание.

Обессиленные, они брели по берегу, как вдруг в миле от них показался отряд туземцев. Дикари устремились на них, размахивая оружием. Бежать было некуда, и Гленарван, собрав последние силы, хотел было отдать приказ защищаться. Вдруг Джон Манглс воскликнул:

— Пирога! Пирога!

В самом деле, на плоском песчаном берегу, в двадцати шагах от беглецов, виднелась севшая на мель пирога с шестью веслами. Гленарван и его спутники в одну ми-

нуту сдвинули пирогу с мели, впрыгнули в нее и поплыли прочь от опасного берега. Джон Манглс, Мак-Наббс, Вильсон, Мюльреди сели на весла, Гленарван взялся за руль, обе женщины, Олбинет, Паганель и Роберт разместились на корме.

Через десять минут пирога находилась уже в четверти мили от берега. Море было спокойно. Беглецы молчали.

Джон, не желая слишком удаляться от берега, намеревался уже отдать приказ плыть вдоль него, как вдруг весло замерло в его руках: из-за мыса Лоттин показались три пироги — это была погоня.

— В море! В море! — крикнул молодой капитан. — Уж лучше погибнуть в волнах!

Четыре гребца налегли на весла, и пирога снова понеслась в открытое море. В течение получаса она держалась на том же расстоянии от преследователей, но несчастные, измученные люди вскоре ослабели, и вражеские пироги стали приближаться. Они находились уже меньше чем в двух милях. Не было никакой возможности избежать нападения туземцев — те уже собирались открыть огонь из своих длинных ружей.

Что же делал в это время Гленарван? Стоя на корме пироги, он искал глазами на горизонте: не появится ли оттуда сказочно-несбыточная помощь? Чего он ждал? Чего хотел? Или в нем пробудилось какое-то предчувствие?

Вдруг глаза его вспыхнули, рука протянулась, указывая на что-то вдали.

— Корабль! — крикнул он. — Корабль, друзья мои! Гребите! Гребите сильнее!

Ни один из четырех гребцов даже не повернулся, чтобы взглянуть на это неожиданно появившееся судно: нельзя было упустить ни одного взмаха весла. Только Паганель, поднявшись, направил свою подзорную трубу на указанную Гленарваном точку.

— Да, — проговорил географ, — это судно — пароход. Он идет к нам на всех парах. Дружнее, храбрые товарищи!

Беглецы с новой энергией приналегли на весла и в течение получаса держали преследователей на том же

расстоянии. Пароход вырисовывался все яснее и яснее. Уже можно было рассмотреть две его мачты со спущенными парусами и густые клубы черного дыма.

Гленарван, передав руль Роберту, схватил подзорную трубу Паганеля и внимательно следил за каждым движением судна.

Но что должны были почувствовать Джон Манглс и остальные беглецы, когда увидели, что черты Гленарвана исказились, лицо побледнело и подзорная труба выпала из его рук. При первом слове, сорвавшемся с его губ, они поняли все.

— «Дункан»! — крикнул Гленарван. — «Дункан» и каторжники!

— «Дункан»! — воскликнул Джон Манглс, бросая весло и поднимаясь.

— Да, смерть!.. Смерть и там и здесь... — прошептал Гленарван, сломленный отчаянием.

Действительно, никаких сомнений быть не могло: это была яхта — яхта с командой из бандитов! У майора невольно вырвалось проклятие. Это было уж слишком!

Между тем пирога была предоставлена самой себе. Куда править? Куда бежать? Как можно было сделать выбор между дикарями и каторжниками? С ближайшей пироги туземцев раздался выстрел, пуля попала в весло Вильсона. Несколько ударов весел снова толкнули пирогу по направлению к «Дункану». Яхта шла полным ходом и находилась уже в какой-нибудь полумиле от беглецов.

Джон Манглс, видя, что они окружены, уже не знал, куда и направить пирогу. Дикари открыли беглый огонь, пули градом сыпались вокруг пироги. Вдруг раздался оглушительный выстрел, и над головами беглецов пролетело пушечное ядро: это выстрелила находившаяся на «Дункане» пушка. Очутившись под перекрестным огнем, беглецы замерли на месте между «Дунканом» и пирогами туземцев.

Джон Манглс, обезумев от отчаяния, схватил топор. Он хотел прорубить дно пироги и потопить ее вместе со своими спутниками, но его остановил голос Роберта.

— Том Остин! Том Остин! — кричал мальчуган. —

Он на борту! Я вижу его! Он узнал нас, он машет шляпой!

Топор Джона замер в воздухе. Над головой беглецов со свистом пронеслось второе ядро. Оно надвое разбило ближайшую из трех пирог. На «Дункане» грянуло громкое «ура». Дикари в ужасе повернули пироги и стремительно поплыли обратно к берегу.

— К нам! К нам, Том! — громовым голосом крикнул Джон Манглс.

Через несколько минут беглецы, не соображая, как это случилось, ничего не понимая, были уже в безопасности на «Дункане».

Глава XVII

ПОЧЕМУ «ДУНКАН» КРЕЙСИРОВАЛ У ВОСТОЧНОГО БЕРЕГА НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ

Невозможно описать чувства Гленарвана и его друзей, когда их слуха коснулись напевы старой Шотландии. В момент их появления на палубе «Дункана» волынщик заиграл народную песню древнего клана Малькольм.

Гленарван, Джон Манглс, Паганель, Роберт и даже сам майор — все со слезами обнимали и целовали друг друга. Это был порыв безумной радости. Географ совсем потерял голову: он приплясывал, как сумасшедший, и все прицеливался своей неразлучной подзорной трубой в подходившие к берегу уцелевшие пироги.

Но, видя, какими лохмотьями покрыты Гленарван и его спутники, как исхудали и бледны их лица, сохранившие следы пережитых ими страшных мук, команда яхты прервала свои бурные изъявления радости. На борт «Дункана» вернулись лишь тени тех отважных, блестящих путешественников, которые три месяца назад, полные надежд, устремились на розыски капитана Гранта. Случай, и только случай, привел их на судно, которое они уже больше никогда не ожидали увидеть. Но в каком ужасном виде они были, как истощены, как слабы!

Все же, прежде чем подумать об отдыхе, пище и питье, Гленарван стал расспрашивать Тома Остина: почему «Дункан» находился у восточного берега Новой

Зеландии? Каким образом не попал он в руки Бена Джойса? Какой сказочно счастливый случай привел яхту навстречу беглецам?

«Почему? Как? Зачем?» — посыпались со всех сторон вопросы на Тома Остина.

Старый моряк не знал, кого и слушать. Наконец он решил слушать одного Гленарвана и отвечать только ему.

— А где же каторжники? — спросил Гленарван. — Что сделали вы с каторжниками?

— С каторжниками? — переспросил с недоумением Том Остин.

— Да! С теми негодяями, которые напали на яхту.

— На какую яхту? — спросил Том Остин. — На вашу яхту?

— Ну да, Том, на «Дункан». Ведь явился же к вам Бен Джойс?

— Никакого Бена Джойса я не знаю. Никогда его не видывал, — ответил Остин.

— Как — никогда?.. — воскликнул Гленарван, пораженный ответом старого моряка. — Тогда скажите мне, Том, почему же «Дункан» крейсирует сейчас вдоль берегов Новой Зеландии?

Если Гленарван, Элен, Мэри Грант, Паганель, майор, Роберт, Джон Манглс, Олбинет, Мюльреди, Вильсон не понимали, чему удивляется старый моряк, то каково же было их изумление, когда Том спокойно ответил:

— Да он крейсирует здесь по вашему приказанию.

— По моему приказанию?.. — воскликнул Гленарван.

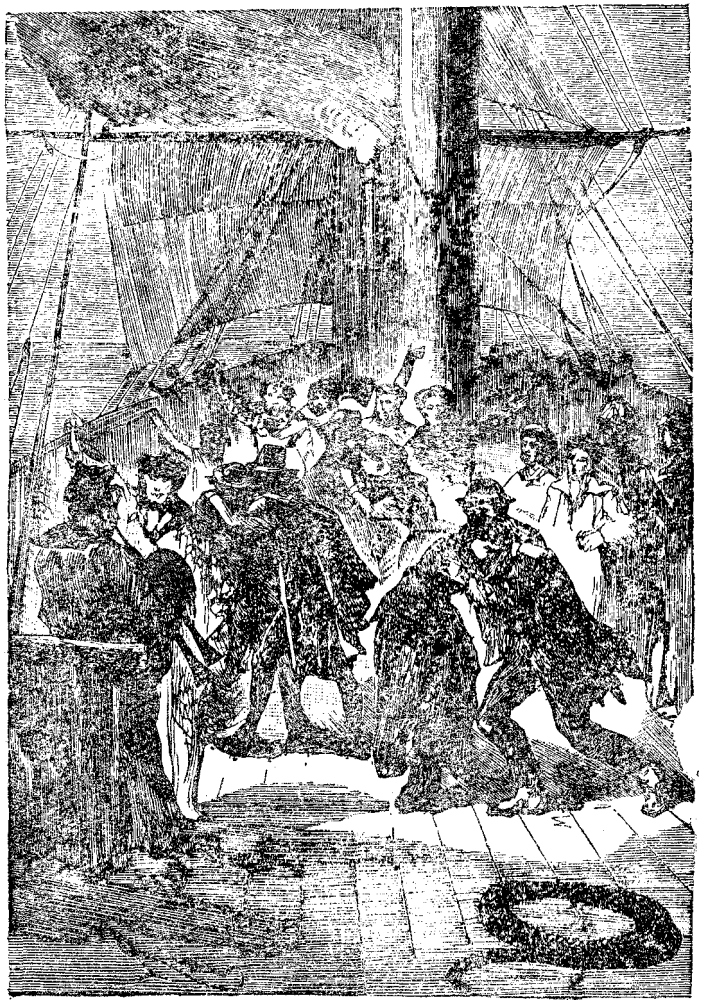
— Так точно, сэр, я лишь выполнял предписание, содержавшееся в письме вашем от четырнадцатого января.

— В моем письме? В моем письме? — воскликнул Гленарван.

Тут все десять путешественников окружили Тома Остина и впились в него глазами: значит, письмо, написанное у реки Сноу, все-таки дошло до «Дункана»?

— Давайте-ка объяснимся хорошенько, — сказал Гленарван, — а то мне кажется, будто все это происходит во сне... Вы говорите, Том, что получили письмо?

— Да.



Это был порыв безумной радости.

— В Мельбурне?

— В Мельбурне, как раз в тот момент, когда я закончил ремонт.

— А что это было за письмо?

— Оно не было написано вами, но подпись была ваша, сэр.

— Это верно. И письмо мое передано было вам каторжником, по имени Бен Джойс?

— Нет, сэр, моряком, по имени Айртон, боцманом с «Британии».

— Ну да! Айртон и Бен Джойс — это одно и то же лицо! И что же говорилось в том письме?

— В нем содержался приказ покинуть Мельбурн и идти крейсировать у восточного побережья...

— ...Австралии! — крикнул Гленарван с горячностью, смутившей старого моряка.

— Австралии? — с удивлением повторил Том, широко открывая глаза. — Да нет же, Новой Зеландии!

— Австралии, Том, Австралии! — подтвердили в один голос все спутники Гленарвана.

Тут на Остина словно нашло помрачение. Гленарван говорил с такой уверенностью, что старому моряку стало казаться, что он и вправду ошибся, читая письмо. Неужели он, преданный и аккуратный моряк, мог сделать подобную ошибку? Он смутился и покраснел.

— Успокойтесь, Том, — ласково проговорила Элен, — видно, так суждено было.

— Да нет же, миссис, простите меня, — пробормотал старый моряк. — Это невозможно, я не ошибся! Айртон прочел это письмо, так же как и я. И он-то, он-то и хотел, чтобы я, вопреки приказанию, шел к австралийским берегам!

— Айртон? — воскликнул Гленарван.

— Он самый. Айртон уверял, что это ошибка и что назначенное вами место встречи — бухта Туфольд.

— У вас сохранилось это письмо, Том? — спросил крайне заинтересованный майор.

— Да, мистер Мак-Наббс, — ответил Остин. — Я сейчас схожу за ним.

И Остин побежал к себе в каюту. В продолжение немногих минут его отсутствия все молчали переглядыва-

ясь. Только майор вперил взор в Паганеля и, скрестив на груди руки, проговорил:

— Ну, знаете, Паганель, это было бы уж слишком!

— А? Что вы сказали? — пробормотал географ.

Согнувшийся, с очками на лбу, он удивительно походил на гигантский вопросительный знак.

Остин возвратился. Он держал в руке письмо, написанное Паганелем и подписанное Гленарваном.

— Прочтите, пожалуйста, — сказал старый моряк.

Гленарван взял письмо и стал читать:

— «Приказываю Тому Остину немедленно выйти в море и вести «Дункан», придерживаясь тридцать седьмой параллели, к восточному побережью Новой Зеландии...»

— Новой Зеландии! — крикнул, сорвавшись с места, Паганель.

Он вырвал из рук Гленарвана письмо, протер себе глаза, поправил на носу очки и, в свою очередь, прочел письмо.

— Новой Зеландии! — повторил он непередаваемым тоном, роняя письмо.

В этот момент он почувствовал, что на плечо его легла чья-то рука. Он поднял голову. Перед ним стоял майор.

— Что ж, почтеннейший Паганель, — сказал с невозмутимой серьезностью Мак-Наббс, — нам еще посчастливилось: ведь вы могли бы услать «Дункан» и в Индокитай.

Эта шутка доконала бедного географа. Грянул всеобщий гомерический хохот. Паганель, как сумасшедший, шагал взад и вперед, сжимая руками голову, рвал на себе волосы. Он уже не отдавал себе отчета в том, что он делает, что намерен делать. Он спустился по трапу с юта и бесцельно зашагал, спотыкаясь, по палубе, затем поднялся на бак. Здесь ноги его запутались в свернутом канате, он пошатнулся и ухватился за какую-то подвернувшуюся ему под руку веревку.

Вдруг раздался оглушительный грохот. Выстрелила пушка. Град картечи усеял спокойные воды океана. Злополучный Паганель уцепился за веревку заряженной

пушки, курок опустился — и грянул выстрел. Географа отбросило на трап бака, и он провалился в кубрик.

Первый миг удивления сменился всеобщим криком ужаса. Все подумали, что случилось несчастье. Матросы гурьбой бросились вниз и вынесли Паганеля на палубу. Его длинное тело было согнуто вдвое, он был не в силах говорить. Его перенесли на ют. Товарищи милейшего француза были в отчаянии. Майор, который при несчастных случаях заменял врача, собирался было раздеть бедного Паганеля, чтобы перевязать его раны, но едва он прикоснулся к умирающему, как тот подскочил, словно от электрического тока.

— Ни за что! На за что! — вскричал он и, запахнувшись в свою изодранную одежду, с необычайной поспешностью застегнулся на все пуговицы.

— Но послушайте, Паганель... — сказал майор.

— Нет, говорю я вам!

— Надо же осмотреть...

— Вы ничего не осмотрите!

— Вы, быть может, сломали... — уговаривал Мак-Наббс.

— Да, сломал, — подтвердил Паганель, прочно становясь на свои длинные ноги, — но то, что я сломал, починит плотник.

— Что же вы сломали?

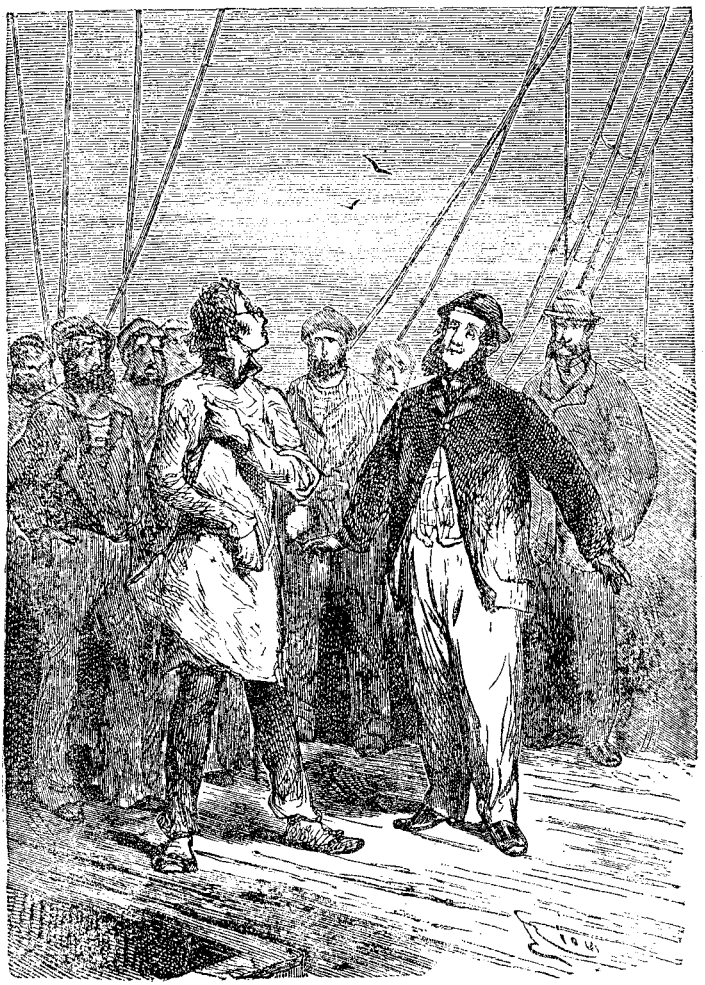
— Палубную подпорку, когда летел вниз.

Такой ответ совершенно успокоил всех друзей почтенного Паганеля: было ясно, что достойный ученый вышел цел и невредим из своего приключения с пушкой.

«Во всяком случае, — подумал майор, — вот необычайно стыдливый географ!»

Когда Паганель пришел в себя после пережитых им волнений, ему пришлось ответить еще на один неизбежный вопрос.

— Теперь, Паганель, отвечайте мне чистосердечно, — обратился к нему Гленарван. — Я признаю, что ваша рассеянность была благодетельна. Если б не вы, «Дункан», несомненно, попал бы в руки каторжников. Если б не вы, нас снова захватили бы маори. Но, ради бога, скажите мне: в силу какой странной ассоциации идей вы вместо «Австралия» написали «Новая Зеландия»?



— Ни за что! Ни за что! — вскричал Паганель.

— Да потому, чорт возьми, написал, — воскликнул Паганель, — что...

Но в эту минуту его взор упал на Роберта и его сестру, и он осекся. Потом ответил:

— Что поделаешь, дорогой Гленарван! Я безумец, сумасшедший, неисправимое существо. Видно, я так и до смерти не вылезу из кожи рассеяннейшего чудака.

— Если только ее раньше не сдерут с вас, — заметил майор.

— Сдерут? — крикнул в ярости географ. — Что это: намек?

— Какой намек, Паганель? — спросил своим обычным спокойным тоном Мак-Наббс.

Но дальше этого разговор не пошел. Таинственное появление «Дункана» разъяснилось. Чудесно спасшиеся путешественники стремились лишь снова попасть в свои комфортабельные, уютные каюты, а затем сесть за завтрак.

По уходе Элен, Мэри Грант, майора, Паганеля и Роберта Гленарван и Джон Манглс остались на палубе с Томом, желая еще порасспросить его.

— А теперь, мой старый Том, — обратился Гленарван к Тому Остину, — скажите мне вот что: приказ крейсировать у берегов Новой Зеландии не показался ли вам странным?

— Да, сэр, признаться, я был очень удивлен, — ответил старый моряк. — Но я ведь не имею обыкновения обсуждать получаемые приказания и повиновался. Мог ли я поступить иначе? Если бы я не выполнил в точности ваших указаний и из-за этого произошла какая-либо катастрофа, разве не я был бы виновен в этом? А вы, капитан, разве поступили бы иначе? — обратился он к Джону Манглсу.

— Нет, Том, я поступил бы точно так же.

— Но что же вы подумали? — спросил Гленарван.

— Я подумал, сэр, что в интересах Гарри Гранта надо идти туда, куда вы приказываете, что вследствие каких-то новых обстоятельств вы отправитесь в Новую Зеландию на каком-нибудь судне и что мне следует ждать вас у восточного побережья этого острова. Надо сказать, что, уходя из Мельбурна, я никому не сообщил,

куда мы направляемся, и команда узнала об этом лишь тогда, когда мы были уже в открытом море и австралийские берега скрылись из наших глаз. Но тут на борту у нас случилось происшествие, очень меня озаботившее.

— Что же такое случилось, Том? — спросил Гленарван.

— Да то, что когда на следующий день после нашего отплытия из Мельбурна боцман Айртон узнал, куда идет «Дункан»...

— Айртон! — воскликнул Гленарван. — Так он на яхте?

— Да, сэр.

— Айртон здесь! — повторил Гленарван, глядя на Джона Манглса.

— Судьба, — отозвался молодой капитан.

Мгновенно, с быстротой молнии, перед их глазами промелькнули все злодеяния Айртона: его задолго подготовленное предательство, рана Гленарвана, покушение на убийство Мюльреди, все муки, испытанные отрядом среди болот у берегов Сноу. И вот теперь, в силу удивительного стечения обстоятельств, каторжник был в их власти.

— Где же он? — с живостью спросил Гленарван.

— В одной из кают бака под стражей, — ответил Том Остин.

— Почему же вы взяли его под стражу?

— Потому что, когда Айртон увидел, что яхта идет к Новой Зеландии, он пришел в ярость, хотел заставить меня изменить направление судна, грозил мне и, наконец, стал подстрекать мою команду к бунту. Я понял, что это опасный малый, и решил принять в отношении его необходимые меры предосторожности.

— И что же было дальше?

— С тех пор он сидит в каюте и не пытается из нее выйти.

— Вы хорошо поступили, Том!

Тут Гленарвана и Джона Манглса пригласили в каюткомпанию: был подан завтрак, в котором они так нуждались. Они сели за стол, ни слова не упомянув об Айртоне. Но когда завтрак кончился и путешественники, подкрепившись, собрались на палубе, Гленарван сообщил им,

что боцман находится на «Дункане». Он добавил, что хочет при них допросить Айртона.

— Нельзя ли избавить меня от присутствия на этом допросе? — промолвила Элен. — Признаюсь вам, дорогой Эдуард, что видеть этого несчастного мне было бы чрезвычайно тягостно.

— Это будет очная ставка, Элен, — ответил Гленарван. — Очень прошу вас остаться. Нужно, чтобы Бен Джойс встретился лицом к лицу со всеми своими жертвами.

Это соображение заставило Элен сдаться. Они с Мэри Грант уселись подле Гленарвана. Вокруг них разместились майор, Паганель, Джон Манглс, Роберт, Вильсон, Мюльреди, Олбинет — все те, кто так жестоко пострадал от предательства каторжника. Команда яхты, не понимая еще всей важности этой сцены, хранила глубокое молчание.

— Приведите Айртона, — сказал Гленарван.

Глава XVIII

АЙРТОН ИЛИ БЕН ДЖОЙС?

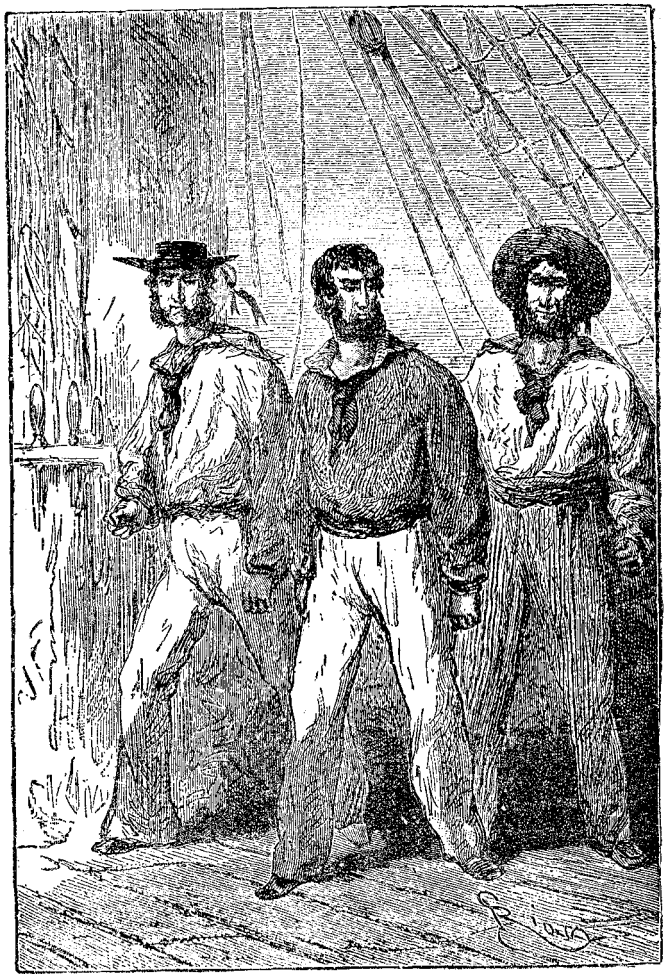
Появился Айртон. Он уверенным шагом прошел по палубе и поднялся по трапу в рубку. Его взор был мрачен, зубы стиснуты, кулаки судорожно сжаты. В нем не видно было ни вызывающей дерзости, ни смирения.

Очутившись перед Гленарваном, он молча скрестил на груди руки и стал ждать допроса.

— Итак, Айртон, — начал Гленарван, — мы с вами теперь на том самом «Дункане», который вы хотели выдать шайке Бена Джойса.

Губы боцмана слегка задрожали. Его бесстрастное лицо на мгновение покраснело. Но это была не краска раскаяния, а краска стыда за постигшую его неудачу. Он — узник на той самой яхте, которой он собирался командовать, и участь его должна была решиться через несколько минут. Он ничего не ответил. Гленарван терпеливо ждал, но Айртон упорно молчал.

— Говорите, Айртон, — промолвил наконец Гленарван. — Что можете вы сказать?



Появился Айртон.

Айртон, видимо, колебался. Морщины на его лбу стали глубже. Наконец он сказал спокойно:

— Мне нечего говорить, сэр. Я имел глупость попасться вам в руки. Поступайте, как вам будет угодно.

Сказав это, боцман устремил глаза на берег, расстилавшийся на западе, и сделал вид, что ему глубоко безразлично все происходящее кругом. Глядя на него, можно было подумать, что он не имеет к этому никакого отношения. Но Гленарван решил не терять терпения. Ему хотелось узнать некоторые подробности таинственного прошлого Айртона, особенно той части, которая касалась Гарри Гранта и «Британии». Он возобновил свой допрос. Он говорил мягко, стараясь подавить кипевшее в нем негодование.

— Мне думается, Айртон, — снова заговорил он, — что вы не откажетесь ответить на некоторые вопросы, которые я хочу вам задать. Прежде всего скажите, как звать мне вас: Айртон или Бен Джойс? Были вы или не были боцманом на «Британии»?

Айртон все так же безучастно смотрел на берег, будто не слыша этих вопросов.

В глазах Гленарвана вспыхнул гнев, но он сдержал себя и продолжал допрашивать боцмана:

— Ответьте мне: при каких обстоятельствах вы покинули «Британию» и почему вы очутились в Австралии?

То же молчание, тот же безразличный вид.

— Послушайте, Айртон, — еще раз обратился к нему Гленарван, — в ваших же интересах говорить: только откровенность и может облегчить ваше положение. В последний раз спрашиваю вас: желаете ли вы отвечать на мои вопросы?

Айртон повернулся к Гленарвану и посмотрел ему прямо в глаза.

— Сэр, мне не к чему отвечать, — произнес он, — пусть правосудие само изобличает меня.

— Это ему легко будет сделать, — заметил Гленарван.

— Легко, сэр? — насмешливо отозвался Айртон. — Мне кажется, это слишком смело сказано! Я утверждаю, что самый лучший судья не знал бы, что со мной сделать. Кто скажет, почему я появился в Австралии, раз

здесь нет капитана Гранта? Кто докажет, что я тот самый Бен Джойс, приметы которого дает полиция, если я никогда не бывал в ее руках, а товарищи мои находятся на свободе? Кто может, кроме вас, приписать мне не только какое-либо преступление, но даже поступок, достойный порицания? Кто может подтвердить, что я собирался захватить это судно и отдать его каторжникам? Никто! Слышите? Никто! У вас имеются подозрения? Хорошо. Но этого мало, чтобы осудить человека, — тут нужна уверенность, а у вас ее нет. До тех пор, пока не будет доказано противное, я — Айртон, боцман «Британии».

Говоря это, Айртон оживился, но потом снова впал в прежнее безразличие. Он думал, вероятно, что это его заявление положит конец допросу, но ошибся. Гленарван снова заговорил:

— Айртон, я не судебный следователь, которому поручено расследовать ваше прошлое. Это не мое дело. Нам с вами важно выяснить точно наши взаимоотношения. Я не спрашиваю вас ни о чем, что могло бы вас скомпрометировать. Это дело правосудия. Но вам известно, какими поисками я занят, и вы одним словом можете навести меня на утерянный мной след. Согласны ли вы сообщить мне нужные сведения?

Айртон отрицательно покачал головой с видом человека, твердо решившего молчать.

— Скажете ли вы мне, где находится капитан Грант? — спросил Гленарван.

— Нет, сэр, — ответил Айртон.

— Скажете ли вы мне, где потерпела крушение «Британия»?

— Нет!

— Айртон, — сказал почти умоляющим тоном Гленарван, — если вам известно, где Гарри Грант, скажите об этом, по крайней мере, его бедным детям. Вы видите, как они ждут от вас хотя бы одного слова!

Айртон, видимо, колебался. На лице его отразилась внутренняя борьба. Но он все же промолвил тихо:

— Не могу, сэр.

И тут же добавил резко, словно раскаиваясь в минутной слабости:

— Нет! Нет! Вы ничего от меня не узнаете! Можете меня повесить, если хотите.

— Повесить! — вскричал, выйдя из себя, Гленарван.

Но, овладев собой, он сказал серьезно:

— Айртон, здесь нет ни судей, ни палачей. На первой же стоянке вы будете переданы английским властям.

— Только этого я и прошу, — заявил боцман.

Сказав это, он спокойным шагом направился в каюту, служившую ему тюрьмой. У дверей ее поставили двух матросов, которым было приказано следить за каждым движением заключенного.

Свидетели этой сцены разошлись, полные возмущения и отчаяния.

Раз Гленарвану не удалось ничего выпытать у Айртона, что же ему еще оставалось делать? Очевидно, надо было осуществлять план, принятый в Эдене: возвращаться в Европу, с тем чтобы когда-нибудь возобновить неудавшиеся поиски. Пока же приходилось оставить эту мысль: ведь следы «Британии» казались безвозвратно утерянными; документ же не допускал никакого нового толкования, ибо на протяжении тридцать седьмой параллели уже больше не осталось ни одной не исследованной ими страны. Таким образом, «Дункану» оставалось только идти обратно на родину. И Гленарван, посоветовавшись со своими друзьями, обсудил с Джоном Манглсом вопрос о возвращении.

Джон осмотрел угольные ямы и убедился, что угля хватит не больше чем на две недели. Значит, на первой же стоянке необходимо было пополнить запас топлива. Джон предложил Гленарвану плыть в бухту Талькагуано, где «Дункан» уже однажды возобновлял свои запасы перед началом своего кругосветного плавания. Это был бы прямой путь, и он как раз проходил бы по тридцать седьмой параллели. Снабженная с избытком всем необходимым, яхта пошла бы на юг и, обогнув мыс Горн, направилась бы по Атлантическому океану в Шотландию.

Когда этот план был одобрен, механик получил приказ разводить пары. Полчаса спустя «Дункан» взял курс на бухту Талькагуано. Яхта понеслась по зеркальной поверхности океана, и в шесть часов последние горы Но-

вой Зеландии скрылись в горячей дымке, опоясавшей горизонт.

Итак, началось возвращение на родину. Печально было оно для этих отважных людей, разыскивавших Гарри Гранта и теперь возвращавшихся без него! Команда «Дункана», такая веселая и полная надежд на успех при отплытии из Шотландии, теперь пала духом и в самом печальном настроении возвращалась в Европу. Никого из этих славных матросов не радовала перспектива скоро очутиться на родине, и все они были бы готовы еще долго подвергаться опасностям океанского плавания, лишь бы найти капитана Гранта.

На «Дункане», где еще так недавно приветствовали Гленарвана радостные крики «ура», теперь царило уныние. Прекратилось непрестанное общение между пассажирами, умолкли беседы, так развлекавшие их в пути. Все держались порознь, каждый в своей каюте, и редко кто-нибудь из них показывался на палубе «Дункана».

Паганель, у которого из всех пассажиров яхты переживания, и радостные и горестные, выражались в наиболее яркой форме, Паганель, у которого всегда находились слова утешения, теперь хранил мрачное молчание. Географа почти не было видно. Его природная словоохотливость и французская живость сменились молчаливостью и упадком духа. Он, казалось, был даже в большем унынии, чем его товарищи. Когда Гленарван заговаривал о том, что надо будет со временем возобновить поиски капитана Гранта, Паганель качал головой с видом человека, потерявшего всякую надежду, у которого, видимо, сложилось окончательное мнение относительно судьбы потерпевших крушение на «Британии». Чувствовалось, что он считает их безвозвратно погибшими.

А между тем на борту «Дункана» был человек — Айртон, — который мог рассказать об этой катастрофе, но он продолжал упорно молчать. Не могло быть никакого сомнения в том, что если этот негодяй и не знал о том, где находится в данное время капитан Грант, то, во всяком случае, ему было известно место крушения. Но, видимо, Грант явился бы для боцмана нежелательным свидетелем. Отсюда его упорное молчание. Оно вызывало

всеобщий гнев. Особенно возмущались матросы. Они хотели даже расправиться с ним.

Не раз Гленарван пытался добиться чего-нибудь от боцмана. Ни обещания, ни угрозы не действовали. Необъяснимое упорство Айртона заходило так далеко, что майора даже взяло сомнение, знает ли он вообще что-нибудь. Такого же мнения придерживался и географ: оно подтверждало его личное мнение о судьбе Гарри Гранта.

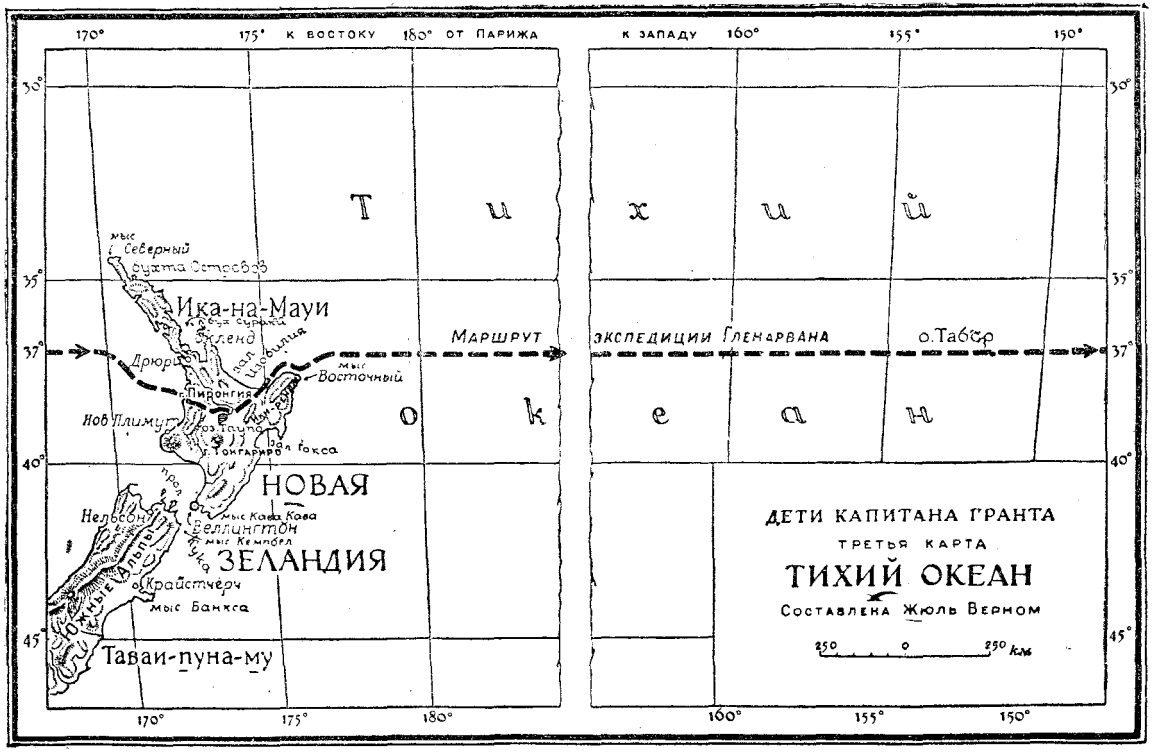
Но если Айртон ничего не знал, почему он в этом не признавался? Ведь его неведение не могло повредить ему; молчание же его делало еще более затруднительным составление нового плана. На основании того факта, что боцман находился в Австралии, можно ли было заключить, что на этом же континенте должен быть и Гарри Грант? Необходимо было во что бы то ни стало заставить Айртона высказаться.

Элен, видя, что Гленарван ничего не может добиться от боцмана, попросила у мужа разрешения, в свою очередь, сделать попытку сломить упорство Айртона. Быть может, думалось ей, то, что не удалось мужчине, удастся женщине, с ее более кротким обращением. Разве не верна старая басня о том, что ураган не в силах был сорвать плащ с путника, а первые пробившиеся лучи солнца заставили путника добровольно сбросить с себя этот плащ?

Гленарван, зная, как умна его молодая жена, предоставил ей свободу действий.

В этот день, 5 марта, Айртон был приведен в помещение Элен. Здесь находилась также и Мэри Грант. Присутствие молодой девушки могло оказать большое влияние на боцмана, а Элен не хотела упустить ни одного шанса на успех.

Целый час обе женщины провели с боцманом «Британии», но что говорили они, какие приводили доводы с целью вырвать у каторжника его тайну, об этом никто ничего не узнал. Впрочем, после этого свидания с Айртоном Элен и Мэри имели очень разочарованный вид. Видимо, они потерпели неудачу. Когда боцмана вели обратно в каюту, матросы встретили его свирепыми угрозами. Айртон лишь молча пожал плечами. Это еще более усилило ярость команды, и только вмешательство


170°
175°
К ВОСТОКУ
180° ОТ ПАРИЖА
К ЗАПАДУ
160°
155°
150°
30°
35°
37°
40°
45°
Т и х и й
о к е а н
МАРШРУТ ЭКСПЕДИЦИИ ГЛЕНАРВАНА
о.Табор
мыс Северный
Ика-на-Мауи
Дрюрп
мыс Восточный
Нов Плимут
НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ
Нельсон
мыс Кейп Кейв
мыс Кейп Кейв
мыс Кейп Кейв
Крайстчерч
мыс Банкса
Таваи-пуна-му
ДЕТИ КАПИТАНА ГРАНТА
ТРЕТЬЯ КАРТА
ТИХИЙ ОКЕАН
Составлена Жюль Верном
250 0 250 Км

Джона Манглса и Гленарвана спасло Айртона от расправы.

Но Элен не считала себя побежденной. Она все еще надеялась найти доступ к сердцу этого безжалостного человека. На следующий день она сама пошла в каюту Айртона, желая предотвратить бурные сцены, происходившие при появлении боцмана на палубе яхты.

Два часа добрая, кроткая женщина провела с глазу на глаз с атаманом беглых каторжников. Гленарван в волнении бродил у каюты, то решаясь испытать до конца это последнее средство к раскрытию тайны Айртона, то порываясь избавить жену от такой тягостной беседы.

На этот раз, когда Элен вновь появилась среди своих друзей, в глазах ее светилась надежда. Неужели ей удалось затронуть последние струны жалости в сердце этого негодяя и она вырвала у него тайну?

На лице Мак-Наббса — он первый заметил ее появление — отразилось естественное недоверие.

Среди команды с быстротой электрической искры разнесся слух о том, что боцман уступил наконец настояниям Элен Гленарван. Все матросы собрались на палубе проворнее, чем по свистку Тома Остина, созывавшего их на работу.

Завидев жену, Гленарван бросился к ней навстречу.

— Айртон все рассказал? — спросил он.

— Нет, — ответила Элен, — но, уступая моей просьбе, он хочет повидаться с вами.

— Ах, дорогая Элен, так вы, значит, добились своего!

— Хочу надеяться, Эдуард!

— Не обещали ли вы ему что-нибудь, что мне нужно подтвердить?

— Я пообещала ему одно, а именно: что вы используете все ваше влияние, чтобы смягчить его участь.

— Хорошо, дорогая. Пусть сейчас же приведут ко мне Айртона.

Элен в сопровождении Мэри Грант ушла в свое помещение, а боцмана привели в кают-компанию, где ожидал его Гленарван.

Глава XIX

СДЕЛКА

Введя боцмана в кают-компанию, стража удалилась.

— Вы хотели переговорить со мной, Айртон? — обратился к нему Гленарван.

— Да, сэр, — ответил боцман.

— Со мною одним?

— Да. Но мне кажется, что если бы при нашем разговоре присутствовал майор Мак-Наббс и господин Паганель, то это было бы лучше.

— Лучше для кого?

— Для меня.

Айртон говорил очень спокойно. Гленарван пристально посмотрел на него. Затем он послал сказать Мак-Наббсу и Паганелю, что он просит их прийти в кают-компанию. Они тотчас явились на его приглашение. Как только оба его друга уселись у стола, Гленарван сказал боцману:

— Мы вас слушаем.

Айртон несколько минут собирался с мыслями, потом сказал:

— Сэр, когда два человека заключают между собой контракт или сделку, то при этом обычно присутствуют свидетели. Вот почему я и просил, чтобы здесь были мистер Паганель и майор Мак-Наббс. Ибо, собственно говоря, я хочу предложить вам сделку.

Гленарван, привыкший к обращению Айртона, даже не поморщился, хотя иметь какие-либо дела с этим человеком казалось ему более чем странным.

— Что же это за сделка? — спросил он.

— Вот она, — ответил Айртон. — Вы хотите узнать от меня некоторые полезные для вас сведения, а я хочу получить от вас кое-какие выгоды, для меня драгоценные. Словом, сэр, я дам, если и мне дадут. Подходит вам это или нет?

— А что это за сведения? — с живостью спросил Паганель.

— Нет, — остановил его Гленарван: — что это за выгоды?

Айртон кивнул головой в знак того, что он понял мысль Гленарвана.

— Вот, — сказал он, — те выгоды, которые я хочу от вас получить. Скажите, сэр: вы все еще имеете намерение передать меня английским властям?

— Да, Айртон, и это будет только справедливо.

— Не оспариваю, — спокойно отозвался боцман. — Итак, вы не согласились бы вернуть мне свободу?

Гленарван с минуту колебался. Нелегко было ответить на этот столь отчетливо поставленный вопрос. Ведь от его ответа, быть может, зависела судьба Гарри Гранта. Однако чувство долга взяло верх, и он сказал:

— Нет, Айртон, я не могу вернуть вам свободу.

— Я не прошу ее! — гордо ответил боцман.

— Так что же вам нужно?

— Нечто среднее между ожидающей меня виселицей и той свободой, которую вы, сэр, дать мне не можете.

— И это?..

— Я прошу высадить меня на одном из пустынных островов Тихого океана, оставив мне при этом предметы первой необходимости. Там уж я выпутаюсь как сумею, а найдется свободное время, так — как знать! — может быть, и раскаюсь.

Гленарван, не подготовленный к такому предложению, поглядел на своих друзей. Те не проронили ни слова. Подумав несколько минут, Гленарван сказал боцману:

— А если я пообещаю вам сделать то, о чем вы просите, Айртон, вы сообщите мне обо всем, что меня интересует?

— Да, сэр, то-есть все, что я знаю о капитане Гранте и о судьбе «Британии».

— Всю правду?

— Всю.

— Но кто же поручится мне...

— О! Я вижу, что вас беспокоит, сэр: вам придется положиться на мое слово — слово злодея! Это верно, но что поделаешь! Такое уж создалось положение. Тут приходится или согласиться, или отказаться.

— Я положусь на ваше слово, Айртон, — просто сказал Гленарван.

— И вы не ошибетесь, сэр. А если даже я обману

вас, то вы всегда будете иметь возможность отомстить мне.

— Какая же это возможность?

— Вернуться на мой остров и снова захватить меня: ведь убежать оттуда я не смогу.

У Айртона находился ответ на все. Он сам шел навстречу затруднениям, он сам приводил против себя неопровержимые доводы. Было ясно, что он относится к предлагаемой им сделке с подчеркнутой добросовестностью. Невозможно было проявить большее доверие к своему собеседнику. И, однако, он сумел пойти еще дальше по этому пути бескорыстия.

— Мистер Гленарван и вы, господа, — добавил он, — мне хочется убедить вас в том, что я играю в открытую. Я не стремлюсь ввести вас в заблуждение и сейчас представлю вам новое доказательство своей искренности в этом деле. Я откровенен потому, что верю в вашу честность.

— Говорите, Айртон, — ответил Гленарван.

— У меня ведь еще нет вашего согласия на мое предложение, и тем не менее я, не колеблясь, говорю вам, что знаю о Гарри Гранте немного.

— Немного! — воскликнул Гленарван.

— Да, сэр. Те подробности, какие я в состоянии сообщить вам, касаются меня лично. И они вряд ли помогут вам снова напасть на утерянный вами след.

Сильнейшее разочарование отразилось на лицах Гленарвана и майора. Они были уверены, что боцман владеет важной тайной, а тот вдруг признается, что те сведения, которые он может сообщить, вероятно окажутся для них бесполезными. Один Паганель оставался невозмутимо спокоен.

Как бы то ни было, это признание Айртона, без всяких гарантий отдававшего свою судьбу в руки Гленарвана, тронуло его собеседников. Особенное впечатление на них произвела последняя фраза боцмана:

— Итак, сэр, я предупредил вас: сделка эта будет менее выгодна для вас, чем для меня.

— Это не важно, — ответил Гленарван. — Я согласен на ваше предложение, Айртон. Даю вам слово, что высажу вас на одном из островов Тихого океана.

— Хорошо, — промолвил боцман.

Был ли доволен решением Гленарвана этот странный человек? Можно было бы усомниться в этом, ибо на его бесстрастном лице не отразилось ни малейшего волнения. Казалось, что он ведет переговоры не о себе, а о комто другом.

— Я готов отвечать, — сказал он.

— Мы не станем задавать вам вопросы, — возразил Гленарван. — Расскажите нам сами, Айртон, все, что вы знаете, и прежде всего сообщите нам, кто вы такой.

— Господа, — начал Айртон, — я действительно Том Айртон, боцман «Британии». Двенадцатого марта 1861 года я покинул Глазго на корабле Гарри Гранта. В течение четырнадцати месяцев мы вместе с ним бороздили волны Тихого океана в поисках места, удобного для основания шотландской колонии. Гарри Грант был человек, рожденный для великих дел, но у нас с ним часто происходили серьезные столкновения. Его характер был не по мне. Я не умею беспрекословно подчиняться, а когда Гарри Грант принимал какое-нибудь решение — кончено: никакое противодействие не было возможно. Это человек твердый, как железо, и в отношении себя и в отношении других. Я все же осмелился восстать против него. Я попытался поднять мятеж среди команды и захватить корабль в свои руки. Был ли я прав или виноват — это не важно. Как бы то ни было, Гарри Грант без колебаний высадил меня восьмого апреля 1862 года на западном побережье Австралии...

— Австралии? — повторил майор, прерывая рассказ Айртона. — Значит, вы покинули «Британию» до ее стоянки в Кальяо, откуда были получены последние сведения о ней?

— Да, — ответил боцман. — Пока я находился на борту «Британии», она ни разу не заходила в Кальяо, и если я упомянул вам на ферме Падди О'Мура о Кальяо, то только потому, что я узнал из вашего рассказа, что «Британия» туда заходила.

— Продолжайте, Айртон, — сказал Гленарван.

— Итак, я очутился один на почти пустынном берегу, но всего в двадцати милях от Пертской исправительной тюрьмы. Бродя по побережью, я встретил шайку только

— Я готов отвечать, — сказал Айртон.

что бежавших каторжников и присоединился к ним. Вы разрешите мне не рассказывать вам о моей жизни в течение двух с половиной лет. Скажу только, что я, под именем Бена Джойса, стал главарем шайки беглых каторжников. В сентябре 1864 года я явился на ирландскую ферму и поступил туда батраком под моим настоящим именем — Айртона. Я ждал на этой ферме подходящего случая, чтобы захватить какое-либо судно. Это было моей заветной мечтой. Два месяца спустя появился «Дункан». Когда вы были на ферме, вы рассказали всю историю капитана Гранта. Тут я узнал о том, что мне было неизвестно: о стоянке «Британии» в порту Кальяо, о том, что последние известия об этом судне относились к июню 1862 года (это было через два месяца после моей высадки). Узнал я также историю с документом, где говорилось о гибели судна на тридцать седьмой параллели, узнал, наконец, и те веские основания, какие имелись у вас, чтобы искать Гарри Гранта на Австралийском материке. Я не колебался. Я решил завладеть «Дунканом», этим чудесным судном, способным опередить быстроходнейшие суда британского флота. Но «Дункан» был серьезно поврежден, он нуждался в ремонте. Поэтому я дал ему уйти в Мельбурн, а сам, сказав, как это и было на самом деле, что я боцман «Британии», предложил провести вас в качестве проводника к вымышленному мной месту крушения судна капитана Гранта, у восточного побережья Австралии. Таким-то образом я направил вашу экспедицию через провинцию Виктория. Шайка моя то следовала за нами, то двигалась впереди нас. Мои молодцы совершили у Кемденского моста бесполезное преступление: бесполезное потому, что как только «Дункан» подошел бы к восточному берегу, он неминуемо попал бы в мои руки, а с такой яхтой я стал бы хозяином океана. Итак, не вызвав ни в ком из вас недоверия, я довел ваш отряд до реки Сноу. Быки и лошади пали один за другим, отравленные гастролобиумом. Я завел колымагу в топи Сноу. По моему настоянию... Но остальное вам известно, и вы можете быть уверены, что если бы не рассеянность господина Паганеля, я теперь командовал бы «Дунканом». Такова моя история, господа. К несчастью, мои разоблачения не

могут навести вас на след Гарри Гранта. Как видите, сделка со мной была для вас мало выгодна.

Боцман умолк, скрестил, по своему обыкновению, руки и стал ждать. Гленарван и его друзья молчали. Они чувствовали, что все в рассказе этого странного злодея было правдой. «Дункан» не был захвачен им только по не зависевшим от него причинам. Его сообщники собрались у берегов бухты Туфольд, доказательством чего могла служить куртка каторжника, найденная Гленарваном. Здесь они, согласно приказу своего атамана, стали поджидать яхту, а в конце концов, когда им надоело ждать, они, без сомнения, снова занялись грабежами и поджогами в селениях Нового Южного Уэллса.

Первым возобновил допрос боцмана майор: ему хотелось выяснить некоторые даты, касавшиеся «Британии».

— Итак, — спросил он, — вы были высажены на западном побережье Австралии восьмого апреля 1862 года?

— Точно так.

— А не знаете ли вы, каковы были в это время планы Гарри Гранта?

— Довольно смутно.

— Все же сообщите нам, что вы знаете: самый незначительный факт может навести нас на верный путь.

— Вот все, что я могу сообщить вам, — ответил боцман: — капитан Грант собирался побывать в Новой Зеландии. Во время моего пребывания на борту «Британии» это его намерение выполнено не было. Таким образом, не исключена возможность, что капитан Грант, выйдя из Кальяо, направился в Новую Зеландию. Это согласовалось бы со временем крушения судна, указанным в документе: двадцать седьмого июня 1862 года.

— Ясно, — сказал Паганель.

— Однако в тех обрывках слов, которые уцелели в документе, ничто не может относиться к Новой Зеландии, — возразил Гленарван.

— На это уж я не могу вам ответить, — сказал боцман.

— Хорошо, Айртон, — промолвил Гленарван, — вы сдержали свое слово, я сдержу свое. Обсудим вопрос о том, на каком из островов Тихого океана будете вы высажены.

— О, это мне все равно, — заявил Айртон.

— Ступайте в свою каюту и ждите там нашего решения, — сказал Гленарван.

Боцман удалился в сопровождении двух стороживших его матросов.

— Этот негодяй мог бы быть настоящим человеком, — промолвил майор.

— Да, — согласился Гленарван. — Это человек умный, с сильным характером. И надо же было, чтобы его способности направились на зло!

— А Гарри Грант?

— Боюсь, что найти его невозможно. Бедные дети! Кто мог бы сказать им, где их отец?

— Я могу, — отозвался Паганель. — Да, я!

Читатель заметил, что географ, обычно такой словоохотливый, такой нетерпеливый, почти не проронил ни слова за все время допроса. Он молча слушал. Но произнесенная им только что короткая фраза стоила многих. Гленарван встрепенулся.

— Вы, Паганель? Вы знаете, где капитан Грант? — воскликнул он.

— Да, насколько это, конечно, возможно, — ответил географ.

— И как же вы это узнали?

— Все из того же документа.

— А-а... — протянул майор тоном полнейшего недоверия.

— Сначала выслушайте, Мак-Наббс, а потом уж пожимайте плечами... — заметил географ. — Я молчал до сих пор, зная, что вы мне все равно не поверите. Да и к чему было говорить! Если же сейчас я все же решаюсь на это, то лишь потому, что слова Айртона подтвердили мои предположения.

— И вы думаете, что в Новой Зеландии... — начал Гленарван.

— Выслушайте меня, а потом судите сами, — отвечал Паганель. — Сделанная мною в письме ошибка, которая спасла нас, была не случайна, а имела основание. В то время как я писал под диктовку Гленарвана это письмо, слово «Зеландия» не давало мне покоя, и вот почему. Помните, как мы все ехали в колымаге и Мак-

Наббс рассказывал миссис Гленарван о каторжниках, о крушении у Кемденского моста? При этом он дал ей номер «Австралийской и Новозеландской газеты», где описывалась эта катастрофа. В то время, когда я писал письмо, газета эта валялась на полу; она была сложена так, что из названия ее виднелось всего два слога — «ландия». И вдруг меня осенила мысль, что «ландия» документа является частью слова «Зеландия».

— Что такое? — вырвалось у Гленарвана.

— Да, — продолжал Паганель голосом, в котором чувствовалась глубочайшая уверенность, — это толкование до сих пор не приходило мне в голову. И знаете почему? Да потому, что я, естественно, изучал главным образом французский экземпляр документа, более полный, чем другие, а как раз в нем-то этого важного слова и нет.

— Ой-ой! Какой вы, однако, фантазер, Паганель! — промолвил Мак-Наббс. — И как легко вы забываете свои предшествующие выводы!

— Пожалуйста, майор, я готов отвечать на ваши вопросы.

— Тогда скажите мне, какое значение может иметь слово austral?

— То же, какое имело и раньше. Только оно обозначает: «южные страны».

— Хорошо! А обрывок слова indi, который первоначально истолковывался как indiens — «индейцы», затем как indigènes — «туземцы»? Теперь как вы его понимаете?

— Третье и последнее его толкование таково: он является началом слова indigence — нужда.

— А contin? Означает ли попрежнему «континент»? — воскликнул Мак-Наббс.

— Нет, конечно, раз Новая Зеландия только остров.

— Тогда как же? — спросил Гленарван.

— Дорогой сэр, я сейчас прочту вам документ в новом, третьем толковании, и вы сами увидите. Но раньше буду просить вас о двух вещах: во-первых, забудьте, насколько возможно, прежние толкования и отбросьте предвзятые мнения; во-вторых, имейте в виду, некоторые места вам покажутся натянутыми, и возможно, что я их толкую неудачно; таково, например, слово agonie, кото-

рое я, однако, никак не могу истолковать иначе. Но все эти места совершенно не важны. К тому же мое толкование основывается на французском экземпляре документа, а он, не забывайте этого, написан англичанином, которому могли быть неизвестны некоторые особенности чужого языка. А теперь, после этого объяснения, я начинаю.

И Паганель медленно и внятно прочел следующее:

— «Двадцать седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из Глазго, после долгой агонии потерпело крушение в южных морях, у берегов Новой Зеландии (по-английски Zealand). Двум матросам и капитану Гранту удалось выбраться на берег. Здесь, терпя постоянные жестокие лишения, они бросили этот документ под... долготы и 37°11′ широты. Придите им на помощь».

Паганель умолк. Его толкование документа было допустимо. Но именно потому, что оно казалось таким же правдоподобным, как и прежние толкования, оно также могло быть ошибочным.

Вот почему ни Гленарван, ни майор не стали его оспаривать.

— Однако раз следы «Британии» не были найдены ни у берегов Патагонии, ни у берегов Австралии, там, где проходит тридцать седьмая параллель, то, конечно, есть шансы найти их в Новой Зеландии.

Это последнее замечание географа произвело сильное впечатление на его друзей.

— Скажите, Паганель, — обратился к нему Гленарван, — почему же вы около двух месяцев держали в тайне это новое толкование?

— Потому что я не хотел понапрасну вас обнадеживать. К тому же мы ведь все равно направлялись в Окленд, лежащий именно на той широте, которая была указана в документе.

— Ну, а потом, когда мы отклонились от этого пути, почему же вы тогда ничего не сказали?

— По той причине, что толкование мое, как бы верно оно ни было, все равно не могло бы помочь спасти капитана Гранта.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что если с тех пор прошло целых два года и капитан не появился, то это значит, что он пал жертвой либо крушения, либо новозеландцев.

— Итак, ваше мнение? — спросил Гленарван.

— Мое мнение таково, что, быть может, и удастся найти какие-либо остатки «Британии», но потерпевшие на ней крушение люди безвозвратно погибли.

— Ни слова об этом, друзья мои, — сказал Гленарван. — Предоставьте мне выбрать подходящий момент, чтобы сообщить эту печальную весть детям капитана Гранта.

Глава XX

КРИК В НОЧИ

Команде «Дункана» вскоре стало известно, что сообщение Айртона не пролило света на таинственную судьбу капитана Гранта. Все впали в глубокое уныние: ведь на боцмана возлагалось столько надежд, а оказалось, что ему не известно ничего такого, что могло бы навести «Дункан» на следы «Британии».

Итак, яхта продолжала придерживаться намеченного курса. Оставалось лишь выбрать остров, на котором можно было бы высадить Айртона.

Паганель и Джон Манглс справились по корабельным картам. Как раз на тридцать седьмой параллели значился уединенный островок Марии-Терезии. Этот скалистый, затерянный среди Тихого океана островок был расположен в трех с половиной тысячах миль от Американского побережья и в тысяче пятистах милях от Новой Зеландии. На севере ближайшей к нему землей являлся архипелаг Паумоту, находившийся под протекторатом Франции; к югу же никаких земель вплоть до вечных льдов Южного полюса не было. Ни одно судно никогда не приставало к берегам этого уединенного островка. Никаких отголосков того, что делается на свете, не долетало до него. Одни буревестники во время своих дальних перелетов опускались сюда отдыхать. На многих картах и вовсе не значилось этого островка-скалы, омываемого волнами Тихого океана.

Если где-нибудь на земном шаре существовало абсолютное уединение, то это было на этом островке, заброшенном в океане, в стороне от всех морских путей. Айртону сообщили о местоположении острова. Боцман согласился поселиться там, вдали от людей, и «Дункан» взял курс к Марии-Терезии. Яхта находилась в это время как раз на прямой линии от залива Талькагуано к острову Марии-Терезии.

Два дня спустя, в два часа дня, матрос, стоявший на вахте, дал знать о том, что на горизонте показалась земля. Это был остров Марии-Терезии, низкий, вытянутый, едва поднимавшийся из воды, похожий на огромного кита.

Яхта, рассекавшая волны с быстротой шестнадцати узлов в час, находилась от него еще на расстоянии тридцати миль. Мало-помалу стали видны его очертания. На фоне заходящего солнца отчетливо вырисовался его причудливый силуэт. Там и сям выделялись невысокие вершины, блестевшие в лучах дневного светила.

В пять часов Джону Манглсу показалось, что над островом поднимается к небу легкий дым.

— Что это, вулкан? — спросил он Паганеля.

Тот рассматривал остров в подзорную трубу.

— Не знаю, что и думать, — ответил географ. — Остров этот малоизвестен, но, конечно, не было бы ничего удивительного, если бы он оказался вулканического происхождения.

— Но если его создало извержение, нельзя ли опасаться того, что другое извержение может его разрушить? — сказал Гленарван.

— Это маловероятно, — ответил Паганель. — Гарантией его прочности служит то, что он существует уже несколько веков. А вот остров Джулия, показавшийся было из волн Средиземного моря, через несколько месяцев исчез бесследно.

— Хорошо, — сказал Гленарван. — Как вы думаете, Джон, сможем ли мы подойти к берегу до наступления ночи?

— Нет, сэр. Я не могу подвергать корабль опасности, подводя его в темноте к незнакомому мне берегу. Я буду крейсировать, делая короткие галсы, а завтра на рассвете мы пошлем туда шлюпку.

В восемь часов вечера остров Марии-Терезии, бывший всего в пяти милях от яхты, казался какой-то удлиненной, едва видной тенью. «Дункан» все приближался к нему.

В девять часов на островке вспыхнул довольно яркий огонек. Он светился ровным, неподвижным светом.

— Вот это как будто указывает на вулкан, — проговорил Паганель, внимательно всматриваясь в даль.

— Однако на таком близком расстоянии мы слышали бы грохот, всегда сопровождающий извержение, — заметил Джон Манглс, — а восточный ветер не доносит до нас никакого шума.

— Действительно, вулкан блестит, но безмолвствует, — согласился Паганель. — Притом, мне кажется, огонь этот мигает, как огонь маяка.

— Вы правы, — отозвался Джон. — А между тем на этих берегах нет маяков. А! — воскликнул он. — Вот и другой огонек — теперь на самом берегу. Смотрите! Он колышется! Он меняет место!

Джон не ошибался. Действительно, появился другой огонек. Казалось, он то потухает, то вдруг снова разгорается.

— Значит, остров обитаем? — спросил Гленарван.

— Очевидно, населен дикарями, — ответил Паганель.

— Но тогда мы не сможем высадить там боцмана.

— Нет, конечно, — вмешался майор, — это был бы слишком плохой подарок даже для дикарей.

— В таком случае, мы поищем какой-нибудь другой необитаемый остров, — сказал Гленарван. — Я обещал Айртону, что он будет жив и невредим, и хочу сдержать свое слово.

— Во всяком случае, нам надо быть настороже, — заметил Паганель: — у новозеландцев, как некогда у жителей Корнуэльских островов, в ходу варварский обычай заманивать к берегам суда с помощью вспыхивающих там и сям огней. Вероятно, и обитателям Марии-Терезии знаком этот прием.

— Держись в четверти мили от берега! — крикнул Джон Манглс матросу, стоявшему у руля. — Завтра на рассвете мы узнаем, в чем дело.

В одиннадцать часов Джон Манглс и пассажиры

разошлись по своим каютам. На баке прохаживались вахтенные, а на корме у румпеля стоял один рулевой.

В это время на ют поднялись Мэри Грант и Роберт. Дети капитана Гранта, облокотившись на перила, с грустью смотрели на блестевшее фосфорическим светом море и на светящийся след, остававшийся за кормой «Дункана». Мэри думала о будущем Роберта, Роберт — о будущем сестры. Оба думали об отце. Жив ли еще их обожаемый отец? Неужели надо отказаться от надежды свидеться с ним? Но нет, как жить без него? Что станется с ними? Что было бы с ними и теперь без Гленарвана и его жены?

Горе сделало мальчика взрослым не по годам. Он догадывался, какие мысли волновали его сестру.

— Мэри, — промолвил он, беря ее за руку, — никогда не надо отчаиваться. Вспомни, чему учил нас отец. «Мужество заменяет все на свете», — говаривал он. Давай будем так же мужественны и настойчивы, как наш отец, — это давало ему силу преодолевать все препятствия. До сих пор, сестра, ты работала для меня, а теперь я, в свою очередь, стану трудиться для тебя.

— Милый Роберт!.. — сказала молодая девушка.

— Мэри, мне надо сказать тебе одну вещь. Ты ведь не станешь сердиться, правда?

— Зачем мне сердиться, дитя мое!

— И ты позволишь мне сделать то, что я задумал?

— Что ты хочешь сказать? — с беспокойством спросила Мэри.

— Сестра! Я хочу стать моряком...

— Ты бросишь меня? — вскрикнула Мэри, сжимая руку брата.

— Да, сестра, я буду моряком, как мой отец, как капитан Джон! Мэри, дорогая Мэри, ведь капитан Джон не потерял надежды разыскать отца. Верь в его преданность, как я верю в нее. Джон обещал сделать из меня отличного, выдающегося моряка, а пока мы будем вместе с ним разыскивать отца. Скажи, сестра, что ты согласна. То, что отец сделал бы для нас, мы, а особенно я, должны сделать для него. У меня лишь одна цель в жизни: искать, непрестанно искать того, кто никогда не оставил

бы ни тебя, ни меня. Мэри, дорогая, как он был добр, наш отец!

— И как благороден, как великодушен! — добавила Мэри. — Знаешь ли, Роберт, что им уже гордилась наша родина, и, конечно, если бы судьба не пресекла его деятельность, он занял бы место среди ее великих людей.

— Знаю ли я это! — воскликнул Роберт.

Мэри прижала брата к груди, и мальчик почувствовал, как по лбу его заструились слезы.

— Мэри! Мэри! — крикнул он. — Что бы ни говорили наши друзья, сколько бы они ни молчали, я все еще надеюсь и всегда буду надеяться! Такой человек, как наш отец, не умирает, не выполнив своей задачи!

Мэри Грант не могла ничего ответить: ее душили рыдания. Молодая девушка была глубоко взволнована мыслями о новых поисках Гарри Гранта и о безграничной преданности молодого капитана.

— Значит, мистер Джон еще надеется? — спросила она.

— Да, — ответил Роберт. — Это брат, который никогда нас не покинет. Ведь правда же, сестра, я буду моряком, чтобы вместе с ним искать отца? Ты согласна?

— Как же не согласиться! Но расстаться... — прошептала девушка.

— Ты будешь не одна, Мэри. Я знаю, мой друг Джон сказал мне это. Миссис Гленарван не позволит тебе уйти от нее. Ты ведь женщина, сестра, и потому можешь и даже должна не отказываться от ее благодеяний. Это было бы с твоей стороны неблагодарностью. А вот мужчина — отец много раз повторял мне это, — мужчина должен сам ковать свою судьбу.

— Но что же станет тогда с нашим милым домом в Денди? Ведь с ним связано столько воспоминаний!

— Мы его сохраним, сестричка! Все это обдумано, и хорошо обдумано, нашим другом Джоном и мистером Гленарваном. Ты будешь жить в замке Малькольм у мистера и миссис Гленарван, как их дочь. Это он сам сказал моему другу Джону, а тот рассказал мне. Ты будешь у них чувствовать себя совсем как дома, и тебе будет с кем поговорить об отце. А в один прекрасный день

мы тебе привезем его самого. Ах! Какой это будет чудесный день! — восторженно сказал Роберт.

— Брат мой, мальчик мой, как счастлив был бы наш отец, если бы он мог слышать тебя! — сказала Мэри. — Как ты похож, милый Роберт, на него, на нашего обожаемого отца! Когда ты станешь мужчиной, ты будешь вылитый отец!

— О Мэри!.. — краснея от благородной сыновней гордости, сказал мальчик.

— Но как сможем мы отблагодарить мистера и миссис Гленарван? — промолвила Мэри.

— О, это нетрудно будет сделать! — заявил с юношеской самоуверенностью Роберт. — Мы будем их любить, почитать, говорить им об этом, крепко целовать, а когда понадобится, можно будет пожертвовать для них своей жизнью.

— Нет, уж лучше живи для них! — воскликнула молодая девушка, целуя брата. — Они предпочтут это, да и я тоже.

Дети капитана Гранта умолкли. Отдавшись мечтам, они молча глядели друг на друга. Мысленно они все еще продолжали свой разговор, задавали вопросы, отвечали на них. Вокруг тихо зыбилось море и светилась сквозь сумрак бурлившая за винтом вода.

И вдруг произошло нечто странное. Брату и сестре одновременно почудилось, что из лона волн, попеременно то темных, то светящихся, зазвучал чей-то голос, и его глубокий, тоскующий звук проник в самую глубину их сердца.

— Помогите! Помогите!.. — крикнул этот голос.

— Мэри, ты слышала, слышала? — спросил Роберт.

Поспешно перегнувшись через перила, они стали вглядываться во мглу, но ничего не было видно — только безграничный сумрак расстилался перед ними.

— Роберт, — пролепетала бледная от волнения Мэри, — мне почудилось... Да, почудилось, как и тебе... Мы бредим с тобой, Роберт милый...

Но снова раздался голос, призывавший на помощь, и на этот раз иллюзия была так велика, что у обоих одновременно вырвался тот же крик:

У обоих вырвался крик: «Отец! Отец!»

— Отец! Отец!

Это было слишком для Мэри. Сломленная волнением, она без чувств упала на руки брата.

— Помогите! — крикнул Роберт. — Сестра! Отец!.. Помогите!..

Рулевой бросился поднимать бесчувственную девушку. Прибежали стоявшие на вахте матросы, появились разбуженные шумом Джон Манглс, Элен, Гленарван.

— Сестра умирает, а наш отец там! — воскликнул Роберт, указывая на волны.

Никто не мог понять, в чем дело.

— Да, да, — повторял мальчик, — отец мой там! Я слышал его голос, и сестра слышала...

В эту минуту Мэри пришла в себя и, потеряв голову, обезумевшая, тоже закричала:

— Отец! Отец там!

Бедная девушка, перегнувшись через перила, собиралась броситься в море.

— Говорю вам, что отец мой там! — твердила она, сжимая руки. — Уверяю вас, я слышала его голос! Он поднимался из волн, словно жалоба, словно последнее «прости»...

С бедняжкой сделались спазмы, конвульсии. Пришлось отнести ее в каюту. Туда пошла и Элен, чтобы оказать ей помощь.

Роберт же твердил одно:

— Отец мой! Отец мой там! Я уверен в этом, сэр!..

Свидетели этой мучительной сцены поняли наконец, что дети капитана Гранта галлюцинировали. Но как убедить их в этом?

Гленарван попытался было это сделать. Взяв за руку Роберта, он спросил его:

— Ты слышал голос своего отца, дитя мое?

— Да, сэр. Там, среди волн. Он кричал: «Помогите! Помогите!»

— И ты узнал этот голос?

— Узнал ли я его голос? О да, клянусь вам! Сестра моя тоже слышала и, как и я, узнала отцовский голос. Неужели вы думаете, что мы оба могли ошибиться? Сэр, отправимся на помощь отцу! Шлюпку! Шлюпку!

Гленарван увидел, что разубедить бедного мальчика невозможно. Тем не менее он решил сделать последнюю попытку и позвал рулевого.

— Гаукинс, — обратился он к нему, — вы ведь стояли у руля, когда это странное происшествие так поразило мисс Грант?

— Да, — ответил Гаукинс.

— И вы ничего не заметили, ничего не слышали?

— Ничего.

— Вот видишь, Роберт!

— Будь то отец Гаукинса, Гаукинс не сказал бы, что ничего не слышал! — с неукротимой энергией крикнул мальчик. — Это был мой отец, сэр, мой отец, отец!

Голос Роберта угас. Бледный и безмолвный, Роберт тоже лишился чувств. Гленарван распорядился отнести его на постель в каюту, и измученный волнением мальчик впал в тяжелое забытье.

— Бедные сироты, — промолвил Джон Манглс, — какое тяжелое испытание выпало им на долю!

— Да, — отозвался Гленарван, — чрезмерное горе, видимо, вызвало у них обоих одновременно эту галлюцинацию.

— У обоих? — прошептал Паганель. — Странно! Наука не допускает этого.

Затем географ перегнулся через перила и, сделав всем окружающим знак хранить молчание, в свою очередь стал прислушиваться.

Кругом было тихо. Паганель громко окликнул, нет ли кого поблизости, но ответа не получил.

— Странно, странно, — повторял географ, направляясь в свою каюту. — Общность мыслей и горя все же не может объяснить подобное явление.

На следующий день, 8 марта, в пять часов утра, когда только что стало светать, пассажиры, в том числе Роберт и Мэри — их невозможно было удержать в каютах, — собрались на палубе «Дункана». Каждому хотелось поглядеть на землю, лишь мельком виденную ими накануне. Подзорные трубы с жадностью направились на остров. Яхта шла вдоль него на расстоянии мили от его берегов. Можно было разглядеть мельчайшие их подробности.

Вдруг раздался крик Роберта. Мальчик уверял, что видит трех людей: двое из них бегают по берегу, жестикулируя, а третий машет флагом.

— Английский флаг! — крикнул Джон Манглс, взглянув в подзорную трубу.

— Верно! — воскликнул Паганель, быстро оборачиваясь к Роберту.

— Сэр, — заговорил мальчик, дрожа от волнения, — если вы не хотите, чтобы я добрался до берега вплавь, велите спустить шлюпку. На коленях умоляю вас, позвольте мне первым высадиться на берег!

Никто не решался вымолвить ни слова. Как! На этом островке, через который проходила тридцать седьмая параллель, было трое мужчин, потерпевших кораблекрушение, англичан! И каждый из присутствующих, вспоминая то, что случилось накануне, думал о голосе, услышанном среди ночи Робертом и Мэри. Дети, быть может, и слышали голос, но мог ли это быть голос их отца? Увы! Это было невозможно! И каждый, думая о том ужасном разочаровании, которое ожидало сирот, трепетал, боясь, что бедные дети уже будут не в силах перенести это новое испытание. Но как удержать их! У Гленарвана не хватило на это духу.

— Спустить шлюпку! — крикнул он.

Минута — и шлюпка уже была на воде. Дети капитана Гранта, Гленарван, Джон Манглс, Паганель бросились в нее, и она стремительно понеслась вперед под бешеными ударами весел шести матросов.

В десяти саженях от берега Мэри крикнула душераздирающим голосом:

— Отец!..

На берегу между двумя другими мужчинами стоял высокий, крепко сложенный человек. Черты его выразительного лица, кроткого и вместе с тем отважного, представляли собой сочетание черт обоих юных Грантов. Несомненно, это был тот самый человек, которого так часто описывали Мэри и Роберт. Сердце не обмануло их — то был их отец, то был капитан Грант.

Капитан услышал крик Мэри, протянул руки и упал на песок, словно пораженный громом.

Глава XXI

ОСТРОВ ТАБОР

От радости не умирают: и отец и дети пришли в себя еще до того, как шлюпка доставила их на яхту. Где найти слова, чтобы описать эту сцену! Вся команда плакала, видя, как эти три существа слились в безмолвном объятии.

Взойдя на палубу «Дункана», олицетворявшую для Гарри Гранта его родную Шотландию, он дрожащим от волнения голосом выразил свою горячую благодарность Гленарвану, а также и его спутникам.

За то короткое время, в течение которого шлюпка доплыла до яхты, Мэри и Роберт успели в нескольких словах рассказать отцу всю историю его поисков.

Как бесконечно был он обязан Элен Гленарван, этой благородной женщине, и ее спутникам! Разве, начиная от Гленарвана и кончая последним матросом, все они не боролись и не страдали ради него! Гарри Грант излил переполнявшую его сердце благодарность с такой простотой, с таким благородством, его мужественное лицо было озарено таким чистым и кротким чувством, что вся команда почувствовала себя вознагражденной с лихвой за все перенесенные испытания. Даже невозмутимый майор не мог не прослезиться. А Паганель плакал, как ребенок, не стараясь даже скрыть свои слезы.

Гарри Грант не сводил глаз с дочери. Он находил ее красивой, очаровательной и повторял ей это вслух, призывая в свидетельницы Элен. А затем, поворачиваясь к сыну, он восклицал с восторгом:

— Как он вырос! Совсем мужчина!

И он осыпал любимых детей бесконечными поцелуями.

Роберт представил отцу по очереди всех своих друзей. И хотя мальчуган старался разнообразить характеристики, но все они совпадали в том, что каждый из спутников Гленарвана прекрасно относился к обоим сиротам. Когда наступила очередь Джона Манглса быть представленным, молодой капитан покраснел, как девушка, и во время разговора с отцом Мэри голос его дрожал.

Элен рассказала капитану Гранту об их путешествии. Капитан мог гордиться и сыном и дочерью.

Гарри Грант узнал о подвигах юного героя, узнал, как мальчик уже отчасти уплатил Гленарвану отцовский долг. Вслед за Элен заговорил Джон Манглс. Он в таких выражениях говорил о Мэри, что Гарри Грант, которому Элен уже успела сообщить в нескольких словах о взаимной любви молодых людей, вложил руку дочери в руку отважного молодого капитана.

Когда все было рассказано и пересказано чуть ли не тысячу раз, Гленарван рассказал Гарри Гранту об Айртоне. По словам капитана, все сообщенное боцманом о его высадке на Австралийское побережье было правдой.

— Это малый с головой, смельчак, — добавил он, — но страсти увлекли его ко злу. Будем надеяться, что он одумается, раскается и вернется к лучшим чувствам.

Но Гарри Гранту хотелось, раньше чем на остров Марии-Терезии будет высажен Айртон, принять там, на своей скале, новых друзей. Он пригласил их посетить его деревянный домик и отобедать за столом Робинзона Океании.

Гленарван и его спутники с удовольствием приняли это приглашение. Роберту и Мэри не терпелось как можно скорее увидеть места, где так долго тосковал по ним отец.

Снаряжена была лодка, и вскоре капитан с детьми, Эдуард и Элен Гленарван, майор, Джон Манглс и Паганель высадились на берег острова.

Им достаточно было нескольких часов, чтобы обойти владения Гарри Гранта. Этот островок был, в сущности, вершиной подводной горы и представлял собой плоскогорье со множеством базальтовых скал и обломков вулканических пород. Под действием подземного огня гора эта в геологические эпохи Земли мало-помалу поднялась со дна Тихого океана. Но с тех пор прошло уже много веков, вулкан потух, и из вулкана получился мирный островок; на нем образовался плодородный слой почвы; этой новой землей постепенно завладела растительность. Проплывавшие мимо острова китоловы высадили здесь домашних животных — коз и свиней, а те, размножаясь, с течением времени одичали. Таким-то образом на этом

— Этот островок — настоящий рай! — с восторгом воскликнул географ.

островке, затерянном среди Тихого океана, появились представители трех царств природы. Когда же на острове очутились моряки, потерпевшие крушение на «Британии», силы природы стали направляться рукой человека. За два с половиной года пребывания на острове Гарри Грант и его матросы совершенно преобразили его. Несколько тщательно обработанных ими акров земли приносили им превосходные овощи.

Гости подошли к домику, осененному зелеными камедными деревьями; перед окнами его расстилалось живописное море, сверкавшее под лучами солнца. Поставили стол под раскидистыми деревьями, и все уселись вокруг него. Были поданы задняя ножка козленка, хлеб из нарду, несколько чашек молока, два-три стебля дикого цикория, чистая холодная вода.

Паганель был очарован. Воскресли его старые мечты стать Робинзоном.

— Жалеть этого плута Айртона не приходится: этот островок — настоящий рай! — с восторгом воскликнул географ.

— Да, он действительно был раем для трех несчастных, потерпевших крушение, — отозвался Гарри Грант. — Но я очень жалею, что он не представляет собой обширного, плодородного острова, где бы вместо ручья протекала река и вместо бухточки был удобный порт.

— А почему вы об этом жалеете, капитан? — спросил Гленарван.

— Потому что я основал бы здесь, в Тихом океане, колонию, которую подарил бы Шотландии.

— Вот как, капитан Грант! Вы, стало быть, не оставили того замысла, который сделал вас столь популярным на нашей родине? — проговорил Гленарван.

— Нет, не оставил, сэр. И мне думается, что спасен я вами именно для того, чтобы иметь возможность осуществить этот замысел. Нужно, чтобы наши несчастные бедняки, обитатели древней Каледонии, нашли на новой земле убежище от нищеты. Нашей дорогой родине нужно иметь в этих морях свою, ей одной принадлежащую колонию, где у нее было бы хоть немного той независимости, того благосостояния, которых ей так недостает в Европе!

— А! Это хорошо сказано, капитан Грант! — сказала Элен. — Прекрасный план, достойный благородного сердца! Но этот островок...

— Наш скалистый островок смог бы прокормить самое большее нескольких колонистов, а нам нужны земли обширные, плодородные.

— Ну что ж, капитан, — воскликнул Гленарван, — будущее в наших руках! Будем искать эти земли вместе.

Тут Гарри Грант и Гленарван крепко пожали друг другу руку, как бы закрепляя этим данное обещание.

Затем всем захотелось услышать на этом самом островке, в этом скромном домике рассказ о том, как потерпевшие крушение на «Британии» прожили вдали от людей эти два долгих года.

Гарри Грант охотно исполнил желание своих новых друзей.

— История моя, — начал он, — это история всех робинзонов, заброшенных на пустынный остров. Будучи принуждены рассчитывать лишь на себя, эти робинзоны понимают, что они должны бороться за свою жизнь с силами природы. В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое июня 1862 года «Британия», потеряв управление во время шестидневной бури, разбилась о скалы острова Марии-Терезии. Море так бушевало, что организовать спасение было невозможно, и вся моя несчастная команда погибла. Только двум матросам, Бобу Пирсу и Джо Беллу, и мне после многих тщетных попыток удалось добраться до берега.

Земля, приютившая нас, представляла собой пустынный островок длиной в пять миль, шириной в две. На нем росло около тридцати деревьев, было несколько лугов, а также источник свежей воды, к счастью никогда не пересыхавший. Очутившись с моими двумя матросами в этом затерянном уголке земного шара, я не пал духом и приготовился к упорной борьбе. Боб и Джо, мои отважные товарищи по несчастью, стали энергично помогать мне.

По примеру Робинзона, созданного воображением Даниэля Дефо, мы начали с того, что подобрали обломки судна, инструменты, небольшое количество пороха, оружие и мешок с драгоценным для нас зерном. Первые

дни были трудны, но вскоре охота и рыбная ловля обеспечили нас пищей: остров кишел дикими козами, а у берегов водилось множество морских животных. Малопомалу наша жизнь наладилась.

Благодаря тому что мне удалось спасти от крушения свои инструменты, я точно знал, где находится наш островок, знал, что он лежит вдали от обычных путей судов и что только счастливый случай может выручить нас. Не переставая думать о моих любимых детях, но уже не надеясь снова увидеть их, я мужественно принял выпавшее мне на долю испытание. Между тем мы работали не покладая рук. Вскоре несколько акров земли были засеяны семенами, бывшими на «Британии». Картофель, цикорий и щавель сделали нашу обычную пищу более здоровой. Со временем появились и другие овощи. Мы поймали нескольких козлят. Их удалось легко приручить. У нас появилось молоко, масло. Из нарду, росшего на дне пересохших ручьев, мы стали печь довольно питательный хлеб. Словом, материальная сторона жизни перестала нас беспокоить.

Мы выстроили себе домик из выброшенных на берег обломков «Британии», покрыли его тщательно просмоленными парусами. Таким образом получилось надежное убежище, где мы благополучно пережили период дождей. Сколько в этом домике обсуждалось планов, сколько было мечтаний! И самая чудесная из наших грез ныне сбылась! Сначала я хотел было пуститься в море на лодке, сделанной из обломков «Британии», но ближайшая земля — архипелаг Паумоту — отстояла от нас на полторы тысячи миль. Никакая лодка не смогла бы выдержать подобный переход. Мне пришлось отказаться от этой мысли. Только счастливый случай мог спасти нас.

Ах, дорогие мои дети! Сколько раз высматривали мы с береговых скал, не появится ли судно в морской дали! За все время нашего здесь заточения на горизонте только два-три раза показались паруса, но, показавшись, тотчас исчезали. Так прошло два с половиной года. Мы уже перестали надеяться, но еще не отчаивались.

Наконец вчера, взобравшись на самую высокую из здешних гор, я вдруг увидел на западе легкий дымок. Он стал расти. Вскоре я различил судно. Казалось, оно

направлялось к нам. Но не пройдет ли оно мимо этого островка? Ведь ему незачем было бы здесь останавливаться.

Ах, что это был за мучительный день! Как сердце не разорвалось у меня в груди! Мои товарищи зажгли костер на вершине одной из здешних гор. Наступила ночь, но яхта ничем не дала знать, что нас заметили. А ведь в яхте этой было все наше спасение. Неужели и она исчезнет из наших глаз! Колебаниям не было места. Тьма сгущалась. Ночью судно могло обогнуть остров и уйти. Я бросился в воду и поплыл к нему. Надежда утраивала мои силы. Я с нечеловеческой энергией рассекал волны. Уже яхта была от меня в каких-нибудь тридцати саженях, когда вдруг она переменила галс. Тогда-то я испустил те отчаянные крики, которые были услышаны только моими детьми и которые не были иллюзией. Затем я вернулся на берег, обессиленный, сломленный волнением и усталостью. Матросы подобрали меня полумертвым. Эта последняя ночь, проведенная нами на острове, была ужасной. Мы уже считали себя навсегда обреченными на одиночество. Но вот стало рассветать, и мы увидели, что яхта все еще здесь и медленно лавирует. Потом вы спустили шлюпку... Мы были спасены! И какое великое счастье: дети, мои дорогие дети были в этой шлюпке и протягивали ко мне руки!..

Рассказ Гарри Гранта закончился среди поцелуев и ласк, которыми осыпали его Мэри и Роберт. И тут только узнал капитан, что был обязан своим спасением тому довольно-таки непонятному документу, который он через неделю после крушения вложил в бутылку и бросил в море.

Но о чем думал Жак Паганель во время рассказа капитана Гранта?

Почтенный географ в тысячный раз перебирал в уме слова документа. Он припоминал одно за другим все три своих толкования, которые все три оказались неверными. Как же был обозначен на этих полуизъеденных морской водой листках остров Марии-Терезии?

Паганель не вытерпел. Он схватил за руку Гарри Гранта.

— Капитан, — воскликнул он, — да скажите же мне

наконец, что заключалось в вашем загадочном документе!

Услышав эти слова географа, все насторожились: ведь сейчас им предстояло услышать разгадку той тайны, которую они тщетно пытались разгадать в течение девяти месяцев!

— Точно ли вы помните, капитан, содержание документа? — продолжал Паганель.

— Помню совершенно точно, — ответил Гарри Грант. — Дня не проходило без того, чтобы я не припоминал этих слов: ведь на них была вся наша надежда.

— Что же это за слова, капитан? — спросил Гленарван. — Откройте нам их: наше самолюбие задето за живое!

— Я к вашим услугам, — ответил Гарри Грант. — Вам, конечно, известно, что, стремясь увеличить шансы на спасение, я вложил в бутылку три документа, написанные на трех языках. Какой из трех вас интересует?

— Так они не тождественны? — воскликнул Паганель.

— Тождественны, за исключением одного названия.

— Тогда будьте добры сообщить нам французский текст, — сказал Гленарван: — он был наименее поврежден водой, и наши толкования основывались главным образом на нем.

— Вот этот документ, слово в слово: «Двадцать седьмого июня 1862 года трехмачтовое судно «Британия», из Глазго, потерпело крушение в тысяче пятистах лье от Патагонии, в Южном полушарии. Два матроса и капитан Грант добрались до острова Табор...»

— Что? — воскликнул Паганель.

— «Здесь, — продолжал Гарри Грант, — постоянно терпя жестокие лишения, они бросили этот документ под 153° долготы и 37°11′ широты. Придите им на помощь».

Услышав слово «Табор», Паганель вскочил с места. Затем, не будучи в силах сдержать себя, он воскликнул:

— Как — остров Табор? Да ведь это же остров Марии-Терезии!

— Совершенно верно, мистер Паганель, — ответил Гарри Грант. — На английских и немецких картах — Мария-Терезия, а на французских — Табор.

В эту минуту полновесный удар кулака обрушился на плечо Паганеля и пригнул его к земле. В интересах истины приходится признаться, что это было делом майора, впервые вышедшего из рамок строгой корректности.

— Географ! — сказал с глубочайшим презрением Мак-Наббс.

Но Паганель даже и не почувствовал удара. Что значил этот удар по сравнению с ударом, нанесенным его самолюбию ученого!

Итак, как рассказал он об этом капитану Гранту, он постепенно приближался к истине. Патагония, Австралия, Новая Зеландия казались ему бесспорным местонахождением потерпевших крушение. Обрывок слова contin, который он истолковал сначала как continent (континент), постепенно получил свое подлинное значение: continuelle (постоянная); indi означало сначала indiens (индейцы), потом indigènes (туземцы) и, наконец, было правильно понято как слово indigence (лишения). Только обрывок слова abor ввел в заблуждение проницательного географа. Паганель упорно видел в нем корень глагола aborder (причаливать), между тем как это было частью французского названия того острова Марии-Терезии, где нашли приют потерпевшие крушение на «Британии»: остров Табор. Правда, этой ошибки трудно было избежать, раз на корабельных картах, имевшихся на «Дункане», этот островок значился под названием «Мария-Терезия».

— Но все равно! — восклицал Паганель; он рвал на себе волосы в отчаянии. — Я не должен был забывать об этом двойном названии! Это непростительная ошибка, заблуждение, недостойное секретаря Географического общества! Я опозорен!

— Господин Паганель, успокойтесь! — утешала географа Элен.

— Нет, нет! Я настоящий осел!

— И даже необученный, — отозвался в виде утешения ему майор.

Когда обед был окончен, Гарри Грант позаботился о приведении в порядок всего своего домашнего хозяйства. Он ничего не брал с собой, желая, чтобы преступник унаследовал имущество честного человека.

Все вернулись на борт «Дункана». Гленарван хотел

отплыть в этот же день и потому дал приказ высадить боцмана на остров. Айртон был приведен на ют, где находился и Гарри Грант.

— Это я, Айртон, — промолвил Грант.

— Вижу, капитан, — отозвался боцман без малейшего признака удивления. — Ну что же, рад вас видеть в добром здоровье.

— Повидимому, Айртон, я сделал ошибку, высадив вас в обитаемых местах.

— Повидимому, капитан.

— Вы сейчас останетесь вместо меня на этом пустынном островке. Я надеюсь, что вы раскаетесь в том зле, которое причинили людям.

— Все может быть, — спокойно ответил Айртон.

Гленарван обратился к боцману:

— Итак, Айртон, вы продолжаете настаивать на том, чтобы я высадил вас на необитаемый остров?

— Да.

— Остров Табор вам подходит?

— Совершенно.

— Теперь, Айртон, выслушайте то, что я хочу напоследок сказать вам. Вы окажетесь здесь вдали от всякой иной земли, без всякой возможности общения с другими людьми. Чудеса редки: вам не убежать с этого островка, на котором оставит вас «Дункан». Вы будете один, но вы не будете затеряны, отрезаны от мира, как капитан Грант. Хоть вы не заслуживаете того, чтобы люди помнили о вас, но они все же будут о вас помнить. Я знаю, где найти вас, Айртон, и этого не забуду.

— Очень вам признателен, — просто ответил Айртон.

То были последние слова, которыми обменялись Гленарван и боцман.

Шлюпка уже стояла наготове. Айртон спустился в нее.

Джон Манглс заранее распорядился перевезти на остров несколько ящиков с консервами, одежду, инструменты, оружие, а также запас пороха и пуль. Таким образом, боцман получил возможность работать и, работая, переродиться. У него было все необходимое, даже книги.

Настал час расставания. Команда и пассажиры со-

брались на палубе. У многих сжималось сердце. Мэри Грант и Элен не могли скрыть своего волнения.

— Так это необходимо? — обратилась молодая женщина к мужу. — Необходимо покинуть здесь этого несчастного?

— Да, Элен, необходимо, — ответил Гленарван. — Это искупление!

В эту минуту шлюпка, по команде Джона Манглса, отвалила от борта. Айртон, как всегда невозмутимый, стоя, снял шляпу и с суровой важностью поклонился.

Гленарван, а за ним вся команда обнажили головы, точно у постели умирающего. Шлюпка все удалялась. Все на палубе молчали.

Когда шлюпка подошла к берегу, Айртон выскочил на песок, а шлюпка вернулась к яхте. Было четыре часа пополудни. С юта пассажиры видели, как боцман, скрестив на груди руки, неподвижно, словно статуя, стоял на прибрежной скале. Глаза его были устремлены на «Дункан».

— Отправляемся, сэр? — спросил Джон Манглс.

— Да, Джон, — ответил Гленарван; он был взволнован, но старался не показать этого.

— Вперед! — крикнул капитан механику.

Пар засвистел по трубам, винт закрутился, и в восемь часов последние вершины острова Табор скрылись в вечерней мгле.

Глава XXII

ПОСЛЕДНЯЯ РАССЕЯННОСТЬ ЖАКА ПАГАНЕЛЯ

18 марта, через одиннадцать дней после того, как «Дункан» отплыл от острова Табор, показались берега Америки, а на следующий день яхта бросила якорь в бухте Талькагуано.

Она вернулась сюда после пятимесячного плавания, во время которого, строго придерживаясь тридцать седьмой параллели, обошла вокруг всего земного шара. Участники этой достопамятной, не имевшей прецедента в летописях Клуба путешественников экспедиции побывали в Чили, в пампасах, в Аргентинской республике, на

Атлантическом океане, на островах Тристан-да-Кунья, в Индийском океане, на Амстердамских островах, в Австралии, в Новой Зеландии, на острове Табор и в Тихом океане. И усилия участников этой экспедиции были не бесплодны: они возвращали родине моряков, потерпевших крушение на «Британии».

Ни один из отозвавшихся на призыв Гленарвана храбрых шотландцев не поплатился жизнью. Все они, живые и невредимые, возвращались в свою старую Шотландию. Эта экспедиция напоминала те битвы, которые в древней истории назывались «битвами без слез».

Пополнив свои запасы, «Дункан» двинулся вдоль берегов Патагонии и, обогнув мыс Горн, пошел по Атлантическому океану.

Ни одно путешествие не протекало более благоприятно. Яхта казалась доверху нагруженной счастьем. На борту больше не было тайн. Все было ясно, не исключая и нежных чувств Джона Манглса к Мэри Грант.

Впрочем, нет, было нечто и непонятное, и оно не давало покоя Мак-Наббсу. Почему Паганель всегда так герметически застегивал свои одежды и укутывался по самые уши в свое кашне? Майору не терпелось узнать, чем вызвана эта странная причуда.

Но надо сказать, что, несмотря на все расспросы, все намеки, все подозрения Мак-Наббса, Паганель так ни разу и не расстегнулся. Да, не расстегнулся даже и тогда, когда «Дункан» пересекал экватор и смола, которой были залиты пазы палубы, растопилась от пятидесятиградусного зноя.

— Он так рассеян, что воображает себя в Петербурге, — говорил майор, видя, как Паганель кутается в широчайший плащ, словно стоял такой холод, когда ртуть замерзает в термометре.

Наконец 9 мая, через пятьдесят три дня после выхода из бухты Талькагуано, Джон Манглс заметил маячные огни мыса Клир. Яхта вошла в канал св. Георга, прошла через Ирландское море и 10 мая была в заливе Клайд. В одиннадцать часов утра «Дункан» бросил якорь у Думбартона, а в два часа ночи его пассажиры, приветствуемые громким «ура» горцев, уже входили в Мальколъмский замок.

Так, значит, было суждено, что Гарри Грант и его два товарища будут спасены, что Мэри Грант будет обвенчана с Джоном Манглсом в старинном соборе св. Мунго; суждено, что Роберт станет таким же бравым моряком, как Гарри Грант и Джон Манглс, а также и то, что он будет работать вместе с ними, при помощи Гленарвана, над осуществлением проекта капитана Гранта. Но было ли суждено Паганелю умереть холостяком? Повидимому, нет.

Действительно, наш ученый после всех своих героических подвигов не мог не стать знаменитым. Рассеянность его производила фурор в светском обществе Шотландии. Географа вырывали друг у друга, и он прямо-таки не был в состоянии побывать везде, куда его приглашали.

Тогда-то одна милейшая тридцатилетняя девица, не кто иная, как двоюродная сестра майора Мак-Наббса, особа несколько эксцентричная, но добрая и еще прелестная, влюбилась в чудака-географа и предложила ему руку и сердце. В руке этой был миллион, но это обходили молчанием.

Паганель далеко не был равнодушен к нежным чувствам, питаемым к нему мисс Арабеллой, однако высказаться он не решался.

Посредником между этими двумя сердцами, созданными друг для друга, явился майор. Он даже сказал Паганелю, что женитьба — это та «последняя рассеянность», которую географ мог бы себе еще позволить.

Но странно! Паганель в замешательстве никак не мог вымолвить решительного слова.

— Разве мисс Арабелла вам не нравится? — не раз спрашивал Мак-Наббс.

— Что вы, майор! Она очаровательна, — восклицал Паганель, — даже слишком очаровательна! И, признаться, я рад был бы, если б этого очарования в мисс Арабелле было поменьше. Мне бы хотелось найти в ней хоть один недостаток!

— Успокойтесь, — отвечал майор, — недостатки найдутся, и не один. У самой безупречной женщины есть свои недостатки. Итак, Паганель, это дело решенное?

— Не смею, — отвечал Паганель.

— Но скажите же, мой ученый друг, почему вы колеблетесь?

— Я недостоин мисс Арабеллы, — отвечал неизменно географ.

Так на этом он и стоял.

Наконец однажды настойчивый майор так прижал географа, что тот, правда под большим секретом, поведал ему нечто, что было бы очень на руку полиции, если бы ей когда-нибудь понадобились приметы нашего ученого.

— Вот что! — восклицал майор.

— Да, это так, — подтвердил Паганель.

— Но какое же это может иметь значение, мой достойный друг?

— Вы так думаете?

— Наоборот, благодаря этому вы еще более необычны. Это является добавлением к вашим личным достоинствам. Это делает вас единственным в своем роде человеком, а о таком именно муже и мечтала всегда Арабелла.

Сказав это, майор с невозмутимо серьезным видом вышел, оставив Паганеля в мучительной тревоге.

Между Мак-Наббсом и Арабеллой произошел короткий разговор.

Через две недели в Малькольмском замке с большой помпой праздновалась свадьба Жака Паганеля и мисс Арабеллы. Жених был великолепен, но все же застегнут на все пуговицы, невеста — восхитительна.

И тайна Паганеля так и осталась бы навсегда погребенной, если б майор не поделился этой тайной с Гленарваном, а тот не рассказал бы о ней Элен, а Элен, в свою очередь, не шепнула бы об этом миссис Манглс. Одним словом, тайна дошла до миссис Олбинет, а тут уж стала общим достоянием.

Паганель во время своего трехдневного пребывания у маори был т а т у и р о в а н — татуирован от ног до самых плеч. На груди у него была изображена геральдическая птица киви, раскинувшая крылья и впившаяся клювом в его сердце.

Это — и только это — приключение Паганеля причинило ему большое горе. Он никогда не простил новозеландцам своей татуировки. Она же была причиной того, что он, несмотря на многочисленные приглашения, так и

не вернулся в родную Францию, хотя очень жалел об этом. Ученый боялся, как бы Географическое общество в лице своего свежетатуированного ученого секретаря не подверглось насмешкам карикатуристов и газетных острословов.

Возвращение капитана Гранта на родину было отпраздновано шотландцами как событие общенародного значения, и Гарри Грант стал самым популярным человеком во всей древней Каледонии. Сын его Роберт сделался таким же моряком, как он, как капитан Джон Манглс, и под покровительством Гленарвана работает над осуществлением отцовского проекта по созданию шотландской колонии на островах Тихого океана.

ЖЮЛЬ ВЕРН

(1828—1905)

В Париж в 1848 году приехал двадцатилетний юноша, сын адвоката Пьера Верна из Нанта, крупного портового города на западном побережье Франции. Пьер Верн чрезвычайно гордился своей профессией и хотел непременно, чтобы его первенец Жюль, так же, как и он сам, стал юристом. Уступая желаниям родителей, молодой человек поступил в знаменитый французский университет Сорбонну на юридический факультет. Успешно сдав экзамены, он получил ученую степень лиценциата прав. Однако адвокатура нисколько не привлекала Жюля. Он твердо решил посвятить себя литературной деятельности. Подобно многим другим начинающим писателям, он бедствовал долгие годы, потому что отец, обманутый в своих ожиданиях, не захотел оказать ему никакой материальной поддержки.

Свой путь в литературе Жюль Верн нашел не сразу. Он писал сперва стихи, пьесы и рассказы, сочинял либретто для оперетт. Вскоре он вошел в писательскую среду, завязал знакомство с корифеями французской литературы — Виктором Гюго и знаменитым автором увлекательных исторических романов Александром Дюма-отцом. Но, несмотря на свою несомненную одаренность, молодой писатель долго не мог добиться признания читающей публики.

Однако время у него зря не пропадало. Ради хлеба насущного он занимался сплошь и рядом литературной поденщиной, но вместе с тем неотступно думал о произведениях совершенно особого, не существовавшего прежде рода. Он мечтал создать, по его собственному выражению, «роман о науке». Интересовала при этом Жюля Верна не сухая, унылая ученость.

Его влекла к себе наука, которая смело входит в жизнь, — наука, которая расширяет возможности человека и помогает ему разгадывать неразгаданное, делает доступными для него такие области действительности, такие отдаленные уголки, куда ранее немыслимо было проникнуть.

Еще мальчиком Жюль Верн не очень прислушивался к многословным, велеречивым рассуждениям отца, уснащенным ссылками на статьи и параграфы законов. Но его родной город Нант был городом моряков и путешественников — и к их рассказам маленький Жюль, разумеется, не был равнодушен. Сохранились сведения о том, что одиннадцати лет он попытался было даже поступить юнгой на шхуну, отплывавшую в Индию. Правда, как сказали бы в наше время, по не зависящим от него обстоятельствам совершить это путешествие ему не удалось. Но романтика моря, любовь к географической карте и компасу навсегда вошли в его душу.

Годы жизни Жюля Верна были годами величайших географических открытий, годами грандиозных переворотов в науке и технике. Писатель не только жадно следил за всем этим — он сумел ввести весь этот материал, творчески преобразовав его, в свое искусство. На школьной скамье подросток Жюль, как и тысячи его сверстников, с восхищением читал и перечитывал «Робинзона Крузо» — бессмертное творение Даниэля Дефо, том за томом «глотал» романы Фенимора Купера. В своем творчестве Жюль Верн оставался верным привязанностям своего детства — и во многих, чуть ли не во всех его произведениях можно уловить отзвуки тем и образов этих замечательных писателей. Рано познакомился Жюль Верн и с книгами Эдгара По — писателя, у которого необузданный полет фантазии соединялся с умением удивительно тонко изображать силу человеческого ума, его способность логически мыслить и по отдельным разрозненным подробностям восстанавливать картину целого.

Читателям романа «Дети капитана Гранта», которые с замиранием сердца следят за тем, как Гленарван и его спутники пытаются расшифровать документ, составленный капитаном Грантом, можно посоветовать припомнить «Золотого жука» Эдгара По, где аналогичным образом происходит расшифровка таинственного пергамента.

Следовательно, когда говорят о своеобразии и оригинальности сочинений Жюля Верна, этим вовсе не хотят сказать, будто у него не было предшественников. Конечно, такие предшественники у него были. Но традиции и приемы этих писателей, обогащенные и пе-

реосмысленные Жюлем Верном, приобрели новое качество. Как уже упоминалось, достиг этого он далеко не сразу.

Жюлю Верну было тридцать пять лет, когда он написал (в 1863 году) свой первый роман с типично жюль-верновским заглавием — «Пять недель на воздушном шаре» — и принес его к популярному в те времена книгоиздателю Хетцелю.

Хетцель, сам являвшийся видным детским писателем, оказался проницательным человеком. Он не раздумывая отправил рукопись в типографию и тотчас же подписал с безвестным автором договор на двадцать лет, с тем чтобы Жюль Верн давал ему в год по два романа «нового типа» (так именно они и были охарактеризованы в договоре). С книги «Пять недель на воздушном шаре», вскоре переведенной на ряд языков, началась мировая слава писателя.

А вместе со славой, как это принято в буржуазном мире, вокруг фигуры Жюля Верна поднялась газетная шумиха. Благодаря стараниям досужих репортеров возникло множество разнообразнейших легенд. Пожалуй, самая любопытная из них заключалась в том, что... никакого Жюля Верна вообще не существовало. Любители «точных, абсолютно проверенных сведений» усердно уверяли, будто этим именем прикрывается целая группа ученых и писателей, работающих коллективно.

Причины возникновения легенды понять, впрочем, нетрудно.

Действительно, откуда могли взяться у одного человека столь обширные познания в самых различных областях науки и техники? Ведь герои романов Жюля Верна в курсе решительно всех естественных наук: и физики, и химии, и зоологии, и ботаники, и геологии, и палеонтологии, и метеорологии, и астрономии. Они превосходно разбираются во всех тонкостях артиллерийского дела и с жаром обсуждают проблемы планирования новых городов.

Далее, откуда у одного человека такое великолепное знание всего земного шара?

Вот небольшая статистическая справка, составленная известным советским ученым-популяризатором, ныне покойным Я. И. Перельманом. В десяти романах Жюля Верна действие происходит в Европе; в четырех романах — в Азии; семь романов переносят нас в Африку; три — в Австралию; девять — в Америку; три — в Арктику и Антарктику. Открытое море — место действия шести романов Жюля Верна. В пяти книгах он описывает кругосветные путешествия. В самом деле, тут впору было бы поработать целому географическому обществу.

Еще одно обстоятельство способствовало возникновению легенды о Жюле Верне — огромное количество написанного великим писателем. «Норму» свою — два тома в год — он никогда почти не нарушал.

Романом «Пять недель на воздушном шаре», принесенным Хетцелю, начата была знаменитая серия научно-фантастических книг «Необыкновенные путешествия», заключавшая в себе пятьдесят семь названий. Жюль Верн оказался настолько плодовитым, что закончилась печатанием серия эта лишь в 1907 году, через два года после смерти писателя. Но и этим не ограничивалось его литературное наследие. В 1908 году посмертно был опубликован роман «Охота за метеором», в 1910 году вышел в свет другой роман — «Экспедиция Барсака». Всего Жюлем Верном было написано свыше ста томов.

Трудоспособность Жюля Верна тем более поражает, что он во второй половине своей жизни вовсе не отличался богатырским здоровьем, а впоследствии, в старости, совсем ослеп. Но, несмотря на слепоту, он продолжал неутомимо работать, пользуясь при этом особым транспарантом (способ, к которому, как наш читатель помнит, позднее прибегал Николай Островский).

Уже внешний вид кабинета Жюля Верна показывал, каковы источники, которыми он пользовался в своей работе. Его стол всегда был завален новыми научными книгами и журналами. Все мало-мальски интересное моментально выписывалось на специальные карточки. Таких записей в архиве писателя сохранилось до двадцати пяти тысяч. Все новые изобретения и открытия, равно как наиболее знаменательные факты из истории науки и техники, тщательно регистрировались в его картотеке.

Хочется попутно отметить одну запись, сделанную Жюлем Верном еще в 1849 году, когда он был всего-навсего скромным студентом юридического факультета. Она особенно для нас интересна, так как посвящена Ивану Федоровичу Крузенштерну, с именем которого связана первая русская кругосветная экспедиция в 1803—1806 годах. Вообще русским ученым и исследователям уделено большое место и в картотеке Жюля Верна и в его произведениях. В литературе указывалось уже, что в романе «500 миллионов Бегумы», например, сталь для гигантской пушки сварена по рецептам, которые совпадают с рецептами замечательного русского металлурга Д. К. Чернова, а универсальный вездеход, описанный в романе «Властелин мира», повторяет модель вездехода А. Ф. Можайского.

Жюль Верн был, без сомнения, человеком выдающейся культуры, изумительной любознательности и работоспособности.

Наряду с колоссальной эрудицией великий писатель обладал также совершенно исключительным воображением. Ученый с осторожностью, обязательной в научной работе, выдвигал новую гипотезу, изобретатель неуверенно нащупывал пути, как практически осуществить новый технический принцип, а Жюль Верн в своих произведениях делал самые смелые, далеко идущие выводы из этих порой еще робких попыток. Фантазия Жюля Верна, как правило, строится на гранитной базе науки. Потому-то столько технических новинок им было правильно предсказано и предугадано.

Можно напомнить здесь хотя бы «Наутилус», эту идеальную подводную лодку, проделавшую по воле Жюля Верна 80 тысяч километров под водой. «В природе, — говорит в его романе строитель «Наутилуса» капитан Немо, — есть сила, послушная, быстрая, простая в обращении. Она делает все на моем корабле. Освещает, отапливает, приводит в движение машины. Эта сила — электричество». До десяти различных работ, производимых электричеством, предусмотрено романистом в этом произведении, написанном в 1868 году, когда даже обыкновенная электрическая лампочка была делом будущего.

Встречаемся мы в книгах великого французского писателя и с телевидением, и с автомобилями, и с сверхдальней артиллерией, и с летательными аппаратами тяжелее воздуха, и со многим другим, что во времена Жюля Верна либо совсем не существовало, либо стало — под конец его жизни — появляться в зачаточном виде.

Хорошо сказал один остроумный человек: «Самое удивительное в романах Жюля Верна — это то, что теперь в них сплошь и рядом нечему удивляться».

Справедливое замечание! Можно прибавить к этому, что найдутся у Жюля Верна кое-какие научные суждения, найдутся технические выкладки, которые в наши дни, по всей вероятности, покажутся наивными не только студенту, но даже школьнику-старшекласснику. Тут уж ничего не поделаешь — жизнь идет вперед, наука не стоит на месте, и произведения, написанные пятьдесят-восемьдесят лет назад, в некоторых отношениях не могут, разумеется, не устареть. Но в то же время очень во многом тот богатейший научный материал, которым насыщены книги

Жюля Верна, полностью сохраняет и по настоящий день свое познавательное значение.

Жюль Верн был прозорливым, гениальным фантастом. Однако, если бы творческая фантазия его проявлялась лишь тогда, когда он попадал в мир машин, романы его, надо полагать, быстро утратили бы живой интерес. Неувядаемая привлекательность книг Жюля Верна — прежде всего в образах его героев, благородные черты которых неотразимо врезываются в нашу память. Все это — люди активные, волевые; любая загадка, с которой им приходится встречаться, должна быть разгадана, любая трудность должна быть преодолена. Оттого, между прочим, на долю их выпадает столько необычного, фантастического. В погоне за приключениями они не удовлетворяются материками и океанами, нанесенными на карту, — они стремятся проникнуть как можно дальше, они отправляются в путешествие к центру Земли, они проносятся в пушечном снаряде вокруг Луны.

Свободолюбие — одна из примечательнейших особенностей жюль-верновских героев.

1848 год — год приезда в Париж юного Жюля Верна — был годом революции, изгнавшей из Франции короля Луи-Филиппа, годом первых крупных классовых битв между буржуазией и пролетариатом. У биографов писателя мы не найдем достаточных данных для того, чтобы исчерпывающе охарактеризовать его социально-политические воззрения. Революционером он, бесспорно, не был. Однако о прогрессивных позициях, которые он занимал, о его демократических и республиканских убеждениях наглядно свидетельствует само его творчество. В особенности следует подчеркнуть постоянное сочувствие Жюля Верна национально-освободительному движению народов, его отвращение к колониальному гнету.

Иной юный читатель, увлекшись занимательной историей долгих поисков капитана Гранта, может, пожалуй, не обратить внимания или попросту упустить из виду, почему, собственно, капитан Грант отправился в свое опасное плавание. Но ведь причина тут та, что шотландец Грант, недовольный хозяйничанием англичан на своей родине, решил исследовать острова Тихого океана, чтобы на одном из них основать вольную шотландскую колонию. По этой же причине, после того как капитан потерпел крушение, лорды адмиралтейства в Лондоне отказались послать судно на розыски непокорного шотландца и ими занялся на собственный страх и риск его соотечественник Гленарван.

«Дети капитана Гранта» — роман географический, в котором яркими красками изображены флора и фауна Южной Америки, Австралии, Новой Зеландии. Однако писатель не ограничивается лишь растительным и животным миром этих мест. Он выразительно показывает, в каком положении оказалось коренное население описываемых стран, подпавшее под владычество колонизаторов. Устами своего любимого героя, Паганеля, Жюль Верн говорит о том, что в Австралии «британская политика направлена к уничтожению туземных племен, к изгнанию их из тех местностей, где жили их предки. По словам географа, такая пагубная политика проводилась англичанами во всех их колониях, а в Австралии — более чем где-либо. В первые времена колонизации ссыльные, да и сами колонисты, смотрели на туземцев, как на диких зверей. Они с ружьями охотились на них и, убивая их, доказывали, ссылаясь на авторитет юристов, что раз австралиец вне закона, то и убийство его не является преступлением. Сиднейские газеты, — продолжает Паганель, — предложили даже радикальное средство избавиться от туземных племен озера Хантер, а именно — массовое отравление». Когда же путешественники попадают в Новую Зеландию, они убеждаются, что положение местных жителей и там ничуть не лучше.

Другая характерная черта Жюля Верна — его ненависть к милитаристам, к организаторам и зачинщикам войн.

С едким сарказмом в раннем его романе, «С Земли на Луну», относящемся к 1865 году, передаются каннибальские разговорчики отставных вояк из американского Пушечного клуба. «Как! — в ужасе восклицает член клуба мистер Мастон. — Неужели мы состаримся и умрем, не посвятив последние годы жизни усовершенствованию огнестрельных орудий? Нам не представится случай испытать дальнобойность наших пушек? Небо не озарится больше огнем наших залпов? Неужели никогда не возникнут международные осложнения, которые позволят нам объявить войну какой-нибудь заморской державе!» Длительный мир, с точки зрения мистера Мастона, явился бы страшным несчастьем.

Гораздо злее сатира Жюля Верна и гораздо ярче его предвидение в другом романе — «500 миллионов Бегумы», написанном значительно позже, в 1879 году. В нем выводится некий профессор Шульце, немец по рождению, принявший гражданство Соединенных Штатов Америки, строитель чудовищного «Стального города», представляющего собой не что иное, как колоссальный военный завод. Он изготовляет в огромных количествах небыва-

лой мощности снаряды, «способные охватить пожаром и смертью целый город, объять его со всех сторон бушующим неугасимым огнем». Шульце бешено ненавидит все гуманное, человечное — и в конце концов в романе его заслуженно постигает позорный крах.

Таким образом, в творчестве Жюля Верна слиты воедино не только наука и фантастика — в своеобразной форме он критикует многие уродства капитализма и тем самым защищает, пусть еще смутно ощущаемые им, идеалы передового человечества.

Жюль Верн имеет миллионы читателей во всех странах мира. Чрезвычайно быстро приобрел он популярность в России, где о его произведениях с большой похвалой отозвались величайшие русские писатели.

Первый же его роман был немедленно переведен на русский язык (под названием «Воздушное путешествие через Африку»), и вскоре в журнале «Современник», издаваемом Н. А. Некрасовым, появилась рецензия М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Салтыков-Щедрин резко противопоставил этот роман господствовавшей тогда реакционной детской литературе с ее наивной, приторной и фальшивой нравоучительностью: «Ребенок не встретится здесь ни с благонравным Ваней, ни с обжорливою Соней, ни с лгуном Павлушей, рассказы о которых так тлетворно извращают детский смысл, но сразу увидит себя окруженным здоровой и свежей атмосферой. Он увидит, что автор не обращается к нему, как к низшему организму, для которого требуется особенная манера говорить с картавленьем, пришепетыванием и приседаниями и которому нужны какие-то особенные «маленькие» знания: он поймет, что ему дают настоящие знания, что с ним говорят об настоящем, заправском деле...»

Очень высокого мнения о книгах Жюля Верна были Л. Н. Толстой и И. С. Тургенев. В 1891 году имение Толстого «Ясная поляна» посетил известный физик профессор А. В. Цингер, и вот что он услышал от Льва Николаевича: «Романы Жюля Верна превосходны. Я их читал совсем взрослым, и все-таки, помню, они меня восхищали. В построении интригующей, захватывающей фабулы он удивительный мастер. А послушали бы вы, с каким восторгом отзывается о нем Тургенев! Я прямо не помню, чтобы он кем-нибудь еще так восхищался...»

Что касается А. М. Горького, то он уже в советское время назвал Жюля Верна «классиком».

И с этим нельзя не согласиться. Это определение подтверждено самой жизнью. Без классических произведений Жюля Верна нельзя представить себе круга чтения нашей детворы, нашей молодежи. Полвека прошло, как великий труженик Жюль Верн навсегда закрыл свои усталые глаза в тихом французском городе Амьене, но он и сегодня со своими читателями — *живой с живыми!*

Г. Ленобль

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть первая

Глава I. Рыба-молот 5
Глава II. Три документа 12
Глава III. Малькольм-Кэстль 21
Глава IV. Предложение Элен Гленарван 26
Глава V. Отплытие «Дункана» 33
Глава VI. Пассажир каюты номер шесть 39
Глава VII. Откуда появился и куда направлялся Жак Паганель 47
Глава VIII. На «Дункане» стало одним славным человеком больше 53
Глава IX. Пролив Магеллана 60
Глава X. Тридцать седьмая параллель 70
Глава XI. Переход через Чили 81
Глава XII. На высоте двенадцати тысяч футов . . . 88
Глава XIII. Спуск с Кордильер 97
Глава XIV. Спасительный выстрел 107
Глава XV. Испанский язык Жака Паганеля 114
Глава XVI. Рио-Колорадо 123
Глава XVII. Пампасы 133
Глава XVIII. В поисках пресной воды 144
Глава XIX. Красные волки 155
Глава XX. Аргентинские равнины 166
Глава XXI. Форт Независимый 175

Глава XXII. Наводнение 182
Глава XXIII. Путешественники ведут птичий образ жизни 193
Глава XXIV. Путешественники продолжают вести птичий образ жизни 202
Глава XXV. Между огнем и водой 212
Глава XXVI. Атлантический океан 220

Часть вторая

Глава I. Возвращение на «Дункан» 231
Глава II. Тристан-да-Кунья 242
Глава III. Остров Амстердам 251
Глава IV. Пари Жака Паганеля и майора Мак-Наббса 260
Глава V. Ярость Индийского океана 273
Глава VI. Мыс Бернулли 284
Глава VII. Айртон 294
Глава VIII. Отъезд 305
Глава IX. Провинция Виктория 314
Глава X. Река Виммера 323
Глава XI. Бёрк и Стюарт 332
Глава XII. Железная дорога из Мельбурна в Сендхорст 342
Глава XIII. Первая награда по географии 352
Глава XIV. Приски горы Александр 363
Глава XV. «Австралийская и Новозеландская газета» 373
Глава XVI. Майор утверждает, что это обезьяны . . . 382
Глава XVII. Скотоводы-миллионеры 393
Глава XVIII. Австралийские Альпы 405
Глава XIX. Неожиданная развязка 416
Глава XX. «Ландия! Зеландия!» 426
Глава XXI. Четыре томительных дня 437
Глава XXII. Эден 447

Часть третья

Глава I. «Макари» 459
Глава II. Прошлое той стороны, куда направляются наши путешественники 469
Глава III. Новозеландские избиения 476

Глава IV. Подводные скалы 485
Глава V. Матросы поневоле 494
Глава VI, в которой каннибализм трактуется теоретически 502
Глава VII. Высадка на такую землю, от которой надо было бы держаться подальше 507
Глава VIII. Настоящее той страны, куда попали наши путешественники 516
Глава IX. Тридцать миль к северу 528
Глава X. Национальная река 537
Глава XI. Озеро Таупо 548
Глава XII. Погребение маорийского вождя 558
Глава XIII. Последние часы 567
Глава XIV. Гора, на которую наложено табу 576
Глава XV. Сильно действующие средства Паганеля . . 588
Глава XVI. Между двух огней 597
Глава XVII. Почему «Дункан» крейсировал у восточного берега Новой Зеландии 607
Глава XVIII. Айртон или Бен Джойс? 616
Глава XIX. Сделка 625
Глава XX. Крик в ночи 635
Глава XXI. Остров Табор 645
Глава XXII. Последняя рассеянность Жака Паганеля . . 655

Г. Ленобль. Жюль Верн 660

Ответственный редактор
Г. В. Малькова.

Художественный редактор
Г. С. Вебер.

Технический редактор
Н. П. Самохвалова.

Корректоры
Л. А. Кречетова и
Т. П. Лейзерович.

Подписано к печати 4/II 1956 г.
Формат 84×108¹/₃₂ — 4,2 печ. л. =
= 34,5 усл. печ. л. (35,5 уч.-изд. л.).
Тираж 300 000 экз. А00585.
Заказ № 998. Цена 10 р. 65 к.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * *

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической промышленности.
4-я тип. им. Евг. Соколовой.
Ленинград, Измайловский пр., 29.

Отпечатано с матриц
Фабрики детской книги Детгиза